

7319
173

А.Е. Пресняков

ОБРАЗОВАНИЕ
ВЕЛИКОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА

МОСКВА

Богородский Печатник

1998

А.Е. Пресняков

**ОБРАЗОВАНИЕ
ВЕЛИКОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

МОСКВА

Богородский Печатник

1998

~~ББК 63.3(2)43~~

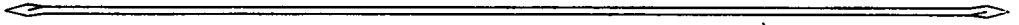
П73

Текст печатается по изданию:

Пресняков А.Е. Образование Великокорусского государства. Пг. 1918.

ISBN 5-89589-001-6

© «Богородский печатник», 1997.

О книге А.Е. Преснякова «Образование Великорусского государства»

Александр Евгеньевич Пресняков принадлежит к той блестящей плеяде русских историков, чьи труды, оказав колоссальное влияние на развитие русской исторической науки, остаются и по сей день достоянием лишь узкого круга специалистов.

Причин тому множество. В годы советской власти далеко не всё в исследованиях ведущих русских историков, вышедших из «буржуазной» школы С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, вмещалось в «прокрустово ложе» официальной науки. История уникальна – обращаясь к опыту прошлого, мы лучше понимаем настоящее, способны заглянуть в будущее, мы можем разобраться в своих сомнениях и чаяниях, отношениях к тем, кто управляет страной, в которой мы живем. Поэтому история была всегда привлекательна, вызывала огромный интерес со времен Н.М. Карамзина и всегда была неудобна людям власти, стремившейся «приручить» ученых-историков, оправдывать свои поступки историческими аналогиями.

Когда же это не удавалось, в ход шли репрессии. Среди арестованных ученых в 1930 г. по так называемому «Академическому делу» были учитель А.Е. Преснякова – знаменитый русский историк С.Ф. Платонов, его любимый и самый способный ученик Б.А. Романов, друзья и коллеги по Ленинградскому (ранее Петербургскому) университету. Всех ждала ссылка в самые дальние уголки страны, подальше от университетских аудиторий. Несомненно, такая же участь ожидала бы и Александра Евгеньевича, если бы не смерть от рака в 1929 г. «Незапятнанность» Преснякова спо-

собствовала тому, что в 1938 и 39 гг. были опубликованы его лекции по русской истории в качестве учебного пособия для студентов. В предисловии к изданию Н. Рубинштейн писал: «Проф. А.Е. Пресняков – один из крупнейших представителей буржуазной исторической науки XX в., подвергший серьезной критике многое из устарелого наследия буржуазной историографии, исследователь с острой критической мыслью, в последние годы своей жизни – после Великой пролетарской революции – пытавшийся серьезно пересмотреть собственные теоретические позиции и направления».

Десять лет спустя после смерти Александр Евгеньевич не только не был забыт, но и оценен по достоинству, а заключительная часть фразы Н. Рубинштейна не более чем дань суровому времени конца 30-х годов.

Посмертное издание лекций свидетельствовало и о том, что интересный фактический материал, оригинальные идеи автора, изложенные прекрасным литературным языком, не потеряли своего научного значения с тех пор, как впервые были изложены в университетском курсе в 10-х годах.

К сожалению, публикация лекций не была завершена. Последний 3-й том, посвященный истории Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв., не увидел свет. Скорее всего виною тому – начавшаяся война.

Но опубликованная в 1918 г. книга А.Е. Преснякова «Образование Великорусского государства», в основу которой и легли прочитанные ранее лекции в Петербургском университете, с лихвой восполняет этот пробел. Это специальное исследование о возникновении в конце XV века единого русского государства, в котором А.Е. Пресняковым, при анализе событий политической истории, был высказан целый ряд существенных уточнений и поправок к концепции С.М. Соловьева.

«Исследуя политическую историю образования Московского государства, – писал М.Б. Свердлов в обстоятельном исследовании о жизни и творчестве ученого, – Пресняков пришел к выводам, противоположным господствующей в предшествующей историографии концепции государственной школы, в основе которой находилась схема Соловьева, модифицированная Кавелиным, Чичериным и Ключевским, о постепенном развитии государственности на северо-востоке Руси в XII–XIII вв., в образовании там «удельного порядка» в условиях колонизации, о формировании Велико-

русского государства в результате накопительства и собирания земли Иваном Калитой и его потомками».

В основе образования Великорусского государства лежит «собрание власти», тезис, которым историк назвал расширение и усложнение функций княжеской власти. На этом политическом аспекте Пресняков построил свою историю образования Русского государства с центром в Москве, опуская при этом экономические и социальные отношения.

Впрочем, достоинства и недостатки работы А.Е. Преснякова были замечены еще его современниками. М.К. Любавский писал чуть позже: «А.Е. Пресняков сосредоточил свое внимание преимущественно на внутренней эволюции великокняжеской власти и междукняжеских отношениях в эпоху собирания северо-восточной Руси вокруг Москвы, разрушил прежние концепции этих отношений, но не уделил достаточно внимания материальному фундаменту, на котором создавалась новая государственная власть Велико-россии...»

Этот пробел в наиболее полной форме был ликвидирован спустя сорок лет с выходом книги академика Л.В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках». В историографическом обзоре Черепнин весьма лестно отозвался о значении работы А.Е. Преснякова, уделяя особое внимание работе Преснякова с источниками. «...Преснякову удалось по сравнению со своими предшественниками иными глазами взглянуть на источники по данной проблеме, применить к ним свои приемы изучения!»

«Умело расслаивая летописные своды на их составные части, строя свои наблюдения на составлении различных вариантов летописных известий с данными духовных и договорных грамот князей и других памятников, А.Е. Пресняков в ряде случаев по-новому изложил политическую историю Руси в XIII–XV столетиях. Он детально вскрывал и иногда своеобразно и интересно интерпретировал сложные перипетии междукняжеских отношений, рассматриваемых им на широком фоне международной жизни того времени».

Сравнивая работу А.Е. Преснякова с трудами С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, Л.В. Черепнин приходит к следующему выводу: «...Преснякову удалось нарисовать в ряде случаев более разносторонне, ярко и верно фактическую, конкретную картину ликвидации на Руси политической раздробленности, так как был привлечен более богатый материал русских и западноевропейских, в целях сравнения,

средневековых документов, источниковедчески более тонко интерпретируемых».

Даже после выхода в свет фундаментального труда Л.В. Черепнина книга Преснякова продолжает жить своей самостоятельной жизнью.

А.А. Зимин, Б.Н. Флоря, Р.Г. Скрынников, А.М. Сахаров – трудно перечислить имена всех ведущих исследователей, кто, занимаясь различными проблемами Северо-Восточной Руси, не обращался бы к книге А.Е. Преснякова.

«Несомненную ценность для характеристики территории Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв., – писал В.А. Кучкин, – имеет ряд конкретных наблюдений и выводов А.Е. Преснякова. Он проследил образование новых княжеств на Северо-Востоке во второй половине XIII в., дав, таким образом, материал для политической карты того времени, обрисовал владельческую судьбу Переяславского княжества в начале XIV в., определил характер владения уделами в Тверском княжестве во второй трети XIV в. и т. д. Принципиально важны заключения А.Е. Преснякова о существовании в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. коллективного княжества, суверенитета над некоторыми территориями и об усилении феодального дробления территорий ряда княжеств в период укрепления великокняжеской власти».

«Сейчас не удовлетворяет изучение политической истории образования Русского централизованного государства в отрыве, – заметил М.Б. Свердлов, – от ее социально-экономических факторов. Пресняков признавал, что им рассматривается лишь часть темы – междукняжеские отношения и развитие великокняжеской политики. Вместе с тем он продемонстрировал замечательное искусство анализа источников при изучении политических событий, и поэтому его исследование сохранило научное значение до настоящего времени».

* * *

«Не много в этой книге «нового» – писал А.Е. Пресняков в предисловии к своему исследованию. Трудно согласиться с автором, прочтя его книгу и зная отзывы ведущих историков.

А если добавить к этому научную добросовестность, объективность, обширнейшую эрудицию, глубокое знание источников и прекрасное литературное изложение, то становится понятным интерес издателей и читателей к работам А.Е. Преснякова.

Нам кажется, что работы А.Е. Преснякова и других выдающихся историков должны стать противовесом тому огромному количеству псевдоисторической литературы, которая в последние годы наводнила книжный рынок и создает у читателей совершенно превратное представление о прошлом нашего Отечества.

С книги «Образование Великорусского государства» мы решили начать работу над целой серией, куда должны войти труды лучших историков России. Не должны быть забыты такие громкие в прошлом имена русской историографии, как А.А. Шахматов, М.Н. Богословский, Е.Е. Голубинский, М.Д. Приселков и многие другие. Немногим известны их работы. А между тем старая русская историческая мысль содержит ценнейший опыт анализа прошлого, осмысление подлинной роли личности в истории, встречаются там и критические замечания, порою довольно резкие. Старую историческую литературу интересно читать, ибо ее создатели могли не только исследовать прошлое, но и образно воссоздать его. И еще одна ценнейшая особенность – это понимание исторического процесса как неразрываемого единства человека, народа (этноса) со средой обитания, жизнедеятельности, единства, к сожалению, ныне почти утраченного.

Наша серия предполагает и переиздание книг лучших историков «советской» школы, чьи труды составляют неотъемлемую часть русской историографии. Мы не оставили без внимания и такие крупные имена русского зарубежья как Г.В. Вернадский, С.Г. Пушкарев, ставшие в эмиграции ведущими специалистами в области русской истории, по чьим трудам Запад имеет представление о прошлом нашей страны. Нам было бы чрезвычайно интересно работать с исследователями, которые сегодня из-за каких-либо сложностей не могут опубликовать свои труды.

Возвращаясь к настоящему изданию, книге А.Е. Преснякова «Образование Великорусского государства», необходимо заметить, что мы намеренно отказались от каких-либо подробных комментариев или же предисловий – это заранее формирует предвзятое мнение о книге, зачастую представляет следовать за мыслью комментатора, а не автора. Сохранение особенностей авторского языка, его стилистики, отражающей русский литературный язык начала XX века, также стало нашей задачей, поэтому правка была допущена лишь в отдельных случаях. Решение дополнить новое издание картами и родословными таблицами нам кажется

вполне обоснованным, так как географический и генеалогический факторы занимают центральное место в исследовании А.Е. Преснякова. Мы попытались учесть пожелание автора, высказанное им в предисловии к изданию 1918 г. и исправить описки и опечатки. Насколько нам это удалось – судить вам.

Надеемся, что книга А.Е. Преснякова «Образование Велико-русского государства» вызовет интерес не только у специалистов, но и у широкого круга любителей истории.

Борис Николаев

Не много в этой книге «нового». Она трактует тему достаточно избитую, на основании материала, давно изданного, общеизвестного. Ее задача восстановить, по возможности, права источника и факта в представлении об одном из важнейших явлений русской истории – образовании Великорусского государства. Ранняя история северо-восточной Руси стала в нашей историографии жертвой теоретического подхода к материалу, который обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, не из них выведенной схемы. Поэтому, с одной стороны, не мало этих данных, не подходивших к принятым схемой положениям, осталось вне внимания историков, вне их обобщений, а с другой, широкие обобщения схемы не считались с хронологической последовательностью основных явлений изучаемой эволюции и разрывали подлинную связь их между собой. Попытка полнее использовать фактический материал при некотором внимании к хронологическому моменту изменила всю историческую перспективу эпохи и представление о характерных ее чертах. На первый план выдвинулась сила «великокняжеской» традиции, иными представились понятия «удела», «вотчинного княжества», иной и вся эволюция междукняжеских отношений. Иначе пришлось подойти и к источникам. Княжие духовные и договорные грамоты раскрывают подлинный свой смысл только при условии изучения каждой в связи с создавшими ее отношениями, а взятые вне исторической обстановки, использованные притом для ответа на вопросы, каких они в виду не имели, ведут к ложным выводам, какие им навязаны традиционной историографической схемой. Летописные своды при безразличном пользовании разными их типами и редакциями, без учета создавших эти типы и редакции тенденций и литературных точек зрения, не дают всего, что могут дать и что существеннее, позволяют предпочесть позднюю и нарочитую переделку текста подлинному, первоначальному историческому свидетельству; так часто и бывало, потому что Никоновская летопись и зависимый от нее текст Татищевской «Истории» лучше иллюстрировали принятую схему.

Предлагаемые «очерки» касаются только внешней истории образования Великорусского государства – ее междукняжеских

отношений и развитие великокняжеской политики. Внутренняя организационная работа великокняжеской власти осталась вне их задачи, как особая сложная тема, разработка которой и по существу и по состоянию материала едва ли отделима от углубленного изучения внутреннего строя Московского государства в XVI веке, в эпоху, на пороге которой остановилось изложение «очерков». Поэтому они примыкают только к первой половине книги того же автора: «Княжое право в древней Руси».

Появлением в свет эта книга обязана Археографической Комиссии, принявшей ее в составе своей «Летописи занятий». С глубокой признательностью поминаю ценное личное содействие С.Ф. Платонова и правителя дел Комиссии В.Г. Дружинина.

В заключение прошу читателей извинить меня за плохую корректуру и предварительно исправить указанные важнейшие описки и опечатки.

ВВЕДЕНИЕ

1. Историографические заметки

В 1904 г. М.С. Грушевский выступил по поводу предпринятого Императорской Академией Наук издания «Славянской Энциклопедии» с решительным отрицанием обычной схемы русской истории и сделал попытку поставить по-новому вопрос о рациональном построении истории Восточного Славянства¹. Под «обычной схемой русской истории» М.С. Грушевский понимает порядок изложения, принятый в «общих курсах» и учебниках русской истории от доисторических судеб Восточной Европы и ее неславянского населения, через расселение славян, образование Киевского государства и его историю до второй половины XII века, к великому княжеству Владимирскому и к истории Московского государства, и, далее, к Российской Империи XVIII и XIX веков. В таком изложении история русского юга и запада, земель украинско-русских и белорусских, остается вне кругозора, и лишь довольно внешне и случайно вовлекаются в него отдельные ее моменты, как Галицкое государство Даниила, образование великого княжества Литовского и его уния с Польшей, церковная уния, казацкие войны, деяния Хмельницкого.

С точки зрения своих этнографических воззрений, М.С. Грушевский полагает, что задача «обычной» схемы – построить «общерусскую» историю – невозможна по существу, так как нет никакой «общерусской» народности, а на очереди – иная научная задача – построение, с одной стороны, истории украинского народа², а с другой, истории великорусской. Крайне нерациональным представляется ему соединение в одной схеме древней истории южнорусских племен, т. е. Киевского государства с историей Владимиро-Московской Руси XII–XIV вв. Он отрывает от южнорусской истории ее начало, чтобы пристегнуть его к северному продолжению. А между тем *«киевский период перешел не во владими́ро-московский, а в галицко-во́льнский XIII в., потом литовско-польский XIV–XVI вв.»*

Северо-восточная Русь не была, по мнению М.С. Грушевского, «ни наследницей, ни преемницей» Руси Киевской, а «выросла на своем корню». Их взаимоотношения М.С. Грушевский готов уподобить отношениям между римской империей и галльскими провинциями: «киевское правительство пересадило в великорусские земли формы социально-политического строя право, культуру, выработанные исторической жизнью Киева» – и только. Отсюда вывод: *«история великорусской народности остается, собственно, без начала; история образования великорусской народности остается до сих пор не выясненной, потому что за ее историей начинают следить с середины XII века»; не поставленной остается и проблема изучения «рецепции и модификации на великорусской почве киевских социально-политических форм, права, культуры».*

Многим из читателей великороссов точка зрения М.С. Грушевского может показаться парадоксальной, так как разрушает она привычное представление о «единой» истории «единого» русского народа. Однако она вовсе не так исключительна, как может на первый взгляд показаться. Напротив, не будет преувеличением назвать ее во многом характерной и для нашей «великорусской» историографии. Обусловленная у М.С. Грушевского потребностью отграничения украинской истории, в ее целом, от истории Великороссии, она может опереться на ряд выводов и суждений, принятых и разработанных в трудах «общерусской» исторической литературы.

Почительны историографические судьбы критикуемой М.С. Грушевским «обычной схемы» русской истории. В вопросе о ее генезисе М.С. Грушевский примыкает к выводам П.Н. Милюкова: *«схема эта стара, она получила свое начало в историографической схеме московских книжников, и в основе ее лежит генеалогическая идея – генеалогия московской династии».*

П.Н. Милюкову принадлежит весьма ценное указание на эту «историографическую схему московских книжников» и ее определяющее влияние на изложение русской истории у наших историков XVIII и XIX столетий¹. Влияние это усилено одним условием, поистине парадоксальным, которое П.Н. Милюков метко охарактеризовал в таких строках: *«когда в прошлом столетии русская историография начала постепенно осиливать свои источники, – источники эти встретили исследователя со своим готовым взглядом, сложившимся веками; не мудрено, что эта готовая нить, предлагавшаяся самими источниками, вела исследователя по проторенным путям и складывала для него исторические факты в те же ряды, в какие эти факты уложились в свое время в умах современников; таким образом, исследователь воображал делать открытия, осмысливать исто-*

рию, – а в сущности, он шел на плечах наших философов XV и XVI столетия»¹. Два обстоятельства ослабили плодотворность этого наблюдения: П.Н. Милюков связал свое изучение московской исторической теории только с вопросом о «происхождении исторической схемы Карамзина и его предшественников» и отметил далеко не все ее элементы, оказавшие глубокое воздействие на представление ученых историков XIX века о древнерусском прошлом. Труд П.Н. Милюкова остался, к сожалению, незаконченным, иначе мы получили бы от него, без сомнения, более полную оценку воздействия московской книжнической историографии на труды не только историков XVIII в. и Карамзина, но и на построения С.М. Соловьева и его продолжателей.

Из элементов этого воздействия, указанных П.Н. Милюковым, наиболее существенным и устойчивым оказалось установление «идеи торжества и наследственной связи московской и киевской государственной власти», как «исторической аксиомы». «Аксиома» эта была использована московской властью во времена Ивана III и Василия Ивановича для обоснования притязаний Москвы на все наследие князей Рюрика рода: в спорах с литовскими великими князьями московская дипломатия ссылается от имени своих государей на то, что «вся русская земля, Божьей волею, из старины от наших прародителей наша вотчина» – и Киев, и Смоленск, и Полоцк, и Витебск, и «иные города». Выступая с такими притязаниями, «московские дипломаты поставили русской политике цели, которые удалось осуществить только через два с половиной столетия». Вот в этих-то «политических идеалах московских дипломатов XV века», в их стремлении так широко определить «задачи будущего», что подобная программа представляется – для их времени – выходящей далеко за пределы достижимого, П.Н. Милюков видит самый источник воззрения на «наследственную связь» московской и киевской государственной власти. Не буду сейчас останавливаться на выяснении, насколько корни этой «исторической аксиомы» московских книжников XV–XVI вв. глубже и старше, а самое ее «генеалогическое» освещение в духе московских вотчинно-династических притязаний и ее применение в дипломатической переписке – лишь дальнейшее развитие весьма старой традиции.

Пока отмечу лишь те историографические построения, которые были вызваны в нашей научной литературе потребностью наполнить «схему» реальным историческим содержанием, а посвящены были истолкованию периода, «промежуточного» между временами Киевской державы Владимира Мономаха и Мономашича Мстислава и Московским государством Ивана III.

Историография XVIII в., завершенная трудом Карамзина, удовлетворялась в этом отношении осуждением практических последствий дробления власти, следуя и тут, как указано П.Н. Милуковым, рассуждениям грамот Ивана III о вреде многовластия.

Первая наукообразная гипотеза, которая пыталась выяснить органическую связь северорусской истории с киевским прошлым, предложена М.П. Погодиным. Эта гипотеза отличалась большим формальным достоинством: она строила свое объяснение соотношения двух исторических моментов на глубокой основе этнографического единства переживавшей эти моменты среды – народной массы. Эта знаменитая «погодинская гипотеза» родилась под потрясающим впечатлением от наблюдения лингвистов, что в языке письменных памятников Киевской Руси «не было ничего малороссийского нынешнего». Присоединив к этому наблюдению соображение о том, что былины киевского цикла «поются у нас везде – в Архангельске и Владимире, Костроме и Сибири», но не в Малороссии, Погодин пришел к выводу, что в Киеве издревле жило «великороссийское племя», по крайней мере, «великороссиянами» были Поляне – население «Киева с окрестностями», а затем эти «великороссияне» «с Юрием Долгоруким, Андреем Боголюбским переселились на север, в землю Суздальскую»: сюда «ушло» и здесь «размножилось собственно великороссийское племя»⁵.

Погодинская гипотеза, раз принятая, была чревата глубокими последствиями для всего хода исторических изучений. Она давала возможность широко пользоваться данными, которые извлечены из наблюдений за исторической жизнью русского северо-востока в позднейшие времена, в XV и XVI вв., для объяснения явлений древнерусской, киевской жизни. Такова, например, «попытка Погодина уяснить родовые княжеские счета счетами местническими»⁶, которая получила столь крупное значение в построениях С.М. Соловьева, И.Е. Забелина, В.О. Ключевского.

Погодинскому домыслу о массовом переселенческом движении населения с киевского юга на северо-восток, как основной причине усиления Ростовско-Суздальской земли при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском, чрезвычайно посчастливилось в нашей историографии. Домысел этот остался в ней прочной предпосылкой в изложении северорусской истории, давая внешне удобный переход от «киевского» периода к «владимирскому».

Однако дальнейшая разработка истории северо-восточной Руси направилась на выяснение не связи ее с прежней, киевской, а противоположности между ними. С «переходом» на новую территорию в новых географических и этнографических условиях русская история начинается как бы сызнова. Такая особен-

ность наших исторических представлений объясняется общепринятым суждением о северо-восточной Руси XII в. как о стране «суровой и почти дикой»⁷, где на «почве новой, девственной» возник новый строй отношений, с тех пор как Андрей Боголюбский оборвал традицию связи старейшинства в земле русской («великого княжения») с золотым столом киевским; *«север начал свою историческую жизнь этим шагом князя своего к новому порядку вещей»*⁸. Соловьев представлял себе северо-восточную Русь обширной областью, где «возвышался только один город, упоминаемый летописцем еще до прихода Варягов», – Ростов Великий, по которому и вся область получила название земли Ростовской. При Ярославе Владимировиче Ростов причислен к области южного Переяславля, как владение Всеволода Ярославича. А далее: *«скоро начали возникать около него города новые: сын Мономаха, Юрий, особенно прославил себя как строитель неутомимый; таким образом Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которых возвышался одинокий Ростов»*. *«Младшие» города «построены и населены князьями; получив от князя свое бытие, они необходимо считали себя его собственностью»*⁹. В этом характере северорусских «младших» городов Соловьев видел основное условие развития «нового порядка», который он не считал возможным называть «удельным», по той причине, что видел Русь, разделенную не на «уделы», а на несколько независимых княжеств, из которых каждое имело своего великого князя и своих удельных князей¹⁰; он и считал нужным *«исключить названия: удельный период, удельная система из истории княжеских отношений»*. Замечания эти не получили, однако, признания, так как и сам Соловьев существенной чертой «нового порядка», возникшего на севере, считал именно развитие той формы княжеского владения, которое называл «удельным». *«Новые» города «по своему происхождению смотрели на князя как на господина полновластного, и князь смотрел на них как на собственность неотъемлемую»*; здесь утвердилось понятие собственности, неотъемлемости, отдельности владения, переходящего из рода в род по воле князя-владельца; здесь *«собственность господствует над родовыми отношениями, каждый князь смотрит на себя как на отдельного владельца известной области, а не как уже на члена известного рода, известной линии»*¹¹. Это владение, уже не стесненное ограничениями родового или семейного права, развившееся, *«когда понятия собственности, наследственности владения начали господствовать над понятиями семейными»*¹², Соловьев называет удельным, отождествляя удел с «опричниной»: «опричина» употребляется иногда в смысле удела, который принадлежит князю в полную отдельную собственность»¹¹.

Удел – собственность князя, которой он может «располагать произвольно», в частности, по завещанию. Несмотря на такой «удельный» характер княжого владения, Соловьев не признает особого «удельного периода», так как видит в падении родовых отношений процесс постепенного торжества «отношений государственных». Как «отдельный владелец известной области», князь стоит во главе своего особого государства. Так, по поводу съезда князей во Владимире в 1296 году Соловьев замечает: *«этих съездов княжеских нельзя смешивать с прежними съездами родственников: теперь князья являлись не как братья, но как отдельные независимые владельцы»*¹⁴. Когда Русь распалась на две части – юго-западную и северо-восточную, а затем, в северной Руси, *«Тверь и Москва стали великими княжениями, Рязань и Нижний Новгород последовали их примеру, явилось несколько особых родов княжеских, особых государств, независимых и враждебных друг другу»*; при этом *«родовые отношения князей между собою заменились отношениями их, как правителей к своим подданным, когда земля, область, город привязали к себе князя тесными узами собственности, сделали его оседлым»*¹⁵. Идет упорная борьба между этими независимыми владельцами: *«каждое движение князя было опасно для всех, ибо каждое движение было посягательством на чужую собственность»*. Но теперь на великорусском севере эта борьба более содержательна исторически, чем прежние усобицы: *«дело идет о том – быть государем всей Русской земли или слугой этого государя»*¹⁶.

Соловьевская схема русской истории, с одной стороны, узаконивала по-своему представление о традиционной магистрали русской истории, идущей из Киева через Владимир в Москву. *«Первоначальная сцена русской истории, знаменитая водная дорога из Варяг в Греки, в конце XII века оказалась неспособной развить из себя крепкие основы государственного быта. Жизненные силы, следуя изначала определенному направлению, отливают от юго-запада к северо-востоку; народонаселение движется в этом направлении – и вместе с ним идет история»*. Конечно, от Соловьева не скрылось, что «история» не просто ушла с юга, а и там по-своему продолжалась: *«несправедливо, говорил он, в научном отношении неверно и односторонне, упускать из виду юго-западную Русь после отделения ее от северо-восточной, поверхностно только касаться событий ее истории, ее быта»*, но полагал, что *«также несправедливо, также неверно историю юго-западной Руси ставить наряду с историей северо-восточной»*¹⁷. Однако, благодаря именно Соловьеву, в нашей историографии укоренилось представление, что тот процесс, который им осмыслялся как переход родовых отношений в отно-

шения владельческие и государственные, начавшийся на киевском юге, разыгрался собственно в Руси северо-восточной. Выяснение этого процесса получило одностороннее направление, так как он оказался в зависимости от местных северорусских условий – по существу как особенность северорусской истории. Соловьев видел, что «те же самые понятия о собственности, о преемстве от отца к сыну, о праве завещания» развились и в южной Руси в эпоху разложения старого киевского государства, но не использовал этих наблюдений для своих историко-социологических обобщений, потому что признал эти явления южно-русской истории каким-то налетом иноземного влияния, хотя и сознавал значение «обстоятельств исторических» для их «необходимого утверждения»¹⁸.

Так, с другой стороны, соловьевская схема скорее разрушала, чем углубляла представление об органической исторической связи северорусской истории с южно-киевской. Южнорусские «родовые» начала, перенесенные на север, попали в условия, где им оставалось только более или менее быстро погибать и разлагаться, по полному их несоответствию отношениям жизни заново колонизируемого полудикого края.

Схема эта обусловила особую постановку вопроса об «образовании Московского государства». Мысль историка, выясняющего, как родовые отношения сменились государственными, спешит от Киева к Москве. Для «истории России с древнейших времен» важно одно: смена принципов, на которых строилось ее единство. Там в киевскую эпоху *«связью между частями государства служило родовое отношение владельца каждой части к владельцам других частей и к самому старшему из них»*. Тут, на севере, образуется Московское государство на развалинах старого «родового» строя¹⁹. Весь смысл периода, промежуточного между историей Киевской державы и государства Ивана III, в разложении родовых связей и усилении Москвы.

Момент перелома – в деятельности Андрея Боголюбского, который «пренебрег югом» и «начал новый порядок вещей». Младшие князья *«ясно понимают, что он хочет переменить прежние родовые отношения на новые, государственные, хочет обращаться с ними не как с равноправными родственниками, но как с подручными, простыми людьми; начинается продолжительная борьба, в которой мало-помалу младшие должны признать новые отношения, должны подчиниться старшему, как подданные – государю»*. Задача историка выяснить, как формировались характер и взгляды Андрея – он питомец чуждого южным традициям севера, – а затем следить за борьбой родовых отношений с государственными, вплоть до ее завершения в XVI в. полным торжеством этих последних. К государственному

властвованию стремился Андрей и по отношению к боярам: он, по Соловьеву, ясно поставил задачу стремления не только к единой державке, но и к самовластию, в духе самодержавия XVI века²⁰, и погиб в столкновении с враждебными силами. Но «переход от значения великого князя, как старшего в роде, зависимого от родичей, к значению государя» осуществился, как скоро он получил «независимость от родичей» и «материальную силу». Первая создана развитием тех самых отношений, которые воспитали на севере Андрея Боголюбского, – «господства владельческих отношений с презрением родовых счетов»; вторая – благоприятными условиями возвышения Москвы. Положительной стороной исторического процесса, пережитого Северной Русью в XIV–XV веках, и осталось одно это «возвышение Москвы»; поэтому важнейшей задачей историка будет выяснение его «причин».

Так Соловьев утвердил характерную для всей нашей историографии подмену вопроса об образовании великорусского государства частным вопросом о «причинах возвышения Москвы», с перечня которых обычно и начинается у нас история московского государства. Впрочем, сам Соловьев не сделал этого рокового шага, вернее, ограничил его значение рядом широких общих соображений по поводу образования русского государства. Он признал это явление – органическим, т. е. таким, где «государства, при самом рождении своем, вследствие племенных и преимущественно географических условий являются уже в тех же почти границах, в каких им предназначено действовать впоследствии; потом наступает для всех государств долгий, тяжкий, болезненный процесс внутреннего возрастания и укрепления, в начале которого государства эти являются, обыкновенно, в видимом разделении; потом это разделение мало-помалу исчезает, уступая место единству: государство образуется». При возникновении русского государства *«страна была громадна, но пустынна; племена редко разбросались на огромных пространствах по рекам; новое государство, пользуясь этим удобством водяных путей во всех направлениях, быстро обхватило племена, быстро наметило громадную для себя область; но эта область по-прежнему оставалась пустынною данного, кроме почвы, большей частью не было ничего, – нужно было все населить, все устроить, все создать»*. Настал «долгий, тяжкий, болезненный период внутреннего возрастания, укрепления». Этот период «начал проходить для Руси», когда «образовалось крепкое государственное средоточие»: северо-восточная Русь собирается около Москвы. Так, намечены в отвлеченной формуле широкие задачи исследования, которые могли бы наполнить ее конкретным историческим содержанием на тему о «внутреннем возрастании и

укреплении», его факторах и условиях, о ходе процесса, который привел к образованию обширного и внутренне сплоченного русского государства. Важно, кажется, отметить, что Соловьев ставил эту задачу, хотя на деле выдвинул на первый план, при изучении собирания северо-восточной Руси в одно целое, вопрос о «причинах, почему оно собирается вокруг Москвы», о «препятствиях» и «пособиях», какие встретились московским князьям в их стремлении усилиться, подчинить себе остальных князей, отбить Татар и Литву, увеличить свою власть над населением²¹.

То, что Соловьев дал в конкретном историческом изложении, было уже его замыслов. В этом можно усмотреть одну из основных причин, почему и у критиков его и у его продолжателей образование московского государства оказалось явлением, подходящим не под тот «вид» образования государств, под который он сам его подводил, а под одну из намеченных им разновидностей «образования неорганического», когда государства «составляются нарастанием извне, внешним присоединением частей».

Еще в 1834 году появилась в «Ученых Записках Московского Университета»²² статья Н.В. Станкевича: «О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III»; студенческая работа Станкевича рассматривалась позднее (Вешняков, Полежаев) как изложение мнений проф. Каченовского. Ссылаясь на Геерена и Гизо, Станкевич берет исходным положением исследование значения централизации, т. е. «совокупление в одно неразрывное целое», как «первого момента политической значительности народа» и «преобладания одного города, одной области, одного владельца над другими» как «первого условия внутреннего соединения, централизации». Отсюда важность «постепенного возвышения Москвы», с которым «тесно и неразрывно соединен ход России к политическому существованию». Работа Станкевича наметила остов обычных перечней «причин» возвышения Москвы. Москва, «по всей вероятности, существованием своим одолжена югу, как и все города ее окружающие»; это последнее уже Станкевич доказывает тем, что «множество городов и урочищ северной России носит одинаковые названия с южными». Затем выдвигается положение, что *«Москва не одной личности князей своих одолжена своим возвышением»*, что *«она не есть произведение одной их силы, механически совокупившей разрозненный дотоле области»*; прочное господство Москва приобрела потому, что между нею и русскими областями была связь «более естественная, органическая», которая сделала Москву не только властительницей, но и сердцем России. Но далее идет вместо анализа этой «органической связи» перечень «главных условий» успеха Москвы: географическое по-

ложение (центральное положение среди системы северных княжений, приток переселенцев, большая безопасность от врагов); нашествие и господство монголов (отделение от южной Руси, опустошение Владимирского княжества, покровительство ханов, обогащение данью); пребывание митрополита в Москве (духовный центр и поддержка московской политики духовной властью); характер князей, их политика и внешние отношения²³. Такая постановка вопроса стала традиционной, тем более что переработка соловьевской схемы в трудах К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина лишь укрепила и углубила основание для представления о полном разрушении в северо-восточной Руси в XIII–XIV вв. традиции политического единства и о возникновении его заново путем разрастания силы и владений московских князей.

С.М. Соловьев потому отрицал научную пользу выделения в истории древней Руси особого «удельного» периода, что существенной признал для нее лишь смену двух систем политического объединения: родового строя междукняжеских отношений в Киевской Руси, которая не знала «отдельных» владений, и – государственных отношений, которыми власть московских государей сковала Русь северную в единое политическое целое: распад Руси на две части – северную и юго-западную, разделение первой на ряд независимых великих княжений, дробление земель ее на «уделы» – владельческие опричнины, все это оказалось только внешними моментами, не пригодными для построения содержательной схемы русского исторического процесса.

Иначе взглянули на этот вопрос – историки-юристы. К.Д. Кавелин придавал моменту «отдельного владения» особое значение, признав господство «вотчинных начал» в устройстве и управлении княжеств существенной чертой строя русской политической и правовой жизни XII–XV вв., притом достаточно яркой и широкой для того, чтобы сыграть определяющую роль в периодизации русского исторического процесса. Признавая, подобно Соловьеву, что *«государственный, политический элемент один сосредоточивает в себе весь интерес и всю жизнь древней Руси»*, Кавелин находит, что *«история наших князей представляет совершенно естественное перерождение кровного быта в юридический и гражданский»*. Разложение родового строя междукняжеских отношений – древнейшей формы русского политического быта – ведет к торжеству «вотчинного, семейного начала», при котором возникает мысль, что «княжеская вотчина – наследственная собственность, которой владелец может распорядиться безусловно», а когда эта мысль окрепла, то «территориальные, владельческие интересы» взяли верх

над кровными и родственными. Их окончательная победа осуществляется с уничтожением «уделов» и объединением северной Руси в Московское государство. Соловьевскому домыслу о значении колонизации и «новых городов» для разрушения родового строя Кавелин противопоставил утверждение, что *«никаких сильных переворотов в составе нашего отечества не происходило», а «все изменения, происшедшие постепенно в политическом быту России, развились органически из самого патриархального, родового быта»*. В знаменитых статьях своих Кавелин дал стройную схему этого органического развития, логичная «органичность» которой, однако, прорезана признанием за Андреем Боголюбским исключительного значения: благодаря особенностям воспитания князя Андрея на севере, в «этом замечательном историческом лице впервые воплощается в государственном быте древней России новый тип – тип вотчинника, господина, неограниченного владельца своих имений, тип, который еще определеннее высказывается потом о его брате и преемнике, Всеволоде Георгиевиче, и развивается окончательно в Москве». Воплощение этого типа в его окончательном развитии Кавелин усматривает в Иване Калите и его преемниках, главная задача которых «умножить число своих имений», а великокняжеское достоинство – «лучшее средство для этой цели»; к ней идут столь успешно, что «быстро обращалась Россия в их наследственную вотчину». На этом пути разрушаются кровные связи – родовые в пользу семейных, семейные – в пользу личности – властного владельца земли, который отрицает их во имя идеи, «и эта идея – государство»²⁴.

Б.Н. Чичерин, опять-таки с точки зрения, что «существенное значение нашей истории состоит в развитии государства», на вопрос «когда возникло русское государство?» дал ответ, исходящий из общего положения, что «нераздельность общества, территории и верховной власти, одним словом, единодержавие, составляет первое и главное условие государственного быта». Понятно, что мы можем в таком случае говорить о государстве лишь с той поры, когда «устанавливается единодержавие в московской земле». Что касается «юридической формы» Руси до XV века, то ее надо принять за «гражданское общество», а не за государство. Все отношения в ней построены на началах не государственного, а частного права: на собственности и свободном договоре. Родовой быт, как основа всего общественного организма, господствовал у нас до пришествия Варягов; господство это и самое «общественное» значение родовых отношений разрушены водворением на Руси власти варяжских князей, и в Киевской Руси все отношения определяются сосуществованием двух начал, двух форм частного права – собственности и свободного

договора, которые «существовали рядом, не исключая друг друга, но приходя в постоянные столкновения, ибо в сущности они друг другу противоречили». Ход древнерусской истории представлялся Чичерину в таких существенных чертах: *«Южная Россия не сумела разрешить этого внутреннего противоречия жизни, вследствие чего она осуждена была на бессилие. Оно разрешилось на севере, где оба начала разделились и каждое стало основой для отдельной формы гражданского быта. В Новгороде и Пскове развилась вольная община; в остальных же областях образовалось чисто вотчинное управление. Но вольная община исчезла у нас, не оставив по себе следа; русское государство так же, как все другие европейские державы, образовалось из вотчинного элемента, ибо вотчинное право имело в себе гораздо более крепости, нежели свободный договор»*. Эпоха родового быта, господства кровных связей как единственной организующей общество силы отнесена Чичериным ко времени докняжескому, доисторическому. «Средняя эпоха» между той, первобытной, и образованием Московского государства «имеет свои жизненные начала», свою «систему общежития, основанную на частном праве». Отличие Киевской и северо-восточной Руси, строя жизни IX–XI и XII–XV вв. не имеют принципиального значения: вотчинное начало водворилось в русской жизни с варяжским завоеванием, в котором источник воззрения, что княжение – вотчинная собственность князя, и вся земля принадлежит князю. «Все различие между первым временем и последующим состояло в том, что пока сохранялось понятие о единстве княжеского рода, земля считалась принадлежностью целого рода, впоследствии же линии распались, и каждый князь стал считать себя полным хозяином и владельцем своего участка»; «по мере того как затемнялась мысль об общем родстве, уничтожалось и понятие о единстве владения, о повиновении одного князя другому». Страна распадается на ряд обособленных владений. *«Князья московские, рязанские, тверские договариваются между собою, как совершенно самостоятельные владельцы. Каждый князь стремится увеличить свой удел за счет других, и это он делает не с государственной целью, а ввиду увеличения собственности, умножения доходов»*. Усиление Москвы, соорудившей на владельческой основе здание единого государственного господства над северной Русью, создало русское государство. А раз существенное значение нашей истории «состоит в развитии государства», то эта история, в настоящем смысле слова, и начинается с возвышения Москвы. Опираясь на историко-социологические размышления Гизо, Чичерин полагал, что «все народные элементы в средние века мы должны признать за выражение слабости или дикой силы». Напротив, «первое воз-

никновение разумной силы является в князьях-вотчинниках, которых раздробленные стремления впоследствии покорились единому центру, постепенно собравшему вокруг себя все разнообразие элементы, из которых сложилось Русское государство»²⁵.

Некоторое и притом весьма существенное расширение задач и данных для изучения исторического процесса, приведшего к образованию Московского государства, находим в трудах В.И. Сергеевича. Изучая вопрос «как и из чего образовалась территория Московского государства?», Сергеевич обработал в блестящем историческом очерке «историю Ростовской волости»; очерк этот, несколько сжатый, вошел в отдел «Древностей русского права», посвященный «государственной территории». Эту тему выдвигал политическую роль и особые политические тенденции северорусского боярства, подготавливая развитие мысли, высказанной В.И. Сергеевичем еще в 1867 году в «тезисах» для магистерского диспута: «Московское государство есть создание вольных бояр и слуг». Наблюдение Сергеевича над ролью бояр в политических судьбах Великороссии выводит вопрос об условиях образования Московского государства за рамки традиционной схемы, которая по существу «водила изучение этого процесса к описанию работы московских князей над «возвышением» Москвы и оценке условий, содействовавших ее успехам.

В.И. Сергеевич останавливается с особым ударением на «первенствующей деятельности ростовских бояр» в борьбе, которая разыгралась по убиению Андрея Боголюбского; усилие боярства двух старых городов – Ростова и Суздаля – направлены на поддержку «единства Ростовской волости», которое разбивалось «личными интересами князей». Осторожно оговаривая, что во все не желает «навязывать Добрыне Долгому с товарищами дальновидных политических планов», Сергеевич признает, что *«будет, однако, односторонне объяснять стремление лучших людей Ростовской волости к единству одними их эгоистическими побуждениями: невыгоды многокняжия с неизбежным его последствием – борьбою князей – были так очевидны, что лучшие люди могли желать единства волости и для блага земли»*. Их тенденциями проникся князь Константин Всеволодович, посаженный отцом в Ростове: *«Константин не смотрит на владения отца, как на частную собственность, которую хозяин может дробить по усмотрению; ему присуща мысль о неделимом политическом целом»*. Так, «выгоды единовластия сознавались чуть не за сто лет до Ивана (Калиты) ростовскими боярами и настойчиво проводились ими в жизнь». От них пошла традиция, сохранившаяся среди московского боярства, в котором «большинство должно было состоять из бояр великого княжения Вла-

димирского». Бояре «естественные сторонники объединительной политики»: *«очевидно, среди них живет еще старая идея о целостности Ростовско-Владимирской волости, и вот они начинают восстанавливать старые границы этой волости, то прогоняя наследственных князей, то приводя их в зависимость от великого князя»*²⁶.

В.И. Сергеевич не поставил этих ценных наблюдений ни в какую связь с традициями киевского старейшинства. Установление такой связи противоречило бы его общему учению о древнерусском политическом быте, правовой формой которого был «волостной порядок государственного устройства» – сосуществование множества «небольших государств», волостей-княжений. В отличие от Чичерина междукняжеские отношения для Сергеевича – явление не частного, гражданского, а, скорее, международного права: княжеские съезды – съезды независимых государств, договоры князей – договоры суверенных владетелей²⁷. Этот «волостной порядок» – древнее той эпохи, о какой свидетельствуют древнейшие из исторических источников. Рассматривая деятельность русских князей от Рюрика до Дмитрия Донского, Сергеевич настаивает на полном господстве *«политической самостоятельности волостей», при которой «до второй половины XIV века у князей вовсе не замечается стремление к образованию большого нераздельного государства, которое выходило бы за пределы волостного устройства»*²⁸. «Первое, но чисто внешнее объединение» получили северо-восточные княжения в подчинении их власти татарского хана. И татары *«в противоположность собственным своим интересам, явились проводниками начала объединения Русской земли под главенством великого князя Владимирского»*²⁹. «Первая ясная мысль об образовании из нескольких волостей неделимого целого появляется только у московских князей. Но и у них не очень рано»: первый проблеск этой мысли Сергеевич видит в завещании Дмитрия Донского.

На таком общем фоне русской политической истории ростовские бояре и их преемники великокняжеские бояре Владимира и Москвы выступают как-то неожиданно и непонятно. В пояснение, что же сделало их не только «естественными сторонниками объединительной политики», но и ее носителями, вопреки тенденциям политики князей, Сергеевич, допустив, мимоходом, и то лишь по отношению к ростовским боярам, возможность иных мотивов, определенно подчеркивает только «личные интересы» бояр, их стремление к «богатым кормлениям», которых тем больше, чем меньше князей³⁰. Намек на более существенное и содержательное объяснение дан только в двукратном упоминании о «единстве» и «целости» Ростовской зем-

ли. В разборе «Древностей» Сергеевича Ф.В. Тарановский справедливо отметил, что «автор не дает нам достаточных объяснений по поводу того, каким образом традиция единства старой Ростово-Владимирской волости превратилась у бояр в стремление объединить эту и другие земли под властью новообразованного Московского княжества», не выясняет причин, которые «повернули интересы бояр от целостности волостной старины в сторону образования более крупного политического объединения» и вызвали то «превращение выдвинутой боярами политики государственного единства в потребность народа», которое констатирует В.И. Сергеевич³¹.

Но Сергеевич не дает и объяснение, откуда взялись «объединительные» тенденции северорусского боярства, а без того невозможно выяснение исторического смысла и значения «сто-летнего опыта и столетних преданий», которые, по Сергеевичу, воспитали Ивана III. Организатор Московского государства опирался на «вековую практику великокняжеских бояр и собственных предков, которая должна была стать в старшей линии Дмитрия Донского семейным преданием»³²; нельзя не пожалеть, что сам В.И. Сергеевич не разработал в высшей степени ценных замечаний своих о боярской политике, так как в них – указание на плодотворный путь выяснения условий, приведших к созданию Московского государства.

С точки зрения «древностей права» Сергеевич возвращается к отличию в истории России до Петра Великого тех же двух периодов, какие наметил С.М. Соловьев. Согласно Чичерину, он признает, что *«отличительная черта первого периода состоит в преобладании частной, личной воли и, соответственно этому, в относительной слабости начала общего, государственного»*; этот период «имеет свое наиболее полное выражение в княжеской России». – *«Второй период, в противоположность первому, отличается преобладанием целого, естественные требования которого не были да и не могли быть достаточно оценены и признаны в первом»*; этот период «ясно обозначился в московской России». – «Столетия XIV и XV составляют широкую границу этих двух периодов», это *«время, когда характеристические черты второго периода получили уже такую силу, что окончательное торжество новых начал может уже бы просматриваемо»*³³. Соответственно тому, в позднейших изданиях «Лекций и исследований» отдел о «верховой власти» состоит из характеристики власти князя в «удельное» время и статьи о «власти Московских государей»³⁴, причем первая выступает лишь в эпоху ее сосуществования с вечем, а характеристика строя междукняжеских отношений в XIV и XV вв. выделена в составе «Древностей» русского права без признания за княжеской

властью этого времени свойств, принципиально существенных для науки истории русского права⁴⁵. Понимая под «уделом» княжеское владение самостоятельной волостью (небольшим, но суверенным государством), В.И. Сергеевич признает первыми «удельными» князьями сыновей Святослава Игоревича и, в отличие от Соловьева, не видит существенного различия между «удельными» владениями и «великими княжениями» северной Руси⁴⁶. В отличие от Чичерина Сергеевич не подводит отношений древней Руси под понятие «частноправовых», усматривая лишь «порядок частного наследования» и вообще «взгляд на княжение, как на частную собственность князя» в княжеской среде; в завещании Симеона Гордого – момент, когда «в Московском княжении исчезла всякая государственная идея», а с Дмитрия Донского начинается нарастание нового, государственного начала⁴⁷.

Историко-догматические обобщения Чичерина и Сергеевича лишь по видимости и способу изложения упраздняли различие южнорусского, киевского и севернорусского, владими́ро-московского периодов русского исторического процесса. Их историко-правовые рассуждения оперируют над той же схемой, ведущей от Киева через Суздальщину к Москве, причем отношения, господствовавшие в северо-восточной Руси в XIV и XV вв., перенесены на Киевскую Русь и рассматриваются, особенно в трудах Сергеевича, как принципиально тождественные тем, какими определялся политический быт южной Руси в предыдущую эпоху. За этими веками остается в общей схеме русской истории место переходной эпохи, лишенной сколько-нибудь характерной физиономии с точки зрения смены правовых форм властвования князей и общественного строя. Поэтому построение В.И. Сергеевича и не могли внести много нового в общее представление об условиях образования Московского государства, если не считать указанных выше его замечаний о роли боярства, которые, однако, не повлияли на общую концепцию правовых основ политического быта этой эпохи.

Историки пошли, естественно, по следам Соловьева и Кавелина, сглаживая в эклектических концепциях различие воззрений этих ученых. Характерна в этом отношении небольшая работа П.В. Полежаева: «Московское княжество в первой половине XIV века», появившаяся в 1878 г. В общем понимании древнерусской политической истории Полежаев – под влиянием Чичерина и Сергеевича: *«До XIV столетия, говорит он, общественная жизнь славянских, варяго-русских княжеств проявилась лишь только преследованием сохранения тех начал, которые легли при самом образовании княжеств как самостоятельных единиц, а между тем эти начала, по самой природе своей, не могли, да и*

не способны были выработать силы, достаточной для организационного развития государственных элементов. Необходим был поворот к более жизненному началу, и этот поворот совершился развитием Москвы». Для XIV–XV в. Полежаев держит представления об особом «вотчинном» периоде, характерно сводя его содержание к «развитию Москвы»: Москва – вотчинный город, выросший из вотчинного села; с образованием Московского княжества «вечевой» период сменяется «вотчинным» или «московско-вотчинным» (до Ивана III); первая половина XIV в., когда «все сохранившиеся исторические памятники не представляют ни малейших следов государственного начала», это время, когда «совершалось развитие вотчинной власти князя». Признавая и Владимир – городом вечевым, Полежаев в происхождении Москвы из поселения на «вотчинной земле» видит «исключительное обстоятельство», благодаря которому «в Москве впервые явилась идея самодержавия в виде вотчинной власти князя». История Москвы до смерти Симеона Ивановича выясняет, как создалось княжество, «выработавшее в себе те жизненные силы, которые в дальнейшем развитии своем привели к государственному строю». Для Полежаева с первой половины XIV в. «история этого княжества становится историей России». Поэтому основной задачей историка является выяснение причин возвышения Москвы, ответ на вопрос: «почему именно Москве, а не другому какому-либо княжеству выпала счастливая доля сделаться фокусом всех русских интересов?».

Такая постановка вопроса об условиях, определивших образование великорусского государства, окрепла в прочную историографическую традицию, стала своего рода «аксиомой» в построении русской истории. В.О. Ключевский явился и в «Боярской Думе», и в «Курсе русской истории» «как бы вторым творцом научных теорий, высказанных до него»; в истолковании политического строя Киевской Руси «принял установленную Соловьевым схему и только позаботился о том, чтобы дать ей иное обоснование». Учение об «очередном порядке княжеского владения в Киевской Руси»; «учение о колонизации северной верхневолжской Руси как основе нового политического порядка, установившегося в этой Руси и подготовившего Московское государство»; теория «удельного» владения и объяснение возвышения Москвы, ставшей зерном русского государства – у Ключевского – дальнейшее развитие и видоизменение выводов Соловьева и Чичерина. Конечно, Ключевский «сумел вложить в реципированные схемы столько нового понимания и содержания, что в его интерпретации знакомые построения и факты приобретали совершенно новый смысл и как бы перерождались». Отвлеченные и сухие очертания этих «схем» наполнились живым

бытовым содержанием, обросли деталями социальных отношений, топографической обстановки, экономического уклада, психического строя, приобрели достоинство и конкретную силу художественного воспроизведения изучаемой эпохи в наглядных образах»³⁸. Однако новое содержание уложилось в тех же основных очертаниях, к ним приуроченное, хотя они не из него сложились. При этом особенности традиционной схемы и ее внутреннее противоречие – с одной стороны, утверждение преемственной связи исторической жизни севера с киевским югом, с другой, выяснение их резкой противоположности и самостоятельных корней северорусского исторического процесса – выступили тем более отчетливо и решительно.

В представлении Ключевского, Ростовская земля – это *«край, который лежал вне старой коренной Руси и в XII в. был более инородческим, чем русским краем»: «здесь в XI и XII вв. жили три финских племени – мурома, меря и весь»*. Смешение с ними русских переселенцев создает великорусское племя. Когда *«население центральной среднеднепровской полосы, служившее основой первоначальной русской народности, разошлось в противоположные стороны»*, произошел «разрыв» этой первоначальной народности, причем «широкое, медленное и рассеянное движение» переносило в течение XII–XIV вв. массы населения из юго-западной полосы Руси на северо-восток. Эти «массы» переселенцев с юга выступают у Ключевского основным колонизационным материалом, которым питается рост северо-восточной Руси; их тип, характер, строй быта перерабатываются путем смешения с местными инородцами и под влиянием новых географических и экономических условий, до решительной противоположности прежнему, южному. Первый крупный момент этой колонизации – тот, когда «переселенцы сгущивались в треугольник между Окой и верхней Волгой»: это «время образования и возвышения владимирского края, возникновения в нем первых уделов, время возрастания и ее первых политических успехов». Тут слагается новая народность, возникает иной уклад социально-политических отношений, начинается новая историческая жизнь. Ее **первая** политическая форма – княжеский «удел», отождествляемый и Ключевским с «опричниной», как «удельным гнездом» княжеской семьи. Удел выступает перед нами только в XIV–XV вв., но на образовании уделов этого позднейшего времени *«можно наблюдать продолжение или даже конец того процесса, начало которого, менее для вас открытое, создало первые уделы в северной Руси»*³⁹. Характерны для «так называемого удельного порядка» новый владельческий тип князь-вотчинника и новый общественный тип боярина, служилого землевладельца. Само это «княжеское удельное владение» при-

няло черты «простого частного землевладения», боярского; а в частности, «теперь уделы вообще наследуются по завещанию, передаются по личному усмотрению завещателя, а не по какой-либо установленной очереди»; удельное управление «довольно точная копия устройства древнерусской боярской вотчины». Притом как и сама великорусская народность создана не «продолжавшимся развитием старых областных особенностей», а выросла новообразованием из девственной почвы верхневолжской Руси, так и «удельный» порядок сложился в зависимости от местных географических и этнографических условий и в прямом разрыве со всякой прежней традицией.

Изучая разнообразные последствия русской колонизации верхнего Поволжья, «мы изучаем самые ранние и глубокие основы государственного порядка, который предстанет перед нами в следующем периоде», т. е. в Московском государстве. Правда, В.О. Ключевский называет «удельный» порядок – «переходной политической формой», но мы едва ли верно поймем его мысль, если придадим этому термину смысл эволюционного момента. *«Государство, по мысли Ключевского, национальное русское государство вышло из этого удельного порядка XIV в., а не из прежнего, но не потому, что прежний порядок был более далек от национально-государственного, чем удельный XIV в.: сами по себе оба имели мало того, из чего складывается народное государство, и последний даже меньше имел этого, чем первый. Оба они должны были разрушиться, чтобы могло создаваться такое государство; но последний гораздо легче было разрушить, чем первый, и только поэтому»⁴⁰ одно из удельных княжеств, вотчина Даниловичей, стало зерном народного русского государства»⁴¹.*

В переработке В.О. Ключевского традиционная схема русской истории распадается на части. Исторические периоды как бы теряют свою методологическую условность. Каждый из них приобретает такую внутреннюю законченность и так решительно отграничивается от последующего, что связан с ним лишь весьма слабой эволюционной связью. Решителен перелом между Киевской и удельной Русью. И.Е. Забелин мог бы найти у Ключевского оправдание своей формулы, по которой в Суздальщине и Москве – «корень развития северной истории», а в Киеве – «корень, из которого развилась южная история». В.О. Ключевский говорит даже не о «модификации на великорусской почве киевских социально-политических форм, права, культуры», как М.С. Грушевский, а только об упадке «политических, экономических и церковных связей прежнего времени» и выясняет с необычайной конкретностью, как выросли из местных условий

верхневолжской почвы новые общественно-исторические формы жизни, типы, отношения¹².

Почти столь же решительна в изложении В.О. Ключевского антитеза удельного периода – московскому.

Его общая схема ранней истории северной Руси слагается из двух противоположных процессов: один – *«дробил эту Русь на княжеские вотчины в потомстве Всеволода III»*; другой создан усилиями «одной ветви этого потомства», которой *«пришлось начать обратное дело, собирать эти дробившиеся части в нечто целое: Москва стала центром образовавшегося этим путем государства»*.

Так и у Ключевского анализ условий, вызвавших образование Московского государства, сводится к изучению «политических и национальных успехов московских князей». Быстрое усиление Москвы остановило процесс дробления северо-восточной Руси и собрало «дробившиеся части в нечто целое». Первый вопрос в изучении этого процесса – об источниках той московской силы, которая его создала, разрешается указанием на два «первоначальных условия быстрого роста Московского княжества», на географическое положение Москвы и генеалогическое положение ее князя. Историческая схема вела к необходимости найти в самом городе Москве и его крае средоточие и источник сил и средств, развернутых затем в деле расширения территории и подчинения других князей. Рассмотрение выгод ее географического положения освобождает историка от *«загадочности первых успехов города Москвы»*, так как вскрывает *«таинственные исторические силы, работавшие над подготовкой успехов Московского княжества с первых минут его существования»*. Тут на первом плане «экономические условия, питавшие рост города»: Москва пункт пересечения двух скрещивавшихся движений: переселенческого на С.-В. и торгово-транзитного на Ю.-В. Судя по позднейшим родословным преданиям боярских фамилий, с конца XIII в. в Москву *«со всех сторон собираются знатные служилые люди из Муромы, из Нижнего, Ростова, Смоленска, Чернигова, даже из Киева и из Волыни»*. Эти предания, по Ключевскому, лишь отразили в себе общее движение населения: *«знатные люди шли по течению народной массы»* и *«в Москву, как в центральный водоем, со всех краев Русской земли, угрожаемых внешними врагами, стекались народные силы благодаря ее географическому положению»*. Анализ внешних условий положения Великороссии в XIV в. и утверждение, что мощный прилив населения с юга сделал Москву «этнографическим центром», освещают одну из основных причин «сравнительно более ранней и густой населенности московского края», которой Москва обязана одним из важнейших условий своих загадочных

первых успехов: первые волны этого прилива народных сил к Москве – в переселенческом движении из Днепровской Руси; колонисты с Ю.-З., перевалив за Угру, попадали, прежде всего, в московский край и «здесь, следовательно, осаживались наибольшими массами». Скопление населения доставляло московскому князю существенные экономические выгоды, так как «увеличивало количество плательщиков прямых податей». С другой стороны, то же географическое положение благоприятствовало ранним промышленным успехам Москвы: *«развитие торгового транспортного движения по реке Москве оживляло промышленность края, втягивало его в это торговое движение и обогащало казну местного князя торговыми пошлинами»*. Экономические последствия географического положения Москвы давали великому князю обильные материальные средства, а его генеалогическое положение в ряду потомков Всеволода III «указывало» ему, как всего выгоднее пустить их в оборот. Представитель одной из младших линий Всеволодова потомства, он *«не мог питать надежды дожить до старшинства и по очереди занять старший великокняжеский стол»*, оказывался «наиболее бесправным князем среди родичей». Обездоленный князь, «не имея опоры в обычаях и преданиях старины», вырабатывает «своеобразную политику»: московские князья *«раньше и решительнее других сходят с привычной колеи княжеских отношений, ищут новые пути, не задумываясь над старинными счетами, над политическими преданиями и приличиями»*.

Так выясняются у В.О. Ключевского основные причины, которые сделали Москву и ее князей великой исторической силой: разрушая старые традиции, эта сила пошла против преобладавшего движения северной жизни к дроблению и начала «обратное дело» собирания частей верхневолжской Руси в новое целое.

Это «новое дело» не опиралось, по представлению Ключевского, ни на какую историческую традицию, а потому могло лишь очень постепенно и поздно получить общее национально-политическое значение. Первая его стадия – расширение территории московских владений за счет скупки чужих земель, их насильственным захватом, иногда «дипломатическим захватом с помощью Орды», служебным договором с удельным князем, наконец, захватом колонизационным – расселением из московских владений за Волгу. Образцовый правитель-хозяин – московский князь умеет не только приобретать, но и сохранять свои приобретения и налаживать в них порядок. Второй момент – приобретение великокняжеского влияния: сила Москвы и ее ловкая политика дают Великороссии отдых от внешних тревог и ко времени Дмитрия Донского сообщают московскому князю значение «национального вождя северной Руси в борьбе с

внешними врагами». Это значение поддержано перенесением в Москву митрополичьей кафедры: многозначительный факт этот произошел, по Ключевскому, довольно случайно, в связи опять-таки с географическим положением Москвы: через нее лежал путь митрополита из Владимира в юго-западные епархии; митрополит Петр часто бывал тут, подружился с Иваном Калитой, тут и умер: эта «случайность» стала заветом для дальнейших митрополитов. Все это обуславливало «территориальный и национальный рост Московского княжества», которое «вбирало в себя разъединенные части Русской земли», и, поглощая другие русские княжества, превратилось в национальное русское государство.

Параллельно этому процессу нарастал и другой – «политический подъем» одного из московских князей, которому, как старшему в московской княжеской семье и в то же время великому князю, наибольшей долей доставались выгоды внешних успехов, достигнутых московским княжеством. Главный фактор того «политического возвышения», которое, в конце концов, превратило московского великого князя в единодержавного русского государя, – постепенное увеличение доли вотчинного наследства, какая «на старейший путь» выпадала по духовным грамотам старшему сыну. *«Посредством такого вотчинного фактического преобладания, без политических преимуществ, этот великий князь и превратился в государя не только для простых смертных, но и для самих удельных князей».* Случилось так потому, что «фамильные усилия московских великих князей встретились с народными нуждами и стремлениями». Собственным мотивом деятельности этих князей был *«династический интерес, во имя которого шло и внешнее усиление их княжества, и внутреннее сосредоточение власти в одном лице».* Но их успехи создали, в конце концов, когда «к половине XV в. среди политического раздробления сложилась новая национальная формация», великорусскую народность, готовую форму для осуществления назревшей новой потребности народной массы «в политическом сосредоточении своих неустроенных сил, в твердом государственном порядке, чтобы выйти из удельной неурядицы и татарского порабощения». Тогда – во времена Василия Темного и Ивана III – *«затаенные и долго дремавшие национальные и политические ожидания и сочувствия великорусского племени, долго и безуспешно искавшие себе надежный пункт прикрепления, сошлись с династическими усилиями московского великого князя и понесли его на высоту национального государя Великороссии».* Таковы «главные моменты политического роста Московского княжества»⁴³.

В лекциях В.О. Ключевского – эти «главные моменты» резко расчленены и ярко охарактеризованы. Их четкие очертания доведены до решительного противопоставления противоположных друг другу явлений и процессов в исторической жизни Великороссии. Для достижения сильной конкретности изложения, столь привлекательной в трудах В.О. Ключевского, пришлось удельный распад Великороссии представить первичным историческим явлением ее судеб, которое выросло непосредственно из условий колонизации русского северо-востока; представить саму эту колонизацию сравнительно поздним явлением, а образование «великорусской народности» датировать серединой XV века, отнести его к моменту «встречи» фамильных усилий московских князей с народными нуждами и стремлениями. Отдельно строилась «форма» будущей великорусской государственности в вотчинном московском мире; отдельно слагалось ее будущее содержание в нараставших потребностях «новой национальной формации». Яркая драматизация исторической схемы находит затем свое разрешение в появлении на исторической сцене «национального государя Великороссии», который указывает выход из удельной неурядицы и татарского порабощения в создании твердого государственного порядка.

В одной из давних статей своих П.Н. Милюков охарактеризовал труды корифеев русской исторической науки термином «юридическая школа в русской историографии»⁴⁴. Действительно, к ним в значительной мере прилагается та характеристика, какую А.Д. Градовский дал по поводу труда В.И. Сергеевича «Вече и князь» – «сочинениям по истории русского права»: их задача – раскрытие «начал», проявление которых в историческом процессе указывается на примерах, взятых из русской истории; исторический материал не играет тут самостоятельной роли; он важен лишь настолько, насколько в нем можно изучить проявление юридических начал⁴⁵, притом, надо заметить, начал, установленных в самом содержании своем – вне прямой зависимости от анализа данного исторического материала.

Таким преобладанием социологического догматизма в самом методе «юридической школы» объясняется то обстоятельство, на первый взгляд странное, что фактические данные, какими оперирует наша историография в изучении вопроса о возникновении Великорусского государства, освещаемые с различных точек зрения, остались, по существу, без пересмотра, а самые источники, откуда эти данные почерпнуты – без достаточного анализа. Весь этот вопрос, один из важнейших для русской исторической науки, можно сказать ни разу не подвергался монографической обработке, так как работы Станкевича, Вешнякова, Полежаева только отражали, по-своему, общие построения про-

фессорских курсов. Поэтому попытка более конкретно пересмотреть данные исторического материала, каким мы располагаем для выяснения условий образования Великорусского государства, вне зависимости от традиционных историко-социологических схем и концепций, представляется автору этих строк задачей в полной мере насущной. Дело в том, что простой обзор – возможно, внимательный и полный – подлинного фактического материала, какой нам дают источники, приводит к любопытному и научно-ценному выводу: господство теоретических построений в нашей историографии привело к такому одностороннему подбору данных, при котором выпадало из их комплекса все, что не годилось для иллюстрации установленной схемы, не подтверждало ее предпосылок; пострадало при этом и критическое отношение к источникам. Важнейшие из них – духовные и договорные грамоты и летописные своды еще ждут тщательного исследования. Для грамот мы не имеем полного и научно-точного издания; их анализ сводится к статье Чичерина, во многом не удовлетворяющей требований историка. Изучение летописных сводов лишь недавно поставлено с надлежащей широтой и глубиной в трудах А.А. Шахматова, а выводы этого изучения еще не использованы для пересмотра истории XIV–XVI столетий.

2. Северо-восточная Русь до татарского нашествия

Ростовско-Суздальская земля в XII–XIII веках

Ростовская земля занимает совсем особое место в представлениях русской историографии. Она выступает в историографической традиции новообразованием XII–XIII вв. Продолжая построение, данное еще С.М. Соловьевым, В.О. Ключевский говорит о ней, как о крае, который *«лежал вне старой коренной Руси и в XII веке был более инородческим, чем русским краем»*, а подлинную русскую колонизацию ее связывает с тем моментом, когда *«главная масса русского народа»* отступила *«перед непосильными внешними опасностями с днепровского Юго-запада к Оке и верхней Волге»*. Поэтому изучение последствий русской колонизации верхнего Поволжья дает Ключевскому возможность изучать *«самые ранние и глубокие основы государственного порядка, который предстанет перед нами в следующем периоде»*. Увлекательная задача – про-

следить образование на девственной почве нового уклада политической и общественной жизни – дала В.О. Ключевскому лучшие, быть может, страницы его неподражаемого «Курса русской истории». На фоне первобытной природы с полудиким финским населением яркой фигурой выступает князь-вотчинник, колонизатор и организатор, подымающий личными усилиями культурную новину. Этот образ создан С.М. Соловьевым и художественно разработан В.О. Ключевским в яркой антитезе: *«военный сторож и подвижной вотчич всей Русской земли, князь с XIII в. становится на севере сельским хозяином-вотчинником своего удела»*⁴⁶. Колумбом Поволжья выступает Юрий Долгорукий. *«Здесь, на севере, в обширной области, читаем у Соловьева... в этой суровой и редко населенной стране находился только один древний город... Ростов Великий»*, но *«скоро начали возникать около него города новые; сын Мономаха, Юрий, особенно прославил себя как строитель неутомимый»*. И Ключевский сохраняет то же представление о князе Юрии: *«Начиная с Юрия Долгорукого, оставившего своим детям столько городов и селений в Суздальской земле, каждый князь, правивший этой землей или ее частью, покидал свое владение далеко не таким, каким заставлял его; край оживал на его глазах: глухие дебри расчищались, пришлые люди селились на новых, возникали промыслы, новые доходы прибывали в княжескую казну, новые классы завязывались в обществе»*⁴⁷.

Откуда это представление о Юрии-градостроителе? Нашими источниками засвидетельствовано построение им четырех «градов» – Кснятина в устье Нерли, Юрьева Польского, Дмитрова и Москвы⁴⁸. Но Татищев приписал Юрию широкое градостроительство, а Соловьев и Ключевский ссылаются на него как на источник. Ключевский поясняет это обстоятельство утверждением, что Татищев, согласно его собственному заявлению, «начал встречать целый ряд других новых городов в северной Руси, которые не были известны до того времени», – «в своих источниках, теперь исчезнувших». Однако мы у Татищева не встречаем такой ссылки на источники. Он только указывает в пояснении своего упоминания о построении Юрием многих городов «в Белой Руси», что «которые точно, о том историки (т. е. летописцы) не равно написали, и хотя точно имен всех не упомянуто, но по обстоятельствам и случаям от сего времени вновь построенные один по другому упоминаемы». Татищев счел «вновь построенными» города, которые ранее не упоминались в летописях, а тут,

в рассказе о Юрии и его преемниках, стали упоминаться «*по обстоятельствам и случаям*»; для тех же городов Суздальской Руси, которые названы по старинным южнорусским источникам, Татищев нашел основание приписать их построение Юрию в словах своей «Новгородской» летописи, которые он так передает: «*Юрий, вспоминая города просты Русские, иже быша владение его и отъаты Изяславом, построил Юрьев в поле и другие грады теми же имяны*», с пояснением: «*по сему можно мнить, что именами бывших тогда около Киева*»⁴⁹. Так, опора Ключевского не в показаниях источников Татищева, а в его предположениях. Еще характернее другие ссылки Соловьева и Ключевского на текст Татищева. Соловьев указывает на 76 стр. III тома; Ключевский ссылается на то, как «сам Андрей Боголюбский хвалился своею колонизаторской деятельностью», а именно говорил боярам по поводу замысла учредить во Владимире особую митрополию: «я всю Белую Русь городами и селами великими населил и многолюдной учинил»⁵⁰. Но именно эти места татищевского текста нет основания относить к его «исчезнувшим источникам». В тексте, соблазнившем Соловьева, есть вставка Татищева в его «летописный свод» в начале главы: «Разделение государства на два великие княжения», что и видно из относящихся к нему примечаний (457 и 458) такой же плод обработки летописного текста и строки, использованные Ключевским⁵¹.

Представление о крайней элементарности культурного состояния Ростовской земли в XII в. основано не на каких-либо положительных данных, а, главным образом, на скудости сведений о ее внутренней жизни и состоянии в наших источниках. Историк часто бывает трудно выдержать на деле старую истину, что нельзя отсутствие известий принимать за отсутствие «исторической жизни». Впрочем, при несколько пристальном и свободном от предвзятости внимании к тем скудным чертам, какими отразилось в наших источниках состояние Ростовского Поволжья до Юрия Долгорукого, при Юрии и при Андрее Боголюбском, придется сказать, что они противоречат обычному представлению о ней. К тому же черты эти отмечены с достаточной определенностью в трудах В.И. Сергеевича и Н.П. Кондакова.

Разве не наталкивает на сомнение уже то соображение, что само утверждение в данной области прочной и преемственной княжеской власти должно служить для историка признаком крупных успехов предыдущей колонизации и организации ме-

стного быта, что общество – не только в Киевской Руси, но всегда и всюду «старше своего князя»? С другой стороны, если бы В.О. Ключевский захотел применить к северной Руси свою теорию о значении внешней торговли для развития быстрого усложнения быта и социально-политического строя среди восточных славян, разве пришлось бы ему терпеть от недостатка данных? Обилие монет и вещей, шедших к славянам с Востока – в VIII–XI вв., арабские известия о значительной русской торговле в болгарях, в Хазарском царстве, на Каспии и за Каспием, богатые находки западных монет X–XI вв.; известия о сборе хазарами с вятичей дани «щлягами», т. е. западными шиллингами, столь трудное для конкретного осмысления; раннее знакомство скандинавов с далеким северо-востоком Европы, – все это дает представление о значительности Волжского торгового пути – и более раннее, и более определенное, чем то, что имеем для пути из варяг в греки по Днепру. Не говорит о чуждом зажиточности и доходов захолустья и ранний интерес князей к далекой Ростовской земле. Политические отношения этого края при сыновьях и внуках Ярослава не совсем ясны⁵². По сказаниям Киевской летописи при Владимире Святом в Ростове княжил Борис, в Муроме – Глеб; не вижу убедительных оснований для отрицательного отношения к этой записи старого свода, какое высказал А.А. Шахматов⁵³; держать крайние боевые пункты своих владений сыновьями – устойчивая черта политики киевских князей. При сыновьях Ярослава наряду с приднепровскими владениями – правобережными Изяслава Ярославича и левобережными Святослава – видим Ростов, Суздаль, Поволжье в руках Всеволода вместе с южным Переяславлем. Это географически-искусственное сочетание волостей создает особую традицию Всеволодовой отчины и притязания северных князей на южный («русский») Переяславль, поддержанные их стремлением держать «часть» в Русской (Киевской) земле, чтобы не терять влияние на центр всей системы традиционных междукняжеских отношений. Владимир Мономах, поглощенный борьбой с половцами и южной политикой, не упускает, однако, из виду Ростова. Он ездит туда иногда, для своего княжого дела, упорно защищает с сыновьями эту «волость отца своего» от захвата черниговским Олегом Святославичем, строит тут «в свое имя» город Владимир на Клязьме. По-видимому, до Мономаха и первое время при нем Ростов был под управлением княжеских посадников. Мономах посылает туда своего тысяцкого, варяга Георгия, дав ему «на ру-

ки» сына своего Юрия. Юрий Владимирович стал князем Ростовским и лет сорок непрерывно владел северной волостью. При нем уже яснее выступают основные особенности этого края. И те черты внутреннего строя, какие перед нами предстают, какие только можем прочесть в летописных текстах более четкие указания на склад отношений в Ростовской земле, свидетельствуют о значительной сложности исторических судеб, пережитых ею в предыдущее время.

В этой области, по дошедшим до нас позднейшим летописным сводам, два крупных городских центра – Ростов и Суздаль. Не знаем времени основания Суздаля, но политически он моложе Ростова, а, между тем, со времен Юрия он стоит рядом с Ростовом, и земля чаще именуется в наших летописях Суздальской, чем Ростовской. Трудно сомневаться, что тот процесс, какой мы наблюдаем позднее, при Андрее Боголюбском, как «возвышение Владимира», был уже пережит Ростовской землей при Юрии, как «возвышение Суздаля». Насколько знаю, один только В.И. Сергеевич оценил значительность этого явления для понимания ранних судеб северо-восточной Руси⁵⁴. Для Юрьевича Андрея «отен стол» в Ростове⁵⁵, но, как отметил В.И. Сергеевич, «живет Юрий чаще в Суздале, чем в Ростове», из Суздаля выступает в походы и в Суздаль возвращается, а в Киеве окружен не ростовцами, а суздальцами, и им раздаст дома и села Изяславовой дружины⁵⁶. Однако Суздаль, о «возникающем преобладании» которого говорит В.И. Сергеевич, не оттеснил Ростов на второй план. Терминология Лаврентьевской летописи в рассказе о временах Андрея Боголюбского и событиях, последовавших за его кончиной, неизменно выдвигает на первый план Ростов и ростовцев перед Суздалем и суздальцами. Мало того. Ее текст носит явные следы переработки иного изложения, где в роли центра северо-восточной Руси выступал один Ростов; а Суздаль добавлен составителем новой редакции свода⁵⁷: так, например, в знаменитом рассуждении летописца о взаимном отношении старших городов и пригородов читаем: «а зде город старый Ростов и Суздаль и вси бояре хотяще свою правду поставити, не хотяху сотворити правды Божья»⁵⁸, строки, вызвавшие такое замечание В.И. Сергеевича: «выходит, что Ростов и Суздаль составляют как бы один старший город». Сергеевич объяснил возвышение Суздаля – по аналогии с позднейшим возвышением Владимира: «в старом Ростове было не мало сильных людей – бояр, которые, естественно, стремились заправлять всеми делами волости; от них-то,

надо думать, ушел Юрий в Суздаль; но, по всей вероятности, бояре успели развестись и в Суздале, и вот сын Юрия, Андрей, уходит во Владимир, к мезиним людям, владимирцам».

Так выступает уже при Юрии Долгоруком значение сильного боярства в Ростовской земле: едва ли признание этого значения можно считать предположением: оно подтверждается всем летописным повествованием о временах Юрия и Андрея и их преемников.

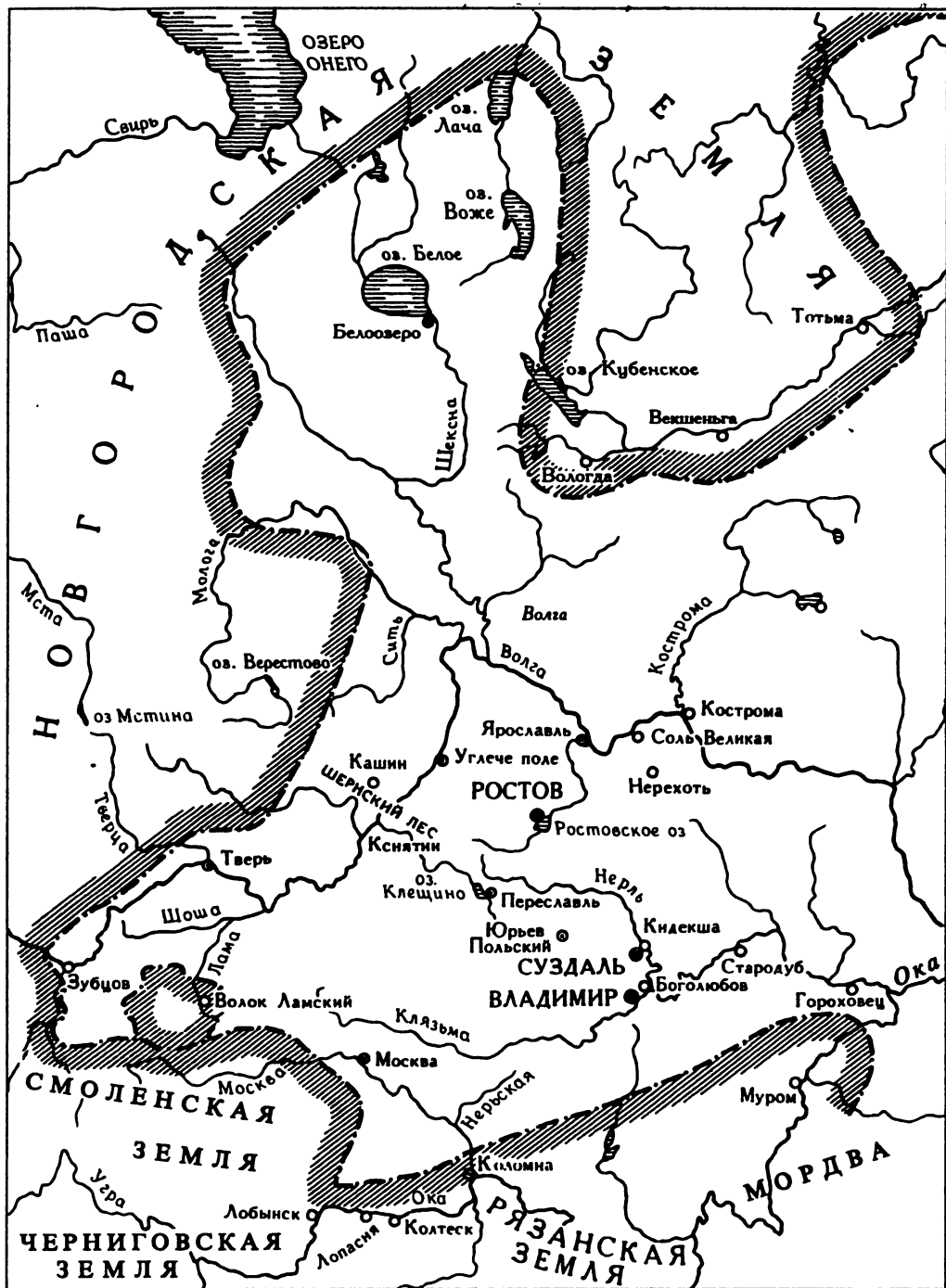
Руководящей мыслью политики Юрия Долгорукого было сохранить за своей семьей Ростовскую вотчину, утвердив в то же время ее преобладание во всей Руси. Старших сыновей – от первого брака с половчанкой, дочерью хана Аепы, Юрий предназначал для Киевского юга и сажал их при себе в Переяславле («русском»), Турове, Пересопнице, Вышгороде, Каневе. Детей от второго брака, с византийской принцессой, Юрий держит на севере – Мстислава на Новгородском княжении, Василька, Михалка и Всеволода в Ростове и Суздале. По свидетельству владимирского летописца, «Ростовци и Сужедальци и Переяславци и вся дружина» целовали Юрию крест «на меньших детях, на Михальце и на брате его». Когда ему удалось утвердиться в Киеве, он младших (Михалка и Всеволода) оставил в Суздале под опекой их матери и своего кормильца – тысяцкого, варяга Георгия Шимоновича. Так, был поставлен вопрос о закреплении за Ростовско-Суздальской землей значения семейной вотчины Юрьевичей, притом младших сыновей Юрия от второго брака, по соглашению с влиятельными силами земли. Старший во всех Юрьевичах, Андрей, разрушил отцовские планы, уйдя от него на север из Вышгорода «в свою волость Володимерю». Быть может, не лишен ценности намек, сохраненный в цитате Карамзина, на связь Андрея с определенной боярской партией: на самовольный уход в Суздальщину его «подъяша Кучковичи», те самые, с которыми ему потом пришлось так кроваво столкнуться⁵⁹. Намек этот на влиятельное участие бояр в Суздальских событиях времен Юрия и Андрея подтверждается дальнейшим ходом событий. Лет двадцать владел Андрей Суздальщиной, но достиг он этого только разгромом противников и опираясь на своих сторонников.

После смерти Юрия, «Ростовци и Суждальци, здумавше вси, пояша Андрея, сына его старейшого, и посадиша и в Ростове на отни столе и Суждали»⁶⁰. А на третий год Андрей изгнал из Суз-

дальщины соперников-мачешичей с их сторонниками – боярами, «мужи отца своего передними»⁶¹.

В этих событиях очевидно взаимодействие княжеских притязаний и раздоров с борьбой и политикой боярских партий. В книге «Княжое право в древней Руси» подробный разбор летописного текста, повествующего о событиях в Суздальщине по убиении Андрея Боголюбского, привел меня к выводу, что упоминание о действиях «ростовцев и суздальцев» должны быть отнесены не к выступлениям «вечевых общин» Ростова и Суздаля, а к деятельности ростовского и суздальского боярства, как делом боярского заговора было и самое убиение Андрея (Петр, Кучков зять; Яким Кучкович). В.П. Сергеевич правильно охарактеризовал значение ростовского боярства рядом с княжьем Суздалем. Своеобразное двойное «старейшинство» Ростова и Суздаля в верхнем Поволжье не объяснимо иначе, как солидарностью действий «бояр и всей дружины», несмотря на то, что организация этого класса имела тут два центра. «Ростов, Суздаль и все бояре», «ростовци и суздальци и переяславци и вся дружина» – таковы формулы летописного текста; если даже настаивать на обычном предположении, что они указывают на активную роль «старых вечевых общин», то и такое представление мало что изменит в выводе о руководящей политической роли сильного боярства, которое стоит во главе «всей дружины» и вершит судьбами всей земли. Это боярство в Суздальщине то же, что и везде в древней Руси, – «старейшая дружина», сильная административным влиянием, общественным положением и земельным богатством. Нет ни оснований, ни возможности считать этот класс только что возникшим новообразованием при Андрее Боголюбском или Юрии Долгоруком. А наличие сильного земского класса заставляет признать, что первые князья Ростово-Суздальской земли, Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский строили свое политическое и владельческое здание не на зыбкой только что колонизирующейся почве, а на основе окрепшего общественного быта, сложного по внутреннему строю, в среде того же уклада, какой в ту же пору наблюдаем в Киевщине или на Волыни, в Галицкой земле или на Черниговщине, XII век – всюду на Руси время усиления боярского землевладения, боярского влияния и роста боярских привилегий⁶².

Времена Юрия и Андрея для Суздальщины – эпоха усиленной организации княжеского правления и властвования в связи с утверждением вотчинного обладания ею за одной из линий кня-

Ростово-Суздальская земля в XII веке (по А.Н. Насонову)

жеского рода. Эта деятельность княжеской власти сказалась, между прочим, и в строительстве, и в колонизации, и в местной политической деятельности, в такой же работе князей-вотчичей своей земли, какою – несколько позже – наблюдаем и в юго-западной Руси на деятельности старшей линии Мономаховых потомков в землях Волынской и Галицкой.

Конечно, приходилось князьям и города строить, на новых местах, стратегически важных, или для укрепления «городом» старинных поселений. Но что особенно ярко и характерно в строительной деятельности северных князей – это созидание храмов. Еще Владимир Мономах построил церковь св. Спаса во Владимире. Юрию Долгорукому принадлежит сооружение св. Спаса в Переяславле Залесском, собор Юрьева Польского, св. Спаса Ефимеевского монастыря в Суздале, церкви св. Бориса и Глеба на Нерли, св. Богородицы в Ростове (расписана в 1187 г.); Андрею Боголюбскому – Владимирского Успенского собора, церкви св. Иоакима и Анны и Золотых ворот во Владимире. Брат его, Всеволод, продолжал это строительство, соорудил во Владимире Дмитровский собор и церковь Рождества Богородицы, обновил соборы Владимира и Суздаля. Константин Всеволодович построил в Ростове новый Успенский собор, когда храм, созданный Юрием, погиб в пожаре 1211 г., а в Ярославле – храмы Успенский и Преображенский. Все это церковное строительство составляет важную и весьма содержательную страницу в истории русского (и не только русского) искусства. Излюбленный материал для строения – белый камень, который по Волге привозили из Камской Булгарии. Среди этих храмов есть памятники высокого художества, крупного и своеобразного художественного стиля. Перед нами те монументальные данные, которые позволили Н.П. Кондакову говорить, что *«русское искусство есть оригинальный художественный тип, крупное историческое явление, сложившееся работой великорусского племени при содействии целого ряда иноплеменных и восточных народностей»*⁶³.

Значительное развитие каменного церковного строительства, а тем более выработка оригинального и художественно-содержательного стиля возможны только в стране с развитой городской жизнью, богатой материальными средствами, развитием местного ремесла и вообще своей местной культурой. Н.П. Кондаков справедливо указывает на украшение наружных стен суздальских храмов назидательной скульптурной символикой, как

на признак развитой городской жизни, так как эта символическая скульптура рассчитана на внимание и понимание населения, толпящегося на храмовой площади. Одних этих храмов достаточно, чтобы отказаться от представления о северо-восточной Руси XII века как о темном захолустье, где и культура, и благосостояние, и городская жизнь стояли несравненно ниже, чем на Киевском юге.

Своеобразный художественный тип Суздальского искусства XII века – одно из наглядных проявлений обособленности этой русской области. Но не следует преувеличивать ее обособления, игнорируя значительность ее связей с югом и западом. В наших летописных источниках достаточно указаний на то, как дорожили этими связями князья северо-восточной Руси. Увлечение «теорией родового быта» оставило глубокий след в нашей историографии, между прочим, и в том отношении, что политика Юрия Долгорукого осмыслялась как борьба за отвлеченный принцип старейшинства на русской земле, связанного с «золотым столом» Киева, без достаточного внимания к реальным ее мотивам. Юрий – это видно из фактических данных о его деятельности в наших летописных сводах⁶⁴ – стремился к сохранению и усилению своего влияния в южной Руси не без отношения к своим «суздальским» интересам. Его борьбу за Киев нельзя отделять от характерных усилий закрепить за собой вотчину Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха – Переяславле южный, а также Городец русский, Посемье и Курск, линию связи Суздальщины с югом. С такой точки зрения не столь глубок разрыв с его политикой деятельности Андрея Боголюбского и Всеволода Юрьевича. Они отрешились от представления о Киеве, как неизбежном центре общерусского влияния, но не от стремления сохранить это властное влияние на судьбы русского юга. Помимо политических мотивов – держать под своей рукой традиционный центр всей системы междукняжеских отношений, чтобы не дать окрепнуть силе соперников – старших Мономашичей, опасной для Суздальщины по их влиянию на Новгород, на Смоленск, на Черниговщину, это стремление объясняется определенными торговыми и культурными интересами. Торговые и культурные отношения Суздальщины с Черниговым и Галицкой Русью, Смоленском и Новгородом были широки и значительны. Они недостаточно изучены, но все представления о них не объяснимы исторически: ни суздальское искусство, ни развитие книжного творчества северо-восточной Руси. С юга шли

ценные товары, как и с запада; в Суздальщине знали немецких купцов и западных ремесленников; через нее шла торговля Востока и Запада, шел, напр., болгарский воск, с одной, и немецкие сукна, с другой стороны⁶⁵. Великий Волжский путь, налаженный с VIII–IX вв., не замирал и в следующие столетия. Ростовско-Суздальская земля раскинулась на пути исконных транзитных отношений, которые объясняют, в связи с другими условиями, возникновение на русском северо-востоке крупной исторической жизни.

Еще при Юрии Долгоруком определился особый круг интересов суздальской политики, который в значительной степени остается основным и характерным на ряд столетий в истории Восточной Руси. Пресловутая борьба за Киев далеко не наполняет всей жизненной деятельностью Юрия. При жизни отца и старшего брата Мстислава и позднее в восьмилетнее киевское княжение Всеволода Ольговича он замкнут в местных, суздальских интересах. Их основная черта – стремление обеспечить за собой господство на путях из Новгорода в Поволжье. Первое известие о Юрии на севере – его поход на Камских болгар в 1120 году. Наступление на Новгород – характерная черта его действий. Не раз сажает он сыновей на новгородском княжении, дважды захватывает Новый Торг, запирая артерию восточной торговли Новгорода. Стремления Юрия идут и дальше: он начал наступление на Заволоцкие владения Новгорода, отнимает у него северные дани и пути торговые. Тут, на новгородской почве, завязалась борьба Юрия с Изяславом Мстиславичем и началась – наступлением Изяслава за то, что *«Гюргий из Ростова обидит его Новгород, и дани от них отоимил и на путех им пакости деет»*. Это столкновение втянуло Юрия в борьбу с Изяславом за Киев, и его победа разбила в самом центре враждебные силы южных князей⁶⁶. Черты «суздальской ориентировки» в политике Юрия Долгорукого подготовили деятельность Андрея Боголюбского. Главная энергия Андрея направлена на Новгород: Андрей силой водворяет в Новгороде послушных князей – сыновей и племянников или подручного смоленского Ростиславича, смиряет новгородцев прекращением подвоза хлеба из Поволжья в Новгород; и знаменитый поход на Киев 1169 года, приведший к разгрому «матери городов русских», был вызван столкновением Андрея с Мстиславом Изяславичем из-за господства в Новгороде. Другая забота Андрея – болгарские отношения, которые вызвали два его похода вниз по Волге (1164 и 1172 гг.). И та же по-

литика – на два фронта – характерна для деятельности Всеволода Юрьевича. Кроме большого похода на болгар в 1184 г., когда он 10 дней стоял под их столицей, Великим городом, Всеволод в 1186 г. посылал рать свою воевать болгарскую землю. Но и его главная забота – новгородские отношения, которые все больше осложнялись попытками новгородцев найти опору против суздальского засилья в князьях-соперниках новой северной силы. Киев пал, и новое Мономахово племя замкнулось в делах волынских и галицких. Новгородцы пытаются теперь противопоставить напору князей Владимира Суздальского то смоленских, то даже черниговских князей. Но без сильной княжеской власти им не обойтись. Их связывали с княжеской властью далеко не одни торговые пути и дела в окрестных землях – вотчинах осевших там на владельческом корню княжеских фамилий. XII век и начало XIII – боевое время в жизни Великого Новгорода; крепнет западная ориентировка новгородской торговли, а с другой стороны, разрастается новгородское наступление на западных и восточных финнов, ради ясака и господства в промысловых волостях, завязывается и упорная борьба со шведами, Литвой и немцами за прибалтийские торговые пути и господство над теми же финнами. Торговый город не может обойтись без испытанной боевой княжеской силы, которая не только организует его наступление и самозащиту, но и поддерживает их своими войсками. Суздальские князья сильнее других, и ближе их интересы к новгородским задачам; в них Новгород находит больше действительной поддержки в борьбе и с финнами и с западными врагами. Но они именно потому и опаснее для новгородской вольности, еще не окрепшей: защищая и поддерживая новгородцев, князья Владимирские стремятся, со времен Юрия и Андрея, крепко и постоянно держать его под своей рукой.

В деятельности Всеволода Юрьевича видим закладку прочных основ *«великого княжения Владимирского и Великого Новгорода»*, как характерно называют поздние летописцы Суздальской земли эту политическую формацию. После нескольких решительных столкновений Всеволод привел новгородцев к тому, что они у него просили себе князей, и владимирский князь, первый, кого летописные тексты определенно титулуют «великим князем», посылает на новгородское княжение племянников и сыновей своих. Боевое положение Владимирского великого князя требует распоряжение возможно значительными военными силами. Вполне реальными потребностями суздаль-

ской политики проникнуто стремление ее северорусских князей к подчинению себе других русских князей, чтобы парализовать их противодействие расширению своей власти и пользоваться их силами для своих предприятий. Последнее особенно ясно в отношениях Андрея Боголюбского и Всеволода Юрьевича к князьям муромо-рязанским и смоленским. Владимирские князья посылают их со своими войсками в походы, низводят их до положения своих подручников. Оправдание своему засилью они ищут в традиционной идее старейшинства, которое Андрей «отделил» от Киева, а Всеволод определеннее привязал к «великому княжению Владимирскому». Однако при этом подлинный смысл *«старейшинства во всей братии, князьях русских»* претерпел существенное искажение. Прежнее, киевское старейшинство и оправдывалось и питалось общерусскими интересами Киевской Руси, прежде всего – насущной задачей борьбы с половцами, а суздальское старейшинство стало силой, понуждавшей «братью» служить политике, задачи которой либо были им чужды, либо даже противоречили их собственным интересам. Лишь по принуждению служат смоленские Ростиславичи Андрею и Всеволоду против Новгорода и князей черниговских. А в земле муромо-рязанской особенно после ее распада на две княжеские вотчины – муромскую Святославичей и рязанскую Ростиславичей, внутренние смуты дают суздальским князьям повод утвердить на основе своего признанного «старейшинства» настоящее господство. Начало властному вмешательству в дела муромо-рязанской земли положил еще Юрий Долгорукий, а Всеволод после попытки «поряд сотворити всей братье» муромской и рязанской (1180 г.) повелел «изымать» неугомных князей, послал на Рязань княжить сына Ярослава, попытку сопротивления сурово усмирил разорением Рязани и большим выводом людей в Суздальщину, а Муром отдал пронскому князю. Подчиняя себе рязанских и муромских князей, великий князь Всеволод брал на себя оборону муромо-рязанских пределов. В 1183 г. видим его в походе на волжских болгар с князьями рязанскими и муромским; в 1199 г. он идет с сыном Константином на половцев, доходит до их зимовищ возле Дона⁶⁷. Борьба со степными кочевниками и с соседней мордвой держали в постоянном напряжении рязанские и муромские силы, и опора в силах остальной Великороссии была им неизбежной необходимостью. По существу, проявление владимирского старейшинства обслуживали местную суздальскую политику, и

южный поэт был прав в укоризне Всеволоду: *«Ни мыслию ти прилетети издалеча, отъня стола поблюсти»*. Судьбы южной Руси не привлекали организующей энергии Всеволода; проявление его властного вмешательства в южные дела лишь ускорило и обострило политическое разложение Киевской Руси и связаны, прежде всего, с его смоленскими и черниговскими отношениями.

• • •

И смуты-усобицы, потрясшие Ростовско-Суздальскую землю по смерти Всеволода (1212 г.), не разбили ее единства, не сломали «великого княжения Владимирского». Соперничество двух Всеволодовичей, Константина и Юрия, закончилось после непрочных договоров 1212 и 1213 гг. компромиссом 1217 г.: *«и сяде Костянтин в Володимере на столе, а Юрги Суждали, и бысть радость велика в земли Суждальстей, а дьявол един плакашеся своея погыбели»*⁶⁸. В Суздальщине создалось положение, напоминающее соправительство старших Ярославичей в Киевской Руси⁶⁹. Как при первом соглашении (1212–13 гг.), когда «старейшинство» осталось за Юрием, так и после 1217 г., когда оно перешло к Константину, положение младших князей определяется «порядом» двух старших. Так, Юрий вывел в 1213 г. Владимира Всеволодовича из Москвы и послал его в «Русский Переяславль, на отчину свою», а когда он вернулся из половецкого плена в Суздальщину к братьям, они «даша ему Стародуб и ину властьцу»⁷⁰. Юрий, утвердившись на великом княжении после смерти Константина, крепко держит старейшинство над младшими князьями, посылает в походы братьев, сыновей и племянников. В 1229 г. «Ярослав усумнеся брата своего Юргя, слушая неких лести, и отлучи от Юргя Константиновичи три, Василька, Всеволода, Володимера, и мысляшет противитися Юргю, брату своему, но Бог не попусти лиху быти, благоразумный князь Юрги призва их на снем в Суздаль, и исправивше все нелюбие межю собою, и поклонишася Юрею вси, имуще его отцем себе и господином»⁷¹.

Сильны еще общие интересы Ростовско-Суздальской земли; кругозор суздальской политики еще слишком широк, и ее напряженность слишком значительна, чтобы во внутреннем строе земли могли получить перевес тенденции к вотчинному дроблению княжого владения. Крепнет связь Владимирского великого княжения с Новгородом в энергичной деятельности князя

Ярослава Всеволодовича. Ярослав еще при отце был опорой суздальского влияния вне ее пределов – в южном Переяславле, в Рязани. С 1215 г. он появляется на новгородском горизонте в двойственной, с точки зрения новгородцев, роли: крутого борца за силу княжеской власти против роста новгородской вольности и крупного деятеля в борьбе с западными врагами и в покорении финских племен. Для суздальского князя тут, очевидно, никакой двойственности не было: он вел свою, не новгородскую политику. Эту новгородскую деятельность Ярослава нет основания рассматривать, как его личное, «опричное» дело. За ним стоят великий князь Юрий и вся братья, суздальские князья. По временам, хоть и неудачно, его сменяет на новгородском столе Всеволод Юрьевич (1221, 1224 гг.); великий князь Юрий посылает в Новгород то сына, то, по просьбе новгородцев, – Ярослава⁷², то дает им шурина своего Михаила черниговского, взяв с них окуп в 1224 г. Суздальские полки ходят на выручку новгородцев и псковичей против немцев и Литвы, на чудь, емь и корелу. Новгородцы и псковичи дорожили этой помощью, но тяготились самостоятельностью княжеской политики на западной границе, так как Ярослав не всегда считался с их местными условиями и интересами⁷³.

А на востоке Юрий с братьями и племянниками ведет борьбу против мордвы, которая в эту пору проявила значительную, не только оборонительную, но и наступательную энергию, и с камскими булгарами⁷⁴; для этой борьбы создан им новый опорный пункт в Нижнем Новгороде. Не забыты и другие традиции суздальской политики: Юрий поддерживает зависимость от Суздальщины южного Переяславля⁷⁵, усиливает свое влияние в Черниговщине, пользуясь родством своим с князем Михаилом Всеволодовичем⁷⁶. Рязанских князей, плененных Всеволодом Юрьевичем, Юрий отпустил в их отчину, а после злодейского избиения шести князей Глебом и Константином Владимировичами помог Ингварю Игоревичу одолеть братоубийц и утвердиться на рязанском княжении.

Суздальская политика и при Юрии идет по следам Всеволода Юрьевича. Внутренние смуты и многокняжие расшатывают единство Суздальщины, но оно далеко еще не разрушено. С другой стороны, по данным наших источников нельзя установить – для времени до татарского нашествия – какие-либо примеры выделения частей Ростовско-Суздальской земли в вотчинное, опричное владение отдельных князей. В смене княжеских поко-

лений, конечно, намечаются, как бывало и в Киевской Руси, вотчинные связи и притязания отдельных княжеских линий на определенные города и волости, но нет еще фактов вотчинного распада обширной Ростовско-Суздальской земли. История междукняжеских отношений на русском северо-востоке представляет принципиальный интерес только с кончины Всеволода Юрьевича (1212 г.). До этого момента нет и повода ставить вопрос об образовании каких-либо «вотчинных княжений» в Суздальщине.

Планы и распоряжения Всеволода о будущей судьбе его владений известны нам только по таким рассказам современников-летописцев, которые носят явные следы пережитых по смерти Всеволода смут и проникнуты определенными книжническими тенденциями.

Великий князь Всеволод Юрьевич правил столь же «самовластно», как Андрей Боголюбский, младших князей он держал подручниками, исполнителями своей воли. В рассказах о нем в летописи устанавливается новая политическая терминология: титул «великого князя» последовательно означает «старейшину» среди русских князей⁷⁷; впервые встречаем в них и обращение князей к великому князю: «господине». Как же представлял себе Всеволод постанровку преемства власти после себя? Повествование, которое дает некоторый ответ на подобный вопрос, находим в летописном своде по списку «мниха Лаврентия»; оно вошло в этот свод, видимо, из ростовского источника, так как явно составлено сторонником князя Константина Всеволодовича. Усердное стремление его обосновать право Константина на старейшинство по кончине отца обличает, притом полемическое, настроение, навеянное борьбой за это право между братьями Константином и Юрием. Сообщая, как в 1206 (6714 г.) Всеволод посылал сына своего Константина на княжение в Великий Новгород, этот повествователь вложил великому князю в уста такую речь: *«сыну мой Костянтине, на тебе Бог положил пореже старейшинство во всей братьи твоей, а Новгород Великий старейшинство иматъ княженью во всей Русьской земли; по имени твоем тако и хвала твоя: не токмо Бог положил на тебе старейшинство в братьи твоей, но и в всей Русской земли, и яз ти даю старейшинство, поеди в свой город»*. Тут же – изображение в приподнятом, риторическом тоне обстановки поставления Константина на новгородское княжение от руки отца, великого князя: Всеволод вручает сыну «крест честный и

меч» – инвестицию на «пасенье людей своих от противных»; провожают его «вся братя его» все бояре отца его и все купцы (или: все мужи отца его и «все людье») и «все послы братья его». Сбитость некоторых черт в этом изложении, например, несогласованность личного присутствия братьев Константина и роли их «послов», мешает признать весь рассказ позднейшим риторическим сочинением, а склоняет к мысли, что в нем несколько искаженно отразилась запись, более отчетливая и, вероятно, воспроизводившая нечто, действительно бывшее⁷⁸. Торжественно, по этому рассказу, встречают Константина новгородцы «от мала и до велика» с епископом Митрофаном, крестным ходом, ведут его в храм Св. Софии, где и совершен обряд посажения его на стол княжения⁷⁹. Весьма вероятно, что книжник – сторонник Константина – использовал простой рассказ об отъезде Константина в Новгород и его проходах и внес в него ряд многозначительных черт, чтобы создать сцену, которая могла бы соперничать в политической значительности с обстановкой, в какой Всеволод передавал старейшинство Юрию. Существенно не фактическое содержание этой сценки, а вложенная в нее тенденция. Перед нами нечто новое, чуждое Киевской Руси, чуждое и новгородскому летописанию: попытка связать право Константина на великое княжение (на старейшинство не только во всей братье-князьях, но и во всей Русской земле) с его княжением в Великом Новгороде, с тем, что «Новгород Великий старейшинство имать княженью во всей русской земле». Зарождается новая историческая концепция великокняжеской власти, которая, с одной стороны, будет жить в наименовании северорусским летописанием великого княжения «Владимирским и Великого Новгорода», а с другой, придает особую многозначительность новгородскому преданию о Рюрике, первом князе русском. Концепция эта, как еще увидим, получила твердую опору в реальном значении, какое имело для великих князей обладание Великим Новгородом.

Но и в данном частном случае, в вопросе о Константине и его притязаниях на старейшинство, наш книжник не так далеко ушел по существу от исторической правды, освещая по-своему отношение к своему князю – его отцу Всеволоду Юрьевича. Положение Константина при отце было действительно исключительным. В то время как Всеволод держит остальных взрослых сыновей на княжениях вне Суздальщины (в Новгороде, Рязани, Переяславле Южном), он Константина отозвал в 1207 г. из Нов-

города и «остави у себе», дав ему «Ростов и иных пять городов»⁸⁰ да ему к Ростову»⁸¹. Дальнейший ход событий показывает, что тут не было выдела Константину «вотчины» или «удела».

Характерно, что Лаврентьевский свод не сохранил рассказа о столкновении Всеволода с сыном Константином по вопросу о дальнейших судьбах великого княжения. Сведения об этом столкновении дошли до нас только в более поздних сводах, всего полнее в Воскресенской летописи, которая сообщает под 1211 г.: «посла князь великий Всеволод по сына своего Костянтина в Ростов, дая ему по своем животе Володимер, а Ростов Юрью дая; он же не еха ко отцю в Володимер, хотя взяти Володимер к Ростову; он же посла по него, вторицею зва к себе, и тако паки не иде ко отцю своему, но хотяше Володимеря к Ростову»⁸². Текст этот уже в Никоновской летописи подвергся такому толкованию, которое выдвигало вопрос о соперничестве Ростова и Владимира; тут он переделан в речь князя Константина, который говорит отцу: «понеже много возлюбил мя еси и старейшого мя сына имаши и старейшину мя хочещи устроити, то даждь ми старый и начальный град Ростов и к нему Володимерь; аще не хочет твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володимер и к нему Ростов»⁸³. Весьма вероятно, что к этому же моменту относится и назначение Ярославу Всеволодовичу – Переяславля, а Владимиру – Юрьева Польского⁸⁴.

Старейшинство во всей братье Всеволод определенно связывает со столом Владимирского княжения, а разногласие с ним Константина в стремлении этого князя сохранить в своих руках и Ростов, и Владимир. И Всеволод не отнял у него Ростова, но передал Владимир – Юрию, а с Владимирским княжением связанное с ним «великокняжеское» старейшинство.

«Князь великий Всеволод созва всех бояр своих с городов и с волостей, и епископа Иоанна, и игумены, и попы, и кушцы, и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по себе и води всех ко кресту, и целоваша вси люди на Юрии; приказа же ему и братью свою»⁸⁵. В остальном ряд Всеволода остался, надо полагать, тот же. «Летописец Переяславля Суздальского» приводит и наставление Всеволода сыновьям о сохранении ими равенства: «и не мозета ратитися сами между собою, но аще на вас встанете кто иных князий, то вы вси совокупившесе на них будите, и буди вам Господь помощник и святая Богородица, и молитва деда вашего Георгия и прадеда Володимира и потом и аз благословляю вы». Характерно тут представление о заветах Владимира Моно-

маха, Юрия Долгорукого и Всеволода Юрьевича, которыми должны руководствоваться потомки; представление это долго будет жить и в книжной традиции, и в общественной великорусской мысли: в свое время книжник-летописец, отмечая закрепление великого княжения за Иваном Калитой, вспомнит о нем и запишет, что Иван Данилович получил *«княжение великое надо всею русскою землею, яко же и праотец его великий князь Всеволод-Дмитрий Юрьевич»*⁸⁶.

Многое изменилось в строе Ростовско-Суздальской земли ко времени кончины Всеволода Юрьевича. Суздаль явно отступает на второй план после недолгого соперничества в земском значении с Ростовом. Рядом с великокняжеским Владимиром стоит Ростов, в котором Константин Всеволодович видит столь же необходимую опору своего старейшинства, как и в стольном Владимире. Его сторонник-летописец, чье изложение определило состав данной части Лаврентьевского свода, вовсе опустил сообщение о передаче старейшинства Юрию и о наделении княженьями Ярослава и Владимира, словно в «ряде» Всеволода и речь-то шла только о великокняжеском преемстве. Этот летописец выражал, очевидно, ростовские тенденции, стремления ростовского боярства. Но общественные силы, с которыми приходилось считаться княжеской власти в Ростовско-Суздальской земле, не укладываются в представление о боярстве одного рода. Вспомним еще раз, как по смерти Андрея Боголюбского судьбы земли решались на съезде во Владимире *«ростовцев и суздальцев, и переяславцев, и всей дружины – от мала и до велика»*; переговоры этого съезда с князьями летописец называет *«речью дружинной»*⁸⁷. Тут не одни бояре действуют, а *«вся дружина»*, т. е. *«бояре и гридьба и пасынки»*⁸⁸. Но бояре вершат судьбами земли. Они призвали на княжение старших племянников Всеволода – Ростиславичей, их винит летописец-владимирец за *«многу тяготу»* земле от управления этих князей⁸⁹; и в них вся опора князей⁹⁰. Лишь в борьбе с ними утвердил Всеволод свою власть в Ростовско-Суздальской земле, опираясь на свою личную дружину, на владимирцев и на то, *«что бяше бояр осталось у него»*. Среди старших бояр-противников Всеволода выступают такие крупные фигуры, как Добрыня Долгий, Матвей Шибутович, Иванко Степанович. Победа Всеволода на Юрьевском поле ознаменована разгромом этого боярства: иные погибли в бою, другие пленены, а села боярские, кони и скот разграблены победителями⁹¹. И Всеволод правил, *«не обинуюся лица сильных своих»*

бояр, обидящих менших и работающих сироты и насилие творящих»⁹². Однако и он окружен «сильными боярами». Те самые бояре, которые расстроили в разгар княжеской усобицы попытку князей помириться путем раздела владения Ростовско-Суздальской земли⁹³, смирились перед силой Всеволода, когда он стал один великим князем всей земли. О том, что дело шло не только о соперничестве городов, но и о более глубоких особенностях строя Ростовско-Суздальской земли, показывают события 1211 г., когда Всеволод Юрьевич в новом раздоре между ростовским князем Константином и владимирским Юрием закрепляет свой «ряд» на многолюдном съезде, который И.Е. Забелину представился «первым земским собором». Перечень общественных групп на этом съезде вызывает сомнение потому, что текст⁹⁴ дошел до нас в поздней редакции⁹⁵. Но общий смысл известия едва ли должен терпеть от таких сомнений: перед нами явление, сходное с тем съездом, какой был во Владимире после смерти Андрея Боголюбского или при проводах Константина Всеволодовича на новгородское княжение в 1206 г.⁹⁶. Такой съезд нужен Всеволоду, чтобы провести то «укрепление с людьми», которое обеспечило бы осуществление его «ряда». Но в Ростовско-Суздальской земле это «укрепление» не с вечем стольного города, а со всей землей на съезде «всех бояр с городов и волостей», духовенства с епископом во главе и всей дружины при собрании горожан – купцов и «всех людей»⁹⁷.

Назначение особых княжений отдельным сыновьям не противоречило по-прежнему представлению о единстве земли, во главе которой стоит старейшина во всей братии. За этим старейшиной утвердился в Ростовско-Суздальской земле титул «великого князя», и его политическое значение укреплено крестоцелованием «всех бояр» и всей дружины – не одного лишь стольного города. Мы видели, что Юрий Всеволодович, укрепившись на великом княжении по смерти старшего брата, ведет подлинную «великокняжескую» политику, руководя всеми силами Ростовско-Суздальской земли. Лишь одно известие о назревшем было в 1229 г. столкновении его с братом Ярославом и племянниками Константиновичами указывает на непрочность этого «единства», поскольку его основа в «одиначестве» князей. Наметившиеся при нем зачатки вотчинного раздела Ростовско-Суздальской земли – лишь позднее, чем на юге, выросли в господствующее явление местной политической жизни. И ни эти зачатки, ни сохранение политического единства при много-

княжии, ни столкновение князей с боярством – ничто не дает достаточного основания строить резкую антитезу между югом и севером для XII и начала XIII вв., особенно в объяснении, как возникло «удельное» или «вотчинное» дробление политического властвования. Единство обширной земли – прочнее и устойчивее на русском северо-востоке, чем в какой-либо иной русской области; и яснее тут, чем где-либо, выступает опора земского единства в боярстве и сплоченных им общественных силах. «Сильная земля Суздальская» живет своими местными интересами, политическими и торговыми, чем дальше, тем больше отрывая своих князей от более широкого «общерусского» кругозора. Но южный поэт – автор «Слова о полку Игореве» – был прав, когда обратил укоризну в забвение прежних традиций «Русской земли» не только к Всеволоду Юрьевичу, но и к Ярославу Осмомыслу галицкому, к Волынским Мономахичам, смоленским и полоцким князьям. Разъединение политических интересов отдельных областей – общая черта русской исторической жизни XII века. Суздальщина становится особым семейным владением одной линии княжеского рода вслед за землями Полоцкой, Галицкой, Черниговской, одновременно со Смоленской и Волынской. Повсюду это обособление областей связано с упадком политического значения «вечевого гражданства» и с усилением княжеской власти. Повсюду наблюдаем усиление влияния бояр на внутренние и внешние судьбы земель-княжений и борьбу с ними князей «самовластцев». Борьба эта успешнее на севере и дает более прочные результаты, но и тут не приходится говорить о падении политического преобладания «руководящих классов местного общества». Наконец, в стремлении к «подчинению младших родичей, как подручников, старшему князю государю-самовластцу» Андрей Боголюбский и Всеволод Юрьевич идут по следам Владимира Мономаха и Мстислава Владимировича, осуществляя исконную тенденцию старейшинства «в отца место». Князья русского северо-востока сохранили единство своего «великого княжения», построенного на традиционной основе, до грозной години татарского нашествия⁹⁸; пережило оно и эту грозу.

ГЛАВА I

Владимирское великое княжение и вотчинные княжества в XIII в.

I

В изучении «владельческих отношений потомков Всеволода» В.О. Ключевский, следуя точке зрения, установленной С.М. Соловьевым, считал возможным *«забыть на некоторое время, что, прежде чем сошло со сцены первое поколение Всеволодовичей, Русь была завоевана татарами»*. По его мнению, *«явления, которые мы наблюдаем в Суздальской земле после этого разгрома, последовательно, без перерыва, развиваются из условий, начавших действовать еще до разгрома в XII в.»*¹.

В этом суждении сказалось прямолинейное понимание идеи «органического» развития, характерное не для В.О. Ключевского, а для «юридической школы»; ее своеобразный социологический догматизм ведет к изучению эволюции форм и начал политического строя вне связи с общими условиями политической жизни. А между тем общие условия так глубоко изменились для всего русского севера после татарского разгрома и утверждения владычества Золотой Орды, что не могло это изменение не повлиять весьма сильно на уклад внутренних и внешних отношений Великороссии, а стало быть, на деятельность ее правящих сил и, тем самым, на их строй и положение в великорусской среде. Припомним общеизвестные факты.

Образование Золотоордынского царства подорвало болгарские отношения Суздальщины, и если не совсем парализовало, то изменило резко к худшему условия поволжской торговли². Боевое наступление и колонизационное расширение Великороссии на восток надолго остановлены. Наглядным признаком значительного обеднения Суздальщины в XIII в. является судьба ее церковного строительства: оно настолько заглохло, что «строительные традиции Владимиро-Суздальской архитектуры были уже прочно забыты» к тому времени, когда в Москве воз-

никли попытки их возрождения¹. Связи с Поднепровьем почти вовсе оборваны, хотя и поддерживаются сношения с юго-западной Русью. Южный Переяславль исчез с исторической сцены; Черниговщина, погруженная в процесс быстрого распада, стоит – до поры до времени – вне суздальских интересов. Общее сужение кругозора и стеснение активной деятельности – необходимая предпосылка для изучения политического распада и измельчания внутренней жизни русского северо-востока. В стесненных условиях, подрывавших постановку более широких задач деятельности, падает значение Владимирского великого княжения, слабеет централизующая политическую жизнь Суздальщины власть великих князей. На западе крепнет независимость Новгорода, несмотря на все усилия «низовских» князей поддержать там свою власть, замирает на время их наступление к северу и северо-востоку, и Новгород не испытывает, как прежде, постоянного утеснения своих путей и даней. Время великих князей – Ярослава Всеволодовича, его сыновей и внуков – сложный период заката силы великого княжения Владимирского. Постепенно назревает агония великокняжеской власти старого типа; агония эта вызвана упадком интересов, которые питали потребность объединения, давлением татарской власти, усилением самостоятельности Великого Новгорода. Эти явления вырывали у Владимирских великих князей почву для усиления своей власти над младшими князьями и ее оправдания широкой политикой, которая была бы делом всей северной Руси и питалась бы общими интересами Великороссии.

Мы почти лишены возможности учесть реальные последствия Батыева погрома. Его удары были направлены преимущественно на города; но и сельское население, поскольку не успевало укрыться в лесах, шло в полон, гибло от избиений, теряло скот и имущество, теряло кров в пожарах. «Несть ни места, ни вси, ни сел тацех редко, идеже не воеваша в Суздальской земли» татарские загоны, твердят летописцы. Разорение было огромно. Но, как обычно бывает, единовременный, хотя и весьма тяжкий удар, загладился бы, сам по себе, сравнительно скоро. Тяжело легла на Великороссию с 40-х годов XIII в. ордынская власть. Тяжкую память о ней наши источники усердно затушевывают. Однако надо признать, что в первое время, она была много ближе и тягостнее для великорусской жизни, чем мы ее себе обычно представляем. По стольным городам водворились татарские баскаки с воинской силой, чтобы держать в повиновении князей и народ и обеспечить сбор дани¹. В орде русские княжества ведались даругами, чьи наезды на Русь, как и других «послов» ханских, были и разорительны, и унижительны. Тяжкий произвол чужой и чуждой власти навис над северо-восточной Русью. По-

пытки сопротивления насильникам, вспыхивавшие в 50-х и в 60-х годах XIII века, вызывали новые наезды и суровые репрессии. Руси пришлось смириться перед властью хана и приспособиться к новым отношениям. Давление новых условий сказывается на судьбе Ярослава Всеволодовича и на деятельности Александра Ярославича.

Только что схлынула к югу татарская сила. Ярослав занял великое княжение после брата, погибшего на р. Сити, и тотчас вступает на прежние пути великокняжеской политики. В 1239 г. Ярослав защищает Смоленск от Литвы и водворяет на смоленском княжении местного вотчича – Всеволода Мстиславича. Защита западных пределов лежит на сыне Ярослава Александре. В 1239 г. он с новгородцами строит город на р. Шелони, победоносно отражает в 1240 г. нападение шведов, в 1242 г. – набег на Псков немецких рыцарей. Подобно прежней деятельности Ярослава, новгородского князя, эта западная борьба Александра является проявлением политики владимирских великих князей. Дорожа «низовской» обороной, новгородцы тяготились неизбежным при таких условиях усилением своей зависимости от княжеской власти. Но в трудную годину выхода не было. Когда Александр, «распревся с новгородци», ушел в 1241 г. «со всем двором своим» из Новгорода в Переяславль, новгородцы тотчас послали к Ярославу просить у него сына на княжение; великий князь «дать им сына своего князя Андрея», но они новым челобитием просили прислать Александра, устрешенные набегом Литвы, немцев и Чуди; «великий же князь Ярослав дать им сына своего Александра опять». На оборону Пскова Александр идет, «поим с собою брата своего и вся воя своя». Так, и в 1245 г., когда Литва совершила набег на окрестности Торжка и Бежицы, против них спешат не только новоторжская и новгородская рати, но и «низовские» воеводы с тверичами и дмитровцами, а довершает победу Александр Ярославич, отпустив новгородскую рать, «своим двором»⁵.

Осенью 1242 г. (в конце 6750 – начале 6751 г.) врезывается в судьбы Великороссии новая сила – татарская власть. Ханский посол потребовал приезда Ярослава Всеволодовича на поклон хану Батью в Золотую Орду; «и прииде пожалован»: хан признал за ним, по сообщению наших летописей, старейшинство над всеми князьями русской земли. Ярослав ездил в Орду с сыном Константином, которому пришлось, по ханскому приказу, ехать в далекую Монголию на поклон великому хану. По возвращении Константина в 1245 г. Ярославу пришлось опять ехать к Батью, а из Орды – в Монголию, где он «многое истомление подъят» и на обратном пути умер «нужною смертью».

Новое основание княжеского права – ханское пожалование,

коснулось не одного Владимирского княжения. По возвращении из Орды великого князя Ярослава и, вероятно, в силу привезенных им ханских распоряжений поехали в Орду «про свою отчину» князья – потомки Константина Всеволодовича – Владимир Константинович, два Васильевича – Борис и Глеб, и Всеволодович Василий; Батый утвердил их отчинные права: отпустил их, «расудив им когождо в свою отчину»⁶. Во вторую ордынскую поездку в к. Ярослав отправился «со своею братею и с сыновци», а вернулись «из Татар в свою отчину» его братья – Святослав и Иван, с племянниками; Ярослав же был послан Батыем в Монголию, в путешествие, стоившее ему жизни⁷.

Батый утвердил внутренний распорядок княжеского владения среди русских князей. Для Константиновичей их вотчиной были владения отца, который перед кончиной (1218 г.) дал сыну Васильку Ростов, а Всеволоду – Ярославль⁸; о каком-либо наделении младшего – Владимира – нет упоминаний в наших источниках⁹; позднее видим его князем в Угличе. При в. к. Юрии эти ростовские отчичи выступают «за один», втроем¹⁰. Василько и Всеволод погибли в татарское лихолетье, оставив малолетних сыновей: Василько княжичей Бориса и Глеба, Всеволод Василия. Юные князья ездили в 1244 г. с дядей Владимиром Константиновичем в Орду «про свою отчину», и Батый, по характерному выражению летописца, «разсудил», чтобы каждый из них ехал в свою отчину. Лучше не придавать особого значения этому отдельному выражению¹¹ и усмотреть в решении хана лишь утверждение *statu quo*, согласно летописному тексту, который сообщает, что в «Ростове седоста Васильковичи Борис да Глеб на княжение» еще до первой поездки в к. Ярослава в Орду у нас нет сведений о спорности прав Васильковичей на Ростов¹², за ними признано их вотчинное право; как признавалось оно в старину за «Рогволожими внуками» на Полоцк или за Ольговичами на Чернигов. Василий Всеволодович остался при своем Ярославле; своеобразной судьбы этого княжества по его смерти (умер в 1249 г.) придется коснуться ниже. Дядя этих князей, Владимир Константинович, который мог бы претендовать на старейшинство среди них, по-видимому, мирится со скромным положением угличского князя¹³; эта ветвь ростовского княжения сошла со сцены с Владимировыми сыновьями, и связь Углича с ростовской отчиной оказалась непорванной; эта отчина распадется, если не считать утраты Ярославля, только под московским давлением.

Младших сыновей – Святослава и Ивана – в к. Всеволод Юрьевич поручил перед кончиной своей их брату Юрию. Юрий дал в 1212 г. Святославу Юрьев Польский¹⁴, но о княжении Ивана Всеволодовича имеем лишь указание под 1238 г., что ему

в. к. Ярослав дал Стародуб¹⁵. Эти княжения и стали вотчинами для потомства обоих князей.

Все остальные волости Владимирского великого княжения – в руках в. к. Ярослава. Но в его власти и все княжеские силы великого княжения; владельческий раздел в эту пору еще не знаменует политического распада. Семена этого последнего в недрах Владимирского великого княжества – те же, что в Киевской Руси времен сыновей и внуков старого Ярослава, а перевес великокняжеской силы над младшими князьями не меньше (скорее – больше), чем во времена Мономаха и Мстислава Великого; и перед ханом Батыем в. к. Ярослав выступает как старейшина «всем князьям в русском языке»¹⁶, окруженный «братьями и сыновцами». Гарантия отдельных княжеских вотчин ханским пожалованием лишь утверждала права, признанные обычаями княжеского рода, и только в будущем грозила стать фактором политического упадка Владимирского великого княжества и поводом к усиленному вмешательству ханской власти в русские отношения¹⁷.

Стол Владимирского княжения, с которым – со времен Всеволода Юрьевича – связано великокняжеское старейшинство, занял исключительное положение в ряду княжений северной Руси, подобное тому, какое в старину занимал «золотой стол» киевский. В притязаниях на него сталкивались права на старейшинство в князьях русских с вотчинными воззрениями. Эта двойственность княжеских традиций и стремлений определила в значительной мере междукняжеские отношения по смерти Ярослава Всеволодовича. Бесспорной вотчиной его сыновей было только Переяславское княжество. Он получил его от отца еще при его жизни¹⁸, затем по его предсмертному ряду. «Летописец Переяславля Суздальского»¹⁹ поместил под 1213 г. рассказ о прибытии Ярослава в Переяславль с тем, что отец «дал» ему переяславцев, а его им «вдал на руке», и о том, как переяславцы ему крест целовали. Приходилось затем Ярославу княжить и в Новгороде, и в Рязани, но Переяславль неизменно ему «свой» город. Та же ближняя связь сохраняется и во время великого княжения Ярослава: в Переяславле княжит старший Ярославич Александр, и город остался вотчинным владением его потомков, именно старшей линии перейдя к сыну его Дмитрию и внуку Ивану. Однако, как еще увидим, тесная и длительная связь переяславского стола с великим княжением наложила особую печать на отношения князей к Переяславлю и придало ему несколько исключительное значение²⁰. По выделении Ростова в отчину Константиновичей особую связь с великокняжеским столом сохранил из более значительных городов – и Суздаль. Ярослав Всеволодович отдал его брату Святославу, но Суздаль не стал вотчи-

ной для Святославичей, подобно Юрьеву Польскому, по-видимому, Святослав его утратил вместе с великим княжением²¹, а сама передача Святославу Суздаля могла быть связана с рядом между братьями о будущей судьбе великокняжеского стола.

По смерти Ярослава «Святослав князь, сын Всеволоже, сяде в Володимери на столе отца своего, а сыновци свои посади по городам, якоже бе им отец урядил Ярослав». Однако Ярославичи не примирились с переходом Владимира и всего великого княжения к дяде Ярославу. Андрей Ярославич и вслед за ним Александр поехали в том же 1247 году к хану Батюю, а хан послал их в Монголию «к Кановичам», наследникам великого хана. Святослав не дождался их возвращения на великом княжении; «сяде лето едино» и согнал его с Владимирского стола третий Ярославич, Михаил Хоробрит.

По отрывочности дошедших до нас сведений об этой поре вопрос о ближайших мотивах смуты, о том, например, стоит ли она в связи с темной историей гибели Ярослава Всеволодовича – не разрешим, но предположительно, как выше было указано, такая связь представляется вероятной. Впрочем, даже признание этой вероятности мало чему помогает, раз мы не знаем существа разыгравшейся в Орде интриги и содержания двукратных переговоров Ярослава Всеволодовича с ханом Батыем. Одно лишь поведение сыновей Ярослава может навести на предположение, что, быть может, уже их отец, утвердив свое положение относительно Золотой Орды, сделал попытку установить преемство на Владимирском столе в обход притязаний боковых линий за прямым своим потомством. Такие попытки – не новость в междукняжеских отношениях: если не вспоминать о старом Ярославе, примеры тому дают действия Владимира Мономаха, старшего Мономашича Мстислава, да и всей старшей линии Мономахова рода²². Как бы то ни было, таковы притязания самих Ярославичей. И они имели успех, в несколько неожиданной (быть может, более неожиданной для нас, чем для них)²³ форме. Дело, если судить буквально по летописной записи, какую дает нам Лаврентьевская летопись, решалось не в Золотой Орде, а при великоханском дворе. Хановичи «*приказаша Олександрови Киев и всю Русскую землю, а Андрей сяде в Володимере на столе*»²⁴. Как представлялся этот раздел на деле, трудно угадать; видно только, что Новгород – под властью Александра, а Переяславль перешел от него к Андрею²⁵. Поездка Святослава Всеволодовича в Орду, если она имела целью добывание великокняжеского стола, не привела ни к чему, ему пришлось доживать свой век в Юрьеве Польском. Так сложилось положение на Руси в 1249 году. На следующий год прибыл в Суздальскую землю из Киева митрополит Кирилл и состоялась свадьба Андрея Ярославича с дочерью

князя галицкого Даниила Романовича; совершив венчание, митрополит ездил и к Александру в Новгород. А то были годы, когда Даниил Галицкий «рать держаше с Куремсою»: в начале 50-х гг. XIII в. наблюдаем сближение между южной и северной Русью, которое нельзя не связать с планами борьбы Даниила против татар. Князь Андрей «здума со своими боярами бегати, нежели царем т. е. ханам служити», сообщает летописец под 1252 г., когда хан послал на Андрея рать свою с царевичем Неврюем. А в то же время «иде Олександр, князь Новгородский, в татары, и отпустиша и с честею, давшу ему старейшинство во всей братеи его»²⁶. Александр не примкнул к замыслам брата, а поспешил в Орду, чтобы отклонить крушение своей власти и большую беду для Руси. Андрей, преследуемый татарами²⁷, бежал в Новгород, а затем на время скрылся за морем, в Швеции. Александр Ярославич стал Владимирским великим князем.

Волнения не утихли после бегства князя Андрея. Сквозь отрывочные записи, какие сохранили дошедшие до нас летописные своды, выступают черты напряженной тревоги и жажды противодействия, с какими Русь встретила первые моменты организации татарского владычества. С этими настроениями, а не с какими-либо междукняжескими счетами, правильнее связывать известие о том, что в начале 1254 г. тверской князь Ярослав, «оставя свою отчину», ушел «с боярами своими» в Ладогу и во Псков²⁸. Отсюда его призвали к себе Новгородцы, выгнав из города Александра сына Василия. Василий удержался в Торжке до прибытия великого князя Александра, и новгородцы смирились, приняли его снова на княжение²⁹. Та черта этих волнений, что за Василия Александровича стояли бояре новгородские, а против него – черные люди, связывает их с дальнейшими событиями, когда на Русь явились татарские «численники». В татарское «число» были ими сперва положены Суздальская, Рязанская и Муромская земли, причем татары «ставиша десятники и сотники, и тысящники и темники». Затем пришел черед исчислению Новгородской земли. По первым же вестям об этом «мятошася людие через все лето в Новгороде», а когда в Новгород прибыл в. к. Александр с татарскими послами, из Новгорода бежал во Псков сын его Василий. Александр вывел сына из Пскова, сослал его «на Низ» и сурово покарал его советников, «кои князя Василия на зло повели»³⁰. Однако новгородцы не допустили сбора «десятины и тамги»: «не яшася по то», хотя дали дары царю и послов отпустили с миром. Только через год страх нового татарского нашествия на Русь привел новгородцев к горькой покорности; и то «бысть мятеж велик в Новегороде», когда «раздвоишася людие и створиша супор: большие веляху меншим ятися по число, а они не хотяху»³¹. В. к. Александру пришлось дать стражу

для охраны ордынских послов, но дело, в конце концов, уладилось: «окаянные» уехали «вземше число», а в. к. Александр посадил в Новгороде на княжение сына Дмитрия. Вскоре поднялось волнение против «насилия поганых» по городам «низовской» земли: народное восстание выгнало из Владимира и Суздаля, Ярославля и Переяславля «бесермен» – откупщиков татарской дани и их сборщиков. В. к. Александр поспешил в Орду к хану, «дабы отмолил люди от беды». Энергия и власть великого князя удержали русских людей от безнадежной траты сил в разрозненных вспышках противодействия иноземному игу. Для этого пришлось преодолеть не только брожение народного негодования, но и глубокие разногласия в княжеской и боярской среде³². Александр провел свою ордынскую политику: и в отношениях Руси к власти хана – он подлинный великий князь всей северной Руси³³.

Таким же носителем великокняжеской власти видим Александра Ярославича и во внутренних делах северной Руси, и в ее внешних отношениях. Его сын Василий отражает в 1253 г. набег Литвы на новгородские владения; в 1256 г. Александр, по вестям из Новгорода, что шведы ставят укрепления на р. Нарове, ходил «со всею силою, с новгородци и суждалецы» и «повоева Поморие все»; в тяжелую годину восстания против татар Александр, уезжая в Орду к хану, отправил брата Ярослава и сына Дмитрия и «все полки с ними» воевать вместе с новгородцами и союзной Литвой на Юрьев против немцев³⁴. Неизбежная тягота борьбы с внешним врагом и невозможность вести ее на два фронта должны были сильно повлиять на политику Александра по отношению к татарам.

И внутри Владимирского великокняжества еще не видно черт политического распада. Ростовские князья, братья Васильковичи Константиновича, по смерти отца «седоста в Ростове на княжении»; с 1251 г. младший, Глеб, княжит на Белоозере, но этим не разбито единство ростовской отчины³⁵. Князь Глеб участвует во всех ростовских делах нераздельно с братом, и только после его смерти (на Ростовском княжении) настанет выделение Белозерского княжества из Ростовского в особую отчину Глебовичей, не без борьбы, однако, с Борисовичами, стоявшими за единство владения ею. Ростовские Васильковичи при в. к. Александре Ярославиче всецело его подручники. Они, видимо, сразу примкнули к его политике. Князь Борис был в Орде, когда там разыгралось трагическое дело Михаила Всеволодовича Черниговского, и вместе со своими боярами уговаривал Михаила «сотворите волю цареву». Глеб Василькович был первым из русских князей, который «оженится в Орде»³⁶. Есть указание на особо близкое отношение Александра Невского к Ва-

сильковичам: с князем Борисом он посылает дары Улавчию, ордынскому временщику при хане Берке³⁷ в Ростов едет из Новгорода, уладив тамошнюю смуту, поделиться успехом с епископом Кириллом и ростовскими князьями³⁸.

Великий князь играет первую роль в делах ростовской епископии³⁹. Ростовское княжество – лишь особый элемент в составе Владимирского великого княжения.

Судьба Ярославля, который также входил в состав ростовской отчины Константиновичей и выпал на долю Всеволода Константиновича, а после его гибели в татарское лихолетье перешел к Всеволодовичу Василию, сложилась весьма своеобразно в момент кончины этого князя при владимирском княжении Андрея Ярославича⁴⁰. Василий Всеволодович умер в 1249 г., оставив после себя вдову и дочь. Умер он во Владимире, где тогда же находились у князя Андрея в. к. Александр и ростовские князья. На этом съезде князей и было, по-видимому, решено оставить Ярославль с волостями за вдовой-княгиней Ксенией и ее дочкой Марией Васильевной. Быть может, тогда же намечено было обручение ярославской княжны с Ростиславичем Федором, который княжил в Можайске⁴¹, а благодаря этому браку «достася ему Ярославль». Это событие навсегда вырвало Ярославль из состава ростовской отчины. При в. к. Александре Ярославиче и много позже – в Ярославле нет местной княжеской власти, которая играла бы более или менее заметную и самостоятельную роль, но нет и основания говорить о выходе Ярославля из прямой связи с великокняжеской властью⁴².

В Угличе сидят третьестепенными князьями сыновья Владимира Константиновича, на которых и угасла эта линия ростовских князей⁴³.

Владельческое положение самого Александра Ярославича и его братьев было определено предсмертным рядом их отца: Святослав Всеволодович, заняв великое княжение, «сыновци свои посади по городам, якоже бе им отец урядил Ярослав»⁴⁴. Мы не знаем содержания этого Ярославова уряженья, но предполагаем, что с ним совпадает распределение владений между Ярославичами при в. к. Ярославе, и позднее Александр на великом княжении сохраняет свое вотчинное отношение к Переяславлю, которое переходит и на его старшего сына, а в Переяславле он княжил еще при жизни отца. Есть основание признать, что Андрею Ярославичу назначены по «ряду» его отца – Городец Поволжский и Нижний Новгород⁴⁵, в 1256 году сюда он вернулся, как «в свою отчину», а в следующем получил ханское пожалование, стоившее в. к. Александру немалых даров ордынцу Улавчию и самому хану. Притом соглашение с братом придало к его владениям еще и Суздаль. Князь Андрей не играл при брате сколь-

ко-нибудь самостоятельной роли, ездил с ним в Орду и в Новгород, исчезая в среде окружающих в. к. Александра князей; он пережил брата лишь на несколько месяцев. То же самое можно сказать и о третьем Ярославиче – Ярославе. После бурных событий начала пятидесятых годов XIII века Ярослав княжит спокойно в Твери, едет в 1258 г. с Александром в Орду, идет в 1262 г. от него в поход на немцев⁴⁶. В Костроме княжил Василий Ярославич, которому в год кончины в. к. Александра лишь исполнилось 22 года; на княжение в Галиче Мерянском умер в 1255 г. Константин Ярославич, ездивший от в. к. Ярослава Всеволодовича к великому хану в Монголию, а после него – его сын Давыд, о котором только и знаем, что скончался он в 1280 г., причем летопись называет его князем галицким и дмитровским⁴⁷.

Существование всех этих княжеских владений по-прежнему не говорит еще о подлинном политическом распаде Владимирского великого княжества. Великий князь Владимирский в эпоху Александра Ярославича Невского единый и бесспорный представитель всей северной Руси перед ордынской властью, защитник всех ее областей перед напором западных врагов, распорядитель всех ее боевых сил. Но на отдельных «волостях» великого княжества «княжат и владеют» местные князья, которые имеют на то право, не зависящее от воли великого князя, то «семейно-вотчинное» право, которое издревле составляло основной элемент «княжого права в древней Руси». Это право вотчинное, наследственное, приобретено, в принципе, самим рождением и семейное, так как его существо в праве всех сыновей владетельного князя на отцовское наследие – общую этим сыновьям «отчину». Реализуется оно либо согласно «ряду» отца, который определяет, какую именно долю получит каждый из сыновей, либо – особенно для сыновей малолетних в момент отцовской кончины, их наделением по воле дяди или старшего брата, которому они отцом «приказаны» или даны «на руки». Доли князей наследников в общей их отчине будут позднее называться «уделами» (XIII век этого термина еще не знает), князья станут говорить о долях своих, как об «уделах вотчины свое», но для данного времени ни в терминологии, ни в существе владельческих отношений князей не видно ничего принципиально нового сравнительно с основами «княжого права» в Киевской Руси. Вотчинные тенденции княжого владения еще слишком подчинены силе политического единства Великороссии, которое имело опору во власти Владимирского великого князя, чтобы могла развернуться на их основе определенно иная система отношений. Время в. к. Александра Ярославича напоминает, однако, тот момент в истории Киевской Руси, когда во главе стояли Владимир Мономах и сын его Мстислав. При значительной силе объединяющей

великокняжеской власти, во внутреннем строе земли уже закрепились основы владельческого обособления сложившихся местных вотчинных княжений. Ростовские владения Константиновичей признаны особой наследственной владельческой единицей; определены вотчинные владения для всех князей – Ярославичей и их потомства. И сам великий князь Александр, вотчич на Переяславле Залесском, который один только и составляет отчину, в строгом смысле слова, его сыновей. Великокняжеская власть еще лишена надлежащей территориальной базы, ее главенство – чисто политическое, и в этом залог ее слабости и упадка. Внутренние силы страны организованы вне ее прямого воздействия по поместным княжествам и легко могут стать из опоры общей политики великорусских князей под главенством Владимирского великого князя фактором разрушения этого главенства и всего объединения, в условиях внутренней борьбы. По этому разрушительному пути и пойдет история Владимирского великого княжества после кончины в. к. Александра Ярославича. Давление татарского владычества, установившееся при его правлении с таким напряжением внутренних отношений Руси, несомненно сыграло значительную роль в развитии упадка великокняжеской власти.

II

При великих князьях Ярославе Всеволодовиче и Александре Ярославиче лишь устанавливается татарское владычество над северной Русью; утверждение определенных форм зависимости вызвало глубокий разлад в политических настроениях и княжеской, и общественной среды. Наши источники сохранили лишь несколько указаний на этот разлад, отрывочных и часто глухих намеков, но и по ним видно, какой он был острый и напряженный. Александру Ярославичу удалось его преодолеть и найти для того опору в части князей, духовенства и боярства. Но едва ли будет преувеличением сказать, что авторитет великокняжеской власти вышел из эпохи Александра Невского сильно расшатанным; Александр поддерживал его не только личной энергией и личным влиянием, но и страхом татарской кары и прямой опорой в татарской силе³⁸. Над великокняжеской властью стала новая власть, чужая и чуждая, но формально признанная и обладавшая грозной реальной силой. Она стала постоянным фактором внутренних политических отношений Великороссии, настолько самостоятельным и обособленным от коренных элементов русского традиционного политического строя, что ее влияние могло быть использовано в борьбе политических сил как в пользу, так и против усиления великокняжеской власти.

То же можно сказать и о другой опоре Владимирских великих князей – обладании Великим Новгородом. Обладание это – необходимый момент в их политике: великое княжение строилось, со времен Юрия Долгорукого, в непрерывной связи с борьбой за Новгород Великий. И книжники-летописцы, сохранившие запись: *«сяде по брате своем великом князе Александре Ярославиче на великом княжении в Володимери брат его князь велики Ярослав Ярославич и бысть князь велики Володимерский и Новгородский»*⁴⁹, были правы в своем понимании дела. Александр Ярославич укрепил, казалось, на прочнейшем основании эту связь Великого Новгорода с Владимирским великим княжением, добился постоянного признания своей власти над Новгородом, держал его через сыновей, оборонял новгородские и псковские волости силами «низовской» земли, сливая местную их политику в области внешних отношений с общими задачами великокняжеской власти. Его господство над Новгородом положило прочные основания традиции, что стол новгородского княжения «отчина» для князей «низовской» земли, но открыло, с другой стороны, возможность двоякого понимания этой традиции: отчичами стола новгородского могли выступать его сыновья, Александровичи; права на это княжение мог предъявить, а по существу реальных своих интересов не мог не предъявлять, каждый обладатель великокняжеского стола. Обладание княжой властью в Великом Новгороде стало самостоятельным фактором в борьбе за и против великокняжеской власти, открывая господину Великому Новгороду широкие перспективы как влияния на эту борьбу, так и развития в ее условиях своего «народоправства» путем закрепления за новгородцами вынужденных уступок со стороны княжеской власти.

Само основное значение великокняжеской власти – общее руководство политическими судьбами Великороссии и прежде всего ее обороной от внешних врагов – стало падать под давлением новой политической обстановки, когда татарское владычество почти парализовало проявление великорусской энергии в наступлении к югу и востоку, а оборону Великороссии поставило на этих пределах в новые, крайне тягостные условия мелкой пограничной борьбы. Настает период некоторого разобщения задач этой великорусской политики, что ведет к расстройству общего участия великорусских сил в их разрешении и организующего руководства ими. Функции великокняжеской власти дробятся и переходят по частям в руки тех или иных местных князей, а разрешение каких-либо вопросов, в которых заинтересованы все представители княжеской власти, достижимо только общими их соглашениями, при коих носитель великокняжеской власти не всегда даже первую роль играет

(тем более что сплошь и рядом оказывается неустранимым вмешательство ордынской власти), или же путем вооруженной борьбы, прямых усобиц.

Все эти моменты политического упадка Владимирского великого княжения развернулись с большей силой в последние десятилетия XIII века.

При рассмотрении этих событий внимание требует прежде всего само положение княжеского рода по отношению к преемству на великокняжеском столе. Это уже не род потомков Всеволода Юрьевича Большого Гнезда, отчичей всей Ростовско-Суздальской земли. Это – только Ярославичи, сыновья и внуки в. к. Ярослава Всеволодовича. Спор о старшинстве и власти идет только между ними, словно только им одним великое княжение отчина и дедина. Такое сужение круга возможных претендентов на старейший стол не новость в древнерусских междукняжеских отношениях; и ранее – на киевском юге стремление ограничить этот круг пределами одной семьи возникало каждый раз, как на старшем столе появлялся сильный и деятельный князь. Но в данном случае, дело представляется более сложным: крупная и яркая сила Александра Ярославича грозит преломить в сознании следующих поколений представление о преемстве потомков Ярослава Всеволодовича и выдвинуть новую тенденцию, новые притязания на исключительное преемство по линии Александра Невского и его потомков, помимо боковых линий Ярославова дома.

Впрочем такие притязания Александровичей не могли проявиться с достаточной силой и определенностью сразу после его кончины. Старший из сыновей Александра, опальный Василий, исчезает с исторической сцены после злополучной для него катастрофы 1257 года; дальнейшей судьбы его не знаем⁵⁰. Второй, Дмитрий, был еще отроком и не мог по смерти отца удержаться в Новгороде, где жил номинальным представителем великокняжеской власти: Новгородцы по первым же вестям о кончине в. к. Александра выслали его сына из города⁵¹.

Обстоятельства перехода великокняжеской власти к кн. Ярославу Ярославичу сильно запутаны в изложении наших летописных сводов. Но внимание к немногим точным датам⁵², какие можно установить, позволяет признать, что немедленно по смерти в. к. Александра «выгнаша новгородци князя Дмитрия Александровича из Новгорода, сдумавше с посадником с Михаилом», и «послаша по князя Ярослава Ярославича», а 27 января 1263 г. «посадиша его на столе»⁵³. К этому моменту естественно приурочить и заключение первого из договоров Великого Новгорода с князем Ярославом Ярославичем⁵⁴. Новгородцы использовали благоприятный момент для закрепления в форме пись-

менного договора той «старины и пошлины», которая во многом терпела, по утверждению договорной грамоты, от «насилья на Новгород», какое «деял» Александр Ярославич, от чего Ярослав должен впредь «отступиться»⁵⁵. Новгородцы добиваются, возможно, прочных гарантий своей политической свободы, построенной на все расширяющемся «народоправстве» и все крепнущей связанности действий княжеской власти обычно правовой «стариной и пошлиной» Великого Новгорода. С другой стороны, договорная грамота вскрывает (в своей заключительной части) значение тех торговых интересов, какие склоняли новгородцев искать не ослабление, а укрепление связи Великого Новгорода с великим княжением.

Момент, благоприятный для этой новгородской политики, был создан вокняжением в Новгороде князя Ярослава ранее, чем он стал великим князем; все его поведение показывает, что он нуждался в новгородской помощи и спешил утвердить за собой новгородское княжение в связи с стремлением к великокняжескому столу. Было ли причиной тому возможное соперничество старшего брата Андрея, которое Татищев построил, как факт, или опасение притязаний Александровичей Невского, на что указывает связь призвания Ярослава с изгнанием из Новгорода князя Дмитрия Александровича, надо допустить, что новгородская помощь обеспечила успех Ярослава в Орде, как это не раз бывало и позднее с претендентами на великое княжение⁵⁶.

Двойственное отношение Великого Новгорода к великокняжеской власти весьма сильно отразилось на деятельности великого князя Ярослава Ярославича. Крепнет в эту пору обособление Новгорода и Пскова, как самостоятельных политических сил. У них своя политика по отношению к западным соседям, и великим князьям приходится все более считаться с нею, даже волей-неволей ей подчинять свои действия.

Бурные события 1263 г. и следующих годов в литовско-русских областях выдвинули самостоятельное значение Пскова и усилили его особое значение в западных отношениях Руси. В 1265 г. явился в Псков беглецом литовский князь Довмонт «со всем родом своим», стал организатором псковских боевых сил, вождем их борьбы с Литвой, руководителем местной псковской политики. Водворение в Пскове литовского князя поразило в. к. Ярослава; он спешит «со мною силою Низовскою» в Новгород, «хотя ити на Псков, на князя Доманта», но новгородцы «возбраниша ему, глаголюще: оми, княже, тебе с нами уведемся тоже поехати на Псков». Успешные боевые действия Довмонта увлекли новгородцев; помимо великого князя, они рвутся к активным, наступательным действиям и, видимо, находят сочувствие в младших князьях, прежде всего в Дмитрии Александровиче.

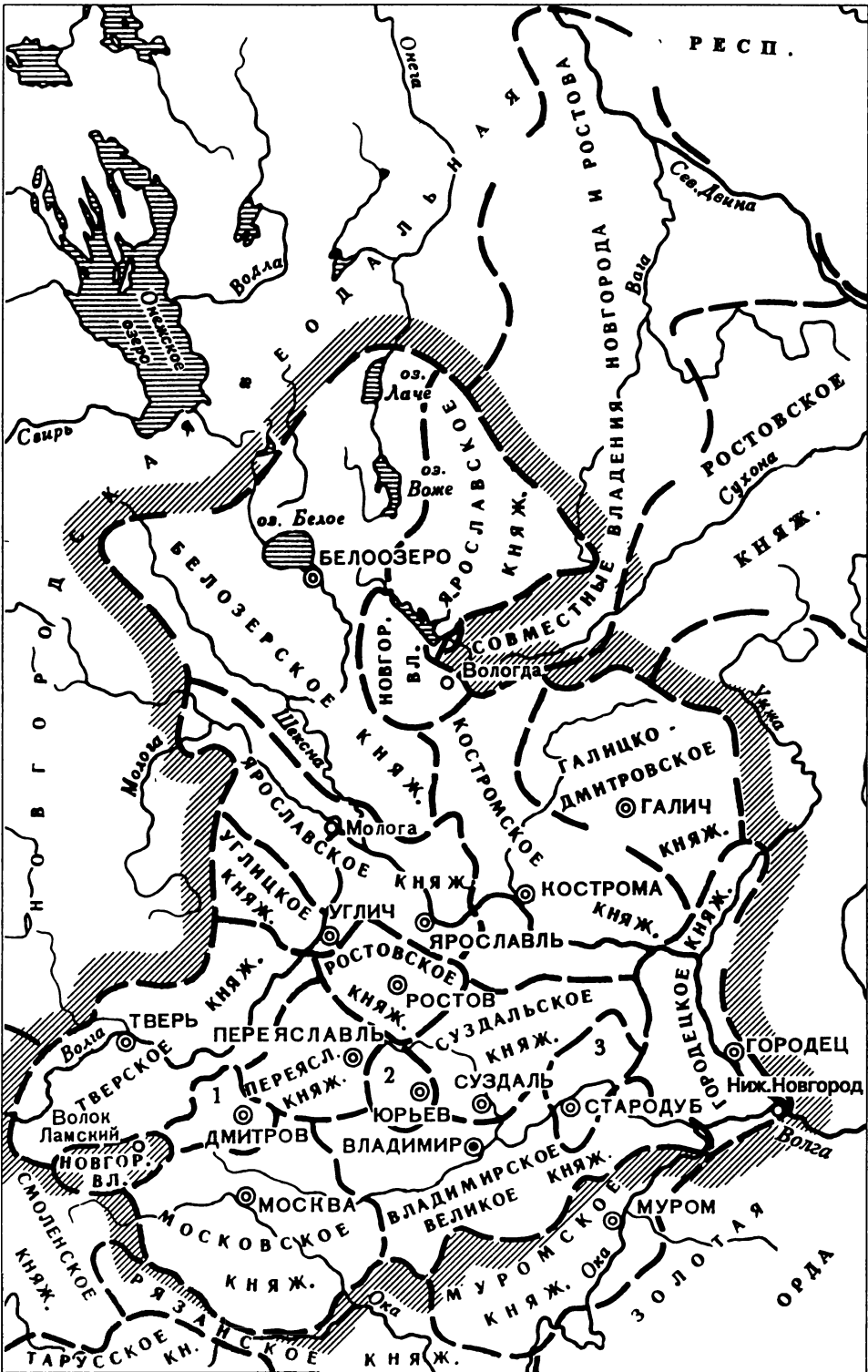
виче⁵⁷, которому и выпала роль продолжателя отцовских подвигов. После целого года смут, новгородцы добились, помимо великого князя, организации большого похода русских князей на Раковор под руководством переяславского князя Дмитрия Александровича⁵⁸. Битва под Раковором была удачна, но стоила больших потерь, а главное, не дала никаких результатов, кроме озлобления соседей. Немцы не замедлили ответить набегом на Псков, а с русской стороны боевая энергия утасла, князья разъехались, не учинив, подобно тому как в 1228 г.⁵⁹, мира и «никакого добра». Создалось положение, из которого не было выхода без обращения к великому князю. И после долгих раздоров и сношений с в. к. Ярославом новгородцы вынуждены передать свое дело в его руки. Ярослав добился смены нескольких должностных лиц, избрания тысяцким своего кандидата и тогда только призвал «низовские» полки и татарскую помощь, чем принудил немцев вернуть весь полон и «отступиться всей Неровы»⁶⁰. Восстановление руководящей роли великого князя во внешней политике Великого Новгорода соединено с попыткой Ярослава заново усилить свою власть и в делах внутреннего управления; он стал поступать в Новгород, как вотчинный владелец, не считаясь ни с новгородской «пошлиной», ни с торговыми отношениями Великого Новгорода⁶¹. Ярослав лично долго пробыл в Новгороде, на Городище, но в 1269/70 г. поднялся «мятеж» в Новгороде, «хотяще князя Ярослава изгнати из града»; его сторонников били и грабили, а к князю послали, «исписав на грамоту всю обиду его», с требованием, чтобы он пошел прочь из Новгорода, «а мы себе добудем князя», и настояли на отъезде в. к. Ярослава с Городища, хотя, по летописным сообщениям, он заявил новгородскому вечу через сына Святослава и боярина Андрея Воротиславича готовность «лишиться» всех незаконных захватов и целовать крест «на всей воле новгородской». У новгородцев был готов кандидат на стол их княжения: князь Дмитрий Александрович, но он уклонился от соперничества с дядей, а когда Ярослав «нача полки копите на Великий Новгород», призывая и татар в помощь, князь Дмитрий повел своих переяславцев против Новгорода по зову великого князя. Однако за Новгород вступился второй Ярославич – Василий⁶²; Василий поехал в Орду с новгородскими послами и «возврати рать татарскую», убедив хана, что «новгородци пред Ярославом правы»⁶³. В. к. Ярослав не смог смирить новгородцев силою, вынужден был искать мира на всей воле новгородской под поручительством всех русских князей: новгородцы подняли на защиту все пригороды и волости свои⁶⁴. Потребовались увещательная грамота митрополита Кирилла к новгородцам и его поручительство за великого князя, чтобы привести их к примирению с в. к. Ярославом⁶⁵.

Эти новгородские дела за время великого княжения Ярослава Ярославича заслуживали подробного обзора по их показательности для упадка великокняжеского авторитета. Опора, какую великий князь искал во власти ордынского хана, оказалась «палкой о двух концах»; хан – в положении верховного судьи русских отношений признал новгородцев правыми перед великим князем, по представлению их послов и князя Василия Ярославича. Необходимость для «великого княжения Владимирского и Новгородского» обладания Великим Новгородом – возвышала значение Новгорода в общерусских делах⁶⁶. В ту пору широкое развитие новгородской торговли давало руководящим сферам господина Великого Новгорода значительные материальные средства; эти сферы приобретали особый вес в Орде и у князей, а с другой стороны, усилилось самостоятельное, даже решительное значение новгородских и псковских интересов в вопросах западной великорусской политики. Зависимость великого князя от ордынской власти и новгородской силы ослабляла его авторитет по отношению к другим князьям, которые могли искать и искали самостоятельных связей и с той и с другой ради собственной выгоды и честолюбивых стремлений.

Эти общие черты политического положения Великороссии в последние десятилетия XIII века создавали весьма благоприятную почву для развития княжеского владельческого сепаратизма в ущерб объединению всей Великороссии под общей властью Владимирского великого князя. Строго говоря, у нас нет достаточных оснований, чтобы сказать про самого в. к. Ярослава Ярославича, что его главная опора не столько великое княжение, сколько его вотчинные тверские владения; в роли его «подручников» видим князя Юрия Андреевича Суздальского, Глеба Смоленского, вероятно, и других младших – ростовских, ярославского, в составе «низовской» его рати. Однако брат его Василий Ярославич и племянник Дмитрий Александрович – ведут свою политику, подрывая великокняжеский авторитет и в Орде, и в Новгороде Великом, и в своей княжеской среде⁶⁷.

Князь Василий Ярославич остановил наступление Ярослава на Новгород – ходатайством за новгородцев перед ханом и свидетельством в их пользу. Осторожное поведение князя Дмитрия Александровича объясняется, быть может, тем, что у в. к. Ярослава было от хана разрешение смирить Новгород. Но возможен, кроме того, и иной мотив; есть указание на то, что в. к. Ярослав стремился примирить с собой Александровичей и иметь их на своей стороне. Выше мы видели, что он в 1265 году в «Новгороде остави князя Дмитрия Александровича», княжевшего там при отце и ради призвания Ярослава на новгородское княжение оттуда изгнанного; а затем послал ему в помощь свои полки для

**Княжества Северо-Восточной Руси в 70-е годы XIII века
(по В.А. Кучкину)**

- 1 Галицко-Дмитровское княжество
- 2 Юрьевское княжество
- 3 Стародубское княжество

новгородского похода, затеянного против его воли. С другой стороны, младший Александрович, Андрей, княжил на Городце Поволжском и Нижнем Новгороде⁶⁸, что могло произойти только по соглашению с великим князем⁶⁹.

Вся деятельность Ярослава Ярославича – борьба за сохранение подлинной силы великокняжеской власти; не видно в этой деятельности «вотчинного владельца» Тверской земли, хотя Ярослав – тверской князь, сохраняет Тверь, как личное княжое владение, и по занятии великокняжеского стола, а после его кончины (в 1271 году) тверской отчиной владеют его сыновья Святослав и Михаил. Единственная подлинно «тверская» черта в биографии в. к. Ярослава Ярославича – его погребение в Тверском храме св. Козьмы и Дамиана; Ярослав скончался на пути из Орды, и его тело повезли хоронить не во Владимир, а в Тверь⁷⁰. Сообщив о кончине в. к. Ярослава, летописные своды пишут, по старому шаблону: *«того же лета сяде в Володимери на столе князь Василий Ярославич Костромский и бысть князь великий Володимерский и Новгородский»*⁷¹. На деле произошло нечто иное⁷². Василий Ярославич, по-видимому, обеспечил себе ярлык на великое княжение тотчас после смерти брата⁷³ и поспешил занять великокняжеский стол и стольный Владимир, но тут узнал о сношениях князя Дмитрия Александровича с Великим Новгородом и отправил туда своих послов⁷⁴, а когда новгородцы «яшася за князя Дмитрия», сделал, по-видимому, попытку перехватить его по дороге к Новгороду⁷⁵, но не успел, и князь Дмитрий «сяде на столе» в Новгороде. Тогда Василий захватил Торжок, посадил там своих наместников, вернулся во Владимир и подготовил новый поход на Новгород, одновременно из Владимира, откуда выступил сам великий князь с Владимирским «великим баскаком» и «многими татарами царевыми», и из Твери, откуда пошел на новгородские волости Святослав Ярославич (тоже с «татарами царевыми»)⁷⁶. Однако и на этот раз дело свелось к разорению новгородских волостей. В. к. Василий вернулся во Владимир и распорядился захватом всех новгородских купцов с их товарами во Владимире, Твери и Костроме; началась обычная при разрыве с великими князьями дороговизна хлеба в Новгороде. Князь Дмитрий Александрович сделал попытку организовать отпор «всею областью новгородскою», но рать дошла только до Торжка, где засели наместники великого князя, и стала тут вечею, которое решило «отметатися» от князя Дмитрия, а звать на княжение великого князя. Князь Дмитрий ушел от них в свой Переяславль, а в Новгороде «посадили на столе» в. к. Василия⁷⁷.

Кратковременное великое княжение Василия Ярославича (ум. 1276 г.) – бледная страница в летописной традиции, ничем характерным не отмеченная, кроме новгородских дел⁷⁸.

III

С в. к. Василием Ярославичем сошло с исторической сцены старшее поколение князей. Это знаменательный момент в схеме С.М. Соловьева. *«Мы достигли того времени, когда прежние понятия о праве старшинства исчезают; великие князья показывают ясно, что они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получив область Владимирскую, старается увеличить свою собственность за счет других княжеств. Но когда преобладание понятия о собственности, отдельности владения заставляло каждого великого князя заботиться только о самом себе, то все остальные князья не могут уже более доверять родственной связи, должны также заботиться о самих себе, всеми средствами должны стараться приобрести силу, потому что им оставался выбор: либо быть жертвой сильнейшего, либо других сделать жертвами своей силы. Вот почему мы видим теперь восстание князей на великого, с попранием всех старинных прав, родовых отношений»⁷⁹.*

Основной мотив княжеских усобиц *«недоверчивость князей к великому князю Владимирскому, постоянное нерасположение их к каждому князю, присоединявшему к своему уделу Владимирскую область»⁸⁰.*

Вдумчивая наблюдательность С.М. Соловьева метко выдвинула характернейшую черту событий, разыгравшихся в последнее десятилетие XIII и первое XIV веков: союзы младших князей между собою и с Новгородом Великим против носителей великокняжеского титула и великокняжеских притязаний. Но предвзятая теория междукняжеских отношений внесла в объяснение этого наблюдения черты, не оправдываемые данными наших источников и не соответствующие изучаемой исторической действительности⁸¹.

Необходимо продолжить обзор хода событий, потрясших в эту пору всю политическую жизнь Великороссии. По смерти в. к. Василия прежний соперник обоих дядей, Ярослава и Василия, переяславский князь Дмитрий Александрович мог беспрепятственно занять оба стола великого княжения «Владимирского и Новгородского» и «сяде на столе» сперва во Владимире, затем и в Великом Новгороде⁸². В духе прежних своих выступлений он энергично действует в северо-западных пределах. В первую же зиму своего княжения – совершает «с новгородцами и со всею низовскою землею» поход на корелу⁸³, а в следующем году ставит новое укрепление – город Копорье, который он еще через год «обложи камень»⁸⁴. Как бывало и при Александре Ярославиче, усиленная военная деятельность великого князя в новгородских пределах не замедлила вызвать столкновение ме-

жду ним и новгородцами из-за нарушения новгородской «старинны и пошлины» и противодействия новгородцев властному князю. В 1280 г. новгородский архиепископ Климент едет к великому князю во Владимир послом от Великого Новгорода «о миру» но Дмитрий все-таки пошел на Новгород ратью «с братею своею» и, только «повоевав многы волости Новгородские», заключил мир с новгородцами⁸⁵.

Смута началась с того, что брат Дмитрия Андрей Александрович «испроси себе княжение великое под братом своим старейшим» у хана и «приводе с собой рать татарскую»⁸⁶. Летописные своды сохранили лишь один мотив, поясняющий поступок кн. Андрея: происки бояр – «боярина его Семена Тонглиевича и иных коромольников». С.М. Соловьев отождествил, вслед за Карамзиным, этого Семена Тонглиевича с костромским боярином Семеном, воеводой в.к. Василия Ярославича, который сыграл такую видную роль во враждебных действиях своего князя против Дмитрия Александровича; этим отождествлением, которое надо признать весьма вероятным⁸⁷, устанавливается связь между борьбой против Дмитрия его дяди Василия Ярославича и восстанием на него же брата Андрея. Не личные мотивы князей, а настроения и тенденции окружавшего их боярства дали бы нам полное понимание событий. Но летописи заняты только князьями и дают лишь случайные (и тем более ценные) намеки на значение боярских влияний в междукняжеских отношениях и политике носителей княжой власти.

Приход князя Андрея с ханским ярлыком и татарским войском сплотил вокруг него русских князей. Дмитрий Александрович бежал из Переяславля «в мале дружине» к Великому Новгороду, однако здесь его не только не приняли, но встретили «всем полком», чтобы помешать ему засесть в Копорье, где были его наместники с гарнизоном⁸⁸.

Кн. Дмитрию пришлось отказаться от этой мысли и идти, куда ему новгородцы «путье покажаша» – по всей вероятности во Псков⁸⁹. В ту же зиму прибыл в Новгород князь Андрей Александрович и «сяде на столе»⁹⁰; он был еще в Новгороде, когда кн. Дмитрий пробрался в Переяславль⁹¹, готовя новую борьбу. С опаской от брата вернулся в.к. Андрей во Владимир, сопровождаемый новгородцами, и поспешил на Городец в Орду. Посадник Семен Михайлович, обеспечив Андрею безопасное возвращение из Новгорода, занял «засадю» Торжок и не допустил его захвата наместниками кн. Дмитрия, а Новгород обеспечил удовольствием на случай неудачи в обороне Торжка. Однако поворот отношений в пользу кн. Дмитрия уже намечен. Ему удалось собрать достаточные силы, чтобы встретить под Дмитровым тверскую рать князя Святослава Ярославича, московскую

князя Даниила Александровича и войска Великого Новгорода и склонить противников к миру. Новые татарские силы, какие привел на него брат Андрей, принесли только разорение земле, но не укрепили великого княжения за Андреем. Кн. Дмитрий ушел в Орду к Ногаю и, вероятно, заручился помощью ногайских татар против золотоордынских союзников Андрея. Его возвращение сопровождается примирением братьев, несмотря на противодействие новгородцев: князья русские перешли на сторону Дмитрия⁹², который отразил союзных Андрею татар⁹³, принудил его уступить себе и великое княжение и стол Великого Новгорода, а затем расправился с его боярами: Семена Тонглиевича велел убить, других «изымал».

Однако ему не удалось закрепить свой успех на сколько-нибудь прочных основаниях и восстановить авторитет великокняжеской власти, расшатанный усобицей, разорительной для страны, злобной и суетливой, и еще более — поруганный татарским засильем при постоянном княжеском искательстве в Орде перед ханом, ее вельможами, баскаками и послами. Юный тверской князь «не въсхоте, Михаил Тверской, поклонитися великому князю Дмитрию и нача наряжати полки»⁹⁴ и встретил у Кашина рать в. к. Дмитрия, который шел на него с братьями, с ростовским князем и с новгородским полком; но мир был заключен без боя⁹⁵. Однако напряженность междукняжеских отношений и вражда к в. к. Дмитрию не улеглись и на этом мире, а смуты в Орде, где шла своя борьба за ханскую власть, создавали удобную почву для княжеских интриг и происков. В 1293 г. кн. Андрей Александрович поехал в Орду с жалобами на старшего брата, и его поддержали другие князья⁹⁶. Хан Тохта дал Андрею свою рать на в. к. Дмитрия с братом своим Дюденом. И снова «замятеся вся земля Суздальская». В. к. Дмитрий бежал в Псков, татары, водворяя нового великого князя, пограбили Владимир и еще 14 городов, а Великий Новгород отклонил их дарами от разорения своих волостей и похода на Псков. Князь Андрей занял новгородское княжение, а кн. Федор Ростиславич — переяславское. Но изгнанный Дмитрий нашел опору в Твери. Туда он перебрался из Пскова и оттуда вел переговоры с братом. Переговоры кончились миром, условий которого мы в точности не знаем, но княжич Иван Дмитриевич получил Кострому, а Федор Ростиславич покинул Переяславль, разорив его пожаром: в Переяславль ехал с Твери кн. Дмитрий, да по дороге разболелся и умер⁹⁷ в 1294 г.

Стол великого княжения занял Андрей Александрович. Его великое княжение полно раздоров; основной их мотив — спор о владении Переяславлем, а действующие силы — Тверь и Москва. Выступление этих «младших» городов, как самостоятельных поли-

тических сил, вскрывает значительность внутренних изменений, которые назрели в жизни Великодержавии под оболочкой старой организации Владимиро-суздальского великого княжества, разлагавшейся в смутах.

Кажутся бесспорными вотчинные притязания на Переяславль именно старшей линии Александровичей Невского. Однако в его судьбах определенно и ярко выступают две иные черты тех же традиций «княжого права», которыми создавались и эти притязания. Переяславль – отчинный город для всех Александровичей – а возможен спор о том, принадлежал ли он в. к. Дмитрию «в вотчину» или как старейший во всей братии – Александровичах Невского. А это создавало связь Переяславля с великим княжением, поддержанную другим, еще более важным стремлением отстоять за Александровичами преимущественное отчинное притязание на само Владимиро-суздальское великое княжение.

Князь Андрей Александрович отнимает – ханской милостью и вооруженной силой – у брата Дмитрия и стол великого княжения и Великий Новгород, отнимает и Переяславль, который пытается передать, по своей воле, союзнику Федору Ростиславичу. Все в его действиях, с традиционной точки зрения, произвол – насилие, интрига, так как он «выбивает из земли» старшего брата, но совокупность его целей и домогательств не выходит, по видимому, за круг обычных представлений о великокняжеской власти.

Вторично князь Андрей «сел» на великом княжении уже после смерти брата; эта смерть делала только что заключенное с ним соглашение политически излишним, и новый великий князь, съездив в Орду, снова подымает вопрос о Переяславле, и снова «бысть нелюбие межи князей русских». На этот раз видим попытку разрешить «нелюбие» на княжеском съезде, который в одном летописном тексте характерно назван «разъездом в Володимери». По одну сторону стали в. к. Андрей с князьями Федором Ростиславичем и Константином Борисовичем, а по другую, переяславский отчич Иван Дмитриевич с московским князем Даниилом Александровичем и тверским Михаилом Ярославичем, а с ними в «Переяславци с единого»⁹⁸. Бурный «разъезд»⁹⁹ в присутствии ханских послов кончился соглашением, при посредничестве епископов владимиро-суздальского Симеона и сарского Измаила, и князья разъехались «кождо во свояси». Но в. к. Андрей не примирился с таким соглашением, а стал собирать полки, чтобы идти на Переяславль; князь же Иван Дмитриевич поспешил в Орду – закрепить решением ханской власти свое отчинное право, а защиту своей отчины поручил Михаилу Тверскому и Даниилу Московскому; они стали с войском у Юрьева, не дали в. к. Андрею подступить к Переяславлю и принудили его «сми-

риться» с ними¹⁰⁰. Несмотря на совместные действия тверского и московского князей для обороны Переяславля от великокняжеских покушений Андрея Александровича, весьма вероятно, что уже намечались поводы их близкого соперничества, вскоре разразившегося упорной борьбой за господство над всей Велико-россией. На съезде князей¹⁰¹ в 1301 году у Дмитрова князя «взяша мир межи собою», но «Михаил с Иваном не dokonчали межи собою»¹⁰²; по-видимому, вопрос о дальнейших судьбах Переяславля был тут уже поставлен и вызвал разногласия прежних союзников. Весной 1302 г. умер переяславский князь Иван Дмитриевич; в. к. Андрей поспешил занять Переяславль своими наместниками, но князь Даниил Александрович «посла наместники своа в Переяславль, а князь Андреевы наместники збежаша». Занятие Переяславля кн. Даниилом Александровичем было подготовлено и обусловлено предсмертными действиями кн. Ивана, то или иное понимание которых весьма существенно для определения основ «княжого права» данной эпохи.

Старейшей формулой летописной записи надо признать ту, что сохранилась в харатейной Троицкой летописи: кн. Иван Дмитриевич «благослови в свое место князя Данила»¹⁰³. В силу такого благословения «сяде Данило на Переяславли»¹⁰⁴ и водворил в Переяславле своих наместников. Даниил стал князем переяславским. В упоминании о том, как на Дмитровском съезде 1301 г. выступали «переяславци с единого» и как после кончины кн. Даниила (в марте 1303 г.) «переяславци яшася за сына его за князя за Юрья и не пустиша его и на погребение отче»¹⁰⁵, видим указание на участие переяславцев не только в обряде его посажения на стол переяславского княжения, но и в самом укреплении его притязаний на это княжение.

Однако созданы эти притязания кн. Даниила на Переяславль благословением его «в свое место» князем Иваном: пример так называемой номинации предшественником преемника (аналогичной и благословению, какое давали митрополиты, по соглашению с великими князьями, желательным кандидатам на митрополию), какие бывали и в Киевской Руси¹⁰⁶.

Этим еще не были исчерпаны правовые моменты, необходимые для утверждения Даниила на переяславском княжении: нужны были признания со стороны великого князя и остальных князей и санкция хана. Кн. Даниил этого не успел добиться. Но в 1308 г., когда князь Андрей Александрович вернулся из Орды с ханскими послами, в Переяславле был съезд, на котором присутствовали «царевы послы», в. к. Андрей с митрополитом Максимом, князя Юрий и Иван Даниловичи и «вси князи». «И ту чли грамоты, царевы ярлыки», а закончился съезд на том, что «князь Юрий прия любовь и взя себе Переяславль»¹⁰⁷. Вся обстановка

этого дела была бы, по существу, вполне понятна южно-русско-му князю XII века и протекало оно в обычных, традиционных формах междукняжеских отношений¹⁰⁸.

Лишь по смерти в. к. Андрея Александровича (летом 1304 г.) разыгрались события, которые знаменательны, как своего рода перелом в политической истории Великороссии. А время борьбы братьев Александра Невского за власть можно назвать весьма скудным по историческому содержанию пережитых Великороссией событий. Личная борьба князей-братьев и скрытая за ней борьба боярских групп – только симптомы разложения и упадка старой великокняжеской власти Владимирских князей. Дмитрий и Андрей Александровичи борются за обладание этой старой великокняжеской властью, построенной на обладании стольным княжением во Владимире и в Великом Новгороде и на первенстве великого князя среди князей северной Руси. Поскольку их деятельность не поглощена усобицами, происками в Орде, междукняжескими переговорами и спорами, она носит характер прямого продолжения, хотя скудного силами и бедного результатами, великокняжеской деятельности Александра Невского и старших Ярославичей. Мы видели в. к. Дмитрия Александровича, который и при жизни дяди Ярослава пытался идти по следам отца, – в походе на корелу «с низовцами и с новгородцами», в строительстве крепости Копорья, столь важного для боевой обороны новгородских пределов, что дорожить им будут и московские государи; его воеводы и позже приходили на помощь новгородцам¹⁰⁹. Ослабление великокняжеской защиты новгородских пределов, неизбежное в эпоху внутренних смут и татарского засилья, открывало все более широкие возможности шведскому наступлению на спорные земли¹¹⁰. Новгородцы все более чувствуют себя покинутыми на собственные силы¹¹¹. Но это только вопрос факта; ни новгородцы, ни великие князья не теряют из виду «общерусского» характера этой западной борьбы, и в. к. Андрей, по мере сил и возможностей, принимает в ней участие, то организуя поход с новгородским полком помощи брянскому князю Роману Глебовичу¹¹², то отпор шведскому укреплению на берегах Невы¹¹³. Ни в чем не видно на всей борьбе и деятельности князей Дмитрия и Андрея, чтобы они, *«получив Владимирскую область, старались увеличить свою собственность за счет других княжеств»*. На великом княжении Дмитрий не более «перемыславский», а Андрей, не более «городецкий» князь, чем Ярослав был «тверским» или Василий «костромским»; и летописные тексты не подтверждают утверждения, что князь Андрей Александрович *«жил в Городце и, будучи великим князем Владимирским, как Ярослав, жил в Твери, Василий в Костроме, Димитрий в Переяславле»*¹¹⁴.

Однако при всей живучести «великокняжеских традиций» власть великих князей Владимирских находилась в эпоху братьев и сыновей Александра Невского в состоянии все нарастающего упадка. Великокняжеским притязаниям старших Александровичей не соответствовали ни реальные их силы, ни подлинное значение в общей политической жизни Великороссии. Иллюстрировать помянутую «живучесть великокняжеских традиций» приходится фактами мелкими, немногочисленными попытками носителей великокняжеской власти действовать по-старому, в духе Александра Невского, притом попытками, которые не только не стоят на первом плане в суетливой и тревожной деятельности этих великих князей, но теряют смысл последовательной и выдержанной политики. И это не только потому, что сузился круг задач этой политики, что измельчали ее цели, что сведена она к поддержке слабеющей самозащиты на окраинах Великороссии, преимущественно (почти исключительно) западных; более роковой для исторических судеб великокняжеской власти, связанной со столом Владимирского княжения была потеря ею руководящего значения даже в тех действиях, какие были необходимы для этой самообороны северной Руси от внешних опасностей. Новгород и Псков, некогда роптавшие на чрезмерную зависимость своих отношений к соседям от произвольного военно-политического хозяйничанья Владимирских великих князей на западных границах Великороссии, берут, чем дальше, тем больше, эту западную политику в свои руки, все повышая подлинно государственный характер своего местного «народоправства»; Псков почти вовсе ушел из-под влияния великокняжеской власти, входя все глубже в круг обособленных от великорусской жизни западнорусских, литовских и немецких отношений. Великий Новгород теснее соединен с Великороссией рядом экономических и политических связей; но и у него своя политика со шведами, датчанами и прибалтийскими немцами, с Литвой и Псковом, с Ордой и русскими князьями, которые в нем ищут влиятельного и богатого союзника не меньше, если не более, чем сам он нуждается в их воинском умении и «низовских полках»¹¹⁵; растет, соответственно этому, и политическая вольность господина Великого Новгорода и его влиятельная роль в разрешении внутренних столкновений во Владимирском великом княжении из-за великокняжеской власти и ее отношений к местным владетельным князьям. Само развитие этих внутренних столкновений великорусского княжества свидетельствует о глубоко упадке великокняжеской власти, о потере ею значения существенного и необходимого политического центра каких-либо общих интересов северной Руси. Эти столкновения быстро разрастаются в борьбу за владимирское наследство, в кото-

рой главными действующими силами будут Тверь и Москва. Но в чем же состояло это «владимирское наследство» и за что борются новые исторические силы?

Ослабленное и внутренне-расшатанное Владимирское великое княжество сохранило до кончины в. к. Андрея Александровича старую политическую форму и основы старого внутреннего строя, как он определился со времени кончины Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, а более устойчиво – с тех пор, как Святослав Всеволодович «сыновци свои посади по городам, якоже бе им отец урядил Ярослав»¹¹⁶.

Святослав, пишет С.М. Соловьев, *«утвердил племянников своих, сыновей Ярослава, на уделах, данных им покойным великим князем»*, и поясняет: *«здесь впервые считаем себя вправе употребить это слово, означающее отдельное, выделенное владение, остающееся постоянно при одной княжеской линии, ибо прежние волости княжеские не были уделами, и древний летописец не знает этого слова»*¹¹⁷. Но слова этого не знают ни летописные тексты, относящиеся к XIII веку, ни какие-либо иные памятники письменности этого времени. А под понятие «отдельного, выделенного владения, остающегося постоянно при одной княжеской линии» подойдет целый ряд явлений княжеского владения в Киевской Руси, начиная с Полоцкого княжества, выделенного Владимиром Святым для сына Изяслава и оставшегося отчиной «Рогволожих внуков», но не подходит именно тот вид княжеского владения, какой в XIV в. и летописи, и княжеские грамоты называют – уделами¹¹⁸. Обратимся к фактам.

На ростовском княжении сидели осиротевшие в татарское лихолетье Васильковичи, Борис и Глеб, как до того – старшее поколение ростовских отчичей – Константиновичи. В порядках ростовского княжого владения – первый наглядный пример владения отчиной по уделам. Константиновичам – Васильку и Всеволоду – отец назначил первому Ростов, второму Ярославль, а Владимир, быть может, тоже по «ряду» отца – князь углицкий; однако такое определение княжичам уделов в общей их отчине не делает их обособленными друг от друга «князьями – собственниками»: три Константиновича – ростовские князья и вторым выступают вместе представителями княжеской власти Ростовского княжения¹¹⁹. Но уделы – потомственны, а переход их к следующим поколениям неизбежно грозит – по мере ослабления семейных связей – разрушением единства общей отчины; владение ею по уделам легко может перейти в обособление ее частей как вотчин отдельных княжеских линий. Так, по смерти Всеволода Константиновича оторван от ростовской отчины Ярославль, правда, совсем не обычным путем, ибо, по решению князей родичей, не только оставлен за вдовой княгиней и ее

дочерью¹²⁰, но перешел затем к зятю, мужу этой Всеволодовны, князю Федору Ростиславичу и остался (1299 г.) особой вотчиной его сыновьям¹²¹. Углицкий удел остался после кончины старших братьев за кн. Владимиром Константиновичем, так как Ростов укреплен за Васильковичами, его племянниками; и тем не менее связь Углича с ростовской отчиной не утрачена: когда угасло потомство кн. Владимира на втором его сыне Романе (ум. 1285), Углич вернулся во владение ростовских князей.

Собственно Ростовское княжество осталось за братьями Васильковичами, а внутри его наметился удел князя Глеба. Возможно, что летописная запись под 1251 г.: «поеха Глеб на Белоозеро в свою отчину» действительно означает переезд Глеба Васильковича из Ростова на княжение в Белоозеро. Однако он из-за этого не перестает быть ростовским князем, каким был, вместе с братом, и до того, хотя, быть может, Белоозеро и ранее считалось его уделом; кн. Глеб и впредь принимает вместе с братом участие во всех ростовских делах. В 1277 г., когда все русские князья были вызваны в Орду с военными дружинами для участия в ордынском походе на Ясов, князь Борис Васильевич умер, а Глеб вернулся на ростовское княжение один¹²². Он умер в следующем году, и тогда «по нем седости два князя в Ростове Дмитрий да Константин, Борисовы дети Васильковича»¹²³. Для ростовского княжества настал критический момент: Белоозерский удел грозил выделиться в особое вотчинное княжение Михаила Глебовича и его потомков. Одна только Никоновская летопись сообщает, что князь Михаил по смерти отца «сяде в вотчине его на Белоозере»¹²⁴; другие своды прямо переходят к сообщению о ростовской смуте. Началась она с того, что «князь Дмитрий Борисович отымал волости у князя Михаила Глебовича со грехом и неправдою великою»¹²⁵. Через год поднялась «вражда и крамола» между братьями Борисовичами. Константин уехал во Владимир к в. к. Дмитрию Александровичу, а Дмитрий Борисович «нача рать совокупляти в Ростове блюдяся братьи»¹²⁶. Великий князь на этот раз примирил Борисовичей, но не на долго. 1285 год принес новый компромисс между ними; им досталось Углицкое княжество, когда угасла линия местных углицких князей, и Константиновичи «разделиста отчину свою» в ее новом, расширенном объеме¹²⁷, притом так, что Дмитрий Борисович занял углицкое княжение, а Константин ростовское¹²⁸. Такая комбинация не могла удовлетворить князя Дмитрия; он сблизается с в. к. Дмитрием Александровичем, выдав дочь за его сына Ивана, входит в его планы, участвует в его походе на Тверь, а с этим связано известие, что он снова занял Ростов и «нача ведати всю свою отчину», очевидно – с поддержкой в. к. Дмитрия и татар¹²⁹. Константину Борисовичу пришлось смириться и, видимо,

остаться без самостоятельного владения, вторым ростовским князем при брате, после кончины которого в 1294 году Константин занял стол Ростовского княжения, посадив в Угличе сына Александра¹⁰.

Стол Суздальского княжения занимал после отца, кн. Андрея Ярославича, кн. Юрий Андреевич, но вся деятельность его, насколько она нам известна, принадлежала Великому Новгороду, под рукой великого князя; только последние годы жизни (ум. 1279 г.) провел он, видимо, в Суздале, так как об участии его в каких-либо делах этих лет не слышно; в суздальском соборе и погребен князь Юрий, а стол княжения перешел к его братьям, Михаилу, затем Василию, от которого и пошли позднейшие суздальские князья¹¹.

Кроме этих вотчинных княжений остается упомянуть о Галицком, Стародубском, Юрьевском. Галичем владели по смерти кн. Константина Ярославича (ум. 1255 г.) его сыновья Давид (ум. 1280 г.) и Василий (упом. под 1310 г.), о которых до нас дошли только случайные упоминания¹². Стародубом – князья, потомки Ивана Всеволодовича, о которых сведения столь скудны, что оставляют спорной даже их генеалогию¹³. Юрьевом Польским владел по смерти кн. Святослава Всеволодовича (ум. 1253) сын его Дмитрий, по смерти которого (в 1269 г.) упоминается лишь под 1340 г. юрьевский князь Иван Ярославич¹⁴.

Таков состав вотчинных княжений на территории Владимирского великого княжества, кроме Москвы и Твери – накануне их многозначительной борьбы за великокняжескую власть.

Бурная история Ростовского княжества весьма характерна. Она показывает, как мало было во внутренней жизни Владимирского великого княжества XIII века условий, благоприятных для установления сколько-нибудь прочных и устойчивых княжеских владений – вотчинных княжений, замкнутых в себе и обособленных от более широкой политической жизни. Во внутренних отношениях Ростовского княжества тяга к вотчинному распаду встречает резкое противодействие князя Дмитрия Борисовича, который выступает против братьев – родного и двоюродного – с попыткой одному «ведати всю свою отчину» – с Белоозером и Угличем; его приобретения – не «примыслы», его деятельность скорее попытка добиться более крупного княжеского значения, и, пожалуй, можно его назвать своего рода Андреем Боголюбским малого калибра. Честолюбивые цели князя Дмитрия недостижимы без участия в общих делах великого княжения, в которых ростовские князья, как и ярославский Федор и суздальский Юрий, выступают активными деятелями. Общая жизнь великого княжества еще преобладает над разобщенностью княжеских интересов; от нее они сильно зависят, ее ус-

ловиями – определяются. Князья всей Владимиро-Суздальской земли группируются вокруг великого князя, участвуют в его походах под его воинским предводительством или по его посылкам, ездят с ним в Орду, им созываются на съезды для решения спорных вопросов. Летописные своды отметили и бытовую сторону этого общения князей «низовской» земли, перечисляя их, как присутствующих на каждой свадьбе, на каждом погребении членов своей среды. В смутные годы Александровичей – нет еще «частных» войн между отдельными вотчинными княжениями; первые примеры таких войн дадут московские захваты Можайска и Коломны¹¹⁵. Усобицы XIII века – подлинные междоусобия внутри политически единого Владимирского великого княжества; местные споры еще неразрешимы, помимо великого князя, блюстителя общего мира и княжеского права. Содержание усобиц XIII века – борьба за великокняжескую власть, и их участники объединены вокруг того или другого претендента на него. От таких усобиц «замятеся вся земля Суздальская»¹¹⁶.

С.М. Соловьев отметил характерную черту этой «замятни» – восстание младших князей на великого. Однако борьба идет то за обладание великокняжеской властью, то за Переяславль, с которым связаны далеко захватывающие представления о наследии Александра Невского¹¹⁷; ведут ее две группы князей – часть их стоит на стороне данного носителя великокняжеского титула и власти, а главные противники великих князей Дмитрия, затем Андрея – князя тверской и московский ищут союза с Великим Новгородом: для них эта борьба путь к великокняжеской власти и политике¹¹⁸.

«Владимирское наследство» есть, прежде всего, великокняжеская власть, первенство во всей Великороссии, притязание на распоряжение ее боевыми силами и на руководство ее отношениями к Орде и к соседним странам. Со столом Владимирского великого княжения связаны вековой традицией притязания на княжескую власть в Великом Новгороде, в котором для великих князей опора более широкого политического значения и возможный источник материальных средств, а из-за Пскова с Новгородом – и во Пскове, хотя он и обособлялся все больше в своих западных отношениях и связях. До конца XIII в. Владимирские великие князья сохранили некоторое влияние и на Смоленск, и на княжества распавшейся Чернигово-северской земли. В делах западной великокняжеской политики участвуют при Дмитрии и Андрее Александровичах, по их зову и их «посылке» князья смоленский и брянский. Тесно примкнули к Владимирскому великому княжению княжества Муромское и Рязанское. До Батыева нашествия муромские и рязанские князья, как и после, в течение всего XIII в. «не могут, по выражению А.В. Экзем-

плярского, *считаться совершенно самостоятельными, так как ими свободно распоряжаются великие князья владимирские*¹³⁹. В борьбе с мордвой и половцами Рязань и Муром ищут естественной опоры у Владимирского великого князя и участвуют наравне с другими подручными младшими князьями в его походах. Татарский погром и ордынское владычество на время ослабили эту связь самозащиты. Татарское господство легло особенно тяжело на муромскую и рязанскую земли. Летописные своды почти вовсе молчат о них, и наиболее крупное явление в судьбах этих земель за весь XIII и начало XIV в. – «нахождение» татар и разорение от них¹⁴⁰. Великие князья не в силах дать оборону этим окраинам Великороссии, подавленным безысходной трудностью своего положения, пограничного с опасной степью. Местным силам великорусских окраин придется самим организовывать свою самооборону, пока в центре не окрепнет обновленная власть и не возьмет на себя опять это дело; но оглядка на этот центр с попыткой найти в нем опору будет непрерывно поддерживать ослабевшие связи с ним, вопреки назревшим и разросшимся антагонизмам.

ГЛАВА II

Борьба Твери и Москвы за великое княжение «всея Руси»

I

Традиции великокняжеской политики, ослабевшие, но живые, нашли на рубеже XIII и XIV веков – в момент наибольшего упадка великокняжеской власти, опору в тревожных исканиях общественных сил, испуганных опасностью полного распада Великороссии в княжеских усобицах и земской «замятне». Эти силы – боярство и церковь¹. В. к. Андрей Александрович скончался во Владимире (летом 1304 г.)². Сказание о мученической кончине кн. Михаила Ярославича³ утверждает, что кн. Андрей перед смертью «благослови его на свой стол, на великое княжение»⁴. Во всяком случае, митрополит Максим, который с весны 1300 г. перенес свою резиденцию во Владимир из разоренного Киева, и великокняжеские бояре признали Михаила великим князем. Бояре поехали в Тверь; Михаил Ярославич поспешил в Орду заручиться ханским ярлыком, а в его отсутствие бояре, руководимые – по всей видимости – влиятельным и деятельным Акинфом, предприняли ряд шагов для закрепления великокняжеской власти за своим князем. В Орду поехал и московский князь Юрий Данилович искать великого княжения для себя. Попытка митр. Максима предупредить назревшее столкновение князей – не удалась⁵, как неудачной была и попытка бояр, сторонников кн. Михаила, перехватить Юрия на пути⁶. Перед отъездом Юрий Данилович успел занять Кострому, послав туда брата Бориса, но князь Борис захвачен тут и вывезен пленником в Тверь. Кострома занята тверскими боярами; однако костромичи поднялись «вечем» на них и двоих убили⁷. Неудачна была и попытка захватить Великий Новгород: новгородцы не приняли присланных к ним наместников князя Михаила и заключили с его боярами перемирие до приезда князей⁸. В прямую связь с этими же действиями бояр кн. Михаила Ярославича следует поставить события, разыгравшиеся в Нижнем Новгороде, где «чер-

ные люди» поднялись на бояр, а кн. Михаил Ярославич, возвращаясь из Орды, «изби вечников»⁹. Наконец, сделана была попытка захватить и Переяславль, но брат Юрия, Иван Данилович, успел прибыть сюда и подготовить его защиту. Нападение боярина Акинфа с тверской ратью было отбито с большим уроном; пал в бою и сам Акинф¹⁰.

Перед нами значительный момент в истории Владимирского великого княжества, и нельзя не пожалеть, что летописные своды сохранили лишь отрывочные и слишком глухие известия. Но и по этим весьма недостаточным данным ясно, что борьба между Михаилом и Юрием пошла за широкую задачу – за власть над всей Великороссией, стало быть, за восстановление единства ее политических сил и политического главенства над ними. Попытка Михаила Ярославича и его сторонников бояр захватить такие пункты, как Великий Новгород, Переяславль, Кострому и Нижний Новгород, не может быть сведена к «усилению Твери» или «увеличению тверского удела». Явственно проявились более широкие политические притязания; завязалась борьба за наследие великих князей Александра и Ярослава Ярославичей. Михаил Ярославич вернулся из Орды с ханским ярлыком на великое княжение¹¹; в обряде «посаждения на стол» во Владимире принял участие митрополит Максим¹². Первым делом в. к. Михаила был поход к Москве «на князя Юрия Даниловича и на его братью», закончившийся примирением князей. Московским князьям пришлось признать Михаила великим князем, и тем закончилась первая вспышка московско-тверской борьбы. Этот исторический момент характеризуется не только деятельным участием, но даже почином великокняжеского боярства в порыве князя Михаила к захвату великокняжеской власти и восстановлению ее силы; порыв окончился, по существу, неудачей, несмотря на формальное утверждение Михаила на столе великого княжения; предстояла еще долгая и упорная борьба, чтобы наполнить эту форму желанным подлинным содержанием¹³. Но само это содержание было бы не правильно оценивать вне связи с крупным книжническим предприятием, какое около того же времени возникает во Владимире при митрополичьем дворе. Это предприятие – первый «общерусский» летописный свод, составленный, как с достаточной убедительностью выяснил А.А. Шахматов, в начале XIV века¹⁴. Тщательное сравнение состава дошедших до нас летописных сводов привело А.А. Шахматова, между прочим, к выводу, что их составители опирались в трудах своих на обширный летописный свод «общерусский» по содержанию, первая редакция которого была доведена до 1305 г.¹⁵ и обличала обилием известий о событиях северо-восточной Руси свое владимирское происхождение. Богатый свод известий о событиях, часто местного только значения, во всех областях Владимиро-

Суздальской земли в рязанских и черниговских, новгородских и псковских, южнорусских и литовско-русских – свидетельствует о такой широте кругозора и интересов и о таком обилии сведений и источников, какие мыслимы только при дворе русского митрополита. Само положение главы русской церкви давало митрополиту и его клирикам более широкий кругозор; при митрополичьем дворе следили за судьбами не одной какой-либо земли, а всей Великороссии, как и западной Руси. С другой стороны, митрополичья кафедра одна только и могла располагать средствами для выполнения подобного дела: сюда возможно было собрать из всех епархий и крупных монастырей местные летописные записи и своды; тут можно было иметь сведения о сколько-нибудь выдающихся событиях во всех углах Русской земли. Важнее всего с общеисторической точки зрения сам замысел использовать эти возможности для составления «общерусского» летописного свода. Замысел этот, подготовленный старой южнорусской традицией «Киево-печерского Временника» и «Повести временных лет», сложился естественно в великокняжеском стольном Владимире при дворе митрополита в связи с определенной политической тенденцией. Митрополиты, водворившись во Владимире, становятся влиятельным фактором северорусской политической жизни: интересы церкви – в широком смысле слова – делают их сторонниками прекращения всяческих смут и усобиц и поборниками более устойчивого строя отношений с реальной, а не только титулярной – великокняжеской властью. Общерусские летописные своды дают тем самым, ценное освещение и пояснение политической деятельности русских митрополитов XIV и XV веков¹⁶.

Не случайно совпало появление первого опыта общерусского летописного свода с моментом выступления великокняжеского боярства на путь энергичной борьбы за возрождение великокняжеской власти из постигшего ее глубокого упадка. Это боярство не могло не тяготиться все нараставшим ослаблением и унижением старого политического центра, с которым связаны были все его интересы, а водворение во Владимире митрополичьей кафедры с ее общерусскими интересами и старой традицией поддержки внутреннего мира под охраной единого главы светских властей должно было сильно оживить потребность в выходе из создавшегося тягостного положения.

Другое хронологическое совпадение: год кончины митрополита Максима с годом, на котором, по всей вероятности, состоялось изложение первого общерусского летописного свода – приводит А.А. Шахматова к мысли, что составителем этого свода был митрополит, «и всего вероятнее митр. Петр»¹⁷. Однако то обстоятельство, что в Лаврентьевской летописи нет записи о кончине митр. Максима (ум. в декабре 6813) свидетельствует,

по-видимому, о завершении работы над сводом ранее этого события, стало быть при митр. Максиме¹⁸. Замысел составления «общерусского» летописного свода и его осуществление при митрополичьем дворе естественно поставит в связь с другими чертами деятельности митр. Максима. Это первый в ряду управителей русской церкви, который носит титул «митрополита всея Руси»¹⁹, а появление такого титула надо признать симптомом возникновения в церковной среде тенденции противопоставлять все нараставшему упадку единой светской власти единство русской церковной власти. Если позднее Константинопольская патриархия будет отстаивать единство русской митрополии против попыток ее разделения политическим аргументом, что *«великая Русская земля разделена на многие и различные мирские княжества»*, живущие в раздорах и усобицах, а долг церкви *«наставлять всех не только словом, но и делом в любви, мире, взаимном единении и согласии»* выполним на Руси, *«за невозможностью привести к единству власть мирскую»*, только при сохранении единства митрополии всея Руси, чтобы *«единый для всех митрополит»* был *«как бы связью, соединяющей с ним и между собою»* разрозненные политические силы Руси²⁰, то эта мысль, связующая церковное единство с мечтой о приведении к единству власть мирскую, уже видна – и в новом титуле митр. Максима, и в проявлениях его деятельности на Руси. Митрополит Максим поддерживает боярскую попытку не только утвердить за князем Михаилом Ярославичем стол великого княжения, но и усилить великокняжескую власть захватом важнейших городских центров Великороссии. Конечно, нет повода считать митрополита причастным к той тактике торопливых насилий, какими бояре спешили осуществить свои планы, но, по свидетельству сказания об убиении кн. Михаила, митр. Максим пытался своим влиянием и посредничеством устранить соперничество с ним кн. Юрия Даниловича. Сопоставление этих наблюдений дает основание полагать, что митр. Максим усмотрел в тверском князе ту силу, которая способна *«привести к единству власть мирскую»*, согласно с тягой к Михаилу Ярославичу великокняжеского боярства. Этот союз митрополии с великокняжескими стремлениями Михаила нашел себе знаменательное выражение в том, что Михаил Ярославич – первый из русских князей титулуется в патриарших грамотах к нему *«великим князем всея Руси»*²¹. Если такова среда, в которой Михаил Ярославич нашел опору своим честолюбивым стремлениям, то естественно поставить вопрос: почему именно тверской князь стал центром ее политических планов и стремлений? К такому результату вели общее состояние Великороссии и особое положение Тверского княжества. Состояние упадка, в каком мы находим великокняжескую власть Северной Руси на рубеже

XIII и XIV столетий, было лишь одним из симптомов глубокого расстройства великорусской жизни. Лишь постепенно сказывались в течение второй половины XIII века тяжкие последствия ордынского господства. Организованная эксплуатация русского улуса налажена татарской властью в конце 50-х годов XIII в., но вызвала в начале 60-х годов ряд вспышек народных восстаний, которые, конечно, не проходили даром Русской земле, несмотря на деятельное посредничество княжеской власти в ее отношениях к Орде; однако в конце 60-х гг. при хане Менгу-Темире «бысть ослаба Руси от насилья татарского»; между Русью и ханской властью установился известный *modus vivendi*, которого существенным проявлением были весьма частые поездки князей в Орду, как великих, так и остальных для получения ханского «пожалования» великим княжением или «своими отчинами» и для улаживания в Орде других русско-татарских дел и вопросов. К 1273 г. наши источники относят вторую татарскую перепись русского улуса, но мы не знаем, в чем состояло ее отличие от первой и не была ли она простым «обновлением» первого «числа»²². В 70-х и 80-х гг. XIII в. русские области снова не мало потерпели от татарского «нахождения», когда князья наводили на Русь «царевых татар» ради своих усабиц. Эпические выражения летописей при описании этих татарских «нахождений»: «всю землю пусту сотвориша», ушли, наделав «много зла» и с большим «полоном», только скрывают от нас возможность наглядного, хотя бы приблизительного представления о размерах разорения, говорят, однако, о том, что оно было весьма значительно. Столь же мало конкретного в наших сведениях о тягости татарской дани; знаем только, что она увеличивалась вымогательствами ханских послов и баскаков, экстренными «запросами» ордынской власти и «проторями» сношений с Ордой, где приходилось откупаться от ханского гнева и покупать ханскую милость. При преемниках Менгу-Темира Золотоордынское царство переживает период внутренней дезорганизации, смут и прямого распада. Не ослабляя тяготы ордынского господства для Руси, внутреннее брожение татарского мира и ослабление ханской власти усугубили опасность татарского соседства. Последние десятилетия XIII в. отмечены татарскими набегами на рязанские и муромские пределы. Рязанское княжество, предоставленное собственным силам, все более обособлялось, подавленное татарским засильем; отношения рязанских князей к Орде, естественно, определялись помимо великокняжеских. Южная окраина Великороссии не была сколько-нибудь определенно отграничена от татарской степи, и русская колонизация постепенно ползла к югу, за р. Воронеж, на Хопер и Великую Ворону, хотя и под постоянным давлением татарской опасности. Слагались и крепили свои местные рязанские интере-

сы, нарастала своя организация местной политической силы «великого княжества» Рязанского, вне воздействия великорусского центра, нарастал и естественный антагонизм к нему. Восточные отношения Великороссии приняли иной характер, сравнительно с прежними временами. Не слышно больше о походах русских князей на мордву и в Прикамье. Восточно-финские племена под непосредственной властью татар; и тут в значительной мере отрезаны пути колонизации и завоевания. Политическое измельчание восточных областей Великороссии естественный результат упадка какой-либо активной политики на восточных ее пределах. Упадок великокняжеской власти лишил эти области определенного политического центра; XIV в. лишь постепенно выработает тут организацию местной силы вокруг нижегородского княжеского стола. Иное положение дел видим в западной Великороссии. Двойственный характер деятельности Александра Невского – боевая оборона на западе и бессильная покорность на востоке, надолго определил политическую жизнь Великороссии, так как явился неизбежным следствием непреодолимых внешних условий. Расстройство и упадок великокняжеской власти и тут сказались децентрализацией боевых усилий и руководства ими. Мы видели, как росла самостоятельность местной новгородской политики, как Псков обособился в своих местных интересах и отношениях. Однако Тверское княжество не могло оторваться от деятельного участия в этой западной борьбе, так как она близко и непосредственно его касалась. Усиление западных врагов сказывалось нападениями на тверские волости, а экономические интересы издавна связывали Тверь с Новгородом. Весьма вероятно, что Тверь первым заселением обязана была новгородской торговле и связи городка на устье Тверцы с Торжком на ее верховьях²⁴. Со времен Всеволода Юрьевича Тверь в руках Владимирского князя, ключ к Торжку и Новгородской области²⁴. Литовские набеги 1245 и 1248 гг. близко коснулись тверской области; последний из этих набегов был отражен, после гибели в бою с литовцами Михаила Хоробрита, только под Зубцовом соединенными силами низовской земли. При таких связях с западом – в торговых выгодах и боевых опасностях – естественна западная ориентировка тверских интересов и отношений, столь характерная для всей истории Тверского княжества²⁵. Тверской князь в конце XIII в. оказался тем представителем княжой власти, которому неизбежно было принять на себя руководящую роль в политических отношениях западной Великороссии, как наследие разлагавшейся великокняжеской силы. Тверское княжество оказалось достаточно окрепшим, чтобы стать опорой для более широких политических стремлений своего князя-отчича. Этот князь выступает крупной и самостоятельной политической величиной в эпоху

борьбы старших Александровичей за великое княжение. Тверской князь Святослав Ярославич поддерживал, на первых порах, вместе с новгородцами и московским Даниилом князя Андрея против в. к. Дмитрия Александровича, но князья примирились с Дмитрием перед вторичной наводкой Андреем татар на русские области. Переход власти в Твери к Михаилу Ярославичу²⁶ отмечен столкновением его с в. к. Дмитрием²⁷, но Михаил не примкнул к его врагам; тверские бояре организовали сопротивление татарской силе, которую князь Андрей привел на брата Дмитрия. Тверь стала убежищем для уходивших из других областей от татарского насилия²⁸, и об это тверское сопротивление разбились и татарское «нахождение» и планы кн. Андрея: в Твери нашел Дмитрий Александрович опору и поддержку, и Андрей занял великое княжение только по смерти брата. Влиятельную роль играет тверской князь и в спорах за Переяславль, хотя эти споры и разрешились, по-видимому, не согласно с его стремлениями. Союзный договор 1296 г. с Новгородом, участие в Переяславском и Дмитровском съездах характеризуют тверского князя как самостоятельную и влиятельную политическую силу в общих делах Владимирского великого княжества. Так вся предыдущая деятельность князя Михаила могла создать почву для его сближения с митр. Максимом и с великокняжеским боярством. А положение Тверского княжества на западных пределах Велико-россии воспитало в нем наибольшую широту политического кругозора, какая была еще доступна русскому князю XIII века. На первых же порах самостоятельного княжения Михаилу Ярославичу пришлось пережить событие, которое наглядно вскрывало необходимую связь местных тверских интересов с единством Владимирского великого княжества. В 1285 г. «воеваша Литва Олешну и прочии волости владыки тверского; и совокупишася на них тверичи, москвичи, волочане, новоторжцы, зубчане, ржевичи – и угониша их на лес, канун Спасову дни, и биша их, а князя их Доманта яша и Литву многу изнимаша, а иные избиша, а друзии убежаша, а полон весь отъяша, и возвратишася во свояси». Одними силами тверского княжества такой успех был бы недостижим. Все более опасные столкновения с Литвой, торговые и политические связи с Великим Новгородом, Псковом и Смоленском, западные отношения которых сильно осложнялись напряженной борьбой с враждебными соседями, все это выдвигало Тверь, как опорный пункт великорусской западной политики, а ее князя выводило за грани чисто «местных» интересов на более широкую историческую арену. С другой стороны, разрешение задач этой политики – одновременно тверской и великорусской – требовало объединения значительных сил в такую пору, когда все очевиднее выступало бессилие Владимирского центра. Для недовольных упадком великокняжеской власти, для

мечтавших о таком великом княжении, какое было при Всеволоде Юрьевиче и при Александре Невском, тверской князь – деятельный, энергичный и честолюбивый – мог показаться естественным наследником этих сильно расшатанных традиций и будущим их восстановителем. Михаил Ярославич и добивается великокняжеской власти, опираясь на свое тверское княжество, на содействие великокняжеского боярства и митрополичьей кафедры. В первом же столкновении его с Москвой – дело идет не только о столе Владимирского великого княжения. Вопрос поставлен сразу широко и круто: великий князь должен обладать подлинной политической силой и владеть всеми главными пунктами великорусской политико-географической области от Нижнего Новгорода до Новгорода Великого. Круто и насильственно проведена была первая попытка осуществить эти притязания и разбилась о сопротивление местных общественных сил (в Великом Новгороде, в Костроме, в Новгороде Нижнем) и опасного соперника, московского князя.

II

Пристально всматриваясь в это выступление Твери и Москвы, как двух наиболее сильных центров тогдашней великорусской жизни, М.К. Любавский почувал за таким подъемом «младших» по исторической роли и политическому значению городов Великороссии народную опору их силы в прилив населения к более западным областям старой Ростовско-Суздальской области и высказал предположение, что такой сдвиг ее населения к западу был вызван «заметным захирением» средней и восточной полосы «низовской» земли под тяжкими ударами татарских нападений после Батыева погрома и утверждения ордынского господства. *«Если вникнуть в рассказ летописи о Батыевом погроме и последовавших за ним, – говорит М.К. Любавский, – то окажется, что эти погромы постигали преимущественно наиболее населенные местности Суздальской земли».* Он же считает вероятным, что уже после первого погрома часть населения не вернулась на старые пепелища, а ушла к западу и северу. *«Повторные татарские набеги сбивали население Суздальской земли в этом направлении в течение всей второй половины XIII века»²⁹.* События 1293 г., когда «царевы татары», союзники князя Андрея Александровича разорили восточные и средние области северной Руси, но не решились идти на Тверь, потому что только тут встретили «укрепление» на самозащиту, обе «множество людей сбеглося во Твери из иных княжений», в значительной мере подсказали М.К. Любавскому мысль и дали ему не обоснование, а подходящую иллюстрацию ее. Мысль эту можно признать плодотворной гипотезой, которая дает некоторое осве-

щение развитию внутренней колонизации, боярского и монастырского землевладения, словом, тем явлением внутренней жизни Великоорусского центра – земли московской и тверской области, изучение которых доступно нам, к сожалению, только по более поздним грамотам (второй половины XIV и XV веков). Гипотеза М.К. Любавского – остроумная попытка заглянуть поглубже в тот исторический процесс, какой выясняется по данным иного рода, касающимся политической истории Великороссии. Политическая сила Великороссии отступает в начале XIV в. к западу, ища себе более устойчивый и крепкий центр, чем ослабевший Владимир. Время борьбы Твери с Москвой – знаменательный момент колебания в этих поисках новой концентрации великорусской силы, когда определилось успешное соперничество Москвы с блестящим и притязательным, но кратковременным подъемом Тверского княжества. Для моего изложения, построенного на возможно тщательном различении исторических моментов, не представляет интереса суммарный разбор пресловутых «причин возвышения Москвы». Остановлюсь в немногих строках лишь на одной из них, чтобы принять за исходный пункт всего изучения истории Москвы ту оценку ее географического положения, какую дает С.Ф. Платонов в статье: «О начале Москвы»⁴⁰. Вдумываясь в летописные известия о Москве⁴¹, С.Ф. Платонов отмечает, что Москва лежит на перекрестке нескольких путей – на север, к Ростову; на северо-восток, к Владимиру; на юг в Черниговскую землю; на Коломну, к Рязани; на Можайск, к Смоленску⁴². Это значение московского перекрестка – прежде всего стратегическое, «погранично-военное». Оно выяснилось еще в ходе военно-политических событий в дотатарскую эпоху, когда Москва была «погранично-военным» пунктом Владимирского великого княжества⁴³. Именно поэтому, надо полагать, Москва долго не имела значения самостоятельного центра местной княжеской власти, оставаясь великокняжеским «городком». И то же боевое значение Москвы, но уже не «погранично-военное», а политико-стратегическое определило в дальнейшем ходе исторических отношений ее роль, как центра новой организации боевых сил Великороссии, которая объединит их разрозненные элементы и восстановит утраченное единство великорусской борьбы на три фронта – на восток, юг и запад. Не Твери, слишком поглощенной западными отношениями, было сыграть эту историческую роль объединительницы не только власти над всей Великороссией, но и всех основных интересов великорусской жизни. Москве одинаково близки эти интересы как на западе – отношение к Великому Новгороду и Твери с их неустанной борьбой, экономическими и культурными связями в Прибалтийском краю и в литовской Руси, так на востоке и юге – отношения к татарскому миру, задачи торгового, колонизаци-

онного и земледельческого движения в Поволжье и на юг от Оки. Конечно, для характеристики первых шагов Москвы – все это весьма отдаленные перспективы, своего рода «предсказания *post factum*»; однако они указывают на прямую связь некоторых моментов, характерных для ранней истории московского княжества, с дальнейшим развитием ее исторической роли и плодотворно настораживают внимание исследователя. Иные соображения помогут, быть может, осветить самое выступление московских князей с настойчивыми притязаниями на стол великого княжения и на руководящую роль в политических судьбах Восточной Руси. Притязания эти едва ли были до такой степени лишены основания в княжой традиции, как это представлялось, вслед за С.М. Соловьевым, В.О. Ключевскому⁴⁴. По смерти братьев Даниил Александрович остался единственным представителем потомства Александра Невского. Еще при великом княжении брата Андрея и против него, он сумел укрепить свое положение, утвердившись на Переяславском княжении. Стол этого княжения – основная отчина потомков Александра Невского, а тесная его связь с великим княжением «Владимирским и Новгородским» подталкивала притязания на преимущественное их преемство по отцу во всем объеме его власти и княжения⁴⁵. С московской точки зрения борьба с Тверью имела целью замкнуть Ярославича и его потомков в их тверской отчине, сохранив руководящее значение и потомственное старейшинство во Владимирском великом княжении за потомством Александра Невского, как и тверские князья боролись за свои «отчинные» права на стол великого княжения – силой оружия и ханского ярлыка. Утверждение московских князей на Переяславском княжении, само по себе, ставило их в положение неизбежных претендентов на великокняжескую власть, прежде всего потому, что того требовало стремление обеспечить за собой обладание Переяславлем. Носители великокняжеского титула и власти – Андрей Александрович, Михаил Ярославич – сами придают Переяславлю значение составной части непосредственной территории великого княжества и не мирятся с его уходом в московские руки. Не даром Переяславль никогда не входил в состав московской вотчины, конечно, до той поры, пока само великое княжество не слилось с этой вотчиной в одно целое «московского государства». Так и в силу своего ближайшего отношения к великому княжеству, и в силу своего значения, как отчины по Александре Невском, стол Переяславского княжения выводил своих князей на арену борьбы за великокняжескую власть⁴⁶. И первый же владетельный князь московский добивается сверх «вотчинной» волости Москвы – «стольного» Переяславля. Сыну его Юрию с трудом удалось отстоять и закрепить за собой Переяславское княжение. Быть может, в некоторой связи с борьбой за Переяславль стоит напа-

дение кн. Юрия на Можайск: он взял тут князя Святослава Глебовича, племянника Федора Ростиславича, которого мы видели в ряду противников московского князя, на стороне в. к. Андрея. Московское пленение – последнее известие о Святославе, а Можайск остался за Москвой, слитый с московской вотчиной. По наследству от кн. Даниила осталось на руках у Юрия Даниловича другое дело, поведшее к не менее существенному расширению и усилению этой вотчины; кн. Даниил ходил в 1301 г. ратью на Рязань и, несмотря на то что с рязанским князем Константином Романовичем выступила против него татарская помощь, разбил его под рязанским Переяславлем и увел пленником в Москву. Первым делом Юрия Даниловича после примирения с в. к. Михаилом было убиение отцовского пленника³⁷. Результатом этих деяний было присоединение к московским владениям Коломны³⁸. Роль, какая выпала в дальнейшем Можайску и Коломне, исходными пунктами московских походов к Смоленску, с одной, к Оке и в Поволжье, с другой стороны, свидетельствует о крупной ценности этих приобретений: ими укреплялось и углублялось значение Москвы как политико-стратегического центра Восточной Руси. На так укрепленной позиции Юрий Данилович мог выступить сильным соперником Михаилу Ярославичу, несмотря на внутреннюю смуту, ссору с братьями³⁹, тем более что ему помогли промахи и неудачи в. к. Михаила.

III

Первые годы великого княжения Михаила Ярославича заняты новгородскими делами и отношениями к митрополичьей кафедре. И оба вопроса – новгородский и церковный – получили такой оборот, что московский князь приобрел новых и мощных союзников, обеспечивших ему перевес над Тверью. Боярская попытка занять Великий Новгород наместниками князя Михаила разбита сопротивлением новгородцев и свелась к докончанию «до приезда князей»: и политические, и торговые интересы новгородцев вели их к признанию своим князем того, кто им обеспечит поддержку «низовской» рати и торговлю «без рубежа» по всей суздальской земле. Возвращение в. к. Михаила Ярославича из Орды и посажение его на стол Владимирского великого княжения – *terminus post quem* для переговоров его с Великим Новгородом – осень 1304 г., а закончились эти переговоры его прибытием в Великий Новгород и посажением на стол новгородского княжения 16 июля 1307 г.⁴⁰ Новгородцы приняли великокняжеских наместников, подчинились управлению «мужей» и суду судей Михаила Ярославича, но упорно настаивали на подчинении всего суда и управлении новгородской «пошлине», которую по мере возникновения спорных вопросов

формулировали в пунктах договорных грамот, и на устранении таких действий княжеской власти и ее агентов, которые нарушали их «старину». Отношения оставались напряженными, и весьма вероятно оглядка новгородцев на Москву – соперницу Твери, хотя у нас и нет известий о сношениях между ними и московским князем за эти годы. Только случайная запись в одной богослужебной книге намекает на связь между новгородскими делами и нападением в. к. Михаила на Москву в августе 1307 года⁴¹. Назревали события, которые вызовут новую борьбу между Тверью и Москвой при деятельном участии Великого Новгорода. Этими событиями отмечен момент перелома в политической истории северной Руси, а связаны они с судьбами митрополичьей кафедры по смерти митрополита Максима.

IV

Митрополит Максим умер в декабре 1304 года. В. к. Михаил Ярославич терял в нем авторитетную опору своих политических стремлений. Естественно допустить попытку великого князя повлиять на замещение митрополичьей кафедры⁴². В таком смысле истолковали В.С. Борзаковский и Е.Е. Голубинский историю игумена Геронтия, о котором повествуется в обоих житиях св. Петра митрополита, что он поехал в Константинополь искать поставления на русскую митрополию, причем захватил с собой митрополичьих сановников, ризницу митрополичью и много икон из Владимирского Успенского собора⁴³. Жития не ставят деяний Геронтия на счет в. к. Михаилу, но указания Киприановского жития на попустительство светской власти («никому же возбраняющую ему») и на своевременную осведомленность о поездке Геронтия галицкого князя Юрия Львовича, женатого на сестре в. к. Михаила Ярославича, позволяют, помимо общих соображений Е.Е. Голубинского, видеть в Геронтии великокняжеского кандидата на митрополичью кафедру. Кн. Юрий Львович, «не хотя высокоумия Геронтиева», стал хлопотать о поставлении особого митрополита для южной Руси и послал в Константинополь одного из своих игуменов – Петра – кандидатом на Галицкую митрополию. Патриарх Афанасий решил дело по-своему: поставил Петра на митрополию всяя Руси (в июне 1307 г.)⁴⁴. Только через год⁴⁵ смог Петр приехать из Киева во Владимир: враг рода человеческого, риторически поясняет митрополит Киприан в Житии св. Петра, «неких подгнети не хотети того пришествия», но затем эти противники митрополита «себе зазреша и святителя приаша». Е.Е. Голубинский угадывает за этой «прикровенностью речей Киприана» указание на противодействие митрополиту со стороны в. к. Михаила⁴⁶; принять поставленного патриархом митрополита пришлось, но близкое вели-

кому князю духовенство, с тверским епископом Андреем во главе, тотчас подняло дело о его низложении. К патриарху посланы «слова тяжка» против митр. Петра; обвинения⁴⁷ были настолько серьезны, что патриарх прислал на Русь одного из своих клириков для их рассмотрения на месте. Дело разбиралось не в митрополичьем Владимире, не в великокняжеской Твери, а в Переяславле на соборе, где присутствовали, под председательством патриаршего клирика, епископы – ростовский Симеон и тверской Андрей и «лучшие» из белого и черного духовенства; великого князя не было, но прибыли его сыновья «и иных князей довольно» с боярами⁴⁸. Бурные пререкания⁴⁹ закончились оправданием митр. Петра. Противники, однако, не сразу сложили руки. Тверской епископ послал к патриарху монаха Акиндина – свидетелем неправых деяний митрополита⁵⁰; в. к. Михаил обратился к патриарху с посланием о том же⁵¹; патриарх ответил призывом митр. Петра на суд в Константинополь, поручая великому князю прислать его «нужею», если волей не захочет ехать, а с ним обвинителей и свидетелей его провинностей⁵². Наши документы не дают сведений о том, состоялся ли такой суд и чем все дело формально закончилось, но фактически митр. Петр остался победителем во всей этой борьбе. Оба епископа – участники Переяславского собора покинули свои кафедры: Симеон ростовский в 1311 г., Андрей тверской в 1315 г., уступив место ставленникам митр. Петра. Разрыв с митрополией дорого обошелся в. к. Михаилу. Скучные известия о Переяславском соборе не содержат указания на участие в нем московских Даниловичей. Однако собор проходил в Переяславле – они его принимали в своем городе, и касался он существенных отношений в великом княжестве – не могли они не использовать таких обстоятельств⁵³. Ближайшие события оправдывают эти предположения: митр. Петр выступает настойчивым союзником Москвы. В Твери не были покинуты недавние широкие замыслы, а из года в год накапливался ряд обстоятельств, предвещавших их полное крушение: за первой неудачей властного захвата – непрерывный ряд трудностей в установлении новгородских отношений, полное поражение в борьбе с митрополией. И, видимо, во всех затруднениях и неудачах чувствовалось опасное соперничество Москвы. В. к. Михаил и его советники отважились – вскоре после Переяславского собора – на попытку нового решительного удара. В 1311 г. в. к. Михаил послал рать свою с сыном Дмитрием «на Новгород Нижний и на князя Юрия». Княжич прибыл во Владимир, куда должны были сойтись ратные силы великого княжества, но «не благослови его Петр митрополита»⁵⁴. Это митрополичье неблагоприятное разрушило все предприятие. Кн. Дмитрий простоял во Владимире три недели, а затем распустил войско и вернулся к отцу⁵⁵. Неудачи, подрывавшие не только авторитет, но и реаль-

ную силу великокняжеской власти, не замедлили отразиться усилением новгородской оппозиции. Ближе не знаем поводов разрыва, но в 1312 г. в. к. Михаил вывел из Новгорода своих наместников, захватил Торжок и Бежецкую волость и прекратил подвоз «обилия» к Новгороду; новгородцы смирились – послали в Тверь владыку Давыда и обязались уплатить князю полторы тысячи гривен⁵⁶. «Докончание» 1312 г. оказалось только перемирием; князь Михаил нанес новгородцам удар раньше, чем они смогли подготовить борьбу; теперь – новгородцы ищут союзников против великого князя-притеснителя. В 1313 г. в. к. Михаил и митр. Петр поехали в Орду к новому хану Узбеку. Митрополит был «вборзе» отпущен на Русь, но великий князь пробыл там больше года. В его отсутствие поднялись новгородцы на великокняжеских наместников и призвали к себе московскую помощь. Кн. Юрий Данилович прислал к ним кн. Федора Ржевского, который захватил наместников в. к. Михаила и с новгородской ратью пошел против тверского войска, наступавшего с кн. Дмитрием Михайловичем. Противники встретились на Волге, у Городца (тверского), стояли по сторонам реки 6 недель, до заморозков, а разошлись без боя, заключив мир «на всей воле новгородцкой»⁵⁷. Договор этот, видимо, освобождал Новгород от великокняжеских наместников, так как новгородцы «оттуда же» (т. е. с Волги) послали в Москву к князю Юрию Даниловичу, а он той же зимой приехал в Новгород с братом Афанасием и «сяде на столе». Тут, в Новгороде, застал кн. Юрия ханский зов, вероятно, к ответу по жалобе в. к. Михаила; он поехал вместе с новгородскими послами, но и на этот раз Михаил Ярославич выиграл дело у хана. Он явился на Русь с татарским войском⁵⁸, разбил новгородцев у Торжка и потребовал выдачи «князей Афанасия Даниловича и Федора Ржевского. Новгородцы Федора выдали, обязались выплатить крупную контрибуцию⁵⁹ и пошли на полную сдачу. Пришлось подчиниться великокняжеским наместникам, выдать доспехи, оружие и коней⁶⁰. В. к. Михаил сломил сопротивление и, заняв Новгород, учинил суровую репрессию, не признал избранного посадника, а отдал посадничество «из своей руки»⁶¹, и определил положение своей власти в Новгороде и свои требования новым договором⁶², которым установлен порядок уплаты 12000 гривен; а князя Афанасия Даниловича и новгородских бояр в. к. Михаил отослал в Тверь в «заклад»⁶³ до выплаты всей суммы. Суровое усмирение Новгорода грозило подавить его независимость, несмотря на подтверждение новгородской «старины и пошлины» по прежнему договору 1307 г. Глухое раздражение искало выхода. Попытка новгородцев искать упрavy на в. к. Михаила в Орде не удалась: их послы перехвачены тверичами⁶⁴. Но в следующем (1316) году новгородцы восстали с новой и лучше подготовленной силой⁶⁵, выслали из Новгорода

великокняжеских наместников и отсиделись от в. к. Михаила, так как его поход на них был крайне не удачен⁶⁶. Новгород вырвался из рук в. к. Михаила и потянул к Юрию московскому; однако Михаил Ярославич успел вырвать у них договор о нейтралитете в предстоявшей борьбе⁶⁷. Князь Юрий Данилович был в Орде, пока на Руси происходили все эти события. Он пробыл там почти два года и достиг многого: вошел в милость к хану, женился на его сестре, получил ярлык на великое княжение и ханских послов, ордынских вельмож, с боевым отрядом для водворения на столе русского улуса⁶⁸. Силы великого княжества были еще в руках Михаила; он выступил навстречу Юрию с подручными князьями⁶⁹, и Юрий пошел с ханскими послами не во Владимир и не в Москву, а Волгой к Костроме. Тут и встретились соперники. Ханский ярлык Юрию Даниловичу – разрушал великокняжескую силу Михаила⁷⁰. Не найдя поддержки в младших князьях и угрожаемый с тылу ненадежными новгородцами⁷¹, Михаил Ярославич ушел в Тверь и стал укреплять свою отчину⁷². Враг наступал с Кавгадыем и «многую силою», но был разбит у села Бортенева. Татарин притворно смирился перед Михаилом, а кн. Юрий бежал в Новгород собирать новгородскую и псковскую рать. Встретившись на Волге, противники без боя решили ехать в Орду – на ханский суд⁷³.

Князь Юрий поехал великим князем, окруженный всеми князьями Владимирско-Суздальской земли, с боярами от Великого Новгорода и целой свитой бояр «с городов»⁷⁴. Князь Михаил послал вперед сына Константина с тверскими боярами, ввиду поспешности отъезда Юрия Даниловича⁷⁵, а сам задержался со старшими сыновьями во Владимире, откуда вызван в Орду ханским послом⁷⁶. Это и сгубило кн. Михаила Ярославича: Кавгадый обвинил его в неповиновении ханской власти и нежелании ехать в Орду, несмотря на уговор отдать спор с Юрием на суд хана⁷⁷. В Орде кн. Михаил был осужден судом Ордынских князей и погиб мученической смертью⁷⁸. Так закончился второй этап упорной борьбы.

Князь Юрий Данилович добился полной победы над тверскими князьями. В его руках оказались сын князя Михаила Константин, бояре и слуги, сопровождавшие Михаила Ярославича в Орду, и даже тело замученного князя. Князь Александр Михайлович приехал за поручительством ростовского епископа Прохора⁷⁹ во Владимир и ценой «докончанья» с в. к. Юрием выручил тело отца для погребения в Твери и освободил тверских бояр из плена. Утвердившись на великом княжении, Юрий в Новгород послал «в себе место» брата Афанасия⁸⁰. Положение в. к. Юрия было весьма затруднительным и сложным. Много сил и времени требовали новгородские дела. 1322–1324 года, после кончины кн. Афанасия Даниловича, отмечены рядом военных предприятий, которые вызваны именно новгородскими делами, при личном участии великого

князя. Юрий подолгу сидит в Великом Новгороде, оставив московское управление и сношения с Ордой на брата Ивана. В 1322 г. в. к. Юрий совершает с новгородцами поход под Выборг; в следующем – ставит город в устье Невы, на Ореховом острове, и тут заключает «вечный мир» с послами шведского короля; в 1324 – идет с новгородцами на Устюг и на Сев. Двину, принуждает к «докончанью мира по старой пошлине» устюжских князей⁸¹. Эта усиленная новгородская деятельность в. к. Юрия могла иметь для него свой особый политический смысл, как необходимое условие сохранения власти в Великом Новгороде и опоры в нем⁸² при напряженных и полных опасности отношениях к Орде и к Твери. Борьба Москвы с Тверью создала «тяготу великую в Русской земле». Князьям приходилось извлекать из Русской земли средства на повышенные суммы «выхода» татарского и на ценные дары ордынским властям. Даннические отношения русского улуса, оклад которых ордынцы пытались в XIII в. установить на основании переписи, в корень искажены и приняли характер торга и вымогательства, питаемых княжеской конкуренцией. Кн. Михаилу Ярославичу сильно повредила в Орде невозможность выполнить тяжелые обязательства, в какие пришлось войти к ордынским заимодавцам⁸³. Несомненно, что велики должны были быть и платежи в Орду князя Юрия и его обязательства перед нею. Средством их выполнения для обладателя великокняжеской власти был, прежде всего, сбор дани на «выход» татарский, тем более что посул «большого выхода» был, по всей видимости, одним из главных и, надо полагать, наиболее действенным аргументом в княжеских спорах из-за ханского ярлыка на великое княжение. Столкновение из-за сборов на уплату татарского выхода вызвало новый кровавый эпизод в борьбе между московскими и тверскими князьями. Преемник Михаила Ярославича на старшем столе тверского княжения кн. Дмитрий Михайлович не на долго смирился перед московским победителем. Мы не знаем их договора, но известия об их разрыве указывают на стремление в. к. Юрия прервать непосредственные отношения тверских князей с Ордой. Упомянутый проезд в Кашин ордынского посла с жидовином-кредитором («должником») свидетельствует о прямых расчетах тверского княжества с ордынцами, оставшихся после в. к. Михаила. Тогда же собрался идти на Кашин «со всею силою низовскою» в. к. Юрий; Михайловичи тверские выступили навстречу со своими полками, но дело не дошло до битвы: состоялось «докончание», о содержании которого знаем, что в. к. Юрий по этому докончанию «поимал серебро у Михайловичей выходное»⁸⁴, а кн. Дмитрий обязался не искать себе великого княжения под в. к. Юрием⁸⁵. Сопоставление этих двух условий позволяет признать, что позднейшее стремление великих князей устранить путем договорных обязательств право младших князей самим «знати орду» было только подтверждением давно сло-

жившейся нормы и вытекало из признания за великокняжеской властью ее основного значения – политического представительства за «всю Русь». И дальнейший ход событий показал, что для кн. Дмитрия сопротивление сосредоточению «выхода» в руках великого князя было проявлением не тверского сепаратизма, а средством борьбы за великое княжение. Ему удалось использовать то обстоятельство, что в данном случае в. к. Юрий пошел наперекор не только самостоятельным отношениям Твери к Орде, но и властному выступлению ордынского посла. В. к. Юрий уклонился от встречи с «царевым послом», соблюдая свое право непосредственно выплачивать «выход» в Орде, а уехал в Новгород, где, вероятно, надлежало пополнить сумму «выходного серебра»⁸⁶. Задержанный в новгородских пределах походом под Выборг, кн. Юрий дал сопернику время и повод нанести в Орде опасный удар. Кн. Дмитрий Михайлович поехал в Орду с изветом, который нашел поддержку в «царевом после»⁸⁷, и получил ярлык на великое княжение. Юрий, наладив новгородские дела, собрался было в Орду с «выходным серебром», но по дороге на него напал кн. Александр Михайлович и отнял «казну». Кн. Дмитрий занял стол великого княжения, а Юрий бежал в Псков, завязал отсюда переговоры с Новгородом, достиг того, что новгородцы призвали его по новому крестному целованию, и, выполнив для них поход на «устюжских князей», отправился в Орду – окольными путями, из Заволочья по р. Каме. Здесь соперники встретились, и кн. Дмитрий отомстил за смерть отца своего, убив 21 ноября 1324 г. Юрия Даниловича, а сам за такую расправу⁸⁸ «без царева слова» казнен по ханскому приказу. Но стол великого княжения достался тверскому князю Александру Михайловичу⁸⁹.

ГЛАВА III

Великокняжеская политика Ивана Даниловича Калиты

I

Сравнительно небольшой промежуток времени, 1326–1332 гг., очень сложный и существенный момент в политической истории Великороссии. Его можно характеризовать, как напряженнейший момент борьбы, предмет которой С.М. Соловьев определил словами: «дело идет о том, быть государем всей Русской земли или слугою этого государя»¹. Притом борьба эта осложнена острым кризисом русско-ордынских отношений и всего строя внутренних политических отношений Великороссии.

Утрата московским князем великого княжения совпала с другой потерей. В декабре 1325 г. скончался митр. Петр. Владетельный князь Москвы Иван Данилович встретил это событие подготовленным. Еще в августе состоялась закладка Успенского собора, а в декабре заранее приготовленная гробница приняла прах святителя. Митр. Петр и после кончины остался союзником и покровителем Москвы. Прославление его памяти, канонизированное при его преемнике в 1339 г.², сделало его святым патроном Москвы. Перед кончиной митр. Петр, по свидетельству старшего его жития, «воименова на митрополию» себе в преемники³ архимандрита Феодора, но провести на кафедру московского кандидата не удалось; едва ли возможна была и попытка отправить его к патриарху при обстановке, сложившейся после гибели кн. Юрия в Орде и перехода великого княжения к кн. Александру. На митрополию всяя Руси поставлен грек Феогност. Ко времени прибытия нового митрополита из юго-западной Руси на великорусский север в 1328 г. завершился ряд крупных событий, и положение достаточно определилось, чтобы Феогност мог сразу войти в окрепшие политические традиции митрополичьего двора.

События 1326–1328 годов восстановимы по нашим летописным сводам лишь в общих чертах и далеко не с полной досто-

верностью. По-видимому, борьба русских князей за великокняжескую власть и особенно за выход татарский, т. е. за полное устранение ордынского вмешательства в сбор дани с отдельных областей русского улуса, встревожила правителей Золотой Орды. Дело Юрия Даниловича и Дмитрия Грозные Очи подорвало прежнюю уверенность ханской власти. Только таким предположением можно объяснить дальнейшие действия этой власти. Московский князь не получил ярлыка на великое княжение; кн. Дмитрий был задержан в Орде, где и погиб от татарской руки – через год, а не сразу после учиненного им кровавого самоуправства. Великое княжение передано его брату, но гневное недоверие Золотой Орды сказалось в посылке на Русь царевича Щелкана Дюденевича⁴, двоюродного брата хана Узбека. Отправка на Русь такого лица с большой вооруженной силой едва ли может быть сведена к тому, чтобы *«получить ордынский выход, а может быть, чтобы позвать Александра в Орду по каким-либо делам»*⁵; вернее допустить, что приход Щелкана имел целью терроризировать русский улус и восстановить на месте грозу ханской власти. В летописных сводах отразились народные толки, знакомые нам и по народной песне, о фантастических замыслах татар – разорить христианство, избить князей, утвердить непосредственное владычество татар над Русью. Но сообщение, что Щелкан, прибыв в Тверь, *«прогна князя великого со двора его, а сам ста на князя великого дворе со многою гордостию и воздвиже гонение велико над христианы насилством и граблением, и биением, и поруганием»* – дает, вероятно, черту действительности, повод для народных толков и народного волнения. Тверичи не стерпели татарского насилия, поднялись на них боем, убили Щелкана и многих татар; остатки Щелкановой дружины бежали в Москву, оттуда – в Орду⁶. Не знаем, отразились ли тверские события какими-нибудь движениями против татар в других областях, но вскоре после них был убит в Орде рязанский князь Иван Ярославич⁷.

Московский князь Иван Данилович поспешил в Орду⁸. Ему удалось отвлечь ханский гнев от Русской земли, где, видимо, ждали общего погрома, и локализовать беду на тверской земле⁹. Иван Данилович и суздальский князь Александр Васильевич получили ханский приказ идти с татарскими воеводами (Федорчуковой и Туралыковой ратью) на Тверь; эта карательная экспедиция разорила тверскую землю, а князь Александр с братом Константином бежали в Псков. Новгородцы ублажили татарских послов «множеством даров» и выплатили татарам 2000 р. серебра; Иван Данилович примирил с ордынской властью своего зятя Константина Михайловича¹⁰, – и тем закончилась налетевшая буря.

Однако недоверие хана к русским князьям сказалось в нежелании восстановить великое княжение Владимирское и Велико-

го Новгорода во всем его объеме. *«И по Туральковой рати, — читаем в одном из приложений в Новгородской 1-й летописи, — поидоша князи в Орду, и Озбяк поделил княжение им: князю Ивану Даниловичу Новгород и Кострому, половина княжения, а суздальскому князю Александру Васильевичу дал Володимер и Поволжье»*¹¹. Наши летописные своды умалчивают о подобном разделе великого княжения,¹² отмечая лишь то, что кн. Иван Данилович «сяде на великом княжении»¹³. Но и, приняв известие приведенного текста, можем не сомневаться, что Иван Данилович получил в 1328 г. ярлык на великое княжение и старейшинство во всех князьях русской земли¹⁴. Та же летописная статья повествует далее, что князь Александр княжил «полтретья году», а *«по смерти сего Александра поиде в Орду князь великий Иван Данилович и царь его пожаловал и дал ему княжение великое надо всею Русскою землею, якоже и праотец его великий Всеволод Дмитрий Юрьевич; а правил ему княжение Албуга; и оттоль пошли Рускыи князи»*. Только по смерти кн. Александра Васильевича в 1332 г., по представлению этого источника, восстановлено единство великого княжения над «всею Русскою землею», что заставило книжника-летописца вспомнить о великом княжении Всеволода Юрьевича Большого Гнезда и отметить значительность момента словами: «и оттоле пошли русские князи». Самая отчетливость его представлений говорит в пользу его осведомленности и достоверности его сообщений. К тому же он дает ценное сообщение об Александре Суздальском, которое проливает некоторый свет на образование великого княжества Нижегородского. Князь Александр получил город Владимир (с его областью) и Поволжье. Он стремится закрепить за собой эти владения; по рассказу нашего источника, кн. Александр перевез из Владимира «вечный» колокол¹⁵. Но по смерти Александра Васильевича г. Владимиру возвращено его стольное значение; судьбы Поволжья по смерти этого князя не ясны, но при его брате Константине оно слагается в крупное владение — Нижегородское великое княжение. Во всяком случае этот своеобразный раздел великого княжения не повлиял на великокняжеское положение Ивана Даниловича. Перед Ордой и перед Русью — он во главе политического быта Великороссии. Великим князем всея Руси выступает он в псковских делах и в отношении к Великому Новгороду, а стремление подлинно осуществить великое княжение «якоже и праотец его великий Всеволод Дмитрий Юрьевич» оставило по себе память, что в ту пору *«наста насилуваньне много, сиречь княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичу»*¹⁶.

II

Рост политической самостоятельности и обособленности Пскова от великого княжества Владимирского и Новгородского в предыдущие десятилетия сделал его убежищем князей, ушедших от личной опасности в годину неудачи на арене борьбы за великое княжение.

Сюда бежал и Александр Михайлович, и псковичи его приняли; их сближали с тверскими князьями литовско-русские связи и стремление отбиться от московской и новгородской силы. Личное дело князя Александра стало псковским делом; его приезд во Псков – значительным моментом самостоятельной истории Пскова.

Хан Узбек примирился с русскими князьями, повелев им «князя Александра искати». В. к. Иван Данилович прибыл в Новгород с Александром Суздальским и с братьями Александра Михайловича и многими князьями русскими», и отсюда его послы и послы новгородские убеждали беглеца идти в Орду, «а не погубить христиан от поганых». Митр. Феогност, прибывший в Новгород, наложил отлучение на Псков и на кн. Александра Михайловича и тем вынудил его уехать в Литву¹⁷. Вынужденный отъезд этот был только способом отвести нависшую беду. Княгиню и двор свой кн. Александр оставил в Пскове и вернулся к ним через полтора года. *«И прияша его псковичи с честью и посадиша его во Пскове на княжении»*. Около десяти лет, по счету псковской летописи, княжил Александр в Пскове, вне связи с Владимирским великим княжением, но в тесном отношении к великому княжеству Литовскому¹⁸. С его времени возникло свое псковское законодательство, старейший памятник которого, легший в основу «Псковской Судной Грамоты» – «великого князя Александрова грамота»¹⁹. Тогда же была сделана попытка вывести Псков из церковной зависимости от Великого Новгорода учреждением особой псковской епископии: к митр. Феогносту на Волынь явилось посольство из Пскова от князя Александра Михайловича и от великого князя литовского Гедимина и всех литовских князей с требованием поставить на владычество во Псков их кандидата – Арсения, но митрополит ответил решительным отказом²⁰.

Образование великого княжества Литовского, завершенное в. к. Гедимином, оказывает значительное давление на Псков, Новгород и Тверское княжество, не говоря уже о Смоленске и Чернигово-северских княжениях. Одновременно с делом о псковской епископии разбиралось другое, столь же характерное: в. к. Гедимин захватил «на миру» новгородских бояр и их нареченного владыку Василия по дороге к митрополиту Фео-

гносту на Волынь, а отпустил их, вынудив договор об отдаче сыну его Наримонту «в вотчину и дедину и его детям» новгородских пригородов – Ладоги, Орехова городка и городка Карельского со всей карельской землей, да половины Копорья. Запись об этом договоре, сохраненная в наших летописных сводах, подчеркивает, что это «слово право» новгородцы дали Наримонту, лишь будучи «в таковой тяготе»²¹. Однако дальнейшие сведения об отношении Великого Новгорода к Наримонту позволяют говорить о зарождении в Новгороде «литовской» партии, тянувшей к западнорусскому, литовскому политическому центру, который сулил освобождение от татарской власти и постылого «выхода»²².

Великокняжеское положение Ивана Даниловича сильно осложнялось этими литовскими отношениями: тяготение западных областей Великороссии к новой политической силе великого княжества Литовского питалось в значительной степени ролью великого князя, как представителя ордынской власти и ее требований.

А такая роль была для в. к. Ивана Даниловича неизбежной политической необходимостью. С трудом отвел он от Руси грозу золотоордынского гнева и на покорности власти хана построил свое значение главы великорусского политического мира. Нараставший напор литовской силы лишь укреплял связи Великороссии с ханской властью, заинтересованной в сохранении своего «русского улуса».

Тяжкое давление ордынской зависимости на всю политику в. к. Ивана оказывается особенно ярко на его новгородских отношениях. В 1328 г. прислал он в Новгород своих наместников; в марте 1329 г. сел на стол Новгородского княжения; с 1332 г., когда вся сила великокняжеской власти сосредоточилась в его руках, а с другой стороны, легли на него крупные обязательства перед Ордой, растет его требовательность по отношению к Великому Новгороду и усиливается его наступление на новгородские вольности. Вернувшись из Орды в 1332 г. великим князем всея Руси, Иван Данилович *«возверже гнев на Новгород, прося у них серебра Закамьского»*; отказ новгородцев возобновил стародавнюю их борьбу с «низовскими» князьями за «дани новгородския». Великий князь собрал ратную силу всей «низовской» земли с ее князьями и с рязанской помощью, засел в Торжке, захватил и Бежецкий Верх, «теряя волость новгородскую», и отверг попытку новгородцев заключить мир²³. Это «розмирье» усилило стремление новгородцев найти опору в Литве. Новгородцы выполнили договор с Гедимином и приняли его сына Наримонта-Глеба на новгородские пригороды, обязав его крестоцелованием стоять с ними «за один человек»²⁴, ищут новгородцы и сближения с Псковом, и с князем Александром Михай-

ловичем²⁵. Однако все эти комбинации оказались весьма непрочными. Надо полагать, что недовольство дорогой оплатой сомнительной помощи князя Наримонта²⁶ и опасение перед великокняжеской силой и ее ордынской опорой²⁷ заставили новгородцев снова искать и добиться примирения с Иваном Даниловичем. В феврале 1335 г. великий князь приехал в Новгород²⁸. Возвращение Новгорода под его власть означало разрыв с Псковом и с Литвой. Иван Данилович решил было предпринять поход на Псков «с новгородцами и со всей низовскою землей»; однако новгородцам удалось отклонить его от этого похода, хотя они признали, что мира с псковичами у них нет²⁹. При возвращении в. к. Ивана из Новгорода через Торжок, Новоторжская волость подверглась набегу Литвы, но ему удалось отплатить за нападение – разорением литовских городков³⁰.

Очевидно, положение, создавшееся в 1335 г. на западной окраине Великороссии, было лишь компромиссом, на разрешение которого в более определенном смысле не хватило сил ни у в. к. Ивана, ни у новгородцев. Великого князя связывали литовские и ордынские отношения, новгородцев – колебания между двумя великими княжениями, осложнившие внутреннюю партийную рознь Великого Новгорода³¹. Не знаем договоров в. к. Ивана с Новгородом, но летописные указания утверждают, что новгородцы настояли на «ряде» выработанного типа, и великий князь *«целовал крест к Новгороду по старой пошлине новгородской и по Ярославлим грамотам»*³². Но за ближайшей поездкой в. к. Ивана в Орду (1336 г.)³³ последовало новое покушение его на новгородские доходные волости – неудачная посылка рати на Двину, за Волок³⁴. Иван Данилович *«не помнил крестного целования»* и упорно добивался расширения своих великокняжеских прав в Великом Новгороде³⁵, побуждаемый к тому, в значительной степени, необходимостью удовлетворять тяжкие требования ордынской власти; показательно, что его столкновения с Новгородом возникают каждый раз после возвращения его из Орды. То же видим и позднее, в 1339 г., когда ордынская требовательность получила новую пищу в княжеских спорах и антагонизмах, в. к. Иван, получив с Новгорода обычный «выход», потребовал «другого выхода», т. е. «запроса царева, чего у него царь запрашал», и на отказ новгородцев, которые ссылались на «старую пошлину» и договорное крестоцелование, ответил – отозванием наместников из Новгорода и разрывом мира.

Новгородские отношения Ивана Калиты – наглядный пример того «многого насилованья», которое так раздражало противников его великокняжеской деятельности. Великий Новгород – по-прежнему необходимая опора и главная забота великокняжеской власти. Владение столом Новгородского княжения неотделимо от великого княжения – по стародавней традиции о том,

что это великое княжение Владимирское и Великого Новгорода. Образование и растущая сила великого княжества Литовского создали новую и грозную опасность для этого владения. Псков на время вышел из политической связи с Великороссией; в Новгороде, как и в Твери, усиливалось западное, литовское влияние. Смоленск был почти потерян для восточнорусского политического мира. Хан Узбек – едва ли по собственному почину – посылал рать свою с воеводой Товлубием и рязанским князем Иваном Коротополом под Смоленск в 1340 г., и в. к. Иван Данилович отправил в этот поход, по цареву повелению, свою рать с воеводами и князьями великого Владимирского княжения; но все это предприятие не дало никаких результатов³⁶.

Борьба за единство великого княжения при недостатке сил для его сохранения – характерная черта великорусской политической жизни первой половины XIV века. Эта борьба требовала усиления великокняжеской власти, чтобы сосредоточить в руках великого князя распоряжение силами и средствами «низовской» земли. В. к. Иван Данилович и в новгородских делах, и в походах выступает окруженный «всеми князьями»: суздальским, ростовским, ярославским, рязанскими и тверскими, но выяснить длинный уклад их взаимоотношений почти невозможно, по скудости и отрывочности летописных известий.

Сбивчивы и недостаточны были уже те данные по истории ростовских князей, какими располагали составители летописных сводов XVI века³⁷. Это понятно, «Общерусские» митрополичьи летописные своды – главный источник летописных трудов, какими мы пользуемся – почти не упоминали о мелких князьях, отмечая лишь случайно и мимоходом участие того или иного из них в походе или ордынской поездке, или какое-нибудь событие в княжеской семье – женитьбу, кончину. А ростовские князья сильно измельчали ко времени Ивана Калиты. Та влиятельная роль, какую семья ростовских князей играла при Александре Невском, – дело прошлое. Их ростовская отчина дробится все больше. Обособился ее белозерский удел в вотчину потомков кн. Михаила Глебовича; при Калите на Белоозере сидит кн. Роман Михайлович, которого летописи лишь раз упомянули по тому поводу, что князь «Романчюк» белозерский ездил в Орду,³⁸ порываются последние связи Углича с Ростовской отчиной³⁹. Само ядро старых ростовских владений переживает момент унижения и распада. Родословное предание ростовских княжат связало раздел Ростова с женитьбой младшего Васильевича, Константина, на княжне Марии, дочери в. к. Ивана Даниловича, и с утверждением его тестя на столе великого княжения⁴⁰. Быть может, этот раздел имел целью обеспечить владельческое положение младшего брата, великокняжеского зятя, по отношению к старшему, князю Федору. Весьма вероятно, что произо-

шел он при вмешательстве и под давлением в. к. Ивана. Ростов при нем был в полной зависимости от великокняжеской власти. Ученик и биограф св. Сергия Радонежского, Епифаний, рисует положение Ростова такими чертами: *«Егда бысть великая рать татарская, глаголемая Федорчукова Турадыкова егда же по сем за год един, и наста насилуванье много, сиречь княжение великое Московское досталось князю великому Ивану Даниловичу, кутно же досталось и княжение Ростовское к Москве, увы, тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отъяся от них власть и княжение, и имение, и честь, и слава и вся прочая и потягну к Москве. Егда изыде повеление великого князя Ивана Даниловича, и послан бысть от Москвы на Ростов, аки некий воевода, едва от вельмож, именем Василей, прозвищем Кочева, и с ним Мина, и егда внидоста во град Ростов, тогда возложиста велику нужу на град да и на вся живущая в нем, и гонение много умножися»*. Епифаний говорит далее о том, как ростовцам пришлось отдавать москвичам «имешя своя с нужею» и терпеть «проживу того» – побои и укоризны⁴¹. Под книжной риторикой Епифания – нечто большее, чем простое обличение воеводских злоупотреблений. Речь идет об умалении княжеской власти ростовских отчичей, о хозяйничаньи в Ростове московских бояр, словно они – правители ростовские, о суровых мерах для взыскания с ростовцев каких-то платежей. Аналогия новгородских отношений в. к. Ивана вызывает предположение, что дело идет о тех же «запросах царевых», о крутых мерах для сбора «серебра» на ордынские платежи⁴². Рассказ Епифания отразил острую обиду ростовцев, которая нашла, по-видимому, выход в попытке сопротивления; Епифаний сообщает о мучении московскими боярами старейшего боярина ростовского Аверкия и об ужасе, какой они этим нагнали на все население ростовской области⁴³.

Придавленные московским засильем, ростовские князья вступают в тот период своей истории, когда падает их «власть и княжение», и сходят они на положение мелких подручников великого князя, служебных, как станут говорить позднее, князей вотчинников. Потеря последних черт сколько-нибудь самостоятельного, княжеского, политического значения – необходимая предпосылка для распада старого ростовского княжества на многие мелкие вотчины и вырождения владетельных князей – в княжат-землевладельцев. Постепенно нарастает это вырождение в XIV и XV столетиях, но поворотный пункт в истории ростовских князей агиограф Епифаний правильно отметил в дни в. к. Ивана Даниловича. Та же судьба уготована князьям белозерским, стародубским, юрьевским, галицким и дмитровским⁴⁴; ожидает она и князей ярославских⁴⁵. Центр Великороссии сплачивается под великокняжеской властью, усиливается эта власть в руках московского князя. Происходит закладка крепко-

го фундамента под здание Владимирско-Московского великого княжения, будущего «Московского государства», в том тесном значении, какое этот термин имел для политической терминологии XVI века.

III

Для выяснения этого момента исторических судеб Великой России имеет существенное значение вопрос о пресловутых «куплях» Ивана Калиты. Дмитрий Донской называет в своей духовной Галич, Белоозеро и Углич – «куплями деда своего». Это свидетельство источника, весьма авторитетного, вызывало у историков большое недоумение, доходившее до попыток отделаться от него простым отрицанием. Недоумение обусловлено, с одной стороны, тем, что Калита и его сыновья не упомянули об этих «куплях» в духовных грамотах, а, с другой, тем, что сохранились известия о князьях на Галиче и Белоозере во времена Дмитрия Донского. На разъяснении этих двух обстоятельств и сосредоточились толкования историков. Карамзин пояснял, что *«сии уделы до времен Донского считались великокняжескими, а не московскими: поэтому не упоминается о них в завещаниях сыновей Калитиных»*⁴⁶. Соловьев отверг это толкование, считая невозможным, чтобы Калита «прикупал» к великому княжению, которое «вовсе не принадлежало в собственность его роду», а могло перейти после его смерти к тверскому или нижегородскому князю: *«дело, по его мнению, объясняется тем, что Калита купил эти города у князей, но оставил еще им некоторые права владельных, подчиненных»*, однако, в к. московскому, а при Дмитрии Донском они были лишены этих прав»⁴⁷. В.И. Сергеевич признал, что *«земельные приобретения, приписываемые Ивану Калите, подлежат сомнению»*, а его «купли» – нуждаются в дальнейших разысканиях; против Карамзина Сергеевич принял возражения Соловьева, но находил, что и после разъяснений Соловьева *«молчание завещаний Калиты и его детей остается необъяснимым и возбуждаемые им сомнения неустранимыми»*⁴⁸. Эти сомнения и неустранимы при сохранении традиционного представления, что деятельность Ивана Калиты направлена на «мозаичское собирание земель», что территория московского государства – *«плод полуторавековых скопидомных усилий московских князей по собиранию чужих земель»* (В.О. Ключевский). Не землю собирали московские князья, а власть; не территорию своей московской вотчины расширяли, а строили великое княжение, постепенно и упорно превращая его в свое «государство». Если не видеть за Калитой – вотчичем московских владений – великого князя всея Руси, нельзя понять не только многих фактов его деятельности, но и

многих текстов наших источников. В частности, нельзя понять при этом и вопроса о его «куплях». А между тем их связь с великим княжением, указанная в труде Карамзина, поясняет, почему в духовной Ивана Калиты нет упоминания о Галиче, Устюге, Белоозере, как не упомянуты ни Переяславль, ни Кострома, никакая великокняжеская волость, ни само великое княжение⁴⁹. В духовной Дмитрия – существенно для вопроса о «куплях» его деда само построение текста грамоты; за первой ее частью, где исчерпано определение уделов четырех князей Дмитриевичей в их московской отчине и опричнины младшего князя Ивана, следует особая часть грамоты, где находим благословение старшего, князя Василия – великим княжением («своею отчиною»), а трех младших – куплями их прадеда – Галичем, Белоозером и Угличем; то же различие московских и великокняжеских владений проведено и в следующем пункте духовной – при определении пожизненных владений вдовствующей княгини: из великого княжения ей назначены две волости – одна переяславская, другая костромская; затем села из галицких владений князя Юрия и белоозерских князя Андрея и еще два села из великого княжения: одно владимирское, другое переяславское; а далее идет указание тех волостей, какие даются княгине из «уделов» всех четырех князей (кн. Иван со своей опричниной в счет не идет⁵⁰).

Однако остаются невыясненными и трудно выяснимы, по недостатку данных, два вопроса: о содержании тех сделок, которые в духовной Дмитрия Донского названы «куплями», а также о судьбах Галича, Белоозера и Углича до той поры, как они слились с вотчинными владениями московских князей. Для этих вопросов – исходный пункт в пояснении Соловьева, что Калита «купил города (речь идет, конечно, не о городах, а о княжениях⁵¹ у князей», но оставил им некоторые владетельные права, которых они лишены при Дмитрие Донском. Уступка княжеских владений великому князю с сохранением права владельца «ведать» их пожизненно встречается и позднее в московской практике⁵². Но представление о куплях Калиты по аналогии с такими сделками несколько затруднено двумя обстоятельствами: мы не знаем, когда и с какими князьями мог заключить Калита «ряд» о купле Галича, Белоозера и Углича, а, с другой стороны, нарушение этого дедовского «ряда» в. к. Дмитрием засвидетельствовано, если так понимать известие о «сгоне» им владетельного князя, только относительно князя галицкого, да притом рядом с известием о таком же «сгоне» с княжения и князя стародубского, чья вотчина не упомянута в числе куплей Ивана Калиты; белоозерские князья упоминаются и позднее – в 80-х гг. XIV в., возможно, что дело сложнее, и самый ряд о «купле», как черта сугубого подчинения мелких князей-вотчичей великокняжеской власти,

явился следствием той новой борьбы, какую пришлось выдержать Ивану Калите по возвращении кн. Александра Михайловича на тверское княжение, а дальнейшие судьбы Галича и Белоозера осложнены соперничеством Москвы и Нижнего Новгорода⁵³.

IV

Выше было упомянуто, что в. к. Иван Данилович замышлял в начале 1335 года поход на Псков, но отказался от него, уступив настояниям новгородцев. Эпизод этот – один из признаков того затруднительного и напряженного положения, в каком находилась великокняжеская власть перед напором литовской силы и литовского влияния на западные области Великороссии. Литовское влияние было опасно для великого князя по связи его с нараставшим раздражением местных княжеских сил против московского «насилованья» и с популярными в княжеско-боярской среде, как и в более широких общественных кругах, настроениями, враждебными Москве и ордынской власти. Возвращение в Тверь кн. Александра Михайловича заново всколыхнуло все сильно натянутые внутренние отношения Великороссии.

Пока кн. Александр княжил в Пскове, Тверским княжеством «тихо и мирно» правил брат его Константин, «наставник отчине своей о нем же утвердшася люди»⁵⁴. Зять в. к. Ивана, он держится в послушании тестю, в ряду других младших князей⁵⁵. Но вскоре после попытки в. к. Ивана организовать поход на Псков, кн. Александр послал сына Федора в Орду, и тот вернулся в Тверь с ханским послом Авдулом⁵⁶. Отношения с Ордой завязаны явно помимо в. к. Ивана, но кн. Александр отправился в Орду, снесясь с митр. Феогностом: послал к нему бояр своих просить благословенья⁵⁷. Кн. Александр съездил из Пскова в Тверь к брату Константину и, видимо, договорился с ним о своем возвращении и с ханским послом о поездке в Орду⁵⁸, а в следующем году отправился к хану с повинной и вернулся «пожалован отчиною своею Тверью» с ханскими послами. Возвращение Александра Михайловича на стол тверского княжения было несомненным политическим поражением для в. к. Ивана. Кн. Александр не мог стать в то же отношение к великокняжеской власти, с каким мирился кн. Константин Михайлович. Никоновская летопись подчеркивает отношения кн. Александра с Ордой – при отсутствии докончания и мира между ним и в. к. Иваном⁵⁹. С в. к. Александром вступала на великорусскую почву сила, не покорная московскому князю и готовая к новой борьбе за власть. Литовские связи Александра и напряжение новгородских отношений грозили в. к. Ивану серьезными осложнениями, тем более что у тверских князей, судя по «пожалованию» Александра ханом Узбеком и участию в его ордынских отношениях ханского посла Авдула,

были свои связи в Золотой Орде. Есть указание и на то, что «розмирье» кн. Александра с Иваном Калитой нашло отклик у младших князей, недовольных московским засильем; ярославский князь Василий Давидович в белозерский Романчук на стороне Александра⁶⁰. Естественно предположить, что и ростовские и суздальские князья должны были вызывать в Москве недоверие и беспокойство. Сквозь сбитые и отрывочные известия летописных сводов чувствуется подъем накопившегося недовольства московским «насилованьем». Исход княжеского столкновения зависел от хана и разыгрался в Орде. Но в. к. Иван, ведя свое дело в Орде, считает необходимым возможно меньше упускать из виду дела на Руси; уезжая в Орду вслед за тверским княжичем Федором, он посылает в Новгород сына Андрея, а в последний момент, когда решалось при ханском дворе дело кн. Александра, посылает в Орду сыновей, а сам остается на Руси⁶¹.

В. к. Ивану удалось отвести грозу и одержать победу. Летописные своды дают больше намеков, чем прямых указаний на то, что произошло в Орде, но смысл этих намеков едва ли вызывает сомнение. Отношения кн. Александра с Ордой – посылка к хану сына Федора с послом Авдулом – вызвали поездку в Орду Ивана Калиты. Во время пребывания их при дворе хана *«царю Азбеку много клеветаша неции на князя Александра Михайловича тверского и уши царевы наполниша многия горести»*: осторожное выражение московского свода плохо прикрывает шаг московской политики. «По думе» в. к. Ивана хан вызвал кн. Александра, но звал его «с тихостью и кротостью», как бы не на суд и расправу, а суля ему «великое княжение и честь велию»⁶². О содержании обвинений, возведенных на тверского князя, наши источники ничего определенного не сообщают, и мы не знаем, какой материал дали для этих обвинений – вопрос о «выходе» или литовские связи Александра Михайловича. Эти последние должны были сыграть свою роль во всем ордынском деле. В летописном предании подчеркнуто, с какими уловками заманили в Орду князя Александра, словно ордынские власти боялись выпустить его из рук. Кн. Александр мог найти убежище в Литве, мог отважиться на попытку сопротивления в Твери, подобное тому, какое удалось при кн. Дмитрие Михайловиче, а в данном случае еще с расчетом на литовскую помощь; ко времени этих событий относится глухое летописное указание, что «татары воеваша Литву»⁶³, а немногим позднее татарская рать воеводы Товлубия ходила с русскими полками под Смоленск. Главе «русского улуса» не трудно было представить кн. Александра опасным для татарской власти над Русью. Ни дары ордынским вельможам, ни покровительство некоторых властных в Орде лиц⁶⁴ не спасли тверского князя. Он убит вместе с сыном Федором, по ханскому приказу, 28 октября 1338 г.⁶⁵

Победа в. к. Ивана Даниловича была полной, и он спешит с действиями, смысл которых – придать ей значение победы великокняжеской власти над самостоятельностью Твери: в. к. Иван «в Твери от святого Спаса взял колокол на Москву»⁶⁶. Родословные предания, использованные составителем Никоновской летописи, относили ко времени этой борьбы Москвы с Тверью при Иване Калите отъезд многих тверских бояр в Москву к в. к. Ивану; сводчики поместили известие об этом отъезде в начале изложения хода последней борьбы князей Ивана с Александром, но едва ли можно в таком порядке изложения видеть основание для датировки самого явления. Составители летописных сводов руководствовались, вероятно, тем, что в их родословных источниках отъезд тверских бояр мотивирован был не поражением Твери в борьбе с Москвой, а недовольством бояр против князя Александра на почве местнических счетов – «заезда» их новыми любимцами Александра – пришлыми иноземцами⁶⁷. Такая мотивировка может, скорее, подорвать всякое доверие к самому известию, чем помочь его осмыслению. Если же его принять, то представляется более вероятным связывать боярский отъезд с Твери на Москву с унижением Твери после гибели кн. Александра Михайловича и демонстративным увозом в Москву Спасо-Треображенского колокола. Стол тверского княжения занял по смерти кн. Александра его брат Константин Михайлович, но зависимость Твери от Москвы надо, по видимому, признать значительно увеличившейся в эту пору.

В Орде одержал в. к. Иван Данилович свою победу над тверским соперником и заплатил за нее тяжкими обязательствами: разыгрывается после этих событий его столкновение с Великим Новгородом из-за «запросов царевых»; в ту же пору, всего вероятнее, разыгрывается и притеснение Ростова, ярко описанное Епифанием Премудрым. Иван Данилович заканчивал дела своей жизни и княжения подлинным носителем великокняжеской власти «якоже и праотец его великий князь Всеволод Дмитрий Юрьевич». В Смоленский поход он посылает по ханскому приказу «рать свою» князей суздальского, ростовского, юрьевского, друцкого, фоминского с московскими воеводами, но и рязанский и тверской князья вне моментов столкновений Калиты с Александром идут в походы по зову великого князя. Иван Калита положил прочное основание возрождению расшатанной великокняжеской власти, но общее политическое положение Восточной Руси оставалось, в годину его смерти, весьма сложным и напряженным – под давлением внешних отношений и еще не окрепшего в определенных формах великокняжеского властвования внутреннего ее уклада⁶⁸.

ГЛАВА IV

Московская вотчина потомков Калиты

I

Иван Калита умер в последний день марта 1341 г. Год знаменательный в истории Восточной Европы. В том же году умер и Гедимин, подлинный создатель Литовского великого княжения. При нем определился и окреп Виленский центр нового государства – литовско-русского, и его влияние сильно отразилось во Пскове, Великом Новгороде, Твери. Намечается в ходе событий вековая роль Смоленска, как центра московско-литовских столкновений¹. Литва была тем сильна в подчинении себе русских земель, что вырывала их из-под татарской зависимости. При Ольгерде подчинение русских земель идет параллельно столкновениям с Золотой Ордой, которая и ранее, при Гедимине, воевала Литву и посылала русских князей и свою рать под Смоленск. В 1341 г. Ольгерд напал на Можайск, сжег посад, но города не взял². Все нараставший напор Литвы связан для московского отчича с защитой личных владений, помимо даже его великокняжеской политики. А шире, чем прямая сила Литвы, разрастается ее влияние, с которым все чаще и глубже приходится считаться великорусской великокняжеской власти во внутренних отношениях Великокороссии.

Вопрос о приемстве на столе великого княжения по смерти Калиты разрешен в Золотой Орде, насколько можем судить по весьма отрывочным сообщениям наших летописных сводов, без особых трений – на основе созданного Калитой, после окончательной победы над Тверью, преобладания Москвы. Хан признал великое княжение за Симеоном Ивановичем на общем съезде всех русских князей в Орде, «и вей князи рускии даны ему в руце»³. Первого октября совершен во Владимире обряд посвящения его на стол великого княжения, а вскоре затем был съезд всех русских князей в Москве⁴. Никаких известий об этом

съезде, кроме глухого летописного упоминания, не сохранилось. А момент был крайне важный: предстояло определить отношения между великим князем и остальными князьями, как Симеон, в ту же пору, определял особым договором «у отня гроба» свои отношения к родным братьям. Будет ли слишком смелым предположение, что на московском съезде должны были сложиться договорные соглашения в.к. Симеона с князьями тверским, рязанским, суздальским, ростовским, ярославским, а вероятно, и другими? Впрочем, существеннее, чем защищать такое предположение, которое нет возможности подтвердить документально, было бы выяснить, насколько и в чем междукняжеские отношения Великороссии во времена в.к. Симеона вступают в новую фазу развития. Это тот момент истории Великороссии, когда Московское княжество, вотчинная опора великокняжеской политики московских Даниловичей, стоит лицом к лицу с местными великими княжениями – Тверским, Рязанским и Нижегородским. Взаимные отношения этих четырех территориально-политических единиц определили дальнейший ход исторической жизни Великороссии, и его изучению необходимо предпослать характеристику их внутреннего строя, который лишь к середине XIV века выступает перед нами с более или менее достаточной определенностью.

II

Московская вотчина князей Даниловичей определилась в основном своем составе с захватом Можайска и Коломны. Братья Даниловичи – по летописям пятеро – держались, по-видимому, в общем московском гнезде без выделения особых уделов каждому. По крайней мере, мы ничего не знаем о каком-либо их раздельном владении, хотя известие об их отъезде в Тверь князей Александра и Бориса Даниловичей⁵ может навести на предположение, что эти князья «волостились» со старшим братом. Во всяком случае для нас исходный пункт истории княжого владения в Московской отчине – духовный грамоты Ивана Даниловича Калиты, который пережил всех братьев и мог свободно и заново «дать ряд сыном своим».

Обе до нас дошедшие духовные грамоты Ивана Калиты⁶ обычно относят, следуя «Собранию Государственных Грамот и договоров», к 1328 году, хотя невозможность такой датировки давно указана А.В. Экземплярским⁷. Формула обеих духовных: *«а приказываю тебе, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою с менишими детьми, по Бозе ты им будешь печальник»* – явно невозможна по отношению к родной матери-вдове. Речь идет о мачехе князей Семена с братьями, о второй жене в.к. Ивана, которую Экземплярский правильно отождест-

вил с княгиней Ульяной, упомянутой в духовной в. к. Ивана Ивановича. Первая супруга в. к. Ивана Даниловича, Елена, скончалась в марте 1332 года и его первая духовная могла быть написана только после этой кончины, второго брака и рождения от княгини Ульяны «меньших детей»⁸.

Цель княжеской духовной изложить тот «ряд», какой отец дает сыновьям и своей княгине на случай, если «Бог что розгадает о его животе». Едва ли правильно обозначить «ряд» новейшим термином «завещание», который в нашем словоупотреблении передает понятие «тестамент»: в задачу духовной Калиты не входит определение личности наследников, а ее цель только изложить отцовское уряжение о внутреннем распорядке, каким должно для его семьи определяться владение вотчиной, доставшейся этой семье после кончины ее главы, составителя духовной грамоты. Калита осуществляет в своей духовной исконную функцию отцовской власти, которая еще в «Русской Правде» была отмечена такой статьей: *«аже кто умирая разделит дом свой детям, на том же стояти»*. Но в данном случае очень сложен состав «дома»: речь идет о московском княжестве-вотчине семьи Калиты. Сложны и приемы его уряженья. Вся семья – младшие братья, князья Иван и Андрей Ивановичи, княгиня Ульяна с дочерьми – «приказана» князю Семену Ивановичу: он их «печальник», большак семьи взамен отца. Сыновьям – всем троим – Калита приказал «отчину свою Москву», предоставив им самим поделиться городскими доходами («тамгою и иными волостями городскими»), за выделом осмничего в пользу княгини Ульяны. Сама Москва поставлена вне раздела («приказываю сыном своим отчину свою Москву, а се семь им роздед учинил»), как и численные люди всего Московского княжества, о которых в духовной сказано: «а числьнии люди, а те ведают сынове мои собча, а блюдут вси с единого». Этих «численных» людей считают обычно тождественными с людьми письменными, данными⁹; действительно, это все термины, вытесненные затем термином – тяглые люди¹⁰. Разряд этот определяется, с точки зрения княжеского управления, как обложенный данью, основное назначение которой уплата татарского «выхода». Общее «ведение» их и их блюденье «с единого» всеми тремя князьями-братьями, конечно, под старейшинством в. к. Симеона, обеспечивало единство московской финансовой силы, столь важное в эпоху борьбы за объединение в руках великого князя всего «выхода» с русского «улуса». По-видимому, и положение, созданное для города Москвы духовной Калиты, надо понимать, как поручение веданья ею «собча» и «с единого» всеми тремя братьями при разделе между ними «городских волостей» – доходов, что должно было внести в управление некоторую неопределенность и вызвало, по-видимому, крупные недоразумения между князьями-братьями.

Все эти черты «ряда» в. к. Ивана Даниловича определяют единство Московского княжества и его владетельной княжеской семьи. Не разбито оно и тем разделом, какой учинил Иван Калита, определив особые владения внутри московской вотчины для каждого сына и для вдовы-княгини с ее дочерьми. По этому разделу старший отчич Симеон получил Можайск и Коломну – два боевых пункта московской политики, верховья и устья реки Москвы, а также ряд крупных волостей вниз по течению Москвы-реки от московского уезда и Горетов стан, расположенный выше московского уезда по течению реки и к северу от нее до верхнего течения Клязьмы. Второй Иванович – Иван – получил Звенигород и волости по р. Рузе до ее впадения в Москву-реку и южнее за Москвой-рекой, а третий – Андрей – южные волости Московского княжества от Перемышля до Серпухова (включительно), так что волости его примыкали к р. Оке; княгиня Ульяна с дочерьми – волости в северной части московской отчины по р. Клязьме¹¹. За долей каждого князя в общей отчине установилось несколько позднее название удела; Иван Калита еще не употребляет этого термина, а говорит о «волостях», назначенных сыновьям, об «уезде» каждого из них¹², как и сыновья Калиты означают эти доли – наряду со словом «удел» – выражениями: «участок, чимь мя благословил отец мой» и «уезд отца его»¹³. Раздел общей вотчины на такие уезды-участки не предполагался окончательным и бесповоротным; это не такой раздел «впрок», которым бы разрушалось представление о единой вотчине князей-отчичей. Духовная Калиты предусматривает возможность изменений в общем составе московских владений и в связи с этим частичного семейного передела: *«а по моим грехом ци имуть искати татарове, которых волостий, а отоимуться вам, сыном моим и княгини моей, поделити вы ся опять тыми волостми на то место»*. «Ряд», данный в. к. Иваном сыновьям и вдове-княгине, исходит из представления о семейном владении общей отчиной частью по долям-уделам, частью совместно; он не дробит этой вотчины на несколько «опричнин», которые принадлежали бы их владельцам на праве «собственности»; нет и повода возбуждать вопрос о праве отчуждения долей-уделов в завещательном или ином порядке, которое принадлежало бы их князьям-владельцам¹⁴.

III

Ряд в. к. Ивана Даниловича оставил недоговоренным многое в определяемых им отношениях. Братья Ивановичи дополнили этот ряд условиями договора, скрепленного крестоцелованием «у отня гроба»¹⁵. Возможно, что этому крестоцелованию предшествовали какие-то недоразумения между князьями-братьями. По

крайней мере на такое предположение наводит упоминание договорной грамоты о боярах, которые станут князьями «сваживати»¹⁶, о том, что князьям из-за такой свадьбы «нелюбья не держати», а учинить «исправу» и «виноватого казнити по исправе». А в конце договорной грамоты упомянута крамола боярина Алексея Петровича против в. к. Симеона, причем братья Симеона обязуются отступить от боярина и ничем не помогать ни ему, ни его семье¹⁷. С этими данными можно сопоставить увещание братьям, какое в. к. Симеон внес в свою духовную, «жити за один», не слушать «лихих людей, кто иметь их сваживати», а слушать митр. Алексея и старых бояр, кто хотел добра в. к. Ивану Даниловичу и князьям его сыновьям¹⁸; а также – тот факт, что боярина Алексея Петровича видим при великом князе Иване Ивановиче в должности московского тысяцкого, а затем убитым на московской площади, жертвой таинственной смуты, вызвавшей отъезд московских «больших бояр» в Рязань¹⁹.

Тенденция духовной Ивана Калиты к сохранению единства княжой семьи и сил княжества под старейшинством в. к. Симеона получила в договоре его сыновей дальнейшее развитие. Тут находим определение «одиначества» князей и отношений старейшинства. *«Быти ны за один до живота, а брата своего старейшего имети ны и чтити во отцево место, а брату нашему нас имети [в братстве, без обиды во всем]; а кто будет брату нашему старейшему недруг, то и нам недруг; а кто будет брату нашему старейшему друг, то и нам друг»*: эта формула вполне определенно устанавливает руководящую роль старшего. *«А где ми, говорит в договоре старший младшим, будет всести на конь, всести вы со мною; а где ми будет самому не всести, а будет ми вас послати, всести вы на конь без ослушанья»*. В старейшинстве Симеона есть элемент власти: имея и чтя его «во отцево место», князья-братья повинны ему послушанием. Но они – не подручники, не князья служебные: старейшинство комбинировано с одиначеством на началах «братства» князей. Это отразилось в договоре несколькими чертами. Великий князь обязуется действовать в согласии с младшими: *«а тебе, господине князь великий, говорят они ему, без нас не доканчивати ни с ким; а братье твоей молодой без тебе не доканчивати ни с ким»*. Далее, тщательно устраняется мысль об ответственности перед великим князем за промахи в военной охране: *«а что ся учинить просторожа от мене или от вас, или от моего тысяцкого и от наших наместников, исправа ны учинити, а нелюбья не держати»*; наконец, устанавливается полная взаимность в праве боярского отъезда: *«а бояром и слугам вольным воля; кто поедет от нас к тебе, к великому князю, или от тебе к нам, нелюбья ны не держати»*, причем это право широко распространя-

ется и на тех вольных слуг, *«кто в кормленьи бывал и в доводе при нашем отци и при нас»*.

Договор в. к. Симеона с братьями обеспечивал единство в распоряжении московскими военными силами; по-видимому (это место в грамоте сильно попорчено), он развил и дополнил меры, указанные в духовной Калиты, для охраны единства и целостности финансовых средств московского княжества, устанавливая запрет покупать земли у численных людей и забирать их самих на княжескую службу²⁰.

И старейшинство в. к. Симеона и братское равенство князей отразились на том развитии, какое получили в договорной грамоте условия «раздела», учиненного Иваном Калитой. Князья-братья не только «соступилися» в. к. Симеону «на старейшинство» большей долей московской «тамги», именно ее половиной, поделив между собой другую половину, но признали такой дележ нормой и на будущее время: *«и потом на старейший путь, кто будет старейший, тому полтамги, а молодым двум полтамги; а опрочь того все на трое»*. На старейший путь уступили они старшему брату, великому князю, и ряд дворцовых доходных статей: пути сокольничий, конюший и ловчий, садовников, повинность «кони ставити» и др. Зато договорная грамота устанавливает и основы «удельного» владения: 1) его неприкосновенность – «како ны отец наш раздел дал, того ти под нами блюсти, а не обидети», с распространением той же гарантии на будущие приобретения – «или кто из нас, брате... что примыслил или прикупил, или кто по сем что кто прикупить или примыслить чюжее... своим волостем, и того блюсти, а не обидети»; 2) его наследственность – «кого из нас Бог отведет, печаловати княгинею его и детми как при животе, так и по животе, а не обидети тебе, ни имати ничего ото княгини и от детей, чим ны кого благословить отец наш по разделу», и 3) его самостоятельность в сфере княжеского управления – установлено право бояр и вольных слуг служить, кому пожелают из князей, и по смерти кого-либо из них у его княгини и детей, притом с обещанием великого князя за то «нелюбья не держати, ни посягати без исправы, но блюсти как и своих»; установлены совместный суд в исках между великокняжескими и удельными боярами и слугами и обязательство князей не посылать агентов своей власти в чужой удел; установлено и запрещение великому князю, его боярам и слугам покупать села в уделах князей-братьев, а им – в его уделе²¹.

Договор между Семеном, Иваном и Андреем Ивановичами акт весьма сложного значения. В нем скрещиваются две различные системы отношений, так как этот акт, с одной стороны, есть ряд великого князя с младшими владетельными князьями, а с другой, ряд князей-братьев, определяющий условия удельного владения общей отчиной.

Остановимся на дальнейшей судьбе этого последнего. Ценный комментарий к установлениям первого договора дает духовная грамота в. к. Симеона. В страшном моровом поветрии 1353 года Симеон Иванович потерял сыновей, а через месяц после них и сам скончался, составив духовную грамоту – ряд княгине своей Марии Александровне. Содержание этого ряда построено на определениях бывшего между братьями договора: «положил семь на Бозе и на вас на своей братьи тако имете блюсти по нашему докончанью, како тогда мы целовали крест у отня гроба». Симеон передает жене своей все, чем его благословил отец, в. к. Иван Данилович; Коломну со всеми волостями и Можайск с прилегающими к нему волостями, т. е. весь свой удел, с ним и свой «жеребий» московской тамги²², а также села, доставшиеся ему по ряду отца и по дополнительному разделу с братьями, и свои примыслы и прикупы, и все свои драгоценности. Такое прямолинейное осуществление наследственности удела явно грозило серьезной опасностью силе Московского княжества. Переход в женские руки, да еще в руки бездетной вдовы, уроженки тверского княжого дома, таких важнейших московских владений, как Можайск и Коломна, был недопустим политически. Он и не осуществился. К сожалению, наши источники не дают никаких сведений о том, как это произошло. Знаем только – по духовной грамоте в. к. Ивана Ивановича²³, что оба города в руках в. к. Ивана, притом с волостями, хотя значительная часть этих последних – в пожизненном владении княгини Марии; но и волостями этими она владела далеко не до смерти, может быть потому, что удалилась в монастырь²⁴. Коломенский удел, ввиду его исключительного политико-географического значения, остается с тех пор неизменно уделом великокняжеским, как и определит в своей духовной грамоте в. к. Дмитрий Иванович: *«а по грехом отымет Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел»*. Так, на первых же порах истории московской княжеской семьи, во втором и в третьем поколении, великокняжеское положение ее главы наложило свою печать на судьбы владения по уделам, подчиняя его неизбежным политическим условиям.

IV

Однако в других отношениях удельное владение продолжало развиваться наперекор существенным политическим интересам Московского княжества, постепенно расшатывая те основы его единства, какие пытались обеспечить Иван Калита в духовной и Симеон Иванович в договоре с братьями.

Вскоре после в. к. Симеона, летом 1353 г., умер князь Андрей Иванович. Его княжое наследие перешло к сыновьям – кн. Ивану,

который всего на пять лет пережил отца и умер отроком, и Владимиру Андреевичу, родившемуся в сороковой день отцовской кончины. Духовная в. к. Ивана Ивановича и договоры в. к. Дмитрия Ивановича с кн. Владимиром показывают, как новое разветвление княжеской семьи усилило раздельность владения московской отчиной по уделам. В. к. Иван сохраняет за племянником долю его отца: «на Москве в наместничестве треть, в тамзе, в мытех и в пошлинах городьских треть и треть меду оброчного»; великий князь даже отступился от ряда преимуществ «старейшего пути», установленных при Симеоне: нет речи о выделе на долю «старейшего» целой половины тамги, на трое делится конюший путь и «кони ставити по станом и по варям». Но Москву он приказывает только двум сыновьям своим, князю Дмитрию и князю Ивану. Старшему назначен можайско-коломенский удел; младшему – звенигородский; а князь Владимир «ведает уезд отца своего». «Уезд» этот потерпел некоторое умаление: Лопастня отошла к Рязани, но князь Владимир получил взамен Новый Городок на усть-Поротли; остальные же отошедшие к Москве «рязанские места» идут в раздел «на полы» между сыновьями великого князя.

Численных людей «все три князя блюдут сопча, с одного». По смерти княгини Ульяны ее волости и села и доход с «осмничего» пойдут в раздел, по выделе волости Сурожика и села Лучинского ее дочери, «на четверо, без обиды» между двумя сыновьями великого князя, его вдовой-княгиней и кн. Владимиром; «а ци по грехом имуть из Орды искати Коломны или лопастеньских мест или отменьных мест рязаньских, а ци по грехом отойметса которое место, дети мои, князь Дмитрий и князь Иван, и князь Володимер в то место и княгини поделятся безъпеньными месты».

Семейно-вотчинная группа еще стоит на сложившихся основаниях ее строя. Владимир Андреевич – еще в полной мере удельный князь московской вотчины. Черты некоторого обособления этого двоюродного в княжеском братстве еще незначительны. Но они будут крепнуть и выступать определеннее в дальнейшем развитии междукняжеских отношений.

По смерти в. к. Ивана Ивановича (в ноябре 1358 г.) на московском княжении остались три малолетних князя – Дмитрий и Иван Ивановичи и Владимир Андреевич. Первый же договор, определявший взаимные отношения старшего Дмитрия с «молодшим» Владимиром²⁵, устанавливает понятие двух отчин в составе московского княжения: «тобе знати своя отчина, а мне знати своя отчина». Владения князя Владимира Андреевича – уже не удел общей вотчины, а особая отчина, хотя та же грамота сохраняет слово «удел» для обозначения владений князя Владимира, многозначительность формулы о двух отчинах вскрывается дальнейшим развитием отношений.

Московское Великое княжество в середине XIV века

- 1 удел Вел. кн. Дмитрия Ивановича
- 2 удел кн. Ивана Ивановича
- 3 удел кн. Владимира Андреевича
- 4 удел Вел. кн. Ульяны

- 5 удел Вел. кн. Марии
- 6 удел Вел. кн. Александры
- 7 совладение кн. Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича

Брат Донского, князь Иван Иванович, умер в октябре 1363 года. Его удел перешел к в. к. Дмитрию Ивановичу. Произошло это в годину последней, решительной борьбы за великое княжение и окончательной победы в. к. Дмитрия над суздальским князем Дмитрием Константиновичем и теми князьями, которые его поддерживали. Тогда же в. к. Дмитрий привел в свою волю ростовского князя, а князей галицкого и стародубского согнал с их княжений. Через год князь Дмитрий Константинович вовсе смирился: когда его сын Василий с ханским послом «вынес из Орды великое княжение отцу своему», князь Дмитрий «отступися великого княжения князю великому Дмитрию Ивановичу», а в январе 1366 года выдал за него дочь свою Евдокию.

Ко времени после всех этих событий относится второй договор в. к. Дмитрия Ивановича с князем Владимиром Андреевичем²⁶. Как ни трудно приурочить этот договор к определенному хронологическому моменту, как ни отрывочен разрушенный временем текст этой грамоты, он все-таки дает ряд ценных указаний, важных для истории московских междукняжеских отношений.

Заключение договора было связано с «пожалованием» князю Владимиру Андреевичу в. к. Дмитрием Галича и Дмитрова «с волостями и с селы» и с установлением новых условий о размерах и взаимоотношениях княжого владения. Изменения в составе владений кн. Владимира ставили его владельческое положение на новые основания. В. к. Дмитрий ему «дал в удел» Галич, Дмитров и волости; эти новоприобретенные владения кн. Владимир называет в грамоте: «мой удел, чем мя еси, господине, пожаловал», противопоставляя их своим наследственным владениям: для обозначения всей совокупности своих владений кн. Владимир употребляет выражения: «в моей вотчине и в уделе», «а в вотчину ти, господине, в мою и в удел данщиков ти своих и приставов не всылати». Крепнет и определяется представление о двух вотчинах в составе Московского княжества: потомков в. к. Ивана Ивановича и его брата Андрея. Владея своей вотчиной, кн. Владимир получил долю – «удел» в новых приобретениях великого князя, прецедент которого долго не забывали младшие князья московского княжеского дома. А в. к. Дмитрий владеет, кроме великого княжения, своей московской вотчиной и уделом²⁷, причем последний термин означает в этой грамоте, по-видимому, ту долю новых приобретений, которая осталась в руке великого князя за выделом кн. Владимиру пожалованного ему удела. Владея каждый своею вотчиной, князья поделились по уделам²⁸ новыми приобретениями, точнее, в. к. Дмитрий произвел этот раздел своею властью, «по сгадце» с кн. Владимиром, закрепив его в договорной грамоте, как свое «пожалование». Договор определяет отношения не только двух князей, но и двух линий княжеского

дома, так как содержит взаимную потомственную гарантию владений²⁹.

Так во втором поколении потомков Калиты получила дальнейшее развитие раздельность владения по уделам, установленная в договоре в. к. Симеона Ивановича с братьями. Обособление вотчины Владимира Андреевича получило наглядное выражение и в быту княжеском. Городские центры уделов старшего поколения – Можайск, Коломна, Звенигород, Серпухов – не были стольными городами. А кн. Владимир Андреевич подлинно серпуховской князь. Договор его с в. к. Дмитрием, только что рассмотренный, запечатлел, очевидно, лишь преходящий момент их отношений, подлинная фактическая обстановка которого нам точнее неизвестна. Нет основания полагать, что владение Галичем и Дмитриевым закрепилось за Владимиром Андреевичем хотя бы на некоторое время: нельзя даже утверждать, что оно вообще осуществилось. По свидетельству третьего договора между в. к. Дмитрием и кн. Владимиром Андреевичем³⁰, еще при жизни митр. Алексея и при его посредничестве кн. Владимир получил от в. к. Дмитрия Лужу и Боровск³¹, сверх того приращення его владений, какое вызвано было кончиной княгини Ульяны³², а не Галич и Дмитров³³.

Этот третий договор, заключенный уже в 80-х гг., по благословению митр. Пимена³⁴, дает, благодаря лучшей сохранности текста, более точное определение «вотчины» великого князя, на которую не должен кн. Владимир иметь какие-либо притязания. Эта вотчина – то, чем в. к. Дмитрия благословил отец его в. к. Иван Иванович: два жребия в городе Москве, в городских станах и доходах, Коломна, Можайск и Звенигород со всем, что к ним тянуло. Владения князя Владимира состоят из отцовского наследия – трети в городе Москве, городских станах и доходах и отцовского удела, а также новых приобретений – Городца (полученного кн. Владимиром взамен Лопастни, которая отошла к Рязани), Лужи, Боровска и волостей из бывшего удела кн. Ульяны.

В 70-х гг. XIV в. кн. Владимир Андреевич выступает Серпуховским князем-вотчицем, устройтелем своего стольного города и княжения. В 1372 г. он женился на дочери в. к. литовского Ольгерда, а в 1374 г. «князь Володимер Андреевич заложи град Серпухов в своей отчине и повеле в едином дубу срубити его; живущим же ту человеком и приходящим отъинуды, ту жити хотящим, подасть многу волю и льготы; наместничество же приказа в граде том Якову Юрьевичу Новосильцу, окольничему своему»; затем князь заложил, при участии св. Сергия Радонежского, храм во имя Зачатия св. Богородицы, а при нем учредил общежительный монастырь; в 70-х же годах сооружен был и соборный храм св. Троицы, об освящении которого читаем под 1380 г.³⁵ Сер -

пухов становится стольным городом особого вотчинного княжества.

V

Удельное владение, как доленое владение общей вотчиной нескольких князей-отчичей, было весьма непрочной и неустойчивой основой для сохранения единства семейно-владельческой группы и ее вотчинного княжения. Тенденция к распаду такого княжения на отдельные обособленные вотчины, с ослаблением и полным разрывом владельческих связей между прежними частями единого целого должна быть признана существенной его чертой. Она и сказывается в третьем поколении московских Даниловичей. Полному ее осуществлению противодействуют, конечно, иные мотивы междукняжеских отношений, которые в противоположность владельческим, можно назвать политическими: выше были подчеркнуты определения духовной Калиты и договора в. к. Симеона с братьями, направленные на сохранение единства боевой и финансовой силы Московского княжества. Однако и в этой области отразилось усиление раздельности княжого владения, которая грозила перейти от владения по уделам к обособлению отдельных вотчин. Договоры в. к. Дмитрия с Владимиром Андреевичем наводят на любопытные наблюдения за борьбой за сохранение единства Московского княжения под старейшинством Дмитрия Ивановича против нарастающего удельно-вотчинного распада, проявлением которого в сфере междукняжеских политических отношений те же договоры дают, однако, некоторую санкцию.

Договоры эти стоят в принципе на почве договора в. к. Симеона с братьями. «А жити ны по тому», уговариваются князья в первом из них, *«как то отци наши жили с братом своим старейшим, з дядею нашим со князем с великим с Симеоном»*; та же формула и в третьем договоре; читалась бы она, конечно, и во втором, если бы сохранилось его начало. Однако братское равенство и владельческая самостоятельность младшего князя выражены в ряде пунктов определеннее и резче. Формула договора в. к. Симеона с братьями: *«а где ми будеть всести на конь, всести вы на конь без ослушанья, а где ми будеть самому не всести, а будеть ми вас послати, всести вы на конь без ослушанья»* – поколеблена в первом из договоров кн. Владимира. Сохраняя обязательство младшего князя посылать «без ослушанья» воевод, бояр и слуг в поход с великокняжескими войсками, договор говорит о службе «без ослушанья» младшего князя старейшему «по згадце, како будеть мне слично и тебе, брату моему молодшему», но предвидеть личное участие его в походе только при личном же выступлении великого князя: «коли ти будеть всести со мною на

конь». На деле кн. Владимир Андреевич не раз ходил в походы по посылкам великого князя, и договор 1389 г. вернулся к формуле первого договора московских князей, сыновей Калиты³⁶.

Подробно развита в договорах гарантия самостоятельной территориальной власти³⁷ и власти над зависимыми от князя людьми³⁸. Однако в последнем отношении полное разграничение двух княжеских властей встречало неодолимые препятствия в расселении бояр и слуг одного князя во владениях другого, что поддерживалось и свободой отъезда. Договоры в. к. Дмитрия с кн. Владимиром устанавливают подчинение бояр и слуг по дани и военной службе местной княжеской власти, по месту жительства и землевладения, на началах полной взаимности³⁹, тем самым укрепляя самостоятельность власти территориальной. Осложняют эти отношения и особым значением Москвы, где у князей удел, были свои дворы, свои бояре и слуги, свои доходные права. Договор в. к. Симеона с братьями обеспечивал права удельных князей от полновластия старшего брата и его наместников, и тот же порядок несколько отчетливее определен в договоре в. к. Дмитрия с кн. Владимиром⁴⁰: московские суды судит великий князь или его наместник, но своих приставов за чужим боярином не посылает, вызов боярина на суд – дело власти князя, кому этот боярин служит, а наместник удельного князя присутствует на суде, блюдя интересы правого суда и княжого судебного прирбытка.

Еще сложнее были отношения по сбору дани. В своей вотчине кн. Владимир Андреевич имеет самостоятельную финансовую власть, а «ордынскую тягость и протор» выплачивает великому князю «с своего удела, по давным свертком». Так – по первому его договору с в. к. Дмитрием. А договор 1389 г. устанавливает долю в «ордынской тягости» и «проторе» – с его удела и доставшейся ему трети владений кн. Ульяны в 320 рублей, «а прибудет ли, убудет ли, ино по розочту», притом с обязательством принять на себя «по тому же по розочту» долю в долгах золотоордынским купцам и византийским капиталистам⁴¹.

Договоры предвидят случаи, когда потребуется чрезвычайный сбор дани – той, что в жалованных грамотах именуется «данью неминучей»; когда великий князь взыщет эту дань на своих боярах, то и удельный обязуется взять ее на своих боярах и внести в казну великого князя⁴².

Хотя в договорах в. к. Дмитрия с кн. Владимиром Андреевичем нет оговорки, какую встречаем позднее, когда удельный князь заявляет великому в договорной грамоте: «а переменит Бог Орду, не иметь давати татарам, а коли учиешь имати дань с своей отчины с великого княженья себе, и мне тогды с своего удела имати дань собе», но представление, что только «ордынская тягость» связывает удельного князя по сбору и выплате дани в ве-

ликокняжескую казну, несомненно лежит в основе их финансовых отношений. Это сказывается в договорных определениях о тех доходах, которые князья «блюдут» еще «с единого» сбора московских городских даней – в городе и по станам, и по перева-рам (варям) – производят даньщики обоих князей, хотя все, что они соберут, идет в казну великого князя, потому что он выплачивает татарский «выход»⁴³. Если же отпадет уплата «выхода», предположен раздел дани: «а оже ны Бог избавит, освободит от Орды, ино мне два жеребья, а тебе треть», говорит в договоре 1389 г. великий князь удельному.

Традиционный уклад воззрений и отношений утверждает, как норму, полную раздельность вотчинной власти при владении общей отчиной по уделам, тем более по превращении уделов-долей в обособленные вотчинные княжения.

Однако еще Калита противопоставил в своем предсмертном ряде этой тенденции к вотчинному распаду ограничение самостоятельной власти удельных князей, основанное на столь же традиционных началах княжого равенства под старейшинством старшего в данной московской группе князей. Сила и смысл старейшинства видоизменялись и усложнялись на Москве соединением его в одном лице с великокняжеской властью. Договорные грамоты великих князей-старейшин во всей братье, князьях Московского княжества, с младшими, удельными – отразили искание компромисса между двумя противоположными тенденциями междукняжеских отношений.

В договорах в. к. Дмитрия с кн. Владимиром Андреевичем повторяется запрет князьям и их боярам покупать села и держать зависимых людей в чужих пределах, но практика вольной службы неизбежно создавала землевладение этого запретного типа и привела к компромиссу «блюденья», подчинения военному командованию и сбору дани – не по личной подвластности, а по месту землевладения. А вместе с тем само право отъезда потерпело в первом договоре названных князей некоторое ограничение, сравнительно с договором в. к. Симеона с его братьями: *«а который боярин поедет ис кормленья от тебе ли ко мне, от мене ли к тебе, – так уговариваются в. к. Дмитрий и кн. Владимир, – а службы не отслужив, тому дати кормленья по исправе, а любо служба отслужити ему»*; отъезд кормленщиков усложняется требованием предварительного отказа и расчета. Этим усиленно подчеркивалась раздельность служебных и административных отношений. Но в области управления военными силами провести ее было труднее. Удельный князь обязуется посылать в походы своих бояр и слуг «без ослушанья»; поэтому не оставлено на его усмотрение освобождать тех или иных из них от выступления в поход: это делается лишь после доклада великому князю, «по сгадце» обоих князей⁴⁴; а нетчиков-ослушников кара-

ет великий князь при участии удельного⁴⁵. Таковы условия первого из договоров в. к. Дмитрия и Владимира Андреевича; договор 1389 г. их не повторяет, что, быть может, надо признать указанием на упадок этих форм великокняжеского контроля над удельной боевой силой.

В сфере финансовых отношений наблюдаем те же колебания и компромиссы. Раздельность сбора дани по территориальному владению стоит рядом с повторением соглашения: «а численных людей блюсти ны с одного»⁴⁶ и с совместной деятельностью обоих князей по сбору целого ряда доходов. Но первое из этих соглашений стоит теперь в связи, судя по договору 1389 г., с мерами для охраны земельного обеспечения и личного состава черных людей от их расхищения не только в пользу дворцового хозяйства князей, но и в пользу боярского и монастырского землевладения; эти меры, как и охрана состава слуг, которые тянут к дворскому, и служних земель, носят уже характер не столько определения междукняжеских отношений и разграничения вотчинной власти между князьями, сколько общих мероприятий князей по управлению силами и средствами княжества. Наряду с установленными в договоре порядками по управлению военной силой и сбору дани в великокняжескую казну, эти меры – яркое свидетельство живой потребности единства в наиболее существенных сторонах управления Московским княжеством.

На поддержку и укрепление этого единства направлены усилия в. к. Дмитрия, притом едва ли следует их рассматривать вне связи с его борьбой за усиление великокняжеской власти. Борьба московских князей за власть в Московском княжестве – не самостоятельное явление, а один из моментов их борьбы за великокняжескую власть над всей Великороссией: ведь они не «московские» великие князья, а владимирские и всей Руси. Сопоставление договорных отношений в. к. Дмитрия с его тверскими и рязанскими договорами дает ясное тому свидетельство.

Но и самые договоры в. к. Дмитрия с кн. Владимиром Андреевичем дают это свидетельство о стремлении к усилению великокняжеской власти, которое преобразует на московской почве смысл старинного старейшинства и самое понятие о нем. Усиливается элемент властного подчинения в отношениях между старшим и младшим князьями. Сказывался он, конечно, и в договоре в. к. Симеона с братьями, но тут находим дальнейшее его развитие. Первый же договор между князьями Дмитрием и Владимиром содержит формулу: *«а тебе, брату моему младшему, князю Володимеру держати ти подо мною княженъе мое великое честно и грозно, а добра ти мне хотети во всем»* – формулу, которая определяет отношение младшего князя не к старейшине во всех князьях Московского княжества, а к великому князю всея Руси. Формула подчиненного равенства (кто старейшему друг

или недруг, тот и молодшему друг иди недруг) дополнена таким определением верности этому равенству, которое обычно и в определениях верной боярской службы: *«а что ти слышав о мне от крестьянина ли, от поганина ли о моем добре или о лихе, или о нашей отчине и о всех крестьянах, то мне поведати в правду без примышленья, по целованью»*⁴⁷. Правда, договорная грамота тщательно сохраняет при каждой из таких формул оговорки, охраняющие грань между простой службой великому князю и братским, хотя и подчиненным, равенством с ним: кроме общего положения – *«а мне, князю великому, тебе, брата своего, держати в братстве без обиды во всем»*, великий князь признает свою обязанность ни с кем не заключать договоров и не вести переговоров без младшего князя⁴⁸, сообщать ему, с своей стороны, что узнает «о добре или о лихе». Но оговорки эти не умаляют руководящего положения великого князя и подчиненности младшего; их взаимные отношения мало рознятся от отношений боярской вольной службы, раз и она сочеталась с обязанностью доброго совета, сознаваемой не только как реальная необходимость, но и как боярское право. Служба младшего князя великому «без ослушанья» лишь условно и не без натяжки сочетается с такой характеристикой, какую дает ей договорная грамота, обязуя младшего служить великому «без ослушанья по згадце, како будет мне слично и тебе, брату моему молодшему», да еще при обещании великого князя «кормити» младшего «по его службе». Второй договор, заключенный великим князем в момент тревоги и затруднений, казавшихся опасными, давал кн. Владимиру ряд уступок, которые были, однако, тотчас взяты назад, и договор 1389 г. еще решительнее определяет его зависимость от великокняжеской власти. Вместо прежней формулы, обязующей его *«имети брата своего старейшего князя великого Дмитрия в отца место»*, находим тут его обязательство иметь великого князя отцом, его старшего сына – братом старейшим, второго – братом (равным), а меньших – братьею младшею; «честно и грозно» держать великое княжение не только под самим великим князем и под его старшим сыном, но и под остальным его потомством; блюсти под ними не только их московскую вотчину, но и великое княжение; служить великому князю без ослушания; ходить в походы со своими боярами, куда он пошлет. Из оговорок, гарантировавших братское равенство князей (в противоположность подчинению служебных подручников), уцелели только упоминание о взаимной солидарности при заключении договоров и обещание сообщать друг другу вести, какие кто услышит от христианина или от поганина.

Взятые в целом, договорные отношения в к. Дмитрия с кн. Владимиром Андреевичем проникнуты глубокой двойственностью. Естественное развитие удельного владения вело к распаду

Московского княжества, единой вотчины потомков Калиты, на отдельные вотчины княжеских линий его потомства. Но процесс этот встретил, на первых же порах, энергичное противодействие в пользу усиления великокняжеской власти. Разложение прежней основы московских междукняжеских отношений – семейно-вотчинного равенства или одиначества – создало условия, благоприятные для перестройки этих отношений на новом основании, усиливая в то же время самую потребность в такой перестройке.

Соединение великого княжества и двух московских уделов в руках в. к. Дмитрия давало ему огромный перевес силы над кн. Владимиром; к тому же ряд княжеских прав и доходов Владимира Андреевича был неотделим от великокняжеского управления в. к. Дмитрия Московским княжеством. И великому князю удалось не только положить предел вотчинному обособлению Серпуховского княжества из состава московских владений, но и усилить элементы власти в своих отношениях к младшему князю. Форма традиционного старейшинства начинает заполняться новым – великокняжеским содержанием. А тем самым постепенно стирается грань между московским вотчинным старейшинством и великим княжением всея Руси. В договорах с кн. Владимиром в. к. Дмитрий утверждает связь своих вотчинных прав на московскую отчину и на великое княжество Владимирское, требуя их укрепления за собой и своим потомством⁴⁹. Его духовная грамота, составленная в то же почти время как и последний из договоров с кн. Владимиром, проводит ту же тенденцию к слиянию московской вотчины с великокняжескими владениями московского старейшинства с великокняжеской властью: унаследовав от владимирских великих князей задачи великокняжеского старейшинства над всеми князьями Велико-россии, власть московских государей кует из вотчинных начал новое орудие для их разрешения.

Духовная грамота в. к. Дмитрия Ивановича (вторая)⁵⁰ – документ столь же сложного содержания, как и его договоры с кн. Владимиром. В основе своей эта «душевная грамота» – семейный ряд отца-вотчинника детям и вдове-княгине. У великого князя пять сыновей; эта семейная группа «приказана» княгине-вдове: *«а вы, дети мои, живите за один, а матери своее слушайте во всем»*, читаем в начале грамоты; и снова в ее заключительной части: *«а приказал семь свои дети своей княгине, а вы, дети мои, слушайте своее матери во всем, из ее воли не выступайте ни в чем; а который сын мой не имеет слушати своее матери, а будет не в ее воли, на том не будет моего благословенья»*. Сверх волостей и сел, назначенных княгине в пожизненное владение из уделов всех сыновей, она владеет и своей опричниной, которая состоит из ее собственных «прикупов»⁵¹ и великокняжеских «при-

мыслов»⁵², перечисленных в грамоте: *«а теми своими примыслы всеми благословляю княгиню свою, а в тех примыслех вольна моя княгини, сыну ли которому даст, по души ли даст, а дети мои в то не вступаются»*. По смерти мужа княгиня-вдова остается главою семьи. В случае смерти одного из сыновей княгиня делит его удел между остальными: *«которому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не вымутъ(ся)»*. Ей же предстоит наделить ожидаемого сына, *«возмя по части у большие его братьи»*; она, своею матернею властью, произведет частичный передел, если *«у которого сына убудет отчины»*.

Не изъят из-под этой материнской власти и старший сын, князь великий. Но его удел, коломенский, на особом положении: этот удел не идет в раздел в случае безнаследной кончины великого князя, а переходит целиком к следующему брату по старшинству, *«а того уделом поделит их княгини»*. При сохранении авторитета матери, как главы семьи, и ее власти и вопросах удельного владения, старший брат, князь великий, заменяет отца по отношению к младшим: *«а дети мои, молодшая братья княжы Васильевы»*, – внушает им в. к. Дмитрий, – *«читите и слушайте своего брата старейшего, князя Василья, в мое место, своего отца»*. Но они ему – не подручники; он должен держать их *«в братстве, без обиды»*.

Князь Владимир Андреевич, отчич серпуховской, стоит в стороне от этой семейной группы. Духовная в. к. Дмитрия не определяет и не укрепляет за ним его владельческих прав: ведь это его собственные вотчинные права, а ряд в. к. Дмитрия касается только личной семьи великого князя. О князе Владимире духовная только упоминает по поводу его права на треть в городе Москве, *«чем его благословил отец его князь Андрей»*, да в случайных ссылках при распоряжении селом с починком и деревнями, которые «отошли» от него к великому князю. Раздел московского княжества на две вотчины выступает в духовной в. к. Дмитрия с полной определенностью.

А своей вотчиной князья Дмитриевичи будут владеть по уделам. Старшему, Василию, назначен удел Коломенский со всеми Коломенскими волостями; второму, Юрию – Звенигородский, Андрею – Можайский с волостями, можайскими и «отъездными», Петру – Дмитровский. Князь Иван Дмитриевич оставлен без удела, хотя «уделом» названа в грамоте его опричина из двух волостей и одного села с починком; это его опричина в том смысле, что великий князь определяет: *«в том уделе волен сын мой князь Иван, который брат до него будет добр, тому даст»*, а «удел» лишь в общем значении – доли⁵³. Четыре удельных князя наделены и селами, московскими и юрьевскими, а город Москва им четверым приказан, с сохранением за князем Владимиром его вотчинной трети. Но при этом снова возника-

ет, как в договоре в. к. Симеона с братьями, представление о некотором лишке «на старейший путь»; Василию Дмитриевичу отец назначил «на старейший путь» целую половину своих «двух жеребьев» – «в городе и в станех» и в городских пошлинах, с разделом другой половины между остальными тремя сыновьями; ему же «на старейший путь» большая часть в медовых доходах («Васильцево сто и Добрятинская борть с селом з Добрятинским»); все же остальное – «бортници в станех в городских и конюший путь и сокольничий и ловчий» – пойдут всем четверым поровну, как и половина тамги, другая половина которой назначена вдовствующей княгине вместе с «восмничим»⁵⁴.

Клином врзается в эту удельно-вотчинную духовную грамоту особая статья о великокняжеских владениях. Она утверждает вотчинное право в. к. Дмитрия на великое княжение: *«а се благословляю сына своего князя Василья своею отчиною великим княженьем»*; недавний договор в. к. Дмитрия с кн. Владимиром Андреевичем закреплял это право за московской великокняжеской семьей обязательством князя Владимира держать великое княжение «честно и грозно» под в. к. Дмитрием, его сыном Василием и под всеми детьми великого князя. Но подчинение великого княжения вотчинному праву привело к попытке, правда нерешительной и осторожной, использовать великокняжеские владения для дополнительного наделения удельных князей. К статье о благословении старшего сына великим княжением примыкает, вне связи с определением состава уделов младших сыновей, их наделение «куплями» Ивана Калиты – Галичем, Белоозером и Угличем⁵⁵, а также назначение вдовствующей княгине в пожизненное владение волостей из великого княжения, а именно из переяславского и костромского уездов, из волостей галицких и белозерских, и доли в владимирских и переяславских селах; притом отдельно от назначения ей же волостей и сел из уделов всех четырех сыновей. Квалификация Галича, Белоозера и Углича, как «купель» дедовских, не привела к их слиянию с московской вотчиной, которой князья владели по уделам, и не разорвала их связи с великим княжением. Выше уже было замечено, что эта квалификация звучит мотивировкой завещательного распоряжения ими и обличает тем самым характерное колебание в попытке применить вотчинное право к великокняжеским волостям. Мотивы этого колебания могли быть различны: проводя в жизнь представление о великом княжении, как своей отчине, и включая его в состав объектов завещательного распоряжения, в. к. Дмитрий тем самым ставил на очередь вопрос, захватить ли вотчинное владение по уделам и область великого княжения. Сопоставляя с этой чертой духовной грамоты в. к. Дмитрия содержание второго из договоров его с кн. Владимиром Андреевичем, когда великий князь пожаловал двоюрод-

ному брату Галич и Дмитров «в удел», можно заключить о коренном перерождении, какое переживают понятие «удельного» владения и связанные с ним отношения уже во времена в. к. Дмитрия. Передача князю Владимиру Галича и Дмитрова «в удел» – не осуществление его права на долю в общей вотчине, а великокняжеское «пожалование», закрепленное договором («наделок» в духе старых киевских отношений, властью старейшего во всех князьях русских); благословение Галичем, Белоозером и Угличем трех Дмитриевичей – сверх назначенных им уделов в московской вотчине – носит тот же характер не вотчинного раздела, а произвольного наделения властью великого князя. При этом особого внимания заслуживает судьба Дмитрова, который оказался, по духовной в. к. Дмитрия, включенным в состав уделов московской вотчины: оторванный от комплекса галицких владений Дмитров инкорпорирован в состав московских владений и стоит особо от Галича⁵⁶.

Все развитие княжого владения и междукняжеских отношений в Московском княжестве происходило под давлением особых условий, создаваемых закреплением великокняжеской власти в руках московского старейшины. Значение великокняжеской власти и ее особой политики неизбежно видоизменяло уклад княжого равенства или одиначества и подлинный смысл старейшинства. Усиление великокняжеской власти углубляло противоречие между ее стремлениями и потребностями и семейно-вотчинным укладом московских княжеских отношений. Сыновья и внуки Дмитрия Донского пережили затяжной и тяжелый кризис этих отношений, который зародился еще при в. к. Дмитрие, а разрешение получил только при Иване III Васильевиче.

ГЛАВА V

Тверская отчина потомков в. к. Михаила Ярославича

I

Неудача тверских князей в борьбе за руководящее положение в великорусском политическом мире замкнула Тверское княжество в местной жизни и местной политике. Правда, традиция о былом, более широком значении Твери и ее князей долго еще живет в тверской письменности, волнует тверскую правящую и книжную среду, вызывая, по временам, порывы на новую борьбу и тягу к возвышению политической роли тверской княжеской власти. Но великорусская большая политика все крепче сосредоточивалась в московских руках, и Тверь, по выражению ее историка В.С. Борзаковского, *«должна была поневоле ограничиваться интересами более узкими, только своими собственными»*.

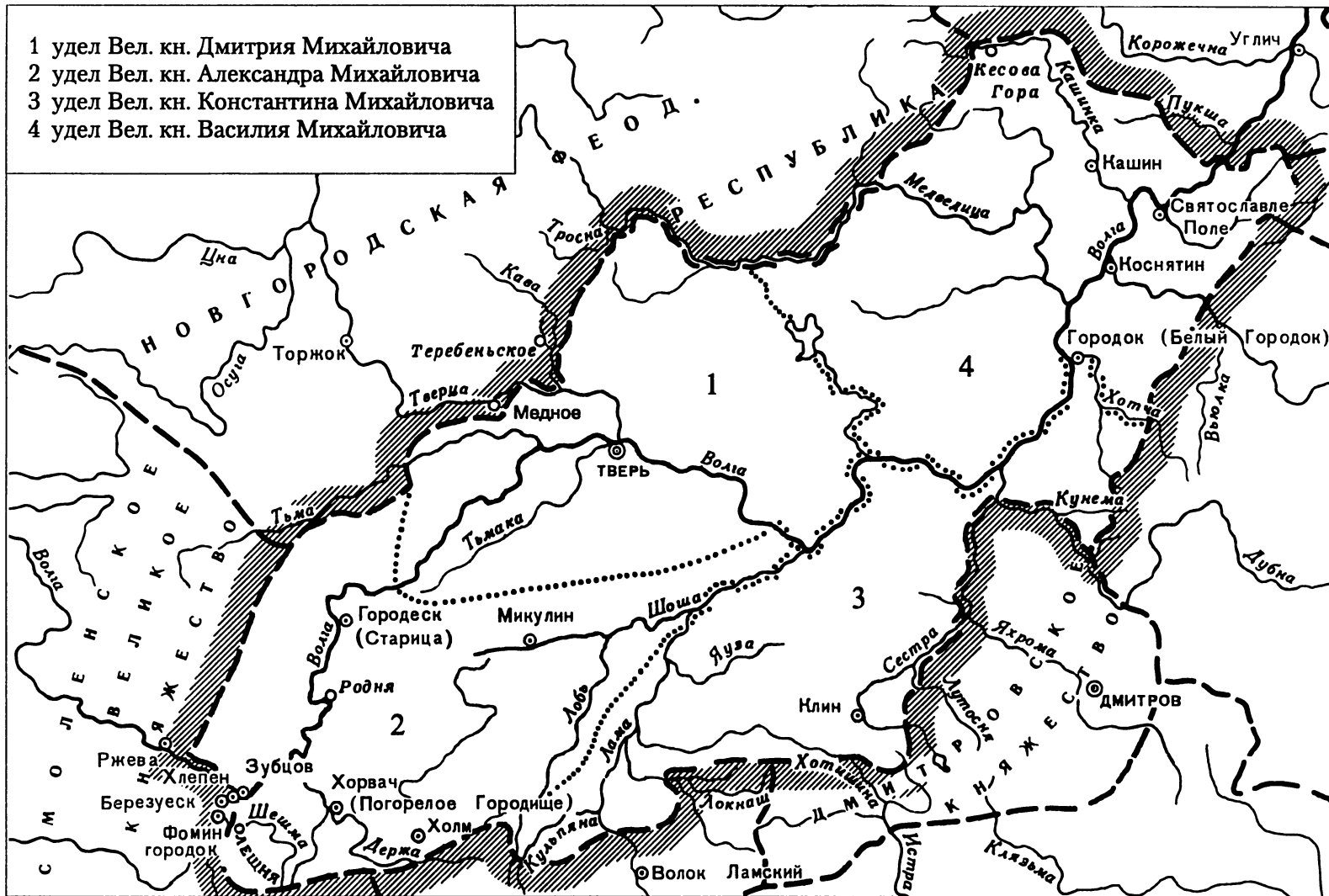
Новые условия тверской жизни вошли в полную силу после гибели в Орде князя Александра Михайловича. С трудом отстаивая свою независимость от Москвы или, точнее, от великорусской великокняжеской власти, Тверское княжество переживает внутренний процесс дробления и борьбы с ним местной великокняжеской власти. Аналогичный московскому, этот уклад внутренних отношений Тверского княжества отличается некоторыми особенностями, весьма интересными для изучения удельно-вотчинного строя княжого владения и княжого права.

То же значение, какое имеет духовная Ивана Калиты для истории московских междукняжеских отношений, принадлежало бы в истории Тверского княжества духовной грамоте князя Михаила Ярославича, если бы она дошла до нас. Однако единственный след ее находим в сообщении сказания о мученической кончине князя Михаила, что Михаил, собираясь в Орду, отпустил сыновей домой из Владимира «дав им ряд, написав грамоту, разделив им отчину свою»¹. Михаил оставил свою тверскую вотчину четы-

рем сыновьям – Дмитрию, Александру, Константину и Василию. Вотчинами его внуков были: Александровичей – Холм и Микулин; Константиновичей – Дорогобуж; Васильевичей – Кашин. Возможно, но далеко не удостоверено, что такое распределение уделов предустановлено рядом князя Михаила Ярославича. Но это владение тверской отчиной по уделам, если оно и зародилось, никак еще не отразилось на единстве Тверского княжества при сыновьях князя Михаила. Лишь после гибели князя Александра в Орде, когда стол Тверского княжения снова достался Константину Михайловичу, определилась вотчинная обособленность холмско-микулинских владений князей Александровичей². О предсмертном «ряде» князя Александра лишь мимоходом упоминает летописное сказание о его кончине, повествуя о том, как он прощался со своими боярами «и о вотчине своей глаголав»³. Если принять это указание литературной повести за точное воспроизведение факта, надо признать, что духовной грамоты князь не успел составить; нет и оснований для догадок, как он распределил между сыновьями свою отчину на доли-уделы. Скучные летописные известия о его сыновьях не дают свидетельства о таком разделе. Перед нами не отдельные владельческие князья, а семейная группа отчичей на холмско-микулинском княжении с вдовствующей княгиней-матерью во главе, и, судя по данным летописных сводов, в жизни Тверского княжества стал на очередь не вопрос о внутренних отношениях и распределении владений-уделов в этой группе князей, а другой – об их положении в Тверском княжестве.

От более позднего времени дошли до нас грамоты тверских князей, в которых «одиначество» всей тверской княжеской группы проявилось с такой яркой определенностью, какой не находим ни в московских междукняжеских договорах, ни в каком ином источнике для истории княжого права XIV века. В этих грамотах тверские князья выступают все вместе носителями единой княжеской власти в Тверской земле, под старейшинством своего «князя великого». Разумею грамоту тверскому Отрочу монастырю, которая сама себя именует: «се милостыня князя великого Васильева Михайловича и его братаничев – князя Всеволожа, князя Михайлова, князя Володимерова, князя Андреева Александровичев, князя Еремеева, князя Семенова Костянтиновичев, князя Михайлова Васильевича»⁴, и ее позднейшее повторение от имени «рабов святые Троица» – в. к. Бориса Александровича и его «братии мододчей» князей Федора Федоровича, Ивана Юрьевича, Андрея Дмитриевича и Федора Александровича⁵.

Другую черту того же одиначества тверских князей, столь же существенную, вскрывает летописный рассказ о начале раздоров между тверским великим князем Иваном Михайловичем и

Тверское Великое княжество в 20-е годы XIV века (по В.А. Кучкину)

его братьями⁶. При в. к. Михаиле Александровиче тверские великокняжеские бояре целовали крест всем Михайловичам (Ивану, Василию и Федору) и внуку великого князя (Ивану Борисовичу) на том, что «хотети им добра»; но старший князь – Иван Михайлович, заняв стол великого княжения тверского, повелел «боярам своим целование сложити к своей братьи», несмотря на протест княгини-матери и младших князей⁷.

В семье тверских князей владение общей отчиной по уделам едва ли сложилось сколько-нибудь решительно ранее кончины князя Александра Михайловича (1339 г.). Опасное напряжение отношений к Орде и Москве, видимо, парализовало обычную тягу к удельному и вотчинному разделу, поддерживая, на первых порах, полное «одиначество» не только княжое – союзное, но и владельческое. Только с переходом старшего стола тверского княжения к Константину Михайловичу по смерти второго из старших братьев, намечается удельное владение Кашином для князя Василия Михайловича и холмско-микулинскими волостями для семьи Александра Михайловича. Тогда же должно было определиться и значение Дорогобужа, как будущей отчины Константиновичей. Не знаем, когда и как сложился этот «ряд» для князей Михайловичей. Конечно, возможно, что он предопределялся духовной грамотой в. к. Михаила Ярославича, но реально его последствия начинают сказываться в жизни Тверского княжества только после мученической кончины в. к. Александра⁸.

Предстояло определить степень самостоятельности удельных князей и гарантии единства тверской силы, подобно тому как та же задача стала перед московскими князьями по смерти в. к. Ивана Даниловича и разрешена была договором между в. к. Симеоном и его братьями. Не знаем договорных грамот между тверскими князьями, хотя на них указывают ссылки их на свои «докончания» при раздорах из-за взаимных прав и обязанностей. С большой остротой поднять этот вопрос в последний год жизни и княжения Константина Михайловича: «того же лета князю Константину Михайловичу тверскому быст нелюбие с княгинею с Настасьєю и с князем с Всеволодом Александровичем, и начя имати бояре их и слуги в серебре за волости, чрез людскую силу, и бысть над ними скорб велика»⁹. Дело шло о сборе дани¹⁰, это видно из дальнейшего: князь Всеволод, «того не могый терпети», ушел из Твери на Москву к в. к. Симеону, а затем оба – и Константин Михайлович и его племянник – отправились в Орду; но здесь князь Константин неожиданно скончался, а брат его Василий вступил немедленно в правление Тверским княжеством и, прежде всего, прислал своих данщиков в удел князя Всеволода Александровича и взыскал дань на его людях¹¹.

Действия Константина и Василия Михайловичей напоминают то «утеснение» ростовских князей и их княжества московской

силой, о котором повествует Епифаний Премудрый в «Житии св. Сергия Радонежского». Потерпев неудачу в борьбе за Владимирское великое княжение, тверской князь сохраняет в пределах тверских владений титул великого князя и приемы великокняжеского властвования, пытается свести положение племянников, отчичей холмских, до служилого подручничества, подчиняя население их владений непосредственно своей великокняжеской власти, их бояр и слуг – ответственности перед собой.

Так, на первых же порах замкнутой в себе политической жизни Тверской земли, семейное и владельческое одиночество тверских князей глубоко потрясено первым же переходом удела брата в вотчину его потомков. Великокняжеское отрицание независимости местного вотчинного княжества вызвало упорную борьбу двух линий тверского княжеского дома: холмской и кашинской, осложненную воздействием на Тверь Москвы и Литвы. В этой борьбе постепенно и неуклонно рушился семейно-вотчинный строй Тверского княжества с обособлением Кашина, который все больше подчиняется московскому влиянию, с измельчением остального княжья до уровня служебных княжат – при настойчивом и последовательном стремлении обладателей старшего стола Тверского княжения к усилению своей великокняжеской власти над всей Тверской землей.

II

Князь Всеволод Александрович нашел при столкновении с дядей Константином некоторую поддержку в Москве; по крайней мере в Москву к в. к. Симеону Ивановичу ушел он из Твери и уже отсюда поехал в Орду к хану Джанибеку. Поэтому естественно предположить поддержку его домогательств в Орде перед ханом московским влиянием¹². Поводом для немилости ханской к князю Василию послужили, по-видимому, жалобы на его самоуправство в сборе дани с отчины племянника: узнав в Орде об этом сборе, князь Всеволод «оскорбился» и пошел навстречу к дяде, который спешил в Орду с набранным серебром, перехватил его на Бездеже и «ограби его»; но сделал он это не самовольно, а пошел на дядю Василия «от царя из Орды с послом»¹³. Оба князя прожили в Орде больше года, а вернулись – князь Всеволод Александрович на Тверское княжение, князь Василий Михайлович на свой Кашин¹⁴. Этим, конечно, не разрешалось «нелюбие» между князьями; их раздоры создавали «людем тверским тягость», так что «мнози люди тверские того ради нестроения разыдошася», а между князьями «мало кровопролитиа не бысть»¹⁵. Помимо соперничества дяди с племянником из-за старшего стола, отношения должны были еще более обостриться на том же вопросе – о степени самостоятельности удельного князя от

великокняжеской власти, раз эта власть попала в руки племянника, а дядя вынужден ограничиться Кашинским уделом. Но Всеволод и года не удержался на Тверском великом княжении. Тверская смута закончилась полюбовным соглашением князей при посредничестве тверского епископа Федора, и «Всеволод Александрович съступися великого княжения Тверьского дяде своему князю Василию Михайловичю»¹⁶. В таком исходе их раздора можно видеть результат изменения московской политики: епископ Федор был тесно связан с митрополией – участницей этой политики¹⁷, а вскоре за примирением тверских князей произошли семейные события, которые закрепляли сближение Василия Михайловича с Москвой, а Всеволода – с Литвой. Литовский великий князь Ольгерд женился на сестре Всеволода – княжне Ульяне, а в. к. Симеон выдал дочь за Васильевича Михаила¹⁸. С этой поры кашинская линия тверских князей постоянно тянет к Москве, как холмская – к Литве.

Внешнее влияние и трудное положение между двумя сильными соседями неизбежно осложняли внутренние отношения Тверского княжества. Стремление обеспечить самостоятельность требовало сохранения единства его сил. Эта острая потребность поддерживала формальное «одиначество» тверских князей, какие видим в формуле тверских грамот, но непримиримый раздор двух линий княжого дома подрывал основы этого равенства и только укреплял тенденцию к иной форме объединения тверской силы – к усилению великокняжеской власти.

Василий Михайлович вернулся на стол Тверского великого княжения и получил ханский ярлык¹⁹; и тотчас возвращается он к приемам великокняжеского управления брата Константина: «и нача братанича своего князя Всеволода Александровича холмского обидети чрез dokonчание и бояр его и слуг его тягостью данною оскорбляти»²⁰. При явной поддержке Москвы и покровительстве хана в. к. Василий смирил племянника и привел его в свою волю. Попытка Всеволода воззвать к суду митрополита Алексея «о своих обидах, что ся ему учинило чрез dokonчание» привела только к более тесному соглашению великих князей московского и тверского «по митрополичу слову»²¹. Пытался князь Всеволод съездить в Орду с жалобой хану, но тверские пути были в руках враждебного дяди, а на Переяславль не пустили его наместники в. к. Ивана Ивановича, пришлось пробираться окольными путями через Литву. В. к. Василий предупредил хана встречными жалобами на племянника, и ордынские власти «без суда выдали» ему князя Всеволода. «И бысть князю Всеволоду Александровичю от дяди его князя Василия Михайловича томление велие, такоже и боярам его, и слугам, и продажа, и грабление велие на них, такоже и черным людем данная продажа велия»²².

Положение дел в Тверском княжестве изменилось со смертью в. к. Ивана Ивановича в 1358 г. В малолетство в. к. Дмитрия ослабела сила Москвы, опора в. к. тверского Василия, и усилился литовский напор на восточную Русь. Князь Всеволод едет в Литву к зятю своему Ольгерду.

Больше, чем когда-либо, приходилось тверскому великому князю считаться в этот момент с силой литовского влияния в Тверской земле. Князь Всеволод вернулся в Тверь одновременно с приездом туда Романа, поставленного, по требованию в. к. Ольгерда, константинопольским патриархом на западнорусскую митрополию. Неудачный приезд Романа на Тверь имел целью перетянуть тверское духовенство на литовскую сторону, но покушение это разбито противодействием в. к. Василия и епископа Федора; однако Роман гостил «во властях тверских, потребное приемля от князей и от бояр тверских и от других неких», а князь Всеволод ему «многу сотвори честь и дары даде» и «паки повеле его проводить в Литву с честью»²³, есть известие, что митр. Роман был родственником князя Всеволода²⁴. В тот же приезд князь Всеволод «взя мир и любовь с братьею своею», причем они «разделишася волостьми», а князь великий Василий Михайлович, дядя их, «треть (трети?) их отчины отступился»²⁵. Известие это дает только глухой намек на происшедшее и с трудом поддается комментарию, так как фактических данных для него мы не имеем. Но, кажется, следует признать, что злоключения Всеволода подорвали его одиначество с братьями, что в. к. тверской Василий захватил и затем вернул часть их вотчинных владений («трети» их отца), и что при новом полюбовном докончании князя Всеволода с братьями произошел между ними «раздел волостьми»²⁶.

III

Разрушительное влияние наследственности уделов, т. е. их превращение в вотчинные княжения особых линий княжеского дома, на княжое одиначество, сказалось в Тверской земле много сильнее и ярче, чем в Московской. Равенство братьев Михайловичей Ярославича сменяется по смерти в. к. Александра ожесточенной борьбой двух линий княжеского дома, а в этой борьбе сочетаются два мотива: столкновение тверской великокняжеской власти с местной удельно-княжеской независимостью и соперничество линий княжеской династии в отчинных правах на Тверь. Первый из этих мотивов дал повод к раздорам, но холмско-микулинские князья сразу переходят от самообороны к наступлению и разрушают всякую возможность компромисса в пользу договорного одиначества тверских княжеских сил решительным домогательством великого княжения тверского с под-

держкой сперва в московских, затем в литовских связях и отношениях. Их вызвала на то прямолинейная великокняжеская власть дядей Константина и Василия – исходный пункт внутреннего разложения тверской силы, но сыновья в. к. Александра Михайловича выдвигают против нарушения своих княжеских прав не только защиту обычного «докончания» младших князей со старшими, но и свое вотчинное притязание на стол Тверского княжения. Это их притязание получило сильную и глубокую опору в популярности среди тверского общества мечты об освобождении от татарского ига с помощью великого княжества Литовского. Героем этих тверских мечтаний стал брат Всеволода Александровича, микулинский князь Михаил, который стал опасен для дяди Василия, по-видимому, еще при жизни брата Всеволода, а после его кончины становится главным действующим лицом тверской исторической драмы²⁷. Шла в Твери борьба за свою местную великокняжескую власть и за ее усиление, а питалась она неумирающим стремлением вырвать из московских рук великорусское великое княжение и отбиться сразу от московского засилья и татарского владычества.

В этой борьбе за большие задачи гибло владение общей отчиной по уделам, гибло княжое семейно-вотчинное единичество. По смерти Всеволода Александровича и двух младших Александровичей их отчина распалась на две вотчины – холмскую и микулинскую, между которыми не видно какой-либо связи. Холмское княжество осталось за сыновьями Всеволода – Иваном и Юрием²⁸. О князе Иване Всеволодовиче знаем только, что он в 1397 г. «сложил крестное целование» к дяде своему, тверскому великому князю Михаилу Александровичу и отъехал в Москву к в. к. Василию Дмитриевичу, который принял его с честью, дал ему город Торжок и выдал за него сестру свою Анастасию²⁹; вскоре великий князь послал его князем-наместником в Псков; а по смерти тверского великого князя Михаила Иван Всеволодович «сослался» с его сыном, в. к. Иваном Михайловичем, и вернулся по «докончанию» с ним в Тверь «со княгинеею своей и бояры»³⁰. Характерно, что Иван Всеволодович не причастен к спору в. к. Ивана Михайловича с братьями и племянником из-за сложения крестного целования великокняжескими боярами: оно касалось только семьи в. к. Михаила Александровича, а Всеволодовичи холмские и так вне того единичества, которое скреплялось этим крестоцелованием; видно, что и цель его была закрепить верность великокняжеского тверского боярства за потомством в. к. Михаила мимо боковых линий тверского княжеского рода. Года через два князь Иван Всеволодович скончался (1402 г.) на своем холмском княжении бездетным, «а отчину свою приказа великого князя сыну князю Александру Ивановичу», что, однако, не помешало его брату Юрию быть после его

смерти владетельным князем: только зимою 1404–1405 гг. он «отъехал со Твери на Москву» и сложил крестное целование к в. к. Ивану Михайловичу, который пытался затем помириться с ним и призывал его вернуться к «дому святого Спаса» и жить «на пределе отца своего». Обычное толкование «приказания» отчины Ивана Всеволодовича великокняжескому сыну Александру, как завещательного распоряжения его в пользу этого князя и в обход вотчинных прав брата Юрия, не соответствует подлинному смыслу наших источников³¹. Нет у нас и данных для разъяснения, почему холмский князь приказал свою отчину не великому князю, а его сыну. Но общий смысл свершенного свидетельствует о значительном усилении тверской великокняжеской власти. В. к. Михаил Александрович закрепил эту власть за своей семьей: великокняжеские бояре целовали, по его грамоте, крест его сыновьям и внуку. Боковые линии тверского княжого дома вне этого великокняжеского единочества членов микулинской линии, добившейся старейшинства на Твери. Холмский князь не выдержал властной политики дяди, великого князя, отъезжал в Москву, где был в положении служебного князя при великом князе всея Руси, а по смерти тверского великого князя Михаила вернулся на свое холмское княжество по «докончании» с его сыном, в. к. Иваном, очевидно, смирившись перед тверским великокняжеским засильем над младшей братьей, князьями Тверской земли. Актом этого смирения был и предсмертный «ряд» князя Ивана Всеволодовича. Низведенный до положения князя подручника, он должен был признать великое княжение на Твери за Иваном Михайловичем и за его сыном Александром и отдать свою отчину под властную опеку последнего. Таким надо представить себе положение Холмского княжества, когда оно перешло к князю Юрию Всеволодовичу. Юрий не смог примириться с этим положением и в 1404–1405 гг., опасаясь захвата великим князем Иваном, бежал в Москву, а через два года поднял спор с в. к. Иваном в Орде, добиваясь крупной доли в тверской отчине, а не только холмского княжения, и сошел с исторической сцены неведомо как: наши летописи не сохранили сведений о его конечной судьбе³². С ним угасло стремление холмских отчичей к самостоятельному княжому значению. Юрьевич Дмитрий только упомянут в числе «младшей братьи» тверского великого князя в договорных грамотах в. к. Василия Васильевича с тверским в. к. Борисом Александровичем. А его сыновья и вовсе сошли на положение служилых княжат: Даниил на службе у в. к. Ивана III, а Михаил – при тверском в. к. Михаиле Борисовиче покорный «брат младший» – склонился перед Москвой после бегства своего «брата старейшего» в Литву³³.

IV

Младшая линия потомков тверского великого князя Александра Михайловича укрепила за собой великокняжескую власть и быстро разрушила притязания старшей, холмской линии на самостоятельное княжое значение. Еще раньше определилось такое же захудание дорогобужских потомков в. к. Константина Михайловича. Не имея определенных сведений о «ряде» в. к. Михаила Ярославича, историки полагают, что значение Дорогобужа как отчины Константиновичей основано на установлениях этого «ряда»³⁴.

История Дорогобужского княжества открывается известием о смерти второго из сыновей в. к. Константина: князь Семен Константинович погиб от моровой язвы 1364–1365 года, «а отчины своея удел и княгиню свою приказа князю Михаилу Александровичу». Из-за этого удела князя Семена началось «розмирье» между князем Михаилом и старшим Константиновичем, дорогобужским князем Еремеем, которого поддержал и великий князь, их дядя Василий Михайлович, опасавшийся усиления кн. Михаила Александровича. Князья обратились к третейскому суду митрополита Алексея; а судил их «по митрополичью благословению и повелению» тверской епископ Василий – «и оправил князя Михаила Александровича»³⁵. Надо полагать, что в. к. Константин поделил Дорогобужский удел между сыновьями, но, точнее, этот раздел нам неизвестен; имеем только одно указание, что Градок, отнятый в 1368 г. в. к. Дмитрием Ивановичем у тверского великого князя Михаила, был частью удела князя Семена³⁶. Свой удел дорогобужской отчины князь Семен оставил жене³⁷, «приказав» ее и ее владение в. к. Михаилу³⁸. Можно усматривать в этом акте фактический захват Городка и других пунктов удела князя Семена удела князем Михаилом: можно утверждать, что он не упустил послать в Городок своего наместника³⁹; но нет оснований видеть тут передачу ему чужого удела в вотчину путем владельческого духовного завещания. Можно указать предположительно и мотив распоряжения князя, умиравшего бездетным: переход его отчинного удела к вдове-княгине не мог не вызвать возражений со стороны брата Еремея и не внушать опасений за прочность ее владения⁴⁰. Бессилие великокняжеской власти Василия Михайловича перед восходящей звездой популярного микулинского князя могло побудить князя Семена обратиться к нему, а не к тверскому великому князю. Усиление микулинского князя тревожило не только великого князя тверского, но и великокняжеское правительство в Москве. Вскоре, после того как спор из-за «ряда» князя Семена был разрешен в пользу микулинского князя, изменилось общее политическое положение. Ми-

трополит Алексей и в. к. Дмитрий Иванович успешно закончили борьбу с Дмитрием суздальским. В. к. Дмитрий «заложил град Москву камень» «и всех князей русских привожаше под свою волю, а которые не повиновахуся воле его, а на тех нача посегати». Тверской в. к. Василий искал опоры в обновленной великокняжеской власти московского князя, и микулинский испытал на себе одно из первых проявлений московского «посегания». Снова поднято дело об уделе князя Семена. В. к. Василий, сын его Михаил и дорогобужский князь Еремей Константинович возбудили перед митрополитом жалобу на тверского епископа Василия, «что их судил о уделе княже Семенове не по правде». Князь Михаил Александрович ушел в Литву, надеясь тут найти помощь против московской силы, ставшей на сторону его врагов. По кратким сообщениям Никоновского свода⁴¹ трудно решить, был ли этот его отъезд в Литву связан с делом об уделе князя Семена или повод был иной, например построение Михаилом на Волге Нового городка, которое и в Твери, и в Москве должны были понять, как приготовление в борьбе, а потому – принять какие-либо меры, угрожающие для князя Михаила. Во всяком случае, разрыв оказался полным, а тверичи проявили достаточно определенно свое сочувствие микулинскому князю, чтобы навлечь суровую репрессию великих князей⁴². Весьма вероятно, что борьба между князьями Василием и Михаилом сразу развернулась в борьбу за Тверское великое княжение. Тверичи заперлись в осаду против великих князей, пока Михаил Александрович не вернулся «с своей ратью» и с литовской помощью⁴³ и пошел к Кашину. До битвы дело не дошло. Князья помирились; условия окончания Михаила Александровича с Василием кашинским, с дорогобужским Еремеем и в. к. Дмитрием нам неизвестны. Но из дальнейших известий ясно, что Михаил остался (с осени 1366 г.) великим князем на Твери, а дядя его Василий вынужден удовольствоваться своим вотчинным Кашинем, где он и умер в 1368 г.⁴⁴

Вступив на путь борьбы за тверскую великокняжескую власть, вслед за старшим братом Всеволодом Михаил Александрович достиг цели – утвердил ее за собой и своим потомством. Этим предопределялась полная его победа над дорогобужским Константиновичем Еремеем. Отъезд князя Еремея в Москву означал призыв великокняжеской власти Дмитрия Ивановича к новому вмешательству в тверские дела; возможно, хотя наши поздние летописные источники о том не упоминают, что дело шло не только о притязаниях дорогобужского князя, но и о захвате Михаилом тверского великого княжения⁴⁵. В. к. Дмитрий и митр. Алексей «зазваша на Москву любовью» князя Михаила и «бысть ему суд», а кончилось дело «поиманием» его и бывших с ним бояр. Но прибывшие в Москву ханские послы «усомнились» в таком деле, как расправа с князем мимо ханской воли, и в. к. Дмитрий

отпустил Михаила Александровича, «укрепив его крестным целованием»⁴⁶. Не знаем, в чем состояло это крестоцеловальное dokonчание, кроме одного пункта, о котором сообщает Никонская летопись: у князя Михаила отнята часть удела князя Семена – Градок, и в. к. Дмитрий послал туда своего наместника с князем Еремеем⁴⁷. Однако покровительство Москвы не на долго помогло дорогобужскому князю. В тяжелой борьбе с Тверью и Литвой в. к. Дмитрий отступился от князя Еремея; в. к. Михаилу вернули Градок, признали за ним весь удел князя Семена Константиновича, а князь Еремей вернулся в Тверь и умер на своем уделе в 1373 г.⁴⁸, смирившись перед засильем тверской великокняжеской власти. Его сыновья – Дмитрий и Иван Еремеевичи, его внуки – Дмитриевичи, Андрей и Иван, еще владетельные князья тверские, участники того одиначества князей Тверской земли во власти над нею, выражение которого находим в формулах тверских жалованных грамот. На деле это одиначество связано с полным подчинением младших князей тверской великокняжеской власти, с фактическим их подручничеством, переходным состоянием младшего княжья к положению служебных князей и бояр-княжат⁴⁹.

V

Кашинское княжение обособилось в составе тверских владений, как удел князя Василия, младшего из князей Михайловичей Ярославича. Когда же Василий Михайлович достиг великого княжения на Твери, Кашин остался в его руках, как вотчинное владение, где, по-видимому, и при нем княжили его сыновья: Василий, а по смерти Василия – Михаил Васильевич⁵⁰. В Кашине Василий Михайлович закончил дни свои, согнанный микулинским племянником с тверского великого княжения. По смерти князя Василия Михайловича в Кашине княжит сын его Михаил. Женатый на московской княжне⁵¹ кн. Михаил Васильевич в Москве ищет, подобно отцу, защиты от тверского великокняжеского засилья. Вскоре после кончины отца он ездил к митр. Алексею с жалобой на тверского епископа Василия⁵²; в 1372 г. – в разгар борьбы Москвы с Тверью и ее литовскими союзниками – кашинский Михаил перешел на московскую сторону⁵³, но поплатился за то разорением княжества и «окупом» с Кашина и вынужден смириться: в. к. Михаил Александрович его «приневолил» и «ввел во всю свою волю»⁵⁴. Однако кн. Михаил и года не выдержал в такой неволе, вновь «сложил крестное целование» к тверскому великому князю и ушел с Кашина в Москву, а оттуда поехал в Орду⁵⁵, но вернулся ни с чем в свой Кашин, где и неожиданно умер; а сын его Василий понес в Тверь повинную голову, отдавшись с челобитьем в волю великого князя Михаила Александровича⁵⁶.

Москва мирилась с тверским великим князем, и кашинскому отчичу иного выхода не было. Когда же в 1375 г. новая вспышка борьбы разразилась над Тверью целой грозой, кн. Василий Михайлович со своими кашинцами в ряду ее врагов⁵⁷. Унижение Твери принесло кашинскому князю независимость от тверского великого князя, обеспеченную договором в. к. Дмитрия Ивановича с Михаилом Александровичем: «а в Кашин ти ся не вступати, и что потягло Кашину, ведает то вотчич, князь Василей; ни выходом не надобе тебе ко Тфери Кашину тянути, а его ти не обидети; а имешь его обидети, мне его от тебе боронити»⁵⁸.

Этот договор разрушал зависимость кашинского князя от тверской великокняжеской власти и ставил его в непосредственную связь с великим князем всея Руси⁵⁹. Но акт этот не имел каких-либо прочных политических последствий. Кашинский князь Василий Михайлович умер в мае 1382 г. бездетным, угасла кашинская линия тверских князей, и выморочный кашинский удел, ее отчина, перешел во владение тверского великого князя⁶⁰.

VI

Продолжительное княжение Михаила Александровича на старшем столе Тверской земли (1366–1399 г.)⁶¹ значительно подняло тверскую великокняжескую власть.

Борьба против удельно-вотчинного распада сил и средств Тверской земли, начатая сыновьями в. к. Михаила Ярославича, завершена его внуком со значительным успехом. Усиление великокняжеской власти было настолько острым и насущным вопросом в жизни Тверского княжества, что столкновение из-за независимости внутреннего управления местных вотчинных княжений от этой власти неизбежно переходило в борьбу за великое княжение: можно и к тверским делам применить слова С.М. Соловьева, что в борьбе князей «дело идет о том, быть государем земли или слугою этого государя»; князья, слишком слабые для такой борьбы, перекидывались на сторону Москвы против родной Твери или смирялись перед местной великокняжеской властью и становились ее подручниками, при формальном сохранении княжого братства и одиначества. В кн. Михаил Александрович свел к такому положению холмского племянника Ивана Всеволодовича, который только за два года до кончины дяди ушел от него в Москву, а затем смирился перед его сыном в. к. Иваном Михайловичем; привел в. к. Михаил в свою волю дорогобужских и кашинских князей, несмотря на московскую помощь этим противникам тверского великого князя. И последняя вспышка борьбы с Кашиным, которая чуть не вырвала этого удела из состава Тверского великого княжества, была лишь мимолетным эпизодом, так как кашинская княжая линия вскоре угас-

ла, и само Кашинское княжество перешло в руки в. к. Михаила Александровича⁶².

Сказание «О преставлении князя Михаила Тверского»⁶³ повествует, как в. к. Михаил, готовясь к смерти, призывал детей «братолюбие честно держати», «брату брата любити и чтити, а не обидети, а старейшего брата им всем (вар.: во всем) слушати», а боярам заповедал: «вспоминайте моим детем, чтобы в любви были, якоже указах им и разделих им коемуждо часть отчины: сыну князю Ивану и его детем, Александру и Ивану, Тферь, Новый Городок⁶⁴, Зубцев, Радилон, Вбърынъ, Опоки, Вертязин, а князю Василию и Борису и сыну его Ивану Кашин, Коснятин, а сыну Федору два городка Микулины с волостями, якоже написах в грамоту душевную, почему им княжити и жити, не преступати моего слова и грамоты душевнъй». Эта «душевная грамота» до нас не дошла; утрата – невозполнимая, так как постановление предсмертного ряда в. к. Михаила Александровича, судя по летописным указаниям на его содержание, было чрезвычайно важным. В. к. Михаил, утверждая сыновей в братском одиначестве, которое закрепил крестным целованием тверских бояр на имя всех членов семьи своей⁶⁵, выделил «коемуждо часть отчины»: старшему, Ивану, – великое княжение Тверское, Василию – Кашинское княжество, Федору – Микулинское. Но это владение общей отчиной по уделам получило особый характер, ввиду предоставления Твери (а, стало быть, и связанного с тверским столом великокняжеского старейшинства) князю Ивану Михайловичу с сыновьями: этим предопределялось закрепление тверской великокняжеской власти за одной старшей линией потомков в. к. Михаила. Кашинское княжество – назначено двум Михайловичам Василию и Борису с сыном последнего, Иваном; такое сообщение наших текстов не может быть точной передачей соответственного места духовной грамоты в. к. Михаила: его сын Борис умер за четыре года до смерти отца. Кн. Борис умер в Кашине, оставив малолетнего сына на руках вдовы – княгини, и определение духовной в. к. Михаила поставило его семью в своеобразное и сложное соотношение к дяде Ивана Борисовича князю Василию, с одной стороны, и к в. к. Ивану Михайловичу, с другой, Федор Михайлович получил «два городка Микулины с волостями», т.е. прежний отцовской Микулинский удел.

Нельзя, конечно, поручиться за то, что «Сказание о преставлении князя Михаила Тверскаго» точно передало содержание его духовной грамоты и в том пункте, который говорит о передаче Твери, как «части отчины» в. к. Ивану с сыновьями, Александром и Иваном. Но фактически в. к. Иван, сев на великое княжение по ханскому ярлыку⁶⁶, весьма решительно приступает к закреплению великокняжеской власти (и владения Тверью) за своей семьей, выделяя ее из общего одиначества князей – потомков

в. к. Михаила Александровича. Выше уже пришлось упомянуть о распоряжении в. к. Ивана Михайловича, чтобы его бояре – тверские великокняжеские бояре – сложили крестное целование к его братьям и к племяннику, нарушая тем отцовский завет. Князья-братья обратились с жалобой к вдовствующей княгине-матери, в. к. Авдотье, и ее бояре вместе с боярами сыновей и внука заявили протест перед в. к. Иваном против такого небрежения грамотой их отца. В семье начались раздоры: *«и оттоле нача великий князь вражду въздымати на свою мать и на свою братью и на своего братанича, нача на них нелюбие держати»*⁶⁷. В. к. Иван высвободил этим актом свою великокняжескую власть из состояния семейно-вотчинного строя между княжеских отношений и противопоставил ее, как личную власть, традиционной опеке вдовствующей княгини-матери, семейного главы, из чьей воли не должны выходить сыновья, не исключая и того, кто был великим князем, а также стеснительному одиночеству с братьями, которым «добра хотеть» обязаны были бояре – всем вместе, как членам единого владельческого княжого дома, отчичам на Тверском великом княжении. Насколько властными стали распоряжения в. к. Ивана показывает такой пример. Мать князя Ивана Борисовича использовала раздор между в. к. Иваном и его братьями и отреклась от солидарности с ними; ее заискивание дало плод: великий князь отнял у брата Василия Лукое озеро и Иерусалимскую слободку и отдал племяннику, а на попытку князя Василия Михайловича потребовать, по обычаю, «суда общего» перед тверским владыкой Арсением «отцом их всех», ответил решительным отказом⁶⁸. Наряду с этими фактами находим косвенное указание на требование великого князя, чтобы и за его сыном Александром было признано право на великое княжение, в известии, что холмский князь Иван Всеволодович «приказал» свою отчину князю Александру⁶⁹. Великокняжеская политика Ивана Михайловича встретила лишь слабое сопротивление со стороны младших князей Тверской земли. Вспышка такого сопротивления со стороны холмского князя Юрия Всеволодовича (1404–1405 гг.) не привела ни к чему; и князь Юрий пропадает без вести в наших летописях после неудачного спора с в. к. Иваном в Орде, а его сын – смиренный подручник, о котором в летописях ничего неизвестно; на ту же ступеньку сведены дорогобужские князья еще в. к. Михаилом Александровичем. Младший брат в. к. Ивана, микулинский князь Федор, упоминается только в походах по посылке старшего брата. Но много тревог в жизни Тверской земли было связано с кашинскими делами и отношениями.

Князь Василий Михайлович пытался отстоять свою княжью независимость «и не почал слушати брата своего старшого, великого князя Ивана»⁷⁰, чем навлек на себя поход тверской рати.

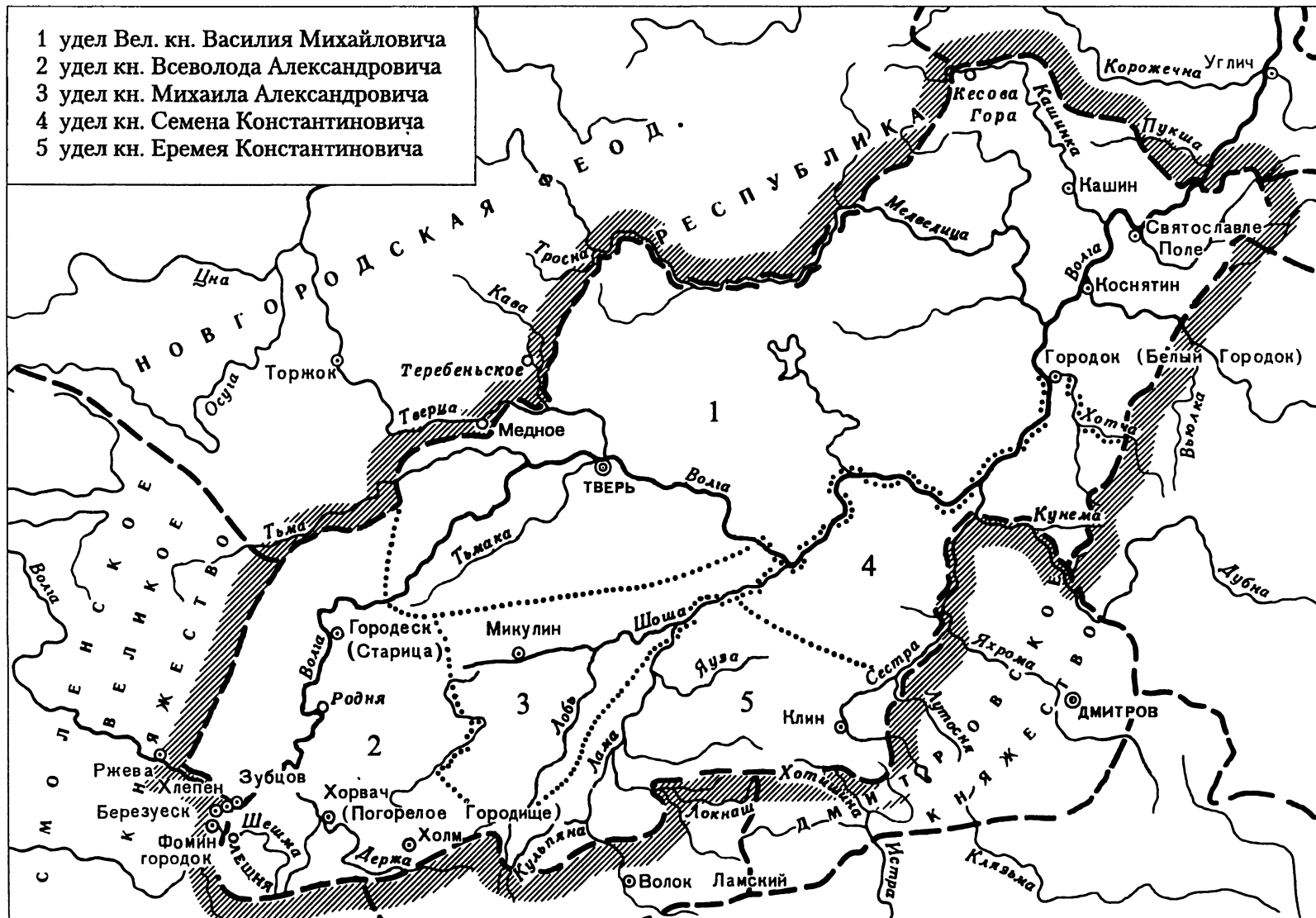

Князь Василий бежал в Москву, а Кашин был занят великокняжеским сыном Александром Ивановичем⁷¹. На этот раз дело кончилось миром; при посредничестве в. к. Василия Дмитриевича кн. Василий получил Кашин обратно⁷². Не прошло и двух лет, как возникло новое столкновение: в. к. Иван захватил брата и бояр его, держал «св нятьи» несколько месяцев, но затем отпустил, заключив с братом крестоцеловальное dokonчание; но князь Василий не выдержал условий этого договора и бежал в Москву, а Кашин вновь занят великоняжескими наместниками⁷³. Однако через год князья-братья опять помирились⁷⁴, и Василий Михайлович вернулся в Тверь и в Кашин. Эти перепетии братских раздоров тесно связаны с московско-тверскими отношениями: разрыв Твери, примыкавшей к литовскому в. к. Витовту, с Москвой позволял кашинскому князю искать поддержки у великого князя всея Руси; примирение великих князей, тверского и московского, вело к примирению и тверской братьи: князя Василия видим вскоре после нового dokonчания с в. к. Иваном в тверской рати, помогавшей в. к. Василию Дмитриевичу против Витовта⁷⁵.

Во всех этих известиях речь идет о князе кашинском Василии Михайловиче, а про его племянника Ивана Борисовича нет и помину. Этот князь выступает жертвой великокняжеского гнева в 1408 году, когда в. к. Иван «поиде ратью к Кашину на братанича своего князя Ивана Борисовича; он же бежа в Москву», а великий князь помирился с братом Василием, но мать Ивана Борисовича, «княгиню Борисову, изнима и приводе на Тверь», а в Кашине посадил своих наместников, «и дань на них (т. е. на кашинцах) взя»⁷⁶. Возможно, что вопрос об уплате дани был и в этом случае, как бывало при великих князьях Константине и Василии Михайловичах, главной причиной конфликта между великокняжеской властью и местным князем-отчичем, но сведения наши слишком недостаточны для ясного представления о том, почему гнев в. к. Ивана обрушился на племянника с его матерью, и какую роль во всем этом деле играл князь Василий Михайлович. Возможно, что попытку возродить самостоятельность Кашинского княжества начал Иван Борисович, возмужавший к 1408 году кашинский отчич⁷⁷. Но это должно было поставить его в противоречие с кашинским дядей Василием, что, быть может, и обусловило примирение кн. Василия Михайловича с братом – великим князем; Ивану Борисовичу осталось только искать прибежища и возможной поддержки в Москве у великого князя всея Руси.

Однако князь Василий удержался на Кашинском княжении лишь дорогой ценой полного подчинения тверской великокняжеской власти. Новый раздор был неизбежен, тем более что в. к. Иван помирился с Иваном Борисовичем⁷⁸. В 1412 г. снова настало «нелюбие велие» между братьями, и в. к. Иван велел захватить князя Василия, его княгиню, бояр и слуг, а в Кашин по-

- 1 удел Вел. кн. Василия Михайловича
- 2 удел кн. Всеволода Александровича
- 3 удел кн. Михаила Александровича
- 4 удел кн. Семена Константиновича
- 5 удел кн. Еремея Константиновича

Тверское Великое княжество к середине XIV века (по В.А. Кучкину)

слал своего наместника. Василию Михайловичу, которого повезли «за сторожи» на заключение в Новый Городок, удалось по дороге бежать и спастись от погони в московские пределы⁷⁹. Из Москвы князь Василий ездил в Орду, куда прибыл и в. к. Василий Дмитриевич; с московской поддержкой ханская милость склонилась, видимо, на сторону князя Василия. По крайней мере, татарское войско помогло ему в нападении на Кашин. Однако нападение это отбито князем Иваном Борисовичем, которому в. к. Иван Михайлович поручил оборону Кашина с «тверской заставой». Князь Василий снова ушел в Орду⁸⁰.

После этого эпизода – защиты Кашина – наши летописные своды более не упоминают о князе Иване Борисовиче, а по смерти в. к. Ивана, погибшего в 1425 г. в моровое поветрие, великим князем на Твери стал сын его Александр, но через пять месяцев погиб жертвой того же поветрия, как и сменивший его на великокняжеском столе сын Юрий Александрович, который пережил отца всего на четыре недели⁸¹. После всех этих катастроф на тверском столе утвердился второй внук в. к. Ивана – Борис Александрович, а в Кашин вернулся было Василий Михайлович⁸², но вскоре «пойман» в. к. Борисом, на этом и кончается его история в наших источниках. На том кончились и существование особого Кашинского княжества, а вместе и «удельное» владение частями Тверской земли.

VII

Сохранению видимости княжого одиначества в договорных и жалованных грамотах тверского великого князя Бориса Александровича (1425–1461 гг.) едва ли можно придавать значение, кроме формально-дипломатического⁸³. Младшие князья Тверской земли – отчичи на своих княжениях⁸⁴, сходят на положение зависимых подручников, причем фразеологическому различию между «братъей молодшей» и «князьями служебными» (в договорных грамотах в. к. Бориса) не соответствует какое-либо различие в их положении перед великокняжеской властью.

Борис Александрович строил свое великокняжеское властвование в Тверской земле, опираясь на тесный союз с литовским великим князем⁸⁵. Отдавшись под властную оборону Витовту, «своему господину деду», в. к. Борис выговорил себе полную независимость по управлению Тверским великим княжением и по господству над младшими князьями Тверской земли: «а дядем моим, и братьи моей, и племени моему, князем, быти в моем послуше; я, князь великий Борис Александрович, волен, кого жалую, кого казню, а моему господину деду, великому князю Витовту, не вступатися; а который въсхочет к моему господину деду, к великому князю Витовту со отчиною, и моему господину деду, вели-

кому князю Витовту, со отчиною не приимати; пойдет ли который к моему господину деду, к великому князю Витовту, и он отчины лишон, а у отчине его волен я, великий князь Борис Александрович, а моему господину деду, великому князю Витовту, не вступатися» – читаем в договоре 1427 г.⁸⁶

Договор в. к. Бориса с королем польским и в. к. литовским Казимиром, заключенный в 1449 году, еще резче сближает младших князей Тверской земли с боярами и вольными слугами: *«а хто отъедет от мене к тебе, к королю польскому и великому князю литовскому, братьи моей молодшой и князей служебных, ино тот отчины своее лишон, а мне, великому князю, не вступатися; а хто отъедет от тебе, короля польского и великого князя литовского, князей служебных ко мне, к великому князю Борису, ино тот отчины своее лишон, а тебе, королю и великому князю, не вступатися; а бояром и слугам нашим вольным воля межи нас»*⁸⁷. Так при в. к. Борисе Александровиче закончилась полной победой борьба за усиление тверской великокняжеской власти. Преодолена опасность удельно-вотчинного дробления власти и распада самой территории на ряд слабо связанных друг с другом вотчинных княжений. Тверская земля не поддалась этой опасности под давлением внешней борьбы за свою самостоятельность, которая спланивала тверские силы вокруг одного центра. Еще в XIII веке Тверь была центром наиболее упорных попыток сопротивления татарской власти, и попытки эти оставили в настроениях тверского общества традицию, на которой и выросла необычайная популярность в. к. Михаила Александровича, возродившего силу великокняжеской власти. Тверь, с другой стороны, передовой пункт великорусской борьбы с литовским наступлением к востоку, и переживает во времена в. к. Михаила Ярославича момент порыва к захвату в руки своих князей руководства всей политической жизнью Великороссии; не даром именно тверской князь впервые титулуется великим князем всея Руси. Традициями великокняжеской политики проникнута вся история тверских князей; поневоле замкнутые в более узкую сферу деятельности московским соперничеством, они строят свое Тверское великое княжение как основу более крупной роли в исторических событиях Восточной Европы. Однако рост Москвы, с одной стороны, и Литовского великого княжества, с другой, приводят эту тверскую силу к колебанию между соседями, с постепенным, все более сильным уклоном на литовскую сторону. По договору с Витовтом в. к. Борис Александрович может быть признан вассалом-подручником литовского великого князя, а в договоре с королем Казимиром (1449 года) в. к. Василий Васильевич признал тверского великого князя и всех тверских князей «в его стороне» – великого князя литовского и короля польского⁸⁸. Эти отношения ставили тверскую великокня-

жескую власть в противоречие с основными стародавними тверскими традициями и вносили несомненный разлад в тверские настроения. Окрепшая Москва взяла в свои руки то национальное знамя, которое было дорого тверским традициям в борьбе с татарами, о какой издавна мечтали в Твери, и с Литовско-польским государством, где все усиливались иноземные и иноверные тенденции. Тверская великокняжеская власть закончила свою внутреннюю строительную работу в такой исторический момент, когда оказались разрушенными основные условия ее значения и самостоятельного существования.

В 50-х гг. XV века Москва одолела тяжкую смуту в московско-владимирском великом княжении всея Руси и вышла на новые пути великорусского государственного строительства. Великому князю тверскому пришлось заключить с в. к. всея Руси союзный договор о том, чтобы им друг другу *«добра хотети во всем в Орде и на Руси без хитрости»* и помогать всю силою против Литвы, Ляхов и Немцев⁸⁹. Втянутая в общие великорусские международные отношения, Тверь теряла всякую опору против Москвы. Тверь втянута в круг великорусской политики, руководимой великим князем всея Руси, московским государем, со всеми своими княжескими, боярскими и боевыми силами; непосредственная служба великому князю всея Руси мимо местного, тверского, естественно влечет служебных князей и бояр Тверской земли к отъезду от Твери к Москве. Исход великого княжения Бориса Александровича и княжение его сына Михаила – только пролог к конечному падению тверской независимости.

Волею исторических судеб, политические успехи тверской великокняжеской власти пошли на пользу московской объединительной работе. Показателен для этих успехов спокойный переход власти в Тверском великом княжении, по смерти в. к. Бориса Александровича (1461 г.), к его малолетнему сыну Михаилу (р. 1453 г.). В его договорах с в. к. Иваном Васильевичем рядом с тверским великим князем упоминаются только незначительный зубцовский князек Иван Юрьевич и холмский князь Михаил Дмитриевич, брат московского воеводы князя Даниила Холмского, которых только формально устойчивая традиция выделяла, как великокняжескую *«братью молодшую»* из среды – безымянной в договорах – *«меньшей братьи»*, князей служебных⁹⁰. Целным *«тверским государством»* вошла Тверская земля в состав *«всех государств российского царства»*.

ГЛАВА VI

Рязанское великое княжество

I

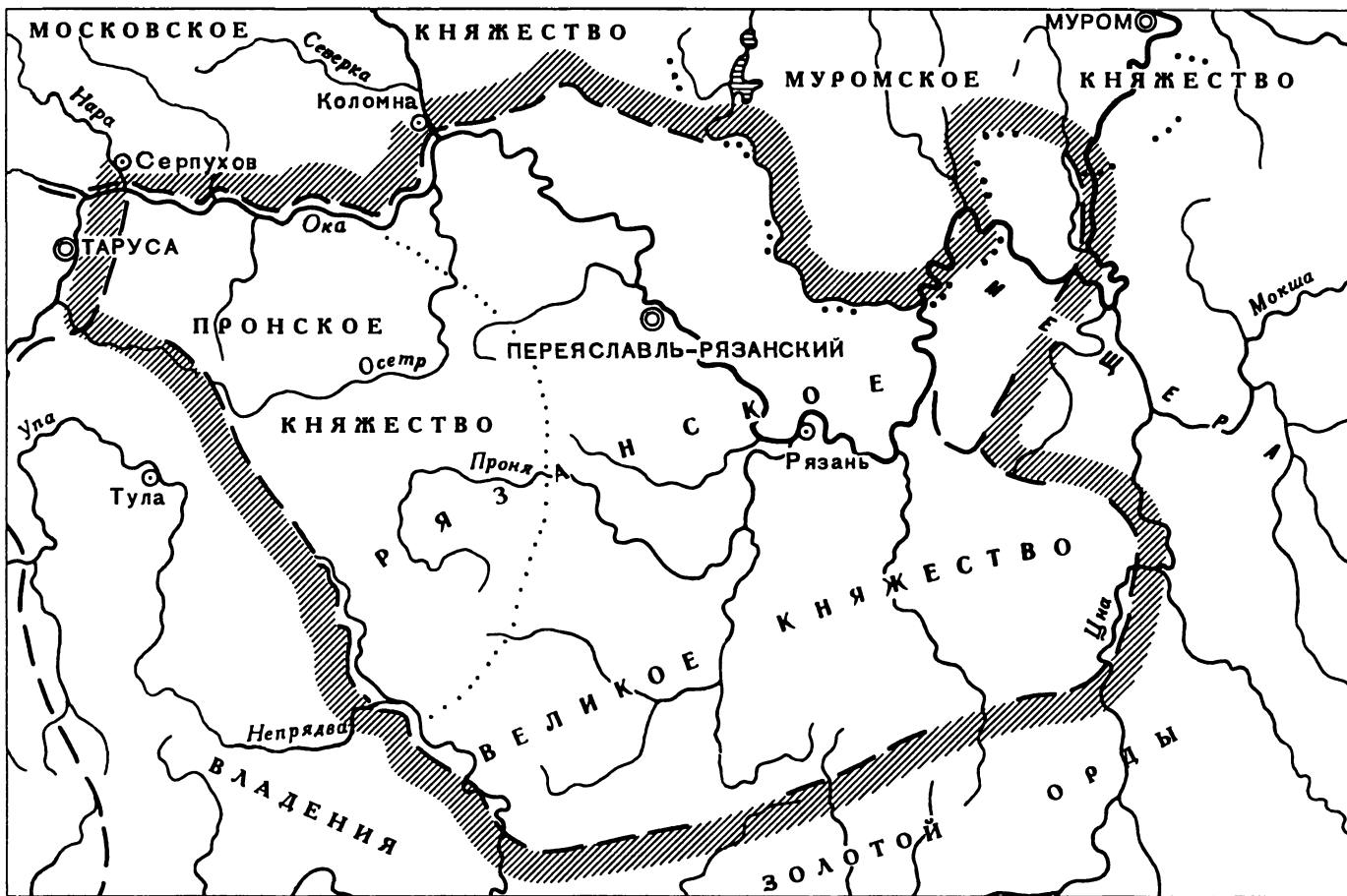
В южных пределах Великороссии сложилась особая, беспоконная жизнь Рязанской укранны. Еще в 20-х годах XII века Муромо-Рязанская область выделилась из состава Черниговских волостей¹ в вотчину младшей линии черниговских Святославичей, линии потомков князя Ярослава Святославича; в 60-х годах того же века распалась на два обособленных княжества Ярославовых внуков: Муромское Юрия Владимировича и Рязанское Глеба Ростиславича². Связь между ними порвана в их подчинении власти Владимирских великих князей. Муромское княжество вполне подавлено этой властью, и его князья, видимо, вошли без возможности сопротивления в положение владимирских подручников. Рязанское княжество, суетливое и беспоконное, довело себя – в исходе первого десятилетия XIII века – до полной утраты владений: по городам Рязанской земли водворились посадники и тиуны в. к. Всеволода Юрьевича. Но эта прямая великокняжеская власть держалась на Рязани только силой, подавляя волнения и недовольство населения. Сыновья Всеволода Юрьевича примирились с возвращением рязанских князей в их отчину, а в 1219 году рязанские Владимировичи выбиты из земли князем Ингварем Игоревичем, который закончил смуту утверждением рязанской отчины за семьей князей Игоревичей³.

Князь Ингвар прожил недолго; Батыево нашествие застало на старшем столе Рязанской земли его брата Юрия Игоревича. Племянники князя Юрия, Ингваревичи, сидели, по-видимому, на Пронске⁴. Татарский погром сгубил большую часть рязанского княжого гнезда. Уцелели только два Ингваревича: Ингвар, который был послан дядей за помощью в Чернигов и вернулся оттуда на Рязанское княжение, когда схлынула татарская напасть, и Олег, томившийся в ордынском плену. О князе Ингваре Ингваревиче только и знаем, что он «обнови землю Рязанскую»; даже

время его кончины не отмечено летописными сводами; обычно полагают, что его не было в живых, когда в 1252 г. *«пустили татарове рязанского князя Ольга Ингваровича, внука Игорева, на свою землю»*⁵. При Олеге Ингваровиче оформилось владычество Орды над Рязанской землей, ордынские численники «изочли» землю Рязанскую и была установлена татарская власть в русском улусе золотоордынских ханов.

Олег оставил единственного сына Романа, но и двенадцатилетнее княжение этого князя на Рязани (1258–1270) ничем не отмечено в наших источниках, кроме сказания о его мученической кончине в Орде. От князя Романа Ольговича пошли рязанские князья. Так, история Рязанской земли начинается как бы заново в эпоху татарского владычества над Русью. Под татарской властью Рязанская земля складывается в сильное княжество, одно из местных великих княжений северо-восточной Руси. Его значение определилось в XIV веке в зависимости от его географического положения, как Рязанской украины – южного форпоста Великороссии. На юге оно владело важным водоразделом между бассейнами Оки и верхнего Дона. Поселения, тяготевшие к Рязани, спускались и южнее этого водораздела, пока лес давал им прикрытие от степной опасности, по Дону и Воронежу до речек – притоков Дона – Тихой Сосны, Червленого Яра и Битюга, а восточнее – по Великую Ворону, приток Хопра. Здесь проходила в конце XIII и в XIV веках граница между Рязанской и Сарайской епархиями⁶. Конечно, так далеко к югу и юго-востоку забегали только отдельные поселки, выдвинутые в степную сторону далеко от главной массы поселений. Ядро земли было много севернее. Старая Рязань была естественным центром этого ядра, но с нею конкурирует в значении центра княжой рязанской силы Переяславль Рязанский, выше к северо-западу по Оке. Возвышение Переяславля и его конечная победа над Рязанью показательны по-своему для боевого положения Рязанской земли. Перед назойливой и изнурительной южной опасностью эта земля жметя к северу, к центральным областям великорусской силы. Южные пределы Рязанской земли сводили ее со степью, где господствовали татары, не только ханская сила, но и беспокойные разбойничьи мелкие орды, которые со своими ордынскими царевичами и князьками наезжали на Русь на свой страх и риск и на свою добычу. Боевая тревога стала обычной жителям Рязанской украины и выработала в них тот смелый, буйный и «дерзкий» нрав, о котором твердят с укоризной московские книжники.

Опорным пунктом рязанских сил в южном направлении служил Пронск, который рано получил значение особого княжого стола. А укреплять свои южные позиции и развивать их оборонительное и наступательное значение Рязанское княжество

Рязанское Великое княжество в середине XIV века

могло только захватывая, по мере сил и возможности, прилежащие Чернигово-северские волости и вовлекая в сферу своего влияния их мелкие соседние княжества⁷. Западные отношения с Черниговщиной, затем с Литвой имели постоянное и крупное значение для Рязани.

Неспокойной была и восточная граница Рязанской земли – по реке Цне, примыкавшая к мещерским и мордовским местам. Затяжная борьба с соседними восточно-финскими племенами и с кочевой силой южной степи еще в XII столетии связала Рязанскую землю с Суздальщиной. В великих князьях Владимирских рязанские князья находили опору своим недостаточным силам, но и платили за то подчинением, которое естественно обуславливалось значением Рязанской украины, как великорусского форпоста против инородческого юга и юго-востока.

Эти издавна сложившиеся отношения существенно определяли и дальнейшие судьбы Рязанской земли. Ее боевое положение органически требовало опоры в связях с великорусским центром. Живой артерией этих связей было течение Оки и ее притоков. Укрепить этот свой тыл и расширить его базу было существенной потребностью Рязанской земли. Но возможность усиления в северном и северо-западном направлениях была рано оборвана окрепшей мощью Москвы. Между Москвой и Рязанью – соперничество за волости ослабевшей и распадавшейся Черниговщины. Спорными местами были для них Лопастня, Верея, Боровск, Лужа, которые в договорных грамотах определяются, как «места рязанские», хотя все это – бывшие Чернигово-северские волости⁸. Захват их Москвою связан, вероятно, с захватом Коломны – ключа к путям на Рязань с севера. А с другой стороны, устье Оки замкнуто Нижним Новгородом; к тому же развитие рязанской территории вниз по Оке преграждено муромскими владениями, которые давно ускользнули из-под рязанских влияний и потянули к великокняжескому Владимиру.

Таково, в самых общих чертах, положение Рязанской земли, которое обусловило тяжелую ее историю. Рязанское княжество в крайне трудных условиях приняло на себя по историко-географической необходимости боевые и колонизационные задачи русского северо-востока, поддержку и развитие традиций старой Суздальщины в южных отношениях Великороссии, пока новая московская сила не объединит заново в одном центре разрозненные течения великорусской народной жизни.

Исход XIII века и начало XIV – время, когда Рязань вовсе предоставлена своим собственным, местным силам, а великорусский центр наносил ей только тяжелые ослабляющие удары.

Наши летописные своды крайне невнимательны к судьбам Рязанского княжества. По ним (а другого материала нет) слишком часто нельзя точно установить даже элементарные факты ря-

занской истории – хотя бы генеалогию рязанских князей и хронологическую канву их преемства.

Князь-мученик ордынский Роман Ольгович умер в 1270 году, оставив трех сыновей – Федора, Ярослава и Константина. Федор Романович сел, вероятно, на старшем рязанском столе; под княжением его брата Ярослава возродилось особое пронское княжение. Однако даже этот факт устанавливается с трудом по данным, спорным и противоречивым; а каких-либо детальных сведений о рязанских событиях и об отношениях между князьями наши источники и вовсе не дают⁹.

Не лучше обстоит дело с нашими сведениями о дальнейшей судьбе Рязанского княжества. По смерти Федора (в 1293/94 г.) и Ярослава (в 1299 г.) в Рязанской земле разыгралась какая-то смута¹⁰, помогшая московскому князю Даниилу захватить рязанский город Коломну и князя Константина, который был убит в Москве Юрием Даниловичем в 1306 г. Всего не знаем, что творилось на Рязани в годы пленения Константина и после его смерти, как сложились отношения между его сыном Василием и пронскими вотчичами Ярославичами, Иваном и Михаилом¹¹. Но убийство кн. Василия в Орде в 1308 году упростило внутренние отношения рязанского княжества: на исторической сцене только пронская их линия, потомство Ярослава Романовича. На старшем столе княжения – Иван Ярославич, а Пронск остался за его племянником Александром Михайловичем¹². Когда Иван Ярославич погиб от татар – не то в Шевкаловой рати, не то в Орде (в 1327 году), рязанским князем стал сын его Иван Коротопол.

Самая скудость сведений о делах Рязанской земли и ее князей может быть принята за свидетельство об ее значительном обособлении от общих судеб тогдашней Великороссии. Рязанские князья не играют роли в борьбе между Тверью и Москвой, стоят в стороне от очередных, острых вопросов великорусской жизни. Рязанская земля вынесла первые, наиболее тяжкие удары татарского нашествия¹³, и татарская сила нависла над нею более тягостно, чем над какой-либо иной русской областью. Князь Олег Ингварович пятнадцать лет томился в ордынском плену; Ольгович Роман погиб в Орде мучеником за веру, татарами убиты его внуки Василий Константинович и Иван Ярославич; после нашествий 1237 и 1239 годов Рязанская земля испытала разорительные татарские наезды в 1278, 1288, 1308 годах¹⁴. Как ни отрывочны и случайны наши сведения о рязанско-татарских отношениях за данное время, они все же дают некоторое представление о тягости татарской руки для Рязанской земли. Ни силы центральной Великороссии, ни великокняжеская власть, подавленная внутренней борьбой, не были в состоянии дать какую-либо опору Рязанской Украине. В ее тылу стояла враждебная Москва, которая захватом Коломны, пленом и убийством князя

Константина лишь усилила оторванность Рязани от великорусского центра и расстройство местной организации рязанских сил.

Усиление великокняжеской власти в руках московских Даниловичей Юрия и Ивана поставило в более тесную зависимость от нее и рязанских князей. В к. Юрий Данилович ходил на Рязань ратью в 1320 г. и привел князя Ивана Ярославича к «докончанию», после которого видим рязанских князей в составе великокняжеской «низовской рати»¹⁵. Однако в княжении Ивана Коротопола видны черты значительной и крепнущей самостоятельности Рязанского княжества по отношению к великорусскому великокняжескому центру. У Коротопола свои особые отношения с Ордой, и на Рязани своя борьба за сбор и выплату татарского выхода.

В 1340 г. князь Иван Коротопол идет к своему стольному Переяславлю с татарской ратью воеводы Товлубия в походе на Смоленск. По пути Коротопол перехватил своего пронского двоюродного брата Александра Михайловича, который ехал к хану в Орду с выходом, «изымав его пограби и приведше его в Переяславль рязаньский, повеле его убить»¹⁶. Из Переяславля рать Товлубия и Коротопола пошла к Смоленску, а к ней присоединились великокняжеские войска Ивана Калиты с князьями суздальским, ростовским, юрьевским, друцким и фоминским и великокняжескими воеводами. Расправа с князем пронским в присутствии Ордынского воеводы, представителя ханской власти, не простое самоуправство, а резкое проявление великокняжеских притязаний по отношению к «удельному» князю Рязанской земли¹⁷.

Пронское княжество перешло к сыновьям убитого Александра – Ярославу-Дмитрию и Ивану. Ярослав Александрович поднял в Орде дело об убийстве отца и достиг в 1342 г. того, что хан отпустил его из Орды «на Рязанское княжение» с послом Киндяком и татарской ратью. Коротопол пытался оказать сопротивление, но был осажден в Переяславле, бежал из осады и вскоре был убит, попав во вражеские руки¹⁸. С ним оборвана еще одна линия рязанского княжеского дома¹⁹. Вся Рязанская земля во власти пронских Александровичей²⁰. Ярослав пережил Коротопола не больше, как на год, а князь Иван Александрович умер в 1350 г. Великое княжение на Рязани перешло к его сыну, весьма еще юному князю Олегу, а на Пронском княжении – двоюродный брат Олега Владимир Ярославич, который, по-видимому, тоже остался после отца малолетним. Хозяевами положения в Рязанской земле оказались рязанские бояре.

II

Середина XIV века отмечена значительным подъемом рязанской энергии. Прискорбная скудость сведений о жизни Рязанской земли, какие находим в наших источниках, не позволяет присмотреться ближе и глубже к этому существенному явлению.

Внешние обстоятельства благоприятствовали рязанским стремлениям к усилению и самостоятельности. Московское и великое княжение Ивана Ивановича отмечено ослаблением великокняжеской власти и смутой в московской боярской среде; затем настали годы малолетства Дмитрия Донского и борьбы его за великое княжение. Эти московские дела уменьшили на первых порах московское влияние в Орде; открылась возможность успешных происков в среде ордынских властей, попыток перетянуть на свою сторону татарскую силу.

В апреле 1353 г. умер в. к. Симеон Иванович, а в июне рязанцы взяли Лопастню, увели московского наместника пленником в Рязань и едва отпустили его за выкуп. Князь Иван Иванович был тогда в Орде, куда съехались все русские князья; здесь шел у него спор о великом княжении с суздальским князем, а вернулся он на великое княжение во Владимир зимой 1354 г., в марте месяце. Юный князь Олег едва ли играл в этом деле значительную роль; вернее, что и он был в Орде, да летописи и подчеркивают, при сообщении о захвате Лопастни, что «князь Олег тогда еще млад был», а самое дело приписывают не ему, а «рязанцам»²¹. Видно, что рязанские бояре использовали удобный момент для энергичного выступления, и сумели удержать Лопастню, может быть, в связи с затруднениями, какие были созданы для московской власти внутренней смутой, которая проявилась в убийстве тысяцкого Алексея Петровича и в отъезде из Москвы на Рязань «больших бояр московских». Захват Лопастни был с рязанской стороны только первым шагом к требованию исправления рязанско-московской границы. В 1358 г. прибыл на Рязань царевич Махмет-Хожа и посылал отсюда к в. к. Ивану Ивановичу требование о «разъезде земли Рязанской». Но на этот раз рязанские требования не получили удовлетворения. Митр. Алексей, руководитель московской политики, успел приобрести значительное влияние в Орде, а «замятня» ордынская, связанная с убиением хана Джанибека и переходом власти к Бердибеку, сгубила царевича Махмет-Хожу: в. к. Иван не пустил его в Москву, он отозван в Орду и убит там «повелением царевым». Только в 80-х годах, уже при митр. Киприане, добились рязанцы нового разграничения своей земли с московскими владениями²².

На ряд лет между Москвой и Рязанью нависла неразрешимая «котора». Эта напряженность московско-рязанских отношений создавала крайне двойственное положение Рязанского княжест-

ва между Москвой и татарами, готовя и предопределяя позднейшую политику в. к. Олега. Рязань и ранее искала в Орде опоры против московского засилья. Татарская помощь была на стороне рязанского князя Константина Романовича в битве, которая кончилась для этого князя пленом и гибелью от московской руки; в ордынских связях ищут рязанцы опоры для восстановления своих владений по Оке. Но татарская сила ненадежна; быстро нараставшее разложение ордынской власти, ее частые «замятни» исключали возможность определенных и устойчивых отношений ее к делам русского улуса. Отдельные малые орды чинили самовольные набеги, и ханская власть была без сил перед татарской анархией. В 1365 г. Рязанская земля испытала набег ордынского князя Тагая; татары сожгли Переяславль, но князя Олег и Владимир с козельским князем Титом, Олеговым свояком, нагнали и разбили его у Шишевского леса на р. Войне²³. Тягость татарской опасности тормозила разрыв зависимости Рязани от великорусского великого княжения и подрывала значение ордынского покровительства, слишком неустойчивого и внутренне обессиленного. При всей напряженности московско-рязанских отношений – сохраняется связь Рязани с великим княжением, и мы видим рязанскую рать князя Олега рязанского под воеводством пронского князя Владимира в борьбе против Ольгерда, при его нападении на Москву в 1370 году²⁴.

Однако 50-е–70-е годы XIV в. были временем, когда великокняжеское положение московских князей пережило тяжелый кризис под давлением борьбы с поднявшейся новой силой великого княжения нижегородского и с Новгородом Великим, с порывами Твери к независимости и преобладанию в Великой России, с судорожными движениями татарской силы, с наступлением к востоку Литовского великого княжества. Исход этой многосложной борьбы был долгое время неясен для современников, а Рязанское княжество, не имея твердой опоры в великорусском центре, должно само себя оборонять и само устанавливать свои отношения к татарскому и литовскому соседу²⁵. Эта тяга к обособленному политическому самоопределению Рязанского княжества осложнена и обострена порубежными спорами с Москвой, потребностью Рязани укрепить свою приокскую базу «нерушимыми и непретворимыми пределами и рубежами»²⁶. Двойственное положение Рязанского княжества между великорусским великим княжением всея Руси и его южными и западными врагами определило к семидесятым годам XIV века внутреннее разногласие рязанских тенденций. Младшее – пронское – княжение становится центром тяготения к Москве и ее великокняжеской силе, тогда как великое рязанское княжение ищет выхода из-под московской власти и пытается самостоятельно определять свои соседские отношения на три фронта.

Нам ближе неизвестны мотивы разрыва между Рязанью и Москвой в 1371 году²⁷; суть вопроса в отношении этого разрыва к договору, какой в эту пору заключен между великими князьями Ольгердом и Дмитрием. А в договоре этом читаем упоминание о включении в мирный трактат с Ольгердом тех князей, *«кто будут со князем с великим з Дмитрием Ивановичем и с его братом с князем с Владимиром Аньдреевичем в любви и в докончаньи, князь великий Олег, князь великий Роман, князь великий Володимер Проньский и иные князи, хто будут в нашем имени»*²⁸. Текст показывает, что предстояло особое «докончанье» с князьями рязанским и пронским, причем дает намек на то, что вопрос, быть ли им «в имени» в. к. Дмитрия, оставался еще открытым. В возражениях Олега против его зачисления в число «иных князей», кто будет «в имени» великого князя Дмитрия с отказом от самостоятельных внешних сношений, всего естественнее видеть мотив последовавшего разрыва между Москвой и Рязанью. Как бы то ни было, в декабре 1371 г. великокняжеская рать идет на Рязань, рязанцы разбиты близ Переяславля на Скорницева, князь «Олег едва утече в мале дружине», а стол Рязанского княжения занял пронский князь Владимир Ярославич²⁹. Однако не на долго; Олег после ухода московской рати «изгоном» согнал Владимира и вернул себе великое княжение на Рязани³⁰.

К сожалению, наши источники молчат о том, как определились московско-рязанские отношения после этих событий. Впрочем, самое это умолчание московских летописных сводов следует, быть может, признать чертой показательной: трудно допустить, чтобы в них не нашло упоминания докончание в. к. Дмитрия с рязанским Олегом «на всей воле» великого князя, если бы таковое состоялось. Олег силой, быть может, с татарской помощью³¹ вернул себе великое княжение, согнав с Рязани московского ставленника. И он не только удержался на великом княжении, но фактически увеличил свою независимость от великокняжеской власти. В ближайшие годы — не слышно об его участии в борьбе Москвы с Литвой и Тверью, и этот его нейтралитет подчеркнут той ролью третейского судьи в московско-тверских разногласиях, которая ему предназначена в договоре 1375 г. в. к. Дмитрия с тверским великим князем Михаилом Александровичем³². Собственные интересы Рязанской земли, как их, по-видимому, понимал в. к. Олег, побуждали его держать себя уклончиво и осторожно. Правда, разлад с пронским княжением вскоре потерял тревожный характер. Князь Владимир Ярославич умер зимой 1372/73 года³³, а сына его Ивана встречаем деятельным князем в раздоре с великим князем рязанским только по смерти князя Олега. Но семидесятые годы — время крайнего напряжения русско-татарских отношений, и Рязанская украйна

должна была их провести в состояние непрерывной тревоги. В 1373 г. Рязанская земля испытала разорительный набег Мамаевых татар⁴¹. А в. к. Дмитрий с князем Владимиром Андреевичем стояли, «собрався со всею силою своею», на берегу Оки, «все лето», и цель их была достигнута, раз удалось не допустить татар до переправы за Оку⁴⁵.

Рязанская земля испытала горькую участь крайны, лежащей впереди основной линии великорусской обороны – течения Оки. Великорусские силы, объединявшиеся вокруг Москвы, упорно и все более успешно защищали от татарских нападений Нижний Новгород, нижегородский край и линию Оки. Так и осенью 1377/78 года царевич Арапша после нападения на Нижний Новгород и разорения Засурья беспрепятственно грабит «изгоном» Рязанскую землю. Много терпел и Нижний, но и значительны были усилия на его оборону; а для положения Рязанской земли особенно характерны деяния 1378 и 1379 годов. На этот раз неожиданным изгоном татары захватили Нижний врасплох и сожгли его. В. к. Дмитрий встретил новую татарскую рать воеводы Бегича за Окой, в Рязанской земле, и разбил ее на берегах реки Вожи. Но на Рязанскую землю не замедлила обрушиться татарская месть. Перед новым «изгоном» сильной татарской рати в. к. Олегу пришлось, по словам летописца-москвича, «перебежать на сю страну Оки», покинув города свои на произвол врага. Татары сожгли Переяславль и ряд иных городов и «Рязанскую землю пусту сотвориша»⁴⁶.

Упомянутые события семидесятых годов XIV века подготовили пресловутое поведение Олега рязанского в эпоху Куликовской битвы. Долгое время Рязанская и Нижегородская крайны Великороссии спасали своими неисходными бедами ее центральные области от татарской напасти. Но к концу семидесятых годов XV века это их значение как внешнего оплота Великороссии оказывается изжитым, и сильные враги – Москва и Орда – стоят через них лицом к лицу. Бой на Воже резко указал татарам, где подлинный центр великорусской силы, окрепшей для опытов единой национальной обороны по всей линии западных и южных пределов Великороссии. Готовилось осуществление грозного союза Орды и Литвы, намеченного еще Ольгердом. Рязанскому князю предстояло определить свое положение в назревавшем решительном конфликте восточноевропейских сил. Линия его поведения определилась еще в отношении к западной борьбе в. к. Дмитрия в направлении уклончивого нейтралитета. Москва дерзнула на борьбу с Ордой, а наиболее тяжкая расплата в случае неудачи или неполной даже удачи падет на Рязанскую землю: так, по-видимому, можно определить тревожные рязанские размышления этой поры; но едва ли меньше опасения должна была вызывать на Рязани мысль о решительном

успехе Москвы (если только он считался сколько-нибудь вероятным): ведь современникам было уже ясно, особенно после московско-тверского договора 1375 года, чем подобный успех грозил независимости Рязанского княжества. Как бы то ни было, в. к. Олег занял в решительную минуту положение, которое навлекло на него резкие нарекания за измену русскому долгу и двуличную политическую игру: сносился с Мамаем и с Ягайлом, отстраняя от себя вражду противников в. к. Дмитрия, а в то же время предупреждал Дмитрия об их движении; уклонился от участия ратной силой в великокняжеском походе против татар и не сумел избежать столкновения между рязанцами и московскими войсками при их возвращении с Куликова поля³⁷. Победа в. к. Дмитрия поставила Олега рязанского в беспомощное положение перед великим князем всея Руси, Олег потерял опору в ордынской власти и в сближении с Литвой. В. к. Дмитрий использовал благоприятный момент, чтобы покончить с международной самостоятельностью Рязани и вернуть ее к зависимости от своей великокняжеской власти. Однако великокняжескому войску, собранному для похода на Рязань, не пришлось выступить: в Москву прибыло рязанское посольство с известием, что князь Олег покинул свою землю и бежал с княгиней, детьми и со всем своим двором. В. к. Дмитрий принял челобитье рязанцев, заключил с ними «ряд», отменил поход и послал на Рязанскую землю своих наместников³⁸. Гибель Мамая и водворение в Золотой Орде нового владыки Тохтамыша круто изменили все положение дел. Русские князья с в. к. Дмитрием во главе спешили признать нового хана, приняли с честью его посла, а к хану отправили своих послов с дарами и поминками³⁹. Опаска перед новой грозной силой сплотила «всех князей русских» под старейшинством в. к. Дмитрия⁴⁰. К этому моменту надо отнести возвращение князю Олегу Рязанского великого княжения. Однако, насколько можем судить по сохранившимся неполным и недостоверным данным, между великими князьями Дмитрием и Олегом не состоялось формального уряженья и докончанья, по крайней мере до осени 1381 г.⁴¹, а вернее до конца 1385 года. Новая татарская гроза поднялась на Русь осенью 1382 года⁴². Князь Олег встретил хана Тохтамыша, когда он не вступал еще в русские пределы, с челобитьем и «*обведе царя около всей своей отчины Рязаньския земли, хотяше бо*», замечает московский книжник, «*добра не нам, но своему княжению помогаше*»⁴³, и дал татарам проводников на броды через Оку. По рассказу московских книжников, Олег сулил хану легкий захват московского города и самого в. к. Дмитрия. Но взятие Москвы и разорение нескольких городов и волостей не избавили Тохтамыша от вырождения его грозного похода в набег «изгоном» и от поспешного отступления, как только успели собраться войска великого кня-

зя. Этим, быть может, объясняется гнев хана на рязанского князя, жестокое разорение татарами Рязанской земли и бегство перед ними князя Олега⁴⁴. И кн. Олег снова между двух огней. Он вернулся на Рязань, когда ушли татары, но вынужден снова бежать перед московской ратью, которая разорила его землю «до останка», так что «пуще ему бысть и татарския рати». И снова наши источники не упоминают, когда и как вернулся Олег на свое княжение после этого бегства, но связать это возвращение естественно с примирением между Тохтамышем и в. к. Дмитрием на началах обновленной зависимости, которое состоялось той же осенью 1382 г.⁴⁵. Однако мира и dokonчания между великими князьями все еще не установилось. Весной 1385 года затяжное напряжение московско-рязанских отношений разрешилось кровавым столкновением. Олег «изгоном» взял Коломну, увел в плен великокняжеского наместника, а затем разбил в бою «на Рязани» московскую рать князя Владимира Андреевича⁴⁶.

Эти ратные успехи не только не дали Олегу даже частичного перевеса над Москвой, но не повели и к новой, упорной борьбе между великими князьями. Над Рязанью, как показал горький опыт прежних лет, тяготела также ордынская опасность, что и над всей Великороссией, а внутренние дела Литовского великого княжества обесценивали то крестоцеловальное dokonчание, какое Олег заключил с Ягайлом, вероятно, во время своего устрания с Рязанского княжения в 1380–1381 г.⁴⁷. И в. к. Дмитрий переживал в эту пору слишком сложные затруднения, чтобы поднять решительную борьбу с Рязанью. Конфликт, тянувшийся столь долгое время, разрешился, наконец, при посредничестве троицкого игумена Сергия заключением «вечного мира». До нас не дошла грамота его закрепившая, а летописи говорят о нем лишь в краткой записи⁴⁸. Выше уже было высказано предположение, что в основу этого «вечного мира» должны были лечь условия, сформулированные в договорной грамоте 1381 года. По этой грамоте, в. к. Олег должен был признать себя «братом младшим» в. к. Дмитрию, равным серпуховскому князю Владимиру Андреевичу; сложить целование к Литве и подчинить свои отношения к ней великокняжеской политике, как «в любви», так и «не в любви» (т.е. в случае разрыва с литовцами «быти на них с единого»); и с татарами держать «мир или данье с единого с князем с великим с Дмитрием», а будет «немир» – быть «с единого на татар и битися с ними»; то же и в отношении к русским князьям: кто в. к. Дмитрию друг, тот и в. к. Олегу друг, а кто недруг, то и в. к. Олегу недруг», «итти нань с единого». Зато и московские князья обязывались добра Олегу «хотети во всем в Орде и на Руси от чистосердья» и «блжости а не обидети» его вотчину. В то же время договор устанавливал новое разграничение между владениями

рязанского князя, с одной стороны, великим княжеством и московской вотчиной, с другой стороны⁴⁹.

«Вечный мир» 1385 года закреплен двумя годами позднее: женитьбой Ольговича Федора на московской княжне Софье Дмитриевне⁵⁰. Отношения, установленные dokonчанием «вечного мира», вошли в жизнь и окрепли, все углубляя тесные связи Рязанской украины с великим княжеством всея Руси. Политика в. к. Олега потерпела полное и решительное крушение. Рязань не в силах обойтись без опоры в великорусском центре, и ее порывы к независимости от великорусской великокняжеской власти слабеют и замирают. В конце 80-х и в 90-х годах XIV века в. к. Олег, обеспечив рязанский тыл по линии рек Оки и Цны прочным миром с Москвой и разграничением спорных владений, поглощен обороной своей земли от татарских набегов и от литовского наступления в западные области чернигово-северской земли. Но в этой борьбе на южных, восточных и западных пределах своей рязанской вотчины он действует со значительной самостоятельностью, иной раз даже в разрез с направлением великокняжеской политики московского князя.

Ослабление московской энергии в борьбе с татарами после нашествия Тохтамыша как бы возродило на время самостоятельное значение Рязанской земли в обороне Великороссии от вражеских сил татарской степи. В. к. Олег укрепляет и охраняет русскую колонизацию в бассейне р. Дона и в мещерских местах, за Цною. Еще в грамоте 1381 года упомянуты «татарские места», «что в. к. Олег отоимал от татар» и потребовано от него обязательство, чтобы он не «вступался» в Мещеру; договор великих князей Василия Дмитриевича и Федора Ольговича (1402 года) гарантирует им взаимное владение теми «татарскими и мордовскими местами», какие захвачены были их отцами, а с другой стороны, свидетельствует, что в. к. Олег и сам, и через сыновей или бояр скупал земли в Мещере, вопреки прежним московским требованиям и dokonчанию. Возможно, что эти разнородные захваты, а не только простые разбойничьи цели вызывали татарские набеги на рязанские области⁵¹. В борьбе с татарской напастью в. к. Олег в девяностых годах переходит от пограничной обороны «караулами» к более энергичным действиям. Так, в 1391 г. он «*побил татар Тохтамышевы орды, иже приходила изгоном на Рязанския волости*», а в 1400 г. нанес татарской силе значительный ратный удар в пределах Червленого Яра⁵². Эта деятельность рязанского князя сплачивала вокруг него боевые украинные русские силы: кроме пронских князей в его походах участвуют князья муромский, карачевский, козельский, елецкий, притом вне всякого отношения к этим ратным делам великорусской великокняжеской власти⁵³, а как младшие князья-союзники в.к. рязанского⁵⁴.

С той же боевой силой пытается в. к. Олег организовать противодействие литовскому наступлению на русские области. И тут он действует вполне самостоятельно, не только вне зависимости от политики великого князя всея Руси, но и в разрез с уступчивостью в. к. Василия Дмитриевича по отношению к Витовту и его подчинением влиянию тестя. Олег пытался своей силой поддержать оборону Смоленска от литовского захвата. Смоленский князь Юрий Святославич, женатый на дочери Олега, один из семьи смоленских князей избежал их пленения Витовтом в 1395 г., потому что был в ту пору на Рязани у тестя⁵⁵. Олег отошелся на *«первое взятие граду Смоленску от великого князя литовского»* походом на Литву с зятем Юрием и князьями пронскими, козельским и муромским; но встречный набег Витовта на рязанские волости остановил его поход; пришлось вернуться для отражения литовских «загонщиков»⁵⁶. На следующую осень, в сентябре 1396 года, в. к. Олег возобновил борьбу нападением на Любутск, но на этот раз в дело вмешался в. к. Василий Дмитриевич: прислал к Олегу послов и «отводе его от Любутска». Противодействие Москвы, попавшей в те годы под сильное влияние Витовта, связывало рязанского князя и дорого ему обошлось. Витовт двинулся на Рязань; Олег вынужден был бежать, и земля рязанская подверглась сильному разорению⁵⁷. Но как только в Смоленске начались волнения после разгрома сил Витовта на Ворскле, в. к. Олег с зятем и союзниками пошел ратью к Смоленску, добился возвращения кн. Юрия на Смоленское княжение, повоёвал литовские волости и вернулся «со многим полоном». Наступление на Смоленск тесно связалось для Витовта с борьбой против Рязани. На неудачную попытку литовского великого князя вернуть себе Смоленск – осенью 1401 г. – в. к. Олег ответил наступлением на Брянск, против которого он послал сына Родослава. Но Родослав Ольгович был разбит у Любутска ополчением литовских князей и сам попал в плен⁵⁸.

Вся энергия, затраченная Олегом на борьбу с Литвой, пропала даром. Без поддержки всей великорусской силы не Рязани было остановить успехи Витовта. Освобождение Смоленска от литовской власти не дало прочного результата, так как в. к. Василий уклонился от поддержки смоленского князя. А Рязань надорвалась в непосильном напряжении, после кончины Олега (в 1402 г.) постепенно слабеет, подавляемая московским засильем⁵⁹.

III

Старший стол Рязанского княжения занял сын Олега Федор⁶⁰, связанный с московским великокняжеским домом двойным свойством⁶¹. По смерти отца он ездил в Орду к хану Шадибеку и получил от хана ярлык на свою «отчину и дедину, великое кня-

жение Рязанское»⁶², а затем возобновил отцовский договор с великим князем всея Руси⁶³. Признавая в. к. Василия Дмитриевича «собе братом старейшим»⁶⁴, Федор Ольгович обязался быть с ним везде заодно «по думе, как будет годно, без хитрости», не «пристать» к татарам «никоторою хитростью», а извещать великому князю, что услышит «от Орды», и «учинить по думе» с великим князем, если Орда станет ему враждебной⁶⁵. Отношения рязанского великого князя с Ордой стоят под контролем великого князя всея Руси: он имеет право посылать «киличеев» в Орду и принимать татарских послов, «то ему не в измену», но под условием, что будет сообщать в Москву о каждом таком сношении с ханом⁶⁶. И с в. к. Витовтом⁶⁷ рязанский князь должен вступать в договор не иначе, как по предварительному соглашению с в. к. Василием.

Мы слишком мало знаем о внутренних отношениях Рязанского княжества, чтобы получить о них хоть сколько-нибудь ясное представление. Знаем в Рязанской земле только один стольный город, кроме старшего Переяславля, Пронск. Пронский князь Владимир Ярославич, который захватил было в 1372 году стол Рязанского великого княжения, умер зимой 1372/73 года⁶⁸, оставив на пронском княжении единственного сына⁶⁹ Ивана; летописные тексты упоминают о «пронских князьях» во множественном числе, но не знаем, каких князей они тут имеют в виду. Останавливает внимание одна особенность грамот этого времени: договорные грамоты 1371 и 1402 годов⁷⁰ титулуют пронских князей Владимира Ярославича и Ивана Владимировича – «великими». Грамоты эти редактированы в Москве, и такая титулатура пронских князей должна иметь какое-то особое значение, ближе, впрочем, не поясняемое никакими известными нам данными. Возможно, конечно, связать ее с прорывавшимися по временам притязаниями пронских князей на старший стол Рязанского княжения и с поддержкой, какую пронские князья находили иногда в Москве, как, например, в конце того же 1371 года. Договор 1402 г. выдвигает особое положение пронского князя. По этому договору в. к. Василий и все московские князья обязались «в землю в рязанскую и во князи в рязанские»⁷¹ не вступаться». Но относительно пронского князя в договор вошло особое обязательство в. к. Федора Ольговича: «а со князем с великим с Иваном с Володимировичем взяти [ти]⁷² любовь по давным грамотам»⁷³, а далее договор устанавливает порядок третейского суда по столкновениям между великими князьями рязанским и пронским с тем, что за в. к. Василием Дмитриевичем признается право принудить приговоренного к отдаче «обидного», если он добром не отдаст: и то великому князю «не в измену»⁷⁴. Существенно отметить, что такой же точно порядок разрешения земельных или иных столкновений и споров устанавливается до-

говором между в. к. рязанским и князьями новосильским и то-русским⁷⁵, которые в данном договорном докончании «один человек» с в. к. Василием.

Однако в дальнейшем пронский князь пошел иным путем и нашел опору против местной великокняжеской власти не у московского князя, а в Орде у хана. Краткие сообщения летописных сводов о происшествиях 1408 г. не дают указаний на ближайший повод столкновения между князьями Федором Ольговичем и Иваном Владимировичем. Пронский князь ездил в Орду и вернулся осенью 1407 г. от хана Булат-Салтана «с пожалованием и с честью», а главное, с ханским послом. По-видимому, дело шло о каких-то разногласиях его с в. к. рязанским, которые им перенесены на ханский суд⁷⁶. Засев в своем Пронске, кн. Иван Владимирович напал с татарской помощью на Рязань. В. к. Федору пришлось бежать за Оку, во владения шурина своего, в. к. Василия, и тот дал ему помощь, хотя в боярской среде его советников это дело вызвало разногласия, ввиду вмешательства татарской власти⁷⁷. Переговоры, при участии ханского посла, не привели к соглашению, и дело дошло до битвы. Войско великих князей было разбито ратью пронского князя, несмотря на нейтралитет татарского отряда⁷⁸. Но на том дело и кончилось. Князь Иван Владимирович, который было занял Рязань, помирился с в. к. Федором при посредничестве в. к. Василия⁷⁹, а вероятно, и ханского посла.

Было бы существенно лучше знать это пронское дело, чем дают возможность наши источники. Оно было прелюдией к нашему ствию на Русь Едигея и последней попыткой Рязанской украины – на этот раз в лице пронского князя – самостоятельно определять свое отношение к Орде и найти в ней опору для своей самостоятельности по отношению к великорусской великокняжеской власти. В руке московского князя – он же и великий князь всея Руси – не было еще достаточной силы для обороны южных и западных окраин Великороссии. Рязанская земля терпит по-прежнему татарские набеги⁸⁰, а последние годы в. к. Олега Ивановича показали, как мало надежды на поддержку великокняжеской власти в западных, литовских делах⁸¹. Эта слабость великорусской великокняжеской власти достигла крайней степени в тяжкую годину внутренней смуты при Василии Темном. Рязанская земля, бессильная в устройении собственных судеб, потянулась было к Литовскому великому княжеству, но договоры великих князей рязанского Ивана Федоровича⁸² и пронского Ивана Владимировича с в. к. Витовтом, по которым эти князья «дались ему в службу»⁸³, были лишь отражением того перевеса, какой приобрело в эту пору великое княжество Литовское над Москвой и относятся к последним годам жизни и княжения Витовта, а

с его смертью потеряли всякое значение перед новым укладом восточноевропейских отношений.

Рязанское великое княжество все теснее примыкает к московскому центру, все больше теряет самостоятельность. По смерти Витовта в. к. Иван Федорович снова под рукою великого князя всея Руси и посылает свою рать ему в помощь на галицкого Юрия Дмитриевича⁸⁴. Но, по существу, его отношение к московской смуте весьма пассивно. Когда Юрий вторично захватил Москву и великое княжение, Иван Федорович вступает в договор с ним как с великим князем⁸⁵, но договор этот упразднен скорой смертью Юрия; не слышать о каком-либо участии Ивана Федоровича в дальнейшей борьбе, а укрепление великокняжеского стола за в. к. Василием Васильевичем вызывает новый договор его с в. к. рязанским, близкий, по существу отношений, к их прежним dokonчаниям и к договору Ивана Федоровича с Юрием Дмитриевичем⁸⁶.

Подавленное трудностью своего внешнего положения, окруженное опасными врагами, Рязанское великое княжество связано, при недостаточной собственной силе, великорусской великокняжеской властью, которая все больше забирает в свои руки руководство всеми внешними отношениями Великороссии, в том числе и ее Рязанской украины. Близкий к рязанским пределам напор литовской силы не в состоянии прочно нарушить неизбежную связь Рязанской земли с великорусским центром. И эти отношения тем характернее, что в самом-то великорусском центре нет еще достаточной силы для крепкой обороны Рязанской земли. Носители великорусской великокняжеской власти требуют полного подчинения рязанско-литовских отношений своей политике и своему контролю. А сами вынуждены отделять эти отношения от своих, московско-литовских, ограничиваясь ролью посредников между Рязанью и Литвой, которые иной раз оказываются по-прежнему лицом к лицу, помимо Москвы.

Так, в. к. Василий Васильевич требует (в договоре 1447 г.), чтобы рязанский великий князь вступал с в. к. литовским в договорные отношения «по думе» с ним, князем великим, непременно оговаривал в dokonчатальной грамоте, что он, рязанский великий князь, с в. к. Василием «один человек», и обещает за то оборонять Рязанскую землю от литовской силы⁸⁷.

Однако дело еще не дошло до полного единства в распоряжении воинской силой; «одиначество» князей обусловлено соблюдением братского относительного равенства: в. к. рязанский лично выступает в поход лишь в том случае, когда в. к. всея Руси сам «всядет на конь», а если пошлет воевод, то в поход идут рязанские воеводы.

Так и в случае нападения Литвы на Рязанскую землю: в. к. Василий обещает «боронити» рязанского против всех, от кого он сам «не возможет» оборониться, за отказ в. к. рязанского от всех сепаратных крестоцелований⁸⁸, но притом лишь условно: обязуется сам выступить на оборону Рязани от Литвы, когда на рязанского князя пойдет лично в. к. литовский; а если он только пошлет против Рязани своих литовских воевод, то и в. к. Василий пошлет в поход своих воевод. Эта условность «одиначества» в ратном деле и в распоряжении ратной силой получает особое значение при сопоставлении с большой относительностью, в московском понимании, договорного установления, что в. к. Рязанский перед в. к. литовским «один человек» с в. к. вся Русь. В 1449 г. в. к. Василий Васильевич заключил договор с литовским великим князем и королем польским Казимиром Ягеллончиком⁸⁹; в договоре этом в. к. Василий признает за Казимиром право «показнить» рязанского князя и обещает не вступаться в дело, если в. к. рязанский «сгрубит» Казимиру и «не исправится» к нему по указанию в. к. Василия, которого король Казимир должен предварительно уведомить о происшедших разногласиях и столкновениях. Мало того: в. к. Василий признал за рязанским князем право, если он «восхощет», служить королю Казимиру, обещая за то «на него не гневаться, ни льстити ему».

Так замиравшая рязанская самостоятельность поддерживалась на исходе своего сколько-нибудь реального значения, не столько собственной силой Рязанского княжества, сколько слабостью великорусского центра перед окрепшей мощью Литовского великого княжения. И великорусская великокняжеская власть поневоле не спешит с ликвидацией этой самостоятельности, довольствуясь покорностью слабого соседа, «брата молодшего», лишь бы он не был орудием враждебных сил и не создавал затруднений для собственных задач московской великокняжеской политики.

Наши источники – летописные своды – по-прежнему молчат о внутренних делах Рязанской земли. А между тем и тут, как в Тверском великом княжении, произошла в последние времена ослабшей независимости значительная концентрация княжого владения. Но явление это нам почти неизвестно даже с элементарно фактической стороны. Уже в договоре между Иваном Федоровичем и Юрием Дмитриевичем находим такое определение владений великого князя рязанского, которое расходится с самостоятельным значением «великого князя» пронского в рязанских договорах с великими князьями Василием Дмитриевичем и Витовтом. Рязанский князь требует от Юрия Дмитриевича гарантии «отчины своей княженья Рязанского, Переяславля и Проньска, и всех волостей переяславских и проньских, что протягло к Переяславлю и к Проньску по реку по Оку»⁹⁰. Для ясного

понимания этих отношений, как они отразились в упомянутом договоре, надо бы иметь совсем иной запас фактических данных, чем то скудное, что находим в наших летописных сводах: в том же договоре в. к. Иван Федорович повторяет требование прежних докончальных грамот, чтобы московские князья не «вступались» в «рязанских князей», но относительно пронского князя сообщает особо, что он с ним и с его братьями «любовь взял». Определение отчины рязанского великого князя, как «Переяславля и Проньска и всех волостей переяславских и пронских», дает повод признать, что эта «любовь» с пронскими князьями состояла в том, что он их привел «в свою волю». Однако тут же все столкновения между рязанским князем и пронскими князьями отдаются на «управу» московского великого князя, в чем нельзя не видеть значительной гарантии независимости Пронска от местной великокняжеской власти⁹¹. А летописные своды не дают никаких сведений о последних десятилетиях Пронского княжества. Они не отметили даже года смерти пронского «великого князя» Ивана Владимировича, а о его сыновьях – князе «пронском и его братьи» – договорные грамоты вовсе не упоминают. Только родословцы XVI века дают кое-какие сведения о последних пронских князьях и судьбе их потомства⁹². По таким данным нельзя определить, когда и при каких обстоятельствах пронские князья утратили самостоятельное княжение; но сын и преемник рязанского великого князя Ивана Федоровича Василий уже владеет Пронским и благословляет им, перед кончиной, вместе с великим княжением Рязанским своего старшего сына Ивана Васильевича⁹³.

Это внутреннее объединение Рязанской земли под единой княжеской властью свершилось в такую пору, когда великое княжение Рязанское находилось в полной фактической зависимости от московской великокняжеской власти и его внутренние отношения стояли под ее крепким контролем и руководящим надзором. Прочно владея господством над Рязанской землей⁹⁴, великорусская великокняжеская власть не препятствовала, а, очевидно, содействовала концентрации Рязанской уkraine, вероятно, в связи со стремлением взять в свои руки организацию обороны южных окраин.

Рязанский великий князь Иван Федорович оставил на стольном княжении восьмилетнего сына Василия, а судьбу его тем обеспечил, что «дал его на руки» в. к. Василию Васильевичу⁹⁵. В. к. Иван Васильевич выдал в 1464 г. сестру свою Анну за молодого рязанского князя и отпустил его на Рязань – «на его отчину на великое княжение». Василий Иванович княжил 19 лет «великим князем», но московским подручником. Перед кончиной (ум. в январе 1483 г.) он благословил старшего сына Ивана – Переяславлем, Ростиславлем, Пронском и всем великим княжением Ря-

занским, а младшего – Федора – Перевитском и Старой Рязанью. Братья Васильевичи заключили договор, в общем, по образцу московских договоров великих князей с удельной братьей⁹⁶, но со значительным усилением великокняжеской власти над младшим братом, князем на Старой Рязани.

Договор этот относится к последним годам жизни и княжения в. к. Ивана Васильевича и, подводя итог отношениям, сложившимся между князьями-братьями, имел, по-видимому, главной целью обеспечить за ними наследственное обладание их владениями, а прежде всего, переход, в случае выморочности, великого княжения к брату Федору, а его владений к в. к. Ивану. Но было уже поздно. Никакие политические и владельческие соглашения рязанских князей не могли создать препону для московской политики⁹⁷, последовательно завершаемой Иваном III.

Со времени ликвидации смуты, потрясшей Москву при Василии Темном, рязанским князьям ничего не оставалось, как быть «покорными слугами» великих князей всея Руси. Рязанский великий князь Иван Васильевич был связан с московской властью договором, какой заключен в первый же год его княжения⁹⁸. Рязанский князь признал «старшими братьями» обоих великих князей – Ивана III и его сына Ивана Ивановича, обязался быть с ними «за один» и на Литву, и на татар, отступался в пользу Москвы от всех притязаний на ее захваты и приобретения к югу от Оки. И на деле «меньшой» Иван, сохраняя в договоре с братом Федором видимость своего великокняжеского достоинства, словно даже окрепшего, оставался покорным московским подручником. Рязанская рать ходила в московский поход против Литвы⁹⁹, а в мирном договоре с в. к. Иваном III литовский великий князь Александр пишет¹⁰⁰ рязанских князей, в. к. Ивана и его брата Федора, с их владениями «в стороне» в. к. Ивана III, обязуясь все столкновения с ними передавать для «направы» московскому великому князю. Рязанские «сестричичи» великого князя Ивана III были вполне в его руках, тем более что жива была и мать их, московская княжна Анна Васильевна (ум. в 1503 г.). В 1500 г. умер в. к. Иван рязанский, оставив на столе великого княжения пятилетнего сына Ивана. А дядя его, кн. Федор, скончавшийся в 1503 г., «дал свою отчину» в. к. Ивану III, который в своей духовной отдает ее сыну Василию¹⁰¹. Фактически Рязанское великое княжение во власти московских государей с конца XV в., а история последнего рязанского великого князя, закончившаяся упразднением особого княжения на Рязани, – есть история «крамолы» подручного князя против великокняжеской власти, уже овладевшей всем управлением и всей ратной силой на Рязанской Украине Великороссии.

ГЛАВА VII

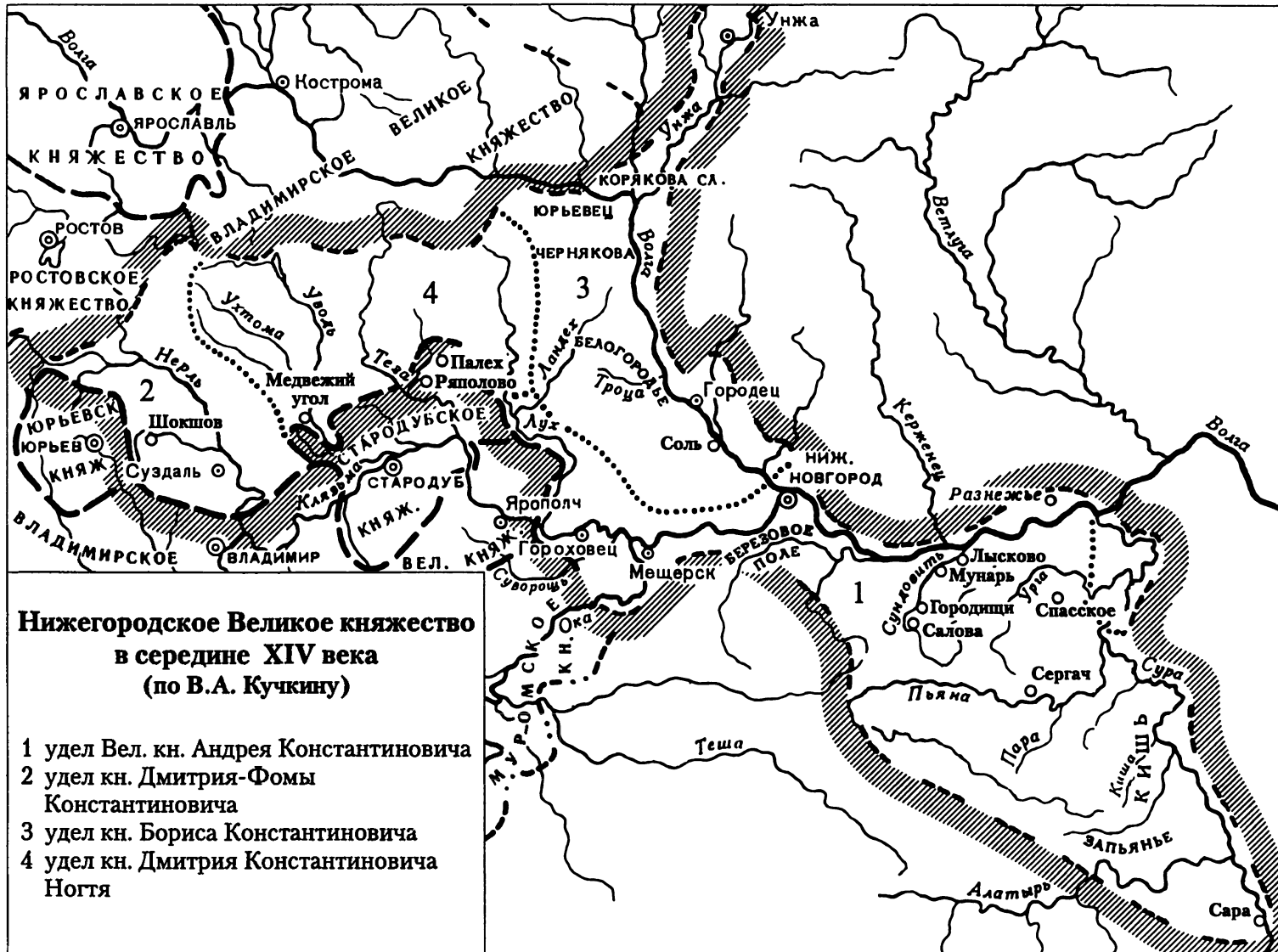
Нижегородское великое княжество

Исторические судьбы Рязанского княжества, бурные и тревожные, так сложились под тягостным давлением его положения между татарами, Москвой и Литвой, что внутренний политический строй этого «великого княжения» не смог определиться в сколько-нибудь устойчивых формах: об «удельном» (в точном значении термина) строе Рязанской земли говорить, собственно, и не приходится. Но если по отношению к Рязанскому великому княжеству причиной представления о невыработанности его внутреннего строя может на деле оказаться просто наша неосведомленность о рязанских делах и междукняжеских отношениях, по недостатку данных в сохранившихся источниках, то такое же представление применительно к Нижегородскому великому княжеству имеет более естественное и надежное объяснение в скоротечности его бытия, протекавшего, кроме того, в крайне бурных и напряженных условиях.

Положение историка перед историческими судьбами великорусской восточной окраины – не лучше, чем в изучении рязанской истории: данные источников летописных сводов отрывочны, спутаны и сбивчивы, и, во многом, крайне недостаточны. Темна и трудно выяснима история самого образования той территориально-политической единицы, центром которой стал в середине XIV века Нижний Новгород. В составе этой территории только Суздаль – старинный город, с крупным историческим прошлым. Остальные, по-видимому, «княжеские» города, укрепленные пункты, возникшие ради определенных стратегических целей. Таковы, прежде всего, те пункты, которыми в летописных текстах обычно определяется, как и Суздалем, вся территория – Городец на Волге и Нижний. Волжский Городец – старше Нижнего. Первое летописное упоминание о нем относится к 1172 году, и построен он, вероятно, либо Всеволодом Юрьевичем или Андреем Боголюбским, либо еще их отцом Юрием Долгоруким. В XII и начале XIII века Городец – опорный пункт поволжских отношений и действий владимирских вели-

ких князей¹. То же значение «устья Оки» вызвало построение тут в XIII в. Нижнего Новгорода.

Когда в к. Святослав Всеволодович «*сыновци свои посади по городом, якоже бе им отец урядил Ярослав*», князь Андрей Ярославич получил в свою долю Городец Волжский и Нижний Новгород; на эти города, как на свою отчину, он возвращается из-за моря в 1256 г., после примирения с братом Александром, и получает в обладание Суздаль. Но такое соединение владений в руках князя Андрея не создало «суздальско-нижегородского княжества». Возможно даже, что князь Андрей получил Суздаль не в придачу к Городцу и Нижнему Новгороду, а взамен их: такое предположение сделало бы более понятной дальнейшую судьбу этих последних и отвечало бы их особому значению для великокняжеской власти. Летописные своды именуют князя Андрея (с 1256 г.) суздальским, и в Суздале место его погребения; на Суздале – своей отчине – княжат и сыновья его: Юрий, затем Михаил и Василий². Но Городец и Нижний не вошли в состав их отчины³. По нашим источникам невозможно определить, когда и при каких обстоятельствах перешли они во владение князя Андрея Александровича. Ближайшее отношение Андрея Александровича к Городцу, как «городецкого» князя, устанавливается только известием о его погребении: «*и везше положиша его на Городце в церкви святого Михаила Архангела*»⁴. Но князь Андрей не стал «удельным» городецким князем; мы видим его почти непрерывно либо в борьбе за великое княжение, либо великим князем. А сыновей он не оставил, и поэтому вопроса о вотчине его потомства не возникало. Не располагаем также никакими данными для какого-либо владения его Нижним Новгородом, кроме великокняжеского. И великокняжеские бояре, утвердив на великом княжении тверского князя Михаила Ярославича, пытаются удержать за ним Нижний Новгород. Надо, по-видимому, признать, что Нижним Новгородом (а также и Городцом?) успел овладеть московский князь Юрий Данилович, соперник тверского Михаила в стремлении к великокняжеской власти, или же предположить, что суздальские князья возобновили свои отчинные права на Нижний и действовали на стороне князя Юрия против Михаила Ярославича⁵. Михаил Нижним не овладел, при его сыновьях спор Твери с Москвой закончился тем, что великое княжение досталось в 1328 году Ивану Калите, а «Володимер и Поволжье» достались суздальскому князю Александру Васильевичу⁶. Этот момент и надо признать моментом образования территории Нижегородского великого княжества, окончательно сложившегося при Александровом брате Константине.

Мы видели, что Александр Васильевич стремился к большему, пытался утвердить за собой обладание Владимиром и его областью, слить их накрепко со своими суздальскими владениями, которые охватили бы всю восточную Великороссию, суздальско-нижегородское Поволжье. Но по его смерти владимирская великокняжеская территория отошла к в. к. Ивану Калите. Стол Суздальского княжения перешел к его брату Константину.

Константин Васильевич и явился организатором Нижегородского великого княжества. Для времени с 1332 по 1340 год наши летописные своды не дают отчетливых сведений о положении дел в суздальском Поволжье. Никоновская летопись ведет счет годам княжения Константина Васильевича только с момента кончины Калиты, и это обстоятельство, как и случайное упоминание той же летописи, что князь Симеон Иванович был в Нижнем во время кончины и погребения отца, наводит наших историков на заключение, что только с этой поры Константин стал «князем великим суздальским, нижегородским и городецким». Если принять этот вывод из данных, более чем скудных, то Нижегородское великое княжество придется признать окрепшим и формально сложившимся в силу ханского пожалования и соглашения между князьями на «великом съезде» всех князей в Москве в 1341 г.⁷ Вскоре возродилась и особая Суздальская епископия⁸. Возрождение местной политической жизни к середине XIV века в восточной Украине Великороссии неразрывно связано с ее боевым и колонизационным значением. Во-второй половине XII в. и в первой четверти XIII шла упорная борьба мордвы с русским наступлением. Борьба эта прервана и подавлена татарским нашествием. Русь подчинилась власти золотоордынских ханов, а мордва и Камская Булгария покорены татарской властью. Но пережитая угроза нашествия, установился новый уклад жизни – и вопросы земельного захвата, торговли, взаимных нападений и столкновений стали с новой силой волновать Поволжье. Пограничное положение Нижнего Новгорода на рубеже русского и инородческого мира придало ему исключительное стратегическое и административное значение и рано развило его роль как центра поволжской торговли. Великорусский центр, слагавшийся в Москве, еще не окреп в достаточной мере, еще слишком поглощен иными, преимущественно западными делами и сложными отношениями внутри страны и к Золотой Орде, чтобы тратить много сил и внимания на дела восточной Украины. В таких условиях слагается, хоть и не надолго, крупное самостоятельное значение Нижнего Новгорода и водворившейся в нем княжеской власти.

В середине XIV века это значение Нижнего Новгорода, как опорного пункта великорусского движения на восток, которое было приостановлено в условиях предыдущей эпохи и постепенно возрождается, явственно выступает сквозь отрывочные и скудные известия наших источников о нижегородских делах и отношениях. В 1350 году князь Константин Васильевич заложил в Нижнем Новгороде храм Преображения Господня, т. е. начал отстраивать заново Преображенский собор, построенный в. к. Юрием Всеволодовичем в двадцатых годах XIII века. Согласно нижегородскому преданию, Константин перенес в этот храм старинную, вывезенную из Греции, икону св. Спаса⁹. Этот акт церковного строительства связан с перенесением старшего стола Суздальского княжения из Суздаля в Нижний Новгород¹⁰. Местная традиция сохранила память о князе Константине как деятельном колонизаторе нижегородского края: *«и повеле русским людям селитися по Оке и по Волге и по Кудьме реком и на мордовских селищах, где кто похощет»*¹¹. Его волость – с Нижним Новгородом, Суздалем, Городцом, Юрьевцом поволжским, Шуей, Бережцом на устье Клязьмы – стала обороной Великороссии от инородческой силы и организующим этапом в восточном движении великорусской колонизации. В этом значении своем Нижегородское великое княжество, подобно Рязани, явилось своего рода форпостом Великороссии и нуждалось, не менее Твери или Рязани, в поддержке всей великорусской силы. В таком соотношении окраин и центральных областей Великороссии можно видеть реальную основу попыток носителей местной великокняжеской власти добиться великого княжения Владимирского и всея Руси. Нераздельность великорусского великого княжения от обладателя Владимиром выступила с новой наглядностью в истории суздальского князя Александра Васильевича, и Константин, при первой возможности, «сперся о великом княжении» с московским князем. Произошло это тотчас после кончины в. к. Симеона. Выступая соперником московского князя Ивана Ивановича, Константин Васильевич завязал отношения и с Литвой, и с Великим Новгородом. В 1354 г. состоялся брак его сына Бориса с дочерью в. к. Ольгерда, а новгородские послы поддерживали в Орде перед ханом его домогательство Владимирского великого княжения¹². На этот раз московское влияние одолело: «не послуша их царь» и дал ярлык на великое княжение князю Ивану. Его противники смирились не сразу, но сил на борьбу у них не было, и пришлось идти на мир. Примирение князя Константина с в. к. Иваном Ивановичем состоялось незадолго до его смерти, и тогда же помирились с великим князем новгородцы¹³. Летописная запись помянула князя Константина

тем, что он «*княжил лет 15, честно и грозно бородил отчину свою от сильных князей и от татар*»¹⁴. А после его кончины сын его князь Андрей поехал в Орду, и хан «*даде ему стол отца его, княжение Суздальское, и Нижний Новгород, и Городец*»¹⁵. На съезде с в. к. Иваном Ивановичем в Переяславле князь Андрей признал себя «братом младшим» великому князю и принять им в мирное докончание¹⁶. Мир с Москвой и отказ от соперничества с нею, быть может, как продолжение и утверждение той «любви», какую «взял» его отец, князь Константин Васильевич, с в. к. Иваном Ивановичем, остались характерной чертой княжения Константиновича Андрея¹⁷. Но и в Суздальско-Нижегородском великом княжестве и вне его еще бродили силы и настроения, враждебные великокняжескому значению Москвы. Во главе их попытался стать брат Андрея Дмитрий Константинович.

Вероятно, по отцовскому «ряду» братья в. к. Андрея, занявшего «степень» отца, в удел отчины своей получили: Дмитрий Константинович – Суздаль, а Борис – Городец¹⁸. Не имеем никаких сведений о «ряде», какой, надо полагать, дал сыновьям Константин Васильевич, ни о договорных соглашениях между братьями Константиновичами. На деле старейшинство в их братской семье не утвердилось за Андреем Константиновичем. Засилье московской власти, нависшее над их отчиной, исказило в корень суздальско-нижегородские отношения. Братья действуют врозь и каждый ведет свою особую политику. Смуты в Золотой Орде сильно осложняли положение великокняжеской власти и создавали новые возможности для смелых происков русских князей, разрушая всякую устойчивость сложившихся политических отношений. Смерть в. к. Ивана Ивановича (в ноябре 1358 г.) и переход его наследия к малолетнему сыну Дмитрию неизбежно усиливали смуту этих отношений. Одновременно ослабели оба их основных устоя – значение ханского «пожалования» и собственная сила носителя великокняжеской власти. Быстрая и кровавая смена ханов Золотой Орды после убийства Бердибека привела к власти хана Кулпу, затем, через полгода, – Науруса, а весной 1360 г. – Хидыря. Русским князьям приходилось считаться с таким шатанием власти, утверждавшей за ними их владения. Строй русского улуса, только что утвержденный Наурусом¹⁹, подвергся сильному потрясению, когда власть перешла к хану Хидырю²⁰. Этот хан дал ярлык на великое княжение Владимирское суздальскому князю Дмитрию Константиновичу; князь Дмитрий сел на стол великого княжения 22 июня 1360 г., был признан и митрополитом Алексеем, и всеми князьями, и Великим Новгородом²¹. А тем временем ордынская замятня все разрасталась и так же уничтожила успехи князя Дмитрия, как их создала. Хан

Хидырь был убит родным сыном Темир-Хозей, а на Темиря поднялся темник Мамай; казалось, вовсе распадается Золотоордынское царство. Сарайские князья признали ханом Амурата, Хидырева брата, а Мамай провозгласил ханом своего ставленника Авдула. Русские князья признали власть Амурата: на его суд передали князья московский Дмитрий Иванович и суздальский Дмитрий Константинович свой спор о великом княжении. Ханский ярлык достался московскому Дмитрию, и Дмитрий суздальский, который было захватил Переяславль²², вынужден бежать, после двухлетнего великого княжения, в свой отчинный Суздаль. Заняв стол Владимирского великого княжения, Дмитрий московский принял ярлык на него и от Амуратова соперника Авдулы, хана Мамаевой орды. В Сарае, при дворе хана Амурата, приняли эти сношения в. к. Дмитрия Ивановича с Авдулой, как измену, и Амурат послал с белозерским князем Иваном Федоровичем и своими послами ярлык на великое княжение суздальскому Дмитрию. Дмитрий Константинович вторично занял было Владимир, но не прошло и двух недель, как московские войска согнажи его со Владимира, подступили и к Суздалью и принудили к миру²³. Победа Москвы была полной; подавлены не только покушения суздальского князя на стол великого княжения, подавлено и враждебное Москве брожение среди второстепенного княжества: в. к. Дмитрий Иванович «взял волю свою» не только над суздальским Дмитрием, но и над Константином ростовским, а князей галицкого и стародубского согнал с их княжений.

Условия мира между князьями Дмитриями, московским и суздальским, не сохранены нашими источниками, да и все их изложение, относящееся к событиям 1363–1365 годов, полно недомолвок, а местами и спутано в компилировании текста летописных сводов по разным источникам²⁴.

Пострижение, а вскоре и кончина в. к. нижегородского Андрея Константиновича в 1365 г. дали толчок к новой вспышке местной смуты. Возникло соперничество двух Константиновичей – Дмитрия и Бориса, из-за Нижегородского княжения. И это соперничество, как прежде борьба за великое княжение двух Дмитриев, московского и суздальского, питалось в значительной мере татарской разрухой. Наряду с борьбой из-за обладания ханской властью в Золотой Орде начался ее частичный распад; отдельные ордынские князья «о собе пребываху», по выражению летописца. Так Булат-Темир захватил Великие Булгары и «отнял весь Волжский путь», а князь Тагай властвовал в мордовской земле; взбаламученная внутренней анархией татарская сила надвигалась на русские пределы, и всего более терпели от ее судорожных движений рязанские и нижегородские волости. Цен-

тральная ханская власть, ослабевшая и растерянная в руках случайных и недолговечных ее обладателей, шла легко на поддержку русской смуты раздачей ярлыков претендентам на русские княжения. Князь Борис Константинович сумел найти поддержку в Орде своему притязанию на Нижний Новгород и был посажен на Нижегородском княжении ханским послом. А в Орде при дворе хана Азиза был в ту пору сын князя Дмитрия Константиновича Василий, прозвищем Кирдяпа, выехавший к хану тотчас после кончины князя Андрея. Кирдяпа вывез из Орды отцу ярлык на Владимирское великое княжение; возможно, что тут перед нами осуществление одного плана: Борису – Нижний, Дмитрию – великое княжение всея Руси. Но Дмитрий Константинович, видно, убедился в безнадежности всей этой политической игры. Он стремится утвердить за собой великое княжение Нижегородское, сохраняя в своих руках и Суздаль, а против брата ищет опоры в великокняжеской власти и силе Дмитрия московского. Попытка великокняжеского посредничества между Константиновичами не удалась. Тогда руководитель московской политики митрополит Алексей направил против князя Бориса, отвергнувшего вмешательство великого князя в свои счеты с братом Дмитрием, всю силу церковной и светской власти. Нижний Новгород и Городец изъяты из-под управления суздальского епископа Алексея и подчинены непосредственно митрополиту; в Нижний послом митрополита и великого князя явился игумен Сергей с зовом князю Борису на великокняжеский суд в Москву. Новый отказ Бориса навлек церковное запрещение на Нижний: игумен Сергей *«по митрополичьему слову Алексею и великого князя Дмитрия Ивановича»* – закрыл все церкви в Нижнем Новгороде. А в то же время на Нижний двинулись великокняжеские войска вместе с суздальской ратью Дмитрия Константиновича. Князю Борису оставалось только смириться. По dokonчанию с братом он вернулся на свой городецкий удел, а Дмитрий Константинович сел на княжение в Нижнем Новгороде. Водворенный на этом княжении московской помощью, Дмитрий Константинович восстановил единство Суздальско-Нижегородского великого княжества. Его стольный город – Нижний Новгород; в Суздале, вероятно, правил сын его Василий Кирдяпа²⁵; городецкий князь Борис Константинович княжит под рукою брата Дмитрия, участвует в его походах. Но это Нижегородское великое княжество не стоит рядом с великим княжеством Владимирским и всея Руси, а входит в состав политической системы, во главе которой великий князь Дмитрий Иванович. К сожалению, среди наших источников нет его договоров с Нижегородским великим князем, но фактические их отношения, насколько они

нам известны, дают картину политического единения и подчиненного «одиначества» великого князя нижегородского с великим князем всея Руси.

Такой уклад этих отношений обусловлен самим положением Нижегородского княжества на боевой восточной окраине Великороссии. Ослабление внутренних связей Владимиро-Суздальской Руси и тут, как на западных и южных пределах, вызвало тягу к самостоятельной организации местных сил для противодействия опасному напору враждебных соседей, сохранения и укрепления позиций, добытых прежней колонизацией, и ее дальнейшего развития. Брожение и начавшийся распад иногородческого мира, спянного татарской властью, только обострили эту опасность и требовали от великорусского населения все большего напряжения сил для самозащиты, постепенно переходившей в дальнейшее наступление. И первые же опыты такой местной политической организации неизбежно связались с потребностью восточной окраины – иметь в тылу надежную поддержку центральных великорусских сил. Нижегородские князья потянулись к великокняжеской власти над всей Великороссией, к воскрешению стародавней, казалось, уже забытой традиции Суздальского старейшинства, а потерпев неудачу, ищут помощи и защиты у нового центра великорусской силы, у окрепшей и властной Москвы. В деятельности князя Дмитрия Константиновича наглядно и ярко сказались эти условия политических судеб Нижегородской окраины.

Выход из смут был дан только в примирении с Москвой и в признании ее первенства. С московской помощью восстановил в к. Дмитрий свою стольную власть в Нижнем Новгороде, и он тесно примыкает к великокняжеской власти московского Дмитрия, закрепив эту связь замужеством с ним своей дочери Евдокии²⁶.

И с этого момента все определеннее выступает в наших известиях торговая и боевая значительность Нижнего Новгорода. Впрочем, состояние наших источников таково, что нет возможности ближе присмотреться к внутреннему укладу нижегородской жизни. Так, свидетельством о значительной нижегородской торговле этого времени являются только сообщения летописей о нападениях новгородских ушкуйников да кое-какие черты из столкновений русской княжеской власти с камскими булгарами. Ушкуйники новгородские дважды налетали на Нижний при Дмитрии Константиновиче. В 1366 г. они избили тут «множество» татарских торговых гостей (татар, бесермен и армян) и местных – нижегородских, разграбили их товары, истребили их суда, а затем пошли вниз по Волге и в Каму на грабеж болгарских городов; другой еще более крупный набег ушкуйников произошел в

70-х годах: они разграбили Кострому и Нижний Новгород, грабили тут и «бесермен» и христиан, грабили по Каме и пошли вниз по Волге, грабя торговых гостей²⁷. Подъем и рост поволжской торговли, крупным центром которой выступает Нижний Новгород, манит на разбойничьи подвиги вольные гуляющие силы.

Оживление поволжской торговли обостряло и вопрос о защите поволжских городов и волостей и торгового пути от татарских, болгарских и мордовских набегов и насилий. Тесно связан он и с возобновлением колонизационного движения, которое с середины XIV в. медленно, но неуклонно тянется вниз по Волге. Время Дмитрия Константиновича отмечено новым напряжением столкновений с инородческим поволжским миром на восточных пределах Великороссии. Сила опасного соседа Булат-Темира, ордынского князя, который захватил было весь волжский путь, утвердил свое господство в устьях Камы, рухнула при первом испытании. В 1367 г. он набегом пограбил нижегородские волости по Волге, но бежал при выступлении братьев Константиновичей, а русская рать преследовала татар и обратила их отступление в поражение; Булат-Темир бежал в Золотую Орду и был убит там по повелению хана Азиза²⁸. Разлад внутри татарского мира облегчал борьбу с его разрозненными силами. Боевые действия русских князей на Волге не ставили их, на первых порах, лицом к лицу с главной ордынской силой и даже встречали ее поддержку. Так, после гибели Булат-Темира полки князя Дмитрия Константиновича идут на болгарского князя Асана с ханским послом и водворяют на княжение у болгар другого князя, Махмет Салтана. А через несколько лет русские войска снова идут на болгар, на обоих «болгарских князей», Асана и Махмета, на этот раз без участия в деле ханской власти: полки Дмитрия Константиновича приводят болгарских князей к покорности с помощью великокняжеского войска, присланного в к. Дмитрием Ивановичем и принуждают их к уплате значительной контрибуции. Мало того: болгарские князья вынуждены «посадить» у себя «в Булгарах» великокняжеского «дарагу и таможника», т. е. как бы мы ни понимали это неясное и неполное известие, подчиниться контролю агентов русской великокняжеской власти в делах торговли и, по-видимому, признать за ней право на какие-то доходы²⁹. С полками в к. Дмитрия Ивановича ходит нижегородская рать и на мордву, карая ее набег на русские волости опустошением Мордовской земли³⁰.

Боевая деятельность русских князей на восточных пределах Великороссии вызвала в 70-х годах XIV в. сооружение каменного кремля в Нижнем Новгороде и нового городка Курмыша на р. Суре³¹. Она сковала в к. Нижегородское тесной связью с велико-

русским великим княжением, тем более что направленная на поволжских инородцев неизбежно вводила Нижегородскую Украину в опасные конфликты с татарским миром. Конечно, и в этих конфликтах – Нижегородская Украина не самостоятельная величина, а лишь передовая позиция великорусской великокняжеской силы. Назревает неизбежная борьба Великороссии с татарами, когда Золотая Орда, расшатанная в самых основах своего строя, нашла себе вождя-объединителя в темнике Мамае.

К середине семидесятых годов XIV века Нижегородская Украина снова почувствовала на себе возрождение в тылу соседнего инородческого мира, деятельной мощи Золотой Орды. На Русь шли послы Мамаея с сильным военным отрядом, но столкновения этих Мамаевых татар с русским населением начались еще по дороге: нижегородцы часть их перебили, часть захватили и привели в свой город, где те были истреблены после нового уличного боя³². Татары ответили набегом на нижегородские волости и разорением Запьянья, а через год в. к. Дмитрий Иванович выступает «в силе велице» на оборону Нижнего по зову Дмитрия Константиновича: дошли вести, что на Нижний идет ратью царевич Арапша. Арапша задержал свой поход, затем напал на русскую рать врасплох с помощью мордовских князей, которые потайно подвели татар, когда в. к. Дмитрий отъехал в Москву, а русское войско впало в крайнее небрежение всякой осторожностью. Тяжкое поражение русской рати на р. Пьяне (в августе 1376 г.) оставило Нижний без защиты. Дмитрий Константинович бежал в Суздаль, нижегородцы спасались Волгой в Городец. Нижний взят и разорен татарами, татарские и мордовские отряды пограбили нижегородские волости. С мордвой русские князья посчитались, как только схлынул татарский набег, но напор татарской силы оставался крайне опасным. Подготавливая общее движение на Русь, Мамай в 1378 г. послал на Нижний войска изгоном, в отсутствие князя Дмитрия Константиновича; город оказался снова беззащитным, татары отвергли предложенный князем выкуп, сожгли город и пограбили весь уезд. Этот набег стоял, по-видимому, в связи с походом на Русь ордынского князя Бегича, которого великий князь Дмитрий Иванович встретил и разбил на реке Воже, в рязанских пределах³³. Но этот частичный успех не произвел решительного впечатления. Ордынская сила, подобранная в руках Мамаея, нависла над Русью тяжелой угрозой. И подобно Рязанской земле, Нижегородская Украина, хоть и нашла больше деятельной поддержки и защиты в великорусском центре, оказалась слишком изнуренной испытанными ударами, чтобы решительно и всей силой примкнуть к выступлению Дмитрия Донского против Мамаея. К тому же можно

было ожидать татарской диверсии на Нижний, подобной набегу 1378 г., когда Бегич шел на Русь к Оке через рязанские волости. Нижегородских князей и их полков не видим в русском войске на Куликовом поле. Дальнейшие события как бы оправдали нижегородские опасения. Нашествие Тохтамыша началось с угрозы Нижнему Новгороду: хан послал татарское войско в Булгары, где были захвачены и ограблены русские купцы, а их суда послужили татарам для переправы через Волгу. Князь Дмитрий Константинович поспешил изъявить покорность хану. Он и не мог думать о сопротивлении без сильной поддержки из Москвы, а в. к. Дмитрий Иванович и сам не смог отразить Тохтамышева удара. К хану явились сыновья Дмитрия Константиновича – Василий и Семен – и остались при нем, по-видимому, заложниками. Княжича Семена Тохтамыш отпустил после похода к отцу с послом своим, но Василия Дмитриевича Кирдяпу увел в Орду. На время пришлось Руси смириться перед татарами, и нижегородские князья усиленно ездят на поклон к хану³⁴. Князь Дмитрий Константинович был, видимо, уже при смерти³⁵ (скончался летом 1383 г.), и ханская воля должна была утвердить преемство по нем. Все родичи его были в Орде в момент его кончины. Старший из Дмитриевичей – Василий Кирдяпа – остался и на следующие годы заложником у хана, а ярлык на великое княжение Нижнего Новгорода³⁶ получил его дядя Борис Константинович, который и вернулся на стол княжения из Орды с сыном Иваном и племянником Семеном Дмитриевичем³⁷.

Историческая роль Нижегородского великого княжества была исчерпана. Его успехи и его неудачи при Дмитрие Константиновиче были лишь отражением колебаний в силе и положении великорусского великокняжеского центра. Вокняжение Бориса Константиновича по ханскому пожалованию можно рассматривать, как следствие временного ослабления великорусской великокняжеской власти после нашествия Тохтамыша. Братья Дмитриевичи, шурины великого князя Дмитрия Ивановича, устранены от вотчинного нижегородского стола, очевидно, без соглашения с великим князем. Отношения эти вскрылись после побега Василия Кирдяпы из Орды. Побег не удался, Кирдяпа был на пути перехвачен ордынским послом и водворен обратно в Орду, но в следующем – 1387 году – хан Тохтамыш отпустил его на Русь, утвердив за ним Городецкое княжество. А брат его Семен княжил, по-видимому, в Суздале под рукою дяди³⁸. С возвращением князя Василия Дмитриевичи тотчас стали добиваться осуществления своих отчинных прав на Нижний, стало быть на великое суздальско-нижегородское княжение, и нашли, подобно их отцу, поддержку в. к. Дмитрия Ивановича против дяди Бориса.

Поход под Нижний суздальской и городецкой рати с московской помощью принудил князя Бориса уступить племянникам и вернуться на Городецкое княжество³⁹. Уступал Борис Константинович под давлением великокняжеской власти и силы Дмитрия Ивановича, а по его кончине поспешил к хану Тохтамышу, пробыл в Орде больше года и вернулся с ярлыком на Нижегородское великое княжество⁴⁰.

Наши источники не дают указаний на то, какие действия или черты поведения в. к. Бориса Константиновича неизменно ставили его в противоречие с московской великокняжеской властью. Возможно, что для этого было достаточно, в понятии этой власти, получения ханского ярлыка, помимо соглашения с великим князем всея Руси. Общее положение дел и отношений на восточной Украине Великороссии, особое значение которой в нараставшей борьбе с татарским и вообще всем инородческим миром вполне выяснилось еще при Дмитрие Донском, делало, можно сказать, неизбежной ликвидацию всякой неопределенности в ее политических отношениях. Предшествовавшие события показали, что и власть ордынская ясно учитывала стратегическое значение Нижнего, как опорного пункта, господствовавшего над волжским путем и восточным флангом приокской линии. Ряд татарских ударов привел Нижний Новгород к полному ослаблению и непосредственной покорности хану.

Отношения с Ордой, сложившиеся при в. к. Василии Дмитриевиче, дали ему возможность порешить нижегородский вопрос без столкновения с ханской властью и даже при ее помощи. На этот раз великий князь всея Руси не использовал своих свойственников, князей Дмитриевичей, против их дяди Бориса, а повел дело более круто. Он «сложил крестное целование» к князю Борису Константиновичу и пошел в Орду к хану Тохтамышу «со многою честью и з дары» просить великое княжение Нижнего Новгорода «под великим князем Борисом Константиновичем» себе. Богатые дары и полная покорность в. к. Василия доставили ему желанный ярлык, и он вернулся на Русь с ханским послом и татарским отрядом: Не знаем интимных подробностей этого дела, но, по всей видимости, оно было подготовлено на месте, так как нижегородские бояре, по летописному рассказу, сразу отступились от своего князя и выдали его головой московским боярам и тохтамышевым татарам. Василий Дмитриевич приехал в Нижний уже после поимания князя Бориса. Этим дело еще не кончилось. К в. к. Василию прибыл посол от царя Тохтамыша – звать его в Орду, а из этой поездки к хану Василий Дмитриевич вернулся, добившись утверждения за собой Нижнего Новгорода и Городца⁴¹.

Кратко и сжато сообщают наши летописные своды эту историю падения нижегородской самостоятельности. Только некоторые тексты сохранили намек на судьбу Дмитриевичей упоминанием о бегстве князя Семена в Орду. Их изложение не дает прямых указаний на то, как сложилось владельческое положение суздальско-нижегородских князей после падения нижегородской самостоятельности. В их обладании остался, вероятно, по решению хана Тохтамыша, Суздаль, а к великому княжению отошли Нижний Новгород и Городец. Как бы восстановлено прежнее соотношение владений, когда эти последние города были великокняжескими, а они были связаны с Суздальским вотчинным княжеством. Разрушена эта связь, создавшая Нижегородское великое княжество.

В Суздале провел Борис Константинович остатки дней своих, в Суздале и погребен он в «своей отчине». При нем же в Суздале жили, по-видимому, и его племянники Василий и Семен Дмитриевичи, когда последний прибыл из Орды⁴². Но намеченный таким образом раздел Нижегородских владений не имел под собой прочной основы. Утвердившись в обладании Нижним Новгородом, в. к. Василий Дмитриевич приобрел притязание на «все княжение», а суздальские Дмитриевичи, с своей стороны, не смогли примириться с утратой большей части того, что считали своей отчиной. Борьба немедленно возобновилась. И опять приходится отметить крайнюю недостаточность сведений, какие получаем в летописных сводах, притом не по каким-либо случайностям истории их текста, а вследствие явно тенденциозного замалчивания московскими книжниками ряда обстоятельств этих событий.

Вскоре после кончины князя Бориса Константиновича его племянники – Дмитриевичи – бежали из Суздаля в Орду к хану Тохтамышу, в. к. Василий послал было за ними погоню, но князь успел уйти от нее⁴³. Но в Орде в эту пору была своя замятня, ей было не до деятельного вмешательства в русские дела. А далее о князе Василии Кирдяпе больше ничего не знаем, даже в указании даты его кончины летописные тексты расходятся⁴⁴. Но Семен Дмитриевич пытался продолжать борьбу с помощью татар. В октябре 1395 г. ему удалось с татарским войском захватить Нижний, который подвергся при этом жестокому разграблению; но приближение великокняжеских полков заставило татар бежать, и князь Семен снова ушел в Орду. В. к. Василий послал свою рать с братом Юрием вниз по Волге, и она три месяца воевала Булгарскую землю, причем – отмечают летописи – никто не помнил, чтобы Русь когда-либо так далеко заходила в татарские земли⁴⁵. Князь Семен Дмитриевич нашел убежище и поддержку у

местной татарской силы, которая господствовала в мордовских и булгарских волостях, получая все больше самостоятельности по мере упадка золотоордынского центра. Его суетливые и буйные попытки вернуть себе нижегородскую отчину совпали с моментом, когда слагалось будущее Казанское царство, и князь Семен стал отщепенцем от русского дела – орудием враждебной Руси татарской силы. Пребывание в татарских пределах претендента на Нижегородское княжество усугубляло непрерывную тревогу на русской восточной окраине. В. к. Василий Дмитриевич делал попытки захватить князя Семена – такой была цель и похода князя Юрия; посылал великий князь воевод своих захватить семью князя Семена, успевшую уйти к нему из великокняжеского плена⁴⁶, и воеводы привели на Москву его жену и детей. Безднадежность положения его дел и захват семьи великим князем принудили, наконец, князя Семена возобновить сношения с Василием Дмитриевичем и покориться ему; он был сослан в Вятку⁴⁷, где и умер в декабре 1401 г. Нижегородское великое княжество, созданное внешними условиями жизни великорусской окраины, держалось в некоторой силе и значении, пока его поддерживало напряжение самообороны, попыток колонизационных захватов и боевого наступления для обеспечения торговых путей; но переход этих задач в более сильные руки носителей великорусской великокняжеской власти привел к быстрому упадку нижегородской самостоятельности, и от «великого княжества» остались только развалины – в мелком вотчинном владении суздальского княжья, да, на первое время, вспышки княжеского авантюризма, для которого не мало было условий в беспокойном укладе окраинной жизни. По следам князя Семена Дмитриевича пошли его двоюродные братья Борисовичи, Даниил и Иван; эти «отчичи Нижнего Новгорода» пришли в 1411 г. на Русь с «казанскими» князьями (булгарскими и жукотинскими), разбили великокняжеское войско, которое выслал на них в. к. Василий Дмитриевич под воеводством брата Петра, а затем князь Даниил навел татар изгоном на Владимир – и стольный город великого княжения был сильно разграблен. Наши летописные своды говорят об этих событиях глухо и с явными недомолвками. Набег на Владимир, выполненный воеводой князя Даниила Семеновым Карамышевым и царевичем Талычем, которого Даниил «тайно от всех приводе к себе», едва ли был выполнен без опоры в Нижнем Новгороде, который, очевидно, был занят после победы над великокняжеским войском его «старым отчичем» князем Даниилом. Но летописные тексты не говорят о таком захвате Нижнего, замалчивая последствия победы Даниила⁴⁸. Однако дальнейшие сведения об этом князе подтвер-

ждают такое понимание уклончивого изложения летописных сводов. В 1412 г. нижегородские князья ездили в Орду к хану Зелени-Салтану, Тохтамышеву сыну, и вернулись «пожалованы своею их отчиною»⁴⁹, а в 1414 г. брат великого князя Василия, Юрий Дмитриевич, идет на князя Даниила Борисовича в его братью⁵⁰ к Нижнему Новгороду; суздальские князья бегут из Нижнего за Суру, а князь Юрий, покорно встреченный боярами и жителями Нижнего, без боя занимает город⁵¹. Даниил с братьей ушел от преследования за Суру. Совокупность этих свидетельств дает основание признать, что князь Даниил держался в Нижнем с 1411 по 1414 год⁵². Годы через два Борисовичи явились в Москву с повинной, но в 1418 г. снова бежали с Москвы, и больше нет известий о них в наших летописных сводах⁵³. В. к. Василий посадил в Нижнем Новгороде суздальского княжича Александра Ивановича, за которого выдал дочь свою Василису, но князь Александр умер вскоре после свадьбы, и Нижний Новгород окончательно перешел в управление великокняжеских наместников⁵⁴. В среде суздальского княжества еще долго жили традиции былой независимости, былого политического значения и владения. Сыну великого князя Василия Дмитриевича придется считаться с новыми вспышками суздальских притязаний, которыми сильно осложнена домашняя московская смута, да и позднее суздальские княжата – наиболее яркие представители «удельных» княжеских традиций. Но суздальские притязания потеряли реальную почву самостоятельной исторической жизни и деятельности восточной Украины Великой России и остались только пережитком в настроениях и местном влиянии княжат – вотчинников.

ГЛАВА VIII

Великокняжеская политика преемников Калиты

I

Преемники Калиты строили дальше великокняжеское значение своей власти на основе, заложенной в деятельности их отца и деда Ивана Даниловича. Конечно, объем наших сведений о жизни московского княжого двора слишком незначителен для учета личной, более или менее сознательной роли носителей великокняжеских титула и власти в последовательном развитии этой политической работы. Преувеличивать ее отнюдь не приходится. Сравнительно немногие данные, какими располагаем для некоторого освещения этого вопроса, скорее, говорят о преемниках Ивана Калиты, как о внешних, преимущественно пассивных центральных фигурах той работы в области политических отношений и общественно-политической мысли, которая вела великорусскую великокняжескую власть к значению крупной национально-государственной силы. Духовная грамота Симеона Ивановича – яркий памятник узкого семейно-вотчинного взгляда на княжеское владение; бледная личность «кроткого и тихого» Ивана Ивановича остается в тени событий его времени, а малолетний Дмитрий Иванович – орудие политики митрополичьего двора и московской боярской среды – не проявляет сколько-нибудь яркой индивидуальности и позднее. За официальной деятельностью великокняжеской власти стоят иные руководящие силы, которые строят и практику и теорию великокняжеской власти во многом наперекор вотчинно-владельческим тенденциям старого княжого права. С большой постепенностью и не без заметных колебаний уступают эти традиции княжого владения новым течениям в отношениях и воззрениях княжеской и общественной среды, пока само вотчинное начало, разлагавшее политический строй Великороссии в практике удельного владе-

ния и вотчинного распада, не ляжет, преобразованное назревшим единовластием, в основу самодержавной власти московских государей. Весь этот процесс собирания власти протекал в теснейшей зависимости от внешних отношений Великороссии – под давлением потребностей ее самообороны и стремления к таким условиям этих отношений, которые обеспечивали бы торговые, колонизационные и, в широком смысле, национальные ее интересы. Поэтому первым моментом решительного успеха в великокняжеской борьбе за усиление центральной политической власти явилось нарастание руководящей роли великих князей всея Руси в международных – боевых и мирных – отношениях Великороссии с соответственной перестройкой внутренней организации княжого властвования и междукняжеских связей.

Основы новой государственности слагались постепенно под непрерывным давлением хода международной борьбы на пространствах Восточной Европы. Обзор хода событий этой борьбы – необходимый элемент выяснения образования Великорусского государства, которое ею же куется из века в век в самых своих глубоких основаниях.

Симеон Иванович унаследовал от отца созданное им положение великокняжеской власти; оно закреплено ханским пожалованием, который отдал «под руки» Симеона всех русских князей, и признано на «великом съезде всем князьям русским», который состоялся в Москве. Договором с братьями «у отня гроба» в. к. Симеон закрепил свое руководящее значение в управлении внешними отношениями Московского княжества и в распоряжении всей его воинской силой, а также признание за старейшиной московской княжеской семьи – он же великий князь всея Руси – «на старейший путь» ряда доходных статей, чем возвышалось, так можно выразиться, его представительство. Но вне Московского княжества его подлинная власть проявляется только по отношению к мелким князьям Владимирского великого княжения; князья ростовские, ярославские, белозерские входят в состав великокняжеской «низовской» рати. И суздальский Константин упоминается в ее составе при в. к. Симеоне. Однако в годы великого княжения Симеона и Ивана Ивановичей слагается Нижегородское великое княжество и противопоставляет себя великому княжению Владимирскому; крепнет самостоятельность Рязани, которая настойчиво требует определения своих территориально-политических пределов «нерушимыми рубежами» не только от «московской вотчины», но и от «великого княжения». А старая соперница Москвы, Тверь, ранее утвердившаяся в своем территориально-политическом обособлении, все более подавлена трудным положением между Москвой и Литвой и все более склоняется к сближению с Литовским великим кня-

жеством ради опоры в нем против властного вмешательства великих князей всея Руси в тверские дела и подчинения Твери великорусской великокняжеской власти – на основе традиционного старейшинства Владимирских великих князей, но уже чреватого элементами единой державы.

На западных делах всего более сосредоточены внимание и силы этой великокняжеской власти. Собрание русских земель под власть в. к. Ольгерда рисовалось современникам широким предприятием подчинения всех русских областей¹. И столкновения между Москвой и Литвой из-за промежуточных, пограничных земель рано осложнились опасным влиянием этих конфликтов на внутренние отношения обоих великих княжений. Русские князья ищут в восточной Руси защиты от литовского напора и захвата, и брат Ольгерда Явнут показал недовольным литовской великокняжеской властью путь в Москву своим побегом к в. к. Симеону в 1345 г.² А Москва все чувствительнее встречается с поддержкой, какую местные сепаратистские тенденции Пскова и Новгорода, Твери и Рязани находят в их литовских связях и отношениях. Политический кругозор Ольгерда широко охватывал отношения северо-восточной Руси, готовя, как можно сказать с точки зрения позднейшей исторической перспективы, политику Витовта. Родственные связи самого Ольгерда: по жене с тверскими князьями, а по дочери с нижегородскими, Любарта Гедиминовича с ростовскими – открывали пути литовскому влиянию на дела и отношения Восточной Руси. И родственные связи эти несколько не смягчали напряжения враждебного соперничества двух великих княжеств. Они столкнулись в первый же год великого княжения Симеона Ивановича на смоленских делах. Ольгерду не удалась попытка захватить Можайск, недавнюю смоленскую волость, хотя набег был предпринят, по-видимому, в отсутствие в. к. Симеона, когда он еще не вернулся из Орды. Набег этот был ответом на поход в предыдущем году великорусских войск под Смоленск с татарской ратью воеводы Товлубия. Притязания литовской власти на Смоленск и на волости черниговско-северские встречали противодействие, за которым стояли расчеты на московскую (великокняжескую) и татарскую помощь. Местное мелкое княжество тянет к восточной Руси. В походе 1340 г. участвовали князья друцкий и фоминский; брянский князь выдал в 1341 г. дочь за московского князя Ивана Ивановича, а князь дорогобужский Федор Святославич, неудавшийся тесть в. к. Симеона, сидел одно время на Волоке³.

Ольгерд шел к своей цели – закреплению связи Смоленска с великим княжеством Литовским, которая сложилась еще при Гедимине, и распространению литовской власти на черниговско-северские области – с большой выдержкой и постоянной огляд-

кой на Москву. В конце сороковых годов он сделал было попытку подготовить сопернику решительный удар: отправил брата Кориада к хану Джанибеку – склонить его на союз против в. к. Симеона⁴, но послы Симеона убедили хана, что Ольгерд ему враг, так как разоряет ханский улус – вотчину великого князя, и добились выдачи всего литовского посольства в московские руки⁵. Пришлось Ольгерду отказаться от широких планов и заключить новый договор с в. к. Симеоном, ради освобождения брата и его «дружины»⁶. Не знаем, какой ценой купил Ольгерд этот «мир и любовь», но вслед за этими событиями в. к. Симеон – через год – поднимается походом на Смоленск; на р. Протве его встретили послы Ольгерда, с которыми он заключил какое-то мирное окончание; однако Симеон продолжает свой смоленский поход, идет с войском к р. Угру где его встретили смоленские послы, а после восьмидневных переговоров с ними отправил своих послов в Смоленск на заключение мира⁷. Возможно, что условия договора 1350 года обеспечивали такую трактовку Смоленска, как владения, вполне независимого от литовского великого князя. Только после смерти в. к. Симеона Ольгерд получает полную возможность развернуть свободное наступление на смоленские и черниговско-северские области, и наши скудные сведения о смоленских делах за годы великого княжения Симеона Ивановича все-таки дают основание признать, что в эту пору уже не Тверь, а великокняжеская власть, сосредоточенная в Москве, приняла на себя дело самообороны Великороссии с Запада⁸.

Но задача эта чрезвычайно осложнена внутренними отношениями Великороссии. Боевые силы Твери и Рязани, Пскова и Великого Новгорода не принимают участия в действиях в. к. Симеона. С Новгородом у Симеона отношения крайне напряженные, как сложились они и при Иване Калите. Поездка Симеона в Орду по смерти отца и успех в хлопотах о ханском пожаловании, несомненно, потребовали крупных расходов и обязательства усиленной выплаты татарам «выхода», «запросов» и поминков. И первое дело в. к. Симеона по возвращении – послать в новгородские волости, в Торжок «дани брать», и стали тут его наместники и «борцы»-даныщики «сильно деяти». Новоторжцы послали жалобу в Новгород и просьбу о защите. Тогда в Торжок явились новгородские бояре, арестовали агентов великокняжеской власти, подготовили город к обороне, а в то же время поехало из Новгорода посольство к великому князю с протестом: *«еще не сед у нас на княжении, а уже бояре твои деют сильно»*. Однако подготовка к открытой войне с великим князем вызвала восстание новоторжцев; они не верили в силу Новгорода, боялись прихода великокняжеского войска, а потому изгнали от себя новгородских бояр и освободили великокняжеских намест-

ников и сборщиков дани. В. к. Симеон действительно прибыл в Торжок «со всею землею низовскою», а новгородцы, хоть и собрали все силы свои в город, однако послали к великому князю послов и «*докончали мир*» с ним «*по старым грамотам, на всей воле новгородской*», выплатив за то великому князю «черный бор» со всей Новгородской земли да тысячу рублей с новоторжцев⁹. В Новгороде водворился великокняжеский наместник. Но у в. к. Симеона не хватало силы на руководство обороной земель Новгорода и Пскова против наступления немцев и шведов. Псков перед непрерывно грозной ливонской опасностью, как ранее при князе Александре Михайловиче, «отвергся» в начале сороковых годов от Великого Новгорода и великого князя и «предался» Литве, призвав к себе на княжение Ольгерда; а тот посадил у них князем сына Андрея¹⁰. Однако и Андрей Ольгердович, как и отец его¹¹, не был в состоянии вести оборону Пскова лично и с достаточной затратой литовских боевых сил. Только небольшие вспомогательные дружины литовских наместников помогают Пскову в борьбе против немцев¹², и дело кончилось отказом псковичей от князя Андрея и враждой за это Ольгерда против Пскова¹³. Это произошло в 1348 г., и в том же году псковичи возобновили порванную политическую связь с Великим Новгородом, но уже на новых началах Болотовского договора, которые превращали Псков из новгородского пригорода в автономного «младшего брата» Великому Новгороду. Тем самым восстанавливалась и связь Пскова с великим княжением всея Руси.

Новгород принял великокняжеского наместника в 1341 г.; но в. к. Симеон, занятый устройением дел «низовской» земли, отношений к хану и к Литве, только на пятый год приехал в Новгород и «сел на столе своем». Положение Новгородской украины было сугубо опасным. С одной стороны, Ольгерд, имея в своих руках Псков, начал было наступление и на Новгород, впрочем, южные дела скоро поглотили его силы и внимание, так что он и Псков потерял. Зато более серьезная опасность поднималась на новгородские волости с шведской стороны.

Король Магнус II начал завоевание Ижорской земли, грозил идти со всеми силами на Новгород, взял Орехов. Призыв новгородцев о помощи великого князя Симеона – остался втуне. Симеон долго медлил, занятый «делами царевыми», потом поехал в Новгород, но с дороги вернулся в Москву. Вместо него в Новгород прибыл его брат Иван, но и он не стал во главе новгородского войска, а уехал обратно, «*не приняв владычня благословенья и новгородского челобитья*». Новгородцы предоставлены своим силам; только Псков, обеспечив свое новое политическое положение Болотовским договором, дал им некоторую военную поддержку; приходится местными силами отбивать шведов, защищаться от немцев¹⁴. Великий князь не в состоянии отвлекать

свои силы на дальний северо-запад: в эту пору разыгрались попытки Ольгерда поднять на него Орду, затем – поход в. к. Симеона на Смоленск. Литовская опасность тяготеет над всеми отношениями великорусского великого княжения.

Эта опасность подрывала энергию великокняжеской власти в новгородских делах. Она же сильно осложняет тверские отношения. Тут с кончины тверского великого князя Константина Михайловича (ум. в 1345 г.) разгорается борьба кашинской и холмской княжеских линий, сплетавшая сложную сеть ордынских, литовских и московских политических интересов в напряженный клубок. И напряжение это оказалось не по силам великорусской великокняжеской власти. На время центробежные силы берут верх в политическом строе Великороссии. Толчком для их резкого проявления послужила неожиданная смерть в. к. Симеона в моровое поветрие 1353 года.

Пятидесятые и шестидесятые годы XIV века – время, когда Москва пережила серьезный кризис своего положения в северо-восточной Руси. Тотчас по смерти Симеона нижегородский князь Константин Васильевич «сперся о великом княжении» с в. к. Иваном Ивановичем, при поддержке новгородцев; только перед своей кончиной примирился князь Константин с в. к. Иваном, да и новгородцы полтора года *«требьша без мира с великим князем»*, причем *«зла не бысть никакого же»*, т. е. великий князь не имел силы ни покарать новгородцев за выступление в Орде, ни привести их в свою волю; отношения восстановились только по примирении князей¹⁵. А затем по смерти князя Константина сын его Андрей признал в. к. Ивана себе братом старейшим, но после Ивана вспыхнула новая борьба за великое княжение, ликвидированная с большим трудом и с большими усилиями. Замутились и отношения к рязанцам, которые захватили Лопастну и настойчиво предъявляли требование исправления рязанских границ. В Твери усобная борьба склонялась чем дальше, тем больше к победе микулинских князей, враждебных Москве и втянутых в сферу литовского влияния. И за всеми этими тревожными трениями внутренней жизни Великороссии стоит опасность вмешательства татарских и литовских сил. Из рук великокняжеской власти снова ускользает управление внешними отношениями Великороссии, областные политические силы враждебны центру, отстаивают и углубляют свою независимость от него, сами определяют свое положение по отношению к внешнему миру, ищут в Орде и в Литве союза и опоры против требований великокняжеской власти.

II

В это трудное для Москвы время во главе правления делами великорусского великого княжения стоит крупный политический деятель – митрополит Алексей. Его руководство великокняжеской политикой вывело власть великих князей всея Руси из тяжких затруднений времен «кроткого и тихого» Ивана и малолетнего Дмитрия. Притом Алексей, глава русской церкви, вдохнул в эту политику определенное идейное содержание – церковно-религиозное и, тем самым, национальное. Сам факт достижения Алексеем митрополичьей кафедры был для великого князя значительным успехом. В его лице во главе русской церковной иерархии стал представитель московской правящей среды, свой человек в великокняжеском дворе. По житию, Алексей¹⁶ был сыном боярина Федора Бяконта, который выехал из Чернигова на службу к князю Даниилу Александровичу, а при Иване Калите, согласно свидетельству родословных, «за ним была Москва», что можно понять, как должность тысяцкого¹⁷. Позднейшие родословцы ведут от Бяконта несколько боярских родов – Плещеевых, Фоминых, Жеребцовых, Игнатьевых, все фамилии, которые не стали в первые ряды боярства, но занимали прочное положение среди московского служилого люда, а частью, как Фомины, связаны со службой при митрополичьем дворе¹⁸. Брат митр. Алексея Александр, родоначальник Плещеевых, и его племянник Данило Феофанович – бояре великого князя Дмитрия Донского¹⁹.

Алексея можно назвать питомцем великокняжеского двора и его боярской, служилой среды. Есть известие, что он был крестником Ивана Калиты²⁰. Ранний уход двадцатилетнего юноши в монастырь не порвал этих общественных связей, не был удалением от мира. Алексей монашествовал в одном из московских монастырей²¹, и его пострижение имело, по-видимому, значение подготовки будущего иерарха. С конца 1340 г. он стоит во главе митрополичьего суда и управления в должности митрополичьего наместника²². Митр. Феогност готовил его, по соглашению с великим князем, себе в преемники, ввел его за двенадцать лет его наместничества в дела митрополии, а в декабре 1352 года поставил его епископом Владимирским и отправил вместе с в. к. Симеоном посольство в Константинополь к патриарху – хлопотать о поставлении Алексея себе в преемники по русской митрополии²³. Дело русского, великокняжеского кандидата на митрополию было на этот раз хорошо подготовлено и в Константинополе, и на Руси. Московские послы вернулись, уже после кончины и митр. Феогноста и в. к. Симеона, с приглашением ехать в Константинополь на поставление, и в. к. Иван Иванович поспешил снарядить Алексея в эту поездку, одновременно со

своим выездом в Орду для получения ярлыка на великое княжение²⁴. При патриаршем дворе Алексея продержали почти год на «тщательном испытании», и только в июне 1354 он был отпущен с настольной грамотой на митрополию Киевскую и всея Руси²⁵. Русские епископы прислали патриарху грамоты с признанием Алексея достойным митрополии, – все, кроме новгородского Моисея. Оппозиция новгородского владыки, из каких бы оснований она не исходила²⁶, была серьезным делом не только для митрополии, но и для великокняжеской власти, борющейся за свое значение в западных областях Великороссии против сильного влияния на них Литовского великого княжества. Общее положение московско-литовских отношений все теснее сплеталось с церковно-политическими задачами русской митрополии, ввиду развитого Ольгердом в пятидесятых годах XIV века деятельного и успешного наступления на русские области и острой постановки вопроса об отношении западнорусской церкви к московско-владимирской митрополии.

Вся эта чрезвычайно сложная сеть отношений ставила перед митр. Алексеем – главой русской церкви и руководителем политической деятельности великих князей всея Руси – ряд крупных и трудно разрешимых задач. Он достиг митрополии, как ставленник великокняжеской власти; судьба сделала его фактическим правителем великорусского великого княжества. И в этой роли он опирается на свой церковный авторитет в политических делах, сливает в одно целое свою церковно-политическую деятельность с руководством общей политикой великого княжества всея Руси. Отношение к византийскому патриархату, к литовской великокняжеской власти, к местным политическим силам Великороссии сливаются у Алексея в одну цельную систему, в которой элементы московского политического строительства неотделимы от задач и интересов митрополичьей власти.

Настольная грамота, которую Алексей получил от патриарха, определяла положение русского митрополита перед патриаршим престолом весьма подробно и с обдуманной отчетливостью. Эта грамота, знаменитая в русско-византийских церковных отношениях, подчеркивает, прежде всего, обширность и многолюдность митрополии Киевской и всея Руси; управление этой митрополией особо важная задача для Константинопольской церковной власти, и потому эта власть поставляла туда, в прежнее время, надежных и доверенных людей из среды византийских клириков, избирая, после тщательных испытаний, таких, кто не только отличался добродетелью и силой слова, но был и сведущ как в церковных канонах, так и в гражданских законах. Поэтому патриаршая грамота оговаривает, что поставление Алексея – дело исключительное, объясняемое его личными особыми достоинствами, хорошей подготовкой и единомышленным

свидетельством в его пользу как греков, так и русских, начиная с митр. Феогноста и великих князей Симеона и Ивана, но не должно служить прецедентом на будущее время, а, напротив, впредь патриаршая власть не допускает и не позволяет поставления на русскую митрополию русского уроженца. Грамота подчеркивает, что такая исключительная уступка – дело совершенно необычное и даже не вполне безопасное для Церкви, а потому указывает и меры, исполнение коих должно обеспечить бдительный надзор константинопольской церкви за деятельностью митр. Алексея и руководство ею. Патриарх предписывает Алексею приезжать в Константинополь через каждые два года или хотя бы присылать надежного представителя из клириков своей митрополии для получения авторитетных указаний по всем важнейшим очередным церковным вопросам. Вся грамота проникнута опасением излишней самостоятельности митрополита, который не вышел из среды константинопольского клира, не связан с ним воспитанием и прочной традицией. Перспектива прочной национализации русской церковной иерархии, несомненно, встревожила патриаршую власть. Это понятно. В Константинополе должны были знать, что русская митрополия вступает на путь превращения в опору местной светской власти и подчинения ей, а патриарх должен был стремиться к тому, чтобы русский митрополит был, прежде всего, представителем власти и авторитета его, патриарха, и состоявшего при нем освященного собора, служителем греко-восточной церкви, возглавляемой, по византийской традиции, константинопольским патриархом, а не русской политики.

Отношения между митр. Алексеем и патриархатом сложились далеко не в духе настольной грамоты. После поставления своего он только дважды ездил в Константинополь, да и послов своих посылал, по-видимому, только в такие моменты, когда испытывал необходимость отразить подготовленный врагами удар или опереться на патриарший авторитет. А такая опора была ему необходима для утверждения силы и значения северной митрополии.

Нараставшее раздражение против окрепшей Москвы и ее властных притязаний неизбежно отражалось и на церковных отношениях при митрополитах, союзниках и сотрудниках московской политики, особенно же при митрополите, ставленнике великого князя, вышедшем на митрополию из московской боярской среды, чтобы взять в свои руки общую политику великокняжеской власти. А митр. Алексей формально закрепил связь митрополии с великорусским великим княжеством, выхлопотав постановление о перенесении резиденции митрополита из Киева во Владимир²⁷. Русская митрополия осталась при этом «*Киевской и всея Руси*», так как за Киевом сохранено значение собственно престола и первой кафедры архиерейской, а Владимир-

ская епископия признана второй кафедрой, резиденцией и местом упокоения митрополитов. И такое решение вопроса о митрополии всецело отвечало существенным интересам как митрополита, так и великокняжеской власти. Интересы эти настоятельно требовали сохранения за русской митрополией характера «Киевской», несмотря на перенесение митрополичьей резиденции на север. Утрата киевского центра грозила не только потерей самого Киева и юго-западных епархий, но и Твери, и Новгорода, и Пскова, не говоря уже о Смоленске, и как только им представится возможность потянуть в церковном отношении к иному, не московскому центру.

Не будет преувеличением сказать, что вопрос этот стал перед митрополитом Алексеем во всем объеме, по-видимому, еще во время его первого пребывания в Константинополе.

Политические судьбы юго-западной и западной Руси вели естественно к стремлению освободить их церковное управление от подчинения московскому иерархическому центру. Попытки создать особую митрополию, хотя бы для Галицкой земли, возникали в начале XIV века²⁸, и митр. Феогносту только в 1347 г. удалось добиться закрытия особой Галицкой митрополии. Но вскоре – незадолго до поставления Алексея во владимирские митрополиты – вопрос об отделении западнорусской церкви от северной митрополии стал особо острым. Еще при жизни митр. Феогноста явился в Константинополь новый западнорусский кандидат на митрополию – Феодорит – и, не добившись тут успеха, использовал тогдашний раскол между византийской и болгарской церквями, отправился в Тернов, тут поставлен был в митрополиты болгарским патриархом и занял Киевскую митрополию²⁹. Совпадение этого дела с конфликтом между северной митрополией и новгородским епископом усиливало остроту положения. Патриарх Филофей выступил решительно. Его грамоты, разосланные по западнорусским епархиям, объявили Феодорита низложенным, под угрозой полного отлучения «от христианского состояния», и грозили таким же отлучением всем, кто примет его в общение. Новгородский епископ Моисей получил одну за другой две патриарших грамоты: одну о должном повиновении митрополиту Алексею, другую с изложением дела о Феодорите и запретом принимать митрополичью власть Феодорита и вступать с ним в церковное общение³⁰. Затем патриарший экзарх, отправленный на Русь вместе с митр. Алексеем, совершил посажение его на кафедру митрополии Киевской и всея Руси, очевидно, в Киеве: Феодорит сошел со сцены, больше о нем и нет известий³¹.

За покушением Феодорита на Киевскую митрополию нельзя не усмотреть политики в. к. Ольгерда³². Причина неудачи – осложнение дела разрывом с византийским патриархатом – была

устранена заменой Феодорита новым кандидатом на митрополию – Романом, родственником жены Ольгерда, в.к. Ульяны. Есть известие, что Роман, в качестве нареченного митрополита, сделал попытку занять Киевскую кафедру еще до возвращения митр. Алексея из Константинополя летом 1354 года³³. Не принятый киевлянами, Роман явился в Константинополь к патриарху после поставления митр. Алексея и его отъезда на Русь³⁴ и был поставлен в литовские митрополиты, получив в свое ведение Новгородскую, Полоцкую и Туровскую епархии. Роман, однако, этим не удовлетворился, а стал *«изъявлять притязание на большее»* и нарушать права митр. Алексея. Поднялась борьба за Киев и южнорусские епархии, за Тверскую землю. Раздоры двух русских митрополитов стали предметом разбирательства патриаршего собора уже при патриархе Калисте после падения Филофея. Роман явился в Константинополь отстаивать свои притязания, был вызван и Алексей³⁵. Собор признал, что митр. Алексей, рукоположенный на митрополию Киевскую и всея Руси, таким и остается, а Роману, литовскому митрополиту, переданы все *«епископии Малой Руси»*, но без Киева, как первого престола в митрополии Алексея³⁶. Такое решение вопроса, по существу – половинчатое, показывает, что патриархия нехотя уступала литовским настояниям. Патриарх Филофей в позднейшей грамоте, восстановившей во второе его патриаршество единство русской митрополии, пояснял, что разделение ее было, в свое время, допущено по требованию многих настоятельных нужд³⁷. Такие *«настоятельные нужды»*, несомненно, имелись на лицо, так как при господстве национального строя церковной жизни, каждое политическое целое требует себе особой иерархической организации, не мирясь с ее экстерриториальностью. Но Византии трудно было вполне усвоить законность таких тенденций без отказа от вселенского значения своей церковной империи, а, с другой стороны, Москва и Литва находились в состоянии упорной борьбы и соперничества на почве территориально-политического самоопределения, далеко незаконченного, так что всякая попытка разграничить их церковные области вела неизбежно ко *«многим замешательствам и беспорядкам»*. Ольгерд настаивал, чтобы его Литовско-русское государство было избавлено от подчинения духовной власти митр. Алексея, чтобы западнорусская церковь была признана самостоятельной митрополией, и внушил патриаршему собору опасения, что может, в противном случае, произойти полное отделение Литовско-русского государства от греко-восточной церкви или, по крайней мере, от византийского патриархата, как уже было в дни Феодорита. Патриархия пошла на компромисс, но этим не прекратила раздора.

Роман не принял ее половинчатого решения, отказался принять настольную грамоту, покинул Константинополь и, прибыв в Киев, провозгласил себя митрополитом киевским и всея Руси и удержался на своей митрополии до самой смерти, в 1361 году.

Потеря северной митрополией власти над православной церковью в пределах Литовско-русского государства грозила сугубой опасностью великорусскому великому княжению. Западно-русская митрополия должна была стать такой же опорой политики литовских великих князей, какую московские князья находили в своих владимирских митрополитах. Иерархические связи киевского центра предназначались этой политикой для закрепления господства литовских государей над русскими землями и литовского влияния за пределами прямого захвата. Так, столкновения соперников на тверской почве начались еще во время пребывания обоих митрополитов в Константинополе³⁸. А после попытки митр. Алексея в 1358 г. осуществить свою митрополичью власть в южной Руси, попытки, за которую и он лично и московская княжая власть расплатились дорогой ценой³⁹, Роман использовал свои и литовские связи в Тверской земле для поездки в Тверь, точно в ответ на действия митр. Алексея, которые должны были представляться «наездом» в его, Романа, митрополию.

III

Все эти церковно-политические отношения тесно сплетались с основным московско-литовским антагонизмом. Борьба между митрополитами Алексеем и Романом разыгрывалась на фоне Ольгердовой политики, которая направлена в 50–70-х годах XIV века на энергичное наступление на восток. Это наступление развертывается, как только сила великорусского великого княжества оказалась парализованной внутренней борьбой в Велюкороссии, в момент перехода власти от в. к. Симеона к его брату Ивану. Литва засела в Ржеве, литовские войска воюют Брянск и смоленские волости, а после смерти брянского князя Василия смута, поднявшаяся в Брянске, облегчила захват его в. к. Ольгердом. Как только «*нача обладати Брянском великой князь Литовский*», митр. Роман захватил Иерархическую власть над Брянском в епархии митр. Алексея. Роману приписали в Москве, а с московских слов и при патриаршем дворе, почин к нападению Ольгерда на Алексин, митрополичий город⁴⁰. С той же поры Орша и Белая в литовских руках, а года через три занят Ольгердом и Мстиславль. Все теснее надвигалась на Смоленское княжество, охватывая его крепким кольцом, литовская сила; все плотнее надвигалась она на пределы великорусского и тверского великих княжений. Смоленское княжество еще продержалось

полвека⁴¹, лавируя между Москвой и Литвой, но Черниговско-северская область, раздробленная на мелкие вотчинные княжества и почти не испытывавшая на себе объединяющего влияния великорусского центра, стала ареной крупных успехов политики Ольгерда. Западная полоса этой области перешла в шестидесятых и семидесятых годах XIV века под прямую власть литовских князей: тут слагаются княжения его сыновей – Дмитрия брянского и трубчевского и Дмитрия-Корибута черниговского и новгород-северского, а также стародубско-рыльское княжество Патрикия Наримунтовича и его сыновей. В восточной полосе сидят на своих отчинах мелкие князья Рюриковичи, которых Ольгерд стремится сделать своими подручниками, то силой, то путем родственных связей⁴². В послании к Константинопольскому патриарху Ольгерд называет своими волостями Калугу и Мценск, жалуется на захват их москвичами из-за «изьяны» своего слуги князя Ивана Козельского. И долго еще будет восточная Черниговщина колебаться между Москвой и Литвой; долго служат ее князья то одному, то другому великому князю, а то и *«на обе стороны»*.

В пятидесятых и начале шестидесятых годов XIV века великорусское великое княжество слишком подавлено внутренним политическим кризисом, чтобы противодействовать литовскому напору сколько-нибудь энергично. Летописные своды дают только кое-какие указания на попытки такого противодействия в боевых столкновениях тверской и Можайской рати с литовцами из-за Ржевы в походе смольнян на Белую⁴³. Наступление Литвы осложняло и обостряло внутренние отношения Великороссии. В Тверском княжестве местная борьба двух княжеских линий, кашинской и микулинской, переплелась с борьбой между литовским и московским влиянием на Тверь, а с 1366 года победила микулинско-литовская сторона. Тверской великий князь Михаил Александрович вступил с Москвой в упорную и затяжную борьбу, которая обеспечила Ольгерду свободу действий в Черниговско-северской области. Лишь изредка, без затраты значительной силы, дает Ольгерд поддержку Михаилу, направляя главную энергию на юг и на поддержку Кейстута против немцев.

Новая борьба Москвы с Тверью была, как и прежняя, борьбой за великое княжение всея Руси. Едва ли, впрочем, с самого начала открылась она наступательными действиями не Твери, а Москвы. Московское великокняжеское правительство, душой которого был митрополит Алексей, только что закончило борьбу с Дмитрием суздальским, привело «в свою волю» и его, и второстепенных владетельных князей Великороссии. Великий Новгород признал власть Дмитрия Ивановича, выговорив себе держание «в старине без обиды», а затем и подлинную, деятельную за-

щиту от внешних врагов⁴⁴. Но отношения к великим княжествам Тверскому и Рязанскому оставались напряженными.

Москва окрепла и стала притязательнее. Летописные своды отметили 1367 г. красноречивой записью, надо полагать, тверского летописца: *«того же лета князь великий Дмитрей Иванович заложил град Москву камень и начата делати безперестани; и всех князей русских привожаши под свою волю, а которые не повиновахуся воле его, а на тех нача посегати, такоже и на князя Михаила Александровича тверского, и князь Михайло того ради поиде в Литву»*⁴⁵. Московская попытка отнять Тверь у в. к. Михаила и восстановить тверское великое княжение Василия Михайловича Кашинского не удалась, Тверь отбилась от нападения московской и кашинской рати, а осенью вернулся из Литвы Михаил Александрович с литовской помощью и добился мира с в. к. Дмитрием и дядей своим Василием. Но великокняжеское правительство ему не доверяло и сделало попытку захватить его в свои руки, *«зазвав любовию к себе на Москву»*⁴⁶, а когда захват не удался, двинуло на Тверь войска, перед которыми Михаилу пришлось снова бежать в Литву. Ольгерд поднялся на защиту шурина с большим литовским войском, полками тверскими и смоленскими, быстрым походом захватил в. к. Дмитрия врасплох, разбил сторожевой его полк и появился под Москвой раньше, чем успела собраться ратная сила великого княжества. Московские князья выдержали осаду, но пришлось в. к. Дмитрию пойти на уступки Михаилу тверскому⁴⁷. «Посяганье» на Тверь вело к борьбе с Литвой, и в. к. Дмитрий решился на наступательные действия. Его войска воевали смоленские волости, ходили под Брянск. Великокняжеское правительство убедилось, что поход Ольгерда под Москву в 1368 г. был только устрашающим набегом, что занятый на юге и западе литовский великий князь не сосредоточил на восточных пределах силы, достаточной для решительной борьбы с Москвой, и снова сделало попытку смирить тверского князя. Недавний уступчивый мир с Тверью расторгнут⁴⁸, на Тверскую землю двинулись великокняжеские войска, в. к. Михаил снова ушел в Литву. В сентябре 1370 года в. к. Дмитрий сам двинулся на Тверь «со многою силою», взял Зубцов и Микулин, вотчинный город тверского великого князя, и «смирил тверичь до зела»⁴⁹.

В Вильне, надо полагать, сложился широкий план решительной борьбы с Москвой, осуществлению которого в. к. Михаил Александрович посвящает все свои силы в ближайшие годы. Сила Золотой Орды стала в эту пору выходить из состояния анархии под властной рукой Мамаю. Михаил отправился из Литвы к Мамаю, получил в Орде ярлык на Владимирское великое княжение и с ханским послом поехал на Русь. Однако в. к. Дмитрий поставил заставы на всех путях, и только предупреждение, по-

лученное Михаилом от доброхотов из Руси, избавило его от пленения⁵⁰. Пришлось снова уходить в Литву, где Ольгерд собирался в поход против Дмитрия. Неудача Михаила не остановила этого похода; Ольгерд вновь дошел до Москвы, но сбор великорусской рати с Владимиром Андреевичем во главе и рязанской помощью свел дело к заключению перемирия и переговорам о «вечном мире»; перемирие с в. к. Дмитрием заключил и Михаил тверской. Эта новая неудача не сломила его энергии. Он снова едет в Орду, чтобы повторить попытку занять с помощью ханского ярлыка и ханского посла великое княжение.

На этот раз он вернулся в Тверь с ярлыком и послом Сарыхожей и отсюда пытался занять стольный Владимир, но в. к. Дмитрий принял свои меры – привел бояр и черных людей к крестному целованию на том, что они не передадутся на сторону Михаила и не пустят его на Владимирское великое княжение, а ханского посла перекупил богатыми дарами на свою сторону. Михаил оказался изолированным. Литовский великий князь возобновил и продолжил перемирие с Москвой, вел переговоры о «вечном мире» и союзе свойства с московским княжеским домом. Поездка в. к. Дмитрия в Орду вернула ему ярлык на великое княжение; Михаилу отказано в дальнейшей татарской поддержке⁵¹. Однако крайняя трудность положения словно удвоила усилия Михаила. Он, видимо, пытается фактически овладеть великим княжеством в том расчете, что успех сломит колебания Ольгерда и восстановит их союз против Москвы. Михаил успел занять несколько городов великого княжества – Кострому, Углич, Мологу, Бежецкий Верх – и посадить там своих наместников, добился, хоть и условного, признания в Великом Новгороде⁵².

Все эти успехи не дали прочного результата. В. к. Дмитрий подготовил пока в Орде тяжелый удар сопернику. Настойчиво укрепляя свое положение на Руси, Михаил послал в Орду для поддержки там своих интересов сына Ивана. Но в. к. Дмитрий использовал большую задолженность тверского князя по обязательствам и посулам в Орде, чтобы «окупить в долгу» княжича Ивана и добиться его выдачи в свои руки. Он вернулся на Русь с большим торжеством, *«с многою честью и с пожалованием опять на великое княжение»*, а пленника своего держал заложником. Русские противники были ему не страшны без татарской и литовской помощи. Разрыв с Рязанью был быстро ликвидирован поражением рязанцев у Скорнищева, бегством князя Олега и водворением на Рязанском княжении Владимира пронского; правда, в. к. Олег вернул себе княжение вскоре после ухода великокняжеского войска с Рязани, но устранился от дальнейшей борьбы против Москвы. С Михаилом было труднее; он снова нашел литовскую поддержку, наводил литовских князей на Переяславль, Дмитров и Кашин, привел в свою волю кашинского

князя Василия, который было опять перекинулся на московскую сторону. Потерял он и Новгород, который не стал держать его наместников, раз князь потерял ярлык на великое княжение. Михаил с той же литовской ратью овладел зато Торжком, но его наместники сосланы с Торжка новгородцами. Михаил ответил походом на Торжок и полным разгромом этого города. Сильная литовская поддержка Михаилу могла бы поставить в к. Дмитрия в крайне опасное положение. Она, казалось, и появилась на Руси, когда прибыл «со многою силою» в. к. Ольгерд. Но неудачный для него бой под Любутском в июне 1372 года⁵³ привел к отказу Ольгерда от дальнейших военных действий и новому его миру с Москвой⁵⁴. Великому князю Дмитрию удалось окончательно отделить внешние дела Великороссии – отношение к Орде и Литве – от борьбы с тверским князем. Впрочем, татарские отношения этой поры были слишком напряжены и запутаны, чтобы соглашение оказалось устойчивым. Главное значение событий 1372 года в ликвидации литовской войны и лишении Михаила тверского литовской поддержки.

Сила и внимание великорусской великокняжеской власти сосредоточены в ближайшие годы на татарских делах. Почти непрерывная тревога держит в жутком напряжении Нижегородскую и Рязанскую уклады Великороссии, которые не в силах выдержать оборону без поддержки великорусского центра. Великокняжеское правительство выдвигает время от времени войска на линию Оки и за Оку, «*стерегаяся рати татарския*», посылает ратную помощь Нижнему Новгороду; постепенно назревает решительное столкновение его с татарским миром, разрешившееся боем на Куликовом поле.

Михаил тверской, потеряв главную опору в союзе с Литвой, вынужден, на время, замкнуться в своих тверских пределах. Он усиливает укрепления Твери, мирится с в. к. Дмитрием; выкупает сына из московского плена, отзывает наместников с городов великого княжения, где они еще держались, и вступает с великим князем в мирное докончание⁵⁵. Но это докончание, условий которого мы не знаем, оказалось только перемирием. В. к. Михаил пытается еще раз использовать трудное положение великокняжеской власти, чтобы нанести в. к. Дмитрию новый удар. Теперь его надежда на вражду, все нараставшую между Москвой и Мамаевой Ордой. В июле 1375 г. московский отъезчик Некомат снова вывез в. к. Михаилу из Орды ярлык на Владимирское великое княжение и ханского посла – в поддержку ханского пожалования. Михаил тотчас «сложил крестное целование» к в. к. Дмитрию, послал своих наместников в Торжок, свою рать на Углич. Но этим он навлек на себя конечную беду. В. к. Дмитрий поднял на Тверь всю Великороссию, всех князей низовской земли, новгородские полки, даже кашинское ополчение. А расчет Михаила

на татарскую и литовскую помощь оказался ошибочным⁵⁶. Пришлось ему искать мира и согласиться на договорное окончание, которым закреплено полное крушение его многолетней борьбы. В договоре этом Михаил Александрович признал себя великому князю Дмитрию «братом младшим»⁵⁷, равным князю Владимиру Андреевичу, подчинился требованиям подчиненного одиначества с великим князем, отказался от всяких притязаний на великое княжение и на Новгород Великий за себя и за всех тверских князей, признал независимость Кашина, подчинил великокняжеской политике свои татарские и литовские отношения; словом, условия этого договора только тем отличаются положение тверского великого князя в составе великорусского великого княжества от положения московского удельного князя, что спорные дела между двумя великими князьями идут, если их бояре не придут к соглашению на съезде, так же как и разногласия в «общем суде» по делам между тверичами и великокняжескими людьми, на третейское разрешение рязанского великого князя Олега. Рядом с в. к. Дмитрием введена в этот договор с Тверью и его вотчина Великий Новгород, и новгородско-тверские отношения регулируются в этом же договоре, а не особой грамотой. Тверским владениям Михаила Александровича противопоставлена территория великокняжеской вотчины Москвы, всего великого княжения и Новгорода Великого. В этом своеобразная двойственность политической структуры договора. Тверской великий князь еще недавно, в договоре в. к. Дмитрия с литовскими послами 1371 года, писался «в имени» великого князя Ольгерда, а теперь вынужден сложить к Ольгерду свое крестное целование и признать свою органическую принадлежность к великорусскому великому княжеству, в составе которого занимает он положение, близкое к положению серпуховского удельного князя, равного ему в княжеском братстве и подчинении великокняжескому старейшинству. Но живой, реальной остается еще политическая обособленность Тверского великого княжества, «государства тверского», как будут говорить позднее. Договор 1375 года, скорее, только подготавливал и намечал, как задачу будущего, прочное восстановление связи Тверского великого княжества с великорусским великим княжением, как части с целым, чем его осуществлял. Но принципиальная постановка требования такой связи была крупным шагом в деле территориально-политического самоопределения Великороссии, постепенно определявшей свой национально-политический состав⁵⁸.

IV

В тяжкую годину напряженной внешней и внутренней борьбы великорусская великокняжеская власть нашла в митрополите

Алексее энергичного и даровитого руководителя. Алексей явился на митрополичьей кафедре прямым продолжателем деятельности св. Петра и Феогноста, углубляя связь церковно-политической работы митрополии с великокняжеской политикой московских князей. Эта связь получила при нем особенно яркую окраску, благодаря особенностям его положения, которое греки так изображали (очевидно, по сообщению московских послов): в. к. Иван Иванович *«перед своей смертью не только оставил на попечение этому митрополиту своего сына, нынешнего великого князя всея Руси Дмитрия, но и поручил ему управление и охрану всего княжества, не доверяя никому другому, ввиду множества врагов внешних, готовых к нападению со всех сторон, и внутренних, которые завидовали его власти и искали удобного времени захватить ее»*⁵⁹. Традиции владимирского митрополичьего двора, сложившиеся еще во времена митр. Максима, окрепли и определились в духе московской политики, когда на митрополию вступил питомец московского княжого двора и его боярской среды и воспитанник митр. Феогноста. Личный отпечаток, наложенный на деятельность митр. Алексея его *«стараниями сохранить (вверенное ему) дитя и удержать за ним страну и власть»*⁶⁰, придал лишь больше цельности осуществлению ее принципиальной основы – борьбы за *«приведение к единству власти мирской»*⁶¹ в связи с защитой единства русской митрополии. А такая связь задач светской власти с церковно-политическими задачами митрополии расширяла в значительной мере кругозор великокняжеского правительства и содействовала освящению ее политики особой идеологией. Митр. Алексею пришлось в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов XIV века вести параллельно с делами, разыгрывавшимися на Руси, принципиальную борьбу с литовским врагом на византийской почве. В 1370 и 1371 гг. между Русью и Константинополем шла оживленная переписка, в которой митр. Алексей проводил весьма настойчиво определенную тенденцию, исторически потому существенную, что за ней была значительная будущность в истории московских политических теорий и воззрений.

Тенденция эта родилась в полемике, самозащите и нападении. Двойственный характер деятельности митр. Алексея – политического деятеля и церковного иерарха – не могла не вызывать многих нареканий, тем более что иерархическая власть служила в его руках интересам светской политики, как, например, в недавнем нижегородском деле. По смерти литовского митрополита Романа (в конце 1361 г.) митр. Алексей достиг воссоединения митрополии Киевской и всея Руси⁶². Политический вес его церковного авторитета получил сугубое значение не только для внутренних дел северной Руси, но и для ее западнорусских отношений. И митрополит Алексей сумел не только преодолеть

первоначальное недоверие патриархии, каким сопровождалось его поставление на митрополию, но и приобрести значительное влияние на нее. Он внушил патриарху Филофею уверенность, что высокое и властное положение русского митрополита отвечает интересам патриархии; патриарх оказывает решительную поддержку этому положению, лишь настаивая на том, что в нем – отражение священного авторитета вселенского патриарха: *«Митрополит, мною поставленный, – носит образ Божий и находится у вас вместо меня, так что всякий, повинующийся ему и желающий оказывать ему любовь, честь и послушание, повинуетя Богу и нашей мерности, и честь, ему воздаваемая, переходит ко мне, а через меня прямо к самому Богу»*. Поэтому за действиями митрополита опора во всем авторитете патриаршей власти: *«кого митрополит благословит и возлюбит за что либо хорошее – за благочестие и за послушание – того и я имею благословенным и Бог также; напротив, на кого он прогневается и наложит запрещение, и я также»*⁶³. Такая готовность патриарха поддержать действия митрополита всею силой своего авторитета получала совсем исключительное значение в связи с тем, что митрополичье благословение и запрещение стали на Руси немаловажным орудием политической борьбы. В грамоте к Алексею патриарх, выражая ему «любовь особенную и доверенность отменную», поощряет его обращением патриархии не только о церковных потребностях, но и по государственным делам, так как, по мысли патриарха, «великий и многочисленный народ», который имеет Алексея «общим отцом, учителем и посредником перед Богом» и «весь зависит» от него, требует «великого попечения». До нас не дошли грамоты, с какими обращались к патриарху в. к. Дмитрий и митр. Алексей по государственным делам⁶⁴, но содержание этого обращения указано в патриаршей грамоте: митрополит и великий князь писали ему о русских князьях, нарушивших свои клятвы и мирные условия.

Недавно закончилась борьба митр. Алексея и в. к. Дмитрия за великое княжение Владимирское и всея Руси, закончилась приведением «в свою волю» великого князя – князей суздальского, ростовского, стародубского, галицкого, белозерского. Шла борьба с Ольгердом, к которому примкнули смоленский князь Святослав Иванович и тверской Михаил Александрович; приходилось признать князя смоленского «одним человеком» с в. к. Ольгердом, а тверского князя писать «в имени» великого князя литовского⁶⁵. Назревало новое столкновение с Рязанью.

Великокняжеское правительство, руководимое митр. Алексеем, стремилось наполнить реальным политическим содержанием традиционное старейшинство великих князей «всея Руси» – «привести к единству власть мирскую». Местные княжеские вла-

сти и, по крайней мере, часть русского общества воспринимали эту тенденцию, как «посяганье» на обычную старину и пошлину, но возможна была ее защита, как укрепление подлинного одиначества русских князей «в любви и докончаньи» под главенством великого князя всея Руси. Очевидно, что в писаниях к патриарху великий князь и митрополит выступали защитниками союза князей в подчиненном великокняжеской власти их братском одиначестве, которое закреплено договорными докончаниями и взаимным крестоцелованием, от непокорных нарушителей. Патриарх откликнулся, кроме ответных грамот великому князю и митрополиту, двумя другими грамотами, которые обращены ко всем русским князьям, так сказать – циркулярно. Одна из них призывала князей Русской земли в общих выражениях к оказанию подобающего уважения, почтения, послушания и благопокорения митрополиту как представителю патриаршей пастырской власти, заместителю самого патриарха, «отцу и учителю душ». Другая же делает из всех этих предпосылок практический вывод и дает им политическое применение. Патриарх усвоил точку зрения великокняжеского правительства на обязательное княжое одиначество всех князей Русской земли, скрепленное договором, «страшными клятвами и целованием честного и животворящего креста», однако в той специальной окраске и в том специальном применении, какое, очевидно, было ему подсказано московским освещением русских дел и отношений. Содержание и цель союза всех русских князей под главенством великого князя всея Руси в дружной борьбе против «врагов креста», чуждых нашей вере и «безбожно поклоняющихся огню», т. е. Литвы. Война в. к. Дмитрия с Ольгердом представлена в патриаршей грамоте самоотверженной борьбой за христианского Бога, исполнением обязанности «воевать за Него и поражать врагов Его». Но среди русских князей нашлись такие «презрители и нарушители заповедей Божиих и своих клятв и обещаний», которые соединились с «нечестивым» Ольгердом против великого князя Дмитрия. За это, сообщает патриаршая грамота, митрополит наложил на них отлучение от церкви, и патриарх не только подтверждает это отлучение, «так как они действовали против христианского общежития», но требует, чтобы отлученные князья заслужили прощение митрополита и примирение с Церковью общим ополчением, вместе с великим князем, на «врагов креста» – великого князя Ольгерда и литовцев⁶⁶. По этой общей грамоте составлена и особая – смоленскому князю Святославу Ивановичу, которая внушает ему, что его союз с Ольгердом против в. к. Дмитрия есть «тяжкий грех против своей веры и своего христианства», и призывает его к искреннему покаянию и исправлению перед митрополитом⁶⁷.

Византийская школа усвоена митр. Алексеем и использована им. Идея «священной христианской политики», против которой, по словам патриаршей грамоты, князья союзники Ольгерда так тяжко согрешили, что заслужили отлучение, использована для освящения московской политики: православная Русь – часть этого политического организма Церкви, власть великого князя всея Руси и русского митрополита – органы его устройства и защиты.

Что источник всего идейного содержания грамот патр. Филофея, поскольку оно тут применено к русским делам, в грамотах и внушениях митр. Алексея, ясно из того перелома в отношении патриарха к русскому митрополиту, какой произошел в ближайшее время.

Выступление патр. Филофея против князей, союзников Ольгерда, вызвало резкую отповедь литовского великого князя⁶⁸. Обвинениям, какие выдвинул против него митр. Алексей, Ольгерд противопоставляет обвинение великорусского великокняжеского правительства в нарушении мира, скрепленного крестным целованием, предательском захвате его шурина тверского великого князя Михаила, отнятии владений у его зятя Бориса нижегородского, нападении на другого его зятя, новосильского князя; Ольгерд обвиняет митрополита в том, что тот «благословляет москвитян на пролитие крови», а слуг литовского великого князя, которые нарушили крестное целование и перешли на московскую сторону, как князья козельский и вяземский, освобождает от данной и нарушенной клятвы; упрекает Ольгерд и патриарха за то, что делает это Алексей с патриаршего благословения. Общей тенденции патриарших грамот грамота Ольгерда противопоставляет утверждение, что митрополиту следовало бы благословить москвитян на помощь Литве в войне с немцами. А заканчивает жалобой, что западная Русь заброшена митрополитом, и требует от патриарха поставления для нее другого митрополита «на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород»⁶⁹.

Еще существеннее для патриархии были протесты против сохранения исконного единства русской митрополии с другой стороны. Польский король Казимир обратился, в ту же пору, к патриарху с требованием поставить особого митрополита на Галицкую митрополию, так как «Малая Россия», состоящая под властью польского короля, «гибнет ныне без закона», и добавил угрозу, что отказ заставит его «крестить русских в латинскую веру»⁷⁰.

Прибыло в Константинополь и посольство от тверского великого князя Михаила с жалобами на митр. Алексея и требованием суда над ним. Митрополичье отлучение поразило и в. к. Михаила и его братью, тверских князей, и епископа тверского Василия⁷¹.

Политическая борьба на Руси чрезмерно подчиняла себе церковные отношения; митр. Алексей отождествил верность Церкви с верностью крестоцеловальному признанию власти в. к. Дмитрия.

Перед патриархом раскрылась такая связь и западнорусской, и великорусской политики Москвы с церковными отношениями русской митрополии, которая и его сделала орудием этой политики. А подобная роль грозила компрометировать патриарший авторитет не только в Литовско-русском государстве, но и во всей сфере литовского влияния, не говоря уже об угрозе польского короля разорвать связи его русских владений с восточной церковью.

Патр. Филофей в мае 1371 года утвердил соборное деяние о поставлении на галицкую митрополию королевского кандидата еп. Антония с передачей в его управление владимирской, перемышльской, туровской и холмской епархий, т. е. владений польского короля, а затем – в августе – обратился к митр. Алексею с посланием, где сообщал о поступивших на него обвинениях: митрополит «утвердился на одном месте», а «все прочия оставил без пастырского руководства, без учения и без духовного надзора» – не посещал Малороссии в течение ряда лет⁷². Осудил патриарх в «соблазнительные раздоры с тверским князем Михаилом»⁷³. Патриарх сообщал митрополиту о назначении Антония на малорусскую митрополию и звал его на суд – либо лично, либо через присланных в Константинополь митрополичьих бояр⁷⁴. Решившись на такой шаг, патриарх действовал, однако, с большей осторожностью, избегая столкновения с обеими сторонами и подчинения своих действий одной из них⁷⁵; его грамоты митр. Алексею излагают обвинение в тоне самооправдания патриарха, а суд, которому и срок был назначен, в конце концов не состоялся. В Москве не приняли формального патриаршего суда, а ход событий привел к крушению литовского и тверского натиска на московско-владимирское великое княжение. По-видимому, сообщение патриаршего посла⁷⁶, отправленного на Русь к митрополиту, выяснили патриарху реальное соотношение борющихся сил, с которым приходилось считаться. Патриарх круто меняет тон, не настаивает больше на явке сторон к суду, а посылает митр. Алексею и в. к. Михаилу грамоты, призывающие их к примирению, предлагает даже посредничество между ними своего посла-представителя, пребывавшего у митрополита на Руси в. к. Михаил получает теперь прямой совет просить у митрополита прощения и строгое внушение о хранении крестного целования. Патриархии пришлось удовлетворяться новыми объяснениями и оправданиями митр. Алексея, который опровергал обвинения польского короля и литовского великого князя – указанием на непреклонную вражду Ольгерда, которая лишала его возможности лично посещать Киев и запад-

ные епархии, а источником имела защиту Великороссии от стремления Ольгерда «приобрести себе власть и в Великой Руси»⁷⁷.

Патриарх отступил – на время. Но его отношение к деятельности митр. Алексея в корне иное. Он и теперь настойчиво ставит Алексею на вид, что тот посвящен в митрополиты «не одной какой либо части по всей Руси» и обязан относиться ко всем князьям Русской земли с равной пастырской любовью, а не так, чтобы «одних из них любить, как своих сынов», а других нет; так же, с полным беспристрастием между Москвой и Литвой призывает патриарх Алексея относиться к обоим великим князьям, примириться с Ольгердом, чтобы открыть себе доступ к попечению о западнорусской церкви и «христоименитом народе господнем», который состоит под властью литовского великого князя⁷⁸. Не только из западной Руси, но также из Византии подымались веяния, противные превращению Киевской митрополии и всея Руси в национальное великорусское учреждение, опору великорусской великокняжеской власти и орудие ее мирской политики. Эти веяния восторжествуют при преемниках Алексея в связи с общим ходом политической жизни Восточной Европы, до тех пор, когда окончательная победа национального характера русской церкви и ее митрополии не закрепится канонизацией памяти св. Алексея по почину восприемника его заветов митр. Ионы.

«Вечный мир» между великими князьями Ольгердом и Дмитрием и мирное докончание с Дмитрием тверского великого князя, казалось, должны были завершить весь этот церковно-политический эпизод. Однако в. к. Ольгерд не мог примириться с положением русской церкви в подвластных ему землях, и дело об отношении митр. Алексея к западнорусским епархиям вскоре поднялось с новой силой при обстоятельствах, которые указаны в наших источниках только весьма глухими намеками. По-видимому, Ольгерд использовал ту постановку вопроса, какую находим в примирительных грамотах патр. Филофея для предъявления Алексею решительных требований: прибыть в Киев на постоянное пребывание или согласиться на избрание для киевской митрополии особого пастыря⁷⁹. Отказ митр. Алексея дал повод для новых жалоб и домогательств при патриаршем дворе. Патр. Филофей отправил на Русь доверенного инока Киприана для расследования дела на месте. Противоречивые показания позднейших деяний патриаршего собора до крайности затрудняют не только правильное освещение, но и фактическое представление того, что затем произошло.

Прежний представитель патр. Филофея на Руси – Иоанн Докиан – поехал в Москву, а там, по-видимому, легко поддался влиянию митр. Алексея. Теперь патриарший легат едет на Литву и оттуда ведет сношения с митр. Алексеем. Западнорусские кня-

зья отправили, по его почину, послов к митрополиту, обещая прекратить раздоры и признавать его своим пастырем, а Киприан убедил Алексея приехать в Киев. Но сборы митрополита в эту поездку были прерваны и сама поездка не состоялась после свидания митрополита с литовским послом, так как Алексей «патриаршие наставления и упомянутого посла признал враждебными себе и совершенно отказался от поездки к ним»⁸⁰. Тогда поднялись с новой силой жалобы и обвинения против митр. Алексея с целью добиться поставления особого митрополита на Киев. Западнорусские князья, с в. к. Ольгердом во главе, решили не принимать митр. Алексея, если бы он и захотел приехать в Киев, и послали патриарху грамоту о поставлении им другого архиерея. Кандидат был у них приемлемый для Византии – Киприан. Мотивировка ходатайства должна была, конечно, содержать ряд обвинений против митр. Алексея⁸¹, для этого предыдущая переписка накопила достаточный материал. Политическая невозможность согласовать деятельность митр. Алексея с его призванием, как митрополита «всех Русии», была слишком очевидна. Патриархия уступила настояниям светских властей Литовско-русского государства, и 2 декабря 1375 года Киприан посвящен на Киевскую и Литовскую митрополию⁸². Но поставление это не означало разделения митрополии на две особые: патриархия подтвердила, что на Руси должен быть один митрополит, как требуется «и правом, и пользой, и обычаем», а чтобы такое «древнее устройство сохранилось и на будущее время» постановила, что митр. Киприан получит после кончины митр. Алексея всю русскую митрополию⁸³.

Эти постановления весьма характерны. Патриаршая власть подлинно дорожит единством русской митрополии: в этом единстве нужная для интересов патриархии гарантия против решительной национализации русской церкви и ее подчинения светским властям великорусского и литовского великих княжеств. Митрополит всея Руси, равно относящийся к политическим интересам Москвы и Литвы, а потому более независимый в своей церковно-политической деятельности от местных светских властей, представлялся патриаршей власти лучшей опорой ее «вселенского» авторитета. И Константинополь сумел провести на русскую митрополию людей, которые пойдут не по стопам митр. Алексея, а по тому пути компромисса между московско-владимирской митрополией и ее значением как «Киевской и всея Русии», какой был предуказан еще в последних грамотах патриарха Филофея.

Политические обстоятельства Восточной Европы за полстолетия – в последних десятилетиях XIV и первых XV века – создали условия, благоприятные для такого отклонения северной митрополии от традиции, сложившейся при первых ее представи-

телях. Этот перелом вызвал тяжкую церковную смуту, которая разыгралась после кончины митр. Алексея (умер 12 февраля 1378 г.), а определился в общих условиях политической жизни Великороссии, созданных после смерти Ольгерда (1377 г.) и митр. Алексея, началом прямой борьбы Великороссии с татарщиной, возвышением и политикой Витовта.

V

Предыдущие страницы имели задачей несколько выяснить крупное значение митр. Алексея в постепенном развитии национально-политической идеологии из тех скромных ее зачатков, какие заложены в построении митрополичьего «общерусского» летописного свода начала XIV века. Попытка осмыслить задачи текущей политической борьбы средневековой теорией «христианского общежития» и войны с «врагами креста», осветить ею сложившиеся отношения и тенденциозно ее использовать для интересов великорусской великокняжеской власти – практически сорвалась после временного успеха, но оставила глубокий след в дальнейшем ходе московской публицистической мысли. Она имела на русской почве слишком глубокие корни, чтобы пройти бесследно. Борьба с Литвой, столь обострившаяся с конца шестидесятых годов XIV века, принимала в настроении русских людей все более определенный характер национальной борьбы и получила в грамотах митр. Алексея вероисповедную окраску, которая углубляла боевое настроение великокняжеской политики и подводила под притязания великокняжеской власти на руководство судьбами Великороссии широкое принципиально-идейное основание. Круг представлений, в ряд которых вводилась эта борьба подобной идеологией, выводил великокняжескую политику на историческую сцену, значительно более широкую, чем пределы великорусского политического мирка, и, что для данного момента было особенно существенно, ставил перед западнорусским православным обществом острый вопрос, где ему видеть центр своей национальной жизни – в Литве или в Москве. Конечно, нет и повода говорить о сознательной, отчетливой постановке такого вопроса в сколько-нибудь общей форме. Но ряд характерных фактов истории отношений между Литовско-русским государством и Великороссией свидетельствует о таких колебаниях западнорусских политических сил между Москвой и Литвой, которые делают и для данного времени понятным позднейшее предостережение Казимира, короля польского и великого князя литовского, своей литовской раде, чтобы она поменьше рассчитывала на русских Литовско-русского государства, так как должна сознавать, насколько те враждебны литвинам и готовы содейство-

вать не столько победе литовцев, сколько их гибели, в случае войны с Москвой⁸⁴.

Исход семидесятых годов – после смерти Ольгерда – принес Литовскому великому княжеству время смут и внутреннего ослабления. В среде литовских князей возникли крупные раздоры из-за передачи Ольгердом ядра своих владений – Виленской области и белорусских земель – сыновьям от второй жены, Ягайлу с братьями, а с Виленским столом и связанного с ним старейшинства в князьях Гедиминова рода. Старшие Гедиминовичи поднялись на Ягайло. Андрей Ольгердович, бывший псковский князь от руки Ольгерда, ушел из Полоцка во Псков, и псковичи приняли его на княжение по крестоцелованию; но на этот раз князь Андрей поехал из Пскова к в. к. Дмитрию Ивановичу на Москву и тот «принял его в любовь»⁸⁵. Несколько лет княжил Андрей во Пскове подручником великорусского великого князя. Расчет на союзников среди литовских князей поднял в. к. Дмитрия на войну. В 1379 г. его полки идут с князьями Владимиром Андреевичем и Андреем Ольгердовичем на Северскую землю, а князь Дмитрий Ольгердович «не ста противу на бой», но выехал из своего Трубчевска с семьей и боярами и поехал в Москву, где был принят «с любовью» и получил в держание Переяславль «со всеми пошлинами»⁸⁶. Обруселые литовские князья искали в Москве опоры для возврата своих княжений, рассчитывали на великорусскую помощь в борьбе с Ягайлом. Но ожидание, что поход 1379 года станет началом большой войны на западной границе, не оправдалось. Накопившаяся с начала семидесятых годов гроза нового татарского нашествия готова была разразиться, и задачи ее отражения поглотили русские силы. Но положение на западе оставалось весьма напряженным. Оно было одинаково опасным для обеих сторон. Вынужденный мир Твери с в. к. Дмитрием не мог не внушать опасений, что его сила и значение только и держатся, пока новый подъем борьбы не даст в. к. Михаилу Александровичу повода вырваться из условий Договора 1375 года; с Новгородом у Дмитрия было «розмирье», которое ликвидировано только в начале 1380 г.⁸⁷ А Рязанская и Нижегородская украины – подавлены рядом татарских нападений⁸⁸. В. к. Дмитрий Иванович не владел в конце семидесятых годов всеми силами Великороссии, и только внутреннее ослабление Литовского великого княжества не только спасало его от обострения литовской опасности, но дало ему существенную поддержку части литовско-русских князей в момент столкновения с Мамаем. С другой стороны, переход двух Ольгердовичей на московскую сторону должен был тревожить Ягайла, как проявление характерного колебания между Москвой и Литвой всей Чернигово-северской украины. Если припомнить, что враждебен Ягайлу был и другой Дмитрий Ольгердович – Корибут новгород-север-

ский, что его великокняжеская власть не была признана волинским князем Любартом Гедиминовичем и подольскими Кориатовичами, понятна будет значительность московской опасности для в. к. Ягайла. В годину внутренних раздоров за русскими восточными областями Литовского государства стояло великорусское великое княжество, готовое, по мере сил, на поддержку всех элементов, недовольных виленской властью, и к захвату владений, которые старой традицией связаны с великим княжением всея Руси.

Внутренние отношения обоих великих княжеств тесно сплетались с их внешним соперничеством и застарелой враждой; московско-литовская борьба неразрывно связана с собственной работой каждого из них над внутренним политическим строительством, что и делало эту борьбу тяжким, но неизбежным фактором их территориального и национального самоопределения. Сложными нитями сплеталась эта борьба и с отношениями к татарам. Общий враг не объединил против себя усилий великих княжеств литовского и великорусского. В былое время «русский улус» татарских ханов находил, по временам, поддержку и защиту от Литвы в татарской силе. Теперь назрела борьба между Русью и Ордой. Почти непрерывные смуты, пережитые Золотой Ордой, подорвали ее властное положение и создали в татарском мире анархию, которая тяжело отразилась на великорусских окраинах и заставила великокняжескую власть стать в боевое оборонительное положение и собраться с силами для организации защиты Великороссии от хищнических набегов. Великокняжеское войско поддерживает нижегородскую оборону и наступление в Поволожье, ведет оборону по линии Оки. Ряд столкновений с татарской силой вел неизбежно к более опасному разрыву с Золотой Ордой. В ордынской замятне росло с начала шестидесятых годов значение темника Мамаю. В «Мамаевой Орде» получал тверской в. к. Михаил ярлык на Владимирское великое княжение; «Мамаевы татары» громили земли Рязанскую и Нижегородскую. Распоряжаясь ханским престолом, темник Мамай правил Ордой, пока сам не стал полновластным ханом. Но смуты и в Орде и на Руси долго не давали ему возможности установить определенные и властные отношения к русскому улусу. Когда в. к. Дмитрий в 1371 году ездил к «царю Мамаеву» в «орду Мамаеву» и почтил дарами и покорностью «князя Мамаю и царя и царицы и князи», он получил ярлык на великое княжение на льготных, умеренных условиях. Окрепши в своей силе и власти, хан Мамай был недоволен «выходом», какой был установлен его dokonчанием с в. к. Дмитрием, «как ряд был с ним»⁸⁹, да и эту дань едва ли он получал после 1373 года, когда в. к. Дмитрию удалось разорвать союз Твери с Ордой и Литвой. Из года в год идут указания на «розмирье» Руси с Мамаем⁹⁰, раз-

разившееся, наконец, боями на реке Воже и на Куликовом поле. После поражения князя Бегича на р. Воже стало неизбежным решительное столкновение; настал и удобный момент для новой попытки осуществить татарско-литовский союз против Москвы, намеченный еще Ольгердом. Хан Мамай собрал в поход ордынские силы, а сношения его с Ягайлом установили союзное выступление обоих врагов Москвы. К в. к. Дмитрию явились ханские послы, требуя восстановления прежнего размера татарского «выхода», какой был при ханах Узбеке и Джанибеке, взамен определенного позднейшим «докончанием». Но, надо полагать, борьба оружием была во время этих переговоров решенным делом, особенно со стороны врагов Москвы: и для Мамаю, и для Ягайла было существенно важно нанести ей решительный удар.

История событий, в центре которых стоит Куликовская битва, имела свою особую судьбу в памятниках письменности, которые для нас служат историческими источниками. Прочная основа их анализа положена этюдом А.А. Шахматова⁹¹. Надо признать с А.А. Шахматовым, что в основе наших сведений лежат сообщения трех источников: один – это повесть о Мамаевом побоище, составленная вскоре после самого события для прославления подвига в. к. Дмитрия и его рати; эта «Повесть» – составлена в Москве, «в среде, по замечанию А.А. Шахматова, духовной», и, можно добавить, той, что хранила заветы митр. Алексея, а центральной фигурой имела игумена Сергия, другой – запись, которую А.А. Шахматов называет «официальной реляцией о походе великого князя», составленная в среде служилого великокняжеского двора; а третий – «Слово о Мамаевом побоище», как назвал его А.А. Шахматов, возник, вероятно, при дворе серпуховского князя Владимира Андреевича, и прославил книжными словесами этого князя, братьев его жены князей Ольгердовичей и воеводу волынца Дмитрия Боброка. Элементы этих основных первоисточников, сплетенные между собой и осложненные позднейшими наслоениями книжнической работы – вставками, дополнениями, переделками, сохранились в текстах наших летописных сводов⁹².

По-видимому, настроение на Руси перед боем против Мамаю сложилось близкое к тому, какое охватило Элладу накануне Марафонской битвы: в возможность победы мало кто верил, и Дмитрию не удалось собрать всю великорусскую ратную силу для выступления на Куликово поле. Не было с ним ни новгородского ополчения, ни рати нижегородской, ни тверских полков; только риторическая переработка Повести о Мамаевом побоище, какую читаем в Никоновской летописи, приводит на Куликово поле тверскую «силу» с князем холмским Иваном Всеволодовичем⁹³ и псковичей с Андреем Ольгердовичем; оба эти сообщения не подтверждаются другими текстами, а трудно допус-

тить, чтобы участие Твери и Пскова в Куликовской битве прошло бесследно в основных записях о ней и в псковских летописях. Митрополита на Москве не было. Предание выдвинуло троицкого игумена Сергия в центр того духовного подъема, какой был необходим для ратного подвига в подобных условиях. Не даром митр. Алексей намечал Сергия себе в преемники. Пользуясь значительным общественным влиянием по силе личного духовного обаяния и авторитету старчества, игумен Сергей вышел, подобно Алексею, на духовное поприще из служилой среды, столь же близко стоял к великокняжескому двору, где брат его Стефан, а затем племянник Федор были духовниками великих князей и их старших бояр, и стал деятельным участником политики митрополита-правителя⁹⁴. Сергей уклонился от митрополии, но на нем должен был сосредоточиться церковный авторитет в годину церковной разрухи.

Другим центром боевой энергии данного момента предание выставляет братьев Ольгердовичей и серпуховского князя Владимира Андреевича. Как ни явно сказывается в памятниках письменности, касающихся Мамаева побоища, тенденция выдвинуть их роль возможно ярче, у нас нет оснований отказать этой тенденции в фактически верной основе, так как нет данных, которые можно бы ей противопоставить, а внутренняя вероятность говорит в ее пользу. Для Ольгердовичей разгром Дмитрия соединенными силами Мамаю и Ягайла был бы проигрышем их собственного дела; сверх того, Ольгердовичи принесли с собой в Москву свою боевую энергию и опытность и прочную традицию борьбы с татарами за русские земли, а также существенные сведения о положении дел в Литовско-русском государстве, которые должны были, с одной стороны, сильно уменьшить опасения перед выступлением Ягайла, а с другой, ускорить поход, пока не соединились литовские и татарские боевые силы. Ягайло оказался не в состоянии поспеть на это соединение с Мамаем, ввиду столкновения с дядей Кейстутом и смуты, потрясшей Литовское великое княжество, и от Одоева отступил обратно в Литву, где его ожидала упорная борьба с Кейстутом и Витовтом.

Победа русских войск на Куликовом поле сгубила Мамаю, но не создала какого-либо перелома в русско-татарских отношениях; не связан с ее последствиями и какой-либо перелом во внутренних отношениях Великороссии. Это не умаляет, однако, ее крупного исторического значения. Куликовская битва одно из тех событий, в которых и для современников и для потомства как бы символизируется та или иная основная, существенная черта данного исторического момента. Поэтому их оценка в памятниках письменности, в преданиях ближайших поколений и в конструкциях позднейших историков может не соответст-

говать подлинной значительности их реальных последствий; поэтому легко обрастают воспоминания о них легендами, продуктом отчасти возбужденного воображения, отчасти намеренной тенденции. Та роль, в которой выступил Дмитрий Донской на Куликовом поле, роль вождя Великороссии в национальной борьбе за независимость против иноземного ига и в религиозной войне за «христианство» против «нечестивых агарян» обрисовалась позднее в условной перспективе общественной памяти и книжной разработке «повестей о Мамаевом побоище». А в реально-жизненных своих основаниях это значение великорусской великокняжеской власти определилось в предыдущем десятилетии борьбы с Литовско-русским государством, с одной стороны, и обороны великорусских окраин от татарских нападений, с другой, и получило свое церковно-религиозное освещение в той идеологии, которая связана с именами митр. Алексея и троицкого игумена Сергия.

В этой борьбе на два фронта крепло объединение Великороссии. Накануне Куликовской битвы в. к. Дмитрию удалось порвать связи Твери с Литвой и Ордой, привести ее, как часть великорусского политического целого, к признанию своей великокняжеской власти. Еще теснее зависимость Нижегородского княжества от великорусского центра. После Куликовской битвы в течение ближайших лет и Рязань приходит к «вечному миру» с великим князем на условиях, близких к тем, какие приняты Тверью еще в 1375 году. Приравнение обоих «великих князей» – рязанского и тверского, как «младших братьев» великого князя всея Руси – к серпуховскому отчичу князю Владимиру получало особый смысл в ту пору, когда этот отчич, выделенный из московской «братской» семьи, из владельца уделом ее общей вотчины стал князем на своем вотчинном княжестве, а из соучастников в общей ее княжеской власти все более переходил в положение владетельного князя, подчиненного не столько старейшинству московского князя, сколько его великокняжеской власти. Духовная в. к. Дмитрия Ивановича своей попыткой применить начало вотчинной власти к великому княжению Владимирскому и всея Руси еще нагляднее выдвинула сложный смысл исторического момента, когда великорусская великокняжеская власть ищет в переработанных жизнью формах традиционного старейшинства и подчиненного ему братского одначества князей пути к организации на новых началах политического единства Великороссии. Эта постепенно нарастающая строительная работа великорусской великокняжеской власти развивалась под непрерывным давлением внешней опасности, будившей в Великороссии тягу к национальному единству ее сил и ее внутреннего строя.

Ближайшие последствия Куликовской битвы на время усилили, однако, и внешние, и внутренние условия, противодействовавшие росту великокняжеской власти в центре Великороссии. Настали трудные годы внешних испытаний, которые выясняли на деле непригодность традиционного внутреннего строя великорусских отношений для успешного разрешения тех политических задач, какие вытекали для великокняжеской власти из международного положения Великороссии. Нарастает острый кризис этого строя, разразившийся крупным потрясением во времена Василия Темного. Сила великокняжеской власти при Иване Калите, Симеоне и Дмитрии Донском покоилась, в значительной мере, на союзе с митрополией всея Руси и на одиначестве князей-вотчичей московского княжества. И оба эти устоя московской великокняжеской политики пережили на исходе XIV и в первой половине XV века тяжелое испытание.

ГЛАВА IX

Крушение удельно-вотчинного строя

I

В истории Великороссии период времени от кончины митр. Алексея и Куликовской битвы до длительной смуты, потрясшей великорусское великое княжество при Василии Темном, и ее ликвидации в середине XV века поддается с удобством общему рассмотрению по некоторому единству, в основных чертах, как отношений к татарам в эпоху разложения Золотой Орды при временных вспышках ее былой силы под рукой Тохтамыша или Едигея, и к Литве в эпоху Витовта, так и внутренних отношений церковных в эпоху отклонения русской митрополии от традиций митр. Алексея, и междукняжеских – в эпоху последних колебаний борьбы между тенденциями вотчинного распада и закрепления политического единства Великороссии.

Нет у нас данных для конкретного учета непосредственных следствий Куликовского боя. Настроение, с каким Великороссия ожидала этого испытания сил, не было, по-видимому, опровергнуто победой. Ожидали, что Мамай соберет «остаточную силу» и снова «изгоном» появится на Руси¹. Рязанская земля была в руках великокняжеских наместников, и Великороссия стояла лицом к лицу с татарским миром, ожидая мести и новой борьбы. Нежданный разгром Мамай Тохтатышем изменил положение. Явилась возможность переговоров. Новый владетельный хан Золотой Орды в ту же осень прислал своих послов к в. к. Дмитрию и ко всем русским князьям сообщить о своем воцарении. Все русские князья приняли ханских послов с почетом и в ближайшее время – в ту же зиму и весну – отправили к Тохтамышу своих киличеев с челобитьем, дарами и поминками. Отношения зависимости от Золотой Орды восстанавливались по общему решению князей, которые в начале ноября сплотились в тесный союз². Сквозь скудные известия летописных сводов приходится

угадывать, что русские князья, стремясь отклонить татарскую опасность³, принимали в то же время меры к обороне земли. Усилено наблюдение за движениями татар⁴, в. к. Дмитрий позднее, при вести о выступлении Тохтамыша, встретил разногласие в князьях, неодиначество и невероятство, что и его убедило в невозможности сопротивления хану⁵. Такие же разногласия должны были выясниться и на княжеском съезде 1380 года. Несмотря на первые мирные сношения, с обеих сторон не было уверенности в мирном исходе. Посол, отправленный Тохтамышем на Русь для вызова русских князей в Орду, не решился ехать дальше Нижнего Новгорода, отправил в Москву гонцов, а сам вернулся в Орду⁶. Известия о русских делах, какие он привез, не должны были быть успокоительны для ханской власти. Весь 1381 год прошел, а русские князья не решались явиться в Орду; в наших источниках нет указаний на причины столь неопределенных отношений, но среди ордынских князей должно было быть враждебное возбуждение против «русского улуса» за Мамаево побоище.

К осени 1382 года хан поднялся походом на Русь. Картинное изображение в летописном повествовании об этом походе тех мер, какие хан принимал, «дабы не было вести Руси», лишь подчеркивают силу сообщения о том, как «невероятство и неодиначество» русских князей сделали невозможной организацию сопротивления. В. к. Дмитрий уехал из Москвы в Переяславль, а оттуда мимо Ростова в Кострому; Москва брошена почти без защиты; ее оборону организует литовский князь Остей⁷; но и этот защитник пал жертвой татарского лукавства, поддавшись вызову на переговоры, Москва взята татарами и разграблена, а татарские отряды захватили и пограбили Переяславль, разнесли грабеж и пленение по волостям до Владимира и Звенигорода, Можайска, Дмитрова, Юрьева, Волока. Под Волоком князь Владимир Андреевич собрал войско и разбил татарский загон. По вестям о сборе русской ратной силы Тохтамыш отступил от Москвы и ушел в Орду, а по дороге взял Коломну и подверг разорению Рязанскую землю.

Последствия такого появления на Руси ордынской силы были весьма значительны. Оно раскрыло бессилие великорусского центра использовать Куликовскую победу, закрепить какие-либо ее результаты. Ценой серьезных уступок в пограничных спорах с Рязанью удалось после долгих переговоров и нового боевого столкновения заключить «вечный мир» с в. к. Олегом и скрепить его союзом свойства; но великое Рязанское княжество осталось самостоятельной политической единицей и повело свою татарскую и литовскую политику, помимо какого-либо руководства великорусской великокняжеской власти. Нижегородские князья принесли полную покорность Тохтамышу во время его похода

на Русь и в ближайшие годы зависят больше от непосредственной власти хана, чем от великого князя всея Руси.

Тверской великий князь Михаил Александрович прислал к Тохтамышу, когда тот под Москвой стоял, своего киличя со многими дарами, с покорностью и просьбой о защите Тверской земли от татарских грабежей и получил за то ханское пожалование и ярлыки⁸. Договор его с в. к. Дмитрием 1375 года падал сам собою; Михаил не замедлил вновь выступить претендентом на Владимирское великое княжение: вслед за Тохтамышем поехал в Орду «околицами, не прямыми», «таяся великого князя Дмитрия Ивановича», искать себе «великого княжения Владимирского и Новгородского». Поспешил в Орду и городецкий князь Борис Константинович⁹.

В. к. Дмитрий дождался ханского зова. Только по приезде в Москву Тохтамышева посла, который привез ему от хана речь о мире и «пожалование», послал он в Орду сына Василия – тягаться с Михаилом тверским о великом княжении. Целый год продержали Михаила в Орде, а затем отпустили на Тверь «без великого княжения». Тохтамыш великое княжение утвердил за Дмитрием¹⁰. Очевидно, хан усмотрел в раздоре соперников гарантию своего владычества; а княжичей – Александра Михайловича и Василия Дмитриевича – он удержал в Орде заложниками. И до конца своей жизни и княжения Дмитрий не выходил из покорности Орде; при дворе ханском ценили, что среди ближайших советников великого князя, во главе которых стоял боярин Федор Кошка, хранилась «добрая дума к Орде».

Казалось, что восстановлены старые отношения. В восьмидесятых и начале девяностых годов XIV века великий князь, вновь ханский «улусник», и одна из опор его власти, утверждение ее ханским ярлыком. Восстановление ордынских связей зависимости и ханского «пожалования» – условие, поясняющее «вечный мир» с Рязанью, изгнанию из Нижнего князя Бориса Константиновича с восстановлением зависимости Нижегородского княжества от великорусского центра, фактический мир Твери с Москвой в последние годы Дмитрия Донского¹¹. Те же колебания в силе великокняжеской власти отразились и на отношениях ее к Великому Новгороду. В начале восьмидесятых годов он предоставлен сам себе. И тотчас выступают на первый план его литовские связи; в 1383–1384 годах новгородцы держат на пригородах своих князя Патрикия Наримонтовича: те пригороды, что даны были князю Наримонту с детьми «в отчину и дедину» по договору Новгорода с Гедимино¹². Это не означало разрыва с великим княжеством, но показательно для потребности Новгорода в княжеской защите, какой не могли они получить от великого князя и потому искали, где найдут. А вскоре сказалась и другая сторона отношений Новгорода к великому княжению: не

получая достаточной обороны от великокняжеской власти, Новгород несет крупную долю в ее «проторях». Как только закончилась «тяжба» перед ханом о великом княжении, настало время дорогой расплаты: *«тое же весны бысть дань тяжела но всему княжению, всякому без отдатка, с всякие деревни по полтине, тогда же и златом даваша в Орду, а с Новагорода с Великого взя князь великой черный бор»*¹³. Новгородцы «дали» великому князю черный бор – общую дань, такую же, какую великий князь взял с великого княженья, но сбор его под руководством великокняжеских бояр не прошел гладко. За многими «залегла княжчина», встречены сборщики прямым сопротивлением¹⁴. Это привело к разрыву, зимнему походу великого князя Дмитрия на Новгород и к миру, который новгородцы оплатили крупной пеней за своих «винных людей», и завершением выплаты черного бора¹⁵.

Попытка отразить от Руси татарское нахождение, увенчанная Куликовской победой, не усилила великокняжеской власти, а временно ее ослабила. Только обновление ордынской зависимости и опоры этой власти в утверждении ее прав ханом Золотой Орды восстановило нарушенное равновесие внутренних отношений великорусского великого княжения. Равновесие – условное и весьма относительное. Наследие Калиты и Донского вступает на несколько десятилетий в период затяжного и тягостного кризиса.

В. к. Дмитрий умер в мае 1389 года. Благословляя сына Василия «своею отчиною великим княжением», он сделал попытку применить к великокняжескому стольному владению вотчинное начало – в уверенности, что Золотая Орда признает это право за его сыном. Той же осенью – 15 августа – состоялось во Владимире посажение на стол великого княжения в. к. Василия Дмитриевича ханским послом¹⁶. Временную размолвку юного великого князя с дядей Владимиром удалось быстро ликвидировать¹⁷.

В договоре с этим дядей упомянута возможность приобретения великим князем Мурوما и Торусы. Первым существенным действием великокняжеского правительства при новом князе было приобретение по ханским ярлыкам в прямое обладание Нижнего Новгорода, Городца, Мурوما, Мещеры и Торусы, т. е. всех основных пунктов обороны восточной окраины и наступления в юго-восточном направлении¹⁸. Этот шаг великокняжеской политики был, надо полагать, подготовлен еще при Дмитрии Донском и опирался на сложившиеся при нем отношения к ордынской власти хана Тохтамыша. Но раньше, чем удалось осуществить и укрепить приобретенные по ханским ярлыкам новые права, ближайшие годы принесли крутые перемены в положении всех дел Восточной Европы.

II

Эти крупные перемены, изменившие все условия великорусской великокняжеской политики, пришли и с Востока, и с Запада. Борьба с Тимуром и его ставленником Темир-Кутлуем сломала силу Тохтамыша. Его орда подверглась разгрому войск Тимура в 1395 г. Тохтамыш бежал в южную Русь под защиту Витовта, Золотая Орда под номинальной властью Темир-Кутлуя, на деле в руках князя Едигея¹⁹.

Удар, пережитый Тохтамышом, порвал сложившиеся московско-ордынские отношения. Эту перемену в Орде позднее объясняли сменой лиц в среде, окружавшей в. к. Василия. Действительно, в 1391 году скончался троицкий игумен Сергей, в 1392 – боярин Данило Феофанович; сошел со сцены и Федор Андреевич Кошка, чью «добрую думу и добрые дела к Орде» позднее поминал Едигей. Великого князя окружали новые люди, среди которых «старейшиной» почитался великокняжеский казначей И.О. Кошкин²⁰. В. к. Василий Дмитриевич не поехал в Орду к новому хану Темир-Кутлую, не ездил и к сменившему его в 1400 г. Шадибеку²¹. Сношения с Золотой Ордой прерваны на десять с лишним лет. Великорусское великое княжество втянуто в сферу политики Витовта.

Прочную основу сильному литовскому влиянию на московские правящие круги положило то значение, каким тут пользовались Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, близко связанные с серпуховским двором их зятя князя Владимира Андреевича. Правда, борьба против Ягайла, возгоравшаяся с новой силой, когда на него поднялся дядя Кейстут и занял Вильно (в 1381 г.), вызвала Андрея Ольгердовича в Полоцк, где он сумел удержаться и после победы Ягайла, чтобы затем подняться по главе русских элементов Литовского великого княжества восстание против Кревской унии Литвы с Польшей. Но в эти годы отсутствия он не потерял связи с Псковским княжением: тут за него князем наместником сидел сын его Иван; когда же неудача восстания привела к пленению Андрея Ягайлом, он – уже в начале 1394 года – получил свободу за поручительство Витовта, который добился власти над Литвой. Андрей вернулся во Псков и удержался тут на княжении, пока не порван союз великих князей Витовта и Василия, но затем, живой символ сложного сплетения судеб восточной и западной Руси, связанных этнографическим и культурно-религиозным родством, но политически раздельных и неизбежно-враждебных, теряет почву под ногами при первом их столкновении, уходит из Пскова к Витовту и гибнет в бою с татарами на реке Ворскле. Рядом с ним пал и брат его Дмитрий, который вернулся на Брянское

княжество, когда сложил крестное целование к Василию Дмитриевичу и принес ленную присягу королю Ягайлу и королеве Ядвиге²². Во время «кормления» и службы этих князей у великого князя Дмитрия – вокруг них и родственного им серпуховского двора влиятельная группа западнорусских выходцев, среди которых поименно знаем кроме «Ольгердовых внуков» – Андреевичей, брянского боярина Пересвета и Дмитрия Волынского-Боброка, который, по сообщению позднейших родословцев, стал зятем в. к. Дмитрия²³.

Борьба с татарами, борьба за самостоятельность русских областей Литовско-русского государства – то, чем жили обруселые литовские князья и их русское боярство, делали их сотрудничество с великорусскими силами естественным и легким, но те же тенденции и родные западнорусские и литовские связи сплачивали их и вокруг Витовта – борца за самостоятельность Литовско-русского государства против его инкорпорации владениям Короны Польской.

В 1386/87 г. княжич Василий Дмитриевич бежал из Орды в Подольскую землю, побывал у волошского воеводы, виделся с Витовтом на Волыни²⁴. За ним прибыло из Москвы посольство из «старейших бояр», и с ним в Москву поехали литовские паны. Не знаем содержания происшедших переговоров, но более чем вероятно принятое историками предположение, что состоялся сговор о браке Василия Дмитриевича с Софьей Витовтовной. Вскоре по вокняжении Василия, в начале 1391 года этот брак и состоялся. Свойство Василия с Витовтом создало значительное влияние тестя на зятя, продолжавшееся с колебаниями и моментами враждебного разрыва в течение всей жизни и княжения Василия Дмитриевича, тем более что находило поддержку в митрополитах Киприане и Фотии, которые строили свою церковно-политическую деятельность в качестве митрополитов «всех Руси» на иных основаниях, чем митр. Алексей.

Сближение в. к. Василия Дмитриевича с Витовтом произошло в весьма сложной международной обстановке. На первых порах Витовт должен был представляться Москве противником давнего врага – Ягайла и желанным союзником в борьбе с татарами, а Ягайло – союзник татар и опасный враг на западной границе. С восточной политикой Ягайла великорусское великокняжеское правительство сталкивалось, прежде всего, на новгородской почве. Силы великого княжества были едва достаточны для обороны на восточных и южных пределах для частых столкновений и непрерывной опасности с литовской стороны, и Новгород, поневоле все более самостоятельный в своих делах, пытался уже не раз организовать свое ратное дело путем кормления князей – литовских выходцев. Однако не удавалось получить их в полное свое распоряжение; пришлых князей тянуло к делам Ли-

товско-русского государства и временное их появление на новгородской почве, с одной стороны, приносило Новгороду мало пользы и много внутренних смут и раздоров, а с другой, ставило все круче вопрос об отношении к Литовскому великому княжеству. Новгород искони не мог обойтись своими силами, и связь с литовскими князьями, в конце концов, могла получить существенное значение только при опоре их – для обороны Новгорода – в войсках великого княжества, взамен тех полков «низовской земли», на которые все меньше приходилось рассчитывать. Договор Великого Новгорода с Гедимином привел только к неудачным попыткам использовать для новгородских дел князей Наримонта, затем Патрикия. Однако на том дело не кончилось. В 1388 году прибыли в Новгород послы князя Лугвения-Семена Ольгердовича с притязанием его на те пригороды, на каких сидел Наримонт Гедиминович, и принятый с честью князь Лугвений въехал в Новгородскую землю. Князь Лугвений-Семен стоит во главе новгородских войск в их столкновении с Псковом, в 1390 г. отражает набег шведов на Орешек²⁵. Но он не стольный князь новгородский²⁶, хотя новгородцы приняли его от руки в. к. Ягайла: в присяжной грамоте 1389 года на имя короля польского, литовского и русского Владислава-Ягайла Лугвений именует себя «опекальником мужем и людям Великого Новгорода» по поставлению от Ягайла и обещает ему и королеве Ядвиге стоять при них и при короне польской «с теми людьми с Великого Новгорода» до тех пор, пока он их «держит в своем опеканьи»²⁷. Это момент, когда Ягайло, признав в принципе слияние своего Литовского великого княжества с Польшей, переводил связь земель, соединенных с его великим княжением подручицеством местных князей, на «корону польскую». Широкий политический план грозил захватить и Новгород в эту связь зависимости от «короны польской», если бы «опеканье» Новгорода князем Лугвением могло вытеснить традиционную принадлежность Новгорода к великорусскому великому княжеству. Однако в то время как Дмитрий Ольгердович сложил ради возвращения на свое Брянское княжество крестное целование к в. к. Дмитрию, Лугвению не удалось оторвать Новгорода от великого княжества. Его приезд в Новгород был, по-видимому, связан с разладом отношений между Новгородом и великим князем и произошел, когда в Новгороде не было великокняжеского наместника, однако, когда новгородцы «докончали (в 1390 г.) мир по старине» с в. к. Василием и приняли его наместника, они сохранили у себя на пригородах князем кормленщиком Лугвения. Это своеобразно двойственное положение, столь различно освещаемое в своем политическом и государственно-правовом смысле с точек зрения московской и литовской, создавало, надо полагать, некоторую опору новгородской самостоятельности перед велико-

русской великокняжеской властью. И в 1392 году едва ли случайно за отъездом Лугвения из Новгородской земли²⁸ следуют новый подъем великокняжеских требований и «розмирье» из-за них с великим князем, а затем появление в Новгороде князей белозерского Константина и литовского Романа²⁹.

Псков непричастен ко всем этим новгородским делам; по видимому, тут после отъезда Андрея Ольгердовича в Литву все время сидел князем-наместником его сын Иван. Новгородско-псковские отношения весьма натянуты; в 1390 г. вспыхнуло открытое «розмирье», князь Лугвений ходил на Псков с новгородским полком, но дело кончилось миром; однако в свой мир с немцами, заключенный в 1392 г., новгородцы не включили псковичей, и тем пришлось самим особо вести дело о мирном докончании³⁰. Не столько к Москве тянет Псков, сколько он в руках, враждебных Ягайлу, и возвращение «из нятья» князя Андрея Ольгердовича сопровождается новой вспышкой псковской вражды с Новгородом: князя Роман и Константин бились под Псковом с Андреем и его сыном, нападение отбито, но мира не состоялось³¹.

Литовские влияния, литовские отношения нависли над западными областями Великороссии. Великорусское великое княжество, бессильное их преодолеть и отбросить от пределов того слишком неопределившегося мира «вся Русь», центром которого считало себя, идет по пути сближения с западнорусскими элементами Литовско-русского государства, родственными восточной Руси в национальности, культуре и вероисповедании, поддерживает, по мере сил и возможности, их недовольство литовским засильем, их борьбу против владычества языческой, а затем католической Литвы. Первые шаги Витовта, который опирался преимущественно на коренную Литву, но искал сближения с русскими и православными элементами Литовско-русского государства, принял даже православие, когда получил южнорусский надел, вводили его в круг отношений, которые создавали готовую почву для сближения с Москвой. В 1391 году Витовт-Александр, сохранивший это православное крестное имя и после того, как признал себя сыном западной церкви, стал тестем великого князя Василия. Следующий год поставил его во главе Литовского великого княжества на условиях Островского договора. По существу, это круто меняло все положение. Витовт в ближайшие годы действует в полном согласии с Ягайлом, вступает на пути русской политики Ольгерда и Ягайла³². В полном согласии с Ягайлом и формально его именем проводит Витовт упразднение самостоятельных княжений по русским областям³³. В эти годы политика Витовта не противостоит сколько-нибудь открыто и определенно началам Кривской унии. Тем знаменательнее та широкая восточная политика, какую он пробует раз-

вернуть в духе Ольгерда, и то положение, какое он сумел занять на русском востоке в девяностых годах XIV века.

Князь литовский, правитель Литвы под рукою *«польского короля, великого князя литовского и вотчича Руси»* Ягайла, Витовт развивает энергичную деятельность по расширению своего влияния и прямого властвования над русскими областями не только без противодействия, но при прямой поддержке Москвы и Твери. Ближайшая цель его – подчинение Смоленска и Великого Новгорода. В 1395 г., в то время как восточная Русь переживала опасность нападения на ее пределы грозного Тимура, Витовт использовал смуту среди смоленских князей, чтобы вызвать их в свой лагерь на третейский суд, а тут их захватить и заменить своими наместниками. Князь Юрий Святославич избежал пленения, нашел поддержку у тестя, рязанского великого князя Олега, но Москва поддержала Витовта. Весной того же года, как свершилось «первое взятие Смоленску от Витовта», в. к. Василий Дмитриевич и митр. Киприан приезжали к нему в Смоленск, а летом и осенью в. к. Василий останавливает попытку Олега рязанского поднять заново борьбу против Витовта, но не препятствует литовскому князю громить Рязанскую землю, а после его рязанского похода чествует тестя на Коломне³⁴.

Такое сближение великих князей литовского и великорусского ставило в трудное положение Великий Новгород. Розмирье с в. к. Василием не было исчерпано событиями предыдущих лет, хотя формально закончилось в 1393 году уступкой со стороны Новгорода; новгородцы послали к в. к. Василию послов «с челобитьем о старине», смирились и перед митрополитом, допустили сбор «черного бора» по своим волостям и взыскание иных княжеских пошлин. Тогда же взяли новгородцы мир по старине и с Витовтом³⁵. Но положение, занятое Великим Новгородом, делало прочный мир невозможным. Новгородская независимость от великокняжеской власти значительно возросла за время полной заброшенности задач северо-западной великорусской политики со стороны этой власти. Господин Великий Новгород получил возможность, даже поставлен в необходимость вполне независимо определять свои отношения к соседям, вести войны и заключать договоры, полагаясь только на самого себя³⁶. Это годы наиболее полного новгородского народоправства. И новгородцы, признавая, по-прежнему, княжескую власть необходимой, главным образом, для ратного дела, все чаще повторяют опыты с заменой этой высшей власти ее суррогатом – деятельностью пришлых князей, которых «кормили новгородским хлебом» на своих пригородах³⁷. Отчуждение от великорусского великого княжения достигло высшей меры, и вторая половина девяностых годов принесла Новгороду небывалые испытания.

В 1397 году в Новгород явились «содинога» послы великих

князей Василия Дмитриевича и Витовта и привезли новгородцам требование разорвать мир с немцами. Новгородцы ответили отказом, который пояснили утверждением самостоятельности своей политики и своих договоров с великим князем всея Руси, с Литвой, с немцами. Смысл этого требования не ясен: ни Витовт, ни тем более в. к. Василий не думали в данный момент о войне с Орденом³⁸; быть может, правильно было бы заключить об этом смысле от новгородского ответа и понять требование, как отрицание за новгородцами права на самостоятельную внешнюю политику. Во всяком случае оно было только предложением для приступа к выполнению плана действий, условленного, надо полагать, на Коломенском съезде великих князей. Трудно понять связь дальнейших событий без допущения, что между великими князьями состоялось соглашение о разделе новгородских владений.

В. к. Василий посылает на Двину своих бояр, призывая Двинскую землю отложиться от Новгорода и «зататься» за него, князя великого. Бояре двинские и вся Двинская земля целовали крест в. к. Василию, обеспечив себе определенные условия управления по особой уставной грамоте. Одновременно великий князь занял Волок Ламский, Торжок, Вологду, Бежецкий Верх³⁹. В то же время Витовт заключает с Ливонским Орденом (в октябре 1398 года) свой знаменитый Салинский договор, по которому отступился в пользу рыцарей от Жмуди и от всяких притязаний на Псков, обязуясь помочь им в покорении Псковской земли, а зато получил обязательство Ордена помочь в завоевании Великого Новгорода⁴⁰. В Новгород явились послы Витовта с объявлением войны за то, что новгородцы не исполнили своего обязательства признать Витовта своим великим князем⁴¹. Но действия против Новгорода оказались разрозненными, а союзники Витовта нерешительными в поддержке его чрезмерного усиления. Ордену было важно поссорить Витовта с Ягайлом, а не усиливать его подчинением Новгорода; да едва ли рыцари на деле мечтали о покорении Пскова. Захват Двинской земли и других новгородских владений оказался недолговечным, а раньше, чем Витовт развязал себе руки Салинским договором, войска Великого Новгорода повели обратное завоевание и жестоко покарали отступившую от Новгорода Двинскую землю, а затем добились и «мира по старине» с в. к. Василием. Едва ли скорое отступление великого князя от широких захватнических планов объяснимо одними ратными успехами Новгорода. Чрезмерное подчинение политике Витовта грозило слишком тяжкими последствиями. Великокняжеская политика становится самостоятельнее, и когда Витовт отправил «взметную грамоту» в Новгород, а Псков отдал в жертву немцам, псковичи снова нашли опору в великорусском великом княжении, а Новгород восстановил «старину» своих от-

ношений к великокняжеской власти. Летом 1399 года Псков спешно укрепляется; Ольгердов внук, князь Иван Андреевич, еще весной уехал, «целованье сложив». К зиме выяснилось, что за Псковом и Новгородом стоит против Витовта великорусское великое княжество. В Новгород приехал брат великого князя Андрей Дмитриевич; во Псков, по псковскому челобитью, великий князь прислал князя холмского Ивана Всеволодовича, а Витовт *«тоя зимы мир розверз с своим зятем, с великим князем Васильем и с Новым городом и со Псковом»*⁴². В Москве стали другими глазами смотреть на политику Витовта, быть может, в связи с тем толкованием, какое получили в московской среде его татарские отношения.

III

Северные планы Витовта рушились, когда его внимание и энергия все сильнее прикованы к югу; дела татарские связали его силу и остановили наступление на Новгород. Уступчивость великорусского великокняжеского правительства в отношении к Витовту могла быть обусловлена не только личным влиянием тестя на в. к. Василия с поддержкой в. к. Софьи Витовтовны и митр. Киприана⁴³, но и разрывом с Ордой, расчетом на оборону против татарской силы в союзе с Витовтом. Соглашение о совместных действиях Москвы и Литвы против татар должно было быть предметом обсуждения на Коломенском съезде великих князей⁴⁴. У Витовта в руках было такое орудие для поддержки смут в Золотой Орде, как бежавший к нему хан Тохтамыш, осевший с двором своим в Киевщине. Витовт с 1397 года возобновил старину русских княжих походов в степь и военной колонизации своих владений пленными и беглыми инородцами⁴⁵. Но планы его значительно шире. Он мечтал о сокрушении Золотой Орды, собирал силы для большого похода, добыл от папы Бонифация IX провозглашение в Польше, Литве, Валахии крестового похода на татар, заручился поддержкой Тевтонского Ордена. Не мог тот же план большой войны с татарами не захватить и сношений Витовта с Москвой и Тверью. В конце 1397 г. тверской в. к. Иван Михайлович едет к Витовту, в 1398 происходит обмен послами между великими князьями Витовтом и Василием⁴⁶. Пограничная борьба Великороссии не прекращалась в эти годы на рязанской и нижегородской Украине, но великокняжеское правительство не откликнулось на проекты Витовта. В Москве отнеслись с крайним недоверием к покровительству, какое Витовт оказывал беглому хану Тохтамышу, маня его посулом восстановления на ханстве. Памятники русского летописания сохранили указание на то, какие предательские планы приписывали Витовту противники его влияния на русские дела: водворить Тохта-

мышья в Орде, а с его помощью покорить себе Москву и все великорусское великое княжение, чем разрешится в его пользу и вопрос о Новгороде и Пскове⁴⁷.

Поражению войск Витовта на берегах Ворсклы в исторической литературе часто придают несколько преувеличенное значение. Конечно, оно подорвало планы большого наступления на татарский мир, а с другой стороны, было ударом, отрезвляющим от мечтаний Салинского съезда, и в польско-литовских отношениях политика Витовта возвращается, в значительной мере, на прежние пути солидарности с Ягайлом, однако на новых началах признания за ним пожизненной великокняжеской власти; если не придавать чрезмерного значения широким замыслам, какие Витовту приписывали соседи, глядевшие с опаской на рост его силы, а в представлении его великорусских недругов разрослись до столь фантастических размеров, учитывать только реальные черты достигнутого им политического положения, можно признать, что оно не было особенно резко поколеблено поражением на берегах Ворсклы.

В частности не боевая неудача 1399 года разрушила севернорусские планы Витовта, а временное объединение против него великорусских сил⁴⁸. Пережитое поражение, совпавшее с пересмотром литовско-польских отношений по смерти королевы Ядвиги, лишило Витовта возможности пойти на активные действия. В ближайшие годы Новгород, а затем Псков заключают с в. к. Витовтом «вечный мир»⁴⁹. Но это примирение не восстановило силы Витовта над северными вольными городами. Во Пскове видим князя-наместника Даниила Александровича (из ростовских князей) – представителя власти великого князя всея Руси. А Новгород лишен литовской поддержки. Волнения, возникшие в Смоленске, где часть населения была на стороне Витовта, а часть стояла за возвращение князя-отчича, дали Юрию Святославичу возможность снова овладеть Смоленском с рязанской помощью, а поход Витовта под Смоленск осенью 1401 года кончился неудачей и «миром по старине» с князем Юрием, с которым и новгородцы поспешили заключить окончание⁵⁰. В. к. Василий в то же время возобновил, не объявляя Новгороду войны, наступательные действия для захвата Двинской земли и Торжка⁵¹. Однако и на этот раз великому князю не удалось удержать новгородских волостей, причем все летописные своды замалчивают обстоятельства, при которых этот конфликт получил свое разрешение⁵². По-видимому, спешное примирение в. к. Василия с новгородцами связано с оживлением литовского напора на смоленскую область: дать разгореться борьбе с Новгородом значило бы отдать его в руки в. к. Витовта. Но от обороны Смоленска Василий Дмитриевич снова уклонился, хотя его примирение с новгородцами и окончание с ними князя Юрия смо-

ленского, давали этому последнему надежду на великорусскую поддержку. Когда в ближайшие годы князь Семен Ольгердович захватил смоленский город Вязьму, а затем Витовт взял и Смоленск, князь Юрий Святославич искал в Москве обороны от литовского великого князя, но Василий уклонился от столкновения с тестем⁵³. Переговоры великих князей могли грозить выдачей Юрия Витовту: смоленский князь бежит с Москвы в Новгород (возможно, что с московского попустительства) и новгородцы приняли его⁵⁴. Их связывала общая опасность: казалось, возрождается возможность раздела новгородских владений между литовским и великорусским великими князьями. Новгородцы укрепились с князем Юрием на том, что им защищаться от врагов «съодиного» и дали ему 13 пригородов⁵⁵. Ожидали боевого выступления Витовта, опасались, видно, и двойственной политики в. к. Василия. Но вся осторожная уклончивость великокняжеского правительства в отношении к в. к. Витовту и на этот раз разрешилась крушением планов литовского князя. Витовт начал военные действия после взятия Смоленска в начале 1406 года нападением на псковские волости. Псковичи вместе с новгородцами обратились за помощью в Москву. Тогда в Новгород и во Псков приехал брат великого князя Петр Дмитриевич – подготовить оборону, а затем двинулось великокняжеское войско с татарской помощью от хана Шадибека. Литовский напор по-прежнему не только сплачивает великорусские силы, но и заставляет их, отрешаясь от борьбы с татарами, искать в Орде поддержки против общего врага⁵⁶. И Витовт остановлен; обе стороны избегали решительного столкновения; заключено перемирие, но «розмирье» затянулось года на три⁵⁷. Великий князь всея Руси смелее берет теперь в свои руки оборону западных областей Великороссии. Прибытие в Новгород князя Петра означало ликвидацию особого положения Юрия; он отъехал в Москву и получил Торжок уже не от Новгорода, а от князя великого⁵⁸. Во Пскове видим в эти годы младшего великокняжеского брата Константина – руководителем обороны Пскова от немцев⁵⁹. Усиление деятельности великорусского центра на западных пределах не замедлило оживить и колебания в русских элементах Литовско-русского государства: возобновляются отъезды из западной Руси к Москве,⁶⁰ рассчитанные на великорусскую помощь во внутренней борьбе Литовско-русского государства – между противниками Витовта и этим великим литовским князем, чья главная опора, землевладельческое панство коренной Литвы, все более тяжко подавляет русские и обруселые элементы страны. Однако все это нараставшее напряжение отношений не привело к сколько-нибудь решительной и острой борьбе. Характерны выступления друг против друга ратной силы обоих великих княжений – в 1406 году на реку Плаву и к Вязьме, в 1407 на Уг-

ру – все с тем же результатом: перемирие на год, новое перемирие, мир «по давнему» – на деле бессрочное перемирие, не разрешавшее сложного, векового антагонизма⁶¹. Витовт связан, не менее в. к. Василия, внутренними отношениями – русскими и польскими, как тот – новгородскими, нижегородскими, тверскими, рязанскими. Насколько великорусско-литовские отношения еще далеки от какой-либо национальной и государственно-международной определенности, видно из того, что в 1407 году вернулся в Новгород князь Семен-Лугвений – на те пригороды, что и прежде были за ним, держал их до 1412 года лично и наместниками своими, водил новгородское войско на шведов, причем в те же годы видим в Новгороде великокняжеским представителем князя-наместника Константина Дмитриевича; новгородское кормление Лугвения не было ни отъездом его от Витовта, ни нарушением «докончания» Новгорода с в. к. Василием⁶². Новгородское народоправство соблюдало свою независимость на обе стороны и, по мере сил и обстоятельств, укрепляло ее, постепенно подходя к разрыву давней «старины», принадлежности своей к великорусскому великому княжению; литовская поддержка иногда помогала этому процессу, литовская опасность тормозила и подрывала его нарастание⁶³.

Как ни тревожно было первое десятилетие XV века в жизни Великого Новгорода, оно облегчало его положение между двумя сильными великими княжениями тем, что их главные интересы были в ту пору направлены в иную сторону. С одной стороны, крепла польско-литовская уния, копя силы к великому дню Грюнвальдской битвы, с другой, над великорусским великим княжеством нависла новая татарская гроза.

Разрыв этого великого княжества с Ордой после падения Тохтамыша не привел к продолжению освободительного дела, начатого на Куликовом поле. Напротив: литовская опасность, судя по общему тону отношения летописных сводов к Витовту, привела к тому, что тенденция «доброй думы к Орде» получила в Москве новую силу в сознании, что Витовт враг более грозный, чем татары. Еще при хане Шадибеке возобновились сношения с Ордой⁶⁴; в 1406 г. приходила в помощь в. к. Василию против Литвы татарская рать от царя Шадибека; смена его другой креатурой князя Едигея, Булат-Темиром, совпала с годами постоянной тревоги на Нижегородской Украине, борьбы с попытками нижегородских князей вернуться на свою отчину и на ней утвердиться и более опасного розмирья с Витовтом. Великокняжеское правительство пытается отнять у нижегородских отчичей татарскую поддержку, а также использовать силу Орды против литовского соседа, посылая настойчивые жалобы и внушения ордынским властям. Перед ордынским владыкой Едигеем раскрывалось затруднительное положение «старейшего великого князя

над толиким великим улусом» и возможность поставить ему определенные требования⁶⁵. Однако в Орде, видимо, сознавали, что не переговорами и требованиями можно добиться восстановления ханской власти над русскими улусом. Едигей идет по следам Тохтамыша. Набег 1408 года привел его под Москву; в. к. Василий оставил город на оборону дяди Владимира Андреевича и братьев, а сам с семьей уехал в Кострому; татарские отряды широко разнесли разорение по городам и волостям великого княжества. И долго – недели три – стояли татары под Москвой. Город выдержал осаду, но великий князь не смог организовать отражение врага. Едигей ушел с добычей и откупом, какой вынудил у москвичей, по вестям из Орды о нападении на ханскую столицу какого-то царевича⁶⁶. Этот набег наглядно вскрывал тягостное положение великорусского великого княжества, бессильного объединить все боевые средства Великороссии для обороны от татар, от ослабленной смутами и связанной внутренними раздорами Золотой Орды. Правда, и Едигей не смог извлечь из своего успеха никаких прочных результатов, кроме награбленной добычи. Только после падения Едигея и перехода власти в Орде к сыну Тохтамыша Джелаладин-Султану (Зелени-Салтану) поехал в. к. Василий Дмитриевич к этому хану «со множеством богатства», вынужденный к тому возобновлением татарских связей нижегородских и тверских князей.

Время в. к. Василия Дмитриевича для Великороссии – тяжкая година неустойчивых, изнурительно-напряженных отношений, непрерывных и безысходных конфликтов, на разрешение которых, сколько-нибудь определенное и прочное, у великокняжеской власти не было необходимых сил и средств. Эта власть словно мечется между разными союзами и разрывами; нет у нее внутренней силы для определенной постановки и последовательного разрешения сложных заданий, возникавших из международного положения Великороссии. То руководство судьбами Великороссии, которое составляло цель и внутреннее оправдание этой власти – в понимании ее носителей и русского общества, – то и дело ускользает из рук великого князя Василия. Оно не по силам исторически молодому, политическому организму, преждевременно предъявлявшему задачи такого руководства, как требование единства и силы центральной власти в такую пору, когда внутренний строй великорусского великого княжества переживал только ранние моменты эволюции к новым формам политического объединения. Это преждевременное испытание сил Великороссии надрывало их и неизбежно тормозило процесс объединительной работы, но, с другой стороны, обостряло потребность объединения и ведший к нему кризис устарелых порядков и отношений.

Однако попытки строительной политической работы великорусской великокняжеской власти не были вполне остановлены в этот период крайних внешних затруднений. Во втором десятилетии XV века в. к. Василий Дмитриевич завершает подчинение Нижнего Новгорода своему непосредственному управлению, но Рязанская земля по-прежнему находит лишь слабую поддержку в великорусском центре и то лишь изредка, эпизодически. В то же время, как с трудом заканчивались беспокойные перепетии нижегородского дела, в. к. Василий повторил было покушение на Двинскую землю, но она вновь отбита⁶⁷. Отношения к Новгороду так и установились по тому, что новгородцы теперь называют «стариной», но это старина, которая покрывала «всю волю новгородскую», усложняясь и расширяясь по мере роста самостоятельности новгородского народоправства. Новгород не отделяется формально от Владимирского великого княжества, принимает великокняжеских наместников, но держит рядом с ними на пригородах, на новгородском хлебокормлении западнорусских князей и даже «низовских», если кто из них уходил в Новгород из-за ссоры с великим князем⁶⁸; притом Новгород ведет вполне самостоятельно свои отношения к в. к. Витовту, к шведам, к Ливонскому ордену и к своему «младшему брату» Пскову вне заметного влияния на эти дела представителей великокняжеской власти в Новгороде и Пскове⁶⁹. Остро стал вопрос об отношении Тверской земли к великорусскому великому княжеству. Тверь – в первой четверти XV века – преодолевает последние «удельные» раздоры, находившие опору во власти великого князя всея Руси, и этот процесс внутренней концентрации ставил ее более независимо по отношению к Москве и великому княжеству всея Руси. Тверь при великом князе Иване Михайловиче стоит самостоятельной политической единицей между Москвой, татарами и Литвой. По смерти отца – через две недели после победы татар на берегах Ворсклы – в. к. Иван оказался лицом к лицу с окрепшей силой Орды.

Его отец поддерживал вассальные отношения к Темир-Кутлюю⁷⁰, а Иван Михайлович отправил в Орду послов, которые привезли ему ярлык на Тверское великое княжение от хана Шадибека⁷¹. Это было время, когда и Тверь втягивается в объединение великорусских сил против Витовта, когда под давлением литовской опасности и великий князь всея Руси вынужден снова искать сближения с Ордой. Тверская рать участвует в первом выступлении против Витовта 1406 года, но заключение перемирия, закончившего на время это розмирье, вскрыло основные разногласия между двумя великокняжескими властями. В. к. Василий повел переговоры с Витовтом и заключил перемирное окончание без сношений с тверскими князьями и в. к. Иваном, а в договорной грамоте написал его имя ниже своих братьев. Это встре-

тило резкий протест. Тверские князья и воеводы ушли с тверским полком, и в. к. Иван отверг союз с в. к. Василием за то, что московские князья не почитают тверских равными себе, не соблюдают чести тверского имени в формуле грамот, заключают мир не «по думе» с тверскими князьями, стало быть обходятся с ними, как со служилыми князьями⁷². В походе под Вязьму и на Угру 1406–1407 годов Тверь участия уже не приняла. Во время нашествия Едигея на Москву тверской великий князь уклонился от участия, по требованию ордынского вождя, в осаде московского города, за что тверские волости подверглись разорению⁷³. Наши летописные своды объясняют эти его действия осторожным уклонением от разрыва с Москвой; но в эту пору прямая помощь татарам в набеге на Русь была и на тверской почве общественно психологической невозможностью. Иное дело отношение к великому княжеству Литовскому. Стремление отстоять возможно полнее свою независимость от великорусской великокняжеской власти неизбежно толкало Тверь на испытанные пути союза с Литвой и попыток найти в ней опору и покровительство. В Тверском великом княжестве не замедлили возродиться внутренние смуты, находившие опору в Москве. Великокняжеская власть не могла отказаться от попыток привести Тверь в свою волю. А путь к Литовскому великокняжескому двору давно проложен связями фамильного родства. В 1411 г. видим тверского княжича Александра Ивановича на побывке у Витовта в Киеве, а в следующем году заключен союз великих князей литовского и тверского, что «быти им всюду за един»⁷⁴, и тверской полк участвует затем в польско-литовской войне с Ливонским Орденом⁷⁵.

Однако это сближение Твери с Литвой не имело острого политического значения, ввиду тех отношений, какие после временного розмирья установились между великими князьями Витовтом и Василием. С 1412 года, когда на ханстве Золотой Орды утвердился сын Тохтамыша Джелаладин-Султан, связанный с Витовтом, у которого в годы изгнания находил с отцом убежище и поддержку, а в. к. Василий возобновил сношения с Ордой и поездки к хану, чтобы влиянием в Орде поддержать свою нижегородскую и тверскую политику, ордынские и литовские отношения Твери теряли в значительной мере свою опасность для великорусской великокняжеской власти. Но отказ Тверского великого княжества от полной и деятельной солидарности с великорусскими силами, которые было сплотились под властью великого князя всея Руси, не мог не усилить пассивности этой власти, и можно признать, что этот отказ сыграл свою роль как в обновлении зависимости в. к. Василия от хана, так, особенно, в упадке всякой энергии противодействия литовской политике и новом

подъеме литовского влияния на двор и политику великого князя всея Руси.

Последние годы жизни и княжения в. к. Василия Дмитриевича характерно отмечены этим усилением литовских связей Москвы. Наряду с затруднительным и сложным укладом внешних отношений великого княжества это явление обусловлено – не менее, если не более – тревожным напряжением внутренних дел его. В. к. Василий, как еще увидим подробнее в дальнейшем изложении, имел основание смотреть с тревогой на будущее, какое ожидает его семью и наследие его власти после его кончины. В случае его смерти – наследником оставался князь-малолеток, так как старший Васильевич Иван умер в 1417 году. Вскоре после этой утраты составлена духовная грамота, в которой сын Василий, родившийся в 1415 году, поручен матери в. к. Софье Витовтовне: она ему будет вместо отца⁷⁶. Естественного опекуна своему сыну и вдове-княгине в. к. Василий видит в Витовте, тесте своем⁷⁷. В 1423 году составлена последняя духовная в. к. Василия – с тем же «приказом» ему дочери, в. к. Софьи и ее сына. В том же году в. к. Софья Витовтовна ездила к отцу, а вслед за ней прибыл к Витовту и митр. Фотий. Эта поездка имела политический смысл. Митр. Фотий повез с собой к Витовту духовную грамоту в. к. Василия: она была в подлиннике предъявлена литовскому великому князю при переговорах о новом подтверждении прежнего докончания относительно его «печалования» дочерью, великой княгиней, и ее сыном⁷⁸. И в том же году московский и тверской отряды участвовали в походе Витовта на немцев, а в следующем – Витовт вызывает великорусскую помощь против татарского набега⁷⁹. Витовт стремился закрепить успех, достигнутый в Грюнвальдской победе, военными действиями литовских, польских и русских сил, и привлечь к войне с немцами, по крайней мере, Псков и Новгород. Но торговые города, часто воюя с немцами, искали мира, держались оборонительно. К началу двадцатых годов и Новгород и Псков добились мира с соседями, а псковичи даже обязались не помогать Витовту. За это им грозил гнев Витовта, и псковичи, опасаясь реальных осложнений, искали обороны и посредничества у в. к. Василия; но, замечает псковская летопись, великий князь, хоть и присылал во Псков, по псковскому челобитью, князей-наместников, однако, «не учини на добро ничего же»⁸⁰. Это внешнее бессилие великорусской великокняжеской власти было обусловлено тягостным внутренним состоянием Великороссии, в которой разрастался сложный политический кризис.

IV

Союз митрополии всея Руси с великорусской великокняжеской властью, достигший особой силы и значения при митр. Алексее, должен был неизбежно привести к постановке самую жизнью ряда чрезвычайно острых и сложных вопросов не только об отношениях между митрополией и Константинопольской патриархией, между митрополичьей властью и местными церковными и светскими властями отдельных православно-русских земель, между церковной и светской властью вообще, но и более общий – о том, что же мыслится в данное время под понятием «всея Руси», раз этот термин входит в состав титула как митрополита, так и великого князя. Для митрополии термин имел вполне определенное значение – совокупности всех русских епархий, но по отношению к великому княжению подлежал то более, то менее широкому толкованию, так как стоял в явном противоречии с реальными пределами Владимирского великого княжества, которое противопоставляется в грамотах соседним местным великим княжествам Великороссии, новгородским волостям, тем более – западной Руси. Термин «всея Руси» заключал выражение тенденции к властной политической роли вне пределов великокняжеских владений (притязания на великокняжеское старейшинство среди всех местных политических сил Великороссии – по отношению к таким «младшим братьям», как тверские или рязанские князья, на определенную власть в Новгороде и Пскове, на монополию в праве сношений с Ордой, на оборону против литовского захвата в Смоленской земле и в области Чернигово-северской, оборону, готовую при первой возможности перейти в наступление), т. е. тенденции к расширительному толкованию понятия «всея Руси» до тех пределов, какие этот термин имел в титуле митрополита. Попытка митр. Алексея поставить борьбу Москвы и Литвы на церковно-религиозную почву, как борьбу православного христианства против «огнепоклонника» Ольгерда, выдвинула с большой резкостью национально-религиозную точку зрения на политические отношения Восточной Европы. И вся деятельность этого митрополита сковала прочной связью представление о «всея Руси», как объекте церковной власти митрополита, с возможно широким пониманием задач великокняжеской деятельности, направленной на оборону Руси от иноземных и иноверных сил и на объединение ее вокруг одного политического центра. Церковно-политическое значение русской митрополии становилось мощным фактором в развитии не только междукняжеских отношений Великороссии, не только ее международных отношений, но и политического кругозора ее правящей среды.

Удержать в своих руках эту крупную силу, сохранить ее влияние и национально-политический характер было для великорусской великокняжеской власти делом чрезвычайной важности. Путь к тому был ясен: надо было передать митрополичью кафедру после митр. Алексея русскому кандидату, человеку из той же среды – служилого великокняжеского двора, из которой и сам он вышел. Митр. Алексей намечал себе в преемники испытанного сотрудника, троицкого игумена Сергия; но Сергий уклонился от самостоятельной политической роли, находя, что это дело «выше его меры», и остался у св. Троицы. У в. к. Дмитрия был свой кандидат, более приспособленный к светской и публичной стороне деятельности митрополита – архимандрит Михаил, более известный по прозванию Митяй или Митя, по мирскому, надо полагать, его имени. История этого коломенского священника, который стал духовником великого князя Дмитрия Ивановича и всех его старейших бояр, великокняжеским канцлером-печатником, затем архимандритом Спасского монастыря и нареченным митрополитом, не только сильно взволновала московское общество, но подняла и ряд принципиальных вопросов. И, прежде всего, вопрос о единстве митрополии. Он был предreshен в положительном смысле соборным патриаршим определением о поставлении Киприана: после Алексея временное ее разделение должно прекратиться, и Киприан, митрополит литовский и малорусский, станет митрополитом киевским и всея Руси. Но в Москве Киприана считали политическим врагом, союзником литовскому великому князю⁸¹; великокняжеское правительство твердо стояло на том, что не примет Киприана, как человека, взысканного злейшим неприятелем Москвы⁸². Вопрос о преемстве после митр. Алексея был поднят официально при его жизни. Но сохранившиеся до наших дней источники не дают достаточных сведений о том, как это произошло, например, был ли сразу поставлен вопрос о неканоничности поставления Киприана, как поставлен он несколько позднее в соборном определении патр. Нила⁸³. По утверждению Киприана в. к. Дмитрий шел на признание раздела митрополии, чтобы поставить своего кандидата во главе великорусской церкви, но в согласии ли с митр. Алексеем – это весьма сомнительно. Кандидатура Митяя на митрополии не встретила сочувствия со стороны митр. Алексея. В. к. Дмитрий стремился обеспечить за Митяем митрополии тем же порядком, как это произошло в свое время по отношению к митр. Алексею – благословением предшественника и предварительным соглашением с патриархией. Однако ни летописная «Повесть о Митяе», ни послание митр. Киприана к Сергию и Федору не дают бесспорного и ясного представления о роли митр. Алексея во всем этом деле⁸⁴. Совокупность указаний приводит, скорее, к выводу, что он так и не дал

своего благословения Митяю⁸⁵. Неудача с попыткой подготовить кандидатуру Сергия на митрополию⁸⁶ и крупные разногласия относительно Митяя сильно запутали положение, и без того трудное.

В Константинополь отправлено посольство для подготовки дела при патриаршем дворе, и патр. Макарий, отвергший притязания Киприана, передал великорусскую церковь в управление архимандрита Михаила, вызывая его в то же время для поставления на митрополию Великой Руси в Константинополь⁸⁷. Такое решение дела, очевидно, не соответствовало основным идеям церковной и мирской политики Алексея, и можно подозревать, что не одна личность великокняжеского кандидата, но и более принципиальные причины вызвали разногласие между великим князем и митрополитом. Не имея епископского сана, Михаил-Митяй вступил, по полномочию от патриарха, в управление митрополией и перед отправлением в Константинополь задумал ставиться в епископы от местного, великорусского, епископского собора, но проект этот разрушен возражениями суздальского епископа Дионисия⁸⁸. Кандидатура Митяя потеряла почти все преимущества, какие в свое время имел за себя Алексей: авторитетное благословение предшественника, сан владимирского епископа, согласную поддержку русских епископов. Более откровенно и резко выступал политический смысл этой кандидатуры, за которой, в конце концов, стояла только настойчивая воля великого князя. Московские раздоры и долгие сборы Митяя создали возможность подготовить и борьбу против него в Константинополе. Она шла с двух сторон – от Дионисия и от Киприана. Дионисий был поставлен на Суздаль митр. Алексеем после долгого вдовства этой епископии во время одиночества в. к. Дмитрия с суздальским тестем, и нет основания видеть в нем противника Москвы и выискивать в его поведении по отношению к Митяю какие-либо политические мотивы. Ставленник митр. Алексея, близкий к игумену Сергию, Дионисий мог стремиться к митрополичьей кафедре, рассчитывая на сочувствие влиятельных кругов московского духовенства, враждебных великокняжескому кандидату⁸⁹.

Его оппозиция Митяю вызвала столкновение, которое этот архимандрит, ставший правителем митрополии, грозился властно покончить, когда вернется от патриарха митрополитом всея Руси. И в этих раздорах снова поднялся вопрос о Нижнем Новгороде и Городец, как видно из дальнейшего хода дела. Дионисий стал собираться к выезду в Царьград для самозащиты и нападения. Но в. к. Дмитрий распорядился задержать его, пока поручительство Сергия не вернуло ему свободы. А тогда Дионисий, «слово свое изменив и поручника свята выдав», поехал вслед за Митяем в Константинополь. Нежданная смерть Митяя в доро-

ге избавила их от встречи при дворе патриарха. Дионисий прибыл в Царьград, когда посольство, сопровождавшее Митяя, уже успело провести, под видом великокняжеского кандидата на великорусскую митрополию, Пимена⁹⁰; его протест и обличение послов оказались запоздалыми, но изложение этих возражений в позднейшей патриаршей грамоте тем ценно, что содержит указание на отрицательное отношение Дионисия к разделению митрополии всея Руси, принятому в. к. Дмитрием⁹¹. В Константинополе Дионисий сумел оставить впечатление человека, который имеет разумение и знание канонов и ревностно стоит за них, участвуя в рассуждениях патриаршего собора, и получил сан архиепископа для своей суздальской епархии с особой гарантией ее пределов и состава⁹². И явился Дионисий на Русь в исключительной роли патриаршего полномочного посла, которому доверены общецерковные интересы, не касавшиеся его епархии: видим его в Новгороде с патриаршей грамотой в обличение стригольников и во Пскове по деду о той же ереси, причем Дионисий совершает тут именем патриарха пастырские действия в пределах митрополии всея Руси, а не своей епископии⁹³. Такое отличие Дионисия выдвигало его кандидатуру на митрополию при первом подходящем случае. Но таким «случаем», в сущности, могло быть только устранение как Пимена, так и Киприана в пользу нового митрополита «всея Руси». Однако обстоятельства сложились иначе. Летом 1383 года в. к. Дмитрий, который Пимена не принял, а порвал и с принятым было Киприаном, послал в Константинополь Дионисия на поставление его в митрополиты на место Пимена, стало быть на великорусскую митрополию, по низложению этого Митяева наследника, против которого великий князь отправил патриарху «письменные обвинения». В Константинополе это посольство было встречено с большим недоумением и раздражением, ревностный хранитель канонов втянут в борьбу за митрополию, на которую и так уже есть два посвященных патриаршей властью претендента, да еще как великокняжеский кандидат, принявший ту постановку вопроса о разделении митрополии, против которой ранее высказывался в согласии с принципиальной точкой зрения патриаршего собора. Патриарх Нил оставил вопрос нерешенным и постановил отправить на Русь двух архиереев расследовать на месте дело о Пимене с полномочием низложить его, если обвинения подтвердятся, и поставить на его место Дионисия. Нареченным митрополитом поехал Дионисий на Русь, но по дороге его захватил киевский князь Владимир Ольгердович, и у него в плену Дионисий умер год спустя⁹⁴.

Противопоставленный Киприану, Дионисий и не мог устоять на позиции неуклонного защитника единства митрополии. Эта идея составляет главную силу Киприана, который отстаивал и

сумел отстоять свое право на преемство после митр. Алексея по кафедре Киевской и всея Руси. Его победа в этой борьбе получила особое значение в истории великорусского великого княжения, потому что Киприан с единством митрополии связал тенденцию к независимости всей церковно-политической деятельности митрополита от великокняжеской власти. После кончины митр. Алексея Киприан сделал попытку прибыть в Москву, а затем, встретив отказ в. к. Дмитрия, пробрался туда потайными путями, предупредив о том троицкого игумена Сергия и его племянника, симоновского игумена Федора, которых вызывал на свидание с собою⁹⁵. Но в Москве его захватили и выслали обратно⁹⁶. Киприана на Москве встретили заявлением, что имеется на митрополии свой нареченный митрополит, архимандрит Митяй, причем, очевидно, утверждали, что он получил митрополию по благословению митр. Алексея и по воле великого князя⁹⁷, а Киприана бранили «литвином». Киприан ответил отлучением всех, кто причастен к замыслу и выполнению того бесчестия, какое выпало на долю его святительскому сану, и поехал в Константинополь на суд патриарха и патриаршего Собора⁹⁸. Но тут, при разбирательстве дела, поставлен был вопрос о неканоничности самого поставления Киприана; ему пришлось заявить, что он готов остаться на той части митрополии, какая была ему назначена, а затем уехать, чтобы ослабить значение заочного постановления собора. А решено было поставить Пимена митрополитом Великой Руси, предоставив ему писаться и Киевским, а Киприану «по снисхождению» оставить митрополию Малой Руси и Литвы⁹⁹.

Послания Киприана к игуменам Сергию и Федору показывают, что он встретил в них сторонников единства митрополии. Их влиянию следует приписать неожиданный оборот дела к весне 1381 года, когда великокняжеский духовник, игумен Федор послан в Киев звать Киприана на митрополию. Киприан прибыл в Москву на праздник Вознесения (23 мая), а к исходу того же года вернулось на Русь московское посольство с Пименом и встречено великокняжеской опалой, карами и ссылками¹⁰⁰. За Пимена вступился патриарх, посылая в Москву «многия грамоты» в пользу Пимена и против Киприана¹⁰¹. Но едва ли патриаршее соборное определение 1389 года, которое об этом сообщает, право, когда вмешательству патриарха приписывает дальнейшее поведение в. к. Дмитрия: высылку Киприана из Москвы и призвание на митрополию Пимена. У великого князя были, по свидетельству наших летописных сводов, свои причины для глубокого недовольства новым митрополитом и прямого недоверия к нему. Во время нашествия Тохтамыша – в августе 1381 г. – митрополит, оставленный великим князем в осажденном городе, не справился с попыткой остановить порожденную паникой

анархию и уехал в Тверь, где и пробыл до начала октября; при нем происходили сношения тверского великого князя с Тохтамышем, при нем выехал в. к. Михаил в Орду искать для себя ярлык на «*великое княжение Владимирское и Новгородское*». Киприан, можно сказать, сразу вступил на путь отделения своей политики и своих политических отношений от великокняжеских: не московский он митрополит, а всея Руси. В. к. Дмитрий решительно вернулся к прежнему взгляду – предпочел иметь митрополита для Великой России и, вызвав Киприана из Твери, заставил его «съехать» с Москвы на Киев¹⁰², а на великорусскую митрополию призвал из ссылки «с великою честью и любовью» Пимена на митрополичью кафедру¹⁰³.

Возвращение на Русь из Константинополя суздальского архиепископа Дионисия в 1383 году снова подняло дело о незаконном достижении Пименом митрополии. В. к. Дмитрий сделал попытку спасти свою комбинацию заменой Пимена Дионисием, но плен и кончина его в плену оборвали и эту попытку закрепить за Великороссией особого митрополита. Оставалось держаться Пимена, лишь бы избежать водворения на севере Киприана, или поднять дело о новом кандидате. Но для последней попытки обстоятельства были чрезмерно запутаны, а дело о Пимене зашло слишком далеко, чтобы его легко было сразу остановить. Скомпрометированное в конец положение Пимена и смерть Дионисия открывали пути для Киприана. Представители Константинопольской власти – митрополиты адрианопольский и ганнский, уполномоченные расследовать запутанное дело о русской митрополии, прибыли в Москву без Дионисия и могли выполнить лишь следственную сторону своих полномочий. Решение дела должно было состояться в Константинополе по определению патриаршего собора. Только весной 1385 года поднялся Пимен в дорогу, притом отдельно от греческих митрополитов и великокняжеского посла – симоновского архимандрита Федора. Наши источники не дают сведений о том, каковы были намерения в. к. Дмитрия и какие инструкции получил арх. Федор. По-видимому, ему были даны широкие полномочия, так как нет указаний на какое-либо определенное предложение великокняжеского правительства относительно митрополии. Цареградские послы и Федор игумен представили патриарху обвинения против Пимена, обличавшие его в достижении сана обманом. Но вместе с тем Федор вел с патриархом какие-то «устные» переговоры: это дает повод предположить, что великокняжеское правительство, не решаясь ставить патриарху новые требования относительно замещения кафедры, делало, однако, какие-то попытки найти приемлемый выход из создавшегося положения. Без такого предположения пришлось бы допустить мало вероятное, что состоявшееся в Константи-

нополе соглашение арх. Федора с Пименом (причем Пимен поставил Федора на Ростовскую епископию в сане архиепископа) было действием самовольным и явно нарушавшим великокняжескую волю. Но этот поворот в действиях Федора объясним только соответственными инструкциями из Москвы: в крайнем случае признать Пимена, лишь бы не возвращался Киприан; и такой крайний случай настал, когда не оказалось возможным достигнуть иного результата, т. е. освободить Москву и от Пимена, и от Киприана¹⁰⁴. А патриарх крайне затянул дело, и весной 1387 года Киприан был отпущен в Литву для выполнения какого-то императорского поручения, хотя и с назначением ему годичного срока для явки на окончательный суд¹⁰⁵. Ход дела явно склонялся против Пимена, его низложение было неизбежным¹⁰⁶, и в пользу Киприана, что было ясно и до окончательного разрешения дела¹⁰⁷. Пимен и Федор не стали дожидаться этого решения, а, вступив в соглашение, возмущившее патриарха, тайно покинули Константинополь и вернулись в Москву. Здесь Пимен продолжает святительство, не взирая на патриаршие призывы и запрещения, и только соборное определение патр. Антония, сменившего Нила на кафедре, о том, что Пимен согласно канонам должен быть признан низложенным, единство митрополии Киевской и всея Руси – навсегда восстановленным, как ее «древний порядок и устройство», а единственным законным ее митрополитом объявлен Киприан, заставило Пимена предпринять третью поездку в Константинополь, притом против воли в. к. Дмитрия, как свидетельствуют наши летописи¹⁰⁸. Судьба избавила Киприана от дальнейшей борьбы. Пимен не доехал до Константинополя, умер в дороге, а раньше его смерть постигла в. к. Дмитрия. При новом великом князе Киприан был принят на митрополии без возражений.

V

Так кончилась церковная смута, которая лишила великорусскую великокняжескую власть влиятельной опоры в митрополии всея Руси при тяжких переживаниях, какие выпали на долю этой власти в восьмидесятых годах XIV века. И кончилась она несомненным политическим поражением великокняжеской власти. Пришлось на ряд долгих лет отказаться от политической солидарности с митрополией, от ее мощных услуг; упущено из рук великого князя замещение митрополичьей кафедры желательным для светской власти кандидатом, оборвано развитие традиций митр. Алексея, придавших митрополии в значительной мере характер великорусской государственной церкви.

Если Киприан и не был тем врагом Москвы, тем «литвином» по духу, каким изображали его московские противники, то все-таки это был человек, чуждый московской правящей среде, ее традициям и стремлениям. Болгарин, сделавший в Византии редкую карьеру, Киприан на русской митрополии остался церковным деятелем византийской школы, который отнюдь не отождествляет интересов митрополии с интересами великорусской или литовской великокняжеской власти и тем более не подчиняет первые вторым. Водворившись в Москве, Киприан последовательно укрепляет свою иерархическую власть в духе значительной самостоятельности своей церковно-иерархической политики. К сожалению, дело тверского епископа Евфимия Висленя остается – в изложении наших источников – крайне не ясным по его существу. Вислень поставлен на тверскую кафедру митр. Алексеем, когда борьба тверского великого князя Михаила Александровича с в. к. Дмитрием оказалась проигранной, не задолго до договора 1375 года, который привел тверского великого князя в волю великого князя всея Руси. У в. к. Михаила все нарастает «нелюбие» с епископом, но только в 1387 г. удалось ему довести Висленя до удаления из Твери; однако уход епископа в монастырь не был еще отказом от сана и не давал возможности заменить его желательным для князя лицом. Одним из первых дел Киприана, по окончательном водворении на митрополии, был разбор этого тверского дела. Характерна сама обстановка, в какой он произошел. Киприан не вызывал сторон в Москву на свой митрополичий суд, а поехал в Тверь с двумя греческими митрополитами, которые проводили его в Москву от патриарха, и двумя русскими епископами, созвал тверской освященный собор и повел дело в соединенном собрании этого духовного собора и тверской боярской думы с в. к. Михаилом во главе. Мирские и духовные власти Твери единодушно возводили на Висленя многие укоризны, и в. к. Михаил настаивал на поставлении иного епископа. Митр. Киприан после формально обязательных попыток добиться примирения сторон, соборным определением лишил Висленя епископства и решил поставить на тверскую епископию своего протодиакона Арсения. Однако Арсений не сразу решился принять такое поставление: он опасался «вражды и многих браней», надо полагать – потому, что Киприан предпочел дать Твери на епископию своего человека, а не того «иного», о котором просил в. к. Михаил¹⁰⁹: видимо Киприан и в этом деле провел две своих тенденции – решил дело без участия великого князя всея Руси и отстранил влияние местной светской власти на замещение епископской кафедры.

Киприан стоит в своей деятельности на почве тех отношений между церковной и светской властью, между русской митрополией и Константинопольской патриархией, какие указаны, как

нормальные, в грамотах патр. Филофея к митр. Алексею. Митрополия – не русское национальное учреждение, тем более не великорусская политическая сила, а самостоятельный орган вселенской восточной церкви. В решении церковных дел на Руси Киприан идет, в ряде случаев, рука об руку с великим князем, но это тогда, когда интересы митрополита совпадают с великокняжескими; основная же опора митрополичьей власти в авторитете Константинопольского патриарха, на решение которого идут спорные русские дела.

В Москве с трудом отступались от назревшего представления о национальной русской митрополии. Это сказалось в известном эпизоде о поминании императорского имени на митрополичьем богослужении и о почитании патриаршей власти на Руси. В 1393 году патр. Антоний обратился к в. к. Василию Дмитриевичу с укором и наставлениями по поводу его действий, о которых донес ему Дмитрий Афинянин, прибывший в Константинополь по делам русской церкви апокрисиарием митр. Киприана и великого князя Василия. Патриарх укоряет великого князя за то, что он не воздает представителям патриаршей власти того уважительного отношения и той чести имени патриарха, какое было в обычае при прежних великих князьях, и не позволяет митрополиту поминать в диптихах «божественное имя царя». Патр. Антоний грозит великому князю гневом Божиим, если он не будет *«читать патриарха, как самого Христа, и оказывать уважение его словам, грамотам, извещениям и людям, которых он посылает»*. Русь не должна обособляться в самодовлеющую, национальную церковную и политическую единицу, а признавать себя частью вселенской церкви и вселенского царства. Нельзя великому князю говорить: *«церковь мы имеем, но царя не имеем и знать не хотим»*. Цари византийские – организаторы церкви, они своими законами подтвердили церковные каноны о правых догматах и благоустройстве христианской жизни; царь – великий владыка и правитель вселенной, не то, что другие поместные правители и князья; *«невозможно христианам иметь церковь, а царя не иметь, ибо царство и церковь находятся в тесном единстве и общности и невозможно отделять их одно от другой»*¹¹⁰. Как часть великого целого – христианского Востока, возглавляемого византийским императором – *«царем и самодержцем Ромеев, то есть всех христиан»*, и *«вселенским»* патриархом, Русь имеет в составе своего политического устройства рядом с великокняжеской властью также церковную власть митрополита всяя Руси, у которой свои задачи и свои приемы действия. Эта самостоятельность церковно-политической деятельности митр. Киприана сказалась в том, что его отношения к политическим силам северной и западной Руси далеко не всегда согласованы с великокняжескими, а с другой стороны, его влияние надо при-

знать одним из факторов тех колебаний, той видимой неустойчивости, которая отличает политику в. к. Василия Дмитриевича.

В суздальских делах и в новгородских отношениях интересы митрополии и великокняжеской власти не стояли в противоречии, и обе власти выступают согласно, хотя по отношению к Великому Новгороду только в начале, а затем митрополит и тут ведет свою линию, не подчиненную планам великокняжеской политики.

На суздальской архиепископии Дионисия сменил Евфорсин, поставленный в Константинополе, надо полагать, Пименом одновременно с Федором ростовским; по примеру Дионисия и он заручился патриаршей грамотой на принадлежность Нижнего Новгорода и Городца к Суздальской епархии¹¹¹. Но митр. Киприан и в. к. Василий Дмитриевич подняли возражения против этого, утверждая, что Дионисий управлял спорными городами только «на правах экзарха», и патриаршим послам было поручено расследовать дело на месте; исход дела – неизвестен, но позднее (при митр. Ионе) Нижний и Городец под прямой властью митрополита. Участие великого князя в этом споре митрополита с суздальским архиепископом связано, конечно, с приобретением ханского ярлыка на Нижний и началом утверждения тут великокняжеской власти¹¹².

Характернее для деятельности Киприана его новгородские отношения: от предшественников он унаследовал спор митрополии с новгородцами о судебных правах митрополита по отношению к Великому Новгороду. Нарастание новгородского народоправства вело неизбежно к попыткам определять по-новому и ограничить при таком определении иерархическую зависимость новгородской епархии от власти митрополита. Эти иерархические отношения получили большой политический вес, благодаря, с одной стороны, тесному союзу митрополии с великокняжеской властью, а с другой, усвоению господином Великим Новгородом права избирать кандидата на свою архиепископию, права, которое в общем укладе русских церковно-политических отношений было правом княжеским. Возвышение новгородского епископа в архиепископский сан, затем приобретение им внешнего отличия крещатых риз уже вызывало, как мы видели раньше, трения, которые потребовали от Константинопольского патриарха разъяснения архиепископу Великому Новгороду, что отличия эти не связаны с каким-либо умалением его зависимости от митрополии. Наиболее острым вопросом этих отношений стал вопрос о судебных правах митрополита. Новгородцы достигли на деле того, что и на суд митрополита распространилось их требование, установленное договорами по отношению к суду великого князя: «а на Низу, княже, новгородца не судити», и обычной практикой митрополичь-

его суда стали периодические приезды митрополита в Новгород на месячный срок для суда, получения обычных доходов и судебных пошлин. Но эта практика не получила исключительного господства, не вполне вытеснила «позвы» на суд в резиденцию митрополита – на Низ, в Москву. В 1385 году новгородцы поставили этот вопрос ребром, причем возникший спор не замедлил получить более широкий смысл, перейдя в отрицание не только позвов, но и месячного суда митрополита в Новгороде¹¹⁵. В 1385 году состоялось в Новгороде «на вече, на княжи дворе» постановление, скрепленное крестным целованием всего Великого Новгорода, о суде гражданском и церковном; и гражданский суд посадника и тысяцкого, и церковный – владыки архиепископа должны происходить при участии двух бояр в двух житых людей от каждой из судящихся сторон, а на суд к митрополиту новгородцы обязывались друг друга не вызывать¹¹⁴. Началась борьба с митрополией всея Руси¹¹⁵, имевшая свое особое значение и для великокняжеской власти, так как ослабление связей между Новгородом и Москвой грозило усилить западное, литовское влияние; не даром новгородские послы, отстаивая свои притязания перед патриархом, повторили литовский аргумент: не уступят греки, придется переходить в латинство¹¹⁶. В. к. Василий ставит в ряду других притязаний своих к Великому Новгороду во время их розмирья 1392–1393 года требование выдать митрополиту крестоцеловальную вечевую грамоту о суде. Новгородцы это выполнили после «многого кровопролитья» при заключении «мира по старине» с в. к. Василием и получили от митрополита разрешительную и благословенную грамоту¹¹⁷. Но этим дело далеко не закончилось. В следующие годы видим, что, с одной стороны, новгородский епископ является в Москву по каждому зову Киприана и новгородцы принимают митрополита с великою честью, но, с другой, они по-прежнему упорно стоят на отрицании месячного его суда¹¹⁸. Конфликт затянулся и дошел до трехлетнего заточения еп. Иоанна в московском Чудовском монастыре¹¹⁹, и важнейшая его черта – крайняя осторожность Киприана по отношению к Новгороду, далеко не согласованная с новгородской политикой в. к. Василия. Митрополит не прибегает к крутым мерам церковного запрещения, не порывает с Новгородом в годы напора на Новгород великокняжеских властей Василия и Витовта и борьбы Василия Дмитриевича за Двинскую землю. Его поведение, подлинные мотивы которого мудрено установить по кратким и сухо фактическим указаниям наших летописных сводов, дают впечатление намеренного обособления отношений митрополии от политических действий великокняжеской власти. Так Киприан и после первой уступки Новгорода – выдачи крестоцеловальной записи по требованию великого князя, встретив новый отказ новгородцев в месячном суде, уез-

жает от них несмотря на то, что держал «нелюбие» на них и на их епископа с благословением, не отлучением; так при новом взрыве розни между в. к. Василием и Новгородом Великим, когда князь великий «владычня благословения и слова добра не принял, а от послов новгородских челобитья, а от Новгорода нелюбья не отложил, а миру не дал», митрополит «своего сына, владыку Иоанна и послов новгородских отпустил в Новгород с честью и с благословением»¹²⁰. Когда же в исходе девяностых годов Новгород в разрыве с обоими великими князьями – великорусским и литовским, Киприан не ставит острого церковного вопроса, который на этот раз не выступает и в составе требований в. к. Василия к Новгороду; только в 1401 г. постигло архиеп. Иоанна запрещение и поимание, но и то личное, без интердикта на Новгород Великий; однако и этот эпизод закончился, хоть и через три с лишним года, отпуском Иоанна на его кафедру – без решения основного спорного вопроса по воле митрополита, за которым были и право и авторитет патриарха.

Не было в. к. Василию и той поддержки со стороны митрополии в борьбе с Литвой, какую выдвинул в свое время митр. Алексей. Сильное влияние Витовта на Москву находило, несомненно, поддержку в митрополите всея Руси, который стремился проводить свое общерусское значение независимо от литовско-московского соперничества. В литовских отношениях Киприан – митрополит Киевский – тщательно избегает осложнений, которые лишили бы его значения в западной Руси, как произошло по политическим причинам с митр. Алексеем. Резкое противопоставление христианской Руси языческой Литве, использованное митр. Алексеем для целей политической борьбы и национально-политической идеологии, перешло в другую плоскость по водворении на Литве католицизма. Митр. Киприан не ставит себя в решительное противоречие с католической церковью и католическим государством. Его манила мысль об устранении этой церковной розни, что сделало бы его главой обширной местной церкви, объемлющей и восточную Русь, и Литовско-русское государство, и русские земли короны Польской. Свободный от национально-великорусских настроений Киприан идет не к национализации вероисповедного антагонизма, а к попытке разрешить его – соединением церквей. В начале 1397 года патр. Антонию пришлось дать королю Ягайлу и митр. Киприану ответ на определенно поставленный ими вопрос о соборе для обсуждения условий этого церковного соединения. И уклончивый, осторожный ответ патриарха свидетельствует, что Византия в ту пору, теснимая «нечестивыми», вступила на путь политической игры с идеей унии ради боевой помощи католического Запада: униатские настроения Киприана не стоят в противоречии с тенденциями византийской политики¹²¹, а Византия находит в

нем поборника материальной помощи Руси – денежными сборами на нужды Константинополя, утесненного врагами христианства¹²². Самостоятельная позиция митр. Киприана между великорусским и литовским великими князьями и его тесные связи с Византией, которым он не противопоставляет национальных великорусских интересов, ставит его в прямое противоречие традициям митр. Алексея. Памятник внутренних отношений между митрополией и великорусской великокняжеской властью – уставная грамота в. к. Василия Дмитриевича и митр. Киприана «о домах церковных, и о волостях, и о землях, и о водах, и о всех пошлинах о церковных» показывает в нем защитника самостоятельной церковно-административной и светской власти митрополита. Трудно по недостатку документов от более старого времени оценить, что в содержании этой грамоты принадлежит Киприану, а что есть только восстановление и укрепление порядков, унаследованных от предшествовавших митрополитов¹²³. Уставной грамоте, совместной великого князя и митрополита, придана форма протокола их соглашения, что придает ей характер договорной грамоты¹²⁴. Она определяет положение митрополичьих владений в составе великого княжества сходно с положением удельных княжений; состав владений и льгот определяется, в общем, «как было и при Алексее митрополите»¹²⁵; «церковные люди» дают «оброк» великому князю (по оброчным грамотам), «коли дань дати в татары», а не будет татарской дани, то и оброка не дать; когда сам великий князь выступает в поход, то идут митрополичьи бояре и слуги под митрополичьим воеводой, хотя и под стягом великого князя – это, видно, старина, так как те, кто не служил митр. Алексею, а «приказался ново митрополиту», те идут в поход под великокняжескими воеводами, по месту жительства; слуг великого князя и его данных людей митрополит не ставит в дьяконы и попы, кроме поповичей; по искам на митрополичьих управителей (наместника, десятинника, волостеля) – суд великого князя; правила сместного суда те же, что в междукняжеских договорах; утверждается иммунитета (судебный) митрополичьих церковных сел и «пошлых монастырских». И тут, как в междукняжеских договорах, большая условность финансовой и военной власти великого князя; сбор дани в определенном размере оброка-урока обусловлен уплатой татарского «выхода», ополчение митрополичьих людей выступает только в походах, где сам князь великий «сядет на конь». Конечно, нет речи о самостоятельных внешних сношениях митрополита; но на деле Киприан был в этих отношениях самостоятельной политической единицей, что придает особый вес и договорному характеру его относительной зависимости от великокняжеской власти в делах светского, политического властвования.

Такой уклад отношений между духовной и светской властями можно рассматривать, как отражение на них удельно-вотчинного строя. Подрыв прежних связей политической солидарности митрополии с великокняжеской властью должен был обострить вопрос о ее национализации, не только с более общей точки зрения политических интересов великорусского великого княжения, но и ради внутреннего собирания власти над силами и средствами страны.

Церковно-политическая деятельность митрополита Киприана не была только личным его делом. В ней – проявление сложных воздействий как общего положения дел в Восточной Европе, поделенной между великорусским великим княжением и литовско-русским государством, так и церковно-политических тенденций, шедших из Византии. И сама великорусская великокняжеская власть не смогла устоять на прежней своей точке зрения. Кончина митр. Киприана (в сентябре 1406 г.) совпала с разрывом мирных отношений между в. к. Василием и Витовтом, который тотчас выдвинул своего кандидата на митрополию, Феодосия полоцкого. Чтобы парализовать эту кандидатуру Москва пошла на ходатайство перед патриархом о поставлении «по старой пошлине» митрополита, *«его же по Божию хотению изберут и пришлют»* патриарх, патриарший собор и византийский император¹²⁶. Поставлен был грек Фотий, которому не без труда удалось добиться признания и от Витовта¹²⁷. Но Фотию не пришлось наладить, подобно Киприану, отношений с великим княжением литовским и удержать без борьбы и потрясений единства митрополии всея Руси. На этот раз дело осложнилось настойчивым стремлением Витовта иметь для Западной Руси особого митрополита, в чем он нашел поддержку по крайней мере части западнорусского духовенства. Властный и требовательный митрополит вызвал среди местного духовенства и светского общества раздражение настойчивой заботой о восстановлении в полном объеме своих доходов и церковных имуществ¹²⁸. Резче, чем когда-либо ранее, поставлен в Литве вопрос о восстановлении резиденции митрополита в Киеве, чтобы и церковное дело правильно строилось в Литовской Руси, чтобы и материальные ее средства не уходили на московские расходы митрополита. Впрочем, первые же шаги Витовта показали, что дело идет отнюдь не о защите интересов южно- и западнорусской церкви. Раздраженный на неудачу своих церковно-политических планов и лично на Фотия, которого упрекал за нарушение обещаний не запускать управления этой церковью и не оставлять ее без своего личного присутствия в Киеве, Витовт в 1414 году не допустил Фотия в Киев, а заставил его вернуться в Москву, куда выслал и его наместников, *«а грады митропольские Киевския церкви великие соборные и волости и села раздаде паном*

своим»¹²⁹. Отвергнув Фотия, Витовт добился, при поддержке части епископов Литовско-русского государства, избрания на Киевскую митрополию болгарина Григория Цамблака, племянника митрополита Киприана; отказ патриарха в поставлении Григория привел к его посвящению собором епископов¹³⁰. Но и четырехлетний разрыв митр. Фотия с великим князем Литовским не привел его к московским церковно-политическим воззрениям и тенденциям. По удалении Цамблака с литовской митрополии в конце 1418 – начале 1419 года¹³¹ Фотий восстановлен в правах митрополита всея Руси. Летом 1420 года Фотий едет в Литву с патриаршим послом на воссоединение своей митрополии¹³² и во второе десятилетие своей деятельности укрепляет мирные отношения с Витовтом, используя новое сближение Москвы с Литвой, которому, надо полагать, и содействовал своим влиянием. С трудом и не без бурных столкновений устанавливались в то же время и московские отношения Фотия. По прибытии в Москву его ожидал ряд столкновений из-за церковных вотчин, имуществ и доходов, только недавно гарантированных митрополии уставной грамотой в. к. Василия Дмитриевича и митр. Киприана¹³³. И в этой борьбе за церковное достоинство Фотий выступает авторитетным пастырем – духовным отцом, который именем Христа требует от великого князя смирения и послушания: ибо, говорит он, «аще и грешен, семь, апостольское вещаю»¹³⁴.

Деятельный и энергичный церковный правитель митр. Фотий держится в стороне от политической борьбы¹³⁵. Единственное поручение политического характера, им выполненное, – участие в посольстве к Витовту в 1423 году, когда с ним послана литовскому великому князю духовная грамота его зятя. Но кончина в. к. Василия Дмитриевича (в феврале 1425 г.) поставила Фотия в новое, исключительное положение: пришлось войти деятельной силой в борьбу за великое княжение, отстаивать права юного Василия Васильевича, пережить разразившийся кризис междукняжеских отношений, который постепенно назревал в течение всего княжения Василия Дмитриевича.

VI

Ослабление силы и деятельности великорусской великокняжеской власти в два последних десятилетия XIV века и в первой четверти XV проявилось и обусловлено не только обстоятельствами тягостных внешних отношений и внутреннего разлада с митрополией. Глубочайшие и основные корни пережитого этой властью затяжного кризиса лежали в самой ее структуре, в ее связанности обычными, традиционными семейно-вотчинными

отношениями внутри московской княжой вотчины и господством тех же вотчинно-владельческих воззрений во всем политическом быту Великороссии.

Мы видели, как при Дмитрие Донском усилились проявления вотчинного раздела внутри Московского княжения и как реакция на них со стороны великокняжеской власти выдвинула политический элемент властвования над силами и средствами страны, укрепляя и дальше развивая начала, заложенные духовной Калиты и договором в. к. Симеона с братьями. Великокняжеское старейшинство не только противостоит, по мере сил и возможности, дроблению этого властвования под воздействием удельного и вотчинного владения, но делает успешные усилия использовать свою семейно-патриархальную основу, как готовую форму отношений властвования и зависимости, для закрепления элементарных связей политического объединения Великороссии. Однако эта палка, естественно, оказывается о двух концах. Во владельческих отношениях Московского княжества видим, в ту же пору, усиление начал вотчинного раздела признанием условности объединения воинских сил и только временного – пока Бог не применит Орды – единства финансовых средств; попытка применить начало вотчинного владения к великому княжению грозит и его территорию подчинить семейно-вотчинному разделу, а распространение патриархальных форм старейшинства на отношения к «младшим» местным великим княжениям Великороссии подымает их сопротивление, разрушающее «одиначество» княжеских сил.

Так, обостряется противоречие удельно-вотчинного строя насущным политическим задачам и потребностям великокняжеской власти. Только крутая ломка внутренних отношений Великороссии приведет его к крушению, только острое разрешение назревшего кризиса в жестокой смуте второй четверти XV века откроет путь синтезу вотчинного властвования и политической силы великокняжеской власти в московском едино- и самодержавии.

Время княжения Василия Дмитриевича полно внутренними трениями в московских междукняжеских отношениях. К сожалению, приходится опять отметить, как слишком часто для великорусской истории этого периода, отрывочность и неполноту тех сведений, какие дают нам наши источники.

Княжое владение долями Московского княжества осложнено во времена Василия Дмитриевича обособленностью Серпуховского княжества и вопросом о наделении младшего Дмитриевича – Константина, который родился за несколько дней до смерти отца. Последняя духовная грамота в. к. Дмитрия, составленная до этого рождения, предполагала, что если Бог даст вели-

кой княгине сына, она наделит его, взяв по части из уделов его старших братьев. Но есть основание признать, что в. к. Дмитрий успел еще и сам сделать распоряжение о наделении младшего сына: в. к. Василий Дмитриевич в первой же своей духовной «дает ему в удел Тошню да Устюжну» и делает это «по душевной грамоте» отца¹³⁶. Конечно, таков был не весь удел Константина, но что ему предназначалось еще – установить невозможно¹³⁷. Дело наделения этого младшего княжича вызвало слишком много осложнений, и сложилось его владение после ряда мен и соглашений между московскими князьями, которые долго «волостились» из-за этого между собой.

Вопрос о распределении владений между князьями московской княжеской группы особенно обострился потому, что духовная в. к. Дмитрия поставила на очередь проблему отношения семейно-вотчинных порядков раздела владений к области великого княжества, как и ранее его договоры с князем Владимиром Андреевичем открыли путь для притязаний младших князей на долю в великокняжеских захватах: «пожалованием» серпуховскому князю «в удел» Галича и Дмитрова. Эти притязания грозили подорвать в самой основе то собирание власти над городами и волостями великого княжения, которое вело к устранению местных княжеских сил и пользе непосредственного великокняжеского управления, хотя им, с другой стороны, и создавались. Возникнув при первых же значительных успехах этого собирания во времени Дмитрия Донского, притязания эти едва ли были вполне удовлетворены тем полупризнанием, какое при нем получили. Тем более должен был заново подняться вопрос о составе владений Владимира Андреевича, деятельного участника обороны московской области и великого княжения, энергичной опоры власти и силы великого князя: замкнуться в обособленном вотчинном княжестве значило для него служить лишь орудием чужой выгоде, притом – не единой великокняжеской власти, а членов родственной семьи, которая делилась и переделывалась не только наследственной вотчиной, но и новыми приобретениями этой власти.

Все эти дела и притязания поднялись по смерти в. к. Дмитрия Ивановича в связи с выполнением его предсмертного ряда. И эти домашние раздоры становились все опаснее, ввиду напряженных новгородских, литовских, татарских отношений великого княжения.

В первый же год по смерти в. к. Дмитрия возникло розмирье между Василием Дмитриевичем и его серпуховским дядей. Владимир Андреевич вскоре после посажения племянника на стол великого княжения поднялся со всем двором своим, уехал от великого князя в свой Серпухов, а оттуда в Торжок¹³⁸. Помирились князья на том, что в. к. Василий придал дяде к его отчине Волок и

Ржеву¹³⁹. Но это было только началом разделов и переделов владениями, которые характерны для времени в. к. Василия Дмитриевича; эти разделы и переделы нарушают устойчивость обычного удельного владения, все более сдвигают его со старой основы – отцовского ряда, наследственности долей и обычно-правового уклада междукняжеских владельческих отношений – на почву произвольных, договорных соглашений, результат которых оформляется как великокняжеское «пожалование в удел» или «в удел и в вотчину» и как уступка требованиям той или иной из сторон, спорящих о волостях, т. е. великого князя и его «младшей братъи». Традиционный порядок владения по уделам и самый территориальный состав княжеских владений вступают в период колебаний, в которых постепенно разлагается устойчивость удельно-вотчинного строя и традиционных владельческих понятий.

Договор 1390 года не покончил с переговорами и соглашениями между в. к. Василием и кн. Владимиром Андреевичем. К 1405 году относится его пересмотр, при котором великий князь обменял Волок на Городец (вожский), а Ржеву на Углич с придачей нескольких волостей¹⁴⁰. Выдающаяся роль, какую играл Владимир Андреевич в обороне великого княжества и Москвы, давала ему сугубую возможность предъявлять требование на расширение владений, а состав семьи – пять сыновей – должен был возбуждать эту требовательность. Перед кончиной (умер весной 1410 г.) князь Владимир дал «ряд сынам своим и княгине своей», в котором отразился сложный состав его владений¹⁴¹. Свою треть в городе Москве князь Владимир «приказал» всем пяти сыновьям в поочередное, погодное пользование доходами, причем старшему Владимировичу Ивану, «на старейший путь» выделен ряд статей дворцового хозяйства. Все, что князь Владимир считает своей и сыновей своих отчиной, он делит между пятью сыновьями (Серпухов, Боровск, Ярославль, Радонеж, Перемышль), а затем указывает волости добавочного их наделения из «князя великого удела Василья Дмитриевича»: это Козельск, Городец на Волге, Углич¹⁴².

Строй княжеской семьи и княжого владения, в остальном, по этой духовной грамоте, вполне традиционен. Во главе семьи – вдовствующая княгиня-мать, которая самостоятельно управляет своими пожизненными владениями – судом и данью; Владимировичи владеют своей отчиной по уделам, передавая их пожизненно вдовам и в потомственное владение сыновьям, но без права отчуждения и завещательного распоряжения выморочным уделом, который идет в раздел поровну братьям. Раздоры между братьями-князьями улаживаются съездом их бояр и окончательным решением княгини-матери под опекой великого князя, которому «приказаны» серпуховская княгиня и ее дети,

с тем чтобы он печаловался о них и доправлял, что установит княгиня, блюдя, чтобы отчине их было без убытка и их уделам.

Дробление владений князя Владимира Андреевича между сыновьями упразднило относительную значительность его княжества и свело князей Владимировичей на положение мелких подручников великого князя¹⁴³; моровое поветрие 1426–1427 гг. ни одного из них не пощадило, и последний отпрыск серпуховского княжеского дома Василий Ярославич выступает более значительной фигурой в княжеской московской среде, но его владельческое положение уже захвачено отношениями времен потрясшей всю эту среду смуты.

Однако, хотя строй владельческих отношений, сформулированный в духовной князя Владимира Андреевича, не создал никакой прочной и устойчивой организации Серпуховского княжества, он показателен и для сложившихся воззрений княжого права, и для условий данного исторического момента. Перед нами не удел Московской отчины, а особое вотчинное княжество, повторившее в своем внутреннем строе отношения того целого, из которого оно само выделилось. Владимировичи владеют своей отчиной по уделам, на началах традиционного семейно-вотчинного права и остаются объединенными в семейную группу как семейно-владельческой связью и старейшинством княгини-матери и старшего брата, так и единством внешней, политической связи с великим княжением. Но старейшинство серпуховского князя над братьями явно лишено какого-либо политического значения, а стало быть и реального веса, так как целиком подавлено зависимостью всей группы местных князей от великокняжеской власти. Единственной чертой политико-административного объединения этой группы и ее владений остается коллективная уплата дани на татарский выход в казну великого князя: серпуховская великая княгиня и ее сыновья собирают дань, *«коли выйдет дань великого князя ко Орде»*, каждый со своего удела *«по уроку»*, который точно изложен в духовной грамоте, а затем все вместе посылают ее к казне великого князя и сдают ее общей суммой, назначая для этого по боярину с каждого удела. В этом порядке – нет для Серпуховского княжества элемента сохранения его финансовой силы: тут только своего рода круговая порука по исполнению великокняжеского требования *«дани неминучей»*¹⁴⁴. В таких условиях, когда серпуховское княжество утратило последние черты политически-значительной единицы, сохранение его единства от окончательного вотчинного распада, а его князей от перехода в положение служивых подручников, а затем и княжат-землевладельцев становилось невозможным, и только моровое поветрие исказило и прервало этот процесс, пережитый рядом других измельчавших княжеских владений.

VII

Пререкания князя Владимира Андреевича с племянником, князем великим, о волостях обусловлены его принадлежностью к московской княжеской семье и его деятельным участием в борьбе за усиление великокняжеского владельческого – московского – центра. Двойственность его положения, как князя на своей серпуховской вотчине и как члена московской княжеской семьи, создавала противоречие между условиями прочного вотчинного владения обособленной волостью, княжением Серпуховским, и стремлением использовать на свое усиление участие в общем владении землями Московского княжества, по уделам-долям наделения из новых приобретений, осуществленных общими усилиями¹⁴⁵. Последнее было тем более соблазнительно, что между прямыми вотчиками по Дмитрии Донском дошли свои споры о волостях, свои разделы и переделы владениями, поставленные на очередь выделом «удела» для младшего Дмитриевича, Константина¹⁴⁶. Выдел этот вызвал ряд мен волостями между братьями, мен по договорным условиям и соглашениям, которые, не имея устойчивой опоры в подробном отцовском ряде, вносили начало произвола и «пожалования» в их взаимные владельческие отношения.

На почве этих проявлений «волощенья» между великим князем, его дядей и братьями сложились враждебные отношения между в. к. Василием Дмитриевичем и его братьями – вторым, Юрием, и младшим Константином. До нас дошел только один договор в. к. Василия Дмитриевича с братьями, притом только с двумя – Андреем и Петром; показательна сама бессодержательность этого договора, который только утверждает уговор князей «быти за один и до живота» и взаимное «блюденье» владений друг под другом, причем, однако, в нем не участвуют братья Юрий и Константин. О тех же отношениях между братьями свидетельствуют три духовные в. к. Василия Дмитриевича: в первой великий князь «приказывает» княгиню свою и сына князьям Владимиру Андреевичу и двум братьям – Андрею и Петру; во второй – тестю Витовту и братьям Андрею, Петру и Константину и серпуховским князьям Владимировичам; в третьей – им же, но опять без Константина¹⁴⁷. Юрий нигде не назван и, видимо, находился в гневной оппозиции к старшему брату во все время его великого княжения, хотя и ходил в походы по его посылкам на Новгород и в Двинскую землю, на волжских болгар. Ни летописные своды, ни иные какие источники не дают указаний на причины раздора между братьями; нет и договоров между ними. Обычно историки связывали с этими чертами их отношений ту особенность духовных грамот в. к. Василия Дмитриевича, что в

первой и в третьей он лишь условно благословляет сына великим княжением: «а дасть Бог сыну моему великое княжеше»... Правда, у нас нет прямых указаний на то, чтобы Юрий выдвигал свои притязания на великое княжение уже при жизни Василия Дмитриевича; но в пользу предположения, что князь Юрий, по меньшей мере, не хотел допустить подписи своего имени под именем племянника и признать старшего великокняжеского сына старшим себе братом, князем великим, говорит аналогия с поведением младшего Дмитриевича Константина, который в 1419 году вошел в розмирье с в. к. Василием и отъезжал от него в Новгород Великий из-за того, что великий князь его «восхоте подписати под сына своего Василья»¹⁴⁸. Предположение, что сходные мотивы руководили и князем Юрием в его отношениях к брату, князю великому, быть может, подтверждается и отсутствием между ними договоров, где соответственная формула была бы неизбежна¹⁴⁹.

Разлад между князем Юрием и в. к. Василием Дмитриевичем, во всяком случае, сложнее по мотивам, чем простой спор о волостях. Его выступление по смерти старшего брата против племянника, Василия Васильевича, не было неожиданным: оно явилось только завершением тех притязаний и отношений, какие сложились ранее. Поэтому надо признать, что нам в точности неизвестно, когда и в какой форме был впервые поставлен вопрос о сравнительном праве дяди и племянника на старейшинство в семье московских князей. С вопросом этим связано в нашей исторической литературе представление о смене старого «родового» порядка наследования в княжеской власти «новым», вотчинным, от отца к сыну, с исключением боковых линий. Однако нельзя упускать из виду, что вотчинное наследование само по себе старинное, исконное явление княжого права, но касалось оно вотчинных княжений, возникавших в переходе княжества от отца к сыновьям путем потомственного владения общей отчиной и дединой по уделам и ее распада в смене дальнейших поколений. С этим вотчинным наследованием не следует, однако, смешивать преемства в старейшинстве среди целой группы князей-братьев и родичей; это последнее было явлением не владельческого, а семейного права и в княжеской среде явилось носителем тенденций и интересов политического характера. Ряд попыток свести и это преемство, при связи великокняжеского старейшинства с определенным столом княжения, к вотчинному наследованию в кругу одной отцовской семьи наблюдаем издревле – с выдела Полоцкой отчины для «Рогволожих внуков», а еще ярче в борьбе старшей линии Мономашичей за вотчинное право на «золотой стол Киевский» и связанное с ним старейшинство во всей братье, князьях русских. То, что не удалось Мономашичам на юге, осуществили на севере московские Данило-

вичи. Они создали себе крепкую отчину вокруг своего вотчинного города, добились великого княжения Владимирского и всея Руси, стали во главе Великороссии, утвердили свое господство над Великим Новгородом, привели под свое великокняжеское главенство и Тверь, и Рязань, и Нижний Новгород, сохраняя в течение трех поколений великокняжеское преемство в своей семье. По составу этой семьи, вопрос о взаимоотношении в ее среде между дядей и племянником возник лишь однажды – при Дмитрии Донском, когда Владимир Андреевич признал двоюродного племянника старшим себе братом; но и тут еще не было ничего «нового», а только лишний пример отдаления от старейшинства боковой линии, осевшей на своей обособленной вотчине.

На иной, подлинно «новой» почве возникают притязания князя Юрия Дмитриевича и разгорается затяжная смута в московской семье наследников Дмитрия Донского. Эта иная почва создана той новостью, какую находим в духовной грамоте в. к. Дмитрия Ивановича: применением вотчинного начала к великому княжению и его территории. Дмитрий «благословил» сыновей Владимирским великим княжением, Галичем, Белоозером, Угличем. Эти владения стоят еще особо от Московской вотчины как и Переяславль, и Кострома, которые впервые появятся особыми вотчинными единицами в духовной Василия Темного, хотя еще Донской распорядился переяславскими и костромскими волостями в своем «ряде» детям. Кроме того, крупный шаг к закреплению связи великокняжеской власти с вотчинным владением и наследованием сделан в. к. Дмитрием в создании великокняжеского удела, как особого владения среди московской вотчины, которое не подлежит ни в каком случае разделу между братьями, а целиком переходит к тому из них, кто станет великим князем.

В. к. Дмитрий Иванович в своем «ряде» имел в виду только своих сыновей, ближайшее поколение московских вотчичей. Но его духовная неизбежно должна была, в дальнейшем, возбудить новый вопрос. Ее применение ясно и просто при бездетной смерти старшего сына; но как быть при наличии у него сына-отчича? что возьмет верх – вотчинность или старейшинство? Так, установление новой черты московского княжого права – неустранимой связи между великим княжением и московско-коломенскими владениями, которые стали «уделом князя великого», вело к тесному сплетению и слиянию преемства в великокняжеской власти и вотчинного наследования по «ряду» отца, великого князя. А за этой новостью княжого права стоял реальный факт великорусской политической действительности, что Москва, а не Владимир, подлинный центр великого княжения всея Руси.

Такое значение Москвы, созданное ее политико-стратегическим весом и ролью резиденции великих князей и митрополитов всея Руси, сложилось со времен Калиты, а при Дмитрие Донском определилось и окрепло. С этой поры великое княжение без Москвы неосуществимо и немыслимо, в ней его реальная опора и организующий его силы центр. А Москва – семейная вотчина Даниловичей, точнее – Дмитриевичей Донского. Владение ею подчинено традиционным семейно-вотчинным порядкам. По смерти отца во главе семьи стоит вдовствующая княгиня-мать, Москва и ее станы в совладении братьев-отчичей, московские волости в их доле владении по уделам, с перспективой вотчинного распада и с весьма условным объединением воинских сил и финансовых средств всего княжества. Такой строй внутренних отношений делал Московское княжество ненадежной опорой для великокняжеской политики, а положение великого князя, руководителя всей политической жизни Великороссии – внутренне противоречивым и житейски фальшивым. Это глубокое несоответствие строя княжого владения политическим задачам великокняжеской власти – основная причина острого кризиса, который назревает в дни Василия Дмитриевича, разражается бурной смутой при Василии Темном и находит разрешение после новых столкновений в недрах княжеской семьи при Иване III ликвидацией удельно-вотчинного строя.

Борьба князя Юрия Дмитриевича с Василием Темным – это борьба за Москву. Великое княжение стало из Владимирского Московским. Это борьба за старейшинство в московской княжеской семье, от которого неотделима великокняжеская власть. В ней с новой силой вскрылась необходимость перестройки всего уклада семейно-вотчинных отношений на новых, политических началах великокняжеского властвования, если только вековой строительной работе московских государей суждено было избежать крушения. Слияние великого княжества с московской отчиной в единое Московское государство – вотчину государя великого князя, и превращение московской княжеской семьи в «царствующий дом», династию московских государей – с соответственной перестройкой ее внутренних отношений, таковы результаты кризиса, пережитого междукняжескими отношениями при Василии Темном и Иване III. Исторический процесс вел московских Даниловичей к этим двум результатам в течение второй половины XIV века и в XV столетии, а смута при в. к. Василии Васильевиче резко вскрыла его зрелость и ускорила его завершение.

Эта смута зародилась в отношениях времени Василия Дмитриевича и разразилась тотчас по его смерти¹⁵⁰. В. к. Василий благословил перед кончиной в свое место десятилетнего сына Василия; опекуном юного князя оказался митр. Фотий с боярами.

И началась борьба, некоторые моменты которой требуют особого внимания. В ту же ночь, когда скончался в. к. Василий Дмитриевич, митр. Фотий послал в Звенигород за князем Юрием, но тот удалился в Галич и стал собирать всю свою ратную силу. Московские правители ответили также быстрым сбором войска и выступлением против Юрия, который отступил к Нижнему¹⁵¹.

До битвы дело не дошло; заключено перемирие и начались переговоры. За в. к. Василия стали, кроме московского правительства с митр. Фотием и в. к. Софьей во главе, его дяди Андрей, Петр и Константин и «все князи и бояре земли его»; прибегли и к в. к. Витовту, которому покойным великим князем завещано было «печалование» о сыне, его внуке. По общему совету¹⁵² митр. Фотий сделал попытку добиться соглашения, но князь Юрий не хотел мира, а настаивал на перемирии, и только под карой митрополичьего неблагословения согласился прислать в Москву своих бояр для дальнейших переговоров. И то состоялось лишь соглашение, что «князю Юрию не искати княжения великого собою, но царем, которого царь пожалует, той будет князь великий Владимирский и Новугороду Великому и всей Руси».

Так повествуют наши летописные своды. Но они опускают ряд данных, которые объяснили бы дальнейший ход событий. Повидимому, на этот раз дело обошлось без обращения к ханской власти¹⁵³. Юрий не решился на борьбу, главным образом, ввиду той литовской поддержки, какая при посредничестве в. к. Софьи Витовтовны и митр. Фотия стояла за в. к. Василием. О значении этой поддержки свидетельствуют подчинение в эту пору великорусской великокняжеской политики литовскому влиянию и новый взрыв борьбы за великое княжение тотчас по смерти Витовта и переходе власти на Литве к Свидригайлу, свояку князя Юрия Дмитриевича.

Внуку пришлось не дешево заплатить за «печалование» деда. Пользуясь своим перевесом над Москвой, Витовт сделал попытку возобновить наступление на Псков и на Новгород; в 1426 г. он нападает на Псковскую землю и принуждает псковичей купить мир уплатой крупных сумм. Призывы о помощи, обращенные псковичами к Новгороду и в. к. Василию, остались втуне. В 1428 г. Витовт идет на Новгородские волости и принуждает новгородцев просить мира «по старине» с уплатой крупной контрибуции. Бессилие западных окраин Великороссии перед литовским напором сказывается в их разрозненности; Новгород не решился помочь псковичам, ограничился бесплодным дипломатическим представительством; Псков заключает с Витовтом мир, «а без Новгорода», и принял обязательство не помогать Новгороду. За ними не было великокняжеской силы. В. к. Василий посылал к Витовту посла с протестом против разорения

своей отчины, дал псковичам князя по их челобитью, но активно не смог за них вступиться, а «деду своему князю Витовту и крест целова, что ему не помогати по Новгороде, ни по Пскове»¹⁵⁴.

Московские великокняжеские силы оставались свободными для давления на князя Юрия. Только в марте 1428 года удалось привести его к докончанию на всей воле великого князя. Но договор, тогда заключенный, ликвидирует едва ли только мероприятия, принятые в 1425 году, в те первые моменты розмирья, о которых только и повествуют наши летописные своды. Великокняжеские наместники и волостели, посельские и тиуны и позднее «ведали» отчину князя Юрия и села его бояр, пока князь Юрий не согласился на договор, которым признал в. к. Василия братом себе старейшим, обязался не вступаться в московские и коломенские его владения, в Нижний Новгород и Муром и во все великое княжение ни под ним, ни под его детьми¹⁵⁵.

Однако и этот договор дал только перемирие, хоть и устанавливал обязательство князей быть «езде за один и до своего живота». Он заключен через месяц после кончины князя Петра Дмитриевича, бездетного дмитровского князя, а этой смертью создан еще новый повод для раздоров между князьями – из-за судьбы выморочного Дмитровского княжества: в договоре в. к. Василия с дядей Юрием нет упоминания о Дмитрове, хотя этот вопрос должен был стать очередным в момент их докончания; из дальнейшего видно, что Дмитровым овладел великий князь и притом без раздела дмитровских волостей с дядями.

Договор 1428 года установил лишь временный и худой мир. Внешнее равновесие продолжалось года два. А 1430–1431 года принесли два многозначительных события: смерть Витовта в октябре 1430 года и митр. Фотия в июле 1431 г. В Москве не стало авторитетного руководителя великокняжеского правительства, а на Литве власть перешла к свояку князя Юрия – Свидригайлу. Юрий Дмитриевич тотчас «розверже мир» с великим князем и отослал в Москву свой противень договорной грамоты 1428 г. вместе со складной грамотой¹⁵⁶. «Спершись о великом княжении», князья решили, по прежнему соглашению, идти в Орду на ханский суд. К сожалению, дальнейший ход дела изложен в наших летописных сводах сбивчиво и противоречиво, в сокращении и сводке более обстоятельных первоисточников, так что восстановить последовательность событий и их характер с достаточной уверенностью трудно.

Большой интерес представляет изложение аргументов, какими князья поддерживали свои притязания. По летописному рассказу, князь Юрий обосновывал их *«летописцами и старыми списками и духовною отца своего великого князя Дмитрия»*. Главный его аргумент – ссылка на «мертвую грамоту отца» – показывает, что добивался он не только стола великого княжения,

но и московско-коломенского удела, как великокняжеского, стало быть отрицал утрату статьей духовной грамоты Донского о том, что этот удел должен перейти, по смерти старшего Дмитриевича Василия, к следующему брату, всякого значения, раз у Василия Дмитриевича имелся сын – вотчич этому уделу. Аргумент этот вытекал естественно из окрепшей связи между московско-коломенскими владениями и властью великого князя, но резко противоречил вотчинной традиции¹⁵⁷; даже среди лиц, близких к князю Юрию, проявилось затем сомнение в законности подобного притязания и возникла попытка разрешить вопрос отделением Москвы от Коломенского удела с признанием вотчинных прав Василия Васильевича на этот последний и сохранением за Москвой исключительно значения резиденции великого князя.

В этом скрещении вотчинного права с преемством на великом княжении была слабая сторона домогательств Юрия. Представитель малолетнего великого князя, боярин И.Д. Всеволожский, противопоставил им права Василия Васильевича «по отчеству и по дедству», а поддержал свою аргументацию ссылкой на ханское пожалование, обеспеченное за сыном еще в к. Василием Дмитриевичем, и его политическую надежность в отличие от Юрия, «побратима» литовскому Свидригайлу. Осложненный борьбой между влиятельными ордынскими вельможами, спор князей затянулся и не получил сразу того определенного решения, какое дают ему некоторые из летописных сводов. С осени 1431 года и до следующего лета продержали русских князей в Орде, пока в июне 1432 года хан не отпустил их «на свои отчины», причем «придал» к владениям князя Юрия Дмитров со всеми волостями, т. е. весь Дмитровский удел¹⁵⁸. Вопрос о великом княжении остался открытым¹⁵⁹, по крайней мере формально, и только через три месяца ханский посол водворил Василия Васильевича на столе великого княжения.

Утвердившись на великом княжении, Василий Васильевич вернул себе Дмитров¹⁶⁰. Борьба началась заново, вооруженной рукой. Князь Юрий быстрым наступлением сломил собранное наспех ополчение в к. Василия, вынудил его к бегству в Тверь, а оттуда в Кострому, тут захватил его и принял его челобитье. И Юрий сел великим князем на Москве, но Коломенский удел вернул племяннику, по совету своего ближнего боярина Семена Морозова. Это имело сразу характерное последствие: бояре и вольные слуги московского великокняжеского двора *«начата отказываться от князя Юрия Дмитриевича за великого князя Василия Васильевича и поидоша с Москвы на Коломну безпристанни»*¹⁶¹. Князь Юрий потерпел крушение на попытке отделить неотделимое: великокняжескую власть от ее владельческой базы, с которой тесно связан организационный центр этой власти –

московский великокняжеский двор. Его сыновья сразу поняли, что при таком положении все потеряно, убили Морозова и покинули отца. Юрию осталось признать, что «великое княжение ему непрочно», и мириться с племянником. По новому договору князь Юрий обязался иметь Василия «собе братом старейшим» и держать его «в старейшинстве»; отрекался от притязаний на великое княжение и на все владения племянника, а также на всю дмитровскую отчину брата Петра, обязуясь выдать и ярлык, полученный им на Дмитров от хана; отказывался впредь от сношений с Ордой, хотя и выговорил себе право не участвовать в походах против Литвы¹⁶².

Договор этот был заключен Юрием в гневе на покинувших его сыновей: он принял обязательство – не принимать к себе «и до своего живота» Василия Косого и Дмитрия Шемяку. Эти Юрьевичи засели в Костроме, и попытка великокняжеской рати выбить их оттуда кончилась ее поражением, причем оказалось, что в бою против в. к. Василия участвовали полки Юрия Дмитриевича с его воеводами. Борьба поднялась с новым ожесточением, и в. к. Василий, вторично разбитый в Ростовской области, вынужден бежать в Новгород Великий, а оттуда пробрался в Нижний. Юрий опять водворился в Москве. На этот раз сила Василия казалась вовсе сломленной, и младшие князья спешат перейти на сторону победителя. Можайские Андреевичи – Иван и Михаил¹⁶³ – снова признали великокняжескую власть Юрия¹⁶⁴, как признал ее и рязанский князь Иван Федорович¹⁶⁵, младшие Юрьевичи – оба Дмитрия преследуют низложенного великого князя, которому, казалось, остается только бежать в Орду.

Но весь успех его врагов рухнул с неожиданной смертью Юрия Дмитриевича. На Святой неделе 1434 года сдалась Москва Юрию, а 5 июня он скоропостижно умер¹⁶⁶. Старший сын его, Василий Шемяка, занял было стол великого княжения, но братья не признали его, а поспешили помириться с в. к. Василием. И Василий Васильевич, которому «не бысть ниоткуда помощи», снова сел «на своей отчине, на великом княженьи Московском»¹⁶⁷. По договору с Дмитрием Шемякой в. к. Василий утверждает за собой не только московско-коломенские владения и все великое княжение, но и Дмитровский удел и Звенигородский удел князя Василия Юрьевича, что князь великий «взял себе»; Шемяка, заново поделившийся Галицкой вотчиной с младшим братом Дмитрием, получает сверх Галича, Рузы и Вышгорода от великого князя «в удел и в вотчину» Ржеву и Углич, бывший удел дяди Константина, но отступается от Вятки¹⁶⁸; Дмитрий Юрьевич младший получил Бежецкий Верх¹⁶⁹. Помирился в. к. Василий и с Василием Юрьевичем после военных действий 1435 года; весной этого года состоялось их докончание. Великий князь не возвратил Василию Юрьевичу его Звенигородского удела, не

восстановил его в удельном владении Галицкой отчиной, а пожаловал в удел и в вотчину Дмитров с волостями¹⁷⁰. Но Василий только месяц усидел в Дмитрове. Новое его выступление показывает, что главная его обида в устранении от галицких вотчинных владений. Захватив Кострому и послав отсюда «розметные грамоты» великому князю, Василий Юрьевич идет на Галич, собирает ратную силу, в том составе – вятчан и двор галицкого князя Дмитрия Юрьевича. Из Галича Василий идет на Устюг, где встретил серьезное сопротивление и покарал за то устюжан жестокими карами¹⁷¹. Это выступление Василия Юрьевича навлекло подозрение великого князя и на Шемяку, который отправлен на заточение в Коломну, а сам в.к. идет на Василия Юрьевича с его братом, Дмитрием младшим, и можайским князем Иваном; значительной поддержкой оказалась литовская помощь – приход к в.к. Василию друцкого князя Ивана Бабы. С этой помощью Василий Юрьевич был разбит и взят в плен. Его бурная политическая карьера тем и закончилась; ослепленный по приказу в.к. Василия, он дожил до 1448 г. вне активной жизни¹⁷². Этими событиями закончился первый акт московской смуты. Бурно смял он, исказил и перепутал все налаженные обычным порядком отношения. Рушился семейный строй московского княжого дома перед новой перспективой выдела одного из уделов московской отчины в обособленную вотчину галицких князей. На место обычноправовых владельческих отношений стали захват, определение владений по «пожалованиям» и «докончаниям», жестокая борьба, в которой нарастают черты крайнего ожесточения, предательства и насилия. Эти черты – показательны. Им предстоит дальнейшее нарастание и развитие. В них – психический отзвук предсмертных судорог разлагавшегося, изжитого строя.

VIII

Сломив Василия Косого, смилив Шемяку, в.к. Василий Васильевич мог считать смуту исчерпанной. Прошло несколько лет до ее нового взрыва. Но тогда она поднялась с сугубой силой и накопившимся раздражением, глубже захватила мелких князей Великороссии, а разыгралась в более сложной обстановке – в нее замешаны и татары, и Тверь, и Великий Новгород.

Смута привела в расстройство дела великого княжения. С Москвой перестали считаться. Правда, рязанский великий князь не уклонился от ратной помощи Василию Васильевичу против Юрия, но и он признал Юрия великим князем при вторичном захвате Москвы. Внутренняя разруха грозила вовсе подорвать значение Москвы, как великокняжеского центра, тем более что и

последние годы Василия Дмитриевича укрепили ее зависимость от мощного литовского влияния, и опека деда Витовта над московским внуком углубляла смысл этой зависимости: видим в. к. Василия Васильевича с митр. Фотием вместе с великими князьями тверским и рязанским при дворе Витовта в Троках на знаменитом «коронационном» съезде 1430 года. Тверской великий князь состоял притом с 1427 года с Витовтом в договоре, которым признавал себя «при его стороне» с обязательством «пособлять ему на всякого, не выимая», и эти литовские связи Твери оказались настолько прочными, что, как выше было упомянуто, в. к. Борис возобновил с Казимиром Ягеллончиком в 1449 г. договор о подчиненном одиначестве, а в. к. Василию пришлось – в том же году – признать тверских князей состоящими «в стороне» литовского великого князя¹⁷³.

При таких условиях не мудрено, что и вопрос о замещении митрополии после кончины Фотия не мог быть разрешен по воле великорусского великого князя. Новый литовский великий князь Свидригайло отправил в Константинополь на поставление в митрополиты смоленского епископа Герасима, который и был поставлен на митрополию всея Руси¹⁷⁴. Московские правители не пытались послать в Константинополь своего «нареченного» кандидата – Иону рязанского¹⁷⁵, хотя Герасим на Москве и не появлялся¹⁷⁶: он, видимо, ожидал победы Юрия Дмитриевича, которая ему доставила бы осуществление прав на митрополию всея Руси. Перипетии московской смуты, затем смерть Юрия разбили эту перспективу, а летом 1435 г. Герасим погиб жертвой гнева Свидригайла за какую-то «измену». Теперь в. к. Василий отправил Иону на патриаршее поставление, но в Константинополе более широкие и важные цели – проекты унии – привели к посвящению на русскую митрополию грека Исидора. Митрополию не удалось вернуть в состав великорусских политических сил, пока низложение Исидора, разрыв с Константинополем и решительная ее национализация не вывели русскую церковь на новый исторический путь.

Великий Новгород держался осторожно и уклончиво перед московской княжеской смутой¹⁷⁷. В. к. Василий нашел у него убежище, когда вынужден бежать от дяди Юрия; новгородцы пережили момент острой тревоги, выступали ополчением, но буря их не захватила. Вскоре появился у них другой гость – Василий Косой, искавший средства для новой борьбы, и, уходя, грабежом новгородских волостей оплатил за отказ в поддержке. Зимой 1435 года, когда в. к. Василий вновь утвердился на столе своем, Великий Новгород вступает с ним в соглашение на том, что великий князь вернет Новгороду «новгородскую отчину» – все великокняжеские захваты прежнего времени – Бежецкий Верх и земли на Волоке Ламском и на Вологде и пришлет на условлен-

ный срок своих бояр «на розвод земли», а новгородские бояре вернут ему доходные статьи, издавна спорные «князьщины». Но покончив с Василием Косым, великий князь не выполнил «розда», не учинил «исправы» и «отчины новгородской нигде новгородцам не отвел». Требования его возросли, обещанные уступки сокращены, и новгородцам пришлось выдать ему в 1437 году черный бор «на новоторжских волостях на всех, куды пошло по старине»¹⁷⁸. Развитие политической самостоятельности Великого Новгорода все более подрывало новгородские «пошлины» великого князя, и настояния великокняжеской власти «пошлин не таити, по целованью» переходили в попытки восстановления фактически утраченных или периодически не осуществлявшихся прав; эти настояния, с одной стороны, и непрерывные столкновения из-за волостей, которые великими князьями захвачены из «новгородской отчины» в свое прямое распоряжение, с другой, создавали неизменный повод для новых и новых вспышек «розмирья». В 1441 году в. к. Василий подверг новгородские волости большому разоренью, несмотря на встречные действия новгородских воевод с заволочанами, причем двинул на них и псковичей, и тверскую рать. Новгород вынужден добить ему челом о мире с уплатой 8.000 рублей и обязательством восстановить «по старине» великокняжеские оброки и пошлины¹⁷⁹. Давняя и коренная неустойчивость этих отношений великокняжеской власти дала Шемяке повод к попытке использовать новгородское недовольство для новой смуты. О такой попытке летописи сохранили только краткое и неполное упоминание. Надо полагать, что какими-то действиями Шемяки во время новгородского розмирья вызван поход на него в. к. Василия, состоявшийся тотчас по заключении мира с Новгородом. Шемяка бежал в Новгородскую область и обратился в Новгород с предложением, чтобы новгородцы приняли его к себе на княжение на всей своей воле. Уклончивый ответ заставил Шемяку добить челом великому князю через троицкого игумена Зиновия¹⁸⁰. Толчком к новому взрыву смуты послужили не новгородские, а татарские дела. Все глубже сплетаются сложные трудности внешнего положения великокняжеской власти с неустойчивым равновесием внутреннего строя Великороссии.

Золотая Орда, окрепшая было при Мамае, Тохтамыше, Едигее, снова пошла по пути распада. Значительные обломки татарской силы организуются особо, и этот процесс, ослаблявший векового врага Руси, имел на первых порах такое влияние на ее судьбы, что приблизил непосредственную татарскую опасность: орды, выделявшиеся из Кипчакского царства, придвигаются в поисках нового центра к пределам Русской земли. Осенью 1438 года хан Кичи Махмет выбил из Золотой Орды брата Улу-Махмета, и тот засел в Белеве. Ища пристанища, поддержки и безопасности,

Улу-Махмет «начать даватися во всю волю русским князем», обещая, если овладеет царством в Золотой Орде, «стеречь земли русской», а «по выходы не посылати, ни по иное ни что». Но в. к. Василий послал на него двух князей Дмитриев Юрьевичей, чтобы выбить его из русских пределов. Однако дело кончилось поражением русской рати, и Улу-Махмет засел в Нижнем Новгороде старом, где продержался до осени 1445 года. В нижегородском «меньшом городе» затворились было воеводы великого князя, но, в конце концов, голодовка заставила их сжечь город и уйти к Москве. Улу-Махмет делает из захваченного укрепления набег на Русь, под самую Москву, сжигает Коломну, нападает на Муром¹⁸¹. В те же годы на Рязанскую землю приходил царевич Мустафа и расположился на зимовку в Рязани; в. к. послал на него рать, усиленную пешим рязанским ополчением, рязанскими казаками и отрядами мордвы; татары побиты; погиб и Мустафа¹⁸².

Эта тяга к русским пределам отбросов татарской силы, видно – немалочисленных и крепких боевой годностью, стала источником нового явления, чреватого не маловажными последствиями. В составе боевых сил великого князя появляются служилые татарские царевичи и ордынские князья с отрядами своих слуг и воинов. Уже в 1445 году в. к. Василий посылает в поход на литовские города двух царевичей; упоминается, в ту же пору, служилый царевич Бердыдад¹⁸³. Улу-Махмет, вытеснив воевод из нижегородского городка, послал сыновей Мамутяка и Якуба на в. к. Василия. Шемяка не пошел на помощь, Бердыдад не успел к бою, и великий князь был разбит у Спас-Евфимьева монастыря и попал в плен с верейским князем Михаилом Андреевичем и многими боярами¹⁸⁴.

К сожалению, мы не знаем в точности, что произошло затем между ханом и его пленником. Наши летописи – одни, видимо, воздерживаются от изложения условий их dokonчания, другие – упоминают про огромный выкуп, будто в 200 тысяч рублей, и добавляют: «а иное Бог весть, да они»¹⁸⁵. Улу-Махмет отпустил в. к. Василия из плена на крайне тяжелых условиях; в. к. Василий освобожден с князем Михаилом и всеми боярами, но пошли с ним на Русь и многие татарские князья со многими своими людьми.

По Руси пошли фантастические слухи, использованные Шемякой, чтобы напугать князя Ивана Можайского, будто Василий Васильевич *«ко царю целовал крест, что царю сидети на Москве и на всех градах русских, и сам хочет сести во Твери»*. И позднее винули в. к. Василия *«чему еси татар привел на Русскую землю, и города дал еси им, волости подавал еси в кормление? а татар любишь и речь их паче меры а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и сребро и имение даешь татаром?»*¹⁸⁶ В дни большой беды – ослепления и изгнания – видим в ряду предан-

ных сторонников в. к. Василия двух сыновей Улу-Махмета – Касима, по прозванию Трегуба, и Якуба, которые пришли со своею силою *«искати великого князя за прежнее его добро и за его хлеб, много бо добра его до них было»*¹⁸⁷. Какое же «добро» связало татарских царевичей с верной службой великому князю? В ту пору Улу-Махмет, после соглашения с в. к. Василием и его отпуском, пошел на Казань, городок князька Азы-Алибека, взял его, но был убит сыном Мамутеком, основателем Казанского царства. А братья Мамутека – Касим и Якуб – служат «со всею силою» в. к. Василию на всякого недруга и прежде всего против ногаев и казанских татар. Однако мы ничего не знаем об их «кормлении за службу», конечно, не случайно, как не случайно молчат наши источники о времени возникновения Касимовского царства. Только договор Ивана III с рязанским князем Иваном Васильевичем сообщает, что в. к. Василий Васильевич «кончал» с царевичем Касимом за себя и за рязанского князя об их положении, как владельцев Мещерской земли¹⁸⁸.

В этом круге отношений и фактов – реальная основа раздраженных нападков на в. к. Василия за его пристрастие к татарам, новой опоре в обороне страны и власти великого князя; для впечатления, какое произвели на Руси эти татарские связи Василия, показательно намеренное замалчивание их фактических деталей в наших летописных сводах, пройденных позднейшей редакторской рукой.

В. к. Василий вернулся из плена, окруженный татарами и обремененный тяжким долгом, от которого настала крестьянству великая тягость. А по вестям о его пленении Москва пережила острую панику; ждали прихода татар, великие княгини бежали в Ростов, бояре стали покидать город, черные люди подняли бунт против малодушия покидавших столицу, укрепляли город, готовились к осаде. Татары под Москву не пошли, а поднялся Шемяка, которого особый посол Улу-Махмета известил о поражении и плене в. к. Василия. Однако соглашение великого князя с татарами предупредило, на первых порах, захват Шемякой Москвы и великого княжения. Василий Васильевич вернулся 17 ноября 1445 года на свой стол великого княжения, но не долго. Удручающее впечатление его возврата с татарской силой и татарскими обязательствами создало настроение, которое едва его не сгубило. Шемяка привлек на свою сторону можайского князя Ивана, обеспечил себе согласие тверского великого князя Бориса, снесся с враждебно настроенными москвичами – из московских бояр, купцов и монахов и в феврале 1446 г. захватил наездом великого князя в Троицко-Сергиевом монастыре на богомолье, велел его ослепить и сослал в Углич, а в. к. Софью Витовтовну в Чухлому¹⁸⁹.

Новая «беда зла», поразившая в. к. Василия, грозила полным

крушением великорусской великокняжеской власти. «Победителей», опьяненных быстрым и легким успехом, обуяло стремление к разделу между собой великого княжества на крупные самостоятельные владения. Можайский князь Иван Андреевич, который и раньше переходил на сторону Шемяки, но покинул его за пожалование Суздалем¹⁹⁰, опять вернулся к Дмитрию Шемяке, обеспечив закрепление за собой Суздали¹⁹¹. Но это вызвало решительный протест суздальских отчичей, князей Василия и Федора Юрьевичей, которые добились договора о восстановлении в их обладании суздальской «прадедины, дедины и отчины» – Суздали, Новгорода Нижнего, Городца и Вятки¹⁹². Тверской великий князь Борис Александрович еще ранее использовал московскую смуту для нападений на новгородские волости¹⁹³.

Но все наиболее значительные общественные силы великого княжения, как и в первую утрату Москвы в. к. Василием, поднялись на нового захватчика. Бояре и служилые князья попытались укрыть от Шемяки детей Василия, но Дмитрий Юрьевич заставил епископа Иону, нареченного митрополита, привести их из Мурома, куда их увезли бояре, на Москву и нарушил обещание дать им с отцом свободу и «отчину довольну», а послал к отцу в заточение в Углич. Этим он только усилил брожение, направленное против его власти. Сторонники в. к. Василия собирались за литовским рубежом вокруг серпуховского князя Василия Ярославича и князя Семена Оболенского¹⁹⁴, к ним бежал с Москвы и Федор Басенок; князья Ряполовские, Стрига-Оболенский и другие собирали силу идти к Угличу на службу своему князю; весь двор его потянулся прочь от Шемяки. Настойчивые протесты Ионы и волнение московской служилой среды заставили Шемяку выпустить Василия Васильевича из угличского заключения¹⁹⁵ и дать ему «в вотчину» Вологду, конечно, укрепив его «крестным целованием и проклятыми грамотами»¹⁹⁶. Но великий князь, получив свободу, отправился под видом богомолья в Кирилобелозерский монастырь, где игумен Трифон разрешил его от вынужденного крестного целования; и отсюда ушел в Тверь к Борису Александровичу, союз с которым укрепил обручением семилетнего сына Ивана с пятилетней тверской княжной Марьей Борисовной, освобождение великого князя дало толчок общему движению его сторонников. Москва занята без боя, в. к. Василий двинулся на Шемяку и можайского князя «со мною силою» от тверской границы, из-за Литовского рубежа пришли силы Василия Ярославича, а с ними соединились и татарские царевичи. Дмитрию Шемяке пришлось уйти в свой Галич и просить мира¹⁹⁷. Но и это примирение не внесло успокоения, не помогли крестное целование и «проклятые грамоты». Дмитрий Шемяка делает – в ближайшие годы – ряд попыток возобновить борьбу, попыток бессильных, но тревожных, которые вызывали

вспышки суетливой и бесплодной усобицы, направленной, со стороны великого князя, на то, чтобы до конца смирить Шемяку и покончить с его покушениями возбудить против великокняжеской власти все возможные элементы недовольства и опереть их на связи с внешними ее врагами. Ряд татарских набегов, тревоживших Великороссию в конце 40-х и начале 50-х годов, обусловлен, в значительной мере, не только тем, что, как в старину, княжая «котора» облегчала «поганым» возможность «нести розно Русскую землю», но и прямыми сношениями Шемяки с Казанью. Шемяка призывал в то же время других князей, Великий Новгород, вятчан, а также бояр и слуг великокняжеских на свою сторону, во имя освобождения Москвы от господства в ней татар, приятелей в. к. Василия¹⁹⁸.

Этим проискам и усилиям Шемяки в. к. Василий противопоставит не только ратную силу. Он отдал свои раздоры с князем Дмитрием на суд освященного собора, которому представил докончальные и перемирные грамоты Шемяки и доказательства нарушения им всех основ «одиначества». Духовенство выступило против Шемяки с пространнным обличительным посланием, налагая на него отлучение, если он не исправится по всем статьям крестоцеловального докончания. Это выступление духовенства закрепляло за великим князем общее мнение правящих кругов. По поставлении своем на митрополию Иона разослал окружную грамоту, обращенную к князьям, боярам, воеводам и всему «христоименитому людству» об изменах князя Дмитрия и отлучении, наложенном на него всем освященным собором, если он возобновит свои покушения на великого князя, «на христианское нестроение и кровь»¹⁹⁹. В то же время в. к. Василий рядом договоров изолирует Шемяку в княжеской среде. Можайский князь Иван Андреевич связал свою судьбу с Шемякой, но соглашение в. к. Василия с Борисом тверским заставило обоих князей искать мира при посредничестве князей Михаила Андреевича и Василия Ярославича²⁰⁰. Но докончание состоялось на этот раз только с Иваном можайским, который примирился с великим князем при посредничестве и под гарантией тверского великого князя Бориса²⁰¹. Однако князь Иван не порвал еще с Шемякой и, видимо, настаивал на включении в мирные соглашения и его²⁰². В начале 1448 года при возобновлении враждебных действий между в. к. Василием и Шемякой, Иван можайский снова становится на сторону противников великого князя. Широкие планы еще не улеглись. Князь Иван ведет переговоры с литовским великим князем Казимиром, как Шемяка с татарами, ища союза для захвата великого княжения: князь Иван обязался уступить Казимиру Ржеву и Медынь, если тот посадит его на «великом княженьи на московском»²⁰³. Но реальная его обида была в том, что он лишился Бежецкого Верха, добытого в пожалование

от великого князя; и в. к. Василию удалось опять отделить князя Ивана от Шемяки возвратом ему этого владения²⁰⁴, чтобы затем покончить с ними порознь. Одинокó тянул Шемяка еще несколько месяцев свое безнадежное сопротивление. Против него стоял теперь князь великий в мире со всеми силами Великороссии, хотя и не достиг еще властного распоряжения ими. Отношение тверского великого князя к московским делам можно назвать отношением дружественного к в. к. Василию нейтралитета. С рязанским великим князем Василий Васильевич в договоре, по которому в. к. Иван Федорович признает себя «братом младшим» великому князю всея Руси, отказывается от самостоятельных внешних сношений и обязуется держать полное одиначество в отношении ко всем друзьям и недругам²⁰⁵. Брат Ивана Можайского верейский князь Михаил Андреевич отделился от брата, как только тот стал на сторону Шемяки, и сидел на своих верейских и белозерских волостях верным подручником, «младшим братом» великого князя, который снял в 1447 году на два года уплату «выхода» с его владений и придал к ним «в вотчину и в удел» половину Заозерья и еще сто деревень²⁰⁶. Верным подручником в. к. Василия был и Василий Ярославич, последний отпрыск серпуховского княжеского дома, снова объединивший в одном владении серпуховскую отчину; и он получил «в удел и в вотчину» Дмитров и Суходол²⁰⁷.

Покинутый даже Иваном Можайским, Шемяка сохранил некоторую надежду на Новгород, по крайней мере как последнего пристанища. Великий Новгород, широко развивший практику «кормления» у себя пришлых князей, и великорусских, и литовских, дорожил свободой своих отношений, не вмешиваясь в усобицу князей и вытекавшие из нее вражды. В Новгород и ушел Шемяка, когда в 1450 году в. к. Василий закончил борьбу с ним завоеванием Галича и «наместников своих посадил по всей отчине той». Новгородцы приняли к себе беглого князя, приняли и вторично, когда он вернулся после неудачной попытки захватить Устюг²⁰⁸. Не повлияли на новгородцев и настояния митр. Ионы, что Дмитрий Шемяка не может быть принят в общение, как отлученный от церкви по своим деяниям, и что Новгород даст ему не только убежище, но и опору для враждебных действий, так как набег на Устюг он учинил, оставив в Новгороде семью свою и всю свою казну²⁰⁹.

Бурная эпопея Шемяки закончилась только его «напрасной» смертью – в июле 1453 г. – от «лютого зелья», подосланного московским великокняжеским двором²¹⁰.

Смертью Шемяки завершилась кровавая московская драма с ее ожесточенной усобицей, ослеплениями, отравлениями, предательствами и насилиями. Это была не великая смута начала XVII века, она не захватила народной массы, не разрушала сложив-

шихся устоев общественной жизни. Но традиционный политический строй Великороссии, обычный уклад ее междукняжеских отношений вышел из нее разбитым и поруганным. Захваты чужих владений, вынужденные «пожалования», торг волостями и крестоцеловальной верностью, кровавые и жестокие расправы, непрерывные интриги князей и бояр и даже гостей-суконников или старцев иноков, предававших во вражеские руки своего великого князя, татарские симпатии и союзы этого великого князя — все это прошло в жизни русского общества как крушение обычного уклада отношений и воззрений. Удельно-вотчинный строй оказался разрушенным, подорванным и морально оплеванным. Разбита московская княжеская семья. Сошли со сцены и дяди Василия Васильевича, и его двоюродные братья. Из удельных вотчичей Московского княжества уцелели только Андреевичи Иван и Михаил, да Василий Ярославич, внук Владимира Андреевича. Борьба со смутой и стремление вырвать на будущее время ее возможные корни переходит для великокняжеской власти в стремление «добыть вотчин своих недругов». Ее ликвидация непосредственно связана с органической работой этой власти над перестройкой великорусского великого княжения в Московское государство на началах вотчинного единодержавия.

ГЛАВА X

Собирание власти

I

Подлинным организатором Великорусского государства признают Ивана III Васильевича. Но он строил свое большое политическое здание на крепко заложенном фундаменте. И сам он, в общем политическом типе и во всех основных стремлениях своих, питомец последнего десятилетия правления отца, когда юный княжич, еще ребенком (родился 22 января 1440 г.) приобщен к политической жизни, шедшей под знаком упорной борьбы за власть. С восьмилетнего возраста он представитель великокняжеской власти в походах и во дворце; с начала 50-х годов видим его великим князем, официальным соправителем отца, и за эти годы сложился его личный облик, сложилась вокруг него та правящая среда, с которой он начал в 1462 году самостоятельное свое правление. Вся политика Ивана Васильевича по отношению к младшим князьям-братьям родным и дальним, к народоправствам Великого Новгорода и Пскова, к Твери и Рязани – прямое продолжение мероприятий, какими в пятидесятых годах XV века ликвидированы результаты московской смуты. Мероприятия эти сразу получили более широкое значение – ликвидации основ удельно-вотчинного строя, перестройки на новых основаниях политического властвования над Великороссией. Иван III закончит это дело после нового, не столь бурного, но тревожного кризиса московских междукняжеских отношений, который разыгрался в семидесятых годах XV века. А пятидесятые его годы – эпоха, когда слагается в основных чертах политический облик «грозного царя», осуществленный двумя Иванами Васильевичами и тем Василием, про которого Герберштейн говорил, что он властью превосходит едва ли не всех монархов целого мира.

Первым проявлением этого нового исторического типа, которое произвело сильное впечатление на московское общество, была, по-видимому, попытка в. к. Василия найти против внеш-

них и внутренних врагов опоры в служилой татарской силе. В процессе борьбы на такую черту легли иные, как приемы беспощадной расправы с виновниками и орудиями брожения, враждебного великокняжеской власти, как быстро нараставшие притязания на широкую свободу властвования, на полную свободу от подчинения традиционному, обычно правовому укладу княжой деятельности, семейно-владельческих и общественных отношений.

Единодержавие и самодержавие московских государей явилось итогом собирания раздробленной власти над территорией Великороссии и ее населением. Василий Темный в последнее свое десятилетие положил прочную основу Великорусскому государству построением его ядра – Московского государства.

Смерть Шемяки развязала ему руки. Великий князь не замедлил использовать ближайший повод, чтобы покончить с Иваном Можайским. Принятый в «любовь и докончание», пожалованный и своей отчиной, и наделом из отчины великого князя, он уклонился от выступления против татар, разорявших набегами Русскую землю, и за такое его «неисправление» в. к. Василий пошел на Можайск, занял княжение Ивана Андреевича, посадил на его вотчине своих наместников, а князь бежал с семьей в Литву¹. Что дело шло не только о расплате за прежние деяния и новые подозрения в умыслах «крамолы», показывает судьба серпуховского князя Василия Ярославича. Нашлись «неисправления» и за этим верным сторонником в. к. Василия. Василий Ярославич получил от великого князя значительное расширение своих владений; по-видимому, после бегства в Литву Ивана Можайского к нему перешел Бежецкий Верх, бывший за этим князем, с придачей еще и Звенигорода². Возможно, что на почве домогательств более широкого наделения со стороны князя Василия Ярославича возникли трения, но знаем только, что он в июле 1456 г. «пойман» на Москве и сослан в Углич; его сын Иван и вторая жена бежали в Литву. Василий Ярославич долго томился в заключении – до самой смерти, постигшей его только в 1483 г.³; незадолго до кончины в. к. Василия возник в связи с планами князей-изгнанников, нашедших убежище в Литве⁴, заговор серпуховских детей боярских и дворян об освобождении их князя из угличского заключения, но «обличися мысль их», и жестокая расправа поразила воображение москвичей новыми проявлениями грозной власти⁵.

И на суздальских князей легла тяжкая рука великого князя. Еще при жизни Шемяки в. к. Василию удалось, видно, внести разделение в среду этих князей; суздальские Юрьевичи на стороне Шемяки, а сохранился договор в. к. Василия с князем Иваном Васильевичем, их троюродным братом, по прозвищу Горбатый, который за обязательство не приступать к Шемяке, а быть неот-

ступно при в. к. Василии под карой лишения в пользу великого князя и его детей всего «удела и вотчины» и под угрозой митрополичьего неблагословенья пожалован Городцом (волжским) и вотчиной своей в Суздале, какой владел и отец его⁶. Источники наши умалчивают о дальнейшей судьбе этих владений; знаем только, что брат князя Ивана, Василий, прозвищем Гребенка, который с 1448 года княжил во Пскове под рукой великого князя, в пятидесятых годах, уже после смерти Шемяки, участвует в борьбе с великим князем во главе войск Великого Новгорода⁷. И Вятку, служившую в смутные годы источником боевых сил Шемяки, в. к. Василий привел «во всю свою волю» посылкой на вятчан рати своей в 1458–59 годах⁸. Скучность источников не дает полного представления о ликвидации смуты Василием Темным. Много в наших летописных сводах недомолвок и умолчаний о событиях этой тяжкой поры. Но общий итог – ясен. В. к. Василия можно назвать единоподержцем в пределах московско-владимирских великокняжеских владений; верейская удельная вотчина князя Михаила Андреевича столь же мало нарушает это единоподержавие, как уделы князей Андрея Ивановича и Владимира Андреевича при Василии III и Иване Грозном.

Опираясь на это ядро своих великокняжеских владений, Василий Васильевич укрепляет свою власть над Новгородом, Псковом и Рязанью.

В 1456 г. в. к. Василий поднялся на Новгород со всеми князьями воеводами и со множеством воинства за новгородское «неисправление», что новгородцы у него не «в послушании» и держат у себя «его лиходеев, изменников». Поход принудил новгородцев к покорному челобитью, уплате контрибуции великому князю «за его истому» и к Яжелбицкому договору, который в определенной форме восстановил принадлежность Новгорода к составу великого княжения⁹. Новгородцы обязались держать великое княжение «честно и грозно» и «пошлин» великокняжеских не утаивать; эти пошлины изложены в особой грамоте, а важнейшие из них: на грамотах Великого Новгорода «печати быта князей великих», а «вечным грамотам не быти»; восстановить великокняжеский суд на Городище – от великих князей боярин судьейю «от Новагорода боярин», а если эти судьи разойдутся в решении, то конец делу учинит великий князь с посадником, когда будет в Новгороде; у наместников великого князя суда не отнимать, а в Новгороде и по его волостям судебные позвы выполнять должны вместе позовники великого князя и новгородские; восстановить в общей норме право великого князя на «черный бор», – «коли приведется взяти князем великим черный бор»; «лиходеев» великого князя впредь в Новгород не принимать; Новгород князьям великим держать «в старине по пошлине», как она определяется в статьях договорных грамот¹⁰.

Летописные своды почти не дают сведений о том, как и насколько проведены на деле условия Яжелбицкого договора. Несомненно, что они вызвали в Новгороде большое раздражение и продолжительное брожение; о полном и последовательном их выполнении не может быть, по-видимому, речи: в 1471 г. Ивану III пришлось заново устанавливать яжелбицкую великокняжескую «пошлину». В. к. Василий только в 1460 году поехал в Новгород «о всех своих управах»; положение было напряженным; «новгородцы во стороже жиша»; в городе началось волнение: «шилники» пытались убить боярина Федора Басенка, а новгородцы поднялись вечером на великого князя, и только архиепископу Ионе удалось с трудом успокоить поднявшийся мятеж¹¹. Великий Новгород пережил первую судорогу своей политической агонии. Но, как бы то ни было, восстановлена в полной мере принадлежность Новгорода и Пскова к составу великого княжения всея Руси: в переговорах с немцами о перемирии с вольными городами решающее определение принадлежит в. к. Василию¹². И Псков вскоре испытал усиление своей зависимости от великокняжеской власти: в 1461 году великий князь прислал во Псков наместника своего, «а не по псковскому прошению, ни по старине», и псковичи его приняли и посадили на свое княжение¹³.

По отношению к Рязани не приходилось ставить сколько-нибудь острых вопросов. Так обстоятельства сложились, что Рязанская земля оказалась в полном управлении великого князя, так как рязанский в. к. Иван Федорович передал перед кончиной, в 1456 году, своего восьмилетнего сына и рязанское княжение «на руки» и «на соблюдение» в. к. Василию, который княжича взял к себе на Москву, а управление Рязанской землей передал своим наместникам¹⁴. Недавняя подлинная «старина» отношений сохранилась только между Москвой и Тверью. Но и ее пришлось восстанавливать после периода тесной связи Твери с Литвой, и договор между великими князьями Василием Васильевичем и Борисом Александровичем, заключенный в середине пятидесятых годов XV века, утверждает полное их одиначество «на татар и на ляхи и на Литву и на немцы», а «великое княжение, Москву и Новгород Великий» признает «вотчиной» в. к. Василия и его детей; однако в. к. Борис не признал Василия Васильевича «старейшим» себе братом: их «братство» в этом договоре – равное¹⁵; возврат ко временам Донского, к условиям договора 1375 года был еще невозможен. Большим успехом было уже то, что Тверь, вовсе отошедшая «в сторону» литовско-русского государства, снова примкнула к великорусскому великому княжению. Этим Москва была обязана не столько возрождению собственной силы, сколько внутренним осложнениям Речи Посполитой; западные отношения Великороссии держались на том условном

и неустойчивом, по существу, равновесии, какое было установлено в 1449 году договором между в. к. Василием и Казимиром Ягеллончиком, хоть он во многом был уже нарушен¹⁶. В течение тех же пятидесяти лет, Великороссия фактически не знает зависимости от Золотой Орды. Не с нею, не с ее ханами приходилось считаться в. к. Василию, а с Казанью и с Седи-Ахматом, ханом орд Синей и Ногайской. Казанское царство только устраивалось на новом месте и сравнительно мало тревожило русские пределы; источники наши не дают сведений о том, как сложились отношения между Москвой и Казанью при Мамутеке, но, по-видимому, тяжелые обязательства, принятые на себя великим князем, не перешли с отца на сына, а организация Касимовского царства для враждебного Мамутеку Касима служила противовесом казанским набегам. За то Седи-Ахмат часто беспокоил Москву разбойничьими набегами. Оборона южной границы становится существенной задачей великокняжеской власти; практика, зародившаяся при Донском, выдвигать к Оке наблюдательный отряд и держать на чеку достаточные боевые силы для отражения татарских нападений становится все более насущной, как и оборона Рязанской уkraine, хотя дается с трудом и слагается постепенно в ряде горьких неудач¹⁷.

Так определилось положение и насущные задачи великокняжеской власти к концу жизни и княжения в. к. Василия Васильевича. Ядро его владений, основная территориальная база великокняжеской власти – московско-владимирский центр Великороссии – слагается в Московское государство, семейную вотчину великокняжеской семьи. Это явление выступает в духовной грамоте Василия Темного, составленной незадолго до его кончины, в марте 1462 года, с характерными чертами своеобразного компромисса между стариной и новыми условиями политического быта. По форме – перед нами традиционный семейно-вотчинный отцовский «ряд». Определение семейных отношений вполне на почве прежней «старины и пошрины». Сыновья великого князя – Иван, Юрий, Андрей Большой, Борис, Андрей Меньшой – «приказаны» матери, в. к. Марье Ярославне, с наставлением: *«а вы, мои дети, живите за один, а матери свое слушайте во всем, в мое место, своего отца»*, и далее: *«а вы, дети мои, слушайте свое матери во всем, а из ее воли не выступайте ни в чем, а который сын мой не имеет слушати свое матери, а будет не в ее воле, да том не буди моего благословенья»*.

Но владельческое положение великокняжеской семьи существенно изменилось. Духовная в. к. Василия Васильевича завершает слияние московской вотчины с территорией великого княжения, и к ее содержанию лишь весьма условно применимо

представление об удельно-вотчинном разделе; нет в ней и формулы: «а се семь им роздел учинил».

Старший сын Иван Васильевич получает по благословению отца «отчину – великое княжение», причем территория Владимирского великого княжества уже не отличается от великокняжеского «удела» в московской вотчине. Личные владения в к. Ивана тут так перечислены: треть в Москве, Коломна, Владимир, Переяславль, Кострома, Галич, Устюг, Вятская земля, Суздаль, Нижний Новгород, Муром, Юрьев, Великая Соль, Боровск, Суходол, Калуга, Алексин – все с волостями, путями, селами и со всеми пошлинами. Такой состав территории не имеет прошлого. Нет основания называть ее «уделом» старшего сына, великого князя. Это – вотчина государя князя великого, рядом с которой стоят, однако, уделы его младших братьев¹⁸.

Этих уделов четыре. Юрий получил Дмитров, Можайск, Медынь и Серпухов, да ряд волостей сверх уездов этих городов; Андрей Большой получил Углич, Бежецкий Верх и Звенигород; Борис – Ржеву, Волок и Рузу; Андрей Меньшой Вологду с Кубанскими и Заозерскими волостями. Наделение князей дополнено дачей сыновьям отдельных сел и волостей, как «отъезжих» владений, и утверждением за ними земель, какие им раздала по своей духовной в. к. Софья Витовтовна, а за Юрием всего, что назначила ему мать серпуховского князя Василия Ярославича, Марья Федоровна Голтыева; вдовствующая великая княгиня получила в пожизненное владение Ростов и несколько сел и волостей в разных уездах и сохранила свои купли – городок Романов и накупленные ею села в опричнину. Получилась чрезполосица владений, которая вызвала и разъяснение, что как великая княгиня держит судом и данью все свои села и волости, так и по отношению ко князьям «того и суд над теми селы, кому дано» – «в чьем уделе ни буди».

Москва-город в сложном разделе по годам: треть в к. Ивану; Юрию – «год на Москве», что был Константина Дмитриевича, да еще вместе с братом Андреем Большим («по половинам, а держати по годам») треть, бывшая Владимира Андреевича; Борису «год» князя Ивана Можайского; Андрею Меньшому «год» князя Петра Дмитриевича; а в московской тамге – треть в к. Ивану, а две другие трети «по половинам» Юрию с Андреем Большим и Борису с Андреем Меньшим, при выделе изо всех третей половины дохода в пожизненное пользование великой княгини-матери. Выморочности уделов духовная не предусматривает; этот щекотливый вопрос обойден, быть может, сознательно, но сохранение возможности частичного передела властью матери, в случае утраты кем-либо из сыновей части его владений, свидетельствует о живучести традиции семейно-вотчинного владения по уделам¹⁹. Черту преобладания семейно-владельче-

ских понятий над политическими, государственными можно усмотреть и в статье духовной грамоты, где вдова-княгиня и сыновья Иван и Юрий с меньшими братьями «приказаны» королю польскому и великому князю литовскому Казимиру на его «печалование»²⁰.

Построение междукняжеских отношений московской семьи в духовной Василия Темного представляется более традиционным, чем соответствовало бы действительному положению дел в великом княжении. В. к. Василий определил заново и вне обычной традиции уделы сыновей и произвел не столько раздел между ними общей вотчины, сколько выдел им долей из общего комплекса великокняжеских владений, основная масса которых осталась в непосредственной власти великого князя. Эта духовная писана в такой момент, когда исторические судьбы Великороссии ребром ставили вопрос, сохранится ли семейно-вотчинный уклад владения и княжеских отношений при все нарастающей потребности в единой власти. Быть может, с особой наглядностью внутренняя несогласованность тенденций этого «ряда» выступает в ее установлении порядков сбора дани. *«А как почнуть дети мои жити по своим уделом, и моя княгиня, и сын мой Иван, и мой сын Юрьи, и мои дети пошлют писцов, да уделы свои писцы их опишут по крестному целованию, да по тому письму и обложат по сохам и по людям, да потому окладу моя княгиня и мои дети и в выход учнут давати сыну моему Ивану со своих уделов»*. Если не упускать при этом из виду, что московская Русь фактически весьма мало ощущала на себе ханскую власть за последнее десятилетие, такое упорядочение дела описи и обложения покажется крупным шагом к устройству финансового хозяйства великого княжества. Однако сбор дани по-старому связан только с уплатой татарского выхода и связан с представлением, что если «Бог пременит Орду», то прекратится ее поступление в казну великого князя; недаром и перепись производится «своими писцами» каждого князя. Попытка упорядочить дело обложения как бы предназначена только на обеспечение удельных доходов, ибо «неминучая дань» на деле вымирала, вырождаясь в «татарские проторы», как статью великокняжеских расходов.

Такой же стариной, не жизнеспособной и, по существу, устарелой, представляется статья об удельном переделе. Относить ли ее к владениям великого князя в том смысле, что мать имела право «уимать» и из них для восполнения потерпевшей ущерб вотчины удельного князя? Вопрос этот не мог не стать спорным при первом поводе. А за ним – другой вопрос: о соотношении материнской власти и значения ее старшего сына, князя великого, т. е. о всем строе московской владетельной семьи. По духовной Василия Темного, как, впрочем, и ранее по духовной Дон-

ского, это семья двуглавая. Рядом с предписанием ни в чем не выступать из воли матери и слушать ее *«вместо своего отца»* стоит другое: *«читать и слушать своего брата старейшего Ивана в мое место, своего отца»*.

Этот старший сын великого князя с малолетства сам князь великий, соправитель отца. Но в таком действии в. к. Василия, видимо, навеянном византийскими примерами закрепления преемства на престоле путем приобщения преемника к власти в форме соправительства, нет еще определенной смены вотчинных представлений о семейном владении идеей преемства в государственной, политической власти. В. к. Василий не в силах освободиться от традиционных представлений и в этом отношении, как, впрочем, не свободны от их пережитков династические понятия и позднейшей самодержавной монархии. Не великокняжескую власть высвобождает он из пут семейно-владельческой традиции, а только укрепляет вотчинное право на эту власть за своей семьей, за своим потомством. В договорах он укрепляет свою *«вотчину великое княжение, Москву и Новгород Великий» «под своими детьми, в. к. Иваном и под князем Юрьем и под меньшими своими детьми»*, и добивается, по возможности, от младших князей, чтобы они признали не только его, князя великого, старейшим братом, но сыновей – Ивана и Юрия и меньших детей его *«имели себе братью старейшею»* и держали их *«честно и грозно»*²¹. Победу над удельным дроблением власти предстояло завершить в недрах самой великокняжеской семьи.

II

В правительственной деятельности московской великокняжеской власти смена Василия Темного Иваном III только внешний момент; не менявший, по существу, ее течения в принятом направлении. В. к. Иван Васильевич завершает собирание власти и перестройку внутренних отношений Московского государства на новых основаниях, завершает и политическое объединение Великороссии, оставляет преемников вотчичами на всех государствах Московского царства.

Начал Иван III с пересмотра положения Верейского и Ярославского княжений, но повел его с неспешной постепенностью. На первых порах он возобновил с двоюродным дядей, князем Михаилом Андреевичем, договор, утверждавший за ним то положение, какое определено соглашениями Василия. В этой грамоте Михаил признал старейшими себя двух племянников, в. к. Ивана и князя Юрия, а равным – третьего Васильевича Андрея; утверждены за ним – его вотчина Верея и Белоозеро и великокняжеское пожалование Вышгород с придачей от в. к. Ивана

нескольких волостей. Весьма характерно, что деловая сторона этой грамоты тем определена в надписи на ее обороте, что она *«была дана ему после живота великого князя Василия Васильевича на Вышегород»*, т. е. назначение такой «грамоты докончальной» служить жалованной грамотой. Но она вскоре подверглась пересмотру. Михаил Андреевич вынужден «отступиться» в к. Ивану Вышегорода со всеми волостями, вышегородскими и приданными к нему по первой грамоте, всего того, что великие князья пожаловали из «своей отчины» ему «в вотчину и в удел»²². Но и этот второй договор не замедлил подвергнуться замене новым, в котором положение князя Михаила значительно понижено: теперь он «под всею братьею великого князя в младших»²³. Затем лет на двадцать князя Михаила оставили в покое. Но в 1482 году у него снова взяли обратно последнюю договорную грамоту²⁴. Настала пора новых решительных шагов к ликвидации остатков удельно-вотчинного строя; настало время определить положение младшего поколения. Рядом с отцом выступает великим князем Иван Молодой; рядом с князем Михаилом его сын Василий. Новый договор сообщает, что князь Михаил отдал великому князю свою отчину Белоозеро «и грамоту свою на то ему дал», но сохранил пожизненное владение Белоозером; по смерти Михаила Белоозеро переходит к великому князю или его сыну, кому великий князь его отдаст, а князю Василию Михайловичу в эту вотчину не вступаться, ни подыскивать ее некоторою хитростью²⁵. В 1484 году князь Василий Михайлович бежал в Литву: великокняжеская опала постигла его в связи с осложнениями дворцовых отношений после второго брака в к. Ивана, а князь Василий был в них запутан по своей женитьбе на Марье Андреевне Палеолог, племяннице в к. Софьи Витовтовны²⁶. Иван Васильевич взял на свое имя Верею, которую отец, надо полагать, отдал кн. Василию после его женитьбы, и хоть отдал ее Михаилу Андреевичу, однако уже как свою, а не его отчину, в пожалование и притом лишь пожизненно; уничтожено и вотчинное право князя Василия на остальные владения князя Михаила, на долю в Москве и на Ярославце – тем, что Михаил «после своего живота ту свою вотчину всю дал великому князю». Так обеспечена к моменту кончины князя Михаила инкорпорация всего его удела-вотчины в составе непосредственных великокняжеских владений²⁷.

Перед кончиной, которая последовала 9 апреля 1486 года, князь Михаил Андреевич приказал составить духовную грамоту и прописать в ней, что благословляет господина своего, в к. Ивана Васильевича, своею отчиною-жеребьем в Москве и Белым озером, а также Ярославцем с селами и слободами, кроме тех, какие дал в церковь на помин души или роздал в куплю своим боярам, а про Верею не счел нужным упомянуть. Грамота эта

была представлена ближним боярином князя Михаила князем Василием Ромодановским в. к. Ивану и подверглась по его приказу переделке. Князь Ромодановский вернулся к Михаилу Андреевичу с другим «списком», какой составили московские дьяки, и повелением «по тому духовная писати». Тут о Белоозере сказано не «благословляю своею отчиною», а «благословил дал семи ту свою отчину... при своем животе»; о московском жребии и Ярославце также; «благословил дал ту свою отчину всю после своего живота» и добавлено подтверждение о Верее, что ею великий князь пожаловал князя Михаила, как «своею вотчиною», в пожизненное держание, а по его смерти та вотчина великого князя «со всем его и есть»²⁸.

Так московские дьяки, по указанию своего великого князя, тщательно вытравили из духовной князя Михаила даже внешние черты «свободного» завещательного распоряжения, которые и так не соответствовали подлинному положению дел и отношений. Князь Михаил в форме духовной грамоты лишь закрепляет акт передачи всех своих владельческих прав великому князю, который по существу произошел в полной мере по прежним их договорам. И передача этих прав по договорам, вынужденная великокняжеской властью, такова, что ставить в крайне непрочное положение все пожалования и отчуждения князя Михаила; перечисляя их в своей духовной, он сопровождает перечень оговорками: «а будут те села и деревни надобны моему господину великому князю», великий князь даст за них пожалованным деньгами или даст «в тех земель место свои земли». Усиление великокняжеской власти все углубляло ее землевладельческую политику, к которой только и применимо понастоящему выражение о «собираии земли». Прием округления непосредственных владений великого князя по отношению к мелким земельным единицам – селам и деревням – путем обмена и купли был весьма обычен. Великий князь «менял» села с митрополитом и младшими князьями по своему усмотрению, придававшему обмену характер принудительного; так и в духовной Василия Темного читаем: «а восхочет мой сын Иван у своего брата у Юрья выменять Коломенские села, и сын мой Юрьи те села ему променит, а Иван сын выменит у своего брата те села, а его не изобидит». Вырождение «удельного» владения – во времена Василия Темного и Ивана III – в обладание пожалованиями на всей воле великого князя ставило ребром вопрос о том, насколько сохранится при смене местной вотчинной княжой власти столь же вотчинной непосредственной великокняжеской властью устойчивое преемство их распоряжений, и уцелеют ли от ломки правовые акты, совершенные первой из них. Князь Михаил Андреевич заботится о том, чтобы князь великий «судов его не посудил» и в его данья и пожалования земельные «не

вступался» и их «не порушил», но плохо надеется на добрую волю новой власти, от усмотрения которой всецело зависит решение этих вопросов.

На местные вотчинные княжества надвигалась подлинно грозная власть. Ее приемы и свойства ярко сказались в шестидесятых годах на ликвидации вотчинных владений ярославских князей. О ней мы узнаем, к сожалению, только по горькой записи местного книжника-летописца, который – под 1468 годом – приписал к известию об обретении мощей ярославских князей-чудотворцев: *«си бо чудотворицы явишася не на добро всем князем ярославским, просталися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь великий против их отчины подавал им волости и села, а из старины печаловался о них князю великому старому (т. е. Василию Темному) Алексей Полуектович, дьяк великого князя, чтобы отчина та не за ними была»*. Сняв таким приемом, который близко напоминает «пересмотр земель и людей» Иваном Грозным, верхний слой местной «старины», великокняжеская власть глубже вступает в перестройку местных порядков и отношений: *«а после того в том же граде Ярославле явился новый чудотворец, Иоанн Агафонович Сущей, созиратай Ярославской земли, у кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добра, ин отнял да отписал на великого князя, а кто будет сам добр, боярин или сын боярский, ин его самого записал»*. Круто берется московская власть за подчинение своим потребностям землевладения и личных сил годного в службу населения. И местный обыватель-книжник доходит до кощунственной гневной иронии по адресу московского боярина-наместника: *«а иных его чудес множество не можно исписати, ни исчести, понеже бо во плоти суще дьявол»*²⁹.

В семидесятых годах пришел черед ростовских князей. Они, подобно князьям ярославским, давно сошли на положение служилых князей, бывали великокняжескими воеводами и наместниками, но еще княжили на вотчинной своей «половине Ростова»; в 1474 году они продали ее «со всем» в. к. Ивану, а он продал новый свой примысел матери, которая владела другой половиной Ростова по духовной Василия Темного³⁰.

Растет вотчина великого князя, поглощая мелкие вотчины удельного княжья. Крепнет и обобщается непосредственная его власть над территорией и населением московско-владимирского великого княжества; строится Московское государство. Но в самой великокняжеской семье еще живы удельно-вотчинные воззрения и отношения.

С братьями Иван III, по-видимому, не заключал договоров «у отня гроба». Но в сентябре 1472 года умер Юрий кн. Дмитровский – без потомства (он и женат не был). Вопрос о судьбе

его удела поднял острые разногласия. Впрочем, возникли они еще при жизни Юрия. До нас дошла духовная этого князя; он в ней, понятно, не упоминает о своем уделе, который не подлежал завещательному распоряжению, а распределяет села и деревни и движимость свою между матерью, братьями и сестрой, назначает раздачу в монастыри и боярам, перечисляет подлежащие уплате долги³¹. Ко времени перед кончиной Юрия относится текст договора Андрея Большого с в. к. Иваном; в его тексте обращено особое внимание на условия владения московскими третями, на отношении к городскому населению и к «численным» людям. По духовной Василия Темного одна из московских третей дана была князю Андрею Большому совместно с Юрием. В договоре видим подтверждение порядков ведения городом с преобладанием великокняжеского управления, при охране прав младшего брата на долю дохода; видим «блюденье с единого» торговых и всех городских людей; и тут же восстановление «блюденья с единого» всех численных людей с запретом покупать их земли, а кто из князей произвел такие покупки у черных людей, а также у слуг, которые под дворским, не имея на то особых великокняжеских грамот, должен их вернуть в тягло по старине³². Эти черты договорной грамоты свидетельствуют о недоразумениях между князьями по совладению Москвой и по делам служилых и тяглых людей; составлен текст договора «по слову» вдовствующей княгини-матери, т. е. при ее посредничестве между сыновьями. В 1473 году в. к. Иван уже заключает договоры с братьями по поводу удела князя Юрия – в феврале с Борисом, в сентябре с Андреем Большим³³, которыми этот удел укрепляется в нераздельном владении великого князя. Такой результат был достигнут не без труда, летописи отметили гнев братьев на великого князя, «что им не дал в уделе жребия в братне во княж Юрьеве», и домогательства такого раздела не закончились с их стороны на договорах 1473 года, несмотря на то что некоторую компенсацию они все-таки тогда же получили: за князем Борисом утверждено великокняжеское пожалование на Вышгород, «как было за князем за Михаилом», а великая княгиня Мария дала Андрею Большому свои купли – городок Романов да земли в устьях Шексны и «колодезь соленый» в Ростове.

Вопрос о «князь Юрьевой вотчине» приобрел особую остроту в связи с рядом других, точнее с общим пересмотром положения великокняжеских братьев в создавшемся Московском государстве. Одолевая ряд внутренних сопротивлений, великокняжеская власть все более выделяет своего носителя из семейных связей, «возносит» его над членами семьи, над братьями, над матерью.

В договорах Ивана III нет уже тех колебаний терминологии и понятий, которые в грамотах его отца еще сохраняли видимость положения великокняжеских владений в ряду удельных владений московского княжого дома. Тут уделы «братья младшей» определенно стоят рядом с вотчиной великого князя – княженьем великим – и особо от нее³⁴. Отстраняя от каких-либо притязаний на великокняжеские владения боковые линии княжого дома возвышением над ними всех своих братьев, в. к. Иван в то же время последовательно закрепляет представление о вотчинных правах своего потомства – сына Ивана и других детей, каких ему Бог даст. А старший его сын уже в семидесяти годах – князь великий, старейший брат для дядей Андрея, Бориса³⁵. И в совладении Москвой, и в распоряжении боевыми и финансовыми силами великого княжества, и во владельческих отношениях к отдельным его городам и волостям в. к. Иван проводит свою властную волю, устранив самостоятельное княжое право князей-братьев в пользу производного своего «пожалования».

Остро стал в ту же пору между братьями вопрос о «примыслах». Великокняжеские захваты все увеличивали размеры непосредственных владений великого князя. Когда требовалось для этого напряжение значительной военной силы, князья-братья участвовали в деле со своими полками. А примыслы шли старшему брату к его великому княжению. Многозначительной представляется в договорах 1473 года одна особенность: в. к. Иван берет с братьев обязательство «не вступаться» во все то, что он себе «примыслил» или что еще «примыслит», а блюсти эти примыслы под ним, и под его сыном, и под всеми его детьми, «которых ему Бог даст», а взаимной формулы, обеспечивающей за младшими князьями их примыслы, какие им удастся сделать, в договорах нет, хотя такая формула обычна в докончальных грамотах прежнего времени. Едва ли перед нами только внешняя, редакционная деталь. Летописи сохранили память о глубоком недовольстве великокняжеских братьев из-за того, что не делится он с ними своими примыслами, *«Новгород Великий взял с ними, ему ся все подостало, а им жеребья не дал из него»*³⁶.

Назревал новый семейный кризис. Братья в. к. Ивана использовали первый же момент, когда ему стала особо необходимой вся их боевая сила, для предъявления ему своих требований, «чтобы князь великий по отца своего приказу и по духовной отца своего их бы держал и жаловал, вотчину бы удел княж Юрьев дал и в докончание бы принял»³⁷. Старшие братья Андрей Большой и Борис обратились за охраной прав и положения, установленных духовной их отца, к тем, кому такое «печалование» было поручено в духовной Василия Темного – к матери и королю Казимиру, чтобы он их управил в «их обидах и с великим князем и помогал», а также к митрополиту Геронтию. Они за-

щищали свои традиционные права приемами, которые были в духе старины, далеко еще не изжитой, но едва не подвергли великое княжество величайшей опасности. Опираясь на ослабление Москвы внутренним раздором и на призыв к вмешательству в ее дела, король Казимир сделал попытку создать против опасного соседа грозную коалицию, завязал сношения с ханом Золотой Орды Ахматом, с Ливонским Орденом, со Швецией. На деле, шведские и ливонские нападения на новгородские и псковские волости оказались незначительными, Казимир был связан внутренней литовской смутой, и только хан Ахмат поднялся походом на Русь. Но Иван III, захваченный татарским нашествием в момент раздора с братьями, не смог собрать всю ратную силу, пока не помирился с ними. А братья после обращения к Казимиру – в конце 1479 года – «отступили» от брата, князя великого, и пошли в Новгородскую область, стали со своими отрядами в Луках Великих, а семьи отослали в Витебск, где Казимир дал им «избылище». В. к. Иван пошел на уступки: через митрополита и вдовствующую княгиню-мать он заверил братьев, что принимает их условия. Тогда князья Андрей и Борис поспешили к великому князю на помощь, и их приход решил дело. Хан Ахмат не мог принять боя с объединенными русскими силами и спешно отступил от Угры³⁸.

События 1480 года имели не только то значение, что закончили с зависимостью Великороссии от власти хана и сделали великое княжение всея Руси суверенным-самодержавным, в исконном смысле слова, государством, но и усилили и ускорили ликвидацию удельно-вотчинного дробления власти в пользу государственного единодержавия.

Избавившись от крупной опасности, Иван III не сдержал обещаний, какие дал было братьям³⁹. Только Андрей Большой получил часть Юрьевой отчины – Можайск, но и то в форме великокняжеского пожалования, а не по разделу выморочного удела между братьями распоряжением великой княгини-матери.

Договоры в. к. Ивана III с братьями, заключенные в восьмидесятых годах, закрепляют то их положение, какое было создано договорами 1473 года и вызвало их на протест⁴⁰. Решительно противопоставлены уделы князей-братьев владениям великого князя-вотчича «на всех своих великих княжениях». Братья обязуются «блюсти» эти великокняжеские вотчины – не только московско-владимирскую, но и Великий Новгород, и Тверь, и Псков – под великими князьями Иваном Васильевичем и Иваном Ивановичем, и под великой княгиней, и под меньшими детьми в. к. Ивана. Те же договоры закрепляют полное подчинение князей-братьев великому князю в военном деле, на какое будут посланы, и во внешних отношениях, устраняя решение таких дел «по сгадце». Подтверждена и статья 1473 года о

сборе дани, назначение которой и тут татарские протори, но ставшие на деле постоянной расходной статьей великокняжеской казны⁴¹.

Владение удельными вотчинами становится пережитком умирающей старины. Княжат князья на своих вотчинах в полном подчинении великому князю, в прекарном положении владельцев, над которыми нависла за любое «неисправление» угроза великокняжеской опалы с потерей отчины «за свою вину». Принцип наследственности вотчинных княжений не встречает отрицания, но прочно утвердилось притязание великого князя на выморочные уделы, и в. к. Иван III возведет его своей духовной грамотой в общую норму московского права. О доле в промыслах великого князя не приходится младшим князьям и мечтать; от его владельческой воли зависит дать что-либо, кому заблагорассудит, но не по праву, а по усмотрению – пожалованию.

Последние десятилетия Ивана III закрепили в ряде фактов эти результаты роста великокняжеской власти. Князь Андрей Меньшой перед смертью в 1481 году написал духовную грамоту, в которой сводит земные счета, «кому что дати и у кого что взяти». Он не умолчал в ней и о своей вотчине – московском «годе», о Вологде с Кубеною и Заозерьем, но только, чтобы упомянуть: «и та моя вотчина вся господину моему, брату моему старейшему в. к. Ивану Васильевичу». Найдена формула для записи в духовной неизбежного факта, в создании которого воля лица, дающего «ряд» свой, ни при чем; нет в этой формуле слов «благословляю» или «даю»; нет в грамоте и термина «ряд»; и в дальнейшем – удельные князья говорят в духовных: «а что моя вотчина... а то перед моим государем перед великим князем» или: «а не будет у моей княгини отрода, ино моя вотчина перед Богом и перед моим государем перед великим князем»⁴².

Волоцкий удел князя Бориса Васильевича перешел после него – в 1494 г. – к его сыновьям, и только после них (1504 и 1513 гг.) их доли отошли, как выморочный, к великому князю⁴³. На брата Андрея в. к. Иван продолжал смотреть с недоверием и опаской; обе стороны были на стороже, и в 1488 г. между ними пробежала тревога, князь Андрей готовился к бегству. А в начале девяностых годов напряжение их отношений разразилось катастрофой. Разгоралась борьба с татарами, а князь Андрей в 1491 году не послал своих воевод и своей силы в поход по приказу великого князя. Осенью того же года в. к. Иван велел «поймать» брата и держал его в заточении до смерти, постигшей Андрея через три года; в ссылке кончили жизнь и его сыновья⁴⁴.

В последние годы Ивана III не было на территории Московско-владимирского великого княжества уделов или вотчинных княжений. Оно спаялось в единую вотчину государя великого князя.

III

Ядро Великороссии спланивалось великокняжеской властью в единое державное Московское государство, параллельно с подчинением той же вотчинной власти великого князя остальных ее областей, под сильным давлением внешних отношений, напряженность которых все нарастала.

Международное положение Москвы сильно осложнилось в шестидесятых годах XV века. На Востоке окрепло Казанское царство, но смуты, начатые отцеубийством, какое совершил Мамутек, разрастались и втягивали при каждой новой вспышке Москву в казанские дела. Ханом на Казани был Ибрагим, сын Мамутека, а его родичи Касим и Даньяр служили Москве, как и другие князья и царевичи, искавшие на Руси убежища от смут родного татарского мира. Близость Казани и характер этого беспокойного гнезда татарской силы, которая засела на месте старой Булгарии, засоряя колонизационные и торговые пути, манили великорусскую великокняжескую власть на попытки наступления и подчинения татарского царства, чтобы прочно замирить беспокойного соседа. Часть казанцев, недовольная Ибрагимом, призывала на его место ставленника от московской руки, и в 1467 году Иван III впервые соблазнился такой перспективой. Попытка утвердить в Казани царевича Касима не удалась, и московским войскам пришлось спешно уходить от силы Ибрагима. Завязалась пограничная война, с разорением русских волостей татарами, с русскими набегами на Прикамье и на черемисские поселения. Тягостная неустойчивость отношений на этой восточной окраине без определенного и крепкого рубежа, с русским населением, плохо знавшим московскую власть, с инородческим населением, которое всегда готово было потянуть к Казани, требовала непрерывных усилий – ратных и административных – для утверждения основ общего порядка и управления⁴⁵. Не раз находила местная смута опору в сношениях с татарами князей нижегородских или галицких. Вятка, выродившаяся в гнездо ушкуйников⁴⁶, была источником боевой силы врагов великокняжеской власти, а иной раз уклонялась и на татарскую сторону⁴⁷.

На восточных границах Великороссии с большой наглядностью выступает тесная связь усиления и объединения правительственной власти с задачами национальной самообороны и территориального самоопределения Великорусского государства. В частности, казанские отношения требовали твердого положения этой власти на восточной окраине. Отсюда постоянно грозила тревога. Во время похода Ивана III на Новгород в 1478 г. Ибрагим напал на Вятку и Устюг, а в ответ был возможен лишь

набег в казанские волости. Только благополучное разрешение в 1480 году кризиса внутренних и внешних отношений великого княжества развязало Ивану III руки. В 1486 г. он поднялся на Казань с большими силами, и хан поспешил предупредить поход – челобитьем о мире⁴⁸.

Затяжная, то и дело возобновляемая борьба должна была уже во времена Ивана III выяснить, что избавиться от вечной тяготы и тревоги можно лишь прочным замирением Казанского царства, т. е. его подчинением власти великого князя. Но на такую задачу сил еще не хватало. Последние годы Ивана III – со смерти Ибрагима, случившейся в 1486 году, – заняты попытками водворить в Казани на ханстве московских подручников из служилых царевичей, которых охотно принимали в Москве на «кормление», как боевую силу и орудие политической интриги. Результаты такой политики не были прочными⁴⁹, но облегчали положение в тот период, когда великокняжеская власть была занята собиранием и организацией сил Великороссии.

Та же татарская забота определяет деятельность великокняжеской власти на юге. Оборона со стороны степи по-старому, естественно, лежит на Рязанской земле. Но управляют Рязанью наместники великого князя, опекуна малолетнего рязанского князя Василия Ивановича. Когда юному князю исполнилось 15 лет, в. к. Иван женил его на сестре своей Анне и отпустил на Рязань, где Василий княжил 19 лет (1464–1483) московским подручником, как и сын его Иван (1483–1500), а в исходе правления и жизни Ивана III Рязанской землей правит великая княгиня рязанская Аграфена Васильевна, которой в. к. Иван посылает наказ о том, как ее служилым людям быть «в его службе», требуя строгих наказаний за ослушание, чтобы не пришлось ему самому вмешаться⁵⁰. Только покорность рязанская, облегчавшая его организационную работу деятельностью местной власти, отсрочила установление прямого великокняжеского управления Рязанской землей⁵¹.

Великорусское государство строилось в условиях крайне неопределенного состояния границ владения и расселения. На восточных пределах оборонительная борьба неизбежно и незаметно переходила в наступление для расчистки торговых и колонизационных путей. Колонизационная и промысловая тяга к юго-востоку, встречая почти неодолимые затруднения в соседстве татар, отклонилась к северу, в обход Казанского царства по следам давнего новгородского движения. Великокняжеская власть сменяет господство Великого Новгорода над Пермью с 1472–1473 года, а к концу княжения Ивана III власть пермских князьков уступает место управлению великокняжеского наместника; еще в шестидесятых годах ходили московские воеводы с «охочими» людьми на Югру и привели местных князьков к по-

корности, которой те купили себе великокняжеское пожалование своим же княжением; в восьмидесятых годах Москва берет на себя защиту Перми от вогулов, организует походы на них местных северо-восточных русских сил и самих пермяков⁵².

Неустойчивым, непрерывно-тревожным и недостаточно определенным было и положение западного рубежа Великороссии. Компромиссная попытка 1449 г. разграничить сферы литовского и московского влияния, по существу, ничего не разрешала. Колебания «верховых княжеств» старой Черниговщины, Твери, Новгорода, Пскова между Москвой и Литвой держали оба великих княжения в постоянном враждебном напряжении. На границах между новгородскими волостями и литовскими владениями сложились столь своеобразные явления, как совладение нескольких политических центров во Ржеве, Великих Луках, на Холмском погосте⁵³. Прочно взять в свои руки определение западных пределов и позиций Великороссии значило для великокняжеской власти утвердить свое господство над Новгородом, Псковом и Тверью.

Яжелбицкий договор положил основание подчинению Новгорода. Житие св. Ионы, архиепископа новгородского, повествует, что в. к. Василий Васильевич собирался решительно поднять руку на Новгород, жалуясь на новгородцев, «аки не по лепоте от них чтом»: «а ему, – поясняет житие, – великого княжения власть над князьями русскими предержашу, и сего ради искаше подъяти руце на Великий Новгород». «Повесть об Ионе» составлена современником в конце 1472 года и свидетельствует, что вопрос о «государстве» великого князя над Новгородом стоял перед сознанием московских правящих кругов и новгородских политиков задолго до того, как Иван III приступил к его разрешению⁵⁴. По существу он был, действительно, поставлен ребром в Яжелбицком договоре и обострен последовавшими новгородскими волнениями. Возможно, что житие св. Ионы верно представляет дело, утверждая, что назревший конфликт отсрочен его предстательством за Новгород перед великокняжеской властью; по крайней мере, кончина святителя, умершего в ноябре 1470 года, послужила исходным моментом для сложной истории «падения Великого Новгорода». Руководившая новгородской политикой боярская партия имела свой план действий – решила искать помощи против Москвы за литовским рубежом. Однако в начавшихся сношениях с Литвой следует различать два момента, соотношение которых объясняет полную неудачу плана Борецких. Сношения с Литвой начались еще до кончины арх. Ионы, так как через три дня после его смерти в Новгород прибыл князь Михаил Олелькович, «испрошенный» новгородцами у короля Казимира⁵⁵. Дело шло о водворении в Новгороде литовского наместника «от православного христианства». По рассказам,

сохранившимся в наших летописных сводах, план князя Михаила и Борецких состоял в том, чтобы за литовского пана, который станет новгородским правителем, выдать вдову посадника Исаака Марфу и тем утвердить связь боярской партии с литовской правящей средой и ее господство над Новгородом⁵⁶. Возможно, конечно, что это только слух или сплетня – новгородская либо московская. Но положение Казимира перед новгородским делом было весьма затруднительно. Если оно представлялось возможным, то не иначе как при участии православных князей и панов Литовско-русского государства, той среды русских Рюриковичей и обруселых Гедиминовичей или панов литвинов, борьба с которыми была очередной задачей внутренней политики Казимира. Михаил Олелькович, виднейший представитель этой среды, ее кандидат на великое княжение, готовился в Новгороде почву для такого решения дела, которое едва ли было в намерениях короля: создания в Новгороде крупного наместничества для православного магната.

Дело не замедлило осложниться церковным вопросом. По смерти Ионы св. София, Премудрость Божия, избрала себе жребий его протодьякона и ризничего Феофила; кандидат литовской партии, владычный ключарь Пимен, потерпел неудачу, Феофил отнесся двойственно и нерешительно к затее литовской партии: начал хлопоты по поездке в Москву к митр. Филиппу на поставление, но принял участие и в сношениях с Казимиром. Последнее было, вероятно, вынуждено соперничеством с Пименом, который искал опоры в литовской партии и соглашался ехать на поставление к литовскому митрополиту. А этот проект чрезвычайно осложнялся тем, что литовско-русскую митрополию занимал Григорий, униат и ученик Исидора, которого не признали вожди православной западнорусской среды, князья Олельковичи и паны Гольшанские. Правда, Григорий добился незадолго перед тем признания своего митрополичьего сана и даже своих прав на митрополию вся Русь от константинопольского патриарха Дионисия, но это вызвало резкий протест Москвы и только еще более запутало церковные отношения явным соблазном⁵⁷. В таких условиях соглашение новгородских правящих кругов с королем Казимиром не могло получить достаточной силы, хотя и вылилось в формулу договора о назначении на Новгород литовского наместника – православного, о держании Новгорода «в воле мужей вольных», о защите его против в. к. Ивана всей литовской силой⁵⁸. В Новгороде поднялись тревоги и раздоры⁵⁹. Над вольным городом повяло грозной опасностью, когда пришли вести из Пскова, что в. к. Иван подымает псковичей против Новгорода⁶⁰. Но Москва выступила сперва не с ратной силой, а с увещаниями митрополита о «честном и грозном» княжении новгородского «отчича и дедича», о смирении «по великой старине»

«под крепкую руку благоверного и благочестивого государя русских земель», о великом грехе «приступать к латинской прелести» признанием власти «латинского господаря»⁶¹. Новгородцы, охваченные внутренними разногласиями и недоверием к московской власти, не дали, по-видимому, никакого ответа. Тогда в. к. Иван поднялся на них «всеми землями» с братьями и служебными князьями, с царевичем Даньяром, тверской и псковской ратью, а другую рать направил на Двинскую землю.

Дело быстро закончилось поражением главных новгородских сил от передовой московской рати на Шелони, и двинян с их воеводой князем Василием Шуйским – отрядом великокняжеского воеводы Образца. Последовал мир, запечатленный в окончательных грамотах, который почти дословно повторил Яжелбицкий договор; «за новгородскую проступку» Великий Новгород обязался в четыре срока уплатить значительную контрибуцию⁶².

Заключению этого мира в летописных повествованиях, отразивших на себе московскую точку зрения, придан характер великодушного великокняжеского «пожалования», своего рода амнистии «новгородской проступки», по печалованию митр. Филиппа, братьев великого князя и его бояр⁶³. Но на этот раз примирение еще приняло старинную форму договорного докончания, скрепленного крестным целованием великого князя к Новгороду, и мир – согласно терминологии договора и летописных повествований – заключен «по старине, по пошлине». Однако это восстановление не новгородской, а великокняжеской старины⁶⁴. Дело шло, на первых порах, об осуществлении и закреплении условий Яжелбицкого договора. Признание всех актов новгородского законодательства и управления, совершаемыми в имени великого князя, и гарантия судебной власти его наместников должны были получить свое полное значение. С августовским докончанием 1471 года неразрывно связано и составление «Новгородской Судной грамоты» – «по докладу господе великим князьям», где установлено «без наместников великого князя посаднику суда не кончати, а наместником великого князя и тиуном пересуд свой ведати по старине»; она явилась результатом пересмотра и новой редакции той Судной грамоты, которая упоминается в договоре: «а что грамота докончальная в Новгороде промежь себя о суде, ино у той грамоты быти имени и печати великих князей»⁶⁵. Усиливалась активная роль великокняжеских наместников в новгородском суде и управлении, неотделимая от доли великого князя в новгородских доходах.

С московской точки зрения, условия договора 1471 года представлялись весьма умеренными; великий князь обошелся с новгородской стариной по-своему, сравнительно осторожно. В этом можно усмотреть определенный политический расчет.

В. к. Иван был силен перед Новгородом его внутренними раздорами, и не было в интересах великокняжеской политики скреплять согласное объединение новгородцев поспешным и слишком резким давлением. Щадя – по внешним приемам – вечевые инстинкты новгородской массы, в. к. Иван направил крутые удары на виднейших вожakov литовской партии, внося в ее среду дезорганизацию и сознание полного бессилия⁶⁶.

Дальнейшее развитие новгородской политики Ивана III проходит по двум стадиям: великий князь в течение некоторого времени усиливает проявления подлинной власти своей при относительном соблюдении традиционных форм ее деятельности, т. е. новгородской «старины и пошрины», а затем круто водворяет свое вотчинное «государство» над Великим Новгородом.

В «старине и пошрине» новгородской за княжеской властью сохранялись значительные права и полномочия, но связанные нормами этой «старины» в том отношении, что были осуществимы только как права и полномочия местной, земской власти. Князья могли использовать их в полной мере лишь под условием пребывания в Новгороде и не иначе как при участии посадника и при посредничестве должностных лиц, взятых из состава новгородских мужей. А с тех пор как новгородскими князьями стали великие князья всея Руси, неизбежный абсентеизм княжеской власти парализовал ее активное участие во внутренних делах Великого Новгорода, как, с другой стороны, поглощение великокняжеской силы внутренней борьбой за власть и внешними делами на юго-востоке и на юго-западе Великороссии, взрастило самостоятельность Новгорода во внешней политике. «Старина» новгородской княжой власти пришла в упадок, уступая все более и более «пошрине» новгородского народоправства. Эту пошрину новгородцы развивают и укрепляют в своих договорах с князьями, заботливо охраняя внеземское положение князя за претом ему землевладения на своей территории и связей патроната-закладничества в среде новгородского населения. Однако Великий Новгород оставался в составе великого княжения всея Руси, и новгородцы долгое время настойчиво проводили традицию признавать своим князем носителя великокняжеской власти. На основе весьма реальных политических и экономических интересов соединение в одном лице великокняжеской власти Владимирской и Новгорода Великого сложилось в прочную «старину и пошрину», которую и новгородцы усвоили, как черту своего обычно правого порядка; попытка перенести княжескую власть на литовского великого князя была, несомненно, коренным и смелым новшеством одной из новгородских партий. В терминах великорусского княжого права та же «старина и пошрина» выражалась признанием Новгорода «вотчиной» великих князей всея Руси. И эта связь Великого Новгорода с великим

княжением подверглась тяжкому испытанию, когда оно превратилось в вотчину московских государей, слилось в одно целое с их московской отчиной. Перестройка на новых, вотчинных основаниях внутренних отношений великого княжества надвинулась на вольность новгородскую, как конечная, смертельная угроза.

В договоре 1471 г. в. к. Иван, прежде всего, следуя Яжелбицкому договору, закрепляет безусловную принадлежность Великого Новгорода к составу великого княжения всея Руси. Новгородцы обязаны признать, что должны «быть от великих князей неотступными ни к кому» и впредь не принимать на пригороды ни литовских князей, ни русских, недругов великому князю. Затем он берет на себя деятельную роль новгородского князя, главным образом (не говоря о полном подчинении внешних отношений) в деле суда, обеспечив за собой и своими заместителями условия такой роли. Восстановлена, по старине, и зависимость новгородской церкви от московского митрополита поставлением Феофила на владычество (в декабре 1471 года).

Усиление княжеской власти открывало новые возможности для вмешательства во внутренние отношения Великого Новгорода. А эти отношения приняли весьма тягостный характер. Хозяйничанье боярской олигархии вызывало острое недовольство средних и низших слоев населения⁶⁷, а планы литовской партии шли в разрез с интересами новгородского купечества, тяготевшего по торговым связям к северо-восточной Руси.

Однако партия Борецких, видимо, не считала своего дела безнадежно проигранным и после 1471 года. В ближайшие годы видим вокруг степенного посадника Василия Ананьина людей этой партии, они пытаются сплотить новгородцев прямым террором на противников из числа бояр⁶⁸. Но в массе вечевая толпа была не на их стороне. Современник-пскович записал в свою летопись, что новгородские житьи и молодые люди сами призывали в. к. Ивана на управу, «что на них насилье держат посадники и великие бояре – никому их судити не мочи; как тии насильники творили, то их такоже иметь князь великий судом по их насильству и мзде судити»⁶⁹.

В октябре 1475 года в. к. Иван поехал в Новгород на свой суд с людным двором. Подробное описание его пути отмечает, как еще на станах по дороге его встречали новгородские жалобщики⁷⁰. В Новгороде стали перед ним главные челобитчики, жертвы большого погрома, и били челом на его виновников – бояр партии Борецких. Великий князь творил суд по-новгородски – при владыке и посаднике, в собрании новгородского боярского совета, и дал на обвиняемых своих приставов из ближних дьяков вместе с приставами от Великого Новгорода, а по обыску обвинил их, велел «поймать» старого посадника Ананьина и одного

из Борецких, Федора, а остальных их сторонников отдать на поруку. В это дело в. к. Иван впледел заново и обвинение в попытке передаться на литовскую сторону и тем придал уголовному делу политический характер, что дало ему предлог для отсылки арестованных, окованных в Москву; с остальных обвиненных он велел взыскать «исцелы убытки» в размере исков и «свою вину» по прежним грамотам. По обычаю, великий князь собрал в свой приезд обильные дары не только с бояр, но и с купцов, и с житейных людей, и со многих молодых, которые шли к нему с челобитьями и с «поминками», так что «никаков не остана, который бы не пришел с дары». А великий князь отдаривал их своим жалованьем «от дорогих порт и от камок и кубки и ковши серебряные и сороки соболей и кони, коемуждо по достоинству»⁷¹.

Такое властное и торжественное выступление в Новгороде могло убедить Ивана Васильевича, что почва для полного водворения его «государства» достаточно подготовлена. Не даром этот «мирный поход» описан так подробно и тщательно, видимо, пером великокняжеского дьяка. Челобитчики и жалобщики продолжали обращаться к великому князю и после его отъезда, и он стал давать на ответчиков своих приставов из Москвы и назначать срок явки на свой суд в Москву; так продолжалось и в следующие годы, к явному нарушению новгородской старины, чего «не бывало от начала, как и земля их стала и как великие князи учили быти..., но сей в то приводе их». Видно, что внутренний разлад дошел до полной утраты боярским правительством опоры в значительной части населения, которая потянулась к новой для нее власти «о обидах искати». То же творилось и в самом Новгороде. Новгородские бояре жаловались, что наместники великого князя судят посадничьи и владычни суды; перетягивают суд из Новгорода на Городище, как и сам великий князь вместо того, чтобы решать только те дела, каких «не возмогут управити» посадник с наместником, притом только во время своих приездов в Новгород, переносил новгородские судебные дела к себе на Москву по новгородским челобитьям.

Так подготовлен был известный эпизод, происшедший в марте 1477 года, когда новгородские послы били челом в. к. Ивану, как своему «государю», чего *«наперед того, как земля их стала, не бывало, никакого великого князя государем не называли, но господином»*. Трудно сомневаться, что такой шаг был подготовлен из Москвы с помощью новгородских угодников великокняжеской власти. Речь шла, очевидно, не о титуле. Послы новгородские, по московской записи, пришли к великим князьям Ивану Васильевичу и сыну его Ивану «бити челом и называти себе их государи» и вызвали тем ответное посольство от великого князя с целью «покрепити того, какова хотят государства?» Официальные представители Великого Новгорода отвечали на

такой запрос, что «с тем не посылали», а в Новгороде поднялась ожесточенная партийная борьба, в которой верх взяла партия, враждебная Москве, а посадники и бояре, которые «приятны» были великому князю, вынуждены спасаться бегством. Тогда в. к. Иван поднялся в последний поход на Новгород, и новгородцы не смогли организовать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Началось челобитье о мире; начались чрезвычайно интересные переговоры о дальнейшей постановке взаимных отношений между Новгородом и великокняжеской властью. В этих переговорах встретились два политических воззрения, с трудом находившие общий язык⁷².

Новгородцы начали переговоры с челобитья о восстановлении «старины», как они ее понимали, подкрепленной отменой тех ее нарушений, которые ярко сказались в практике последних лет⁷³. В. к. Иван настаивал, прежде всего, на признании новгородцами челобитья о его «государстве» над Великим Новгородом и поддержал свои настояния более тесным обложением города. Однако только по вторичному его требованию и новому совещанию в Новгороде послы принесли новгородскую «повинную», что сперва отвергли свое посольство. Только тогда в. к. Иван нашел почву для ответа по существу, как он думает «жаловать» свою отчину, как сам он понимает свое будущее «государство»? Ответ был простой, но для новгородцев мало вразумительный: «мы, великие князи, хотим государства своего, как есмь на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новгороде». Послы поехали на новое совещание (а великий князь пока продолжал стягивать войска к Новгороду) и вернулись с новым проектом договора о порядках княжого управления⁷⁴. Не отвечая по существу отдельных новгородских пожеланий, в. к. Иван поставил ребром основной вопрос: «яз, князь великий, то вам сказал, что хотим государства в своей отчине Великом Новгороде такова, как наше государство в Низовской земле на Москве, а вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти, ино то которое мое государство?» Характерен ответ новгородцев: они вынуждены отречься от принципа договорного соглашения («урока не чиним их государству»), но просят «явить» им, в чем же состоит «низовская пошлина», которой Новгород не знает, та «пошлина», по которой «государя наши великие князи государство свое держат в Низовской земле». Деятельность правительственной власти, не связанная никакими нормами обычного права, никакой «пошлиной», едва ли была только неприемлема для новгородцев: такое представление должно было им казаться просто непонятным. Но в ответ они получили только отрицательное определение той новой пошлины, какой им предстояло подчиниться: вечевому колоколу не быть, посаднику не быть, а «государство все держать» велико-

му князю. Несколько конкретнее пояснялась «низовская» пошлина требованием организации в Новгороде дворцового и служилого землевладения – волостей и сел, «на чем великим князем быти в своей отчине» и редукации в обладание великих князей тех княжих земель, которые за новгородцами⁷⁵. К жесткому ответу, несколько раскрывавшему черты нового порядка, в. к. Иван прибавил обещание пожаловать свою отчину выполнением некоторых новгородских пожеланий: не делать «вывода» из Новгородской земли, не нарушать землевладельческих прав новгородского боярства, сохранить суд по старине, «как суд в земле стоит». Новгородцы смирились, приняли такое «пожалование» и основы новой «пошлины» и только выпросили себе еще отмену московских позвов и низовской службы.

Им казалось, что они добились-таки некоторых, хотя и скудных гарантий. Оставалось, по их представлению, формально закрепить эти гарантии. И снова поднялось то же самое, только что исчерпанное, принципиальное разногласие.

Новгородцы подняли речь о том, чтобы государь им «крепость дал» – крест бы целовал, и встретили отказ. Просили, чтобы великокняжеские бояре целовали крест к Великому Новгороду, чтобы наместник великого князя, который будет у них, был связан таким крестным целованием – и это было отвергнуто. Отказано им было даже в «опасной грамоте», которая охраняла бы обещанные гарантии⁷⁶. Пришлось удовлетвориться милостивым словом из собственных уст великого князя о том, чем он свою отчину пожаловал; на это в. к. Иван пошел, очевидно, потому, что придавал подобной декларации значение не формального обязательства, а только осведомление о своем властном решении.

Тотчас приступил в. к. Иван к организации в Новгородской земле своего великокняжеского землевладения и общего пошного тягла. Новгородское народоправство сменялось «государством великого князя». 15 января 1478 года великокняжеские бояре привели к присяге всех новгородцев по концам и улицам⁷⁷; новгородские бояре, дети боярские и житьи люди «приказались» в службу великому князю, и на дворе Ярославле водворились великокняжеские наместники⁷⁸.

Польский историк отметил, что утверждение непосредственной великокняжеской власти в Новгороде встревожило все враждебные Москве западные силы – и Ливонский Орден, и Швецию, и Литву⁷⁹. Как только «князь великий московский взял Новгород и вече им сказал», московские наместники появились на Ржеве и ее волостях, на Великих Луках и в Холмском погосте и привели местное население к присяге на имя своего великого князя, а представителей литовской власти согнали прочь⁸⁰. Литовское государство почуяло наступление восточного соседа, настойчивого и упорного, направлявшего и силы крымского ха-

на на западнорусские волости. Литовская рада уже в 1478 г. настаивает на организации особого от польской королевской власти великокняжеского правительства, но король Казимир решил сам вернуться в Вильну и деятельно заняться восточными делами. Власти Ливонского Ордена обсуждают вопрос, как бы «вернуть москвитя к тому положению, в каком были его предки», заводит сношения со Швецией и Казимиром. Назревала та коалиция против Москвы ее западных недругов и Золотой Орды, которая так беспомощно распалась в ближайшие годы. Нет прямых сведений о том, как отразились эти попытки действий, враждебных Москве, на Новгороде. Но в октябре 1479 года Иван Васильевич в приезд свой на Новгород изымал в коромоле архиеп. Феофила и сослал его в Москву; обвиняли его опять в замысле, чтобы Новгород был «за королем или за иным государем»⁸¹. Настоящая расправа за эту новую крамолу произошла позднее, когда пережита была тревога раздора с братьями великого князя и нашествия хана Ахмата. Потребность великокняжеской власти тверже и увереннее стать на западной границе и вовсе упразднить возможность областных сепаратных внешних сношений должна была особо обостриться после таких событий. И в восьмидесятых годах великий князь ликвидирует арестами и выводом из Новгорода остатки литовской партии, а затем эти меры разрастаются в широкий «пересмотр людей и земель», которым разрушен боярский слой новгородского населения, но захвачены глубоко и более широкие его группы – житьи люди и купечество, а выдвинуты на их место более надежные элементы из центральных областей, и положено в крупных размерах основание служилому землевладению и тяглому строю Новгородской украины⁸².

Большая организационная работа на новгородской почве вошла в общую перестройку положения западных областей Восточной Руси. Псков сохранил на время внешние формы своего народоправства, но под управлением московских наместников, которых псковичи держали у себя, по псковской старине, князьями. В начале самостоятельного правления Ивана III псковичи согноли «с бесчестьем» князя Владимира Андреевича, того служилого ростовского князя, который был посажен у них Василием «ни по псковскому прошению, ни по старине». Иван Васильевич прогневался, но все-таки «дал им князя по псковскому изволению», и князь этот Иван Александрович Звенигородский «целовал крест ко Пскову на всей псковской пошлине»⁸³. По псковскому челобитью и с крестоцелованием на псковской пошлине княжил с 1467 года во Пскове кн. Федор Юрьевич Шуйский, но его наместничья власть уже значительно усилена: управление псковскими пригородами с судом и расправой перешло в его руки⁸⁴. И князь Шуйский стал «творить сильно» над псковичами,

так что они били челом о его замене князем Иваном Стригой Оболенским, но великий князь прислал его брата Ярослава. Новый наместник сел на псковском княжении в феврале 1473 г. с крестоцелованием «на пошлинных грамотах и всех старинах псковских» при вечевом собрании псковичей⁸⁵.

При первых наместниках Ивана III псковичи, как-никак, вели свои дела по старым вечевым порядкам, а с немцами воевали при помощи московских войск. В семидесятых годах – в годину большого и напряженного осложнения всего международного положения – Псков подвергся усиленным нападениям немцев и стал боевым пунктом большого значения. Псковские наместники вели эти внешние дела вместе с новгородскими: оборону западного рубежа, переговоры, перемирия и мирные докончания, на съездах то у себя во Пскове, то в Новгороде. Интересы местной обороны от этого только выиграли, но поглощались, в то же время, общей великокняжеской политикой. Псковской наместник получил особое значение для самой великокняжеской власти, и пересмотр всего его положения во Пскове стал на очередь. В 1475 г. князь Ярослав предъявил псковичам новые требования, и те отправили к великому князю посадников с грамотами на защиту своей старины; но они могли представить только грамоты местных князей, за которыми великий князь не признал достаточной силы, «что лето грамоты, не самих князей великих». Князь-наместник требовал значительного увеличения своих доходов за счет дохода псковской казны, и псковичам пришлось сойти с принципиальной почвы защиты своей «старины» по «грамотам пошлинным» к обороне аргументом о непосильности для них требований князя Ярослава: «нам в том, говорили они, не мощно жити». Решение всецело перешло в волю великого князя. И он своим велением установил новое распределение псковских доходов и новое расширение прав наместничьего суда. Введение в жизнь нового порядка вызвало вскоре настоячивые протесты псковичей, а во Пскове взрыв вечаевой смуты против князя-наместника и его «княжедворцев»⁸⁶. В. к. Иван отозвал князя Ярослава, а псковичам дал – по их челобитью – князя В.В. Шуйского; но этот наместник оказался крайне неудачным воеводой и правителем, и Ярослав Оболенский вернулся во Псков. Псковская старина уступила наместничьему управлению, так как все ратное и земское дело, суд и повинности населения подчинены руководству и регламентации представителей великокняжеской власти⁸⁷. Формальная инкорпорация ожидала Псков, подобно Рязани, несколько позднее; но то было лишь устранение пережитка, потерявшего внутреннюю силу и подлинный жизненный смысл.

Последние десятилетия XV века – момент крупнейшего исторического значения для Восточной Европы. На обширных ее

пространства рушится старая, слагается новая система международных отношений. Основной ее фактор – Московское государство, завершавшее вековую работу над объединением Восточной Руси. И крупный эпизод этой объединительной работы – «тверское взятие» – входит в состав условий и последствий усложненного общего положения на западной границе той широкой политики, какую развернул Иван III, ища новых устоев и гарантий для борьбы с литовским соседом. В эту пору в. к. Иван завязывает сношения с врагами Ягеллонов – со Стефаном, воеводой Валахии, чью дочь он в 1483 г. сосватал за сына, с Матвеем Корвином, королем венгерским, с императором Фридрихом III, с папской курией, учитывая и ее влияние на политику Речи Посполитой, а ближе и всего теснее – с крымским ханом. Сломить в конец опору, какую литовская сила находила в промежуточном, обоюдостром положении русских земель, колебавшихся между Москвой и Литвой, поставить определенно и твердо западный рубеж, притом с возможной для себя выгодой, перетянув в свое распоряжение эти колеблющиеся русские силы – было прямой необходимостью для в. к. Ивана. В начале его правления договор с тверским великим князем, одиннадцатилетним Михаилом Борисовичем, подтвердил, по крайней мере формально, отношения, какие сложились при Василии Темном: одиначество великих князей на началах равного братства, гарантию независимости Твери с отказом великого князя всея Руси от вмешательства в ее внутренние дела, даже с правом в. к. Михаила и тверских князей иметь «путь чист» к Орде⁸⁸. На деле подлинное соотношение сил поставило Тверь в значительную зависимость от великорусской власти, и тверские полки участвуют по зову в. к. Ивана в обоих новгородских походах и в сборе войск против хана к берегам Угры⁸⁹. Москва фактически подавляла Тверь и начала поглощать тверскую силу: в семидесятих годах отъехала в Москву значительная группа тверского боярства⁹⁰. А после 1480 года московское засилье стало еще грознее. Падение Новгорода, усиление властного управления Псковом, ликвидация притязаний великокняжеской братии, новый договор с Рязанью – все эти черты крепнувшей концентрации московской властной силы должны были встревожить руководителей тверской политики не меньше, чем бессилие Твери перед Москвой в пограничных поземельных спорах и столкновениях. В. к. Михаил пытается снова найти опору в Литве, и по смерти первой своей княгини – дочери Семена Олельковича, заводит сношения с Казимиром о союзе, покровительстве и новом браке с одной из королевских внучек. Их договор восстановил отношения между Тверью и Литвой, какие определялись в договоре 1449 г. в. к. Бориса Александровича с Казимиром. Союз «противу всих сторон никого не выймучи» был явно направ-

лен, прежде всего, на в. к. Ивана⁹¹. Тверская тревога шла на встречу литовской. Король Казимир, после неудачи большой коалиции, скрепляет, по возможности, свои русские связи против надвигавшейся Москвы; одновременно с тверским договором он обновляет докончание с «верховскими князьями» – Воротынским, Одоевским и Новосильским – об их верной и бесхитростной службе в. к. литовскому⁹². Но и эта попытка не удалась. В. к. Иван во время узнал о переговорах, и быстрое движение на Тверь его «порубежной рати» принудило Михаила Борисовича к челобитью на всей воле великого князя. Новый договор решительно вводил Тверское великое княжество в московскую политическую систему: Михаил Борисович целовал крест «*к своему господину и брату старейшему, к в. к. Ивану Васильевичу всея Руси, и к его сыну, к своему брату старейшему, к в. к. Ивану*», признал себя равным младшему великокняжескому брату Андрею, сложил с себя крестное целование к королю Казимиру и обязался не сноситься с ним без ведома в. к. Ивана, не передаваться на его сторону и от московских великих князей «*никоторыми дедами не отступати*», а ратную силу посылать в походы с великокняжеским войском⁹³. Великое княжество Тверское стоит еще, как автономное владение рядом с вотчиной московской великокняжеской семьи – ее великим князем, Москвой и Новгородом и Псковом, но отстоять себя оно явно уже не могло. Тверские князья, микулинский Андрей Борисович и дорогобужский Осип Андреевич, а за ними тверские бояре отъезжают один за другим на московскую службу⁹⁴. Почва вовсе уходила из-под ног князя Михаила, и попытка возобновить сношения с королем Казимиром привела к конечному исходу. Тверской гонец перехвачен, и в. к. Иван, не принимая повторных попыток нового челобитья, двинулся на Тверь с большой силой. Покинутый почти всем боярством князь Михаил бежал в Литву, а Тверь целовала крест на имя обоих великих князей всея Руси. Однако Иван III счел нужным не упразднить тверского великокняжеского наместника, а передал его сыну. Когда старший Иван уехал в Москву, в. к. Иван Иванович «*въехал во град Тверь жити*», принял службу тверских бояр, которые были в боярах у в. к. Михаила, а выдал им свои жалованные грамоты на их тверские вотчины⁹⁵.

Тверское великое княжество стало вотчиной московских государей, но особой от их Московского государства; черты этой особенности сохранились и после кончины в. к. Ивана Молодого – в особой должности тверского дворецкого, в службе служилых людей «*по тверскому списку*» и, в конце концов, в фантастическом по существу, но формально проведенном восстановлении этого великого княжения для крещеного татарина Симеона Бекбулатовича при Иване Грозном. На первых порах сохранение старой правительственной и служилой организации

должно было представлять значительное удобство, облегчая распоряжение тверскими силами и средствами, и только усиливало выступление великорусской великокняжеской власти в пограничных делах⁹⁶. Утверждение московской силы в Твери, естественно, увеличивало ее общее давление на западный рубеж, и неопределенное положение Чернигово-северского княжества не могло долго продолжаться. В поддержку московскому напору шло внутреннее осложнение отношений Литовско-русского государства. На восточных его окраинах сидели вотчины мелких княжений, которые служили то Москве, то Литве, а то и «на обе стороны», под «смесным» верховным обладанием обоих великих князей, на родовых своих владениях или на землях, пожалованных им в вотчину от в. к литовского. Частью это коренные Рюриковичи Черниговской земли, частью обруселые Гедиминовичи, частью московские выходцы, выброшенные великорусской смутой за литовский рубеж. По понятиям тех времен вотчинное княжеское владение вело к признанию за ними права отъезжать от одного великого князя к другому не только лично, но и с вотчинами. В XV веке литовская великокняжеская власть пытается прочнее закрепить их связь с Литовско-русским государством, и в договорах с такими вотчинами появляется «докончание» о том, чтобы они «земли своей от великого княжества литовского не отступали», в частности при выморочности владения, а в договоры с Москвой, Тверью, Рязанью вносится условие – «служебных князей с вотчинами не принимать». Восстановление силы великокняжеской власти и унии с Польшей при Казимире Ягеллончике грозило самостоятельности мелкого княжества не меньше, чем усиление Москвы – великорусским удельным вотчинцам. Против нового великокняжеского засилья первые подняли смуту обруселые литовские князья. Киевский отчич Михаил Олелькович, потерявший Киев, князь Ф.И. Бельский и близкие ему Гольшанские затеяли искать опоры в Москве и *«восхотеша по Березину реку отсести на великого князя Литовской земли»*. Олелькович и Гольшанский схвачены и казнены в августе 1481 года, а Федор Бельский ушел в Москву. Этот «заговор князей», о котором источники дают так мало сведений⁹⁷, дал толчок целому ряду отъездов на московскую сторону с вотчинами в восьмидесятых и девяностых годах XV века. Внутренние нелады соседа получают опору и разрешение в наступлении московской великокняжеской власти к юго-западу. Князья Воротыские – один за другим – потянулись в Москву, видя что нет им крепкой защиты от короля, а затем, опираясь на московскую поддержку, нападают вместе с Одоевскими на соседей. По-видимому, многие из таких переходов на московскую сторону происходят, подобно отъездам к Москве тверских бояр, под давлением «обид» в пограничных владельческих спорах и наездах. Едут к Москве кня-

зья перемышльский, белевский, мезецкий, вяземский, а в. к. Иван принимает их «и с вотчинами», защищает их оружием в прямой войне с в. к. литовским и укрепляет за собой мирным докончанием 1494 года вместе с теми, чьи вотчины подверглись и помимо отъезда захвату во время военных действий⁹⁸. В 1500 г. Переходит к Москве кн. Семен Бельский, за ним кн. Семен Можайский с Черниговым, Стародубом, Гомелем и Любечем, и Василий Иванович Шемячич с Рьльском и Новгородом Северским; перемирие докончание 1503 года закрепило за Москвой эти приобретения⁹⁹. Однако хотя все эти дела и выросли на почве удельно-вотчинных отношений и воззрений, но ссылка на устарелое право отъезда с вотчиною выродилась тут в дипломатическую уловку, и всю борьбу Литвы и Москвы за Чернигово-северские княжения можно рассматривать как явление международной политики московского государя, который выдвинул новый, национальный ее принцип, искусственно построенный на особой вотчинно-династической теории, цель которой – обосновать притязания на все наследие князей Рюрикава дома с древнейших времен. Результаты этой борьбы выводят нас за пределы образования великорусского государства и дают уже его расширение захватом территорий, которые никогда органически не были связаны с великим княжением Владимирским и Великого Новгорода; они непосредственно связаны с начатой Иваном III борьбой за Смоленск.

Объединение обширной великорусской территории под непосредственной властью московского великого князя создало весьма своеобразное и сложное представление о ее владельческо-политическом характере. Если объединение московской отчины с областями Владимирского великого княжения (в более тесном смысле) вело к представлению о их совокупности, как едином вотчинном государстве государя князя великого, то уже с Новгородом и Псковом дело обстояло несколько иначе. Их инкорпорация в состав великокняжеских владений усложняет само представление о «великом княжении». Иван III говорит о нем в своих грамотах, как о трехчленном целом: Москва, Новгород и Псков составляют его великое княжение, но тот же термин сохраняет и более тесный смысл, означая московско-владимирскую область, без Новгорода и Пскова, как особых «отчин» великого князя; а когда рядом с ними стала еще одна «отчина» – тверская, в. к. Иван заговаривает о «всех своих великих княжениях». В политических представлениях эпохи на первом плане не единство территории, а полнота великокняжеского властвования над всеми ее составными частями, не собирание земли, а собирание власти. А как Иван III понимал полноту этой вотчинной власти – сказалось наглядно в эпизоде, который разыгрался между ним и псковичами в 1499 году¹⁰⁰, в период его колебаний

по вопросу о своем преемнике. В 1498 г. Иван Васильевич благословил *«при себе и после себя»* внука Дмитрия на великое княжение Владимирское, Московское и Новгородское, а через год *«пожаловал сына своего князя Василия Ивановича, нарек его государем великим князем и дал ему Великий Новгород и Псков великое княжение»*. Псковичей об этом уведомил особый посол из Москвы, но их испугал такой выдел, и к великим князьям Ивану Васильевичу и Дмитрию Ивановичу явилось псковское посольство с челобитьем, *«чтобы держали отчину свою по старине, а который бы был князь великий на Москве, тот бы и им был государь»*. В. к. Иван гневно ответил: *«чи не волен яз в своем внуке и в своих детях ино кому хочу, тому дам княжение»*. Иван Васильевич, очевидно, понял псковское челобитье, как попытку вмешаться в борьбу придворных партий из-за Дмитрия-внука и его младшего сына Василия, а не усмотрел вопроса о единстве власти и государственной территории, и утверждал свое вотчинное право распорядиться своими великими княжениями – в целом и по частям, как Бог ему на сердце положит.

Рассказ этот показателен, как яркое выражение идеи вотчинного самодержавия, к которому нечего было бы прибавить и царю Ивану Грозному. Однако такая полнота владельческой державной власти не возведена в общий принцип, а носит у Ивана III личный характер. Он не передает ее сыну. Его духовная – *«ряд своим сыном»* – устанавливает для младших братьев в. к. Василия (Юрия, Дмитрия, Семена, Андрея) удельные владения, потомственные и самостоятельные в управлении, а главное – неприкосновенные для великого князя в силу их гарантии отцовским *«рядом»*. В. к. Иван наделяет сыновей долями и в Московской и в Тверской земле, определяет размер уплаты каждым *«в выходы в ордынские»* и *«во все татарские проторы»*, во многом, стало быть, сохраняет традиционные приемы определения междукняжеских отношений¹⁰¹. Договором между сыновьями Василием и Юрием, который составлен по его повелению одновременно с духовной грамотой, определены будущие их отношения – *«брата молодшого»* и великого князя, который для младших братьев *«господин и брат старейший»*¹⁰². Старшего сына в. к. Иван благословил всеми своими великими княжествами – Владимирским, Московским, Новгородским, Псковским и Тверским. Нет еще установленного термина для обозначения совокупности всех владений. Но победа единого самодержавия сказалась в том, что нет в духовной Ивана III речи о разделе отчины по уделам; это не раздел наследия, а наделение членов великокняжеской семьи, не в меру обычно правовых долей всех отчичей, а в меру обеспечения их княжеского положения. Старое семейное право умерло, и выморочный удел пойдет целиком великому князю.

Удельные князья теряют характер участников в княжой политической власти. Им запрещено «деньги делать» по своим уделам; их судебные права, по крайней мере в селах московских станов, ограничены докладом их приказчиков великокняжескому наместнику; нет уже оговорки о возможном прекращении великокняжеского права требовать дань с их владений; и все пережитки удельно-вотчиного строя покрыты требованием «слушать» великого князя «во всем». Новое право единодержавной и самодержавной монархии еще не построено, не развито так, чтобы упразднить устарелую форму духовной грамоты – отцовского ряда; и текст духовной больше зависит от традиционных приемов изложения, чем соответствовало бы новому строю отношений.

IV

Объединение власти над всей Великороссией в руках единого вотчика на всех великих княжениях возводило его в положение «*государя над всеми государями Русской земли*». Это меткое выражение книжника-современника означает тенденцию признавать верховную волю государя великого князя господствующей над всеми иными правами властвования и управления, какие сложились в жизни Великороссии в удельно-вотчинном периоде, свести их к значению подчиненному и производному от великокняжеской воли. В частности, концентрация властной силы и политическое самоопределение Великороссии были неотделимы от коренных перемен в положении русской митрополии. Неизбежным стал распад ее на две поместных церкви – великорусскую и западнорусскую. Неизбежным стало и завершение национализации первой из них, как церковнополитической организации в составе Московского государства.

Московская смута, поставление на митрополию грека Исидора, дело о Флорентийской унии затянули на полтора десятка лет по смерти митр. Фотия тягостное и неопределенное положение дел русской митрополии. После низложения Исидора и его бегства осенью 1441 года во главе церковного управления стал нареченный митрополит Иона. Тяжелые времена напряженной внутренней борьбы, сложное международное положение и помимо церковных дел, запутанных судьбами унии, побуждали к решительной попытке обеспечить национальный характер и политическую надежность митрополии. В Москве остановились на решении выполнить избрание и поставление митрополита у себя, на Руси, но на первых порах искали возможности добиться права на этот акт с согласия Константинопольской церкви¹⁰³.

Но от такой попытки пришлось отказаться, и московские власти пришли, не без колебания и борьбы с внутренними разно-

гласиями¹⁰⁴, к решению поставить митрополита собором русских епископов; поставление это и состоялось 15 декабря 1448 года¹⁰⁵. Восстановление московского характера митрополии было, наконец, достигнуто. Митр. Иона явился восстановителем и завершителем традиций митр. Петра и Алексея, что и выдвинуто торжественным причислением Алексея к лику святых; Иона стал затем третьим святым московским митрополитом¹⁰⁶. В памяти трех своих святителей Москва прославляла и освящала главные моменты и конечное торжество своей церковно-политической тенденции. Со времен Ионы митрополия входит органически в строй Московского государства; она стала во главе национальной поместной церкви ценой временного разрыва с константинопольской патриархией, но выдержала и это испытание, поддерживав связи с греко-восточной церковью путем сношений с патриархом Иерусалима¹⁰⁷.

На первых порах митр. Ионе удалось сохранить под своей властью и западнорусские епархии. Его поставление совпало с переговорами о мире между великими князьями московским и литовским; вопрос о единстве митрополии был в них поставлен и проведен, и в начале 1451 г. Иона получил от в. к. Казимира грамоту на «столец митрополич киевский и всея Руси»¹⁰⁸. Но в восьмом году XVI века поставление на литовско-русскую митрополию Исидорова ученика Григория папой Калликстом III положило начало окончательному разделению митрополии¹⁰⁹. Северная митрополия утратила перед великокняжеской властью внешнюю опору в тесной связи с Константинополем и более широких политических интересах, и зажила местной великорусской жизнью – в мечтах и стремлении вернуть прежние, более широкие пределы своей церкви, как всероссийской, путей подчинения Москве русских областей, вошедших в состав польско-литовской Речи Посполитой. Судьбы и интересы церкви и государства великорусских слились. Падение Константинополя убило расшатанный авторитет греков, довершило фактическую автокефальность русской церкви; и в ту же пору слагалась и крепла независимость Руси от татар, завершенная при Иване III утверждением внешнего самодержавия Великорусского государства.

Митр. Иона поставлен русскими епископами – по избранию великого князя, по совету с в. к. матерью, с братьями, всеми русскими князьями, духовенством и боярами¹¹⁰. И после него преемство на митрополии внешне определяется благословением преемника митрополитом-предшественником, а по существу выбором великого князя. При новом укладе всего политического строя значение митрополита далеко не то, что было при Петре и Алексее. Русский митрополит, независимо от степени его личного влияния, служит своим авторитетом светской вла-

сти, являясь послушным орудием ее политики. Вся пастырская деятельность митр. Ионы тесно сплетена с этой политикой, и он выступает с посланиями от своего имени и от имени всего освященного собора – то для укрощения мятежного Дмитрия Шемяки, то для усмирения буйных вятичей, то для внушения вольному Пскову покорности их «отчичу и дедичу». Авторитет священного сана ставил митрополита высоко в строе общественных отношений. Но избираемый великим князем из людей, ему подвластных, бессильный перед вотчинной властью государя, он лишен устойчивых правовых гарантий своего положения. Как поставление на митрополию по канонической форме соборного деяния свелось к простому выполнению решения светской власти, так великий князь мог довести митрополита до мнимо-добровольного отречения или до низложения по постановлению покорного епископского собора. Третий из митрополитов в правление Ивана III, преемник Феодосия и Филиппа, Геронтий испытал на себе всю тягость зависимого положения. Так, в споре о хождении крестным ходом «посолонь» или против солнца, который поднялся по поводу освящения вновь отстроенного Успенского собора, в деле церковно-обрядовом личное мнение в. к. Ивана, противоречившее и русской старине и греческому обычаю, года на два оставило новые церкви без освящения, довело митрополита до бегства с митрополии в монастырь, а кончилось компромиссом, ибо великий князь хоть и уступил ввиду поддержки митрополита всем духовенством, кроме двух-трех лиц, но не допустил уставного постановления по спорному вопросу. Так, в споре ростовского епископа Вассиана с митр. Геронтием по поводу изъятия Кирило-Белозерского монастыря из-под епископской власти в. к. Иван выступает властным руководителем церковного собора, причем каноническая функция этого собора не умаляет, как и в деле поставления на митрополию, зависимости церкви от светской власти: великий князь «повелевает» быть собору, ставить ему задание, властно входит в его делопроизводство, сообщает его решениям правовую силу своим утверждением. Так, в восьмидесятых годах в. к. Иван пытался использовать временное удаление митр. Геронтия по болезни в монастырь, чтобы заменить его на митрополии другим лицом, «не восхоте его», когда митрополит решил вернуться на митрополию; но Геронтий «неволею не остави митрополии», хотя его «имали» силою и водворяли обратно, когда он «многажды» убегал из монастыря; только отказ продолжать недостойное состязание со стороны великокняжеского кандидата, Паисия Ярославова, заставил в. к. Ивана вернуть Геронтию его кафедру. Все эти эпизоды малозначительны, но они характерно освещают стремление великокняжеской власти водворить поистине вотчинный абсолютизм и в управлении церков-

ными делами. Проба сил не всегда была для нее удачной. Приходилось отступать перед святостью сана, церковным каноном, святоотеческим преданием, приспособляясь к роли их защитника и покровителя. Русская церковь, как и русское общество подлежали еще долгому перевоспитанию, пока вошли в новый строй отношений.

Таково было положение великокняжеской власти в отношении к церкви и в том важнейшем для нее вопросе, который надолго взволновал Московскую Русь – в вопросе о церковном землевладении. Коснусь только некоторых его принципиальных сторон, поскольку он связан, как и все отношение великокняжеской политики к землевладению, с основным процессом собирания власти.

По отношению к Великокороссии как удельных, так и московских времен собственно нельзя говорить о «церковном» землевладении. *«Землевладельческий быт нашей церкви сложился не по канонической догме, а по национальному типу вотчинного права»* (А.С. Павлов). Вотчины принадлежали отдельным церковным учреждениям – митрополии, епископским кафедрам, монастырям, церквям, которые в лице своих начальных властей и были полноправными вотчинниками. Крупные владения митрополичьей кафедры стояли особой, замкнутой в себе, сложной единицей в составе великорусского землевладения, наряду с другими. Духовные владельцы святительских и монастырских вотчин имели свои отдельные титулы владения и грамоты и стояли в прямых, непосредственных отношениях к светской власти, помимо митрополита, как крупные землевладельцы-вотчинники. Так получилось, если можно так выразиться, социальное тождество землевладения церковных учреждений с боярским, которое вело к существенным последствиям, правовым и политическим. С одной стороны, канонические постановления об имуществе церкви оказывались принципиально и практически неприложимыми к такому землевладению. А с другой, «государевы богомольцы» сближались, по положению своему, с боярами и вольными слугами великокняжеского двора, к которому они и тянулись за опорой и покровительством. В период дробления власти по местным великим княжениям епископы и игумены сплошь и рядом втянуты своими интересами и отношениями в местные общественно-политические связи, а тем самым в оппозицию великорусскому великокняжескому центру и митрополии, поскольку она являлась солидарной с великокняжеской властью. Их вотчины являлись, наравне со светскими боярщинами, «институтом не только землевладения, но и управления» – *«одним из основных учреждений государственного устройства»* всякой сколько-нибудь значительной политической единицы русского средневековья (Н.П. Павлов-Сильванский). Права

правительственного, по-нашему сказать, характера органическая черта и духовного и светского землевладения тех веков. А еще в 1857 году К.А. Неволин¹¹¹ заметил особую роль, какую сыграла в развитии княжеской власти практика выдачи князьями жалованных грамот на укрепление и определение этих прав и самого владения крупных землевладельцев. Эти грамоты не создавали нового права, а только подтверждали тот порядок вещей, который ранее существовал *«сам собою и по общему правилу»*; *«иммунитетные права, – так выразил ту же мысль Н.П. Павлов-Сильванский, – происходят не из отдельных княжеских пожалований, а из общего обычного права»*. Заметил Неволин и то, что в получении жалованных грамот составляло неминуемую опасность для правового положения крупного землевладения. *«С утвердившейся, – писал он, – и распространившейся княжеской властью такой порядок не мог быть совместен. Но он не мог быть вдруг уничтожен. Переход к уничтожению его составляют несудимые грамоты. То, что прежде принадлежало вотчиннику в силу вотчинного права, то было теперь знатнейшим вотчинникам обеспечиваемо жалованными грамотами, как особенное преимущество»*. Получение жалованных грамот не только утверждало за духовными и светскими «грамотчиками» определенные права и преимущества, но и ставило эти права в такую зависимость от княжеского властного пожалования, которая постепенно преобразовала вотчинное право крупных землевладельцев в право не самостоятельное, а производное от верховной воли государя, князя великого. На зависимости вотчинного права от своего пожалования великие князья построили свою регламентацию этого права сперва в порядке пересмотра жалованных грамот при их возобновлении, а затем и общим указным порядком. Тенденция эта получила полную силу, когда московский великий князь вырос в вотчинного государя всей Великороссии и, с одной стороны, стал признавать силу только за грамотами «самых князей великих», а не «поместных», а с другой, потянулся к самодержавному распоряжению всеми силами и средствами страны, начав трудное и сложное дело их организации на служение потребностям его разросшегося «государева дела». Значение жалованных грамот, как основного источника и доказательства землевладельческого права, давало опору для отрицания его самостоятельной, связывающей державную власть силы. А такое понимание отношений шло навстречу общему стремлению великокняжеской власти высвободиться из пут исконной обычно правовой старины к полному, ничем не ограниченному самодержавию. Летописные своды сохранили рассказ об одном эпизоде, который хорошо характеризует эту общую тенденцию Ивана III и те первые проявления протеста против нее, которыми ознаменована ранняя оппозиция боярства власти московских госу-

дарей. Это рассказ о деле князя Ивана Оболенского-Лыка, великокняжеского наместника на Великих Луках¹¹². В 1470 году, когда в. к. Иван свел Оболенского с наместничества, лучане били на него челом «о продаже и о обиде». Великий князь судил его с ними, и в чем они на боярине дотягались, он присужден к уплате и уплатил, но великий князь «иное и безсудно велел платить», причем летописец поясняет, что лучане, надеясь на великого князя, что он им потакает, увеличили иски – *«где мало взял, а они о мнозе жалобу положили»*. Боярин этого не стерпел и отъехал от великого князя к его брату волоцкому князю Борису; князь Борис Васильевич на требование выдать Оболенского отвечает: *«кому до него дело, ино на него суд да исправа»*. Этот рассказ, который обычно цитируют, как пример борьбы с правом отъезда, имеет иной и более существенный смысл. Ведь и протест князя Бориса против последовавшего затем потайного захвата боярина людьми великого князя: *«а нынеча и zde силу чинить, кто отъедет от него, и тех безсудно емлет»* подчеркивает, что весь эпизод разыгрался в споре не о праве отъезда, самого по себе, а о требовании, чтобы дело боярина было решено не бессудно, а по суду и по исправе. Рассказ ценен, как первое, насколько знаю, проявление протеста против великокняжеской бессудной опалы за обычное решение дел судом великого князя «с бояры своими»; отъезд же тут только средство уйти от произвола и найти в другом князе защиту, обе эти опоры вольности боярской – право отъезда и многокняжие пали с объединением Великороссии под единой державной властью Московского государя. В. к. Иван, гневно карая за ропот и противодействие, хотя бы и пассивное, свел прежних вольных слуг к положению слуг «природных», «государевых холопов». А полное подчинение крупных землевладельцев вотчинной власти государя получало особо глубокий смысл, когда на первый план выдвинулись вопросы распоряжения земельным фондом, как основным обеспечением всего строя Московского государства. Борьба Ивана III за земельный фонд приняла крутой характер при подчинении областей, бывших недавно самостоятельными. Их присоединение к составу его вотчинных владений ставило, как мы видели, ребром вопрос о силе и значении пожалований, данных прежними местными упраздняемыми властями прав, некогда обеспеченных их актами, т. е. колебало правовые устои местного быта и, во всяком случае, вело к возможности их пересмотра. Даже немногие, отрывочные данные наших источников позволяют угадать широкие размеры и потрясающую интенсивность «пересмотра людей и земель» и практики «вывода», когда люди целыми гнездами снимались с насиженных корней и перебрасывались на новые места для «испомещения» их там по государству пожалованию на государеву службу.

Прямолинейное и последовательное проведение тенденций вотчинного властвования, по-видимому, должно было бы тогда же привести к тому разгрому привилегированного землевладения, какой был пережит в жуткую годину опричнины. Однако этого не произошло. Иван III – в боевую пору созидания великорусского государства – слишком нуждался в поддержке крупной служилой силы. И жизнь московская пошла по пути компромисса между великокняжеской властью и боярскими привилегиями, причем и определился этот компромисс, в значительной мере, в связи с возникшими спорами о церковном землевладении. Потребность в расширении государственной власти над великорусским земельным фондом поставила на ближайшую очередь не окончательное крушение боярского землевладения, а секуляризацию обширных земельных имуществ церковных учреждений. Тут камнем преткновения явилась не «вольность» сильного и влиятельного класса, а церковное назначение владений «государевых богомольцев» и принципиальная независимость священного сана. Однако отписка на государя многих владычных и монастырских земель в Новгородской области не встретила, насколько знаем, принципиальных возражений. Напротив, митр. Иона и его преемники служат в новгородских делах всем своим влиянием московской политике. А в 1500 году в. к. Иван, по благословению митр. Симона, *«поимал в Новгороде вотчины церковные и роздал детям боярским в поместье, монастырские и церковные»*¹¹³; и по новгородским писцовым книгам видно, что у новгородских монастырей взято земель много больше, чем упомянуто в летописном рассказе о событиях 1478 года, даже у тех, которых великий князь тогда пожаловал, *«земель у них не имал, понеже те убоги, земля у них мало»*. А.С. Павлов отмечает и в других областях *«некоторые явления, напоминающие судьбу церковных и монастырских земель в Новгороде»*. И эти явления наводят его на вывод, что Иван III сделал попытку общего пересмотра церковного землевладения¹¹⁴, и, по-видимому, с той же точки зрения, какая заявлена была новгородцами, что-де это земли государя великого князя и ими только «освоены».

Против секуляризационных покушений великого князя поднялась церковная иерархия с небывалой энергией, и в. к. Ивану пришлось отступить, как отступил он и перед коренным пересмотром землевладения боярского. Вместо коренной и спешной ломки сложившихся порядков, прав и отношений пошла более медленная и последовательная организационная работа. Однако первоначально оба вопроса были поставлены резко. Царь Иван Грозный упоминает в переписке с Курбским об «уложении» своего деда, которым у бояр взяты многие вотчины, как не подлежащие возврату и новой раздаче, а Стоглав ссылается на запреты Ивана III и Василия III отчуждать вотчины в пользу монастырей в

ряде городов. Такие указания, каких не мало, дают, однако, некоторое представление о том, что при Иване III вопрос о вотчинном землевладении, светском и духовном, и о самом вотчинном праве был поставлен с такой же принципиальной остротой, как вопрос о вотчинном праве великого государя на все свои великие княжения в ответе на челобитье псковских послов или вопрос о безусловности его державной власти в последних переговорах с Великим Новгородом.

Объединение Великороссии совершилось путем разрушения всех местных, самостоятельных политических сил в пользу единой великокняжеской власти. Но силы эти, обреченные историческими условиями на гибель, были носительницами «старинны и пошины», обычно-правовых устоев великорусской жизни. Их падение расшатало устойчивые ее традиции. Творить новый уклад жизни на развалинах старого быта предстояло великокняжеской власти, искавшей не только единства, но и полной свободы в распоряжении силами и средствами страны. Московское единодержавие вело к московскому самодержавию.

ВЫВОДЫ

1. Основные процессы политической эволюции Великороссии в XIII–XV столетиях – дробление территории и власти и работа сил и тенденций, направленных на усиление политического единства, развивались не последовательно, а параллельно в непрерывном борении и взаимодействии, которыми определялся внутренний строй Владимирского великого княжества в разные исторические моменты.

2. Образование мелких вотчинных княжеств путем дробления наследственных владений разных линий потомства Всеволода III – явление сравнительно позднее, и нарастает оно в прямой зависимости от утраты их владельческими князьями политического влияния в пользу великокняжеской власти, окрепшей в руках московских князей.

3. Удел есть доля князя в общей с братьями вотчине, полученная по духовной отца. Основные черты удельного владения – наследственность уделов, отсутствие права завещательного распоряжения ими, возврат выморочного удела в семейное владение для раздела между братьями, возможность частичного передела для сохранения пропорционального соотношения размеров долей – сближают его с крестьянским долевым землевладением, с которым оно разделяет также черту неустойчивости этой формы владения, т. е. тенденцию к распаду на вполне обособленные вотчины.

4. Термин «удел» получает со второй половины XIV века новое значение – владения, пожалованного великокняжеской властью («в удел и в вотчину»); термин «удельные князья» встречается только в письменности XVI века, притом в значении поместных князей-вотчичей.

5. Отказы уделов и вотчинных княжеств по духовным грамотам появляются только в эпоху разложения и упадка удельного владения, как форма укрепления великокняжеских захватов; такое же значение акта, нарушающего удельное право, и свидетельства о его разрушении засильем великокняжеской власти имели и другие формы мнимо-добровольного отчуждения уделов и вотчинных княжений («купи»).

6. Территория Московского государства создана слиянием московской вотчины с Владимирским великим княжеством в единую вотчину московских государей.

7. Объединение Великороссии под государством московских великих князей совершено путем собирания не земли, а власти в развитие и осуществление стародавней традиции о патриархальном великом княжении «в отца место».

8. Сосредоточение всей власти в руках московского государя достигнуто путем фактической ломки и принципиального отрицания силы обычного права в пользу вотчинного самодержавия.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹«Звичайна схема русской истории и справа рационального уклада истории Схидого Славянства», в сборнике «Статті по Славяноведенію», изд. Второго отделения Имп. Академии Наук, вып. I, под ред. В.И. Ламанского. СПб. 1904.

²Это М.С. Грушевский блестяще выполнил в своей обширной «Истории Украины-Руси» и в «Очерке истории украинского народа».

³«Главные течения русской исторической мысли», М. 1897 (3-е изд. 1913 г.).

⁴Указ. соч., стр. 158 (3-е изд., стр. 177).

⁵Погодин набросал свои мысли и впечатления в форме письма к И.И. Срезневскому, которое появилось в V т. «Известий» Академии Наук (1856 г.) и в VII т. «Исследований, замечаний и лекций о русской истории» (стр. 410–442). Дальнейшая разработка истории русского языка и народной поэзии выяснила ненужность гипотезы о массовом переселении «киевских великороссов» для объяснения тех явлений, которые натолкнули на нее Погодина. Но гипотеза направлена на установление крупнейшего исторического факта, которое, однако, не опиралось ни на какие собственно исторические данные. Погодин оперировал наивной филологией, отождествляя церковно-славянский язык с древнерусским, и настаивал на запустении киевского юга. Вокруг последнего вопроса и завязалась продолжительная полемика. Библиографию всего вопроса см. у М.С. Грушевского в I т. «Истории Украины-Руси», примитка 6, и у А.Н. Пыпина в «Истории Русской Этнографии», т. III. А.А. Спицын посвятил «теории массового переселения приднепровской Руси на север» часть своих «Историко-филологических разысканий» («Журнал М-ства Народного Просвещения», 1909 г., кн. I), где выясняет рядом кратких и метких замечаний поразительную слабость обоснования этой теории, которая продолжает сильно влиять на ходячие представления нашей исторической литературы. А.А. Спицын отвергает все основные предпосылки этой теории: мнение о том, что «в X–XI столетиях русское население приднепровья было значительным», что «к половине века приднепровье сильно запустело», «что переселение из киевской области направилось, главным образом, на север и лишь отчасти на запад», замечая по поводу последнего мнения, что «возможность передвижения приднепровского населения на далекий север совершенно недопустима». А.А. Спицын указывает против ссылки на «южнорусские» названия населенных мест, как на след южнорусской колонизации севера, что «эти названия правительственные, княжеские, а не народные», а против «весьма изящно построенного» В.О. Ключевского представления о том, как прокладывался «прямоезжий» путь с юго-запада на северо-восток, что «хронология и история прямого пути из Чернигова на север крайне не ясны и опираться на них, как на доказательство чего бы то ни было, совершенно невозможно». Вся эта теория переселения с юга на северо-восток действительно никем не обосновывалась исторически, потому что наши источники не дают никаких данных для ее обоснования. А ее исходные положения, взятые из истории русского языка и былинной поэзии, должны считаться упраздненными после трудов А.А. Шахматова и В.Ф. Миллера.

⁶С.М. Соловьев, История отношений между русскими князьями Рюрикава дома, М. 1847, стр. 26.

⁷С.М. Соловьев, Об отношениях Новгорода к великим князьям, М, 1846, стр. 17.

⁸С.М. Соловьев, История России, кн. I, столб. 494 (изд. «Общ. Пользы»).

⁹«Об отношениях Новгорода к великим князьям», стр. 17.

¹⁰«История отношений между русскими князьями Рюрикава дома», стр. VI: «Отношения между великими князьями играют столь же важную роль, как и отношения великих князей к их удельным; след. название удельного периода и удельной системы и здесь также [как и по отношению к Киевской Руси] не верно, потому что не охватывает всех сторон княжеских отношений».

¹¹«Об отношениях Новгорода к великим князьям», стр. 19–20.

¹²Там же, стр. 21.

¹³«История отношений между русскими князьями Рюрикава дома», стр. 331, пр. 3. Говорю «отождествляет», так как, по Соловьеву, всякий удел есть полная, отдельная собственность.

¹⁴«История отношений между русскими князьями», стр. 286. В.И. Сергеевич перенес именно это представление на съезды Киевской Руси. «Древности Русского Права», т. II, стр. 242.

¹⁵«Об отношениях Новгорода к вел. князьям», стр. 21.

¹⁶«История отношений», стр. 287 и 281.

¹⁷«История России», кн. I, столб. 1343, 1116.

¹⁸«Те же самые понятия о собственности, о преемстве от отца к сыну, о праве завещания, которые явились к северо-восточной Руси изнутри, развились из ее собственного организма, в Галиче были занесены извне, но привились и утвердились необходимо вследствие обстоятельств исторических» («История отн. между русскими князьями», стр. 369).

¹⁹«История России», кн. I, столб. 1341–1346.

²⁰«История России», кн. I, столб. 654–655 и 666 (полемика с Кавелиным и Сергеевичем).

²¹«История России», кн. I, столб. 1341–1346.

²²Часть пятая.

²³В 1850 г. историко-филологический факультет С.-Петербургского Университета предложил для соискания медалей такую тему: «на основании летописей и других исторических источников изложить причины постепенного возвышения Государства Московского от начала его до установления единодержавия с объяснением обстоятельств, содействовавших перевесу его над окрестными княжествами, и с критическим разбором мнений Карамзина и других писателей по этому предмету». Удостоенная награды работа студ. Вл. Вешнякова («О причинах возвышения Московского Княжества», СПб. 1851) и посвящена решению вопроса «о причинах возвышения и перевеса над другими княжествами княжества Московского», выдвигая на первый план деятельность московских князей.

²⁴К.Д. Кавелин, Собрание сочинений, т. I.

²⁵В.Н. Чичерин, Опыты по истории русского права, Москва, 1858 (статьи «Еще о сельской общине», и «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей»).

²⁶«Древности русского права», т. I (изд. 3-е), стр. 20–70.

²⁷Иб., т. II. (Изд. 3-е), стр. 242.

²⁸«Древности», т. I, стр. 40–41.

²⁹Иб., т. II, стр. 252.

³⁰«Древности», т. I, стр. 29 и 69. Тот же мотив еще в тезисах 1867 года. «Влияние высших классов населения на общественные дела продолжает обнаруживаться при посредстве права свободного отъезда, благодаря которому вольные бояре, дети боярские и слуги группировались около того князя, который наиболее удовлетворял их желаниям. Московское государство есть создание вольных бояр и слуг».

³¹Ф.В. Тарановский, Отзыв о сочинении В.И. Сергеевича «Древности Рус-

ского Права», Юрьев, 1911 г., стр. 21. Проф. Тарановский указывает, что Сергеевич не выяснил, как согласить уход князей из старых городов, где их стесняло участие бояр во власти, в новые города, явление, которому Сергеевич, вслед за Соловьевым, придал большое значение с тем, что «в столь новом центре, как Москва, князьям пришлось опять восчувствовать боярскую руку, которая обуздывала их семейно-патримониальные стремления и указывала им путь чисто государственной политики». Сам Ф.В. Тарановский полагает, что «эти причины могут быть выяснены и выясняются в порядке изучения хозяйственного развития и объединения волостей, вошедших затем в единую державу московских государей».

⁴²«Древности», т. I, стр. 77.

⁴³«Лекции и исследования по истории русского права», СПб., 1883, стр. 43–60 («Деление истории русского права на периоды»).

⁴⁴Изд. 3-е. СПб., 1905, стр. 130–144.

⁴⁵«Древности», т. II, книга четвертая.

⁴⁶«Древности», т. I, стр. 15; «Лекции и Исследования» (3-е изд.), стр. 102.

⁴⁷«Древности», т. I, стр. 57–70.

⁴⁸Ср. «В.О. Ключевский; характеристики и воспоминания», М., 1912, изд. «Научного Слова», – статья М.М. Богословского (В.О. Ключевский как ученый), М.К. Любавского («Соловьев и Ключевский»), Б.И. Сыромятникова («В.О. Ключевский и Б.Н. Чичерин»)

⁴⁹«Боярская Дума», стр. 87 (курсивы мои – А. Пр.).

⁴⁰Курсив мой. – А. Пр.

⁴¹«Курс русской истории» т. I, лекция XX; «Боярская Дума», главы III–IV.

⁴²Четкие и яркие характеристики целых исторических периодов, построенные на сильно подчеркнутых антитезах, – одно из свойств художественного изложения в курсе В.О. Ключевского; оно привело к тому, что П.Н. Миллюков назвал «драматизацией хода русской исторической эволюции». Но в нашей историографии эти характеристики – литературно-художественные – завоевали себе значение научных концепций, сильно влияя на понимание русской истории вообще и ряда отдельных ее явлений.

⁴³«Курс русской истории», т. II, лекции XXI и XXII.

⁴⁴П.Н. Миллюков, Юридическая школа в русской историографии («Русская мысль», 1886 г., кн. 6).

⁴⁵«Собрание сочинений А.Д. Градовского», т. I (статья: «Государственный строй древней Руси»).

⁴⁶«Курс русской истории», лекции XVII и XVIII; «Боярская Дума», гл. III и IV.

⁴⁷Соловьев, История России, кн. I, ст. 494–495; Ключевский, Боярская Дума, 4-е изд., стр. 91.

⁴⁸О построении города Константина (Конятина, Коснятина) сообщает только Никоновская летопись (П.С.РЛ., т. IX, стр. 158) под 6641 (1133) г.: «Того же лета князь Юрий Володимерич Манамаш заложил град на усть Нерли на Волге и нарече имя ему Кинстантин и церковь в нем созда». О Юрьеве Польском под 6660 в общем перечне церковного строительства Юрия упомянуто, что он и «град Юрьев заложил и церковь святого Георгия каменну» (П.С.РЛ., т. IV-2, стр. 153; ср. т. V, стр. 160); о Дмитрове под 6664 (1157) г.: «родился князю Юрию сын Дмитрей: бе бо тогда на реце на Яхроме и со княгинею, и заложил град во имя сына своего и нарече и Дмитров, а сына нарече Всеволодом» (П.С.РЛ., т. V, стр. 161; ср. т. VIII, стр. 60). О Москве – в Тверской летописи (П.С.РЛ., т. XV, стр. 225) из 6664 г.: «заложил град Москву на устниже Неглинны, выше реки Аузы». Само по себе сооружение укреплений мало дает оснований для представлений о колонизационной деятельности князя. О Переяславле читаем прямое указание, что Юрий его «переведе от Клеши-

на [озера], заложит велик, и церковь поставит святого Спаса в Переяславли» (П.С.РЛ., т. IV-2, стр. 153).

⁴⁹Татищев, История Российская, кн. III, прим. 458.

⁵⁰См. Татищева, т. III, стр. 139.

⁵¹См. Татищева, т. III, стр. 76: «По многих так несчастливых предприятиях великий князь Юрий Владимирович Долгорукий, пришед в Суздаль и видя себя Русской земли совсем лишена, от великого княжения отщется, основал престол в Белой Руси; Рязанских же и муромских князей ко оному приобщил и крестным целованием утвердил. Потом зачал строить в области своей многие града Юрьев в поле, Переяславль у Ключина озера, Владимир на Клязьме, Кос тем утолить печаль свою, что лишился великого княжения Русского, и начал те града населять, созывая людей отсюда, которым немалую ссуду давал, и в строениях и другими подаяниями помогал, в которые, приходя, множество болгар, мордвы, венгров, кроме русских, селились и пределы яко многими тысячи людей наполняли». Эта вставка, обличающая самым содержанием свою независимость от летописных источников, отразилась в той, на стр. 139, которую привел Ключевский, ср. еще на стр. 124, того же III тома слова «где тогда Андрей град на Каме строил». Всего этого (как и многого иного из тех «известий» Татищева, которые использованы С.М. Соловьевым) нет в той редакции «второй части» Истории Российской (соответствует II и III т. печатного издания), которую в.Н. Татищев было приготовил к печати, думая выпустить в свет раньше 1-й части. В этой первоначальной редакции татищевской истории имеем «летописный свод», составленный на основании всех главных его источников (манускрипты: Кабинетной, Раскольничей, Радзивиловский, Голицынской, Кириловской, Новгородской Иоаннов, Псковской, Новгородской Крекшина, Никоновской и Нижегородской); для дальнейшей переработки послужили, кроме Иоакима Новгородского, только Иосифовский список (ср. стр. 63–64, том I) и какие-то источники, сообщенные Татищеву «от некоторых любопытных», о чем упомянуто в конце гл. VII тома I. Упомянутый список первоначальной редакции второй части «Истории» хранится в Имп. Академии наук под шифром: 17.17.11. Погодин приписывал Юрию Долгорукому «основание многих городов», но упоминал только Юрьев, Переяславль, Дмитров и, предположительно, Москву «Исследование», т. V, стр. 308). Д.А. Корсаков указывает, что летопись называет только три города, построенных Юрием – Ксятиин или Констангинов, Юрьев Польский и Дмитров, но признает «справедливыми соображения Татищева» о том, что таких городов было, по всей вероятности, больше («Меря и Ростовское княжество», стр. 77); К.Н. Бестужев-Рюмин выражается еще осторожнее: «Говорят, действительно, города несомненно княжеского построения (Дмитров в честь Всеволода-Дмитрия, здесь родившегося; Юрьев, в честь его самого), несомненно им построены; но другие могли быть только укреплены им» («Русская История», т. I, стр. 188). Действительно, трудно критически определить цену этих известий: напр. сравнение текстов П.С.РЛ., т. IV-2, стр. 153 и т. I, стр. 160 может вызвать предположение, что известие о переносе на новое место и расширении Переяславльского града – вставка позднейшей редакции; а сравнение текстов т. V, стр. 161 (о Дмитрове) и т. XV, стр. 225 (о Москве) – под одним и тем же годом может усилить те сомнения в известии о закладке Юрием московского города, о которых см. у С.Ф. Платонова, «Статьи по русской истории», 2-е издание, стр. 78–79, так как подрывают уверенность, что эти известия позднейших летописных сводов восходят к старым источникам, а не составлены по устным преданиям и датированы произвольно.

⁵²См. «Княжое право в древней Руси», стр. 41–42.

⁵¹А.А. Шахматов, Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 89–91.

⁵⁴«Древности Русского права», т. I-3, стр. 16–20.

⁵⁵Лаврент. летопись, 3-е изд., стр. 330 (1157 г.).

⁵⁶Весьма вероятно, что еще при Юрии Суздаль стал резиденцией не только князя, но и ростовского епископа; на значение Суздаля как епископской резиденции имеем определенное указание от ближайших к кончине кн. Юрия: в 1162 г. кн. Андрей Боголюбский после разрыва с еп. Леоном возвратил его, «но в Ростов, а в Суждали не да ему седети» (П.С.РЛ., т. II-2, стр. 520).

⁵⁷В летописи Лаврентьевской – сплетение ростовских и владимирских записей, причем первые – вероятно, примкнувшие к «Летописцу старому Ростовскому», на которые ссылается еп. Симон в послании к Поликарпу (Киево-Печерский Патерик), проредактированы летописцем-владимирцем. См. А.А. Шахматова о Лаврентьевской летописи (в «Разборе труда И.А. Тихомирова»: «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной», Отчет о XII присуждении наград гр. Уварова, 1899) и его же «Исследование Радзивилловской или Кенигсбергской летописи», при фотомеханическом издании этой летописи Общ. Люб. Др. Письменности).

⁵⁸Лаврентьевская летопись, стр. 358 (1176 г.).

⁵⁹Карамзин, И.Г.Р., т. IV, пр. 383.

⁶⁰Лаврентьевская лет., стр. 330 (1157 г.); Ипатьевская, ст. 490 (1158 г.: «сдумавше Ростовци и Суждальци и Володимирци вси... и посадиша и на отни столе Ростове и Суждали и Володимери»).

⁶¹Ипатьевская летопись (П.С.РЛ., т. II, изд. 2, ст. 520–521): «выгна Андрей епископа Леона ис Суждаля и братью свою погна Мстислава и Василка и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего переднии; се же створи хотя самовластец быти всей Суждальской земли»; и ниже: «идоста Гюргевича Царюгороду Мстислав и Василко с матерью и Всеволода молодого пояша с собою третьего брата». Ср. Воскр. (П.С.РЛ., т. VII, стр. 76–77). Ипатьевская летопись ставит изгнание еп. Леона в связь с изгнанием братьев-князей и их сторонников – бояр; столкновение кн. Андрея с епископом разыгралось на церковно-религиозных мотивах (Ипат. лет., ст. 520; ср. Лаврент., стр. 331, под 1159 г.), что, конечно, не исключает политической подкладки конфликта. Момент был исключительной важности для Андрея Боголюбского. Закончив постройку во Владимире Успенского собора, кн. Андрей стремится к церковно-политическому возвышению своего стольного города – учреждению в нем митрополии, и к церковно-религиозному прославлению своей земли канонизацией первых ростовских епископов Леонтия и Исаии, мощи коих были найдены при закладке новой соборной церкви в Ростове вместо сгоревшей в 1164 г. Неудача, постигшая эти начинания кн. Андрея, не умаляет их характерного значения для всей его деятельности. См. Никоновскую летопись (П.С.РЛ., т. IX, стр. 220–231); Голубинского, Ист. русской церкви, т. I, ч. 12, стр. 330–331; М.Д. Приселкова, Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси, стр. 135–138.

⁶²Ср. «Княжое право», стр. 273 и 296–303.

⁶³Н.П. Кондаков, О научных задачах истории древне-русского искусства («Памятники древней письменности», вып. 132, 1899 г.); Гр. И. Толстой и И. Кондаков, «Русские древности», вып. VI.

⁶⁴См. «Княжое право», стр. 94–105.

⁶⁵Ср. обзор известий о внешних отношениях Суздальщины у В.С. Иконникова, «Опыт русской историографии», т. II, кн. 1, гл. десятая.

⁶⁶См. «Княжое право», стр. 100.

⁶⁷П.С.РЛ., т. VII, стр. 96; Лаврентьевская лет. стр. 394.

⁶⁸Лаврентьевская лет., стр. 415 (1212 г.) 416 (1213 г.) и 418 (1217 г.).

⁶⁹Ср. «Княжое право», стр. 43–45. Юрий и Константин действовали по соглашению с Ярославом Всеволодовичем.

⁷⁰Лаврентьевская лет., стр. 416 (1213 г.) и 420 (1218 г.).

⁷¹Там же, стр. 429 (1229 г.).

⁷²Новгородцы «послаша к великому князю Юрю, глаголюще: «аще не хоцещи у нас держати сын свой; то вдай нам брата своего», и вдасть им брата своего князя Ярослава» (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 129, под 1222 г.).

⁷³Характерны упреки псковичей Ярославу в 1228 г.: «Приидоша полки к Ярославу из Переяславля в Новгород, хотяще ити на Ригу. Псковичи же, то сведавше, послаша к Ярославу глаголюще: тебе, княже кланяемся, не ходи к нам, мы с рижаны мир взяли, а на путь с вами не идем; ходили есть к Колываню и серебро взять, а правды не учинисте, такоже и в Кеси, а сами отъидоша в Новгород, толке раздраживше, и зато нашу братью немцы избиша, а иных в полон свели, аще тако сдумали есть, то и мы противу вас со святою Богородицею» (П.С.РЛ. т. IV, стр. 178, Псковск. I, лет., под 6736 г.).

⁷⁴1226, 1228, 1232 г. (Лаврентьевская летопись, стр. 426, 428–429, 437).

⁷⁵Юрий посылал туда княжить племянника Всеволода Константиновича (1227), брата Святослава (1228).

⁷⁶В 1226 г. Юрий вмешался в усобицу шурина своего с князем Олегом Курским, ходил ему в помощь с племянниками – Константиновичами и «створи мир межи ими» при содействии митр. Кирилла. Лаврентьевская лет., стр. 436.

⁷⁷Ср. В.К. Goetz, «Der Titel Grossfürst in den aeltesten russischen Chroniken» (в «Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte», т. I, кн. 1 и 2).

⁷⁸Лаврентьевская летопись, стр. 400–401. Вероятно, братья провожали Константина часть луги (до реки Шедакши?), а их «послы» и далее?

⁷⁹Там же, стр. 402.

⁸⁰По предположению А.В. Экземплярского, это были: Кснятин, Углич, Молога, Ярославль и Белоозеро («Великие и удельные князья Северной Руси», т. II, стр. 66, пр. 215).

⁸¹Лаврентьевская летопись, стр. 412.

⁸²П.С.РЛ., т. VII, стр. 117; и кратко в Типографской, изд. 1784 г., стр. 3.

⁸³Этот текст (П.С.РЛ., т. X, стр. 63) осторожно ставит альтернативу: либо Владимир к Ростову, либо Ростов к Владимиру; так же осторожно выражается С.М. Соловьев («Ист. Росс.», кн. 1, ст. 580): Константину «непременно хотелось получить и Ростов и Владимир». В.П. Сергеевич ловит книжника-летописца на слове «к Ростову» и видит мотив Константина в стремлении вернуть Ростову его прежнее преобладание над Владимиром: тоже понимание этого выражения и в Никоновской летописи. Однако оно может и не иметь такого глубокого смысла, а могло быть подсказано просто тем, что в Ростове Константин и до того княжил, а также стилистическим влиянием фразы: «и инех 5 городов да ему к Ростову». Вопрос о том, какому из двух городов быть резиденцией князя, мог, однако, и даже должен был, казалось бы, возникнуть в связи, если не с политическим «старейшинством» Ростова (Сергеевич) или «старинными притязаниями ростовцев» (Соловьев), то с церковно-административным значением Ростова. Соединить стольное значение Владимира с утверждением в нем центра церковного управления было мыслью кн. Андрея Боголюбского. Весьма вероятно, что фактически митрополиты Ростовско-Суздальские часто пребывали во Владимире, где жил великий князь. Что эти вопросы поднялись с новой силой во время раздоров между Всеволодовичами, видно из того, что в 1214 г. «Иоан, епископ Суздальский, отписася епископию вся земля Ростовская», и тогда кн.

Константин провел поставление на ростовскую епископию своего духовника игумена Пахомия, а кн. Юрий – поставление игумена Симона – «епископом Суждалю и Володимеру» (Лаврент. лет., стр. 416). Однако, в 1217 г., когда Константин добился старейшинства над Юрием, он садится «в Володимере на столе», сохраняя за собой и Ростов; Юрий перешел в Суздаль.

⁸¹«Летописец Переяславля Суздальского» (изд. кн. М.А. Оболенским во Временнике Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. IX, и отд. М. 1851, стр. 110) сообщает о «ряде» Всеволода детям: «тогда же в животе своем розда волости детям своим – большему Костянтину Ростов, а потом Гюргю Володимер, а Ярославу Переяславль, Володимиру Гюргев, а меньшею, Святослава и Иоанна, вда Гыргю на руже река: ты им буди в отца место, а имей я, яко же и аз имех я». С перестановкой в этом тексте Ростова и Владимира (Константину – Владимир, Юрию – Ростов) запись, по-видимому, точно передавала бы первоначальный ряд Всеволода, но текст изменен применительно к позднейшим отношениям – в момент смерти Всеволода. На это указывает подчеркнутое старшинство Константина и поручение Юрию только младших, еще малолетних, Святослава и Ивана Всеволодовичей.

⁸⁵П.С.РЛ., т. VII, стр. 117.

⁸⁶«Новгородская летопись по харатейному списку», изд. 1888 г., стр. 437.

⁸⁷Лаврентьевская лет., стр. 353.

⁸⁸Там же, стр. 360.

⁸⁹«А сама князя молода бяста, слушая боляр, а боляре учухуть я на многое именье» – там же, стр. 355.

⁹⁰«А боляре князю тою держахуся крепко», там же, стр. 356.

⁹¹Там же, стр. 361–362.

⁹²Там же, стр. 415.

⁹³Всеволод предлагал Мстиславу Ростиславичу помириться на том, что уступал ему Ростов, куда того привела «старейшая дружина», а себе (с братом) сохранял Владимир; «а Суздаль – буди нам обще, да кого восхотят, тот им буди князе», там же, стр. 361).

⁹⁴См. выше, на стр. 52.

⁹⁵Словом «дворяне» книжник XVI века, вероятно, передал слова: «и всю дружину», или: «гридьбу и пасынки». Слово «купци» имеет часто в старых летописных текстах широкое значение – горожане (ср. формулу новгородских договорных грамот: «кто купце, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнет в свой погост»; «ни смерда, ни купцины» значит – никого из населения земли).

⁹⁶Так понял это известие и составитель Никоновской летописи, пересказав его по-своему: «князе велики Всеволод Юрьевич созва вся бояре свои и начя смышляти о сыне своем Константине, и много о сем словес быша, и не може како уставити о нем; таже посла по отца своего Ивана епископа и много советовавше о сем, но убо князе велики Всеволод восхот дати Володимерь другому сыну своему князю Юрию. И тако посла по сына своего по князя Юрья и даде ему град Владимир со всеми бояры и со всеми людьми и всех укрепи к нему крестным целованием и даде ему и вся дети своя, а его братью» (П.С.РЛ., т. X, стр. 64). Ср. «Княжое право», стр. 149–152.

⁹⁷Ср. для Киевской Руси: приглашение Святополком Изяславичем и Владимиром Мономахом Олега Святославича приехать в Киев: «да поряд положим о Русьстей земли пред епископы и пред игумены, и пред мужи отец наших, и пред людьями градскими» (Лаврентьевская лет., стр. 222) или рассказ о передаче Всеволодом Ольговичем Киевского стола брату Игорю (Ипатьевская лет., П.С.РЛ., т. II, ст. 320).

⁹⁸Слова в кавычках – В.О. Ключевского, Курс русской истории, ч. 1, стр. 410.

Глава I. Владимирское великое княжение и вотчинные княжества в XIII в.

¹«Курс русской истории», т. 1, стр. 414.

²При суммарной характеристике «внутреннего состояния русского общества от кончины князя Мстислава Мстиславича Торопецкого до кончины в. к. Василия Васильевича Темного» («Ист. Рос.», т. IV, гл. 3), С.М. Соловьев пришел к иному заключению о судьбах поволжской торговли в татарскую эпоху: «после утверждения татарского господства ханы и баскаки их для собственной выгоды должны были благоприятствовать торговле русской...; притом по прошествии первого двадцатипятилетия, тяжесть ига начинает уменьшаться, и после видим значительное развитие восточной торговли и волжского судоходства; даже с достоверностью можно положить, что утверждение татарского владычества в Средней Азии, также в низовьях Дона и вступление России в число зависящих от Орды владений – очень много способствовало развитию восточной торговли» («Ист. Росс.», кн. 1, ст., 1234). Однако временем «самым благоприятным для восточной торговли» С.М. Соловьев признал «время от Калиты до Дмитрия Донского» и приводит пример, указывающий на торговую значительность Нижнего Новгорода. Некоторый подъем русской восточной торговли (как и начало возрождения колониационного движения на восток и русской боевой силы на восточной окраине Великороссии) связан – ко второй четверти XIV века – с образованием Нижегородского великого княжества (тот же пример – характерен для недолговечной его самостоятельности). Но подъем этот – вне связи с татарским покровительством торговле, и едва ли есть у нас основания говорить о столь последовательной экономической политике ордынских властей.

³Ф.Ф. Горностаев («Очерк древнего зодчества Москвы» – в Путеводителе по Москве», изд. Моск. Архитект. Обществом) отмечает, что «за это время перерыва» известны лишь постройки – Св. Спаса в Даниловом монастыре под Москвой (в 1272 г.) и Св. Спаса в Твери (в 1280–90-х гг.).

⁴Особняком стоит известие: «приехала численици, исцетоша всю землю Суждальскую и Рязаньскую и Муромскую, и ставиша десятиники и сотники и тысящники и темники». Об этой организации больше нет сведений (Лаврент. лет., стр. 451; П.С.РЛ., т. VII, стр. 161 – сокр.).

⁵П.С.РЛ., т. VII, стр. 149 и 152.

⁶Лаврентьевская летопись, стр. 447. Быть может, лучше чтение: «разсудив им комуждо свою отчину», как напр. в Рогожском летописце (П.С.РЛ. т. XV, изд. 2-ое, стр. 31).

⁷Конец Ярослава связан с глухим известием о каком-то доносе на него: «Обажен бо бысть царю Федором Яруновичем» (П.С.РЛ., т. VII, стр. 156). С.М. Соловьев (кн. 1, ст. 832–833) приводит рассказ Плано-Карпини о том, что Ярослав был отравлен ханшей, и ставит его в связь с доносом. Федора Яруновича, объясняя смерть Ярослава «наговором родичей, следствием родовых княжеских усобиц». В «Истории отношений между русскими князьями Рюрикова дома» (стр. 262–263) Соловьев заподозрил интригу ростовских Константиновичей. Но мы ничего не знаем о какой-либо вражде с ними Ярослава. Больше было поводов (хотя тоже недостаточно для определенного заключения) сопоставить эту темную историю с враждой Ярославичей против дяди Святослава и с тем, что, судя по нашим летописям, донос Яруновича совпал с первым приездом в Орду Святослава, когда князья все вместе предстали перед ханом. Ср. ниже – о неопределенности известий относительно владений Святослава.

⁸Лаврентьевская летопись, стр. 420. При великом князе Юрии Всеволодовиче. Василько и Всеволод сидят на своих вотчинных столах послушными

подручниками дяди – великого князя, участниками его походов; о временном раздоре в 1229 г. упоминалось выше.

⁹Судя по известию, как в 1229 г. Ярослав Всеволодович «отлучи от Гюрги Константиновича три – Василька, Всеволода, Володимера», Владимир Константинович (15-летний) считается участником политических выступлений; вероятно, что он тогда же занял Угличский стол по ряду с братьями, может быть, согласно распоряжению отца, о котором говорят некоторые родословные. Ср. Экземплярский «Великие и удельные князья северной Руси», т. II, стр. 125 и 15.

¹⁰Так в 1229 г. (см. выше); так в 1230 г. «благочестивии князи Василько и Всеволод и Володимер послаша к отцю своему Гюргю и к епископу Митрофану по Кирила, игумена и архимандрита монастыря святая Богородица Рожества, дабы и пустил на епископство к Ростову» (Лаврентьевская лет., стр. 431).

¹¹Книжник-составитель «Никоновской летописи» так истолковал это выражение: Батый «розслушав их о сем и рассудив, даде им вотчину их» (П.С.РЛ., т. X, стр. 129).

¹²П.С.РЛ., т. IV, стр. 34. Текст так наз. «Летописи по Академическому списку». (изд. при Лаврентьевской лет., стр. 495): «отда Ростов, Суздаль брату Святославу «явно испорчен из отда Ярослав Суздаль брату Святославу».

¹³О нем крайне скудные упоминания. Владимир умер в 1249 г. во Владимире, «везоша его в его отчину на Угличе поле и положиша в церкви Святого Спаса» (П.С.РЛ., т. VII, стр. 159). «На Угличи» умер сын его Андрей в 1261 г. (там же, стр. 162), а в 1285 г. умер «Роман Володимирич Угличский» (стр. 178). Об этих князьях ничего, кроме дат их смерти не знаем.

¹⁴П.С.РЛ., т. VII, стр. 118.

¹⁵Лаврентьевская лет., стр. 444; П. С. Р. Л., т. VII, стр. 144; возможно, что Иван и раньше княжил в Стародубе, так представлял себе дело автор данной записи в Лаврентьевской летописи: «отда Ярослав Ивану Стародуб» вместо обычного «дать», как выражаются (поправляют ?) позднейшие тексты (напр. Воскр.).

¹⁶Столь необычное выражение Лаврентьевской летописи (стр. 447) как бы передаст по-своему татарскую фразеологию?

¹⁷Быть может, в глухих указаниях летописной традиции о причинах гибели Ярослава Всеволодовича можно усмотреть намек на эту опасность. Но в истории Александра Невского увидим и другую сторону тех же русско-татарских отношений: политика ханов с ранних времен вступает на путь попыток утвердить ордынское владычество над русским улусом усилением великокняжеской власти в руках единого представителя Руси перед ханом Золотой Орды.

¹⁸В 1206 г., когда Ярославу пришлось уйти из Переяславля южного, Всеволод «посадил» его в Переяславле Залесском (Лаврент. лет., стр. 406); он участвует в отцовских походах во главе переяславцев (там же, стр. 410).

¹⁹Стр. 110.

²⁰А.В. Экземплярский отмечает ту же особенность и для XII в.: «нельзя не заметить, что Переяславль по образованию великого княжества Владимирского был как бы необходимою принадлежностью последнего: великие князья сажали в нем или сыновей своих, или самых близких родичей», а временами, Переяславль примыкал «к личным владениям великого князя» (указ. соч., т. II, стр. 4).

²¹А.В. Экземплярский полагает, что Святослав владел Суздаlem до самой смерти, т. е. до 1252 г.; считает, что Суздаль по смерти Святополка присоединен к великому княжению, как «выморочный удел», хотя тут же сообщает о

переходе Юрьева Польского к Святославичу Дмитрию (т. II, стр. 257–258); говорит и о какой-то «принадлежности» Юрьева к Суздалью (стр. 23, пр. 57).

²⁴Ср. «Княжое право», стр. 80–81; ср. о Всеволоде Олеговиче – там же, стр. 89–91.

²⁴Представляется вероятным видеть тут черту ханской политики, искавшей способа утвердить за собой господство и над южной и западной Русью; однако форма могла быть подсказана только русскими людьми, но, конечно, не Александром Ярославичем.

²⁴Лаврентьевская лет., стр. 448.

²⁵Александр при дальнейших событиях – в Новгороде, а татарское нападение в 1252 г. настигает Андрея у Переяславля, и тут, в Переяславле, захватили и убили жену князя Ярослава Ярославича и его воеводу Жидислава, а детей его захватили в плен; по-видимому, князь Ярослав примкнул к планам брата Андрея (Лаврентьевская лет., стр. 449–450; П.С.РЛ., т. VII, стр. 60). Ср. замечания С.М. Соловьева, кн. 1. ст. 839.

²⁶Лаврентьевская лет., стр. 449. Никоновская летопись, а за ней историки XVIII и XIX вв. приняли сопоставление этих известий за основание приписать самое нападение татар на Андрея – проискам Александра. Однако поход Неврюя – лишь часть предпринятых татарами операций: в 1253 г. Куремса начинает наступление на Даниила Галицкого, законченное затем Бурндаем. Татары в этот момент опасности для их владычества на Руси отнюдь не орудие княжеского соперничества.

²⁷Лаврентьевская летопись не говорит о битве, позднейшие своды смягчают впечатление обидной беспомощности, вводя в рассказ «сечу велику» (П.С.РЛ., т. VII, стр. 159).

²⁸Лаврентьевская лет., стр. 450. Сама терминология этого известия вызывает на сопоставление отъезда Ярослава с бегством Андрея.

²⁹Там же, стр. 450–451. Полнее П.С.РЛ., т. VII, стр. 160–161.

³⁰Неясно, кто эти советники кн. Василия. Новгородская I дает такой текст: «...князь Александр выгна сына своего из Плескова и посла в Низ, а Александра и дружину его казни: овому носа урезаша, а иному очи выимаша, кто Василия на зло повел» (стр. 278; тоже Воскр. – П.С.РЛ., т. VII, стр. 161); Никоновская (т. X, стр. 142) выпускает непонятого Александра, и потому «дружина» стала в ее тексте дружиной князя Василия. Не новгородцы ли этот Александр и его дружина? Указателе «Нов, лет. по синодальному харатейному списку» превратил этого Александра в «начальника дружины кн. Василия Александровича»!

³¹Полный горечи «менших», рассказ с жалобой на бояр; что при установлении дани они «творяху себе легко, а меншим б зло» – П.С.РЛ., т. VII, стр. 162. Хронология этих известий сильно спутана и не согласована в разных летописных компиляциях.

³²Разногласия эти глубоко захватили влиятельные общественные группы: князь Андрей Ярославич «здума со своими бояры», что лучше покинуть княжение и родину, чем служить ханам; Ярослав бежал из «отчины» – «с боярами своими»; в Новгороде борются две партии: одна склоняет новгородцев к покорности требованиям хана и в. к. Александра, другая – наводит кн. Василия Александровича на «зло» сопротивления политике великого князя-отца.

³³Крайняя скудость наших сведений о русско-татарских отношениях XIII и начала XIV вв. (едва ли случайная, так как замалчивание или, по крайней мере, смягчение фактов, тягостных или противоречащих воззрениям и тенденциям книжника-летописца, – характерная особенность наших летописных сводов) не дает возможности учесть результаты татарской политики Александра Невского. Быть может, ими объясняется отсутствие иных,

кроме одного – приведенного выше, следов татарских десятников, сотников, тысяцких и темников? Вопрос о времени, когда сбор дани и выплата татарского «выхода» ордынским властям перешли в руки князей – неразрешим с достаточной определенностью. Не знаем, в чем состояла «ослаба от насилия татарского» по смерти хана Берке (ум. 1266 г.), отмеченная в летописных записях (П.С.РЛ., т. X, стр. 145). С.М. Соловьев отметил, что после 1269 г. (когда упомянут Абрагам, великий баскак владимирский) нет больше помина о баскаках; что после переписи 1275 г. – «не упоминается больше о перечислении – ясный знак, что ханы по разным причинам», начали оказывать доверенность князьям и что последние взяли на себя доставку дани в Орду», что кн. Андрей Адександрович обвинял перед ханом брата в. к. Дмитрия в уклонении от уплаты дани. И Соловьев говорит об «удалении баскаков, численников и сборщиков дани» без возможности датировать и различить моменты этого освобождения Руси от постоянного и непосредственного воздействия ордынских властей. Однако *terminus post quem* для этого процесса – время Александра Невского? Надо признать, что активная роль княжеской власти в удовлетворении татарских требований и постепенное вытеснение прямых агентов власти хана с Руси началось с его времени. См. С.М. Соловьев «Ист. Рос.», кн. 1, ст. 1158. Русская письменность сохранила память об Александре Невском, как о «хранителе и заступнике» Русской земли (Мансикка, Житие Александра Невского, стр. 101).

⁴⁴Новг. I, стр. 274, 277 и 281; П.С.РЛ., т. V, стр. 190; т. VII, стр. 163.

⁴⁵Никоновская летопись разделяет Ростовское и Белозерское княжение с 1238 г., переделав запись своего источника: «а в Ростове седоста Васильковичи Борис да Глеб на княжение» (см. П.С.РЛ., т. IV, стр. 34) в такую формулу: «а князь Борис Василькович сяде в Ростове, внук Константинов, правнук Всеволоже, праправнук Юрия Долгорукого, прапраправнук Владимира Мономаха, пращур Всеволож, прапращур Ярославль, прапрапращур великого Владимира, а брат его князь Глеб Василькович сяде на Белоозере». (П.С.РЛ., т. X, стр. 113). Книжник, ее составитель, не согласовал этого с сохранным и в его труде известием 1251 года: «князь Глеб Василькович [внук Константинов, правнук Всеволож, праправнук Юрия Долгорукого] иде на Белоозеро, в свою отчину» (там же стр. 138; ср. Лаврент. лет., стр. 449; т. VII, стр. 159). А.В. Экземплярский полагает, что Белозерский «удел мог существовать даже ранее 1251 г., хотя Глеб и жил пока в Ростове» (указ. соч., т. II, стр. 155, прим. 455); понимать это надо так, что возможно предназначение кн. Глебу Белозерского княжения – по «ряду» отца, если он успел его сделать, или по «уряженею» князей – родичей с великим князем относительно малолетних ростовских князей, когда они «посажены» на ростовское княжение.

⁴⁶Лаврентьевская летопись, стр. 451. Перед тем Глеб ездил в Монголию к великому хану. В 1276 г. братья ходили в Орду с другими князьями по зову хана Менгу-Тимура в поход против Ясов. Борис умер в Орде перед походом, а Глеб вернулся на Ростовское княжение.

⁴⁷Лаврентьевская летопись, стр. 451: в 1256 г. «князь Борис поеха в Татары, а Олександр князе послал дары; Борис же быв у Улавчия, дары дав и приеха в свою отчину с честью». Никоновская поняла по своему: «Князь же Борис Василькович Ростовской иде в Татары со многими дары; также и Александр Ярославич посла послы своя в Татары со многими дары» (П.С.РЛ., т. X, стр. 140–141).

⁴⁸Лаврент. лет., стр. 452. Возможно, что в. к. Александр нашел опору своей политики в духовенстве. Митр. Кирилл, ставленник Даниила Галицкого, был, по-видимому, посредником в сношениях своего князя с Андреем Ярославичем, но затем остается в течение ряда лет на севере. В решительный

момент – 1251 г. – оба Кирилла, митрополит и епископ ростовский, ездили к Александру в Новгород, а затем митрополит встречает Александра «со кресты у Золотых ворот» во Владимире, когда тот вернулся из Орды ханским ставленником на великое княжение, и участвует в обряде посажения. Упоминается он во Владимире и в 1255 г., а в 1256 сопровождает Александра в Новгород (П.С.РЛ., т. VII, стр. 161; впрочем, известие это весьма сомнительно и не подтверждается другими летописями). Предположение Голубинского, что митр. Кирилл, быть может, «после 1252 и 1256 годов не уходил из северной Руси и провел в ней все время с 1250 по 1263 год» («Ист. Рус. церкви», т. II, стр. 57) – вероятно, тем более, что в 1261 г. по его благословию решено дело об управлении Ростовской епархией, в 1262 г. состоялось поставление нового ростовского епископа Игнатия, а в 1263 г. митр. Кирилл совершает обряд погребения тела в. к. Александра. Е.Е. Голубинский указывает и на то, что митр. Кирилл только в 1274 г. поставил нового епископа во Владимир на место убитого татарами в 1238 г. Митрофана и склонен приписать Кириллу мысль если не о переселении во Владимир митрополии, то об оставлении Владимирской епархии за митрополитами. На севере должно было состояться поставление еп. Митрофана на новую Сарайскую епархию в 1261 г. – быть может, также момент в татарской политике в. к. Александра.

³⁹Так, например, в деле назначения архимандрита Игнатия в помощь престарелому епископу Кириллу (Лаврент. лет., стр. 452) по кончине епископа Игнатий стал его преемником.

⁴⁰А.В. Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 73–75. В Никоновской летописи (П.С.РЛ., т. X, стр. 153–154) находим любопытную справку по поводу неожиданного появления под 1277 г. ярославского князя Федора Ярославича: «Подобает же о сем ведати како сей глаголется князь Федор Ростиславич Ярославский». Перед нами, очевидно, не воспроизведение какого-либо источника, а сводка сведений и соображений книжника-летописца, источники коих нам не известны и не поддаются проверке. Приемлемыми их можно считать только потому, что ничто в других источниках им не противоречит, а они пополняют пробел в истории Ярославского княжества. Предположительно можно источником этой «справки» считать данные о родословии ярославских князей, собранные в пору составления Никоновской летописи для Государева Родословца. Эта «справка» была, впрочем, известна и составителям Воскресенской летописи, которая дает краткую выписку (т. VII, стр. 173) из ее редакции, еще не стилизованной, в манере Никоновской летописи.

⁴¹Этот брак, видимо, связан с западнорусскими отношениями ростовских князей. Василько Константинович был женат на дочери черниговского князя Михаила Всеволодовича; Всеволод Константинович женился в 1227 г. на дочери Олега Святославича, по-видимому, князя Курского (П.С.РЛ., т. VII, стр. 134; т. X, стр. 94; на стр. 157 Никоновская сообщает ее имя – Марина); Всеволодова княгиня надолго пережила мужа (скончалась, по Никоновской, в 1279 г.) и могла играть роль в этом деле. Обручение малолетней четы (Марии было, по весьма вероятному расчету Экземплярского, года 4, так как ее отец умер 20 лет, едва ли более, от роду; Федор Ростиславич до 1276 г. не выступает в летописных известиях, что дает некоторое основание считать его весьма юным; умер он в 1299 г.) фактически имело, а могло иметь и в намерениях старших князей, политическое значение, быть может, в связи с замыслами князя Андрея Ярославича, который искал объединения русских сил против татар. Вокняжение в Ярославле можайского отчича – приводило Можайск в связь с великим княжеством Владимирским, а с 1279

или 1280 г. Федор, хоть не на долго, владел и Смоленском, оставаясь, однако, деятельным участником Владимиро-Суздальской политической жизни. Связи Федора Ростиславича с обеими половинами Руси закреплены и замужеством его дочерей: одну он выдал за галицкого князя (Давида Константиновича), а другую – за белозерского (Михаила Глебовича).

⁴²Долгая пассивность кн. Федора Ярославича объясняется не только его юностью, но и для дальнейших лет – тягостным семейным положением. Его житие, которое составил инок Антоний по поручению в. к. Ивана III и митр. Филиппа использовало, по всей видимости, семейные предания ярославских князей; по его рассказу кн. Федор был надолго задержан в Орде, а по смерти жены не мог вернуться в Ярославль, отвергнутый тещей и боярами, которые стали править именем его сына Михаила. Кн. Федор вернулся в Орду, где пробыл несколько лет; тут он женился на ханской дочери (в крещении Анна), тут родились два его сына (Давид и Константин); только по смерти сына Михаила (попытка Экземплярского установить дату этой смерти дает 1289 или 1290 г. – т. II, стр. 79–80) Федор занял стол Ярославского княжения с татарской помощью. См. житие в «Великих Минях Четьих» под 19 сент. и в «Степенной Книге» (П.С.РЛ. т. XXI, ч. 1-я, стр. 307).

⁴³Летописи отметили только даты кончины Андрея (1261) и Романа (1283 или 1285) Владимировичей (Лаврент. лет. стр. 452 и 458; П.С.РЛ., т. VII, стр. 162 и 178).

⁴⁴Лаврент. лет., стр. 448.

⁴⁵Воскресенская летопись (П.С.РЛ., т. VII, стр. 160) замечает при сообщении о бегстве Андрея в 1252 г. из Русской земли, что он, пробыв несколько времени в Швеции, «прииде в свою отчину»; под 1256г. находим в Лаврентьевской (стр. 451) странную запись: «поехаша князи на Городец да в Новгород», и тогда же в. к. Александр послал Бориса ростовского улагодворять ордынца Улавчия дарами; и тоже повторяет Никоновская, без комментария, но два ее списка дают чтение «князь» (сохраняя, однако, «поехаша», т. X, стр. 140). С 1257 г. князь Андрей появляется в ряду русских князей, едет в Орду с в. к. Александром. Никоновская лет. впредь зовет его Суздальским и, по-видимому, права в своем заключении, хотя сама же спутала генеалогию суздальских князей (быть может, следуя родословной передержке князей Шуйских; весь спор об их происхождении от Андрея Ярославича или от Андрея Александровича, сына Невского – считаю разрешенным возражениями А.В. Экземплярского против С.М. Соловьева; см. «Великие и удельные князья северной Руси», т. II, стр. 388); поводом к этой путанице послужили судьбы Суздаля, Городца и Нижнего после смерти Андрея Ярославича. По-видимому, запись под 1256 г. надо, действительно, понять, известие о приезде Андрея на Городец и Нижний, что Воскресенская и называет его возвращением «в свою отчину» (так понял и В.Н. Татищев: т. IV, стр. 27). О кончине его и погребении Воскресенская сообщает: «преставися князь Андрей Ярославич суждальский, положен бысть в Суждали» (1263; т. VII, стр. 164). Родословные материалы Никоновской летописи определенно указывали на происхождение суздальских князей от Андрея Ярославича (см. П.С.РЛ., т. X, стр. 144), но под 1365 г. она дает иную, противоречащую этим материалам, генеалогическую справку (т. XI, стр. 4), руководствуясь ею и в других «поправках» (напр., т. X, стр. 176). Предположение А. В. Экземплярского (указ. соч., т. II, стр. 387), что князь Андрей Ярославич получил Суздаль вместе с Городцом и Нижним в 1247 году от дяди Святослава Всеволодовича (стало быть, по «ряду» отца, см. выше, стр. 146) не вяжется с позднейшими судьбами этих владений, как их сам Экземплярский излагает; не согласованы и указания о том, что произошло по смерти Андрея Яросла-

вича (на стр. 390 и 393). Причина всей этой пуганицы, кроме редакционной работы книжника – составителя Никоновской летописи, не сумевшего преодолеть противоречие своих генеалогических материалов, также в необоснованном представлении, будто исконная связь Городца и Нижнего с Суздалем, как «пригородов» с главным, старейшим городом.

У Татищева находим (т. IV, стр. 27) любопытное замечание, что Александр Невский, по возвращении Андрея Ярославича «из Немец», «хотяше ему Суздаль дати, но не смеяше Царя».

⁴⁶П.С.РЛ., т. VII, стр. 163.

⁴⁷П.С.РЛ., т. VII, стр. 174.

⁴⁸Своего рода психологический парадокс в оценке великого княжения Александра Невского отразился весьма характерно на литературной истории его огромной посмертной популярности, которая явилась плодом глубоко волнующих переживаний его эпохи и дальнейших судеб Великороссии. Его татарская политика шла в разрез с наиболее популярными течениями общественного чувства; оппозицию приходилось подавлять сурово, даже жестоко. Сильное недовольство ею не заглохло, – свидетельства об этом недовольстве сохранились даже в письменности, полной прославления его памяти, тем более что оно живет и далее в укоризнах потомкам Невского за то, что «любили татар паче меры». С другой стороны, политически влиятельные группы раздражены властностью в. к. Александра; новгородцы долго помнили, как Александр «деял насилие на Новгороде». Но все эти черты исторической традиции только оттеняют огромную популярность Александра, быстро разросшуюся в культ его памяти. Вскоре после кончины князя и под сильным ее впечатлением некий «самовидец», которому кн. Александр «свой господин», составил «слово» в его память, в форме «плача» – сказание о его кончине; оно разрослось в целую «светскую биографию» князя, а вступлением к ней исследователи склонны признать известное «Слово о погибели русской земли». Весьма ценный анализ памятников письменности, связанных с прославлением Александра Невского, – у Н.И. Серебрянского; «Древнерусские княжеские жития» («Чтение в Моск. Об. Ист. и Др.» 1915 и отд.). Н.И. Серебрянский справедливо указывает, что содержание «слова о погибели» нет необходимости относить непременно и только к событиям 1237–1238 гг. «Страх погибели страны испытывался и позднее ужасов Батыева нашествия и иногда он принимал особенно обостренную форму» (стр. 207). Для характеристики настроений XIII в. Серебрянский приводит, с одной стороны, указание на вспышки народной «ярости» против насилия поганых, а с другой – на моменты паники («тогда же б пополох зол по всей земли и сами не ведяху и где кто бежит» – Лавр., стр. 446) и угнетенности («и бяше видети дело стыдно и велми страшно, и хлеб во уста не идяшет от страха» – Лавр., стр. 458). Эти настроения, – усугубленные сознанием, что бусурманские находения постигают Русь не только «за несправду вашу», но и по вине князей, «заве живяхуте в которах межи собой» (Лавр., стр. 458), были существенным фактором нарастающей идеализации в. к. Александра и высокой исторической его оценки: «Слово о погибели русской земли» ставит его в определенную историческую перспективу «от великого Ярослава и до Володимира и до нынешнего Ярослава и до брата его Юрия князя Володимерскаго».

⁴⁹П.С.РЛ., т. X, стр. 144; XV (изд. 2-е), стр. 33. Фактически эта «запись», конечно, не соответствует действительному ходу событий, по крайней мере хронологически. Впрочем, она, быть может, передает формулу ханского ярлыка?

⁵⁰Кроме его кончины в 1270/71 г. – П.С.РЛ., т. VII, стр. 170.

⁵¹ «Выгнаша новгородци князя Дмитрия Александровича, сдумавше с посадником Михаилом, зане князь еще мал бяше» Новг. I, стр. 283; П.С.РЛ., т. VII, стр. 164.

⁵² Ни один из наших летописных текстов не упоминает о новом выступлении Андрея Ярославича с притязаниями на великое княжение по смерти Александра; у Татищева (т. IV, стр. 32) – известие о таком выступлении (принятое Соловьевым, кн. I, стр. 844 и Экземплярским, т. II, стр. 450, но не Карамзиным, т. IV, начало гл. III и прим. 114) в весьма сомнительном контексте. Сильно перебит в наших сводах порядок изложения событий, последовавших за смертью Александра Невского. Одни своды упоминают о смерти кн. Андрея ранее известия о вокняжении кн. Ярослава, другие наоборот. Воскресенская летопись (П.С.РЛ., т. VII, стр. 163–164) ставит перед сообщением о смерти в. к. Александра заглавие: «Преставление великого князя Александра Ярославича Невского и по нем сяде на великом княжении брате его князь Ярослав Ярославич Тверский», но в тексте – после статьи о смерти Александра (под 6771 г.) говорит только об изгнании кн. Дмитрия из Новгорода, о призвании и посажении (27 янв.) кн. Ярослава на новгородское княжение, о его женитьбе и о кончине кн. Андрея, а посажение Ярослава на стол великого княжения во Владимире вовсе не отмечает. Так, согласно Воскресенской, по смерти Александра (ум. в ночь с 14 на 15 ноября 6771–1262 гг.) в январе (27) того же 6771 (т. е. 1263 г.) состоялось посажение кн. Ярослава в Новгороде. Тверская летопись (П.С.РЛ., т. XV, ст. 403) относит смерть Андрея и посажение Ярослава к 6771, но это последнее связывает с Владимирским стольным княжением («сиде на столе в Новгороде Ярослав Ярославич и бысть князь великой Володимерский и Новгородский»; формула явно неточная); Софийская I (т. V, стр. 192) и Новгородская I (стр. 283) вовсе опускают момент вокняжения Ярослава во Владимире, а посажение его на новгородском столе отнесли к 27 января 6773 г. (1265 г.), тут же излагая события в Литве, которые разыгрались в 1263 г., причем Соф. I (список Царск.) сохранила запись о смерти кн. Андрея после водворения Ярослава в Новгороде, так что и смерть эта попала на 1265 г. Никоновская (т. X, стр. 140) под 6771 дает только сообщение о кончине Александра Невского, а вокняжение Ярослава во Владимире отнесла к началу 6772 г., затем идут: изгнание кн. Дмитрия из Новгорода, прибытие в. к. Ярослава (посылка за ним из Новгорода опущена) в Новгород, его женитьба, а затем – смерть кн. Андрея. Татищев (т. IV, стр. 32) дает под 6671–1263 гг. сообщение о кончине Александра Невского, а затем такой рассказ: «О великом же княжении бысть прях братии его Андрею, иже преже б на великом княжении, и Ярославу Тверскому, брату его меньшиму, а нехотяще меж собою сваритися, послаша послы своя в Орду к хану Беркаю; хан же повел Ярославу к себе быти. Егда прииде Ярослав во Орду и хан прият его с честью, даде ему доспех и повеле обвестити его по чину на великое княжение, коня же его повеле вестити Володимеру Рязанскому да Ивану Стародубскому, бывшим тогда во Орде, и Августа месяца отпусти с послом своим Жанибеком и с ярлыком на великое княжение», а далее: «6772–1264 гг. В сентябре пришед из Орды князь великий Ярослав Ярославич, сяде по брате своем великом князе Александре Ярославиче на великом княжении в Володимере». Трудно определить, что у Татищева опирается на данные его источников; в порядке событий он следует Никоновской летописи, которая вообще лежит в основе всего изложения, и всего правильнее признать строки о споре князей Андрея и Ярослава татищевским выводом из того порядка событий, какой ему дан Никоновской летописью; весьма сомнительно упоминание о «чине» ордынского «обвещания» на великом княжении, а имена действующих тут князей вызы-

вают неразрешимое недоумение: в данное время не знаем никакого Владимира рязанского (на Рязани княжил Федор Романович; состав рязанской княжеской семьи см. у Иловайского, *Ист. Ряз. княж.*, стр. 91); не ясно, какого тут можно разуть Ивана Стародубского: дядя Ярослава Иван Всеволодович едва ли был в живых (о нем не слышно с 1238 г.), а его внук Иван-Калистрат Михайлович, умерший, по Никоновской лет., в 1315 г. (т. X, стр. 179), если был на свете, то малолетком, а, по той же летописи, в Стародубе княжил его отец кн. Михаил Иванович (т. X, стр. 153, под 1276 г.); впрочем весьма возможно, что сведения Никоновской летописи о стародубских князьях ошибочны, так как Воскресенская упоминает под 1315 г. о кончине не Ивана (как Никоновская), а Михаила Ивановича Стародубского, который ею же упомянут под 1281 г. в числе князей – участников похода на Переяславль (т. VII, стр. 187 и 175), с чем согласны и указание некоторых родословцев, считающих Ивана-Калистрата сыном Ивана Всеволодовича и отцом Михаила (Экземплярский. Указ. соч., т. II, стр. 179 и 180).

Важнее то обстоятельство, что Татищев должен иметь опору в источниках для датировки признания за Ярославом великого княжения и его посажение на великокняжеском столе – августом 6771 и сентябрем 6772 года (сама датировка месяцем без числа обычна в летописных сводах). Основная схема событий у Татищева: 14 ноября 1262 г. умер Александр Невский; затем – сношения с Ордой и поездка кн. Ярослава к хану; в сентябре 1263 г. его возвращение во Владимир и посажение на столе великого княжения – весьма вероятно и сходится со схемой Воскресенской летописи.

В итоге – для хода событий основными датами надо признать: 14 ноября 1262 г. – кончина Александра Невского, 27 января 1263 г. – посажение кн. Ярослава Ярославича на новгородском столе; в сентябре 1263 г. – на великокняжеском столе.

Причина спутанности изложения (и хронологии) этих событий – в использовании нашими сводами (общим их источником является митрополитий свод) двух повествований, которые не укладывались в летописную хронологическую сеть: «Сказания о мужестве и житии в. к. Александра Ярославича», которое вовсе дат не давало, и сказание о князе Довмонте, где изложены были и литовские события со времен Миндовга и которое врезалось в изложение свода, спутав и порядок его и хронологические приурочения. Кроме того, Никоновская летопись вносит особые редакционные приемы (в духе общих своих тенденций): проезд в. к. Ярослава в Новгород перенесен на время после занятия им великокняжеского стола, с устранением упоминания о том, что новгородцы «послаша по князя» и «посадиша его на столе», вместо чего читаем: «иде князь великий Ярослав Ярославич в Новгород и приаша его новгородци с радостью и с честью великою» (т. X, стр. 144).

С.М. Соловьев (*Ист. Рос.*, т. 1, ст. 844) отнес смерть кн. Андрея к весне 1264 г. (вероятно, под влиянием Карамзина, т. IV, начало 3-й гл.; иначе не понимаю, откуда эта «весна») и не обратил внимания на то, что сентябрь 6772 г. относится к 1263, а не 1264 г.

¹С этим «посажением» совпала женитьба князя Ярослава на «Юрьевой дщери Михайловича»; если эта Юрьевна внучка посадника Михаила Федоровича, которого Александр Невский водворил на посадничестве в 1257 г., то можно видеть в нем сторонника сближения Великого Новгорода с великокняжеской властью, а самому браку Ярослава придать политический характер; Ярослав ищет поддержки новгородского боярства, а руководящие сферы Новгорода – влияние на великого князя, с которым и заключили первый, до нас дошедший договор.

⁵¹Соотношение двух старших договорных грамот Великого Новгорода с князем Ярославом определить, по крайнему моему разумению, довольно трудно. Едва ли этот вопрос вполне разрешен замечаниями А.А. Шахматова в «Исследовании о языке новгородских грамот XIII и XIV вв.» (в «Исслед. по русскому языку», изд. Имп. Акад. Наук, т. 1, стр. 229–230).

Не вижу, почему договорная № 1 (по изд. «С. Г. Г. и Д.» и в «приложении» у А.А. Шахматова) «несомненно древнейшая в ряду всех прочих». Колебания текста в договорных грамотах таковы, что едва ли возможно свести их к одному основному «формуляру», несмотря на буквальное иногда повторение отдельных формул. В грамоте № 1 есть особенности, которые склоняют, скорее, к мысли что это вторая редакция договорной Новгорода с Ярославом. Именно в № 1 читаем: «а что, княже, мыт по твоей земли и по иной волости и по всей суждальской земли» и т. д.; отсутствие этих слов во втором договоре, хотя они имеются в позднейшем договоре Новгорода с Ярославом (№ 3) непонятно. В № 1 они стоят на особом месте: после строк, заключающих, по существу, текст княжеской крестоцеловальной порядной: «а на том ти, княже, на всем хресте целовати бес перевода при ваших послех», и равнозначных последним строкам № 2-го: «на том ти на всем хрест целовати по любви без всякого извета в праведу при наших послех». За такими заключительными словами идет в № 1 добавление: «а мы ти ся, господине княже, кланяем: а что, княже, мыт по твоей земли и по иной волости и по всей суждальской земли, а, то княже, имати по 2 векши от лодьи и от воза и от лну и от хмелна короба, а дворяном твоим по селом у купцев повозов не имати, разве ратной вести; тако, господине княже, пошло от дед и от отец, и от твоих, и от наших, и от твоего отчя Ярослава». В № 2 есть только не развитой подробнее намек на это домогательство мытных норм: «а от Новгородца и от Новоторжца у мыта имати от воза по 2 векши и от хмелна короба», а о льготе в повозной повинности (очевидно – для торгующих вне новгородской земли) нет упоминания. Позднейшая договорная, № 3, целиком использована № 1, причем ввела его заключительное «покланяние» – статьей договора, наряду с другими, и дополнила его рядом пунктов, вытекавших из таких действий Ярослава во время его новгородского княжения, которыми нарушались права новгородцев (отнял грамоту отца своего, определявшую право князя посылать осетерника и медовара в Ладогу; «посудил» некоторые грамоты отца и брата; устанавливал слободы и мыта на новгородской волости и т. д.) или из новых, приобретенных новгородцами привилегий («а гостю нашему гостити по суждальской земли без рубежа по цареве грамоте»). С № 2 сближают эту грамоту (№ 3) только 3 пункта: «ни грамот даяти» без посадника (что естественно связано в № 3 с ее добавлением: «суда не судити»); в Русу ездить «на третью зиму» (см. «ездити осене» первой грамоты) и в Ладогу «ездити на третье лето». Едва ли эти три пункта, как и сопоставление таких пунктов грамоты № 2, как «ни свобод ставити по новгородской волости» и «а из суждальской ти земли Новгорода не рядити, ни волостей ти не раздавати» с соответственными установлениями третьего договора («а свобод ти, ни мыт на Новгородской волости не ставити» и «а на Низу, княже, новгородца не судити, ни даши ти раздавати») свидетельствуют о текстуальной зависимости № 3 от второй грамоты.

Грамота № 2 дает текст, менее проработанный и формальный по содержанию, чем первая, а написана она так, что местами «форма букв» и чернила совершенно иная, нежели во всем тексте», причем второе из этих мест дает впечатление пробела основного текста, не без труда заполненного другой рукой («вставленные буквы очень близки друг к другу и с трудом помещены между словами короба и на том, принадлежащими 1-му писцу» – см. описа-

ние грамоты в исследовании А.А. Шахматова, стр. 240). Только то обстоятельство, что к этой грамоте была приложена печать («печати не сохранилось, но есть знак, что она была» – А.А. Шахматов) мешает признать ее «проектом» договора, который состоялся в форме грамоты № 1. Во всяком случае, не вижу никакой возможности признать ее «вторым» договором, заключенным между Великим Новгородом и кн. Ярославом после «первого». Если это самостоятельный акт, то такова могла, скорее, быть редакция договора, заключенного в 1263 г. при посажении Ярослава на стол Новгородского княжения, а договор грамоты № 1 – его «обновлеше» по утверждению Ярослава Ярославича на великом княжении (осенью 1263 г.), м. б., в первый приезд его в Новгород великим князем (в начале 6772 г.).

⁵⁵Не вижу оснований для уверенности А.А. Шахматова, что договорные грамоты такого же типа, как дошедшая до нас, т. е. определяющие или стремящиеся определить возможно полнее ограничения, какие налагала новгородская «старина и пошлина» на власть князя в Новгородской земле, существовали и ранее, даже со времен Всеволода Мстиславича (1125–1130; см. указ., исследование А.А. Шахматова, стр. 229). В первом договоре князя Ярослава с Новгородом упоминается грамота его отца, Ярослава Всеволодовича, касавшаяся княжеских прав на рыбную ловлю и бортные угодья в Ладоге. Такими грамотами по отдельным вопросам новгородской «старины и пошлины» мог накапливаться материал ее формулированных норм, на котором выросли более систематические договорные грамоты общего характера, основой которых для нас и является первая новгородская грамота князю Ярославу Ярославичу от 1263 г. В пользу такого представления о значении этой грамоты, что она не случайна и не только «для нас» первый документ этого типа, говорят: неустойчивость договорного «формуляра»; характерный тон «поклонения» относительно привилегий в Суздальской земле для новгородских купцов, с аргументацией, что «такое пошло от дед и от отец» как князя, так и их, новгородцев, но без уверенности, что таково их приобретенное право; наконец, стремление утвердить представление, что излагаемые в договоре нормы действительно «старина и пошлина», та самая, на которой (предполагаю, что без формулировки в письменной форме) целовали крест деды и отцы князя и отец его Ярослав. В грамоте № 2 «дедов и отцов» еще нет, а сказано, по чтению А.А. Шахматова, – «на цем то целовал хрест отец твой Ярослав», как и «пошлина» новгородская определяется только тем, «како держал отец твой»; такого слишком узкого определения «старины и пошлины» нет в договорной № 1, нет и в позднейших. Изучение новгородских договоров с князьями крайне затруднено тем, что для большинства их не дошли до нас ответные княжеские грамоты того типа как № 4.

⁵⁶В источниках наших нет сведений о поездке Ярослава к хану; но поехал он – новгородским князем, и участие в этой поездке новгородских послов более чем вероятно.

⁵⁷В 1266 г. Дмитрий Александрович выдал за Довмонта свою дочь Марию (П.С.РЛ., т. V, стр. 7).

⁵⁸Известия летописных сводов о новгородских событиях этих лет весьма отрывочны и многого не договаривают. В 1265 г. Ярославу пришлось уступить новгородцам, и он выпустил из рук руководство западными отношениями. При этой его неудаче выдвинулся Дмитрий Александрович: его в. к. Ярослав, уходя со своими полками восвояси, «в Новгороде остави» (т. VII, стр. 167); но кн. Дмитрий, очевидно, покинул Новгород через год – во время смут в Новгороде, о которых, впрочем, прямое упоминание находим только в Никоновской летописи («мятеж бысть усобной», – т. X, стр. 145;

новгородская – молчать о «мятеже», отмечая только пожар Неревского конца, однако, с намеком: «мнози от того разбогатеша» – Новг. I, стр. 286); новгородцы в том же году участвуют в походе кн. Довмонта на Литву без князя со своим воеводой Елевферием Сбыславичем (там же). В начале 6776 г. (осень 1267 г.) в Новгороде княжил кн. Юрий Андреевич (суздальский), которого С.М. Соловьев («Ист. Рос.», кн. I, ст. 845) считает «наместником Ярославовым»; с этим князем новгородцы затеяли поход под Раковор (Везенберг), и это – поход не княжеский, а вольное предприятие новгородцев, как видно из той его «вечевой» черты, что цель похода вызвала большие разногласия («хотеша ити на Литву, а инии на Полтеск, а инии за Нарову», там же) и была изменена по выступлении рати после больших раздоров в самой войске. Неудача похода заставила новгородцев с посадником Михаилом призвать кн. Дмитрия Александровича, а по соглашению с ним (Соф. I и Воскр.; т. V, стр. 193 и т. VII, стр. 167) призвать на помощь в. к. Ярослава, который и прислал свои полки с сыновьями, Святославом и Михаилом. В новом походе под Раковор участвовали под общим воеводством кн. Дмитрия кроме двух Ярославичей, кн. Юрий Андреевич, Константин Ростиславич смоленский («зять Александров»), Довмонт с псковичами и какой-то князь Ярополк. Присылка рати от в. к. Ярослава была явно вынужденной уступкой: дальнейший ход событий показывает, что он был против войны с немцами.

⁵⁹См. выше, стр. 49.

⁶⁰П.С.РЛ., т. VII, стр. 169; Новг. I, стр. 290–292; т. X, стр. 174. Тотчас возникло и разногласие в. кн. с новгородцами: после заключения мира с немцами, в. к. Ярослав собрался было «итти на Корелу, и биша челом новгородци князю Ярославу и едва умолиша его не итти на Корелу, князь же отсла полки назад» (т. VII, стр. 169; Новг. I, стр. 292).

⁶¹Новгородцы так «исписали на грамоту всю вину (обиду) его»; «чему еси отъял Волхов гоголними ловци, а поле отъял еси заячими ловци? чему взял еси Алексин двор Морткинича? чему поимал еси серебро на Микифоре Манускиниче и на Романе Болдыжевичи и на Варфломси? а иное: чему выводишь от нас иноземца, которые у нас живуг? а того много вины его» (Новг. I, стр. 292; П.С.РЛ., т. VII, стр. 169). В договорной грамоте 1269/70 гг. указаны еще обиды князя Ярослава: отнял грамоту отца своего о пользовании рыбными ловлями и бортными угожьями в Ладоге; «посудил» грамоты отца своего и брата и подавал «на те грамоты» свои, новые; отнял у Кирилла Хотунича дани с новгородского погоста и отдал их попу св. Михаила (а это городским попам «не пошло»); держал закладников в Торжке, как и Юрий Андреевич; та же грамота поясняет обвинение в «выводе» иноземцев: Ярослав «затворил» немецкий двор, приставив к нему своих приставов, а это столкновение с немцами, по-видимому, связано с недоразумениями по поводу возврата немцами полона и пограничных земель.

⁶²Мотив Василия Ярославича по летописи: «жаль ми своя отчины»; возможно, что наводка татар на русские области Ярославом дала популярный повод для его выступления. Василий послал своих людей в Новгород; дальнейшие отношения показывают, что им использован случай приобрести расположение Великого Новгорода и противопоставить пошатнувшейся популярности Дмитрия Александровича свои связи с влиятельными силами Новгорода. В посольстве к хану видим Михаила Пищанича, который играл видную роль и в отношениях Александра Невского к Новгороду (Новг. I, стр. 279 и 293). Для этих событий. см. Соф. I (П.С.РЛ., т. V, стр. 196–197), Воскр. (т. VII, стр. 169–170), Новг. I (стр. 292–294):

С.М. Соловьев так объясняет поведение князя Василия Ярославича: «этот

князь вступился за старый город не по сочувствию с его бытом, а из соперничества с братом; как князь Костромской, Василий боялся усиления князя Тверского, ибо такое усиление грозило не только правам его на княжество Владимирское, но даже независимости его княжества – Костромского» («Ист. России» кн. 1, ст. 846). Конечно, нет даже повода ставить вопрос о каком-либо особом сочувствии кн. Василия особенностям новгородского строя и быта, но нет в источниках указаний на то, чтобы Ярослав Ярославич готовил передачу великого княжения сыну (старшему Михаилу, который умер вскоре по кончине Ярослава, в 1271 г. – П.С.РЛ., т. IV, стр. 42; т. V, стр. 198) в обход брата Василия, нет и намека на его покушение против «независимости» Костромского княжества, кроме захвата новгородских купцов «в Костроме и по иным городом» (договорная 1269/70 г.), что могло сблизить князя Василия с новгородцами, но не дает еще повода говорить о противоречии интересов Тверского и Костромского княжеств. Таким «насилием» ставился разве вопрос об отношении местного князя к великокняжеской власти.

⁶⁴Новгородские послы, поддержанные кн. Василием Ярославичем, не только опровергали перед ханом обвинения в. к. Ярослава (в.к. и преданный ему тысяцкий Ратибор объясняли восстание новгородцев – сопротивление им сбору татарской дани, П.С.РЛ., т. VII, стр. 170; т. X, стр. 148), но и представили ему свои торговые обиды. Обвинению новгородцами в.кн., что он от них «выводит иноземцев», соответствует ярлык: «Менгу Темирево слово к Ярославу князю», который гласит: «дай путь немецкому гостю на свою волость» (см. «Русско-Ливонские акты», № 26). На ханский ярлык, о котором сообщает документ «Русско-Ливонских актов» новгородцы ссылаются в договорной грамоте 1269/70 г.: «а гостю нашему гостити по суздальской земли без рубежа по царева грамоте»; далее текст этого документа таков: «от князя Ярослава ко Рижанам и к большим, и к молодым, и кто гостит, и ко всем: путь ваше чиста есть по моей волости; а кто мне ратный с тим ся сам ведаю; а гостю чист путь по моей волости».

⁶⁴«И совокупися в Новгород вся волость Новгородская, Пльсковичи, Ладожане, Корела, Ижора, Вожане» (Новг. I, стр. 294; П.С.РЛ., т. VII, стр. 170). Никоновская сообщает (т. X, стр. 149), что новгородцы «и немец много приведоша в помощь к себе», что само по себе вполне возможно и в духе политики ордена.

⁶⁵Договорная грамота № 3 (по С. Г. Г. и Д., т. 1 и по изд. Шахматова); на ней надпись (на об.): «се приехаша послы от Менгу Темеря царя сажать Ярослава с грамотою Чевгу и Баиши».

⁶⁶С.М. Соловьев, согласно общей своей теории, видел в борьбе князей за власть над Великим Новгородом (с новгородцами и между собой) «стремление каждого великого князя усилить свое собственное княжество» («Ист. России», кн. 1, ст. 848). Все развитие новгородско-низовских отношений как при Ярославе Ярославиче, так и позднее – до самых времен падения новгородской вольности при Иване III Васильевиче – неразрывно связано с историей великокняжеской власти, с борьбой за усиление ее общего значения для всей Великороссии. Так и ранее – со времен Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и Всеволода Юрьевича стремление «низовских» князей усилит подчинение Новгорода – черта, основная в созидании ими великого княжения Владимирского.

⁶⁷Показательно стремление в. к. Ярослава иметь на своей стороне в столкновениях с Новгородом решение хана и татарскую силу. Едва ли тут дело только в этой военной силе и в страхе «татарского имени»; хан распоряжался всей военной русской силой; русские князья хаживали с полками в

ордынские походы прикаспийского и кавказского края; в таких условиях приказ хана должен был обеспечивать великому князю мобилизацию всех полков «низовской земли», что – без такого приказа – становилось на зыбкую почву междукняжеских отношений и соглашений.

⁶⁸В 1304 г. князь Андрей Александрович преставился и «положен бысть на Городец»; место погребения князя всегда характерно для его владельческого положения; а затем «вечники» избили его бояр в Нижнем Новгороде. См. П.С.РЛ., т. VII, стр. 184; т. X, стр. 176. О достоверности сообщения Никоновской, что в Нижнем избиению подверглись именно бояре князя Андрея Александровича и о том, как она под влиянием разногласия своих источников (родословцев – ср. выше.) превратила мстителя за этих бояр Михаила Ярославича Тверского в Михаила Андреевича и тем запутала ряд исторических и генеалогических вопросов, см. ниже.

⁶⁹После кончины князя Андрея Ярославича в 1263 г. Суздаль остался отчиной его сыновьям (Юрию, Михаилу и Василию), а Городец и Нижний перешли в княжение кн. Андрею Александровичу. Суздальские князья сохранили притязания на Городец и Нижний и добились позднее их осуществления; но в данный момент им должно было быть особо важным закрепление права на Суздаль, «вотчинное» положение коего могло оказаться весьма еще спорным (ср. судьбу Суздаля при Святославе Всеволодовиче и в момент его кончины, – выше, стр. 132).

⁷⁰У нас нет оснований утверждать, что князь Ярослав управлял Владимирским великим княжеством из Твери. По летописям видим его то в Новгороде, то во Владимире, то в Орде, но нет указания на Тверь, как на резиденцию великого князя. Нет оснований повторять за В.С. Борзаковским: «Ярослав Ярославич руководствовался только узкими интересами, интересами своего княжества, а не общерусскими» («История Тверского княжества» стр.83; Борзаковский в оценке действий Ярослава всецело зависит от С.М. Соловьева); вернее было бы сказать, что Ярослав руководствовался интересами своей великокняжеской власти, внося, по-видимому, много личного в их понимание; антитеза «общерусских» интересов местным интересам «своего княжества» – произвольна, ибо этих последних не видно в великокняжеской деятельности Ярослава. Его заботливость о Тверском княжестве проявилась в учреждении особой Тверской епархии, но в наших источниках нет никаких сведений об этом событии, так что трудно судить о мотивах кн. Ярослава и о значении этого факта для характеристики его деятельности. Знаем только имя первого епископа – Симеона; упоминается он впервые по поводу погребения князя Ярослава и то только в Никоновской летописи (т. X, стр. 150; другие своды упоминают его только по поводу закладки храма Св. Спаса в Твери в 1275 г.).

⁷¹П.С.РЛ., т. VII, стр. 171.

⁷²Воскресенская летопись сообщает под 6780 (1271/2 гг.): 1) о смерти «в. к. Ярослава Ярославича; 2) о вокняжении в. к. Василия и 3) о призвании в Новгород Дмитрия Александровича; под 6781 (1272/3 гг.): 1) о вокняжении кн. Дмитрия в Новгороде; 2) о нападении кн. Василия на Торжок и поход кн. Дмитрия на Тверь и смуте в новгородском войске, которая заставила Дмитрия уступить дяде новгородский стол; и 3) о вокняжении кн. Василия в Новгороде.

Никоновская сообщает о смерти в. к. Ярослава под 6779 (1270/1 гг.) и тут же о вокняжении в. к. Василия; под 6780 г.: 1) о призвании новгородцами Дмитрия; 2) о погоне за ним костромского воеводы Семена, о походе кн. Василия на Переяславль и Торжок и возвращении обоих во Владимир; под 6781 г.: 1) о нападении в. к. Василия на новгородские волости с татарской

помощью, 2) о набеге на них тверского князя Святослава Ярославича тоже с татарской помощью, 3) о дороговизне в Новгороде и захвате новгородских купцов и товаров во Владимире, Твери и Костроме, 4) о походе кн. Дмитрия к Твери, переговорах с кн. Василием, смуте в Торжке (где были тогда воеводы в. к. Василия), отречении Дмитрия и вокняжении в Новгороде в. к. Василия (П.С.РЛ., т. X, стр. 151–152).

⁷³Ярослав умер на обратном пути из Орды, куда одновременно с ним ездили и Василий Ярославич, и Дмитрий Александрович; быть может, князь Василий был еще в Орде, когда пришла весть о смерти брата?

⁷⁴«Присла князь Дмитрий Александрович в Новгород, хотя сести в нем княжить; также и князь Василий Ярославич присла свои послы, хотя сести на столе; ставшим же обоим послом на Ярослави дворе, Новгородци же с посадником Павшею яшася за князя Дмитрия, и послаша по него послы своя» (П.С.РЛ., т. VII, стр. 172). Никоновская в духе всего своего изложения передает почин призыва Дмитрия на княжение – новгородцам, а про послов в. к. Василия вовсе умалчивает (т. X, стр. 151).

⁷⁵В. к. Василий, узнав о новгородском посольстве князя Дмитрия, «посла по нем воеводу своего Семена, а сам иде к Переяславлю», т. X, 151).

⁷⁶П.С.РЛ., т. X, стр. 151.

⁷⁷П.С.РЛ., т. VII, стр. 172; т. X, стр. 151–152; Никоновская летопись тщательно избегает упоминания о «посажении» великих князей на «стол» новгородского княжения, а вместо того пишет: «приаша его с честью». Посадник Павша, сторонник кн. Дмитрия, бежал в Переяславль.

⁷⁸Не знаю, почему А.В. Экземплярский полагает, что Василий Ярославич «почти постоянно» жил в Костроме (указ. соч., т. 1, стр. 44); но «положено бысть тело его на Костроме в церкви Святого Феодора» (П.С.РЛ., т. VII, стр. 173).

⁷⁹«История России», кн. 1, ст. 875–877.

⁸⁰Там же, стр. 878.

⁸¹Стремление каждого князя, получившего Владимирское великое княжение («область Владимирскую») – «увеличить свою собственность за счет других княжеств» и присоединение «к своему уделу Владимирской области».

⁸²Последнее – в Неделю Всех Святых, т. е. 5 июня 6785/1277 г. (Новг. I, стр. 297; П.С.РЛ., т. VII, стр. 173).

⁸³«и вся землю их на щит» (Новг. I, там же).

⁸⁴Карамзин высказал («И.Г.Р.», т. IV, гл. V, стр. 79), а Соловьев принял («Ист. Росс.», кн. 1, ст. 878) предположение, что Копорье стало поводом раздора между кн. Дмитрием и новгородцами, потому что, пояснял Карамзин, князь хотел присвоить эту крепость «лично себе и занять своею дружиною; а граждане не позволяли князю владеть чем-нибудь в области новгородской, особенно же местом укрепленным»; тоже у Соловьева: князь на Копорье «хотел смотреть как на свою собственность, что не нравилось новгородцам». На эту мысль навела историков не только роль Копорья в дальнейших событиях (Кар., т. IV, прим. 159), но и прямые выражения летописных текстов: «испроси князь Дмитрий у Новагорода поставити себе город Копорье и ехав сам сруби и» (Новг. I, стр. 298); однако возведение в Копорье каменного укрепления кн. Дмитрий выполняет «с посадником Михаилом и с большими мужи шедше». О каком-либо протесте новгородцев – ничего не знаем, хотя в. к. Дмитрий действительно держал в Копорьи наместников и дружину. Первый разрыв Дмитрия с новгородцами вызван его гневом на них, и новгородцы тщетно пытались отмодить этот гнев князя (Новг. I, стр. 298); ссора началась со смены посадника, причем кн. Дмитрий действует в союзе с одной из новгородских партий («отгяша посадничество князь Дмитрий с новго-

родци у Михаила у Мишиница», там же). Не видно, чтобы тут играл роль вопрос о Копорье. За Дмитрием новгородцы числили иные «насилия»: в договорах Великого Новгорода с в. к. Михаилом Ярославичем (С. Г. Г. и Д., т. 1, № 6 и 7) есть указание на постановку им в новгородских волостях «свобод» с прилегающими к ним селами. Укрепление Копорья и охрана его княжой дружиной лишь один из признаков обычного усиления власти князя при усилении военной деятельности на новгородских границах.

⁸⁵Новг. I, стр. 298; П.С.РЛ., т. VII, стр. 174–175. – Вернувшись с новгородского похода во Владимир, Дмитрий ездил в Ростов на другое «великокняжеское» дело: мирить раздоры ростовских князей.

⁸⁶Там же, стр. 175.

⁸⁷Указание на то, что Семен Тонглиевич был костромским боярином, дает известие о его смерти: «тогда (после примирения братьев – князей Дмитрия и Андрея) убиша на Костроме Семена Тонглиевича, коромольника льстивого, бояре княже Дмитриевы Антон да Феофан повелением княжим» (П.С.РЛ., т. VII, стр. 176). С.М. Соловьев естественно предполагает «отъезд» боярина Семена к князю Андрею после смерти в. к. Василия Ярославича, из боязни мести за прежнюю вражду со стороны в. к. Дмитрия; но его замечание, будто «Кострома по смерти бездетного Василия, перешла к Андрею», по-видимому, навеяно только изложением Никоновской летописи, которая дает целый, литературно обработанный рассказ о смерти Семена Тонглиевича, а начинает его так: «Того же лета князь великий Дмитрий Александрович, внук Ярослава, посла дву боаринов своих Антона и Феофана изымати Семена Тонглиевича и изпытати его потонку о всем и убити» (т. X, стр. 161). Если это не простая обработка той же записи, которую дает Воскресенская летопись (т. VII, стр. 176), то все-таки «посылка» бояр не свидетельствует, что Кострома не была во власти в. к. Дмитрия. Карамзин проще поясняет пребывание боярина Семена в Костроме: Семен Тонглиевич «жил спокойно, надеясь на заключенный между братьями мир» («И.Г.Р.», т. IV, стр. 84). Правильным надо признать мнение А. В. Экземплярского, что Кострома по смерти в. к. Василия Ярославича, в руках Владимирского великого князя (указ. соч., т. II, стр. 264 и 267), вопреки его же первоначальному утверждению, что по смерти в.кн. Василия Ярославича «Андрей, в придачу к Городцу, получил еще и Кострому» (т. 1, стр. 53).

⁸⁸Изложение этих событий в наших летописных сводах сильно спутано. Воскресенская (т. VII, стр. 175–176), явно сокращая свой первоисточник, представляет дело так: после разорения татарами всей низовской земли («по самый Торжок») и их ухода («татарове много зла сотвориша (sic) отъидоша»), – «князь же Дмитрий поиде к Новгороду к Великому и с двором своим, и иде мимо Новгород, хотя к Копорью; Новгородци ж изыдоша всем полком противу его на озеро великое Илмень; великий же князь Дмитрий Александрович Копорье отступися, а Новгородци великому князю путь показаша», но взяли «в заклад» двух его дочерей и бояр его с семьями, требуя ухода из Копорья его мужей; 1 января 1282 г. «разыдошася разно» и в тот же день князь Довмонт, зять кн. Дмитрия Александровича, «изгони Ладогу» и из Копорья «пойма» всю казну в. к. Дмитрия; тогда Новгородцы послали звать к себе на княжение Андрея Александровича, а сами пошли на Копорье, заставили выехать оттуда наместников Дмитрия, а укрепление разорили. (То же, несколько сокращенно – Новг. I, стр. 298–299; Соф. I, т. V, стр. 199–200; Новг. IV, т. IV, стр. 244. Никоновская (т. X, стр. 159) сохраняет более правильное соотношение событий в начале того же рассказа и, по-видимому, некоторые черты более подробного и точного рассказа о них, но и ее источник (тот же, что и Воскресенской) давал о них не вполне ясный отчет,

так что его литературно-книжная обработка в обычной манере этого свода осложнилась, как это, впрочем, также обычно для Никоновского свода, толкованиями, подчас искажающими и смысл и фактическую точность. По рассказу Никоновской летописи, в. к. Дмитрий – по вестям о приближении кн. Андрея с татарами, «побеже к Новгороду и з женою и з детми и з боары и со всем двором своим и вниде во град Копорью. Новгородци же вышедше на озеро на Илмеро с поклоном, лукавствующе, не хотяще бо пустити его оттуду, понеже он оттуду хотяше за море бежати. И многим речем бывшим межи их и глаголаша Новгородци в. к. Дмитрию Александровичу: «княже, не хошем тебя, иди от нас добром; аще ли не идеши отсюду, имуть тя zde татарове и отведут ко царю в Орду, а мы тебе не помогаем». Он же отступися Копорья и иде за море. Новгородци же не яша его, но даша ему путь», а дочерей и бояр с семьями забрали в заклад, чтобы добиться очищения Копорья; затем: описание разгрома татарами русских областей («до Торжку и дале и близ Новагорода») в погоне за кн. Дмитрием, их возвращение и отпуск из Владимира в Орду; далее – «иде князь Дмитрий Александрович из замория к Переславлю», а в Копорье все еще были бояре и слуги князя Дмитрия, но пришел из Пскова кн. Довмонт, вывел их из Копорья и казну кн. Дмитрия с ними отослал в Переяславль; затем «шед взя в Ладогу» – вывел и оттуда людей в. к. Дмитрия и также отослал к тестю. Тогда новгородцы разрушили Копорье и послали звать к себе в. к. Андрея. В этом рассказе Никоновской – неудачными «поправками» и «дополнениями» книжника надо признать: 1) слова «вниде во град Копорью», так как при этом теряет смысл выступление новгородцев к Ильмень-озеру; 2) пояснение, что новгородцы не хотели пустить Дмитрия из Копорья за море (и для этого выступили... к Ильменю!) и 3) уход Дмитрия «за море» (не навеяно ли это «сообщение» тем, что в источнике Никоновской было такое же чтение, как в одном из списков Воскресенской: вместо «хотя к Копорию» – «хотя к Поморию»? см. т. VII, стр. 175, вариант с, что и дало мотив Никоновской фразе: «хотяше за море бежати», тем более приемлемой для книжника-редактора, что этим разрешалось недоумение: куда же девался кн. Дмитрий, когда ему новгородцы «показаша путь» 1 января). Ценным в Никоновской редакции представляется указание, плохо согласованное с общим построением рассказа, на то, что Дмитрий сделал попытку занять Великий Новгород (ответ новгородцев: «княже, не хошем тебя», ср. свидетельство обоих текстов кн. Дмитрий бежал из Переяславля «к Новгороду») и на то, что новгородцами руководил страх перед татарами (татары дошли до Торжка; в Никоновской и тут, может быть, риторическая амплификация). В остальном надо предпочесть текст Воскресенской летописи и признать, что кн. Дмитрий не попал в Копорье, хотя там еще держались его наместники.

⁸⁹Сообщение Никоновской летописи, что кн. Дмитрий ушел за море и вскоре вернулся «из-за моря», основано, по-видимому, на редакционном недоразумении (см. предыдущее примечание). А между тем уход его во Псков, подобно тому как туда он уходил от тех же невзгод в 1293 году, подается участием в его делах кн. Довмонта. В тот же день, как кн. Дмитрий и новгородцы «разыдошася разно», Довмонт «изгони Ладогу», чтобы выручить оттуда казну тестя («весе княже товар Дмитриев», причем «задрюша и ладозкого», по выражению Новг. I лет., стр. 299), «и из Копории изима всю казну в. к. Дмитрия Александровича» (т. VII, стр. 175). С.М. Соловьев («Ист. Рос.» кн. 1, ст. 878) полагает, что Довмонт начальствовал дружиной в. к. Дмитрия в Копорье, но Воскресенская летопись различает его и «наместников княж Дмитриевых» в Копорье, да едва ли псковском князь мог сидеть начальником дружины в северной крепости.

⁹⁸В Неделю Сыропустную 6790 г., т. е. 9 февраля 1282 г. (См. «Супрасльскую рукопись, содержащую Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи», изд. кн. Оболенского, М. 1836; стр. 38); при датировке событий «зимой» того же года легко понять, как это известие попало в Воскр. под 6789 г. – Ее же дагу конца переговоров кн. Дмитрия с новгородцами 1 января надо также отнести к 6790 г.; ср. замечания А.В. Экземплярского (т. 1, стр. 49, пр. 131) о летописном изложении этих событий.

⁹⁹Вероятно, с помощью кн. Довмонта (если допустить, что сообщение Никоновской, т. X, стр. 159, об отправке Довмонтом к князю Дмитрию его бояр и слуг, что она связала с его изгоном на Ладугу и Копорье, основано на данных ее первоисточника).

¹⁰⁰И эти события сильно спутаны в наших сводах. Воскресенская летопись дает такие записи: 1) под 6790 – о событиях, кончая уходом кн. Дмитрия к Ногаю; 2) под 6791 – о возвращении Дмитрия, примирении братьев и убиении Семена Тонглиевича; затем идет особая повесть о происшествиях в Курской области, которые разыгрываются в 6791 и 6792 гг., а по Никоновской 6792 и 6793 гг., что спутало дальнейшую хронологию свода: под 6792 г. попала запись 3) о том, как князь Андрей прибыл в Торжок к посаднику Семену Михайловичу (очевидно, по возвращении из Орды и до примирения с братом) и «докончал» с ним и со всеми новгородскими «старейшими» с крестоцелованием на том, что ему не уступать Новгорода брату Дмитрию, а им не искать иного князя; а сам поехал в Суздальскую землю и «сступися брату своему в. к. Дмитрию стола Великого Новгорода»; затем идет 4) сообщение о том, что в. к. Дмитрий и кн. Андрей пошли вместе на Новгород с татарами и со всей Низовской землей, принудили новгородцев к миру, «и сяде в. к. Дмитрий Александрович в Новгороде на столе»; а запись, что «кн. Андрей Александрович приведе царевича из Орды и много зла сотвори христианам; брат же его в. к. Дмитрий собрався с братеею царевича прогна, а бояр княжих Андреевых изнима», явно повторяющая известие о тех же событиях и о репрессиях со стороны кн. Дмитрия против бояр (Семена Тонглиевича и других «кормольников») попала под 6793 г., чем создана иллюзия повторного разрыва братьев, их нового примирения и вторичной расправы с Андреевыми боярами. Причина такой путаницы в том, что у составителя данного свода (или его протографа) были разные записи об этих событиях – одни явно новгородские, другие, вероятно, переяславские (П.С.РЛ., т. VII, стр. 176–179); и неудачной оказалась их сводка с другими данными, особенно с повестью о курских событиях. Никоновская – в зависимости от того же материала, уже спутанного неудачной сводкой, осмысляет эту путаницу, вставляя (т. X, стр. 161) переходное к известиям о «вторичном» разрыве братьев замечание: «того же лета князь Андрей Александрович Городецкий нача разметная творити со старейшим своим братом в. к. Дмитрием Александровичем Володимерским; известоваше бо ся ему от неких помалу, яко его повелением убиен бысть боярин его Семен Тонглиевич, и тужате зело о нем князь Андрей Александрович Городецкий и того ради мнози брани и расколы подвизахуса и нелюбка межи их наипаче начинашесея» (самая фактическая бессодержательность этой «записи» обличает ее задачу – сгладить несогласованность фактических данных); но этим исчерпались редакционные усилия составителя Никоновского свода: он передает известие об уступке Новгорода Андреем Дмитрию ранее известия о наводке Андреем ордынского царевича на в. к. Дмитрия, причем не решился, однако, мотивировать создавшееся таким образом представление о третьей усобице князей-братьев, но только несколько сгладил его, выпустив (довольно неудачно: князь Дмитрий идет на Андрея, «он же убояся и Но-

вагорода ему съступися, и иде [кто?] ратью и с Татары к Новгороду») сообщение о совместном участии князей Дмитрия и Андрея в усмирении Новгорода (П.С.РЛ., т. X, стр. 165–166). С.М. Соловьев («Ист. Рос.», кн. 1, ст. 879) следует Никоновской, восстановив участие кн. Андрея в походе на Новгород; А.В. Экземплярский (т. 1 стр. 49) – Соловьеву.

⁹⁴«Царевича прогна» (т. VII, стр. 179); Никоновская приводит имена начальников татарского отряда – Турай-Темир и Алын (т. X, стр. 160). Первое же разделение Орды (выделение ногайской орды) дает возможность безнаказанного сопротивления татарам. Так, и в 1289 г., когда, при новых смутах в Орде, «умножися татар в Ростове», «вече», изгнавшее их, осталось по-видимому, без ханской кары (там же).

⁹⁴П.С.РЛ., т. XV, стр. 406. Конечно, весьма возможно, что этот мотив столкновения – просто редакционное украшение Тверской летописи; другие своды не дают никакого объяснения, и реальные его причины нам неизвестны. Характерно это первое самостоятельное выступление Твери при молодом 17-летнем князе и твердый тон ее дальнейшей политики. Ниже будут собраны данные о том, что за тверским князем стояла деятельная руководящая боярская группа, а ее значение при первых шагах кн. Михаила Ярославича, который на княжении впервые упоминается в 1286 г. (15-ти лет), тем более вероятно.

⁹⁵Так т. VII, стр. 179 (1287 г.). Никоновская (т. X, стр. 160–168) дает сверх этого (6795 г.) еще поход на Тверь тех же князей (под Кашин с разорением земли и взятием Кснятина), кончившийся также миром без боя (6796 г.), и особый поход на Тверь же князя Дмитрия Ростовского с новгородцами (посадник Андрей), причем новгородцы с тверичами помирились, и кн. Дмитрий ходил еще один под Кашин и там мир взял (6798 г.). О том, что все это один поход см. замечания А.В. Экземплярского (т. 1, стр. 50, прим. 133). Причина путаницы все та же: составитель свода принял разные записи источников за разные факты. Это в данном случае, поясняется тем, что находим в других сводах (П.С.РЛ., т. IV, стр. 44; т. V, стр. 201 – под 1289 г.): «ходи в к. Дмитрий Александрович ко Твери ратью, позва с собою новгородцев, и идоша новгородца с посадником Андреем, ратни же пожгоша волости их, и мир взя князь великий и отъиде. А князь Дмитрий Ростовский нача ведати всю свою отчину и ходи к Кашину ратью». Первая запись – новгородская; вторая – ростовская; в первой отмечено особо участие новгородцев; вторая, сообщив о том, как кн. Дмитрий объединил в своих руках ростовскую отчину, отметила его участие в великокняжеском походе под Кашин. Один поход на тверского князя и у С.М. Соловьева (кн. 1, ст. 880). Ср. А.В. Экземплярского, т. II, стр. 28, прим. 109.

⁹⁶К князю Андрею примкнули ростовские князья – Дмитрий Борисович и его брат Константин, их племянник Михаил Глебович, белозерский князь и тесть Михаила – Федор Ростиславич, князь ярославский, а с 1280 г. и смоленский; князья добывали не только великое княжение для кн. Андрея, но и Переяславль для Федора Ростиславича под кн. Дмитрием, как видно из дальнейшего хода событий. Возможно предположение, что в планах князей, поднявшихся на в. к. Дмитрия, играл свою роль вопрос о Ярославле, который Федор Ростиславич променял на Переяславль (вынужденный затем вернуть его кн. Дмитрию он в 1294 г. снова «в Ярославля на княжении сяде» – т. VII, стр. 181). По старине, Ярославль – часть «ростовской отчины», см. выше, стр. 59 и 64. Известия об этих событиях в летописных сводах сильно спуганы, см. А.В. Экземплярского, т. II, стр. 79–80 и 29, прим. III (у Дмитрия Борисовича не было сына Ивана, а в числе князей, пославших с кн. Андреем в Орду «Иван Дмитриевич Ростовский» может означать зятя

ростовского князя, великокняжеского сына Ивана, если принять тут порчу текста. Но как попал он в число врагов отца? Очевидно, только по редакционному недоразумению, может быть, связанному с указанием первоисточника, что юный князь тоже ездил в ту пору в Орду).

⁹⁷П.С.РЛ., т. VII, стр. 181; т. X, стр. 169–170. Воскресенская летопись сильно сократила источник. Послами от кн. Дмитрия были тверской владыка Андрей и какой-то князь Святослав, который, впрочем, в Новгородской I летописи (стр. 303) не назван князем, а в других, быть может, получил этот титул механически, по «княжому» имени. Если же он князь, то разве из Западной Руси, как и владыка Андрей был из полоцких князей. Кн. Михаил Ярославич был в Орде во время этих событий, но не примкнул к кн. Андрею, а поспешил в Тверь, где и без него организовалось сопротивление татарскому нахождению, о которое оно и разбилось так же, как и планы кн. Андрея.

⁹⁸П.С.РЛ., т. VII, стр. 181. Существенно отметить активную роль «переславцев» как городской общины во всем этом деле; одной этой черты должно быть достаточно для устранения «частноправового», «удельного», «владельческого» понимания судеб Переяславля.

⁹⁹«И малым не бысть межи има кровопролития» (там же).

¹⁰⁰П.С.РЛ., т. VII, стр. 181. К этому моменту, по всей вероятности, относится договор Михаила Ярославича с новгородцами (С.Г.Г. и Д., т. 1, №№ 4 и 5): Михаил, упоминая о союзе с «братом своим старейшим с Данилом» и с Иваном (переславским), вписывает в грамоту крестоцелование Великого Новгорода на том, что новгородцам «потянути» с князем Михаилом, а не «отступиться» его, если «будет тягота ему от Андрея или от татарина»; а затем – докончание о взаимных недоразумениях по частным вопросам. В новгородской грамоте («тверской dokonчальной») вписано крестоцелование князя Михаила на том, чтобы ему «потянути за Новгород с братом его с Данилом и с мужа с новгородци», если «где будет обида Новгороду»; а затем – докончание о новгородско-тверских спорных вопросах. Этот оборонительный союз, единственный в своем роде, скорее всего, подходит к обстоятельствам 1296 г., как излагал и С.М. Соловьев в диссертации «Об отношениях Новгорода к великим князьям» (прим. 246), причем назвал этот договор «оборонительным и наступательным». А.А. Шахматов в «Исследовании о языке новгородских грамот XIII и XIV вв.» указывает, что эти грамоты писаны «до 1301 года», т. е. до съезда в Дмитрове, и датирует их «между 1294–1301 г.» Борзаковский, Ист. Тверского княжества, стр. 90, относит договор также к моменту защиты Переяславля в 1295/96 г.

¹⁰¹Этому съезду предшествовало какое-то столкновение Ивана Дмитриевича с Константином ростовским: «Заратися Иван князе да Константин и смири их владыка Семен» («Лет. по Академ. списку» в изд. Лаврент. летопись, стр. 501).

¹⁰²Лаврентьевская летопись, стр. 462. Никоновская (т. X, стр. 179) поясняют, что съезд был «о княжениях» и что князья помирились «поделившеся вотчиною меж собою». Съезд 1301 г. закреплял соглашение 1296 г., после которого было новое «розмирие»; переславский вопрос должен был занять первое место в той «молве велией», которая по выражению Никоновской летописи, происходила на съезде. Бездетную кончину Ивана Переславского, быть может, уже предвидели; он умер через год не неожиданно, а «урядив» свои дела и отношения. Нам не с чем связать размолвку его с Михаилом Тверским, кроме вопроса о переславском наследстве.

¹⁰³П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 85; Симеоновская летопись: «благослови в свое место Данила Московского в Переяславли княжити» (там же); Никоновская сохранила формулу: «благослови же в себе место», но добавляет: «вотчиною своею Переяславлем» (т. X, стр. 174).

¹⁰⁴Троицкая (там же); «и сяде Данило княжити на Переяславли» (Симеоновская, там же); то же в Лаврентьевской, стр. 462; Новг. IV, П.С.РЛ., т. IV, стр. 252; Никоновская, т. X, стр. 174; Воскресенская упоминает только о посылке наместников (т. VII, стр. 183); Соф. I стоит особняком: «а Переяславль взя за себе великий князь Данило Александрович Московский и наместници свои посла на Переяславль» (т. V., стр. 204).

¹⁰⁵П.С.РЛ., т. VII, стр. 183.

¹⁰⁶Ср. «Княжое право в древней Руси», стр. 90, 142, 154–155.

¹⁰⁷Далеко, в угоду теории, отходит от исторической действительности и подлинных свидетельств источников характеристика данного факта у С.М. Соловьева: «по старине, великий князь должен был распорядиться этой родовой собственностью по общему совету со всеми родичами... Но теперь на севере смотрели на волости, уделы, как на частную собственность, и каждый князь, как частный собственник, отделенный от рода, считал себя вправе завещать свою собственность, кому хотел, и вот Иван Дмитриевич завещает Переяславль, мимо старшего дяди кн. Андрея, младшему – Даниилу Московскому. Легко понять, какое значение это событие имело в то время, когда каждый князь стремился к усилению своего удела на счет других: область княжества Московского увеличивалась целою областью другого княжества». Притом, С.М. Соловьев ясно видел в источниках, что не произошло ни «присоединения» Переяславля к Москве, ни увеличения «области княжества московского», и выразил это в недоуменном примечании «странно, впрочем, что после Переяславль считался не в числе городов московских, но владимирских» («Ист. Рос.» кн. 1, ст. 882). В.О. Ключевский полагал, что кн. Иван «отказал» Переяславль Даниилу и тот «принял наследство», но и Ключевский не ввел Переяславль в состав «удела Калиты» без объяснения, почему «Переяславль не упомянут в грамоте», т. е. в духовной этого князя («Курс русской истории» ч. II, стр. 12 и 15).

¹⁰⁸С.М. Соловьев и здесь, как всюду в изучении «удельного» княжеского владения, пользуется с полным доверием летописными сводами XVI века, которые, однако, уже по-своему осветили факты прошлого. Для переяславского дела: (Воскресенская летопись) кн. Иван «бе чад не имее и даст отчину свою Переяславль князю Данилу Александровичу Московскому, того бо паче всех любяше» (т. VII, стр. 183); Никоновская (т. X, стр. 174), сохраняя в общем текст первоисточника полнее и точнее, однако, пишет: «благослови же в себе место вотчиною своею Переяславлем в. к. Даниила Александровича Московского; оставалось лишь пренебречь выражением «в себе место», которое сохраняло след иного политического порядка, чтобы получить представление о «завещании» вотчинной собственности («удела»)...

¹⁰⁹Гак, например, в 1292 г. «молодцы новгородские» ходили с княжескими воеводами воевать землю Еми, Новг. I, стр. 302.

¹¹⁰В 1293 г. и 1295 г. шведы ставят город на карельской земле; в 1300 г. ставят укрепления (призвав «нарочитых» мастеров своей земли и из Рима) над Невой в Охтенском устье («Венец земли» – Ландскрона) – Новг. I, стр. 302 и 307.

¹¹¹Ладожане бьются с немцами (шведами) на Неве в 1383 г.; посадник с новгородцами и ладожанами отражает попытку шведов захватить Карелию в 1284 г.; 1285 г. – литовской набег на новгородскую волость; в 1294 г. новгородцы разрушают немецкий городок на р. Нарове, а в след. году – шведский городок в Карелии; 1297 г. сами строят крепость Копорье; приходилось усиливать укрепления Великого Новгорода («город камен» 1302 г.), – Новг. I, стр. 300–308.

¹¹²В 1293 г. – Новг. I, стр. 303.

¹¹⁴Поход в. к. Андрея «с полки низовскими» и новгородцами, окончившийся Ландскроны в 1301 г. – Новг. I, стр. 307–308.

¹¹⁴Соловьев, «Ист. Рос.», кн. 1, стр. 881 (примечание). Можно не сомневаться, что у этих князей в их «отчинных» городах были свои дворы и «вся жизнь», по старому киевскому выражению. Но тогда надо добавить к примечанию С.М. Соловьева: как Александр Невский «жил» в Переяславле, Андрей Юрьевич в Боголюбове, Владимир Мономах – на Берестове и т.д. Представление о князьях XIII в., хотя бы и «великих», как об «удельных», в значительной мере навечно терминологией летописных сводов XVI в. особенно Никоновской летописи с ее выдержанным генеалогическим интересом эпохи составления «Государева Родословца».

¹¹⁵Настает время в истории Великого Новгорода, когда князья по отношению к нему попадают все чаще в положение «наемных защитников земли», даже «великие», а тем более мелкие князья – великорусские и литовско-русские, каких Новгород, иногда, держит у себя, давая им «в кормление» часть «волостей новгородских»; однако формально это «кормление» еще в начале XIV в. зависит от княжеской власти: см. грамоту Великого Новгорода в. к. Михаилу Ярославичу 1300 г.: «князь великий Андрей и весь Новгород дали Федору Михайловичу город стольный Плесков и он ед хлеб... тобе, княже, не крѣмити его» новгородским хлебом» (С. Г. Г. и Д., № 11).

¹¹⁶Ср. выше стр. 65. Текст в Лаврентьевской летописи под 6755/1247 г. стр. 448.

¹¹⁷«История России», кн. 1, ст. 837.

¹¹⁸С.М. Соловьев для северной Руси признал признаком этого «отдельного, выделенного владения» – «понятие собственности, неотъемлемости, отдельности владения, переходящего из рода в род по воле князя-владельца», отождествил его с «опричниной» («опричнина употребляется иногда в смысле удела, который принадлежит князю в полную собственность») и полагал, что «удельное» возникает, когда «понятия собственности, наследственности владения начали господствовать над понятиями семейными». На самом деле – термин «удел» означает одно из характерных проявлений господства «понятий семейных» над личного владения «опричниной», с ними живет и исчезает, а «опричное» владение, в котором преобладающей чертой было «понятие собственности, переходящей по воле владельца» (из рода в род – непонятная для меня формула Соловьева) никогда не играло роли в политическом быту северной Руси. А причина того историографического явления, на первый взгляд непонятного, что глубокий знаток источников и вдумчивый их исследователь мог допустить в своих построениях и определениях такое смешение разнородных понятий и терминов, в том, что для него авторитет «первоисточника» при изучении «удельной» Руси принадлежал летописным сводам XVI века, особенно Никоновской летописи (и даже, хотя и с оговорками, ее переработке в труде В.Н. Татищева), а в их изложении уже утрачено понимание отношений и норм «княжого права» XIII и XIV веков.

¹¹⁹См. выше, стр. 59.

¹²⁰Ср. такое же понимание наследственности уделов в духовной грамоте московского князя Симеона Ивановича (С.Г.Г. и Д., т. 1, № 24) – на основании его договора с братьями (там же, № 23).

¹²¹См. выше, стр. 64. Сыновья Федора – от второго брака с татарской царевной, в крещении Анной, Давид и Константин.

¹²²К этому времени относится женитьба его сына Михаила на дочери князя Федора Ростиславича, княжившего в Ярославле на столе, который был ранее уделом ростовской отчины Константиновичей.

¹²⁴Кн. Борис умер в сентябре 1277 г., Глеб в декабре 1278 г. (П.С.РЛ., т. VII, стр. 173–174).

¹²⁴П.С.РЛ., т. X, стр. 156. Весьма вероятно, что Никоновская не почерпнула этого сведения из своих источников, а приняла его по соображению, что так должно было быть. Сама редакция этих строк летописного свода искусственна: за записью о кончине князя Глеба Ростовского и похвалой ему следует: «сего сынове: Михаило, и сяде по нем в вотчине его на Белоозере; а в Ростове по Глебе Василькович седоста братаничи ею, князь Дмитрей Борисович, внук Васильков, да брат его Константин Борисович»; тогда как, напр., в Воскресенской: «Тое же зимы в Филипово говение преставися князь Глеб Василькович декабря 13, и положиша его в соборной церкви святыя Богородицы в Ростове и по нем седоста два князя в Ростове Дмитрий и Константин, Борисовы дети Васильковича».

¹²⁵Стоит ли за этим столкновением князей двоюродных братьев странная история поругания памяти кн. Глеба ростовским епископом Игнатием – не знаем. Игнатий осудил князя Глеба на 9 день по его кончине, ночью «изринул» его тело из соборного храма и велел погresti в Княгинин монастырь. Такое дело не могло совершиться без ведома владетельного князя, т. е. Дмитрия Борисовича, а смысл «осуждения», состоявшего не в лишении погребения, а в удалении гроба из соборной церкви, скорее политический, чем церковный: естественно предположить, что епископ Игнатий был только орудием ростовского отчича, князя Дмитрия; если такое предположение допустимо, то мотив Дмитрия мог состоять в отрицании прав дяди на Ростовское княжение и попытке пресечь возможность «отчинных» притязаний на долю (удел) в Ростовском княжении Михаила Глебовича; см. П.С.РЛ., т. VII, стр. 174. Митрополит Кирилл отлучил еп. Игнатия за его деяние, так как признал его «не право творящим, не по правилам»; но князь Дмитрий «доби за него челом митрополиту», и тот простил Игнатия. Этим, очевидно, подчеркивается солидарность князя с епископом, оскорбившим прах его дяди. Никоновская летопись пытается придать поступку еп. Игнатия характер церковной кары, изменяя слова: «повело его погresti у Спаса в Княгинине монастыре», которые явно означают погребение церковное (у Спаса), на – «повеле просто закопати его в земле в Княгинине монастыре святого Спаса» (т. X, стр. 157).

¹²⁶П.С.РЛ., т. VII, стр. 175. «Братья», которых опасался кн. Дмитрий, очевидно, Константин Борисович и Михаил Глебович. К сожалению, не знаем, где пребывал этот последний; дальнейшее показывает, что не на Белоозере.

¹²⁷На Углич ростовские князья могли предъявить притязание, как на часть старой «ростовской отчины», но получить его могли, конечно, лишь по соглашению с великим князем. А для этого выпал удачный момент. в. к. Дмитрий Александрович только что одолел брата Андрея и нуждался в закреплении своей силы. Дмитрий Борисович укрепил союз свой с великим князем, выдав дочь за его сына Ивана.

¹²⁸П.С.РЛ., т. VII, стр. 179; то же в «Летописи по Академическому списку» (Лаврентьевская летопись, стр. 498–499) и в Софийской (П.С.РЛ., т. V, стр. 201). Никоновская со своей общей точки зрения на междукняжеские отношения не могла примириться с таким порядком и внесла в текст мотивированную поправку: «старейший брат князь Дмитрий Борисович сяде в Ростове, а меншой его брат князь Константин Борисович сяде на Угличе поле» и добавила: «а брат их из двуродных князь Михаил Глебович, внук Васильков, сяде на Белоозере» (т. X, стр. 166). Архангелогородский летописец (изд. 1819 г., стр. 72–73): «В лето 6794 князи Ростовстии, князь Дмитрей да

князе Константин Борисовичи, разделиша себе вотчину свою и паде жребий большему князю Дмитрию Угличе поле да Белоозеро, а меньшему брату князю Константину Ростов да Устюг».

¹²⁹П.С.РЛ., т. VII, стр. 179 («Князь Дмитрий Борисович сяде в Ростове; умножи же ся тогда татар в Ростове, и гражане створше вече и изгнаша их, а имение их разграбиша; князь Костантин Борисович иде в Орду» – под 6797 – 1288/89 г.); т. IV, стр. 44; т. V, стр. 201 («а князь Дмитрий ростовский нача ведати всю свою отчину» – под тем же годом). О спутанности изложения и хронологии событий этих лет в наших летописных сводах см. выше, стр. 86. Ростовский источник последний из упомянутых записей связал, по существу правильно, восстановление власти кн. Дмитрия в Ростовской отчине с его участием в военных действиях великого князя, но сбил и хронологию и порядок событий, отнеся поход под Кашин не только к 6797 г., но и ко времени после занятия им Ростова.

¹³⁰В 1288/89 г. кн. Константин ездил в Орду, вероятнее – по поводу избияния в Ростове татар, чем искать управы на брата; по Никоновской ездили в Орду оба ростовских князя (ср. П.С.РЛ., т. VII, стр. 179 и т. X, стр. 168). Кн. Константин упомянут в числе князей, действовавших с Андреем Александровичем против в. к. Дмитрия в 1281 г. (П.С.РЛ., т. VII, стр. 175), тогда как нет указаний на такое же участие его брата Дмитрия; быть может, это объясняет поддержку Дмитрия Борисовича в. к. Дмитрием и их сближение после временной уступки Ростова Константину.

¹³¹Спорные вопросы генеалогии этих князей удачно выяснены А.В. Экземплярским (т. II, стр. 394–398). Судьбы Городца и Нижнего Новгорода определены позднее – в связи с историей Владимирского великого княжения.

¹³²«Летопись по списку монаха Лаврентия», стр. 450; П.С.РЛ., т. X, стр. 155 (кн. Давыд Константинович Галицкий и Дмитровский), т. VII, стр. 174 и т. X, стр. 157 (то же); т. X, стр. 156: кн. Давыд назван зятем ярославского князя Федора Ростиславича; о рождении в 1310 г. у галицкого князя Василия Константиновича сына Федора – в Новг. IV-2, стр. 253; Соф. I – т. V, стр. 205; Воскр. – т. VII, стр. 185; Ник. – т. X, стр. 178. Ср. Экземплярского, т. II, стр. 209–210.

¹³³О них см. выше – стр. 52, примечание, и Экземплярского, т. II, стр. 179–180.

¹³⁴П.С.РЛ., т. VII, стр. 168 и 206. Ивана Ярославича, кн. юрьевского, Экземплярский (т. II, стр. 259–260) считает внуком кн. Дмитрия Святославича, восстанавливая между ними – вполне предположительно – юрьевского князя Ярослава Дмитриевича.

¹³⁵И столкновение кн. Ивана переяславского с кн. Константином ростовским, о котором имеем лишь неясное упоминание в «Лет. по Академ. Списку» под 1301 г.

¹³⁶В.О. Ключевский говорит о «мелких верхне-волжских уделах XIII и XIV вв.»; а «историческое происхождение удельного порядка княжеского владения, установившегося на верхне-волжском Севере с XIII века», объясняет тем, что 1) «при содействии физических особенностей верхне-волжской Руси колонизация выводила здесь мелкие речные округа, уединенные друг от друга, которые и служили основанием политического деления страны, т.е. удельного ее дробления» и 2) что «под влиянием колонизации страны первый князь удела привыкал видеть в своем владении не готовое общество, достаточно устроенное, а пустыню, которую он заселял и устраивал в общество». Типична для «удельного периода» фигура князя – собственника и колонизатора: «понятие о князе, как личном собственнике удела, было юридическим следствием значения князя, как заселителя и устроителя своего удела» («Курс русской истории», т. 1, стр. 431, заключение XIX лекции). История верхневолжской Руси XIII в. не знает таких князей. Мелкими «удельны-

ми» князьями, которые замкнулись в управлении своими «удельными» вотчинами, можно назвать разве суздальских – после Юрия Андреевича, да галицких; но и те не были «собственниками» своих вотчин, ни князьями на стольных княжениях, ни «заселителями и устроителями своих уделов» из «пустыни» – «в общество». Даже князьями – колонизаторами и хозяйственными устроителями своих владений можем их считать разве потому, что ровно ничего не знаем об их деятельности. «Мелкие речные округа» колонизованы и «устроились» не князьями, а боярами и монастырями, к деятельности которых, притом не только землевладельческой, постепенно примкнуло позднейшее княжье, размножившееся и измельчавшее.

¹⁵⁷Напомню, что переход Переяславля во власть московского князя отнюдь не «примысел» московский, а приобретение им стола переяславского княжения.

¹⁵⁸«Преобладание понятия о собственности, отдельности владения» не только не объясняет всей этой борьбы князей, но сделало бы ее невозможной в тех формах, в каких она протекала.

¹⁵⁹«Великие и удельные князья северной Руси», т. II, стр. 567. Объяснение А.В. Экземплярского, почему он называет Муром «уделом рязанским» (там же, стр. 609), пример того, насколько не выяснено понятие «удела». Автор говорит об «уделах» Муромо-Рязанской земли, разбитой с 60-х годов XII в. на две обособленных вотчины, между которыми органической связи уже нет.

¹⁶⁰Разоряют муромскую землю татары – союзники кн. Андрея Александровича, разоряют рязанскую и муромскую земли ордынские князьки. П.С.РЛ., т. VII, стр. 175 («Муром пуст сотвориша»); т. X, стр. 167 (Рязань, Муром, Мордва повосваны татарами).

Глава II. Борьба Твери и Москвы за великое княжение «всей Руси»

¹Подобно В.И. Сергеевичу (см. выше, стр. 15–17), не думаю навязывать боярам XIV в. «дальновидные политические планы» вроде сознательного стремления к образованию «большого нераздельного государства», но столь же методологически – наивным считаю сводить их предполагаемые мотивы к погоне за «богатыми кормлениями». Правильное замечание Сергеевича об очевидных «невыгодах многокняжия» с постоянной «борьбой князей» подтверждается широким значением этой темы во всей русской письменности с «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве», что, однако, не ведет еще к мысли о коренной перестройке политического строя, но питает тенденцию к усилению великокняжеской власти (идеализация таких князей, как Владимир Мономах, Александр Невский). И боярством, и церковной иерархией руководили как реальные интересы, наиболее им близкие, так и «благо земли», т.е. такой уклад быта и строя, который обеспечивал бы все реальные интересы, считавшиеся законными в данной среде.

²По Воскресенской 27 июля, по Никоновской 23 июня (П.С.РЛ., т. VII, стр. 184 и т. X, стр. 175). «И везше положиша его на Городце в церкви св. Михаила Архангела» (Ник.); «и положен бысть на Городце, а бояре его отъехали в Тверь» (Воскр.). Речь идет явно не о «городецких» боярах, а о боярах великокняжеских, и в этом смысле – владимирских. У нас нет основания

строить какое-либо представление об «удельном» городецком боярстве кн. Андрея Александровича.

⁴«Убиение великого князя Михаила Ярославича Тверского от безбожного царя Азбяка», Великие Минеи Четии, ноябре, тетрадь III (по изд. Археогр. Комиссии), под 22 ноября (ст. 3092); о редакциях этого сказания см. у Ключевского, «Древнерусские жития святых, как исторический источник», стр. 71, и у Н. Серебрянского «Древнерусские княжеские жития», стр. 250–257.

⁵Летописные своды (П.С.РЛ., т. V, стр. 207 и т. VII, стр. 188; или использованная ими редакция сказания об убиении в. к. Михаила) дают две мотивировки притязания Михаила Ярославича на стол великого княжения: благословение его на этот стол в. к. Андреем и старейшинство Михаила, соединяя их в одну формулу: «и благослови его на свой стол на великое княжение, сего христолюбивого князя Михаила, ему же по старейшинству дошел быше степень княжения великого». Тут имеем соединение двух текстов, двух мотивов. В Великих Минеях текст сказания не упоминает о благословении, а говорит лишь о том, как по смерти в. к. Андрея «доиде степени по старейшинству великого княжества Володимерьского сему блаженному великому князю Михаилу Ярославичу». Эти строки, по верному наблюдению Н.И. Серебрянского, «слабо объединены» с дальнейшим рассказом и едва ли входили в состав «первоначальной повести о святом» (указ, соч., стр. 250); ими, надо полагать, заменено начало первичной редакции, где не было мотива «старейшинства», а был мотив «благословения».

⁶Сказание об убиении в. к. Михаила Ярославича передает, что митр. Максим удерживал Юрия от соперничества с Михаилом («со многою молбою браня ше ему ити во орду») и предлагая ему какое-то соглашение, ручаясь от своего имени и от имени Михайловой матери, кн. Ксении, что Михаил даст ему «изо отчины вашеа» (Александровичей Невскаго), что он «восхощет» (Великия Минеи, ст. 3093); и будто Юрий обязался не искать у хана великого княжения: тому противоречит боярская попытка захватить Юрия, чем соглашение было бы нарушено.

⁷Соф. I (П.С.РЛ., т. V, стр. 204) отмечает только «много замятни в Суздальской земли и во всех градех». Воскресенская (т. VII, стр. 184) сообщает о попытке перехватить кн. Юрия в Суздале, «хотяще яти его»; но он «со своею братьею пройде в орду иным путем». Никоновская (т. X, стр. 175) заменила Суздаль Костромой, что плохо согласовано в ее тексте с посылкой на Кострому кн. Бориса и его пленением (выходит, что, захватив кн. Бориса, бояре тут же, в Костроме, подстерегали и Юрия).

⁸П.С.РЛ., т. VII, стр. 184: «бысть вече на Костроме, на бояр, на Давида Явидовича, да на Жеребца и на иных, тогда же Зерна убиша и Александра».

⁹Там же: «а в Новгород Великий тверичи силою послаша наместников княжих Михайловых, новгородци же их не прияша, но идоша на Торжок новгородци города блюсти; и совокупиша всю землю, и ссылашася послы межи собою, и мира dokonчаша до приезда князей». Без «ряда» с князем новгородцы не могли принять его наместников: это было бы их водворение «силою», а заключение такого ряда было для них невозможно, пока не разрешен спор о великом княжении.

¹⁰Так в Воскресенской (П.С.РЛ., т. VII, стр. 184). Часть текстов (т. IV-2, стр. 253; т. V, стр. 204; т. X, стр. 176) называет тут кн. Михаила Андреевича, но сп. Царского Соф. I заметил эту ошибку и исправил ее (т. V, стр. 204). В Нижнем произошло то же, что в Костроме; бояре в. к. Андрея, владевшего Городцом и Нижним Новгородом, сделали попытку удержать их за Михаилом Ярославичем, как великим князем. Через несколько лет в. к. Михаил повторит попытку овладеть Нижним Новгородом. В Никоновской летописи (т. X, стр. 176) сохранилось указание, что в Нижнем избиты бояре «Андрее-

вы Александровича». Как тут, так и в Воскресенской сама редакция известия показывает, что «избиение вечников» князем произошло на обратном пути его из Орды: «прииде из Орды в Нижний Новгород и изби всех вечников» и «пришед же... из Орды...». Оба свода приводят это событие под 6813 г.: Михаил Ярославич поехал в Орду по смерти в. к. Андрея (ум. летом 6812/1304 г.), а вернулся и посажен на великом княжении до кончины митр. Максима (ум. в декабре 6813/1304 г.).

¹⁰П.С.РЛ., т. VII, стр. 184: «князь Иван Данилович пришел в Переяславль сяде на княжение». Этот текст, смутивший В.И. Сергеевича («Др. Рус. Права», т. I, стр. 54–55), несомненный плод редакционного недоразумения. Воскресенская летопись сильно сократила тот же источник, из которого Никоновская (т. X, стр. 175) взяла заглавие «Повести об убиении Акинфове, боярине тверском» и строки: «а князь Иван Данилович после брата своего Юрия сядше на Москве, таже с Москвы иде в Переяславль и сяде в нем на великом княжении». Этот источник, отнесший все переяславское дело ко времени по смерти Юрия – та повесть об Акинфе, которую несколько полнее сохранили так наз. «Ростовская летопись» (ср. у Карамзина, Ист. Гос. Рос., т. IV, стр. 324; рукопись Моск. Арх. Мин. Ин. Дел, Библиотеки Архива № 20/25, лист 310) и Рогожский летописец (рукопись Библиотеки того же Архива № 351/800, лист 183: «О выезде боярине Иродионе»). Эта повесть, составленная в эпоху местнических счетов, сообщает, что Акинф, бывший прежде боярином в. к. Андрея Александровича, перешел с другими великокняжескими боярами в Москву, но затем отъехал к кн. Михаилу Ярославичу из-за «заезда», какой испытал, когда из Киева прибыл боярин Родион Нестерович. Это сказание, вероятно, было известно составителю Никоновской летописи, который сохранил из него заглавие (мало подходящее к краткому тексту) и указание на то, что Акинф был ранее боярином в. к. Андрея (чего нет напр. в Воскресенской), а остальное – отбросил. Переход Акинфа с другими боярами в Москву явно противоречит определенным сообщениям летописей; источником тут могла быть родословная запись о потомстве Акинфа, которое служило, начиная с его сына Федора, московским князьям. На всем рассказе лежит и печать местнического спора потомков Родиона Нестеровича (Квашниных) и Акинфовичей (Челядниных): «Квашнины, потомки Родионовых, описывают оное (происшествие) в своей челобитной, поданной ими в 1576 г. царю Иоанну Васильевичу, говоря, что Акинф бежал от Калиты к кн. Михаилу Ярославичу Тверскому» (Карамзин т. IV, прим. 324), полагая, что несмотря на анахронизмы «главное происшествие вероятно».

¹¹Летописное сказание об убиении кн. Михаила Ярославича содержит указание, что спор князей о великом княжении велся на повышении татарского «выхода» (князья татарские говорили кн. Юрию: «оже ты даси выход больши князя Михаила Тверьского, мы тебе великое княжение дадим» – П.С.РЛ., т. V, стр. 207; т. VII, стр. 189), так что следствием княжеской «при великой» была «тягота велика в Русской земли». В суде над кн. Михаилом играло роль обвинения, что он не выполнил обязательств («царевы дани не давал еси»), причем характерны его ссылка в оправдание на то, сколько он дал «сокровищ» хану и ордынским князьям и сцена его унижения Кавгадыем перед его ордынскими займодавцами (т. V, стр. 211–212; т. VII, стр. 192–194).

¹²«Прииде благоверный князь Михаил на Русь и посажен бысть на столе великого княжения в Володимери блаженным и приснопамятным митрополитом Киевским и всея Руси Максимом (П.С.РЛ., т. V, стр. 208; т. VII, стр. 189). Воскресенская летопись относит возвращение кн. Михаила на Русь к концу 6812 г., Соф. 1 и Никоновская к началу 6813 г. – осень 1304 г.

¹³Фактические итоги первого периода борьбы Твери и Москвы во многом не ясны. В ближайшие годы Михаилу пришлось с большим трудом устанав-

ливать свои отношения с Великим Новгородом; Переяславль остался в московских руках. Но не знаем ни того, что собственно произошло в Костроме и в Нижнем Новгороде, каковы были причины и действующие силы возникших там смут, ни того, какова была ближайшая судьба этих городов. Связь костромского движения с московской борьбой против кн. Михаила устанавливается посылкой на Кострому князя Бориса Даниловича; нижегородского – походом Михаила Ярославича в 1311 году «на Нижний Новгород и на князя Юрья», как читаем в одних летописях, «на Нижний Новгород на князя Юрья», как выражаются другие. «Избиение вечников» Михаилом Ярославичем не утвердило его власти в Нижнем Новгороде; в чьих руках была Кострома после упомянутых событий – не знаем, но утверждение власти Михаила в этом городе – сомнительно.

¹⁴А.А. Шахматов, *Общерусские летописные своды XIV и XV веков. Глава III («Ж.М.Н.П.»*, 1900 г., кн. 11).

¹⁵«Всего вероятнее, что он оканчивался тем самым известием 1305 г., которым замыкалась Лаврентьевская летопись, ибо как понять иначе то обстоятельство, что Лаврентий, писавший в 1377 г., довел свой труд только до 1305 г.» (там же, стр. 150); на 1305 г. обрывался основной источник составителя «Лаврентьевского» свода, который он дополнял по другим материалам. К этому основному источнику А.А. Шахматов относит все то общее, что есть в Лаврентьевской летописи с так наз. Новгородской I, составитель которой использовал его, дополняя и редактируя свой свод также и по иным материалам. Последнее известие Лаврентьевской летописи: «в лето 6813, индикта 2, месяца июня в 23, на память св. мученицы Агрепины, в день во вторник». А.Ф. Бычков в примечании к изданию Лавр. лет. указал: 1) что в 6813 году индикт был 3-й, а 2-й – в 6812 г.; 2) что 23 июня приходилось на среду в 6313 г., а на вторник в 6812 г. Пожар церкви св. Федора во Владимире, о котором сообщает под этой последней своей датой Лаврентьевская летопись, отмечен в Воскресенской летописи под 23 июля 6812 (1304) года-П.С.Р.Л., т. VII, стр. 184.

¹⁶Ср. мои статьи: «Древнерусское летописание» и «Летописное дело в XIV–XVI вв.» в «Истории русской литературы до XIX в.», изд. под ред. А.Е. Грузинского, т. 1, гл. VIII и XII.

¹⁷В статье «Летописное дело в XIV–XVI вв.» я принял это предположение А.А. Шахматова. Тут предлагаю некоторую поправку к толкованию наблюдений А.А. Шахматова.

¹⁸О конце Лаврентьевской летописи (т. е. ее «общерусского» источника) – 23 июня 1304 г., т. е. ранее кончины митр. Максима (ум. в декабре 1304 г.), см. выше примечание № 13 к главе II.

¹⁹Начало «оправила митр. Максима»: «Благословение Максима, митрополита всея Руси» («Р.И.Б.», т. VI, № 13); ср. «Правило Кирила, митрополита русьского» – там же, № 6.

²⁰Соборное определение патриарха Антония о низложении митр. Пимена и восстановлении Киприана 1389 г. («Р.И.Б.» т. VI, приложения, № 33).

²¹М.А. Дьяконов, «Кто был первый великий князь «всея Руси»? – «Библиограф», 1889 г., № 1; «Послание Нифонта, патриарха Константинограда, к великому князю Михаилу всея Руси» («Р.И.Б.», т. VII, № 16). Тут же послание тверского инок Акиндина «великому князю Михаилу и честному самодержцю руского на столования».

²²Ср. Н.Д. Чечулива, *Начало в России переписей и ход их до конца XVI в.* («Библиограф», 1889, № 2). 1273 (6781) – Новг. IV (П.С.Р.Л., т. IV-2, стр. 243); Никоновская (т. X, стр. 152) под 6783 (1275).

²³См. замечания В.С. Борзаковского (Ист. Тверского княжества, стр. 18–19) и их оценку у А.В. Экземплярского (указ. соч., т. II, стр. 445). Грамота кн. Всс-12*

волода Мстиславича определяет пошлины «с тверского гостя и с новгородского и с бежицкого» (Д. к А. И., т. 1, № 3); слова «с тверского гостя» вызывали много сомнений: но они могли бы быть скорее выпущены в позднейших списках – редакциях, как не соответствующие памятной действительности, чем добавлены. В 1181 г. новгородская к черниговская рать сошлись для похода на Всеволода Юрьевича «усть Твери» (П.С.РЛ., т. III, стр. 17: «устье Твери»; т. IV, стр. 170 и т. V, стр. 167: «усть Тфери»).

²⁴Под 1216 г.: кн. Ярослав Всеволодович занял Торжок и замкнул сообщения новгородцев с низовской землей, мужи его «учиниша твердь, пути от Новгорода засекоша и реку Тферцу» (П.С.РЛ., т. VII, стр. 120), или: «собравше Тверич и пути от Новгорода засекоша и реку Тверцу» (т. X, стр. 169).

²⁵Подобно Пскову, Тверь рано завязала связи с Литвой. Второй тверской епископ Андрей был сыном литовского князя Гердения, соучастника (с Довмонтом) в убийстве Миндовга (П. С. Р. Л, т. VII, стр. 165).

²⁶В наших летописях нет известия о смерти старшего Ярославича – Святослава и вокняжении Михаила: последнее упоминание о Святославе под 1282 г., первое о Михаиле под 1285 г.

²⁷Причины его не указаны в наших источниках, только Тверская летопись поясняет общо и риторично, что Михаил «не восхот поклонитися» великому князю.

²⁸«Татарове же поймавше прежереченныя грады [14 городов] и восхотеша ийти на Тверь; бысть же печаль велика Тверичем, не бяше бо у них князя, тогда бо князь Михаил в Орде бысть; они же целоваша межи себе крест и седоша во осаде, укрепившиися на том, яко битися с Татары, а не предатися; бе бо множество людей збеглося во Твери изо иных княжений перед ратью. В то же время и князь их прииде из Орды, и сретоша его со кресты и бысть радость велика Тверичем. Татарове же, слышавше пришедша князя Михаила, и не поидоша ко Твери» П.С.РЛ., т. VII, стр. 180.

²⁹М.К. Любавский, Возвышение Москвы, – статья в 1 т. издания: «Москва в ее прошлом и настоящем». М.К. Любавский устанавливает, что «в XII и большей части XIII века население Суздальской земли группировалось преимущественно в средней ее части и восточной, а западная окраина ее, территория позднейших княжеств Московского и Тверского, была слабо заселена», и собирает данные, указывающие на заметный рост населения этих территорий к исходу XIII и в начале XIV вв.

³⁰«Библиограф», 1890 г., кн. 5–6. Перепечатана в «Статьях по русской истории».

³¹«до половины XIII в. (даже и позже)».

³²Пути на Новгород, откуда в к. Всеволод Юрьевич вызвал в 1207 г. сына Константина с войском в Москву, как сборный пункт его рати для похода на Чернигов, С.Ф. Платонов не поминает особо, изучая «начало Москвы»; но для выяснения позднейшей ее роли существенно сопоставить его наблюдения с легким доступом из Москвы путей к Новгороду и Твери.

³³Что бы ни говорили те же историко-географические наблюдения о выгодах положения Москвы для развития ее торгового значения, они не могут, сами по себе, «вести к заключению от возможности, даже удобства – к действительности в любую (в данном случае – древнейшую) пору. «Если вдуматься в известия летописей о Москве до половины XIII века (даже и позже), то ясна становится не торговая, а погранично-военная роль Москвы», – замечает С.Ф. Платонов и заключает свой этюд так: «Следуя по летописям за первыми судьбами Москвы, мы прежде всего встречаем ее имя в рассказах о военных событиях эпохи. Москва – пункт, в котором встречаются друзья и отражают врагов, идущих с юга. Москва – пункт, на который прежде всего нападают враги Суздальско-Владимирских князей. Москва, наконец, – ис-

ходный пункт военных операций Суздальско-Владимирского князя, сборное место его войск в действиях против юга... цель обороны с юга преследовалась, вероятно, и построением города Москвы».

⁴⁴Для С.М. Соловьева соперничество Москвы с Тверью объяснимо тем, что «место родовых счетов между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрий Московский был также силен, если еще не сильнее Михаила Тверского, и потому считал себя в праве быть ему соперником» («Ист. Рос.», кн. 1, ст. 901); даже с точки зрения «теории родового быта», быть может, не следовало бы столь индивидуалистически понимать «родовые счета», игнорируя вопрос о старшинстве целых «линий». В.О. Ключевский развивает Соловьевское объяснение в том смысле, «что московский князь не мог питать надежды дожить до старшинства и по очереди занять старший великокняжеский стол» и потому «чувствовал себя бесправным, точнее обездоленным среди родичей» и выработал себе «своеобразную политику», не стеснявшуюся «политическими преданиями и приличиями» («Курс русской истории», ч. II, стр. 11).

⁴⁵Ср. выше, о борьбе за отцовское наследие сыновей в к. Ярослава Всеволодовича; об отношении «отчинной» традиции к Новгороду и Владимирскому великому княжению; о том же говорит вся биография кн. Дмитрия Александровича, напр., его новгородская деятельность при великом княжении дяди Ярослава. Усобицы между братьями Александровичами не упраздняют притязаний каждого из них на следование по отчим стопам с устранением братьев, хотя бы и старших. Сказание об убиении в к. Михаила Ярославича (Великия Минеи, ноябрь, ст. 3093 и П.С.РЛ, т. VII, стр. 189) сохранило любопытный намек на неудовлетворенные «отчинные» притязания московских князей. Тут повествуется о переговорах, какие ведет митр. Максим с кн. Юрием, чтобы отклонить его от соперничества с Михаилом Ярославичем из-за великого княжения: «аз имаюся тебе, говорил ему митрополит, с великою княгинею Оксиньею, материю великого князя Михаила, чего восхощешь изо отчины вашей, то ти дасть». Это литературно обработанное известие содержит ценное реальное указание, что Даниловичи выдвигали притязания на свою «отчину», но что это могло быть, как не «дедина» по Александре Невском, раз отчина по Даниле и так была в их руках? Захват Юрием Костромы можно признать некоторым конкретным указанием на притязания Даниловичей.

⁴⁶О первоначальной истории Москвы знаем чрезвычайно мало. И.Е. Забелин нашел в кратких старейших упоминаниях о ней исходный пункт для наброска широкими и сочными мазками кисти археолога-художника ее облика, как типичной княжеской вотчины. Первое из них говорит о том, как в 1147 г. кн. Юрий Долгорукий звал к себе на «Москов» (так в Ипатьевской летописи, изд. 2-е, стр. 339) черниговских князей, чествовал их тут «обедом сильным» и «дарами многими». Известия 1176 и 1177 гг. (та же летопись) сохранили название Москвы Куцковом или Кучковым (с чем связано предание о селе боярина Кучка, отнятом у него кн. Юрием) и рассказ о том, как Глеб рязанский, придя на Москву, сжег «город весь и села». Эти намеки слагаются у Забелина в яркое представление о «княжеском хозяйственном селе» с угодьями для хлебопашества, огородничества и садоводства, исполненном «всеми надобными запасами», а затем – о вотчинном городе, который окружен рядом деревень и слобод, обслуживавших хозяйство князя-вотчинника. Известия Тверской летописи под 1156 г. (весьма ненадежное – см. о нем в упомянутой статье С.Ф. Платонова; что до даты, то С.Ф. Платонов не обратил внимания на общее свойство этой летописи: она вообще спешит в своей хронологии) приписывает закладку «города» Москвы Юрию Долгорукому; во всяком случае с 70-х гг. XII в. имеем определен-

ные известия о московском огороде». Когда же стала Москва «стольным» городом? Владимир Всеволодич в 1212 г. «затворися в Москве» во время усобицы, а по заключении мира был «выведенъ» из нее в. к. Юрием и послан на княжение в южный Переяславль: это отнюдь не свидетельство о том, чтобы Владимир княжил в Москве. Михаил Хоробрит связан с Москвой только тем, что два летописных свода – Новгородская IV и Тверская летописи, сообща о его смерти называют его «московским», что другими летописями не подтверждается. А в 1282\83 г. выступает в усобице старших Александровичей их брат Даниил «с Москвичи». Когда и как стал он владеть Москвой – не знаем. В.О. Ключевский прав, изображая Даниила «обездоленным среди родичей», но не потому, чтобы московский князь «не мог питать надежды» на великое княжение «по очереди», а потому, что владел он только Москвой, которая не была «стольным» городом, но лишь «волостью» великого княжения без политического прошлого. Если принять весьма вероятное предположение А.В. Экземплярского, т. II, стр. 273, что Даниил, оставшийся после отца малым ребенком (род. 1261 г.), получил Москву от брата Дмитрия, то понятна его упорная вражда к старшим братьям.

¹⁷П.С.РЛ., т. VII, стр. 184. Лаврентьевская летопись говорит о захвате князя Константина «некакою хитростью» (стр. 462). Никоновская (т. X, стр. 173), повторив тот же текст, дает пояснение этого намека: «крамолюю их же бояр Рязанских» и приписывает кн. Даниилу самые благие намерения: «приведе его с собою в Москву и дрѣжа его у себя в нятъи, но в бережении и в чести всяцей, хотяше бо ся с нии укрепити крестным целованием и отпустити его в его отчину на великое княжение Рязанское». Книжник-редактор недостаточно согласовал это освещение дела со своей же редакцией известия об убиении кн. Константина, где о его пленении сказано: «его же поймал хитростью некоего на бою» кн. Даниил (т. X, стр. 176). Все это – черты редакционной работы, а не показание источника, как и устранение татар из Переяславского боя: «одоле и много бояр и людсей избил» (в Никон.) см.: «одоле князь Данило и много татар изби» (Воскр.).

¹⁸Летописные тексты не упоминают о захвате Коломны, но затем – его владеет Иван Калита. Д.И. Иловайский («Ист. Рязанского княжества», стр. 91) предполагает, что захват Коломны был целью похода кн. Даниила на Рязань. С.М. Соловьев («Ист. Рос.», кн. 1, ст. 884 и 903), не приписывая захвата Коломны кн. Даниилу, говорит, что Юрий ее «удержал». Карамзин поставил присоединение Коломны в связь с действиями Юрия («Ист. Гос. Рос.» т. IV, стр. 107 и прим. 211), Троицкая летопись (Карамзин, т. IV, прим. 211 и П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 86) сообщает под 6815/1307, т. е. по убиении Константина, о возвращении кн. Юрия «на Москов с Рязани»; возможно, что все рязанское дело связано с вмешательством Москвы в рязанские смуты, о которых, впрочем, ясных и точных сведений летописи нам не дают: ср. предположение А.В. Экземплярского, т. II, стр. 577. Коломна – ключ к Рязанской земле с севера: ее крупное стратегическое значение вполне определенно выступает еще в истории северной Руси времен в. к. Всеволода Юрьевича (см. «Летоп. по Лаврентьевск. списку», стр. 363–364, 367–368, 381–382, 385, 411, 438; ср. Иловайского, указ. соч., стр. 64–65).

¹⁹«Князь Александр и Борис Данилович отъехалша с Москвы в Тверь» – 6814/1306 г. – П.С.РЛ., т. VII, стр. 184. В Никоновской (т. X, стр. 176) события этих лет изложены в сильно сбитом порядке и с сомнительной хронологией.

²⁰О посажении в. к. Михаила во Владимире см. выше, стр. 105; его первый приезд в Новгород – в Новг. I лет. под 6816 г. (точнее: после проставки 3-х годов: 6814, 6815, 6816), в Новг. III под 6815; последнюю дату приняли Воскресенская (т. VII, стр. 185) и Никоновская (т. X, стр. 176); посажение на Новгородское княжение произошло «в неделю, на сбор святых отец 630 иже в Хал-

кидоне», т. е. 16 июля (Новг. I, стр. 310), которое приходилось на воскресенье в 1307 г., а не в 1308 г. К этому времени относятся новгородские договорные грамоты №№ 6, 7, 9, 10 и 11 (С.Г.Г. и Д., т. I); их научное издание и замечания об их датировке – у А.А. Шахматова в «Исследовании о языке Новгородских грамот XIII и XIV вв.» А.А. Шахматов напрасно предположил, что грамоты 9–11 писаны «до получения Михаилом великого княжения»: различные формулы «господину князю» и «господину великому князю» такого значения не имеет; напр., в грамоте № 3, которая несомненно обращена к в. к. Ярославу, читаем – «господину князю». До возвращения Михаила Ярославича из Орды на великое княжение новгородцы не могли писать ему грамот, адресат которых определен ханским ярлыком на великое княжение. Первой в ряду этих грамот А.А. Шахматов признал, с достаточным основанием, изданную под № 9: новгородцы представили великому князю – за печатью архиепископа Феокиста – крестоцеловальную грамоту, повторение той, на которой они в 1269/70 г. dokonчили его отцом (№ 3), с необходимыми редакционными изменениями и небольшим дополнением в конце. Трудно угадать момент, когда на смену первому договору явился второй, формулированный в основной договорной (№ 10) с дополнительной грамоткой (№ 11); обе соединены бечевкой, на которой подвешена одна печать – того же владыки. А.А. Шахматов отметил, что в этих грамотах «гораздо более фактического», чем в общем шаблоне первой договорной; «очевидно, замечает А.А. Шахматов, что Михаил был уже признан князем». Понимать это надо так, что первое «докончание» состоялось, и новгородцы приняли к себе великокняжеских наместников: они упомянуты в дополнительной грамоте (№ 11: «како будешь и Новгороде у отца своего у владыце и у своих муже»), так что, действительно, «администрация края... была уже в руках Михаила»; А.А. Шахматов указывает на то, что взимание вязчего упомянуто уже как злоупотребление Михайловых судей («а вязчего не пошло по новгородской волости, то судиям твоим отложити»), что статья об отказе великого князя от «сел и свобод Дмитриевых», которые были лишь пожизненно даны в. к. Андрею, предполагает проявленное Михаилом притязание на них; можно бы в таком же смысле понять статью: «а что сел, княже, на новгородской земли твоих или княгыниных или бояр твоих, тех сел тебе съступитися...» – в дополнение к общему требованию сел и слобод не ставить, не принимать и не покупать. Дополнительная грамота (№ 11) требует, чтобы великий князь «не кормил новгородским хлебом» Федора Михайловича (вероятно, белозерского князя, о котором см. у Экземплярского, т. II, стр. 161) и Бориса Константиновича (?) и вывел их из Новгородской области с ликвидацией заведенного ими землевладения. Впрочем, сомнительно, чтобы первое «докончание» новгородцев с в. к. Михаилом было закреплено его крестоцелованием и ответной грамотой, хотя фактически и осуществлялось; практика наладившегося нового управления уже успела вызвать нарекания, отразившиеся в новых грамотах (10 и 11), о которых опять-таки не можем утверждать, что они были приняты и скреплены в. к. Михаилом. Окончательный договор был заключен в 1307 г., перед тем как в. к. Михаил прибыл в Новгород и «сяде на столе»: документы этого договора – две тождественные по тексту грамоты (№ 6 и 7) – одна за печатью владыки Феокиста, другая за печатью в. к. Михаила (с пометкой на обороте: Тферская Михайлова); это и есть офекистова грамота, что докончал (князь великий Михаил) со владыкою и с послы новгородскими на Тфери», которая вновь подтверждена мирным докончанием 1315 года (№ 12). Как ни близка по всему составу договорных пунктов эта «Феокистова грамота» к новгородским проектам договора, она сохранила следы того, что проредактирована была согласно встречным требованиям в. к. Михаила: таковы ее необычное начало – «на сем, господине, Новгород весь хрест целует, княжение твое чест-

но держати, по пошлине, без обиды» – и оборот речи от лица князя, наперекор всему ее строю – от имени новгородцев – «а что пошлин князю в новгородской волости, того вы мене не таити в всех волостях». С.М. Соловьев («Ист. Рос.», кн. 1, ст. 903) отнес все три грамоты (9–11) ко времени «тотчас после первого вступления Михайлова на стол новгородский», потому что не представлял себе возможным подчинение Новгорода великняжеской власти до этого «вступления»; однако А.А. Шахматовым указана запись в Новгородской I летописи под 1305 годом, что Феокист поставил церковь Бориса и Глеба «в державу христоролюбивого князя Михаила».

⁴¹«Апостол», законченный 22 августа 6815 г., а на нем запись: «сего же лета бысть бой на русьской земли Михаил с Юрьем о княжене новгородское, при сих князех съяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, в князех которы, и вещи скоротишася человеком» (Горский и Невоструев, Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки, отд. 1, № 45).

⁴²В Тверской летописи: «В лети 6816 зиме князь великий Михаил приходил ратью к Москве и взял мир» (П. С. Р. Л., т. XV, стр. 407); в Воскресенской тоже под 6816 г.: «князь Михаил Ярославич ходи вдругие к Москве ратью со мною силою, и бысть бой у Москвы, на память святого апостола Тита, а града не взя и не успев ничтоже возвратися» (т. VII, стр. 185, тоже т. X, стр. 177). Бой под Москвой произошел 25 августа 1307 г., а не 1308 г., так как те же летописные своды сообщают о нем непосредственно после известия о поставлении на митрополию св. Петра (летом 1307 г., а не 1308 г. – см. ниже), и эта дата подтверждается записью в «Апостоле» 1307 г., которая связана со вкладной записью («сии же апостол книги вда святому пантелеймону изосим игумен сего же монастыря»), а ее следует отнести к моменту завершения писцом работы заказа игуменского.

⁴³В.С. Борзаковский «Ист. Тверского княжества», приложение 2-е; Е.Е. Голубинский «История русской церкви», т. II, первая половина тома, стр. 99–100. Житие св. Петра: так наз. Прохорово – в приложениях к IV т. «Истории русской церкви» митр. Макария, Киприановское – в «Великих Минеях», под 21 декабря (ст. 1620), в Никоновской летописи (П.С.Р.Л., т. X, стр. 190–194) и в «Степенной книге» (П.С.Р.Л., т. XXI, стр. 321).

⁴⁴А не 1308, как пишет Голубинский (там же, стр. 105); Голубинский не принял в расчет, что митр. Петр умер 21 декабря 6834, т.е. 1325 (а не 1326 г.); «пас церковь Божию» митр. Петр – 18 лет и 6 месяцев. (П.С.Р.Л., т. X, стр. 190).

⁴⁵Относя поставление Петра на митрополию к 6816 г., летописные своды упоминают о его прибытии во Владимир под следующим годом (Воскр., Ник.); однако Соф. I (т. V, стр. 204) правильно отнесла к 6816 г. (1308 г., 5 июня) поставление во Владимире митр. Петром новгородского архиепископа Давыда, так как Давыд умер 5 февраля 6832 г. («Новгородские летописи», изд. 1879 г., стр. 27), а пробыл на архиепископии 17 лет (круглым счетом – там же, стр. 214). – 12 апреля 1308 г. был датирован ярлык митр. Петру от хана Тохты, как установлено М.Д. Приселковым («Ханские ярлыки русским митрополитам», стр. 68).

⁴⁶Там же, стр. 405.

⁴⁷Вероятно, те же, какие и потом возводились на митр. Петра: «мезды емпет от ставления» и разрешает браки близких родственников (в 4-й и 5-й степенях родства) – грамоты патр. Никифора в. к. Михаилу (Р.И.Б., т. VI, № 16).

⁴⁸Сведения о Переяславском соборе дают только жития св. Петра митрополита. Собор мог состояться в 1310 г. (или в начале 1311 г.) – см. Борзаковского («Ист. Тверск. княжества», приложение 2-е: «О Геронтии игумене и Переяславском соборе в начале XIV в.») и Голубинского («Ист. Рус. церкви», т. II, стр. 107). Отсутствие на соборе в. к. Михаила житие объясняют тем, что он

тогда в Орде был, но в летописях поездка Михаила к хану упоминается (по получении и великого княжения) только под 1313 г.; мотивировка, может быть, и неудачна, но это не меняет датировки собора (ср. Борзаковского, стр. 219–251). Борзаковский полагает, что на соборе не было Юрия Даниловича, но деятельную роль играл Иван Данилович (стр. 97); вероятно, оба были на соборе, но то, что Борзаковский говорит о кн. Иване, основано на недоразумении с Татищевским текстом. У Татищева (т. IV, стр. 92–93) под 1313 г. (год поездки в к. Михаила в Орду) – статья о «новгородском еретике», дело которого связано Татищевым с Переяславским собором потому, что о «ереси» в житиях св. Петра говорится тотчас после сообщения о соборе, а вместе с еретиком попал сюда и кн. Иван Данилович. В Татищевских рукописях сохранился листок – автограф с этой статейкой о «новгородском еретике», подклеенный к соответствующему месту основного текста для вставки в него при переписке набело. См. у Голубинского, стр. 112 (прим). Е.Е. Голубинский (стр. 109) отметил, что тверские княжичи были еще малолетками, так что великокняжескую власть представляли сопровождавшие их бояре.

⁴⁹«велие молва бысть, яко в мале не безместно что бысть».

⁵⁰«Написание Акиндина, мниха лавры Святыа Богородица, к в. к. Михаилу» («Р.И.Б.», т. VI, № 16): «занеже самовидец есмь и о тех вещех посылан своим епископом к вселенскому патриарху Константинограда».

⁵¹«Послания Нифонта, патриарха Константинограда, к в. к. Михаилу всея Руси» (там же): «донесли к нам посланши от твоея власти грамоты княжения твоего».

⁵²То же послание патр. Нифонта.

⁵³Е.Е. Голубинский решительно заключает из Киприановского описания собора, что митр. Петр имел «многочисленную партию своих сторонников» среди светских участников собора, «представителем этой партии был князь московский», а бурные столкновения на соборе понимает, как столкновение этой партии «с партией сторонников великого князя» (там же, стр. 113).

⁵⁴Так в Воскресенской (П.С.РЛ, т. VII, стр. 186); в других сводах «не благослови его митрополит столон в Володимире» (т. IV, стр. 255; т. V, стр. 205; т. X, стр. 178); по-видимому, таков текст общего их источника, а Воскр. выпустила слова «столон во Володимире», м. б. потому, что они ее редактору были столь же мало понятны, как и нам. Приняв эту редакцию известия (а она хорошо представлена в наших текстах), пришлось бы предположить одно из двух: либо поставлен был вопрос о преемстве на великом княжении по Михаиле (что мало вероятно), либо митр. Петр своим неблагословением воспрепятствовал кн. Дмитрию осуществлять от имени отца функции великокняжеской власти. По-видимому, в этом последнем смысле понял известие составитель Никоновского текста; он пишет про кн. Дмитрия: «он же, отстояв три недели в Володимери, собрався с силою мною, биа челом Петру митрополиту, да его разрешить, и тако распусти воя своя». Это известие о первом на Руси применении церковного запрещения, как политического оружия, вызывало большое недоумение историков. С.М. Соловьев («Ист. Рос.», кн. 1, стр. 903) называет его «трудным для объяснения»; А.В. Экземплярский («Вел. и уд. князья», т. 1, стр. 62) – «несколько темноватым». Карамзин пытался повернуть поход на Великий Новгород; отодвигая дату ко времени, когда в Великом Новгороде «властвовал» Юрий («И.Г.Р.», т. IV, прим. 144). Е.Е. Голубинский («Ист. Рус. церкви», т. II, стр. 137) толкует поход кн. Дмитрия необходимостью «оберегать великокняжеские права его отца», который, по мнению Голубинского, все еще был в Орде; но не объясняет, что же угрожало этим великокняжеским правам: едва ли допустимо предположение, что слова «не благослови столон в Володимери» означают попытку митрополита передать великое княжение Юрию...

⁵⁵М.А. Дьяконов (в «Библиографе», 1889 г., № 1, стр. 16) придал особый смысл словам жития св. Петра митрополита: «паче преходя грады, обреге град честен кротостью, зовомый Москва»... (Макарий, Ист. рус. церкви, т. IV, стр. 314), как указание на то, что митр. Петр «как бы не имел постоянной резиденции», избегал стольного города Владимира и «притягивался к Москве». Такое представление о причинах частого пребывания митр. Петра в Москве можно бы приурочить ко времени после истории с походом княжича Дмитрия в период последней борьбы Юрия с Михаилом.

⁵⁶Этот договор до нас не дошел. См. П.С.РЛ., т. V, стр. 205; т. VII, стр. 186.

⁵⁷П.С.РЛ., т. V, стр. 206; т. VII, стр. 186. С.М. Соловьев («Ист. Рос.» кн. 1, стр. 905) отождествил это dokonчание (грамота до нас не дошла) с моментом утверждения договорной грамоты, которая упомянута в договорной № 12: «великому князю грамота изрезати, что dokonчали на Городке на Волзе»; и отождествление это вполне убедительно, а упомянутая ссылка дает указание на один пункт договора на Волге: новгородцы обязались уплатить великому князю какую-то сумму, но обязательство погашалось уплатой более крупной контрибуции, наложенной на них Михаилом по договорной № 12 (потому прежняя грамота подлежала уничтожению по уплате Новгородом вновь условленного «серебра»). Зато княжич Дмитрий, очевидно, согласился воздержаться от военных действий и, вероятно, формально отозвать наместников, которых кн. Федор Ржевский «изнима» и держал «во владычне дворе». Иначе не понятны два указания на характеры этого договора: что он заключен «на всей воле новгородской» и что грамота подлежала уничтожению по уплате новгородцами позднейшей контрибуции; их надо согласовать с фактом не изгнания, но ареста великокняжеских наместников и призыва Юрия Даниловича на новгородское княжение только после заключения договора на Волге. Договор, изложенный в грамоте № 12, не был исполнен, и требование об уничтожении городецкой договорной повторено в договорной грамоте 1317 г. (№ 14).

⁵⁸Ханские послы Тайтемир, Махрожа и Индый «быша в Ростове и много зла сотвориша» («Летопись по Акад. списку» в изд. «Лет. по Лаврент. списку» стр. 501); выезжая в Орду по ханскому зову, кн. Юрий «прииде в Ростов, а отгуду поиде в Орду» (П.С.РЛ. т. VII, стр. 186; «марта 15 в субботу Лазореву – 15 марта 1315 г.). В Ростове – один из опорных пунктов кн. Юрия, который был женат на ростовской княжне (Константиновне? так предполагает и А.В. Экземплярский, т. II, стр. 34), а княжил в ту пору в Ростове Василий Константинович, которого, по-видимому, также вызывали в Орду: он вернулся в 1316 г. с ханскими послами, от которых Ростов опять потерпел «много зла» (там же, стр. 187). В. к. Михаил был также женат на ростовской княжне Анне Дмитриевне; по женам враждующие князья связаны с враждебными друг другу семьями ростовских Борисовичей.

⁵⁹«Пять тем гривен серебра» (П.С.РЛ., т. VII, стр. 187); Никоновская летопись поправляет эту невероятную цифру на пять тысяч гривенок серебра (т. X, стр. 179). – «Грамота новоторзьская, что в Торжку dokonчали» до нас не дошла, но упомянута (как подлежащая уничтожению по выполнении новгородцами новых обязательств) в договорной № 12, а затем в договорной 1317 г. (№ 14: «что в Торжку писана при Тайтемери»).

⁶⁰П.С.РЛ. т., VII, стр. 187. – Никоновская летопись, изложив эти новгородские дела под 6823 г., повторяет ту же историю под 6824 г. по другому источнику с интересными подробностями о расправе новгородцев с изменниками, «совет держащими» с в. к. Михаилом; эти подробности объясняют пункт договорной грамоты № 12; «кто мои недруги мне выдал в Торжку, темь ся им не мещати» (т. X, стр. 179–180). То же повторение в Никоновской заметил В.С. Борзаковский (указ. соч., прим. 448), но отделил от него рас-

праву с «изменниками» (стр. 102). О ней ср. Новг. I, стр. 317–318; Соф. I (П.С.РЛ., т. V, стр. 206).

⁶¹Михаилу Клементьевичу и Ивану Дмитриевичу (П.С.РЛ., т. X, стр. 179), вероятно, посадник и тысяцкий?

⁶²«Бысть же се зло месяца февраля 10» (6823 г. – П.С.РЛ., т. VII, стр. 187; в Никон. – т. X стр. 179: февраля 4), т. е. в 1315 г. К этому моменту С.М. Соловьев («Ист. России», кн. 1, стр. 905) отнес договорную грамоту № 12, и лучшего ее приурочения не найти. У А.А. Шахматова договор отнесен к 1314 г., но, по существу, к тому же моменту, как у Соловьева (принято его определение). Это грамота за печатями в. к. Михаила и владыки Давида; по содержанию – мирный договор, ликвидирующий «розрать» с его последствиями (правонарушениями, учиненными во время «замятни»); условлены сроки уплаты Новгородом великому князю 12000 серебра, с зачетом в эту сумму ранее взятого у «талыщиков» («а останок людей в городе нача продавати, сколько кого станет», П.С.РЛ., т. VII, стр. 187). и уничтожением прежних грамот – городецкой и новоторожской – по уплате всей суммы. в. к. Михаил снова вступает на стол новгородского княжения («а опять сел князь великий Михаил на фектистов грамоте»), подтвердив условия этой «Феоктистовой грамоты» (№№ 6–7; о ней выше) со взаимным обязательством – «Новгороду княженье мое честно держати без обиды, а князю великому держати Новгород без обиды в пошлине». Михаил Ярославич удостоверил уничтожение этой «владычней серебряной» грамоты в договоре 1317 г. (№ 14).

⁶³П.С.РЛ., т. VII, стр. 187. Никоновская летопись иначе освещает высылку в Тверь кн. Афанасия и бояр: в. к. Михаил «призвав к себе князя Афанасия Даниловича и бояр новгородских и начят с ними укреплятися чрез обычай их изстаринный; сим же не хотящим тако крепость на себя дати, он же о сем в яросте прииде и изыма всех и посла во Тверь» (т. X, стр. 179); строки эти, вероятно, навеяны рассказом о том, как в 1478 г. происходило особое от Великого Новгорода (и также по заключению общего докончания) «укрепление» новгородских бояр (крестоцелованием, после того как они «приказались» в великокняжескую службу), но применение этой схемы к событиям 1315 г. невозможно уже потому, что захватило и князя Афанасия. Книжник-составитель Никоновской летописи упразднил зато понятие «заклада», которое, однако, подтверждается позднейшими известиями («в лето 6825 г. послаша Новгородци владыку Давыда ко князю Михаилу на Тверь с молбою, просяще на окуп братии своей, которой у него в закладе», т. VII, стр. 187) и договором 1315 г. (№ 12): «а како князь серебро поемлет, тако ему вся тале пустити».

⁶⁴«Того же лета поидоша новгородци сами о себе в Орду, и переимше их тверичи изнимаша» (П.С.РЛ., т. VII, стр. 187). Допущение В.С. Борзаковского, что новгородцы ходили в Орду «по каким-то своим делам» (так он неправильно переводит слова: «сами о себе»), м.б. торговым – невозможно: перед нами первая попытка новгородцев самим «знати Орду»; слова «сами о себе» означают – помимо князей, самостоятельно. Борзаковский, «Ист. Тверск. княжества», стр. 101–102.

⁶⁵Новгородцы заново укрепили город острогом и создали «всю власть новгородскую» – Псковичей и Ладожан, Рушан, Корелу, Ижору и Водь (там же). В предыдущий поход против великого князя новгородцы выступали «без черных людей» (П.С.РЛ., т. IV-2, стр. 256; т. X, стр. 179).

⁶⁶«Князь же Михаил не дошед города, что на Устианах, и мира не взем, поиде проче, не успев ничтоже», а на обратном пути в осеннюю распутицу его войско много натерпелось, заблудившись в озерах и болотах (там же).

⁶⁷Сведения об обстоятельствах, при каких новгородцы «докончали с князем Михаилом Тверским, яко не вступатися им ни по ком» (П.С.РЛ., т. VII,

стр. 188), разноречивы. Тверская летопись (т. XV, стр. 409) изображает дело так, что новгородцы выступали в Торжок «в помощь Юрию князю», а тут стояли целых 6 недель, стовариваясь с Юрием о сроке, когда он ударит на Тверь от Волока Ламского, а новгородцы от Торжка; новгородцы же, по этому рассказу, начали военные действия, выступили из Торжка и стали воевать «по рубежу», когда кн. Михаил Ярославич «не дождался срока их, поиде противу им, нанес им поражение и принудил к миру (его содержания – обязательства нейтралитета – Тверская не приводит). Другие летописи (Новг. III, стр. 318; Соф. I, Воскр. – П.С.РЛ., т. V, стр. 207; т. VII, стр. 158) мотивируют договор тем, что новгородцы «не ведали князя Юрия Даниловича где есть». Противоречие, быть может, мнимое: новгородцы ожидали наступления Юрия Даниловича из Москвы через Волок и не узнали во время о его походе к Костроме, что дало Михаилу Ярославичу возможность предупредить соединение противников и ударить на новгородцев, «не дождавшись срока их». В Никоновской (т. X, стр. 181) этот эпизод неудачного выступления новгородцев слит в рассказе о наступлении Юрия Даниловича на Тверь с позднейшими моментами, для чего редактору пришлось отбросить диверсию кн. Михаила под Торжок и его договор с новгородцами. Воскресенская (т. VII, стр. 188) сохранила указание, что эти факты предшествовали движению кн. Юрия на Тверь и посылке его за новгородцами: «а новгородци приходили наперед того в Торжок и докончали со князем Михаилом Тверским, яко не вступатися им ни по ком»; Юрий же, хоть и с запозданием, выполнял прежний план, передвинувшись из Костромы ко Клину, а затем к Бортеневу (у р. Шоши).

⁶⁸В этих ордынских успехах кн. Юрию могли помочь его ростовские родственные связи; его тесть, Константин Борисович был женат на ордынке («Лет. по Акад. списку» изд. при Лаврентьевской, стр. 501), как на ордынках были женаты белозерские князья Глеб Василькович (там же, стр. 496) и Федор Михайлович (там же, стр. 501). Тело Юрьевой княгини Кончаки-Агафьи было погребено в Ростове. Ср. Борзаковского, указ. соч., прим. 473.

⁶⁹Упомянуты суздальские князья – П.С.РЛ., т. XV, стр. 409.

⁷⁰Наши летописные своды были в передаче всей этой истории связаны Житием св. кн. Михаила Ярославича (сказанием о его мученической кончине), которое ввело сюда мотив подвига смирения (ср. напр., т. VII, стр. 189–190), чем лишило смысла дальнейшее наступление Юрия на Тверь. Однако Владимир до конца в руках Михаила (там же, стр. 191), да и в самом житийном изложении не согласованы черты поведения Михаила: от великого княжения отступился, а выход царю дал (ранее или тут в Костроме во время «ссылки» с Кавгадыем?). Никоновская летопись делает попытку сгладить получившуюся таким образом безсвязность событий, изменяя содержание костромских переговоров в отказе Юрия Даниловича от великого княжения в пользу кн. Михаила. Князь Михаил потерпел у Костромы политическое поражение и «распусти вся воя своя», потому что отпала поддержка его силами великого княжения; эти силы переходят к Юрию, как читаем в Никоновской летописи: «тое же осени князи суздаlestьи совокупишася с в. к. Юрьем... и идоша к нему князи на Кострому, таже и инии князи идоша к нему на Кострому и многи силы идоша к нему на Кострому» (т. X, стр. 180). Дальнейший рассказ той же Никоновской (стр. 181) о тщетном посредничестве Кавгадыя между князьями показывает, как и весь ход событий, что и на Костроме «не бысть мира».

⁷¹Юрий Данилович послал татарина Телебугу звать новгородское ополчение на Тверь (т. VII, стр. 188); Троицкая летопись (Карамзин, т. IV, пр. 227 и П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 88) называет тут вместо Телебуги князя Ивана Даниловича.

⁷²«Поиде в свою отчину во Тверь и заложи большой град Кремль», П.С.РЛ., т. XV, стр. 409.

⁷³К этому моменту должен быть приурочен договор в. к. Юрия, кн. Михаила и новгородцев (грамота № 14). См. С.М. Соловьев, «Ист. России», кн. 1, ст. 908; В.С. Борзаковский, «Ист. Тверск. княжества», стр. 107 и прим. 472; А.А. Шахматов, «Исследование о языке новгородских грамот». Дата – зима 1317 г. Цель договора – обеспечить Великий Новгород от враждебных действий тверского князя и покончить в пользу Новгорода несколько спорных вопросов между ними; в этой договорной кн. Михаил вынужден удостоверить уничтожение трех прежних грамот; «а что грамота на Городце писана и что в Торжьку писана при Тайтемери и владычня серебряная, а те грамоте Михаилу князь порезал». Прекращение этих обязательств Великого Новгорода связано было с освобождением «талей», которые были у кн. Михаила «в закладе»: «а брата князя Юрьева Афанасия и новгородцев отпусти князь Михайло с Тфери, что сидели в тали». Отзвук на недавнюю задержку тверичами послов, которых новгородцы «сами о себе» послали в Орду, в статье договора: «а послом новгородским и новгородцем ездити сквозь Михайлову волость бес пакости». Тогда же отпущен был из тверского плена кн. Борис Данилович, взятый в бою у Бортенева. – См. подбор текстов у Борзаковского, указ. соч., прим. 473.

⁷⁴Термин «с городов» под пером книжника позднейшего времени (едва ли этот термин мыслим для XIV века) подчеркивает, что при Юрии не было великокняжеских бояр из Владимира. Указание текста, что эта поездка Юрия обусловлена «повелением» или «советом» Кавгадыя, относится, скорее, к ее поспешности («поидоша наперед в Орду»), чем к составу «похода», как полагает Борзаковский (указ. соч., стр. 108).

⁷⁵«Поидоша наперед в Орду» (т. VII, стр. 191): Юрий Данилович не занял стола великого княжения до окончательного решения хана (ср. там же, стр. 197); в этом и был подлинно коварный совет Кавгадыя.

⁷⁶«Он же поиде к Володимерю, а с ним сына его князь Дмитрий да князь Александр»; показателен сам выбор младшего княжича для первой посылки в Орду. Судя по житию, кн. Михаил, уезжая в Орду, очистил Владимир: сыновей «отпусти в свое отчество, дав им ряд, написав грамоту, разделив им отчину свою» (там же, стр. 192).

⁷⁷Там же, стр. 191.

⁷⁸Сказание об убиении в. к. Михаила приводит три обвинения: «царевы дани не давал еси, противу посла бился еси, а княгиню великого князя Юрия уморил еси». Обвинители в доказательство первого обвинения «покладаху многы грамоты» и утверждали, что кн. Михаил «многи дани поймал на городех наших», а царю этой дани не отдал. Кн. Михаил защищался также документами («все бо исписано имяше»), но формулировал свою защиту неудачно: «колико сокровищ издавал есмь цареви и князем», что, конечно, не было бы ответом на обвинение. Не опровергало бы перед ордынским судом второго обвинения то, что кн. Михаил «посла пакы избави на брани и со мноюю честию отпусти его», так дело шло не о судьбе посла, а о сопротивлении ханской власти. Утверждение, что смерть Кончаки-Агафии в тверском плену была убийством, является злостной прибавкой к тяжким политическим обвинениям, от которых защита была затруднительна. Перенесение тела в. к. Михаила в Тверь и его погребение состоялись без участия митр. Петра (П.С.РЛ., т. VII, стр. 197–198; т. XV, стр. 411–413). Е.Е. Голубинский («История канонизации святых в русской церкви», стр. 41) полагает, что «местное почитание мученика-князя началось в Твери непосредственно вслед за тем, как привезено было сюда его тело» и устанавливает (там же, стр. 76) его канонизацию собором 1549 года.

⁷⁹П.С.РЛ., т. XV, стр. 412, Ростовский епископ Прохор еще игуменом участвовал в Переяславском соборе, по-видимому, в ряду сторонников митр. Петра; вместе с ним, по Тверской летописи, в переговорах с тверскими князьями выступал «Ярослав Стародубский», о котором больше ничего не знаем (если это только не одно лицо с кн. Федором Ивановичем, князем стародубским, который погиб в Орде в 1330 г., и тут, может быть, назван по княжому имени, как по крестному в записи о мученической кончине). Только «по целованию их» решился кн. Александр ехать во Владимир.

⁸⁰Новг. I, стр. 319; П.С.РЛ., т. VII, стр. 198. Летописные своды сохранили крайне скудные сведения о великом княжении Юрия Даниловича; не отметили даже его «посажение» на великокняжеском столе.

⁸¹П.С.РЛ., т. VII, стр. 198–199; «устожае» со своими князьями (местные финские инородцы) грабили новгородских промышленников, ездивших в Орду – Новг. I, стр. 320–321.

⁸²Псков, теснимый немцами, не находит помощи ни у великого князя, ни у Новгорода. Когда в. к. Юрий бежал в Псков от нападения на него Александра Михайловича тверского, псковичи «прияша его честно», но еще при нем («князь Юрьи еще бяше во Пскове») призвали литовского князя Давыда, с которым и ходили походом на немцев. В момент, когда стало «притужно вельми Пскову», псковичи тщетно посылали «многих гонцов со мною печалью и тугою» в Новгород к князю Юрию и к новгородцам: «себы помогли – и не помогоша» (Псковская вторая летопись под 6831 г. – П.С.РЛ., т. III, стр. 11). Политическое обособление Пскова от Новгорода и великого княжения в XIV в. обусловлено их бессилием удержать в своих руках оборону Пскова.

⁸³П.С.РЛ., т. VII, стр. 194; в 1321 г. «прииздил в Кашин Гачна татарин с жидовином должником, много тягости учинил Кашину» (т. XV, стр. 414); весьма вероятна догадка А.В. Экземплярского, что это была тягость – «за долги Михаила» (указ. соч., т. II, стр. 469).

⁸⁴П.С.РЛ., т. XV, стр. 414; другие своды указывают и сумму – 2000 рублей серебра, П.С.РЛ., т. VII, стр. 198.

⁸⁵П.С.РЛ., т. VII, стр. 198: «а княжения великого князю Дмитрею не подъямати»; то же – т. IV–2, стр. 258; т. V, стр. 216.

⁸⁶В летописных сводах сохранилось указание на размолвку в. к. Юрия с новгородцами, которая вызвана, очевидно, какими-то его требованиями: «того же лета князю Юрию сущу в Новеграде, Новгородци же вмале с ним размолвиша; в лето 6830 г. князь велики Юрьи Данилович... смирился с Новгородци» (Никоновская; П.С.РЛ., т. X, стр. 188). Сохранить новгородскую поддержку при новой опасности от Твери было крайне важно, и Юрий выполняет для них поход на Выборг, как несколько позднее на Устюг, хотя ему не до того было, как отметила Никон, лет.: «а князю Юрию Даниловичю тогда бысть самому печаль ото князя Дмитрия Михайловича Тверского, яко во Орде у царя Азбяка испроси великое княжение на Руси Володимерское»; после выборгского похода в. к. Юрий, «поиде на Низ, много молив Новгородци, дабы и проводили» (Новг. I, стр. 320, прим. 6; ср. П.С.РЛ., т. V, стр. 216; т. X, стр. 188: «да быша его проводили в Орду»). Подвергшись нападению тверичей, в. к. Юрий бежит не в Новгород, а в Псков, но отсюда ведет переговоры с Новгородом – «и оттоле призваша и новгородци по крестному целованию» («и поставиша в Загородьи в Офоносове дворе в диаконов» – черта, сохраненная в двух списках Новг. I, стр. 320). Затруднительное положение Юрия отдает его на волю новгородцев; он идет с ними на устюжан и только после похода спешит из Заволочья в Орду (Новг. I, стр. 321 т. V, стр. 216; т. VII, стр. 199). Эти новгородские отношения кн. Юрия показательны для огромного значения Великого Новгорода в борьбе князей за стол великого княжения.

⁸⁷Летописные своды дают указания на то, что уклонение от встречи с «царевым послом» и передачи ему тверского «выхода» было главным обвинением против в. к. Юрия: «нс шел противу царева посла, но ступи с серебром в Новгород Великий» (Тверск. П.С.РЛ., т. XV, стр. 414; т. X, стр. 188). Татищев по существу верно изложил суть дела, сведя указание летописей в обвинение в. к. Юрия Дмитрием Михайловичем, «како князь Юрий взем серебро тверское выходное и от иных князей и не вдаде послу ханскому, но иде в Новъград и тамо побра на хана многое серебро, и показа хану ярлыки Юрьевы на серебро». Подчеркнутое, может быть, и не имело опоры в источниках Татищева, а является заключением историка из отрывочных данных летописных текстов, для «ярлыков на серебро» сравни «многы грамоты», какими обвинители в. к. Михаила Ярославича доказывали, что он «многи дани поимал на городех наших» (в «Сказании об убиении в. к. Михаила»). – Упоминаемый тут царев посол, вероятно, тот, что прибыл в Кашин (по Тверской – Гачна; по Никоновской – Таянчар, П.С.РЛ., т. XV, стр. 414; т. X, стр. 187).

⁸⁸П.С.РЛ., т. VII, стр. 199; т. XV, стр. 414–415; т. X, стр. 189; т. XVIII, стр. 89. Участь кн. Дмитрия (уб. 15 сентября 1325 – 6834 г.) разделил новосильский князь Александр Семенович, внук св. кн. Михаила Черниговского (Зотов, «О черниговских князьях по любецкому синодику, стр. 108–111). Быть может, и это черта западнорусских отношений Твери. Кн. Дмитрий Михайлович женился в 1320 г. на дочери литовского в. к. Гедимина – Марии, договор между ним и в. к. Юрием заключен при посредничестве владыки Андрея, который покинул кафедру в 1315 г. и жил на покое в своем монастыре св. Богородицы на р. Шоше (т. XV, стр. 414); при кн. Дмитрие играет политическую роль этот епископ из полоцких князей, а не ставленник митр. Петра Варсонофий, занимавший епископскую кафедру. Позднейшие редакции этого известия (в митрополичьих сводах, отразившихся в дошедших до нас летописях) заменяет имя Андрея – именем Варсонофия (П.С.РЛ., т. V, стр. 216; т. VII, стр. 198; Ник. сохраняет имя «владыки бывшего Андрея» – т. X, стр. 188). Варсонофия видим затем в Москве в сослужении с митр. Петром на погребении в. к. Юрия; возможно, что он даже выехал из Твери при новом разрыве ее с Москвой.

⁸⁹«Того же лета князю Александру Михайловичу дано княжение великое и прииде из Орды и сяде на великое княжение» (т. XV, стр. 415); «прииде из Орды князь Александр Михайлович, а с ним Татарове должницы, и много тяготы ысть земли Тверской от татар» (т. VII, стр. 199). К этому моменту (1325 г.) относится договор Великого Новгорода с в. к. Александром Михайловичем (С.Г.Г. и Д., т. I, № 15); она дошла до нас за печатью в. к. Александра и в редакции, соединившей текст Новгородской грамоты с встречными требованиями великого князя («на сем, княже, целуй крест к всему Новугороду» и т. д.; с другой стороны, статья о судьбе княжих сел на земле новгородской – в великокняжеской редакции: «а что Олександровых княжих сел купленных или его муже, а то пойдете к Александру князю по исправе, по хрестеному целованью, по заводе, а ис тых сел суда им не судити, ни дворянам ездити, ни людей новгородьских приимати, ни земля..., а кто будет купил села в всей волости в новгородьской при деде моем Ярославе и при Васильи, при Дмитрие, при Андреи и при отци моеме при Михаиле и при князи при Юрьи, при Дмитрие... или не окупят, седети ему доколе не окупят»); в конце запись о взаимном крестоцеловании: «на семь на всемь князь великий целовал крест к всему Новугороду, тако же посадник и тысяцкий и весь Новгород целовали к великому князю по любви в правду без всякого извета».

Глава III. Великокняжеская политика Ивана Даниловича Калиты

¹ «История отношений между русскими князьями Рюрикава дома», стр. 281.

² Грамота патриарха Иоанна XIV митр. Феогносту от июля 1339 г. – в «Р.И.Б.», т. VI-2, приложения, № 2.

³ Макарий, «Ист. Рус. Церкви», т. IV, стр. 315. Попытка Пл. Соколова («Русский архиерей из Византии», Киев, 1913 г.) установить тождество этого Федора с позднейшим галицким епископом, затем митрополитом галицким, и в его «воименовании» видеть «согласие митр. Петра на отделение Галича» крайне искусственна и мало обоснована (см. указ. соч., стр. 262–283 и далее).

⁴ Чолхан (Щелкан, Шолкан, Шевкал), сын Тудана (Дюдены), внук хана Менгу-Темира; о нем см. у Н.И. Веселовского, «Заметки по истории Золотой Орды», – в «Известиях Отд. Рус. языка и словесности Имп. Акад. Наук» т. XXI, кн. I.

⁵ Борзаковский, Ист. Тверского княжества, стр. 120.

⁶ П.С.РЛ., т. XV, ст. 415–416. Едва ли заслуживает доверие московская редакция этой истории, по которой в. к. Александр не только руководил избиением татар, но начал прямые военные действия, т. V, стр. 217; т. VII, стр. 200; т. X, стр. 194.

⁷ Новг. I, стр. 323; П.С.РЛ., т. IV-2, стр. 261; V, стр. 218; VII, стр. 201.

⁸ Никоновская (т. X, стр. 199) добавляет заметку о ярости и скорби хана Узбека, который «рыкаше аки лев на тверских князей, хотя всех потребити и прочее всю землю русскую пленити», и о том, что хан «посла на Русь по князя Ивана Даниловича Московьскаго»; но это скорее черта ее редакционной манеры, чем «известие».

⁹ «Великий же Спас, милостивый человеколюбивый бог своею милостью заступил благоверного великого князя Иоанна Даниловича, его град Москву и всю его отчину от иноплеменных поганых Татар» (т. XV, стр. 417). Положение было сходно с тем, какое пережила Русь в году Неврюевой рати, когда Александр Невский поехал в Орду и вернулся Владимирским великим князем. Этими впечатлениями поясняется похвала Ивану Даниловичу за «тишину велику на 40 лет», когда «престаша погани воевати Рускую землю и закалати христиан, и отдохнуша и упочинуша христиане от великия истомы и многия тягости и отъ насилия татарскаго, и бысть оттоле тишина велика по всей земли» (т. XV, стр. 417).

¹⁰ Кн. Константин Михайлович, бежавший было в Псков с братом Александром, «по рати» татарской вернулся с братом Василием, матерью и боярами, «укрепил» перепуганное и разбежавшееся население тверской земли («кто избыл от безбожных татар»), затем явился в Орду вместе с кн. Иваном Даниловичем, вернулся оттуда на тверское княжение, «и нача княжити тогда тихо и мирно» (т. XV, стр. 417). Кн. Константин Михайлович был женат на племяннице Ивана Даниловича, Софье Юрьевне (с 1320 г. – П.С.РЛ., т. XV, стр. 413–414).

¹¹ Новг. I, стр. 437 (Приложение IV, статья: «А се князи русьстии»).

¹² Сходный раздел произошел уже однажды, когда кн. Андрей Ярославич получил Владимир, а кн. Александр Ярославич Киев и Новгород – см. выше, стр. 61.

¹³ П.С.РЛ., т. V, стр. 218; т. VII, стр. 201. – Новг. I (стр. 323) умалчивает о вокняжении Ивана Даниловича, но именуется под 1328 г. «великий князь» (ранее – «князь»), упоминает под 1327 г. о присылке им наместников в Великий Новгород, а под 1329 г. о прибытии в Новгород «на стол князя великого Ивана Даниловича» в сопровождении тверских князей Константина и Василия, Александра Суздальского и других князей (там же, с точной датой: 26 марта на сбор Архангела Гавриила – день «посаждения?»). Никоновская

(т. X, стр. 198) говорит, конечно, о «великом княжении Володимерском», которое хан Узбек дал Ивану Даниловичу «к Москве», но сохраняет, быть может, реальную черту в указании, что кн. Иван «сяде на великом княжении на Москве».

¹⁴Другое приложение к Новг. I лет. (III, статья: «Кто колико лет княжил») дает список только Владимирских князей и ставит в их ряду: «Александр Суждальский 3 лета», но время княжения Ивана Даниловича считает в 14 лет, стало быть с 6836 г. (Александр умер в 6840 г.).

¹⁵«Сий князь Александр из Володимеря вечный колокол святей Богородици возил в Суждаль, и колокол не почял звонити, якоже был в Володимере; и помысли в себе князь Александр, яко съгруби святей Богородици и повеле его паки вести в Володимерь; и привезыше колокол поставиша и в свое место, и паки бысть глас богуоуден» (Новг. I, стр. 437). Карамзин приводит все это известие статьи «А се князи русьстии» в другой и несколько искаженной редакции (т. IV, прим. 302), где Албуга, который «правил княженье» Ивану Калите по смерти Александра, превратился в царя Албугу, будто давшего Калите великое княжение. «Правил княженье» – относится к ханскому послу, который вводил нового великого князя в обладание великим княжением по ханскому ярлыку. Это искажение текста и легендарные черты рассказа о владимирском колоколе лишили наш источник всякого значения, для С.М. Соловьева – «это известие с царем Албугою и с поэтическим рассказом о колоколе не заслуживает большого внимания» («Ист. Рос.», кн. I, ст. 951, прим. 1.). Можно усомниться в возвращении колокола при жизни Александра или предположить иные мотивы для такого возвращения или, наконец, заподозрить владимирских звонарей в умысле посодействовать чуду, но все это еще не обосновывает отвода, предъявленного источнику, который расходится лишь с умолчаниями (и притом вполне понятными) других сводов, а поддержан умолчанием Новгородской I летописи о вокняжении Ивана Калиты, свидетельством статьи «Кто колико лет княжил» и дальнейшими судьбами Поволжья. Рукопись, которую цитирует Карамзин («Синодаль. библиот. летопись XV века в лист под № 349» или «Синодальный летописец времен Василия Темного», т. II, прим. 238), та самая, из которой он привел и любопытное известие, что Андрея Боголюбского на самовольный уход из Киевщины в суздальскую землю «подъяша Кучковичи» (т. IV, прим. 383), по-видимому, не вернулась в Московскую Синодальную библиотеку и находится неведомо где.

¹⁶П.С.РЛ., т. X, стр. 128 (Житие св. Сергия Радонежского).

¹⁷Отъезд кн. Александра примирил псковичей с Калитой и избавил их от митрополичьего запрещения: «и кончаша мир вечный со псковичи по старине, по отчине и по дедине; и благослови митрополит Феогност и владыка. Моисей Селогу посадника и весь Псков» (Псков. I л., П.С.РЛ., т. IV, стр. 186).

¹⁸П.С.РЛ., т. IV, стр. 185–186; т. V, стр. 12; псковичи «посадили себе князя Александра на княжение из Литовские руки» (П.С.РЛ., т. V, стр. 219; т. VII, стр. 203).

¹⁹Ссылка на эту «Александрову» грамоту «Псковской Судной Грамоты» относится одними учеными к Александру Невскому (Калачов, Энгельман, Сергеевич, Владимирский-Буданов), другими (Мурзакевич, Никитский, Дьяконов) – к Александру Михайловичу. В пользу первого мнения приводится лишь указание на титул «великий князь», особенно при упоминании о Псковской грамоте в грамотах митрополитов Киприана и Ионы («Р.И.Б.», т. VI, № 28 и 90), но сила этого указания метко упразднена замечаниями А.Н. Никитского («Очерк внутренней истории Пскова», стр. 105–109) и М.А. Дьяконова («Очерки общественного и государственного строя древней Руси», т. 1, стр. 55–56). Соображения Никитского и Дьяконова решают во-

прос в пользу кн. Александра Михайловича с достаточной определенностью, и живучесть самого вопроса в научной литературе (ср. А.Н. Филиппова, Учебник истории русского права, Отдел 1, гл. VI) можно признать историографическим недоразумением.

²⁰Псковское и литовское посольство застало у митрополита новгородского кандидата на архиепископию, которого Феогност вызвал на Волынь «ставиться на владычество», и вопрос был разрешен канонически правильно в пользу сохранения единства епархии. Новопоставленному владыке Василию пришлось, «бояся Литвы», ехать окольными путями и убежать от погони (П.С.РЛ., т. VII, стр. 203). По-видимому, князя Александра тяготило митрополичье запрещение; только в 1336 г. он принял «от Феогноста митрополита и от всех святителей русских «благословение и молитвы». (П.С.РЛ., т. X, стр. 207).

²¹ П.С.РЛ., т. V стр. 219; т. VII, стр. 202–203.

²² В наших источниках нет, кстати сказать, данных для установления причастности Пскова к уплате этого выхода; кн. Довмонт в Орду не ездил и, очевидно, не признавал над собою власти хана, как и Александр Михайлович, пока княжил во Пскове.

²³ В наших сводах (Новг. I. стр. 328; П.С.РЛ., т. VII, стр. 203) как бы два захвата Торжка: под 6840 г. – «великий князь Иван приде из Орды и взверже гнев на Новгород, прося у них серебра закамского, и в том взя Торжек и Бежичский верх через крестное целование», и под 6341 г. – «приде князь Иван в Торжек с всеми князи низовскими и с рязаньскими; и присла в Новгород и сведе наместники» (Новг. I). Но в первой записи – о столкновении из-за «серебра» лишь указаны его последствия и, быть может, посылка передового отряда.

²⁴ «Вложи Бог в сердце князю литовскому Наримонту, нареченному в крещении Глебу, сыну великого князя литовского Гедимина, и присла в Новгород, хотя поклониться святей Софеи; и послаша Новгородци по него Григория и Олександра и позваша его к себе» (Новг. I, стр. 331). Новг. IV (т. IV-2, стр. 265) и Воскр. (т. VII, стр. 203) указывают на прежний договор: «князь Наримонт Гедимонович... приеха на пригороды, что ему ркли в Литве»; та же ссылка полнее в Никоновской (т. X, стр. 206): «пригороды, что ему ркли в Литве идуще к Феогносту митрополиту в Волынскую землю и слово право дали». Крестоцелование о «единстве» в Новг. I (стр. 331): «и целова крест к Великому Новуграду за один человек»; вариант «целоваша» указывает, по-видимому, на взаимное крестоцелование, как только и могло быть. Прибыл кн. Наримонт в октябре 1333 г.

²⁵После неудачного посольства к в. к. Ивану Даниловичу, который «челобитья не прия и миру не да» (т. VII, стр. 304), хотя новгородцы предлагали ему «пять сот рублей» за мир «по старине» («свобод бы ся отступил по крестному целованию»), новгородский владыка Василий поехал в Псков, где псковичи приняли его с честью, и владыка крестил у кн. Александра сына Михаила. А до того владыка 7 лет не бывал во Пскове (Новг. I, стр. 330).

²⁶Наримонт получил «в отчину и дедину – и его детям» Ладогу, Орехов, Карельский городок с Карельской землей и половину Копорья; часть этих городов получил в 1383–1384 гг. кн. Патрикий Наримонтович, но из-за него были в Новгороде большие смуты и усобицы. (Новг. I, стр. 371; П.С.РЛ., т. IV, стр. 190–191). Такие же смуты вызваны в Новгороде и событиями 1334–1335 года, Новг. I, стр. 332. Не находя достаточной помощи от великих князей, новгородцы искали в литовских князьях организаторов защиты своих границ. После отъезда Наримонта в Литву видим в 1337 г. восстание карел с помощью немцев (шведов); в 1338 г. шведы с карелами напали на новгородские волости сожгли Ладожский посад, напали на Водскую землю. Тщетно звали новгородцы из Литвы кн. Наримонта; он и сам усхал и сына «вывел»,

оставив только наместника (Новг. I, стр. 333–334). Характерна осторожность в. к. Ивана, который отказывается, по настоянию новгородцев, от похода на Псков, лишь отвечает на литовский набег, мирится с пребыванием Наримонтова наместника в новгородских пригородах; у него нет достаточно силы, чтобы подлинно взять в свои руки западные дела. Вероятно, с этим же общим положением связана его попытка сближения с в. к. Литовским путем брака Симеона Ивановича с дочерью Гедемина Августой-Анастасией, о котором летописи сообщают под тем же годом, под которым читаем о прибытии Наримонта на новгородские пригороды (6841) – П.С.РЛ., т. VII, стр. 204.

²⁷Посольство от Великого Новгорода послано, когда великий князь вернулся из новой поездки в Орду (Новг. I, стр. 331).

²⁸Четверга, февраля 16-го (на память св. Памфила) – указывает на 1335 г., но неделя была не мясопустная, а о Блудном сыне; известие попало под 6842 год – 1334, однако к этому году не подходят ни день, ни неделя (см. Археологический календарь Горбачевского).

²⁹«Бысть ему речь по любви с новгородци, и отложиша езд, а Плесковицем миру не даша» – Новг. I, стр. 332; последние слова можно понять и как разрыв прежнего договора с псковичами.

³⁰«И послав князь великий пожже городки литовский Осечен и Рясну и иных городков много» (Новг. I, стр. 332).

³¹Князю Наримонту «прирекли» дать пригороды «в отчину и в дедину» бояре, сопровождавшие владыку Василия; в раздорах 1380 г. из-за Патрикия Наримонтовича за него стоит боярский Славенский конец, против него – демократические левобережные концы при нерешительной поддержке Плотницкого конца (П.С.РЛ., т. IV, стр. 90–91). В смуте 1335 года та же группировка: «сташа си сторона и она сторона, доспевше в оружьи противу себе, оба под Волхова» – Новг. I, стр. 332.

³²Новг. I, стр. 330 и 336.

³³П.С.РЛ., т. VII, стр. 204.

³⁴Новг. I, стр. 333. Известие отрывочно, повод не указан, но естественно предположить – все тот же спор о денежных требованиях великого князя.

³⁵Когда в. к. Василий Темный требовал от Великого Новгорода: «а печати быти князей великих» и «вечным грамотам не быти» (договор 1458 г., А.А.Э., т. I, № 58), он мог опираться на «старину», действовавшую при Иване Калите: до нас дошла грамота, данная какому-то Михайлу на промыслы в «Печерской стороне» и на «Кегролский Волок» – «от великого князя от Ивана, от посадника Даниила, от тысяцкого Аврама и от всего Новагорода» (А.А.Э., т. I, № 2); тысяцкий Аврам упоминается под 1328–1348 годами, но посадник Даниил не поддается определению. Грамота отредактирована от имени в. к. Ивана: «приказал есмь Печерскую сторону Михайлу... а погост Кегролский Волок ведает Михайло по пошлине, как то было при моих дядях и при моем брате при старейшем».

³⁶С Товлубием «посла рать свою и князь Иван великий Данилович, по цареву повелению, князя Константина Васильевича суждальского, князя Константина Борисовича ростовского, князя Ивана Ярославича юрьевского, князя Ивана друцкого, князя Федора фоминьского, а с ними великого князя воеводы Александр Иванович и Федор Акинфович, и стояша у города не много дний и доидоша прочь, граду не успевше ничтоже» (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 206). Любопытна редакция, какую этому известию придал составитель Никоновской летописи, согласно своим представлениям о междукняжеских отношениях «удельного периода»: «поиде князь Иван Коротопол с Тавлубием и с прочими татары, а князь велики Иван Данилович послал же рать свою с ними к Смоленску по цареву повелению, а воеводы его Александро

Иванов, Феодор Окинович; также и иные князи идоша по цареву повелению к Смоленску с татары ратью: князь Константин Васильевич суждальский, князь Константин Борисович ростовской, князь Иван Ярославич юрьевский, князь Иван друцкий, Феодор фоминьский, и баскаки, и мордовские князи о мордвичи» (т. X, стр. 211).

³⁷Так они поминают среди участников похода под Смоленск в 1340 г. Константина Борисовича ростовского (П.С.РЛ., т. VII, стр. 206; т. X, стр. 211), хотя о смерти его в 1307 г. сообщено в Воскресенской (т. VII, стр. 185; так и т. IV», стр. 253; т. V, стр. 204; Лет. по академич. списку, в изд. Лаврент. лет. стр. 501), а Никоновская сообщает об этой смерти дважды: под 1304 г. (т. X, стр. 175 – сюда это известие попало, по-видимому, вместе с «повестью об убиении Акинфове», которое отнесено ко времени княжения Ивана Калиты) и под 1309 г. т. X, стр. 177 – здесь выписаны из какого-то источника подряд известия о кончине кн. Александра Даниловича, смерть которого в Воскр. – т. VII, стр. 185 – отнесена к 1308 г., а в других – т. IV, стр. 47 и т. V, стр. 204 – к 1305 г.; о кончине Константина Борисовича с доб.: «и сяде по нем сын его Василей»; о кончине князя Василия Михайловича суздальского, лица весьма сомнительного и едва ли существовавшего (см. у Экземплярского, т. II, стр. 397). Участником похода был ростовский князь Константин Васильевич, упомянутый без отчества в известии об этом походе (Новг. т. IV-2, стр. 270), как, вероятно, было и в источнике (Воскр. и Ник. – Запись о преставлении «Константина ростовскаго» находим еще под 1328 г. в Новг. IV и Соф. I (П.С.РЛ., т. IV-2, стр. 262 и т. V стр. 2–18), но Константин Васильевич в этом году не умер, а женился на дочери Ивана Калиты, Марии (Летопись по академическому списку – в изд. Лаврент. лет., стр. 503 и 505); умер он от моровой язвы в 1365 г. (т. XI, стр. 4); в списках Никоновской летописи при известии о его кончине – за именем оставлено пустое место для отчества, но составитель так и не разобрался в князьях Константиных.

³⁸П.С.РЛ., т. X, стр. 209 (1339 г.); т. XV, ст. 422 (Роман белозерский).

³⁹Кн. Константин Борисович ростовский в 1297 г. посадил в Углич сына Александра; последнее известие о нем – его женитьба в 1302 г. (Летопись по академич. списку в изд. Лаврент. лет., стр. 501), год его смерти не отмечен в летописях. Его сыном А.В. Экземплярский (т. II, стр. 36 и 132) признает того «Юрья Александровича ростовского», который умер в 1320 г. (та же летопись, стр. 502, и др. своды). Поэтому Экземплярский полагает, что кн. Юрий занял стол ростовского княжения после дяди Василия (у Экземплярского обмолвка – «после двоюродного брата»), объясняя это тем, что «Углич не составлял уже совершенно обособленного княжества, как Ярославское и Белозерское, а входил в состав ростовской волости, как часть ее, хотя и представлял из себя отдельное удельное княжество», и тем, что Юрий был сыном старшего из Константиновичей. К тому же – его двоюродные братья Васильевичи Константиновича были, надо полагать, весьма юны даже в год смерти кн. Юрия, так как первое летописное известие о старшем из них – Федоре – сообщает о его женитьбе в 1326 г. («Лет. по акад. Списку», стр. 502). Углич Экземплярский признает «собственно отчиной» кн. Юрия и выморочным по его бездетной смерти, но оставляет открытым вопрос о дальнейшей судьбе этого владения: «мы ни откуда не видим, чтобы он был после 1320 г. за князьями ростовскими», замечает Экземплярский об Угличе и воздерживается от каких-либо предположений по поводу «купи» Ивана Калиты. Все это возможно, но отсутствие в наших источниках хотя бы таких основных дат, как года смерти Александра и Василия Константиновичей, не позволяет сколько-нибудь твердо установить схему судеб Ростова и Углича.

⁴⁰В «Родословной книге» XVI века («Временник», т. X, стр. 37–38) читаем

«...а у великого князя Василия дети князь Федор да князь великий Константин, а женился князь великий Константин у великого князя Ивана Даниловича московского. А оттоле ростовских князей род пошел на двое: большому брату Федору достался Стретенская сторона, а другому брату великому князю Константину – Борисоглебская сторона; один из списков этой родословной книги ставит и дату: в лето 6836 (1328).

⁴¹П.С.РЛ., т. XI, стр. 128.

⁴²Сам факт непосредственного и кругого вмешательства великокняжеской власти в сбор «серебра» с жителей младшего княжества можно сопоставить с тем, что несколько позднее произошло в Тверском княжестве, где в к. Константин Михайлович пришел в столкновение с кязем холмским Всеволодом Александровичем и его матерью, княгиней Анастасией: «и нача имати бояре их и слуги в серебре за волости, чрез людскую силу, и быть над ними скорбь велика» (П.С.РЛ., т. X, стр. 217, 1346 г.).

⁴³«Епарха градского, старейшего боярина ростовского, именем Аверкия стремглав обесиша и возложиша на пя руке свои и оставиша поругана, точию жива; и бысть страх велик на всех слышащих и видящих сия, не токмо в граде Ростове, но и в всех пределех его и во властех и в селех» (П.С.РЛ., т. XI, стр. 129), «Епарх градской», вероятно, тысяцкий.

⁴⁴На Белоозере – современник Калиты кн. Роман Михайлович (Романчук), о котором, как упомянуто, только и знаем, что он в 1334 г. ездил в Орду с в. к. Иваном Даниловичем. Стародубские князья XIV в. известны нам только по упоминаниям летописных сводов об их кончине: Ивана Михайловича (П.С.РЛ., т. X, стр. 179) или Михаила Ивановича (т. VII, стр. 187) в 1315 г. (об этом разногласия летописных сводов см. у Экземплярского, т. II, стр. 179–180 и выше стр. 69, примечание); Федора Ивановича, убитого в Орде в 1330 г. (П.С.РЛ., т. X, стр. 203); Дмитрия Федоровича, умершего в 1354 г. (т. VIII, стр. 9; т. XI, стр. 227 под 6863 г. – «и положен бысть в своей отчине в Стародубе»); брат его Иван – последний стародубский князь – «сяде на квяжении в Стародубе» зимой 1356 г. по возвращении из Орды с ханским «пожалованием» (т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 228), а в 1362/63 г. в. к. Дмитрий Иванович согнал его со Стародуба. Княжение Юрьева Польского кончилось на князе Иване Ярославиче, который лишь упомянут под 1340 г. (т. VII, стр. 206). В Галиче – сыновья Давида Константиновича (ум. 1280 г.) Борис и Федор, по-видимому, поделили свою отчину, если Никоновская летопись (т. X, стр. 206–207) была хорошо осведомлена, сообщая о смерти кн. Бориса дмитровского (под 1334 г.) и Федора галицкого (под 1333 г.) – ср. Экземплярского, т. II, стр. 214–216; последний галицкий князь – Дмитрий, которого Никоновская лет. (т. X, под 1360 г. о ханском пожаловании его на Галич) называет Борисовичем, а родословные (см. Экземплярского, т. II, стр. 218) – Ивановичем (по Экземплярскому – сыном Ивана Федоровича), согнан с княжения в. к. Дмитрием Донским. Судьбы Дмитрова после кн. Бориса – не ясны; возможно, что восстановить его связь с Галичем, но и сама генеалогия князей и судьбы галицко-дмитровских владений крайне запутаны в наших источниках.

⁴⁵После кн. Федора Ростиславича княжил в Ярославле сын его Давид, умерший в 1321 г. (П.С.РЛ., т. VII, стр. 198), затем – Давидович Василий, ум. в 1345 г. (там же, стр. 210), зять в. к. Ивана Давидовича (Новг. I, стр. 336: «Иван князь, тесть его»; П.С.РЛ., т. X, стр. 215 под 1342 г. – о преставлении княгини Овдогьи князя Василия Давидовича Ярославского).

⁴⁶«И.Г.Р.», изд. Эйнерлинга, т. IV, стр. 152.

⁴⁷«История отношений между русскими князьями Рюрикава дома», стр. 346, прим. (то же в «Ист. Рос.», кн. I, стр. 930, прим. 5); мнение Соловьева принял Чичерин («Очерки из истории русского права», стр. 241).

⁴⁸ «Древности русского права», т. I–3, стр. 58–59. Для Сергеевича, как, по-видимому, и для Соловьева, речь идет о куплях, как «земельных приобретениях»; поэтому – затруднение в том, почему Калита в своих «завещаниях» не говорит об этих «куплях», хотя там упоминаются купленные люди (рабы), купленные бортники и даже придобytое золото не забыто; «если Калита купил Галич и пр., – спрашивает Сергеевич, – то почему же ни он, ни дети его не распоряжаются новыми приобретениями?» и, ссылаясь на Соловьева, замечает против Карамзина: «трудно допустить, чтобы Калита на свои деньги увеличивал великое княжение, а не свои наследственные области». Объяснение Соловьева Сергеевич считает допустимым, понимая дело так, что Калита мог оставить свои купли за князьями продавцами, обязав их службой себе и детям, – «подобно тому, как он дал свою куплю, село Богородское в Ростове, Бориске Воркову на условии службы», однако, заключает так: «но все-таки то, что он купил, приобретено им, и в завещании, в котором не забыт даже прикупленный кусок золота, надо было упомянуть о Галиче с Белоозером и Угличем; упомянуто же там село Богородское, хотя оно и не находилось во владении сыновей, а было отдано Борису Воркову». Только предпосылка, что составители княжеских духовных знали, что «надо», а чего не надо там упоминать, и понимали различие между «куплей» Галича, Белоозера, Устюга и покупкой села Богородское – могла бы несколько ослабить ученые недоумения. Нельзя, кроме того, не пожалеть, что недооцененными остались соображения Карамзина: от его критиков ускользнула связь этих соображений с замечанием, что «в сем завещании не сказано ни слова о Владимире, Костроме, Переяславле и других городах, бывших достоянием великокняжеского сана». Казалось бы, что «молчание» духовных Калиты и его сыновей о Переяславле, который считается примыслом кн. Даниила, заслуживало не меньшего внимания, чем вопрос о Галиче, Белоозере, Угличе. М.К. Любавский («Лекции по древней русской истории», стр. 212) полагает, что Переяславль «был включен в состав великого княжения Владимирского, очевидно, по распоряжению хана»; такой факт был бы весьма важным показателем сознательного политического вмешательства ханской власти в строй русских владельческих княжеских распорядков, но предположение М.К. Любавского нечем обосновать, так как нет никаких аналогий в иных действиях ханской власти на Руси.

⁴⁹ Сохранение «владельческих прав» за местными князьями само по себе не объясняет умолчание о «куплях» в духовной, так как возможно было упоминание о пожизненном, например, владении их с указанием, к кому должна затем перейти та или иная из этих «купель».

⁵⁰ Указание, что Галич, Белоозеро, Углич дедовские «купли», звучит тут мотивом, поясняющим выделение их из комплекса великокняжеских волостей для наделения ими – в прибавку к уделам – младших сыновей, как и указание, что великое княжение в. к. Дмитрию «отчина», мотивирует его внесение в Духовную грамоту. Об этом характерном колебании воззрений на право великого князя приложить вотчинные права к великокняжеским волостям – см. ниже, при анализе духовной Донского во всем ее содержании.

⁵¹ В духовной Дмитрия Донского: «Галич со всеми волостями и с селы и со всеми пошлинами», Белоозеро «со всеми волостями», Угличе поле со всем «что к нему потягло».

⁵² В духовной Дмитрия Донского: – «а что ми дала кпягини Федосья Суду на Беле озере да Колашну и Слободку и что благословила княгиню мою Городком да Волочком, та места ведает княгини Федосья до своего живота» Княгиня Федосья – жена родоначальника Кемских князей, князя Давида Семеновича (Экземплярский, т. II, стр. 169; Павлов-Сильванский, Сочинения, т. III, стр. 5–6), и указанные ее волости, по-видимому, ее «опричина», а

переходят в состав «примыслов» великого князя, который благословил «теми своими приимыслами» свою княгиню, ей в опричнину: «а в тех примыслех вольна моя княгини, сыну ли которому даст, по души ли даст». Тут наглядный пример перехода части княжеских волостей в разряд земельных владений «частновладельческого» характера. «Купли» Калиты – владения иного типа, и судьба их иная.

⁵³Сгон местных князей-отчичей с Галича и Стародуба один из результатов победы в. к. Дмитрия Донского над кн. Дмитрием Константиновичем суздальским: «в лето 6871» Дмитрий Донской «согна» суздальского князя с Владимирского великого княжения, пошел на него ратью к Суздалю и принудил его к миру, «взем волю свою над ним»; и тогда же в. к. Дмитрий Иванович «такоже и над ростовским князем Коньстянтином взя волю свою», «согна с Галичского княжения князя Дмитрея гальчскаго», «согна с Стародубьского княжения князя Ивана Федоровича Стародубьскаго» как князь Дмитрий Константинович тогда «поиде из Суздаля в Нижний Новгород», так и остальные «вси князи ехаша в Новьгород Нижний к князю Дмитрею Константиновичу, скорбяще о княжениях своих» (П.С.РЛ., т. XI, стр. 2). Можно согласиться с мнением В.И. Сергеевича («Древности русс. права», т. I–3, стр. 59, прим.), что эти сведения представляют переход Галича к Дмитрию Ивановичу «совсем в ином свете»: он «силою приобрел Галич». Однако отсюда еще не следует, что можно было устранить свидетельство о «купле» Калитой Галича рассуждением, что «несоответствие языка официальных актов с действительными способами приобретения может объясняться желанием замаскировать такие действия, которые князья и сами не могли считать вполне правыми»; повод для мотивировки завещательного распоряжения Галичем тем, что это дедовская купля, должен был быть на лицо, тем более что эта мотивировка отнюдь не «маскирует» захвата (в летописи ее нет), а относится к выделению из великокняжеских владений тех, что были «куплями», для наделения ими младших сыновей при благословении старшего всем великим княжением. В.И. Сергеевич полагал, что приобретение Белоозера и Углича можно приурочить к тому же моменту, когда в. к. Дмитрий «взял волю свою» над ростовским князем Константином, так как эти города входили «в состав Ростовской волости». Это еще допустимо для Углича, но Белоозеро – и при Донском имело особых князей. Присоединив к этому предположению ошибочное указание, что Ярославль, упоминаемый в духовной кн. Владимира Андреевича, «город Ростовской волости» (речь идет о Ярославле на р. Луже, т. е. о Малоярославце), В.И. Сергеевич допускает, что Дмитрий Иванович, Владимир Андреевич «поделили между собой наследие потомков Константина Всеволодовича, низведя их в положение служилых князей». Основания такого построения слишком шатки для важного вывода о разделе в. к. Дмитрием ростовских волостей с двоюродным братом. Свое право отрицать «точность» сообщения: духовной Донского о куплях Калиты В.И. Сергеевич подтверждает указанием на другую «неточность языка официальных грамот»: в последнем из договоров Донского с кн. Владимиром Андреевичем сказано, что отец благословил его двумя жребиями в Москве, тогда как второй жребий достался великому князю по смерти брата Ивана; но эта «неточность языка» чисто внешняя и по существу мнимая, так как первый договор тех же князей установил обособленность двух вотчин («тобе знати своя отчина, а мне знати своя отчина»), а в духовной в. к. Ивана Ивановича читаем: «приказываю отчину свои Москву сыном своим князю Дмитрию и князю Ивану», при выделении князю Владимиру трети доходов.

⁵⁴П.С.РЛ., т. XV, стр. 417 и 419.

⁵⁵Весьма вероятно предположение В.С. Борзаковского («Ист. Тверск. княже-

ства», стр. 127) – тверской князь даже не сам доставлял выход в Орду, а отдавал его Калиге, т. е. сообразно договору 1321 г. Юрия с Дмитрием Михайловичем, по которому Михайловичи Тверские отдали серебро выходное Юрию».

⁵⁶П.С.РЛ., т. VII, стр. 204 (под 6844 г.); т. X, стр. 207 (под 6843 г.).

⁵⁷Следует ли видеть в этих сношениях кн. Александра с митрополитом – свидетельство о его соглашении с в. к. Иваном Даниловичем относительно поездки в Орду и возвращения в Тверь? Новгородские осложнения должны были сделать в. к. Ивана особо осторожным и на время уступчивым, а предварительные отношения кн. Александра с Ордой делали резкое противодействие его намерению сугубо опасным. К тому же, раз кн. Александр «начя наряжаться в Орду», митр. Феогност не мог отказать ему в «благословения», так как давнее отлучение, по-видимому, все еще лежавшее на кн. Александре, было вызвано его отказом от такой поездки к хану. Пл. Соколов («Русский архиерей из Византии», стр. 281) и полагает, что «отлучение было снято с него под условием явки к хану». Для кн. Александра, в данный момент, «явка к хану» – не навязанное ему «условие»: отношения с Ордой и с митр. Феогностом должны были обеспечить его от прямого противодействия Калиги такой поездке.

⁵⁸П.С.РЛ., т. XV, стр. 418 («в лето 6844 прииздил князь Александр из Пскова в Тверь; поим сына своего князя Федора опять поиха в Псков»).

⁵⁹«Тое же зимы (6846 г.) князь Александр Михайлович тверский посла сына» своего князя Феодора со Авдулом послом во Орду, а с великим князем Иваном Даниловичем не докончания и мира не взяша» (П.С.РЛ., т. X, стр. 208), эту запись надо отнести на счет источников Никоновской летописи, а не комбинации книжника – ее составителя, по характеру «краткой записи» в ряду других таких же, без следов книжной обработки их в связанный рассказ.

⁶⁰Когда в Орду позван был кн. Александр на последнюю расправу, «поиде же князь Александр и князь Василий Давыдович Ярославский с ним» (П.С.РЛ., т. VII, стр. 205); «тогда же с ним поидоша в Орду ко царю Азбяку князь Василий Давыдович Ярославский... и князь Романчук Белозерский» (т. X, стр. 209; ср. т. XV, стр. 422 – где известие о поездке этих князей не на месте). В. к. Иван пытался перехватить князя Василия по дороге в Орду: «нань же посла великий князь Иван Данилович, тесть его, в пяти сот человек, переимати, по отбися их» (П.С.РЛ., т. V, стр. 221; Новг. I, стр. 336).

⁶¹Известия о поездках Ивана Калиги в Орду явно спутаны в Никоновской летописи (П.С.РЛ., т. X, стр. 208). Она сообщает под 6846 г. о возвращении кн. Александра в Тверь, о посылке им сына Федора к хану и поездке в Орду в. к. Ивана, о «клеветах» на тверского князя и посылке за ним хана с «покрытыми словесами», и под 6847 г. о поездке в Орду в. к. Ивана с сыновьями и вторичной посылке («посла паки иных татар») за кн. Александром и другими князьями; тверской князь посылает на разведку в Орду сына, Калига возвращается на Русь, кн. Александр идет к хану на свою погибель. Тут явно удвоены и поездка в Орду в. к. Ивана, и поездка княжича Федора и ханская посылка в Тверь. Ср. изложение Воскресенской летописи: под 6846 возвращение в Тверь кн. Александра, под 6847 поездка в Орду в. к. Ивана с сыновьями, «его же думою» посылка ханского зова тверскому князю (тут упоминание, что Александр «посла, наперед себя» сына Федора, и что «присла царь по самого по неяю»; это упоминание о прежней поездке Федора с послом Авдулом, которое ранее в Воскресенской не упомянуто и вызвало удвоение известий в Никоновской, соединявшей два источника); затем – поездка Александра (с упоминанием, что «князь великий Иван Данилович выиде тогда из Орды и сынове его», т. е. раньше приезда тверского князя к хану, как яснее из чтения Соф. I: «уже бо бяше в. к. Иван Данилович

вышел из Орды» – т. V, стр. 221); посылка в Орду великим князем сыновей и гибель кн. Александра Михайловича (П.С.Р.Л., т. VII, стр. 205).

⁶²В изложении этих событий нашими летописными сводами использованы как старые записи, так и особое сказание об убиении кн. Александра Михайловича, однако в сокращении и с недомолвками Тверская летопись (т. XV, стр. 418) сохранилась в списках с рукописи, дефектной как раз в данном месте: дефект изданного в XV т. Погодинского списка не восполняется ни списком Забелинским (Рукопись Московского Исторического музея 288–б, л. 153), ни Толстовским (рукопись Имп. Публичной библиотеки, собрания гр. Ф. А. Толстого, отд. 1 № 145, л. 330–об.). См. П.С.Р.Л., т. V, стр. 231; т. VII, стр. 205; т. X, стр. 208.

⁶³П.С.Р.Л., т. X, стр. 208.

⁶⁴«Царя тешавше, по обычаю своему, и рядец» (т. XV, стр. 419); сказание упоминает об отношениях кн. Александра с «царицей» и ордынцами, которые давали ему вести о решении царя (там же, стр. 419–420); в Никоновской (т. X, стр. 209–210) более распространенная редакция тех же указаний, видимо, плод редакционной переработки старинного текста.

⁶⁵В летописных сводах – под 6847 г., но день убиения не в составе рассказа об убиении кн. Александра (см. П.С.Р.Л., т. XV, стр. 420, где даты нет), а особой записью (см. т. X, стр. 211, где 28 октября «на память святых мучеников Терентея и Неонилы, и преподобного Стефана, творца канонам, и Саваита и святые мученицы Параскевы, нареченные Пятницы», – вместо 29 октября, как т. VII, стр. 205, и Новг. I, стр. 36; ту же дату, что Никоновская, дает Рогожский летописец, т. XV, изд. 2-е, стр. 61), которая, как церковно-поминальная, едва ли могла быть сделана не по церковному – сентябрьскому, а по мартовскому летосчислению.

⁶⁶Рогожский летописец (там же, стр. 52) и Никоновская (т. X, стр. 211).

⁶⁷В Никоновской – в конце текста, заимствованного из сказания об убиении кн. Александра, после упоминания о скорби «всего града» на погребении князя, – неожиданная фраза: «и тако Тверское княжение до конца опустеша», которая может навести на предположение о пропуске каких-то известий о последствиях для Твери московского одоления; в Тверской летописи (т. XV, ст. 421), так же как в Забелинской и Толстовской рукописях, в этом месте текста снова дефект, восходящий к их общему источнику. – Мотивировка отъезда тверских бояр – «заездом» их пришельцами принадлежит кн. М.М. Щербатову, который предполагал приезд к князю Александру Михайловичу псковских бояр и ссылался на приезд к нему «немца Доля» («Ист. Рос.», т. III, стр. 355); эту догадку, отбросив псковичей, использовал Карамзин (т. IV, стр. 142 и прим. 304); принял ее и Соловьев («История отношений между князьями Рюрикава дома», стр. 342; «Ист. Рос.», кн. I, стр. 920). Но тенденция родословных тверского боярства относить приезд их предков – знатных иностранцев (немчина Дола или Долга, родоначальника Левашовых; Дуска Величка из «наталинской» земли, родоначальника Нащокиных, см. «Временник», т. X, стр. 118 и 119) ко времени кн. Александра и притом к моменту его возвращения в Тверь из Пскова в связи с указанием Никоновской, что тогда же произошел отъезд тверских бояр в Москву – подсказала историкам их догадку – не случайную, а, вероятно, обусловленную уже содержанием родословных источников летописания XVI века.

⁶⁸Обзор фактических сведений о деятельности в. к. Ивана Даниловича не дает основания для его характеристики, как князя «скопидома», представителя «удельной» узости и замкнутости вотчинных интересов. Эта его характеристика, столь обычная в нашей исторической литературе, построена на впечатлении от его духовных грамот, которые, однако, касаются только московской отчины и ее семейно-вотчинных распоряжений.

Глава IV. Московская вотчина потомков Калиты

¹Напомню важнейшие моменты истории Смоленска до этой поры. Смоленская земля испытывала литовские набеги с начала XIII в. (1206, 1223, 1225 гг.); смоленские князья пытаются идти навстречу опасности, защищая Полоцкую землю от Литвы и немцев (1222 г. – смоленский князь Святослав Мстиславич в Полоцке, договор с Ригой в 1229 г. кн. Федора Давыдовича за Смоленск, Витебск и Полоцк и т. п.); еще в 1232 г. Святослав Мстиславич пытается отстоять соединение Смоленска и Полоцка под одной властью, но намечавшееся объединение кривичских земель не по силам смоленским князьям без опоры во Владимирском великом княжении. В 1239 г. в к. Ярослав Всеволодович отнимает Смоленск из литовских рук и закрепляет свои отношения к западнорусской окраине женитьбой сына Александра на Брячиславне, княжне Полоцкой. В середине XIII в. нарастает дробление Смоленской земли, напр. выделяется Можайское княжество кн. Федора Ростиславича, а князья смоленские под рукою Владимирского великого князя – участники его походов на Великий Новгород и Литву. Кн. Федор – с 60-х годов ярославский князь, а в 80-х годах пыгается соединить в своих руках смоленское и ярославское княжения. Но Смоленской земле не суждено еще втянуться в великорусскую политическую систему. Смоленск ускользнул из-под власти Федора Ростиславича – там княжит его племянник Александр Глебович, а по смерти кн. Федора на можайское княжение сел младший Глебович – Святослав. Княжение Александра Глебовича (ум. 1313 г.) – время усиленного распада: Можайск захвачен московским князем, Вязьма с волостями выделилась в особое княжение, часть смоленских волостей отошла к княжеству Брянскому, и столкновения кн. Александра с вяземскими и брянскими князьями не вернули Смоленску ни волостей, ни подорванной силы. Долгое княжение Ивана Александровича (1313–1358 гг.) – время, когда положение смоленского княжества характеризуется его притеснением с востока и запада Москвой и Литвой. Великое княжество Литовское овладело белорусскими областями и правобережным Поднепровьем: все торговые пути Смоленска были в литовской руке. А на востоке – крепнет объединение великорусской силы, к которой тянет и в старой чернигово-северской земле и в смоленщине все, что недовольно литовским засильем. В русско-татарском походе 1340 г. с великокняжеской и ханской ратью идут на Смоленск друцкий и фоминский (из мелких смоленских) князья. В 1341 г. брянский князь Дмитрий Романович выдал дочь за московского князя Ивана Ивановича; вяземский князь Федор Святославич, служивший ранее Гедимину (П.С.РЛ., т. VII, стр. 199), оказывается затем на московской стороне, посажен на Волоке, а в 1345 г. выдал дочь за в. к. Симеона (брак был разорван через год). Напротив, кн. Иван смоленский держался Литвы; еще при Гедимине он заключил с Ригой договор «по тому dokonчанью, как то брат мой старейший Гедимин dokonчал и его дети Глеб и Алкред» (С.Г.Г. и Д., т. II, № 8); поход Ольгерда в 1341 г. под Можайск имел, вероятно, задачей вернуть эту волость к Смоленску: в 40-х годах видим смоленские войска в войнах Ольгерда против Ливонского Ордена; но единодушия нет в смоленских отношениях к Литве: в крайне осторожной, уклончивой политике Ольгерда много недоверия к Смоленской земле, как и вообще к западнорусским землям, ненадежной опоре литовской власти в столкновениях с восточным соседом.

²П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 93; т. IV-2, вып. 1, стр. 271; т. VII, стр. 206.

³«И поидоша вси князи рустии в Орду» (П.С.РЛ., т. V, стр. 222; т. VII, стр. 206); «и вси князи тогды в Орде были» (т. XVIII, стр. 93). «И вси князи русския даны ему в руце» (т. V, стр. 222; т. IV-2, стр. 271); «и все князи руския под руце его даны» (т. VII, стр. 206).

⁴«Тое же зимы бысть велик съезд на Москве всем князем русским», т. XVIII, стр. 93; т. X, стр. 212; Никоновская легким изменением текста связывает это известие с последовавшим походом к Торжку: «бысть съезд... и поидоша...», но в Сименовской это два отдельных известия – первое о «великом съезде», а другое – «и поиде ратью к Торжку князь великий Семен».

⁵П.С.РЛ., т. VII, стр. 184 (под 6814 т.), т. X, стр. 176 (под 6813 г.)

⁶С.Г.Г. и Д., т. I, № 21 и 22.

⁷А.В. Экземплярский, Указ. соч., т. I, стр. 79, прим. 208.

⁸В. к. Елена скончалась в марте 6840 г. (П.С.РЛ., т. VII, стр. 203; в Лет. по академическому списку, изд. при Лаврент. летописи – под 6839 г., стр. 503); запись о втором браке Ивана Калиты в Никифоровском списке западнорусской летописи (т. XVII, стр. 30. прим. 56) под 6840 г.: «того же лета оженися в другии Иоан Данилович. В духовной Калиты в. к. Елена упомянута, как умершая: «а что золото княгини моей Оленино, а то есмь дал дчери своей Фетиньи 14 обручи, а ожерелье матери ее»; старшие дочери от первого брака были замужем – Мария (с 1328 г.) за князем ростовским Константином Васильевичем, Евдокия (о смерти которой упоминает Никоновская летопись под 1342 г., т. X, стр. 215) – за ярославским князем Василием Давыдовичем; они не упоминаются в духовной, а княжна Фетинья определенно противопоставлена второй семье: «а что есмь придобыл золота, что ми дал Бог», читаем вслед за строками о наделении княжны Фетиньи, «и коробочку золотую, а то есмь дал княгини своей с меньшими детьми». Эти «меньшие дети» – княжны Мария и Феодосия; Экземплярский считает их дочерьми в. к. Елены, вероятно, потому, что в Марии видит ростовскую княгиню, что едва ли возможно: та была с 1328 г. замужем и никак не подходит ни под термин «меньшие дети», ни под наделение московскими селами, какие даны «княгине с меньшими детьми», ни под опеку мачехи. Если же видеть в «меньших детях» двух дочерей кн. Ульяны, то дату первой духовной надо отодвинуть еще года на два или несколько более: поездка в Орду в. к. Ивана в годину возобновления борьбы между ним и кн. Александром Михайловичем, быть может, дает наилучший повод для приурочения его первой духовной. В этой грамоте княгине-вдове назначено, кроме волостей и сел (в том числе «Раменье, что было за княгинею», вероятно, Еленой), – «из городских волостей» – осмничес, а упоминание о княгине Ульяне в духовной в. к. Ивана Ивановича таково: «а княгиня Ульяна, по отца моего князя великого по душевной, ведает волости и осмничес и села до своего живота», тождество явное; ниже в числе ее волостей упоминается Сурожик, а в числе сел – Лучинское, чем благословил свою вдову Иван Калита. Эти владения по духовной в. к. Ивана Ивановича назначены, по смерти кн. Ульяны, ее дочери: видно, что только одна и осталась в живых (предположение Экземплярского о дочери, родившейся после смерти отца, излишне).

Сомнительна одновременность обеих грамот Калиты. Вторая повторяет первую, но добавляет распоряжения о селлах, прикупленных великим князем и замененных им, между прочим в новгородских, владимирских, костромских и ростовских пределах: это, надо полагать, новые примысли, сделанные после написания первой грамоты и весьма возможно, что их, как и самую грамоту, надо отнести к последним годам жизни и княжения Ивана Калиты, когда он использовал свою победу над Тверью не только для усиления своей великокняжеской власти, но и для «примыслов» к своей московской вотчине.

⁹Владимирский-Буданов, Обзор истории русского права, стр. 130 (7-е изд.); М.А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, т. I, стр. 315.

¹⁰Ср., напр., сопоставление этих терминов в уставной грамоте 1530 г. «человек нестяглою и неписменою», Д к А. И., т. 1, № 26.

¹¹В.Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей, как историко-географический источник – в «Записках Имп. Русского Археологического общества, т. XII.

¹²«также и мыты, которые в котором (вторая духовная: в которого) уезде, по тому».

¹³С.Г.Г. и Д., т. I, №№ 24 и 26. Термин «удел» впервые в договорной грамоте в. к. Симеона с братьями (там же, № 23).

¹⁴Одновременно с разделом волостей между сыновьями и вдовой-княгиней в. к. Иван наделяет их селами, драгоценностями казны своей, статьями дворцового хозяйства, предоставляя им самим поделиться своими холопами, зарегистрированными в особом «великом свертке». Те из сел этого надления, какие поддаются топографическому определению, либо подмосковные, либо лежат в тех волостях, какие вошли в состав «уезда» каждого данного князя: напр., кн. Симеону дано село на Северьце в Похрянском уезде, село Астафьевское, Копотенское, Островское, Орининское, Константиново, Малаховское – вниз по Москве-реке от города и подмосковное Напрудское; кн. Иван получил, кроме подмосковных (Семчинское), села в волостях Звенигородских и Рузских; князь Андрей – в Перемышльских и Серпуховских (см. В.Н. Дебольского, указ. соч.). Это само по себе достаточно разъясняет пресловутый вопрос о тождестве или различии оснований княжого владения волостями и селами. Волость – единица княжого владения, на территории которой могут и быть, и не быть дворцовые села. Вопрос о частноправовом или государственно-правовом характере княжеского владения теми и другими – есть вопрос о том, какие явления старинного правового быта подводить под те или иные привычные вашему времени категории правовых понятий. Поскольку постановка такого вопроса исходит из представления об этих категориях, как о каких-то чуть не априорных и вековечных формах правосознания, она ведет к бесполезной схоластике в толковании исторических явлений. Средневековое право и у нас, и на Западе тем и отличалось, что отношения для нас резко и принципиально различные, как земельное владение и юрисдикция, право на хозяйственные доходы и на доходы судебно-административные или финансовые – могли трактоваться с одной и той же правовой точки зрения, которая не подходит под наше представление ни о гражданском, ни о государственном праве. В действительности различие между владением волостями и селами было весьма значительно. Термин «волость» – весьма широк; он означает и финансовые доходы («городские волости» духовной Ивана Килиты) и единицу территориального владения и управления с правами на судебно-административные доходы и на повинности населения. Села – единицы княжеского землевладения и дворцового хозяйства, но владение ими, несомненно, связано и с правами так наз. «государственного» характера; при возникновении владения дворцовым селом на территории чужой княжеской волости получалось особое дробление судебно-административной власти; «а которым есмь детям своим села подавал, в чьем уделе ни буди, читаем в духовной грамоте в. к. Василия Васильевича, яно того и суд над теми селы, кому дано». Что это не нововведение, а утверждение обычной практики, из-за которой возникало много столкновений, показывают борьба Великого Новгорода против развития княжеского землевладения на его территории и аналогичные меры князей против вторжения инокняжеского землевладения в область их княжений.

¹⁵Договор в. к. Симеона Ивановича с братьями (С.Г.Г. и Д., т. I, № 23); грамота сохранилась сильно поврежденной, но не настолько, чтобы не служить ценным источником.

¹⁶«а кто иметь нас сваживати наш...» [и бояре?].

¹⁷«а что Олексей Петрович вшел в коромолу к великому князю, нам князю Ивану и князю Андрею к собе не приимати, ни его детей, и не надеяться ны его к собе до Олексеева живота; волен в нем князь великий и в его жене и в его детях»; эта формула выдачи боярина головой великому князю мало смягчается оговоркой, что и великому князю не принимать Алексея к себе в бояре, так как далее опять условие, указывающее на бывшую близость боярина к князю Ивану «а мне князю Ивану, что дал князь великий из Олексеева живота, того ми Олексею не давати, ни его жене, ни его детям, ни иным чим не подмагати их».

¹⁸С.Г.Г. и Д., т. I, № 24: «а по отца нашего благословенью, что нам приказал жити за один, такоже и яз вам приказываю, своей братьи, жити за один; а лихих бы есте людей не слугали и хто иметь вас сваживати, слушали бы есте отца нашего владыки Олексея, такоже старых бояр, кто хотел отцю нашему добра и нам».

¹⁹В Симеоновской летописи (П.С.Р.Л., т. XVIII, стр. 99) под 6844 г.: «тое же зимы Февраля в 3 день..... убиен бысть Алексей Петрович тысяцкий, убение же его дивно некако и незнаемо, аки ни от кого же никим же, токмо обретеся лежай на площади; неци же рекоша яко в таю съвет сотвориша и ков коваша нань, и тако всех (бояр – Воскресенская) общею думою., пострада»; то же в Троицкой лет. (там же, и Карамзин, т. IV, прим. 381) и в Воскресенской (т. VIII, стр. 10). Никоновская лет. (т. X, стр. 229) сохранила дополнительное известие: «и бысть мятеж велий на Москве ради того убийства; и тако тое же зимы, по последнему пути, большие бояре московскии отъезаша на Рязань з женами и з детьми», а через год «князь велики Иван Иванович... перезва к собе паки дву бояринов своих, иже отъехали были от него на Рязань, Михаило и зять его Василей Васильевич» (там же, стр. 230). Возможно, что речь идет о В.В. Вельяминове, знаменитом «последнем тысяцком» и что его же имя встречаем под договорной грамотой в. к. Симеона с братьями: «Василий... тысяцкий». Такое отождествление дало бы пояснение мотива всей смуты, как борьбы за должность тысяцкого и связанное с ней значительное влияние. При ведании Москвы всеми князьями-братьями «с единого» тысяцкий должен был занимать особое положение – представителя княжеской власти, но не уполномоченного агента того или иного князя; отсюда должны были естественно возникать и попытки тысяцкого играть более независимую роль и причастность его ко всякому столкновению между князьями-совладельцами; отсюда и трагическая судьба ряда тысяцких, как московских (Алексей Петрович, В.В. Вельяминов), так и рязанских (Иловайский, История Рязанского княжества, стр. 120).

²⁰Вероятно, к численным людям относится и следующее дефектное место грамоты: «а которые люди по нашим волостем выиманы нын... войны... нам к собе не приимати; а которых людей отец наш, князь великий, выимал из... в службу, те так и знают свою службу, в которую кто уряжен, а нам их к собе не приимати».

²¹Запрет, по-видимому, не безусловный, если правильно дополнение слов: «наших уделех не купити, ни твоим бояром, ни слугам без»... – словами: «нашего ведома».

²²Конечно, не половину, назначенную «на старейший путь» в. к. Симеону и тому, «кто будет старейший» после него, как не передает в. к. Симеон жене и путей дворцового хозяйства, а только «из конь своих ездовых» – 50 коней, а из стад «стадо коломенское, другое стадо Дегино Ивашково».

²³С.Г.Г. и Д., т. I, № 26.

²⁴Текст духовной грамоты в. к. Ивана Ивановича содержит два, противоречащих друг другу указания на судьбу этих волостей: три из них – Похряве, Песочна и Середокоротна указаны в перечне пожизненных владений кн

Марии, о которых сказано: «а по ее животе, те волости сыну моему князю Дмитрию»; а далее читаем: «а се дал есмь княгини своей Олександре из Коломенских волостей: Похряпе, Песочну, Середокоротну», при чем волости эти должны перейти к в. к. Дмитрию по смерти кн. Александры. Княгиня Мария умерла в 1399 г. П.С.РЛ., т. VI, стр. 130; т. VIII, стр. 72), пережив и в. к. Ивана (ум. в ноябре 1358 г.), и его вдову княгиню Александру (ум. в декабре 1363 г.; П.С.РЛ., т. VIII, стр. 13), но предоставленные ей волости не остались в ее руках: часть их, именно волости коломенские, переданы в. к. Александре в пожизненное владение. Редакция текста духовной грамоты в. к. Ивана Ивановича, вообще, сохранила следы переписки на бело с правленной черновой: так село «Мещерка у Коломны» попало явно на ненадлежащее место с приписки на черновой. Вставкой при новой редакции грамоты представляется и статья: «А се дал есмь княгини своей Олександре яз коломенских волостей...», причем не проредактированными заново остались статьи о пожизненном владении коломенскими волостями кн. Марии. Конечно, возможно было бы и другое предположение: что к статье о наделении кн. Александры коломенскими волостями надо учитывать оговорку о переходе их к этой княгине по смерти кн. Марии, но тогда непонятно отделение этой статьи от статьи о Заячкове и Забереге, которая читается ниже в духовной грамоте: «а что за княгинею за Марьею Заячков, Заберег с месты, то до ее живота, а по ее животе – моей княгине». Эти две волости – не коломенские и не часть удела кн. Симеона Ивановича, а его примыслы: Заячков по «благословенью» его тетки кн. Анны (договорная грамота в. к. Симеона с братьями, С.Г.Г. и Д., т. I, № 23), Заберег (Забереги, Заберега) – по купле у Семена Новосильского (духовная в. к. Симеона, там же, № 24). Заберега упоминаются в ряду верейских волостей в духовной в. к. Дмитрия Донского (там же, № 34) и в меновой грамоте 1566 г. (там же, № 187). О Заячкове встречаем указание во втором договоре в. к. Дмитрия с кн. Владимиром Андреевичем (там же, № 29) как о пожизненном владении княгини (очевидно, Марии), но в духовной Донского и Заячков и Заберега в его владении (вероятно потому, что кн. Мария к тому времени уже приняла пострижение? запись о ее кончине называет ее: «великая княгини Мария Семенова Ивановича, нареченная во мнишеском чину Фетиния», а не говорит, как обычно при пострижении на смертном одре: «преставися в черницах и в схиме»).

⁴⁵Этот договор заключен «по благословенью» митр. Алексея; более определенная его датировка делается в литературе крайне сбивчиво. В Собрании Государственных Грамот и Договоров (т. I, № 27) договор отнесен к 1362 году; Карамзин отнес его к 1364 г., как договор, заключенный после кончины князя Ивана Ивановича (ум. 23 окт. 1363–6872 г., по Карамзину 1364 г.), и в. к. Александры (ум. 27 дек. того же года; ср. П.С.РЛ., т. VIII, стр. 12–13; т. X, стр. 3–4, кончина в.к. Александры под 6873 г.), вероятно потому, что в договоре не упомянут князь Иван. С.М. Соловьев повторил дату С.Г.Г. и Д. Суждение А.В. Экземплярского колеблется: во II т., на стр. 295 он утверждает, что этот договор состоялся после октября 1364 г., так как иначе был бы упомянут кн. Иван, но в I т., на стр. 94 он отнес договор к 1362 г. – к моменту, когда московские бояре организовали поход против кн. Дмитрия суздальского, «взяв с собой троих юных князей, т. е. Дмитрия, Ивана и Владимира», вытеснили Дмитрия Константиновича из Переяславля и Владимира и вернулись в Москву, посадив Дмитрия Ивановича на великом княжении; «к этому, кажется, времени надобно отнести его договорную грамоту с двоюродным братом его, Владимиром: конечно, бояре позаботились для устранения в будущем каких-либо недоразумений, определив взаимные отношения братьев». Только эта последняя датировка имеет за себя опреде-

ленные основания. Если в договоре не упомянут кн. Иван, то это еще можно объяснить тем, что у него, за малолетством, не было своего двора и что состоял он в той же опеке митр. Алексея и московских бояр, как и в. к. Дмитрий; напротив, трудно допустить, чтобы по смерти кн. Ивана заключен был договор, где не было бы упоминания о его звенигородском уделе: в. к. Дмитрий выступает тут владельцем только того «удела дяди своего князя великого Семеновым», т. е. можайско-коломенском, каким благословил его отец в. к. Иван. У князя Владимира был свой двор – бояре его отца, и договорное определение его отношений к в. к. Дмитрию было естественно и даже необходимо.

²⁶С.Г.Г. и Д., т. I, № 29. Договор этот дошел до нас в сильно попорченном виде; местами его содержание не поддается сколько-нибудь надежному восстановлению. В С.Г.Г. и Д. он датирован 1371 г., очевидно – как годом рождения князя Василия Дмитриевича, ввиду упоминания в грамоте о великокняжеском сыне. А.В. Экземплярский отнес грамоту ко времени между 1359 и 1363 гг. на основании слов: «...пожалует нас Бог, найдем тебе, князю великому, великое...», так как в 1363 г. закончилась борьба за великое княжение, а «чего-нибудь другого великого, кроме великого княжения, договаривающиеся не могли искать» (указ. соч., т. II, стр. 221). Однако такая датировка грамоты неприемлема, как потому, что весь ее текст, насколько он сохранился, трактует Дмитрия Ивановича, обладателем великого княжения (кроме титула, обязательство кн. Владимира «не искати» великого княжения под в. к. Дмитрием и его детьми, упоминание о сборе дани с вотчины великого князя и с великого княжения), так и потому, что в ней упомянуто о пожаловании в. к. Дмитрием «в удел» князю Владимиру Галича и Дмитрова, устанавливается и рубеж этих владений, что возможно только для времени после 1363 г., т. е. после изгнания из Галича последнего местного князя; наконец упоминание о «двух жеребьях» из удела княгини Ульяны, доставшихся в. к. Дмитрию, указывает на время после кончины кн. Ивана (1363 г.), а упоминание о сыне в. к. Дмитрия («тобе, брата своего старейшего, князя великого себе отцем а сына твоего...») и «аци Бог розмыслит о сыну твоем...») отодвигает дату грамоты ко времени не ранее конца 1366 – начала 1367 г., если допустить, что речь идет о первенце в. к. Дмитрия Данииле, который умер, по-видимому, в младенчестве (П.С.РЛ., т. VII, стр. 237 – «Данило малой»; т. VIII, стр. 58; т. XI, стр. 121), так как в. к. Дмитрий женился в январе 1366 г. Мало существенно для приурочения этой грамоты указание надписи на ее обороте, что он заключен «при Олексее митрополите вся Руси», т. е. ранее 1378 г. Однако всего вероятнее отнести ее, согласно С.Г.Г. и Д., к 1371 г. Три ее места – три дефектных отрывка дают неустранимое впечатление тревоги за великое княжение и за владения, пожалованные кн. Владимиру в. к. Дмитрием: 1) [велико] «...е княженье, а от мене мой удел, чем мя еси, господине, по... (жаловал); 2) «аци от...» [оймутся?] и 3) «...пожалует нас Бог, найдем тебе, князю великому, вели кое...» [княжение?]. В ряду событий позднее 1366 г. можно указать лишь один момент, которым пояснялась бы подобная тревога: в 1371 г. тверской князь Михаил Александрович вывез из Орды ярлык на великое княжение и начал борьбу с Дмитрием Ивановичем при помощи литовской рати.

²⁷«А коли ти, господине, будеть взяти дань на своей вотчине и на великом княжении...» и ниже: «такоже и мне, брату твоему младшему, в вотчину в твою и в удел данщиков ми своих не всылати».

²⁸Слово удел и в этой грамоте означает долю, полученную путем раздела (или надела), но по существу относится к владению иного типа, чем удельные участки сыновей Калиты, так как в данном случае отсутствует представление о единой вотчине, которой вотчичи владеют по уделам, а стало быть

теряют свою твердую основу характерной особенности такого владения – возможность частичного передела и право остальных вотчичей на выморочный удел князя-брата.

²⁹«Вотчины ми, господине, твоее и великого княженья... ми под тобою не искати я под твоими детьми, ни моим»... (детям), «...и твоим детям под моими детьми»; «блюсти, а не обидети, и твоим детям».

³⁰С.Г.Г. и Д., т. I, № 33.

³¹«и ты мне потом челом добил отцом моим Алексеем митрополитом вся Руси, и яз тебе пожаловал, дал ти есмь Лужу и Боровеск».

³²«и что ти ся достало удела княгинина Ульянина». Дата кончины вдовы Ивана Калиты неизвестна, но скончалась она ранее заключения второго договора в. к. Дмитрия с кн. Владимиром Андреевичем. По духовной в. к. Ивана Ивановича волости, села и осмничес, назначенные ей в удел духовной Ивана Калиты, признаны ее пожизненным владением, с тем, чтобы по ее смерти всем этим поделились «на четверо без обиды» князя Дмитрий и Иван Ивановичи, кн. Владимир Андреевич и княгиня Александра, вдова в. к. Ивана Ивановича. Кн. Иван и кн. Александра скончались в 1363 г. Второй договор в. к. Дмитрия с кн. Владимиром Андреевичем указывает на то, что великому князю досталось «два жеребья» из удела княгини Ульяны (причитавшиеся ему и брату его Ивану).

³³Второй договор в. к. Дмитрия с кн. Владимиром упоминает также об уступке великим князем князю Владимиру дани в Перемышле, Растовце и Козловом Броде: великий князь обязуется не посылать в эти места своих данщиков; третий (1389 г.) упоминает об отмене этого пожалования: «а что ти ся семь был отступил дани в Растовце и в Перемышле, а на тоны слати свои данщикоы вместе, как было при нашем деде, при великом князе и при наших отцах».

³⁴Договор этот содержит указание, что заключен он после размирья между князьями: «приял есмь в любовь брата своего молодшего и своего сына князя Володимера Андреевича и докончали есмы и целовали есмы крест у своего отца у митрополита». «Розмирие бысть великому князю Дмитрию Ивановичю с князем Володимером Андреевичем» читаем в летописи под 1388 г., а затем: «в лето 6897 марта 25, в Благовещение, князь великий Дмитрий Иванович взя мир и прощение и любовь с князем Володимером Андреевичем» (П.С.Р.Л., т. VIII, стр. 52). Дата договорной грамоты – 1388 г. (в С.Г.Г. и Д. – 1388, вероятно, по мартовскому летоисчислению).

³⁵П.С.Р.Л., т. VIII, стр. 19, 21 и 34.

³⁶«А коли ми будем самому всести на конь, а тебе со мною; или ты куды пошлю, и твои бояре с тобою». Возможно, что уже во втором договоре отпала мысль, что двоюродный брат лично выступает только при личном же выступлении великого князя, но, наверное, сказать нельзя, что в нем было прописано: от разрушенных временем строк остались только слова: «без послушанья». Сама мысль эта, по-видимому, не чужда укладу междукняжеских отношений еще в старой Киевщине, ср. «Княжое право», стр.75.

³⁷Гарантия взаимная: во владения друг друга не посылать ни данщиков, ни приставов, не давать жалованных грамот, не покупать в чужих пределах сел, не держать ни закладней, ни оброчников, ни князю, ни его боярам.

³⁸В договоре 1389 г.: «а ударить ми челом мой на твоего, хто живет в твосм уделе, и мне послати к тебе, и тебе ему исправа учинити; а ударить ти челом твой на моего, хто живет в моем уделе и в великом княженьи, и тебе послати ко мне, и мне ему исправа учинити, а за ними слати нам своих бояр». Претензии князей к боярам друг друга разрешаются совместным судом, который может свои разногласия перенести на третейское решение: «а чего ми будет искати на твоих боярах или чего покати тебе на моих боярех, нам отослати

от себе по боярину, те тому делу учинять исправу; а ци о какове деле mezi себе сопрутся – ехати им на третий, кого себе изберут, тамо ехав промолвятся» (первый договор). Таким же порядком разрешаются и пререкания самих князей; договор 1389 г. добавляет лишь указание, что роль третейского судьи подобает в таком случае митрополиту, и лишь при вакантности митрополии возможен выбор «кого себе изберуть».

³⁹Первый договор (текст дефектный): «а коли мне будеть, брате молодой, к дань взяти на своих боярех в великом княженьи, а кто будеть твоих бояр а слуг в великом княженьи... ми дань взяти, как и на своих»... Договор 1389 г.: «а хто меть жити моих бояр и моего сына княжих Васильевых и моих детей в твоём уделе, блюсти ти их как и своих, и дань взяти как на своих; а хто иметь жити твоих бояр в моем уделе и в великом княженьи, а тех нам блюсти, как и своих, и дань взяти, как и на своих». О военной службе: «а коли ми будет послати на рать своих воевод, а твоих бояр хто иметь жити в моем уделе и в великом княженьи, тем поехати с моим воеводою, а моим потому же с твоим воеводою».

⁴⁰Дефектный текст: «...московские имуть бити челом тебе, князю великому на наших бояр и слуг московских, – аже будешь на Москве, тебе судити, а мы с тобою в суд шли, господине; опрочь Москвы – слати к твоему наместнику и к нашим... чинять исправу московским бояром и слугам, а приставов ти не слати». В договоре 1389 г.: «а судов ти [князю Владимиру] московских без моих наместников не судити, а яз иму московьскыи суды судити; тем ми ся с тобою делити; а буду опроче Москвы, а ударить ми челом москвитин на москвитина, пристава ми дати, а послати ми к своим наместником, и ни исправу учинять, а твои наместники с ними; а ударить ми челом хто из великого княженья на москвитина, на твоего боярина, и мне пристава послати по него, а тебе послати за своим своего боярина». Великий князь, согласно обоим договорам, не посылает пристава для зова на суд бояр и слуг кн. Владимира, который сам ставит на суд своих людей, но суд не смешной, а великого князя или его наместника, а наместник удельного князя «с ним» – ради доли в судебном доходе («тем мя с тобою делити»).

⁴¹«Бесерменский долг и протор» – задолженность великого князя в Орде. «Русский долг», по-видимому, тот долг, что сделал в Константинополе на имя в. к. Дмитрия в 1377 г. Пимен, добиваясь поставления на митрополию вместо умершего Митяя: «Пимен же кабалаю оною великого князя с своими советники позаймоваша в рост на имя великого князя у фрязь и у бесермен, растет же сребро то и доселе» (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 32).

⁴²Дефектный текст первого договора дает следующие указание: «а коли ми будеть брате молодой, и дань взяти на своих боярех в великом княженьи, а кто будет твоих бояр и слуг в великом княженьи... ми дань взяти как и на своих»; второй договор содержит тоже постановление на случай, когда великому князю «будет взяти дань на своей вотчине и на великом княженьи», причем сохранил и вторую половину уговора: и удельному князю в своей «вотчине и в уделе» брать дань с великокняжеских бояр, чьи села лежат в пределах его княжения. Договор 1389 г., кроме этого соглашения (бояр, служащих одному князю, а живущих во владениях другого, «блюсти как и своих и дань взяти – как и на своих»), содержит и другое: «а коли ми взяти дань на своих боярех на больших и на путных, тогда ти взяти так же по кормленью и по путем, да дати ти мне, а то опроче того урока трех сот рублей и дватцати» (очевидно, упомянутый выше «урок» в 320 р., описка на пять тысяч р.).

⁴³Первый договор: «а коли ми будет сдать свои данщики в город и на перевары..., а тебе свои данщики слати с моими данщики вместе»; договор 1389 г.: «а что наши данщики сберут в городе и в станех и в варях тому ити в мою казну, а миc данщати выход».

⁴⁴«а кого коли оставити у тебе бояр, про то ти мене доложити, то ны учинити по згадце: кому будет слично ся остати, тому остатися; кому ехати, тому ехати» (первый договор).

⁴⁵«а кто ся ослушает, того ми казнити, а тебе брату моему со мною» (то же).

⁴⁶Первый договор: «а которые слуги потягли к дворьскому, а черныи люди к сотником, тых ны в службу не примати, но блюсти ны их с одного такоже и численных людей». Во втором – не ясный отрывок: «а в численных людех тебе, князю великому»..., как бы намекающий на раздел (на две трети и треть?). В договоре 1389 г.: «а численных людей блюсти ны с одного, а земля их не купити; а которые слуги к дворьскому, а черныи люди к становщику, тых в службу не примати, а блюсти ны их с одного, а земля их не купити»; и ниже: «а кто будет покупил земли данные служни или черных людей, по отца моего животе, по князя великого по Иванове, а те хто взможет выкупити, и не выкупят, а не взмогут выкупити, и не потянут к черным людям; а хто не всхочет тянути, и не ся земля съступят, а земля черным людям даром».

⁴⁷Ср., например, П.С.РЛ., т. VI, стр. 219: «били челом великому князю в службу бояре новгородские и все дети боярские и житьи да приказався вышли от него; и князь велики выслал за ними Ивана Товаркова..., а велел им князь велики говорити: на которой грамоте великим князем крест целовали есте, по той бы грамоте государем своим и правили есте по тому же крестному целованью; а что услышит кто у брата своего у новгородца о великих князех о добре и лихе, и вам то сказати своим государем великим князем».

⁴⁸В первом договоре: «а тебе брату моему молодшему без мене не доканчивати, ни съсылатися ни с кем же, такоже и мне без тебе»; в договоре 1389 г.: «а тебе брату моему молодшему и моему сыну без мене и без моих детей не канчивати ни с кем же, и мне бес тебе». Кн. Владимир Андреевич и на деле постоянный участник договоров в к. Дмитрия с кн. Михаилом Тверским (тут вместе с Великим Новгородом: «а на семь на всеь, брате младший князь великий Михайло Олександрович целуй ко мне крест к брату к старейшему князю великому к Дмитрию Ивановичю, к моему брату князю Володимеру Одреевичю и к нашей вотчине к Великому Новгороду» – С.Г.Г. и Д., т. I, № 28) и с в. к. Ольгердом, причем устанавливают договор и скрепляют его крестоцелованием послы «от великого князя от Дмитрия Ивановича и ото князя Володимера Аньдреевича» – С.Г.Г. и Д., т. I, № 31; с кн. Олегом Рязанским – там же, № 32; с Великим Новгородом – А.А.Э., т. I, № 8.

⁴⁹Второй договор: вотчины ми, господине, твоее и великого княженья... ми под тобою не искати, ни под твоими детьми, ни моим» (детям). Договор 1389 г.: «тебе, брату моему молодшему и моему сыну, князю Володимеру Андреевичу, держати ти подо мною и под моим сыном, под князем, под Васильем, и под моими детьми княженье мое честно и грозно»; – «а чим мя благословил отец мой князь великий Иван в городе в Москве и в станех два жеребья и пошлин всех два жеребья, также и Коломна с волостями и Звенигород с волостями и Можаск с волостями и отъездными месты и великим княженьем, того ти подо мною блюсти и под моим сыном подо князем под Васильем и под моими детьми».

⁵⁰Сохранились две духовные Дмитрия Донского, но от первой, составленной еще при митр. Алексее, уцелел только малозначащий конец. Вторая грамота упоминает княжича Петра (род. 1385 г.), но не упоминает о Константине (род. в мае 1389 г.). Не упоминает духовная грамота и о митр. Пимене; может быть потому, что писана после его отъезда в Константинополь (уехал 13 апреля 1389 г.). Тем же данным соответствует и датировка грамоты временем между 1385 и 1388 гг. (после рождения княжича Петра и до водворения в Москве митр. Пимена, вторичного). Однако слова духовной

грамоты: «а которые деревни отоимал был князь Володимер от Лыткинского села княгини моее к Берендееве слободе, а те деревни потянуть к Лыткинскому селу моее княгини» указывают, скорее, на время после розмирья князей и их примирения. Решает вопрос – в пользу конца 1388 – нач. 1389 г. ожидание рождения сына (Константина): «а даст ми Бог сына, и княгини моя поделит его, возмя по части у большие его братьи».

⁵¹Эти «прикупы» княгини утверждаются за ней словами: «то ее и есть», так как не духовная создает ее право на эти владения.

⁵²Великий князь дает своей княгине несколько своих «примыслов» и «купель» в том числе, «а что ми дала княгиня Федосья Суду на Белоозере да Колашну и Слободку и что благословила княгиню мою Городком да Волочком, та места ведает княгиня Федосья до своего живота, а по ее животе то княгине моей». О княгине Федосье, вдове князя кемского Давида Семеновича, см. у Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси» (Сочинения, т. III), стр. 5–6.

⁵³Сказание «О житии и о преставлении царя Руского, великого князя Дмитрия Ивановича» называет князя Ивана пятым сыном в. к. Дмитрия, но этот перечень расположен не по старшинству князей, так как седьмым назван «старейший» Данило; в таком порядке перечня можно видеть отражение духовной грамоты, так как выше в сказании находим сообщение о четырех уделах князей Дмитриевичей, а упоминание о «пятом» Иване, шестом Константине, который был «меньший всех детей его» и остался по отце «четверодневен» и «седьмом» – «старейшем» Даниле, который «прежде преставися» – носит характер приписки в конце сказания о погребении в. к. Дмитрия (П.С.Р.Л., т. VIII, стр. 58). Родословные перечни князей (напр., т. V, стр. 90; т. VII, стр. 237; т. IX, стр. XV) то пропускают кн. Ивана, то вставляют его имя после кн. Петра, руководствуясь, вероятно, сказанием. Что Иван был старше Петра, видно из его упоминания в летописном сказании о битве на Куликовом поле (П.С.Р.Л., т. IV-2, стр. 315), как третьего, после Василия и Юрия. Исключительное положение князя Ивана, наделенного по обычаю наделения дочерей, а не сыновей, не княжением, а небольшой опричиною объясняется, вероятно, его болезненностью. Он скончался в 6901/1393 г. (т. VIII, стр. 63).

⁵⁴Особое благословение «на старейший путь» применено в грамотах только к доходным статьям в городе Москве, городских станах и путях дворцового хозяйства. В.О. Ключевский расширил смысл этого понятия, подведя под него весь перевес силы старшего из московских князей над младшими, какой создан тем, что этот князь был в то же время великим князем (Курс русской истории, т. II, лекция XXII, отдел: «Усиление старшего наследника»). Но великое княжение никогда не жаловалось отцом старшему сыну «на старейший путь»; замечание В.О. Ключевского, что излишек, который давался «на старейший путь» является до времен Дмитрия Донского «очень малозначительным, состоит из нескольких лишних городов или сел, из нескольких лишних доходов, но с завещания Дмитрия Донского этот излишек на старейший путь получает все большие размеры» – ошибочно. Впервые, излишек «на старейший путь» появляется впервые в договоре в. к. Симеона с братьями и состоит только из крупной доли в тамге и дворцовых путях, и в том же виде, лишь более ограниченным, возникает вновь в духовной Донского. Во-вторых, постепенное превращение великого княжества Владимирского в вотчину московских государей не может быть сведено к эффектной, но исторически неправильной схеме постепенного нарастания «излишка на старейший путь». Поэтому ошибочен и весь расчет Ключевского о соотношении реальной силы великого и удельных московских князей (там же, стр. 46–47). Он ошибочен арифметически, как неза-

конная операция с разнородными, качественно-различными единицами, и исторически, так как игнорирует то несомненное обстоятельство, что перевес в «массе владельческих средств» и у Симеона и у Донского над младшими князьями не сводился к тому, что значилось за ними в духовных их отцов: ведь были же они великими князьями, владели средствами великого княжения, и в этом отношении упоминание о нем в духовной Донского ничего изменить не могло; даже напротив – выдел младшим князьям долей из великокняжеских владений грозил дроблением великокняжеской силы. В.О. Ключевский довел до крайности наблюдения С.М. Соловьева над духовными Ивана Калиты и Дмитрия Донского. Ср. замечание Соловьева, что «величина уделов следует (в духовной Калиты) старшинству» (История отношений между русскими князьями Рюрикава дома, стр. 346) и его же слова по поводу духовной Донского об усилении «старшего сына не в пример прочим областью В. Княжения, областью уже теперь верной, переходившей, как отчина» (там же, стр. 406); но Соловьев не использовал этих наблюдений для построения на них целой схемы, подобно Ключевскому, потому, что правильно относил «смещение» всех московских уделов (московской вотчины) с великокняжеской областью Владимирской ко времени, когда Василий Темный одолел смуту; потрясшую при нем остатки старых традиций («История России», кн. I, стр. 1137); ср. то же у Чичерина «Опыты по истории русского права», стр. 253.

⁵⁵Ср. замечание С.М. Соловьева: «Благословляя старшего Василия целою областью В. Княжения Владимирского, Димитрий, как бы для вознаграждения, отдает «остальным 3 сыновьям города, купленные еще Калитою и окончательно присоединенные только им: Юрию – Галич, Андрею – Белоозеро, Петру – Углич» (История отношений между русскими князьями Рюрикава дома, стр. 106).

⁵⁶Судьбы Дмитрова тесно связаны с историей Галича (см. Экземплярского. Указ. соч. т. II, стр. 340–341), но слабо отразились в наших источниках; летописные своды дают о Дмитрове лишь случайные упоминания. Никоновской летописи пришлось дополнять их по родословным источникам. «Галицким и дмитровским» называет она князя Давыда Константиновича, сообщая о его кончине под 1280 г. (П.С.РЛ., т. X, стр. 155); по-видимому, Дмитров только однажды имел особого князя – Бориса Давидовича, который в Никоновской летописи назван в известии о его кончине под 1334 г. (там же, стр. 206) князем дмитровским, в отличие от его галицкого брата Федора, умершего в 1335 г. (там же, стр. 207); ср. Экземплярского, т. II, стр. 215. Если это и так, то все-таки у нас нет оснований представлять себе Дмитров стольным городом особого княжества; такое значение за ним не закрепилось и он остается галицкой волостью. В московские руки он должен был попасть после того, как Дмитрий Донской согнал с Галича последнего галицкого князя; второй договор в. к. Дмитрия с кн. Владимиром Андреевичем еще указывает на связь Дмитрова с Галичем, но затем в. к. Дмитрий включает Дмитров в состав уделов московской отчины, назначая его сыну Петру. Галицкий владелец кн. Юрий Дмитриевич сохранил и позднее притязания на Дмитров.

Глава V. Тверская отчина потомков в. к. Михаила Ярославича

¹П.С.РЛ., т. VII, стр. 192.

²Вопрос об этих князьях и их владельческом положении весьма темен, из-за недостаточной полноты сведений о них в наших источниках. Кроме старшего Льва, о котором летописи сообщают только то, что он родился в 1321 г. (П.С.РЛ., т. X, стр. 188; т. XV, стр. 414), и который, очевидно, умер в детстве, и Федора, погибшего с отцом в 1339 г., в. к. Александр имел сыновей: Всеволода, Михаила, Владимира и Андрея. Такой их порядок по старшинству устанавливается той ролью, какую играет Всеволод вместе с вдовствующей княгиней-матерью при великом княжении на Твери дяди Константина, в перечне Александровичей в жалованной грамоте другого их дяди Василия Михайловича Отрочу монастырю (А.А.Э., т. № 5). О Владимире и Андрее Александровичах знаем, сверх того, лишь дату их смерти от моровой язвы в 1365 г. (П.С.РЛ., т. XI, стр. 4). См. Экземплярского, т. II, стр. 531 и 640–641. А.В. Экземплярский, однако, и в вопросе о тверских удельно-вотчинных княжествах спешит, как у него обычно, с утверждением их отдельности к обособленности, полагая, например, что кн. Александр Михайлович «перед смертью поделил свою отчину между сыновьями, но, как видно, не всеми: Всеволод получил Холм, Михаил – Микулин, а младшие, Владимир и Андрей, остались, кажется, без уделов». Положение этих младших Александровичей при таком предположении не понятно, тем более что по упомянутой грамоте Отрочу монастырю – они участники в действиях княжеской власти. А.В. Экземплярский упустил, по-видимому, из виду, что семья в. к. Александра осталась после его кончины единой владетельной семьей под рукой вдовы-матери, княгини Анастасии и что мы вообще не имеем никаких сведений о разделе между ними отцовской отчины до 1360 г. (П.С.РЛ., т. X, стр. 231). Искусственность стараний Экземплярского установить такой раздел с кончины кн. Александра зависит от смешения понятий удельного владения и вотчинного княжества.

³П.С.РЛ., т. X, стр. 210.

⁴А.А.Э., т. I, № 5. В этой грамоте «се ми раби святые Троица, князь великий Василий Михайлович и его братаничи (идет их перечень) по отца моего и нашего деда князя великого Михайловым грамотам, Бога деля и своего деля спасения, пожаловали есмы отца своего архимандрита, кто ни будет у Святое Богородици, дали есмы ею милостыню церкви Святое Богородици Отрочью монастырю на память преставльшимся от сего житья роду нашему, а нам, пребывающим в житьи сем, за въздоровие»; льготы жалуются «в нашей отчине, в тферьских волостех и в кашиньских»; в числе льгот – освобождение от въезда в монастырские земли и суда должностных лиц, которые названы: «наместници наши и волостели» и «данници наши и ямьщици и писци и пошлиньники, кто ни буди»; Тверская земля для князей «отчина наша земля Святой Богородицы». От имени всех князей происходит общий сбор дани в Тверской земле: «а хотя коли повелим имати на тех, у кого будут грамоты наши жаловалныи, на монастырских людех ни тогда никто не емли ничего, по сей нашей грамоте».

⁵А.А.Э., т. I, № 34. Возобновляя пожалование Отроча монастыря «по родителей наших грамотам», князья добавили утверждение его «неподвижно» на будущие времена: «не порушити нам сея милостыни, ни нашим детем, ни нашим внучатам», оговорку об обязанности архимандрита «пособить в ту тяготу», если придет «из Орды посол силен, а немочно будет его спровадити», усиленную санкцию против нарушителей грамоты, причем казнит их торговой казнью великий князь («аз князь великий велю»), но вину и неза-

конно взятое с монастырских людей взыскивают все князья («себе возмем на нем вину противу дани с архимандритом на полы, а взятое велим взяти втрое и с проторы»); а также запрет архимандриту принимать людей волостных «из нашею вотчины». По числу князей – грамота была укреплена шестью вислыми печатями. Но времена в. к. Бориса принесли коренную ломку тверского одиначества, так что данная грамота лишь формально сохраняет черты уже пережитого прошлого.

⁶Из тверского источника – в Симеоновской летописи (П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 148), в Рогожском летописце (т. XV, 2-е изд., стр. 176) и в Никоновской (т. XI, стр. 183).

⁷Протест этот подкреплен ссылкой на грамоту в. к. Михаила Александровича: «не по грамоте отца нашего твои бояре к нам сложили целование, и ты бы, господине князь великий, пожаловал, велел бы еси своим бояром целование держати по нашего отца грамотам». Это сложение боярского крестоцелования не акт разрыва в. к. Ивана с братьями; его бояре не за него, а за себя, слагают «по его слову» целование к младшим князьям. В Москве такого крестоцелования, насколько знаем, не бывало, но завет братьям в. к. Симеона: «слушали бы есте отца нашего владыки Олексея, также старых бояр, хто хотел отцю нашему добра и нам», а не слушали бы «лихих» людей, «хто иметь вас сваживати», также подчеркивает обязанность бояр – отцовских, великокняжеских – поддерживать одиначество семейной княжеской группы. Братья тверского великого князя отстаивают одиначество только своей братской семьи, достигшей властного положения в Тверском великом княжестве: вне этого одиначества стоят не только кашинские и дорогобужские князья, но и холмский двоюродный брат.

⁸А.В. Экземплярский (т. II, стр. 480) отметил вслед за А.Д. Иноземцевым («Удельные князья Кашинские» – в «Чтениях в Имп. Общ. Ист. и Др. Рос.», 1873 г. кн. IV), что Василий Михайлович обозначается в летописных текстах как кашинский только с 1339 г., но замечает при этом, что обозначению кн. Василия «тверским» при жизни брата Александра не исключает его владения кашинским уделом: «он, и владея Кашином, мог жить в Твери и называться потому тверским». Впрочем, «тверскими» наши летописные своды называют всех князей Тверской земли, конечно, не по месту жительства, а по представлению об княжестве их одиначестве.

⁹П.С.РЛ., т. X, стр. 217.

¹⁰Вероятно, судя по выражению: «в серебре за волости» о сборе дани с бояр и слуг «по кормленью и по путем».

¹¹П.С.РЛ., т. X, стр. 218. Никоновская летопись называет уделом князя Всеволода – Холм («во удел князя Всеволода Александровича в Холм», «на вотчине его на Холму»), но это еще не свидетельствует о разделе отчины Александровичей на Холмское и Микулинское княжество, какое, по-видимому, осуществилось несколько позднее. Вероятно, кн. Всеволод и жил-то в Твери, а не в каком-либо городе удела («иде изо Твери к в. к. Семену Ивановичу»), но Холм считался центром удела сыновей в. к. Александра.

¹²Вскоре, еще до возвращения тверских князей из Орды, состоялся брак в. к. Симеона с сестрой кн. Всеволода – Марией Александровной (П.С.РЛ., т. X, стр. 218).

¹³Там же.

¹⁴Никоновская летопись передает рассказ об этих событиях по своему тверскому источнику, но, влетая его отрывки в свод иного материала, построила изложение, которое вызывает большие сомнения. Если следовать этому изложению, то можно представить дело так, что Всеволод получил Тверское княжение тотчас после кончины кн. Константина и до прибытия в Орду кн. Василия Михайловича; однако летописец сам дает понять, что порядок событий

сбит в его наложении; он сообщает о поездке в Орду князя Василия с замечанием: «а тогда в Орде бысть преже его (вар.: сего) братанич его князь Всеволод Александрович холмский, и даде ему царь Тверское княжение»; а через несколько строк, рассказав о нападении Всеволода на Василия у Бездежа, упоминает печаль князя Василия на Всеволода, «даде бо ему Чянибек все княжение Тверское». Дело было явно предрешено в Орде против кн. Василия Михайловича, раз он был ограблен Всеволодом при участии ханского посла, но формальное решение этого дела оттянулось на год с лишком, когда князь Всеволод «прииде из Орды от царя с пожалованием и с великою честью и с ним посол», а князь Василий «прииде из Орды в Кашин» (П.С.РЛ., т. X, стр. 220).

¹⁵Вся эта тверская смута известна нам только по отрывочному пересказу Никоновской летописи (П.С.РЛ., т. X, стр. 218–220), но пересказ этот, несомненно, восходит к ее тверскому источнику, до нас не дошедшему. Остальные своды – о ней вовсе умалчивают.

¹⁶П.С.РЛ., т. X, стр. 221: «и тако сяде на великом княжении князь Василей Михайлович... и укрепилася межи собя крестным целованием в единомыслии и в совете и в единстве жити; и приехав в Тверь князь великий Василей Михайлович на великое княжение и нача жити с братаничем своим со князем Всеволодом Александровичем холмским тихо и кротко, и мирно, и в любви мнозе; и поидоша к ним людие отовсюду во грады их и во власти и во всю землю Тверскую и умножишася людие, и возрадовашеся радостью великою». Это риторическое заключение рассказа о смуте – мало отвечало действительности, так как мир и любовь князей продолжались весьма долго: можно видеть в нем черту современной тверской записи.

¹⁷Владыка Федор позднее – надежный сторонник митр. Алексея (П.С.РЛ., т. X, стр. 230–231); вероятно, этим объясняется ошибочное появление его имени в перечне епископов поставления митр. Алексея, какой дает житие святого митрополита: П.С.РЛ., т. VIII, стр. 27; т. XVIII, стр. 120 и 121 (прим.; из Троицкой летописи).

¹⁸П.С.РЛ., т. X, стр. 221–222. Брак княжны Ульяны Александровны с в. к. Ольгердом состоялся с разрешения в. к. Симеона, но едва ли правильно видеть в этом проявление великокняжеской власти: речь шла о замужестве его свояченицы, как при женитьбе кн. Любарта Гедиминовича на ростовской княжне – о замужестве его племянницы. Характерно в этом известии другое: нет упоминания о согласии родного дяди, тверского великого князя Василия Михайловича.

¹⁹П.С.РЛ., т. X, стр. 223: Никоновская летопись сообщает под 6860/1351–1352 гг., что «ко князю Василью Михайловичю Тверскому прииде из Орды от царя посол Ахмет и привезе ему ярлык на его имя». А.В. Экземплярский (т. II, стр. 481) замечает, что эта «любезность со стороны хана трудно объяснимая»: но эта «любезность» может быть понятна в связи с защитой русского улуса против наступления литовской силы.

²⁰П.С.РЛ., т. X стр. 223. Никоновская летопись объясняет поступки в. к. Василия Михайловича «негодовашем» его на племянника за «Бездежский грабеж»; но и грабеж этот был вызван раздором из-за сбора дани и притеснения удельных бояр и слуг великим князем.

²¹П.С.РЛ., т. X, стр. 229: в 1357 г. князь Всеволод и в. к. Василий с епископом Федором ездили к митрополиту во Владимир, «и много быша межи их глаголания, но конечный мир и любовь не сотворися».

²²Пл. Соколов («Русский архиерей из Византии», стр. 387–388) полагает, что митр. Роман приезжал по зову кн. Всеволода «третейским судьей» между ним и в. к. Василием и удачно примирил их; но это вовсе не вяжется ни с тем, что не в. к. Василий принимал его, а только Всеволод, ни с поведением еп. Федора.

⁴³П.С.РЛ., т. X, стр. 231. Ср. Голубинского. История Русской Церкви, т. II, первая половина, стр. 182–185.

²⁴Ср. Голубинского. Указ. соч., стр. 185: цитата из «Византийской Истории» Никифора Григоры – Роман «родственник по жене свояка королева».

⁴⁵П.С.РЛ., т. X, стр. 231: «того же лета (868–1360) князь Всеволод Александрович холмский прииде из Литвы и взя мир и любовь з братьею своею, и князь Василией Михайлович, дядя их, треть их отчины отступился, и разделишася волостьми». Текст этот вызывает не малые затруднения. С наибольшим вниманием отнеслись к нему В.С. Борзаковский и А.В. Экземплярский. Борзаковский (История Тверского княжества, стр. 137) пишет: «Выходит, как будто и другие племянники Васильевы были в ссоре со Всеволодом. Однако едва ли братья Всеволода держали сторону дяди: им не было выгоды поддерживать и усиливать кашинского князя. В таком случае значит, что он и его двоюродные братья, все вместе, помирились с Василием, тем более что далее говорится, что дядя уступил треть их отчины. Василий Михайлович уступил племянникам треть их отчины, т. е. треть самой Твери, а себе удержал две трети, должно быть, на старейший путь. Теперь все тверские князья помирились и разделились волостьми», и добавляет в скобках: «если сказано, что разделились волостьми, то это намекает как будто на то, что у племянников были отняты уделы, чего, однако, не видеть». В примечании 623 Борзаковский ссылается в подтверждение, что речь идет о «трети Твери» (города) на известие Троицкой летописи (Карамзин, т. V, примеч. 213 и П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 282) о том, как в 1408 г. кн. Юрий Всеволодович, сын Всеволода Александровича, добивался «Кашина да третьей части Твери»; однако в приложении № 4 (стр. 266), сопоставляя это известие с текстом Тверской летописи (П.С.РЛ., т. XV, стр. 480), где нет речи о «трети Твери», а сказано, что хан дал Юрию «Кашин и десять волостей тверских», Борзаковский признает оба известия о притязаниях кн. Юрия столь темными, «что никакого определенного вывода кажется сделать нельзя, кроме одного, что Юрий Всеволодович требовал какой-то доли, какой-то части из Тверского княжества». Экземплярский принимает толкование «трети» известия 1360 г. как трети города Твери, и поясняет, что «Всеволод тесно сплотившись с родичами, другими удельными князьями, мог внушать Василию даже некоторый страх, вот почему последний и треть Твери отдал племянникам и между волостями сделал более строгие разграничения» (указ. соч., т. II, стр. 544). Оба исследователя считают нелепым усматривать в «трети» нашего текста – «третью часть всего княжества Тверского» (Борзаковский – примеч. 623; Экземплярский – стр. 544, примеч. 1742). А между тем следует предпочесть такое чтение: «трети, их отчины, отступился» (в рукописи основного списка Никоновской летописи, на л. 338: «третство взмете, что в издаши передано исак треть, но могло быть прочитано и как «трети») и такое понимание текста: речь идет о докончании кн. Всеволода с родными братьями, причем указано, что в. к. Василий отступился в пользу князей Александровичей «трети» – доли их отца в общей тверской отчине, как их отчины. При таком понимании текста – перед нами пример частичного «удельного передела», какой, по другим поводам, знают и московские духовные грамоты; но и тут – цель передела восстановить первоначальное соотношение единиц владения общей отчиной по уделам. После такого передела, князья «разделишася волостьми»; полагаю, что это особый случай, а не тот же передел между в. к. Василием и его племянниками: строение текста заставляет связать раздел с полюбовным докончанием братьев Александровичей, а не с выделом в их общую пользу уступки великого князя; это они между собой «разделишася волостьми». Не к чему предполагать с Борзаковским, что в. к. Василий лишал племянников их владений, но текст этот действительно содержит явный намек на какие-то его захваты за счет отчины племянников.

²⁶Только с 60-х гг. XIV века выступают в истории Тверского княжества холмский и микулинский князья, как отдельные политические единицы. Бурные события борьбы князя Всеволода Александровича с в. к. тверским Василием Михайловичем известны нам только по пересказу в Никоновской летописи ее тверского источника. Дошедшие до нас списки особой редакции тверского летописного свода – Тверская летопись (П.С.РЛ., т. XV) и Рогожский летописец (отпечатанный для второго издания XV тома, но в свет еще не вышедший) не сохранили их изложения. А Никоновская летопись переработала свой источник в духе столь для нее характерного генеалогического интереса. Для нее тверские князья – предки удельных князей-княжат, и она подчеркивает на каждом шагу, что Василий – кашинский, Всеволод – холмский. Так при сообщении о первом же их столкновении – П.С.РЛ., т. X, стр. 218; так, особенно показательно для этой черты ее редакционной работы, при сообщении об их примирении, где находим особое пояснение этого «удельного» комментария к княжеским именам: «того же лета Феодор, владыка Тверский, введе в мир и в любовь князя Василия Михайловича кашинского с великим князем Всеволодом Александровичем тверским... И тако Всеволод Александрович съступися великого княжения Тверьского дяде своему князю Василию Михайловичи кашиньскому, се бо быша их уделы: князя Василия Михайловича Кашин, а князя Всеволода Александровича Холм. И тако сяде на великом княжении во Твери князь Василей Михайлович кашинский, внук Ярославов правнук Ярославов, праправнук Всеволож, прапраправнук Юрья Долгорукого» (т. X, стр. 221). До 1360 г. никто из братьев Всеволода не выступает в самостоятельной роли рядом с ним. Первое известие о владетельном князе микулинском Михаиле Александровиче – под 1362 г. – П.С.РЛ., т. XI, стр. 2. Не знаем, какими «волостями» владели младшие Александровичи – Владимир и Андрей; их ранняя кончина в моровую язву 1364–1365 годов лишила этот вопрос интереса для составителей летописных сводов, тем более что оба князя не оставили потомства. Тогда же умер и Всеволод Александрович, о котором после изложенных перипетий его жизни больше нет упоминаний. На первый план выступает вместо него – еще при его жизни – даровитый брат его, микулинский князь Михаил.

²⁷Книжник, сторонник и почитатель князя Михаила Александровича, составил его биографию-панегирик, которая дошла до нас в составе Тверской летописи. Тут ясно высказаны оба мотива, какие обосновывали для сторонников этого князя его права против дяди. Михаил Александрович, как сын старшего брата в семье в. к. Михаила Ярославича, «восприя» стол великого княжения тверского, как «отечествие свое», и сел «на столе дедне и отчи» (П.С.РЛ., т. XV, ст. 469–470); супруга в. к. Василия Михайловича предвидит исход борьбы враждующих линий княжого дома: «яко сынове наши изгнани будут». Так, в представлении книжника-современника борьба идет не за старшинство дяди над племянником по каким-либо родовым счетам: в. к. Василий и княгиня Елена видят в возможной победе князя Михаила изгнание из Твери, с великого княжения, своих сыновей – борьба идет между княжескими линиями за отчинное право на стол тверского великого княжения. На стороне Михаила, по словам книжника-биографа, тверское общество: «вси сынове тверстии прилагахуся к нему и храбри служаху ему» в уверенности «яко сим хоцет Бог свободити люди своа от великые нужда иноплеменник» (там же, стр. 468).

²⁸А.В. Экземплярский признает Юрия старшим (т. II, стр. 545), следуя, очевидно, генеалогическим перечням XVI в. («Временник», т. X, стр. 50; П.С.РЛ., т. VII, стр. 245), что, однако, не согласуется с летописными известиями об этих князьях: Иван Всеволодович выступает деятельным князем с

1397 г., а Юрий – только по смерти брата (Иван умер в 1402 г.); Перестановка их имен в родословцах XVI в., может быть, понятна: Иван умер бездетным, от Юрия пошли князья Холмские.

²⁹П.С.РЛ., т. XI, стр. 167; первая жена князя Ивана – нижегородская княжна, дочь князя Бориса Константиновича, умерла в 1395 г. (т. XI, стр. 162).

³⁰П.С.РЛ., т. XI, стр. 171 и 188.

³¹П.С.РЛ., т. VI, стр. 131; т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 187. Кроме этого известия, нет никаких указаний на какое-либо ближайшее отношение кн. Александра Ивановича к холмскому княжеству, которым и сыновья его не владели. После брата Ивана – на холмском княжении князь Юрий Всеволодович, затем его сын Дмитрий, упоминаемый в числе владетельных тверских князей в договорных грамотах тверского в. к. Бориса Александровича с в. к. всея Руси Василием Васильевичем (С.Г.Г. и Д., т. I, № 76 и 77); от этого Дмитрия и пошли князья Холмские – московские (великокняжеские) князата. Однако С.М. Соловьев понял дело так, что «Иван Всеволодович Холмский... мимо родного брата Юрия отказал свой удел сыну великого князя Александру» («Ист. России», кн. I, стр. 1026); В.С. Борзаковский полагает, что Иван Всеволодович «не мог распоряжаться своим уделом как хотел; по крайней мере, умирая он отказал свой удел не брату своему, Юрию, а сыну в. князя, Александру Ивановичу»; хотя Борзаковский приводит мнение Арцыбашева («Повествование о России», т. II, стр. 156 и примечание 1119), что кн. Иван Всеволодович поручил свой удел опеке князя Александра, как «душеприказчика», а также ряд текстов, указывающих на именно такое значение термина «приказа», но полагает, что, если и так, то кн. Александр «конечно удержал эту отчину за собой» («Ист. Тверского княжества», стр. 177 и примеч. 840). Борзаковский пытается разрешить затруднение заявлением, что «конечно Иван не мог отказать всего Холма, а только часть его» (стр. 177), и то же предположение принял А.В. Экземплярский (т. II, стр. 547). Однако, где основания для признания такого раздела между братьями Всеволодовичами холмскими? Еще очевиднее невозможность обычного толкования такого «приказанья», как передачи по завещательному распоряжению вотчины мимо наследника, относительно текста, где говорится о том, как князь Семен Константинович дорогобужский «отчины своя удел и княгиню свою приказа князю Михаилу Александровичу» (П.С.РЛ., т. XI, стр. 4), так как при таком толковании, приходится одному и тому же сказуемому придавать два резко различных значения по отношению к подлежащим «удел» и «княгиня». Распоряжения князей – Ивана холмского и Семена дорогобужского – аналогичны, например, тому, как князь Владимир Андреевич, благословляя своих сыновей серпуховской вотчиной, приказал их в. к. Василию Дмитриевичу (С.Г.Г. и Д., т. I, № 40); вероятно, что краткое упоминание позднего летописного свода следовало бы дополнить, по аналогии с известием о «ряде» Семена дорогобужского, так, что кн. Иван Всеволодович «брата своего и отчину свою приказа великого князя сыну князю Александру Ивановичу».

³²П.С.РЛ., т. VI, стр. 132, и т. VIII, стр. 77 – краткое известие об отъезде князя Юрия с Твери на Москву («отъеха» Воскр.; «бежа» Соф. II); дальнейших известий о князе Юрии эти своды не дают. Тверская летопись сохранила два сообщения (из двух разных источников) о судьбах Юрия под 6915 г.: «того же лета поиде со Тфери князь Юрий Всеволодич на Москву и с Москвы поиде в Орду, подмолви его Роман Скудин»; поехал в Орду и в. к. Иван Михайлович, и власти ордынские «судив Ивана с Юрием, обиниша Юриа, и Юрий бежа Азтороканю, а князь великий Иван прииде с великою честию в Тферь, в свое отечествие» (П.С.РЛ., т. XV, стр. 473); а ниже (стр. 478) более обстоятельно, в книжно-литературной обработке, повествуется, как князь

Юрий «уже третье лето» был в Москве, и князь Иван тщетно звал его вернуться к «дому св. Спаса», предлагая в обидах третейский суд еп. Арсения и отцовских бояр обоих князей; но кн. Юрий поехал в Орду, а за ним и в. к. Иван, который пробыл в Орде «немного же дни», совершив вою поездку в 6 (в летописи 5) месяцев, выехал из Твери 21 июля, а вернулся 24 января; далее (стр. 480) читаем, без сообщения о новой поездке в. к. Ивана, что он зимовал в Орде, а затем прибыл в Тверь (ввиду возвращения его к концу января, может быть, имеем в этом тексте отражение того же самого источника), а весной прибыл в Москву князь Юрий с ханским послом Мамаит Дербышем; этот посол отправился в Тверь с требованием для кн. Юрия, по ханскому пожалованию Кашина и десяти волостей тверских; однако в. к. Иван потребовал новых сношений с ханом, ссылаясь на то, что ему «ярлык царев дан на всю землю тверскую и сам Юрий в ярлыце царем дан (ему) есть», а для выполнения царев ярлыка и с ним пришел царев посол; изложение не доведено до конца, прерываясь на упоминании о новой поездке Юрия в Орду, но дальнейшее было в Тверской сообщено ранее (стр. 473). Отрывок Троицкой летописи (в цитате Карамзина – «Ист. Гос. Рос.», т. V, прим. 213, и П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 282) иначе определяет домогательство князя Юрия: «Кашина да третьей части Тфери». Вероятно, что это домогательство как-либо да обосновывалось, но его основания нигде не упомянуты в наших источниках. По содержанию, кажется, правильнее признать параллелизм терминов: «десять волостей тверских» и «третья часть Твери» не случайным и отказаться от попытки (см. Борзаковского «Ист. Тверского княжества», стр. 264–266) усмотреть в этой «третьей части» – треть города Твери. Скорее, можно представить себе дело так, что кн. Юрий, опираясь на Москву, добивался Кашинского княжения, усиленного рядом волостей, по аналогии с третями первых удельных князей на тверской вотчине – сыновей в. к. Михаила Ярославича. Никоновская летопись совсем иначе осветила все дело; по ее изложению, кн. Юрий пошел в Орду «ища великого княжения тверского под великим князем Иваном Михайловичем тверским» (П.С.РЛ., т. XI, стр. 198), о чем и был им суд перед ханом, который, по решению «всех князей ордынских», «оправил» в. к. Ивана и отпустил его с честью, «а князь Юрьи Всеволодич тамо в Орде остася» (стр. 202).

³³С.Г.Г. и Д., т. I, №№ 76–77 и 119–120.

³⁴В.С. Борзаковский, История Тверского княжества, стр. 57; А.В. Экземплярский, т. II, стр. 516.

³⁵П.С.РЛ., т. XI, стр. 4 и 6.

³⁶П.С.РЛ., т. XI, стр. 10, 11–12. Никоновская летопись дает на стр. 4 правильную формулу: «отчины своеа удел», но затем пользуется такими искаженными выражениями, как: Градок – «часть отчины удела княже Семенова» (стр. 10) или «отступился Градка и всеа части удела княже Семенова» (стр. 11); в первом выражении излишне слово «отчины», во втором надлежало бы либо поставить слово «отчины» вместо «удела», либо писать – «всего удела». Но в текстах XVI в., как и у историков XIX в., удел – отчина, а, по С.М. Соловьеву – опричина.

³⁷Ср. духовную грамоту в. к. Симеона Ивановича (С.Г.Г. и Д., т. I, № 24).

³⁸Ср. выше – о «приказании» холмским князем Иваном Всеволодовичем своей отчины князю Александру Ивановичу (стр. 146); ср. также П.С.РЛ., т. XII, стр. 112, о том, как рязанский в. к. Иван Федорович «княжение свое рязанское и сына своего Василия приказал великому князю Василию Васильевичу на соблюдение».

³⁹Как сделал относительно Рязани в. к. Василий Васильевич: «на Рязань посла наместники своя на соблюдение и на прочаа грады его и на власти» (там же).

⁴⁰С.М. Соловьев («Ист. России», кн. I, ст. 960) определил повод к тверской борьбе тем, что «Семен отказал удел свой двоюродному брату Михаилу Александровичу мимо дяди Василия и родного брата Еремея Константиновича»; В.С. Борзаковский («Ист. Тверск. княжества», стр. 143) также в «приказании» Семена видит «отказ» удела Михаилу, помимо родного старшего брата Еремея Константиновича, так что Михаил Александрович присоединил «к своему уделу еще новый удел»; то же у А.В. Экземплярского (т. II, стр. 483, 480: «владыка Василий... оправил Михаила, как получившего удел Семена по завещанию»).

⁴¹П.С.РЛ., т. XI, стр. 8.

⁴²Московский летописный свод передает ход этих событий очень глухо и как бы нехотя, многое опуская. В его изложении явны отражения тверского источника, проникнутого тверскими настроениями, но они отрывочны и смьяты. Владыка Василий вызван в Москву «приставом митрополичим», как обвиняемый, и этот московский суд стоил ему великого протора, как и «житским людям» во Твери «нужно бысть» из-за этого дела. В. к. Василий, которого Никоновская летопись титулует тут просто «князь» и не называет «тверским» (а Михаил Александрович всегда «Тверской»), как будто не сохранил Твери в своих руках. Впрочем, текст очень неясен: с одной стороны, князя Василий и Еремей «приехали во Тверь» – со всей кашинской (не тверской) силой и «многим людем сътвориша досады безчестием и муками и разграблением имения и продажею без помилования»; с другой, они «к городу ратью ходиша, приведи с собою и московскую рать князя великого Дмитрия Ивановича», но ушли, «градов (каких? не «града» ли, т. е. Твери; ср. выше «к городу») не взявше», а только («точию») повоевали волости и села, и увели большой полон. Не следует ли предположить два последовательных момента: прибытие в Тверь князя Василия с кашинской силой для кары тверичей за то, что они признали своим великим князем Михаила (ушедшего в Литву за помощью), а затем поход под Тверь московской и кашинской рати (по изгнании князя Василия восставшими тверичами?), причем на этот раз Твери занять не удалось. Ср. недоуменные вопросы А.В. Экземплярского, т. II, стр. 487, примеч. 1453. По-видимому, следует полагать, что тверской источник Никоновской летописи говорил о в. к. тверском Михаиле Александровиче и борьбе тверичей за него против кашинского дяди и его московского союзника. См. П.С.РЛ., т. XI, стр. 8–9. Ср. замечание С.М. Соловьева («Ист. Рос.», кн. I, ст. 960–961): «из этих слов летописца мы видим, что Тверь не принадлежала более Василию, но Михаилу; когда произошла эта перемена, мы не знаем; быть может, она-то и повела к враждебным столкновениям Михаила с Москвою».

⁴³«Тое же осени, месяца Октября 27 (6875 г.), князь Михайло Александрович Тверский прииде из Литвы со своєю ратью, и княгиню Еремееву, и Василиеву, и бояр их всех такоже и бояр, и слуг всех дяди своего Василия Михайловича поймал»; княгини и дворы князей Василия и Еремея явно находились в Твери; сопоставляя это указание с предыдущим известием о том, как князя, придя с московской помощью, только разорили волости и села, а города Твери не взяли, – отсюда делаю вывод, что княгини, бояре и слуги, «пойманные» в Твери Михаилом, и до того были в руках тверичей, отбившихся от московской и кашинской рати.

⁴⁴Тотчас за известием о заключении мира читаем, что «того же лета князь Еремей сложи целование крестное ко князю Михаилу Александровичу Тверьскому и поеха к великому князю Дмитрею Ивановичю на Москву» (П.С.РЛ., т. XI, стр. 9), а в следующем году «преставися князь Василей Михайлович Тверский в Кашине» (там же, стр. 10). С.М. Соловьев после замечания, приведенного выше, продолжает изложение борьбы Михаила тверского с

Москвой, даже не отмечая смерти Василия Михайловича. Напрасно предположил Борзаковский (Указ соч., стр. 146–147), что Михаил стал тверским великим князем только по смерти дяди. А.В. Экземплярский (т. II, стр. 188) полагает, что Михаил «de jure» стал великим князем по смерти дяди Василия, но «de facto» был им и ранее, вероятно, на том основании, что Никоновская летопись титулует Михаила «великим князем» только после известия о смерти Василия; но в таком случае следовало придать значение и тому, что она ранее перестала давать этот титул князю Василию. Впрочем, это, скорее, черты изложения в своде XVI в., чем в его тверском источнике.

⁴⁵О том, что у кашинских князей были свои счета с еп. Василием, можно, кажется, заключить из новой жалобы кн. Михаила Васильевича на него митр. Алексеем в 1369 г. – П.С.РЛ., т. XI, стр. 12.

⁴⁶П.С.РЛ., т. VIII, стр. 15; т. XI, стр. 10.

⁴⁷П.С.РЛ., т. XI, стр. 10.

⁴⁸П.С.РЛ., т. XI, стр. 19.

⁴⁹О потомках князя Еремея Константиновича см. у Экземплярского, т. II, стр. 520–522 и стр. 557–559. Князь Дмитрий Еремеевич (ум. 1407 – П.С.РЛ., т. XI, стр. 197; т. XV, стр. 473) еще при жизни отца во главе тверских воевод при нападении на московские владения (1372 г., П.С.РЛ., т. XI, стр. 17). Иван Еремеевич – участник похода тверских князей, посылке в к. Ивана Михайловича в помощь в к. Василию Дмитриевичу против Витовта (т. XI, стр. 194, 1407 г.). Андрей Дмитриевич упомянут в грамоте Отрочу монастырю в числе владетельных князей Тверской земли (А.А.Э., т. I, № 34), а князь Иван Дмитриевич только в родословных (напр. «Временник», т. X, стр. 51) считается первым «чернятинским» князем; ср. Борзаковского, История Тверского княжества, стр. 227–228.

⁵⁰Ср. А.В. Экземплярского, т. II, стр. 525–526. Что Никоновская летопись называет «кашинским» князя Василия Васильевича в сообщении о его кончине под 1363 г. (П.С.РЛ., т. XI, стр. 2), а князя Михаила Васильевича, еще при жизни его отца, в известии о столкновении и примирении его отца с Михаилом Александровичем под 1367 г. (стр. 9) – не показательна, так как такова обычная «удельно-родословная» манера этой летописи; особенно второй пример теряет силу, так как в том же известии и Василий Михайлович вызван кашинским (на стр. 8). Но что в к. Василий держал свой вотчинный Кашин сыновьями, вероятно само по себе, а косвенно подтверждается жалованной грамотой тверских князей Отрочу монастырю (А.А.Э., т. I, № 5), где подчеркнута особенность Кашина (формулами: «в нашей отчине, в тферьских волостех и в кашиньских», и «или кого (архимандрит) в городе посадить во Тфери и в Кашине»), и назван сын великого князя Михаил в ряду владетельных тверских князей.

⁵¹Дочь в к. Симеона Ивановича, Василиса (П.С.РЛ., т. XI, стр. 12 – ум. 1368 г.; т. VII, стр. 215 – дата женитьбы 1351 г.).

⁵²П.С.РЛ., т. XI, стр. 12. Едва ли эта жалоба могла касаться старого спора, о дорогобужском уделе, как полагает Экземплярский (т. II, стр. 527).

⁵³«посла на Москву, взя мир с в. к. Дмитрием Ивановичем, а к в. к. Михаилу Александровичу тверскому крестное целование сложи» (П.С.РЛ., т. XI, стр. 17).

⁵⁴П.С.РЛ., т. VIII, стр. 19; т. XI, стр. 17.

⁵⁵П.С.РЛ., т. XI, стр. 19.

⁵⁶П.С.РЛ., т. XI, стр. 20: «а сын его князь Василей, по единому слову з бабою своею с княгинею Еленою (Ивановной, вдовой в к. Василия Михайловича, ур. княжной брянской) и з бояры с кашинскими приехал в Тверь к великому князю Михаилу Александровичу тверскому с челобитьем и вдашася в волю его».

⁵⁷П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 22; то же в т. IV-2, стр. 301–302; V, стр. 233; XVIII,

стр. 115; XI, стр. 22. Тверская летопись (т. XV, стр. 434–435) не упоминает о кн. Василии Махайловиче и кашинцах.

⁵⁸С.Г.Г. и Д., т. I, № 28. Тут она датирована 1368 годом, но верная датировка указана еще в «Древней Российской Вивлиофике», т. I, стр. 78; так и у Карамзина («Ист. Гос. Рос.», изд. Эйнерлинга, т. V, стр. 22). Ср. П.С.РЛ., т. VIII, стр. 23: в. к. Дмитрий Иванович «взя мир с князем Михаилом Александровичем на всей своей воле, и грамоты пописав, отъиде прочь от града».

⁵⁹Трудно допустить, чтобы отмена обязанности Кашинского княжества тянуть к Твери ордынским выходом создавала для Кашинского князя право самостоятельного и непосредственного «знать Орду», тем более что тот же договор устанавливает полную солидарность Москвы и Твери в отношении к Орде: «а жити нам, брате, по сей грамоте с татары, оже будет нам мир, по думе, а будет нам дати выход, по думе же, а будет не дати, по думе же». А.В. Экземплярский считает правдоподобным известие некоторых сказаний о Куликовской битве, что Василий кашинский был в засадном полку вместе с Дмитрием Боброком (т. II, стр. 529); князь Василий мог участвовать в Куликовской битве как великокняжеский подручник, а книжник использовать это обстоятельство при обработке сказания о ней, которая имела целью придать Мамаеву побоищу характер общерусского дела.

⁶⁰П.С.РЛ., т. VIII, стр. 42; т. XI, стр. 71.

⁶¹В. к. Михаил Александрович скончался в ночь с 26 на 27 августа (со вторника на среду) 6907 г., т. е. 1399 г.; П.С.РЛ., т. IV, стр. 360, т. VIII, стр. 734: т. XI, стр. 175; т. XV, стр. 461; т. XVIII, стр. 148.

⁶²Судя по летописным записям о смерти его сыновей: «в лето 6897 (1389) преставися в Кашине князь Александр Михайлович Ординец» (П.С.РЛ., т. XV, стр. 444) и «в лето 6903 (1395)... преставися князь Борис Михайлович в Кашине» (т. XI, стр. 157: т. VIII, стр. 65), они княжили в Кашине под рукой отца, великого князя.

⁶³П.С.РЛ., т. IV, стр. 359–360; т. VIII, стр. 74; т. XI, стр. 180.

⁶⁴Софийская 1-я (т. V, стр. 252) упоминает еще «Ржеву».

⁶⁵П.С.РЛ., т. XI, стр. 183; т. XV (2-е изд.), стр. 176; т. XVIII, стр. 149. См. Выше, стр. 194.

⁶⁶П.С.РЛ., т. XV, стр. 461: «В лето 6908 вынесоша князю великому от царя Шанебека ярлык, Темир Кутлуй умре, а прииде Гурлень, а с ним посол царев Софря с ярлыком на Тверское княжение»; т. XI, стр. 183: кн. Иван послал в Орду к царю Темир-Кутлую своих киличеев Федора Гусленя да Константина, но они застали на ханстве уже Шадибека, и этот хан «даде улус свой, великое княжение Тверское, князю Ивану Михайловичу, по отчине и по дедине его». – Посаждение кн. Ивана на стол великого княжения состоялось 7 марта 1400 г. (т. IV, стр. 104).

⁶⁷П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 148–149 (то же в т. XI, стр. 183 и т. XV, стр. 76). А.В. Экземплярский (т. II, стр. 498) не понял текста, передав его так, будто в. к. Иван «через бояр сложил крестное целование» к братьям: речь идет о боярском крестном целовании, к которому привел бояр их отец, в. к. Михаил Александрович.

⁶⁸П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 149; т. XI, стр. 184; т. XV, стр. 177. «Езеро Лукое и Вход Ерусалим»; первое не поддается определению, а Вход Ерусалим – слобода в Кашине на посаде – см. у В.С. Борзаковского, примеч. 842. Борзаковский (в примеч. 836) пыгается установить раздел владений между князьями Василием Михайловичем и Иваном Борисовичем, а подтверждение тому, что «Кашин и Коснятин не были в общем владении Василия Михайловича и Ивана Борисовича» видит в том, что в. к. Иван отнял Лукое озеро и Иерусалимскую слободку у Василия и отдал Ивану. Но владение селами и угодьями не имеет прямого отношения к владению княжеством по уделам. Попытка

Борзаковского представить кн. Василия – кашинским, а кн. Ивана Борисовича – коснятинским князьями не подтверждается никакими данными. Напротив видимое противоречие известий, что протест против действий в. к. Ивана был заявлен боярами в. к. Авдотьи, ее детей князей Василия и Федора и внука Ивана, а затем, что мать князя Ивана-внука утверждала от имени своего и своего сына: «мы, господине, не посылываша своих бояр к тебе», показывает, что у Борисовой княгини с сыном был свой двор (и, конечно, свое дворцовое землевладение), но не было своей княжой власти, в смысле управления особым уделом – княжением. Княжич Иван Борисович был, по видимому, под княжой опекой дяди Василия: по крайней мере, выступлению его матери предшествовало ее действие, которое указано в летописном рассказе словами: «възмя своего сына» (от князя Василия Михайловича? иди просто в поездку в Тверь?). Приходится вообще признать, что соотношение княжих прав кашинских дяди и племянника не поддается определению по нашим данным, слишком отрывочным. Одна из летописей (П.С.Р.Л., т. XV, стр. 471) передает примирение кн. Василия Михайловича с братом, князем великим, после первого его бегства в Москву словами: «пожаловал князь великий Иоан Михайлович брата своего князя Василия его уделом» – кн. Василий владетельный князь кашинского удела. А известие, которое читаем под 6917 г. (октябрь 1408 г.): «князь Иван Михайлович тверский поиде ратью к Кашину на братанича своего, князя Ивана Борисовича; он же убеже на Москву; а князь Иван пришел к Кашину, помирися з братом своим, с князем Василием с кашинским, а княгиню Борисову изни-мав приводе на Тверь, а на Кашине посади наместники своя, и дань на них взя» (т. XVIII, стр. 155; т. XI, стр. 205) – представляет кашинским владетельным князем Ивана Борисовича, чье изгнание привело к водворению в Кашине великокняжеских наместников, несмотря на присутствие в Кашине князя Василия и примирение с ним в. к. Ивана.

⁶⁹См. выше стр. 203–204.

⁷⁰П.С.Р.Л., т. XV, стр. 470.

⁷¹«а князь Александр Кашин засяде», там же; видимо, ожидалось нападение московской помощи кн. Василию.

⁷²«смири их князь великий Василий Дмитреевич», т. VIII, стр. 76; «пожаловал князь велики Иоан Михайлович брата своего князя Василия его уделом» (т. XV, стр. 470).

⁷³П.С.Р.Л., т. VIII, стр. 77: «и по трех месяцев (весна 1405 г.) паки межи ими бысть нелюбие и беже князь Василий ис Кашина на Москву», а наместники в. к. Ивана «многу напасть створиша христианом продажами и грабжем»; в том же году приезжали в Кашин князь Александр Иванович, а затем и в. к. Иван (т. XI, стр. 192).

⁷⁴П.С.Р.Л., т. VIII, стр. 78; т. XI, стр. 193; крестоцелование состоялось в Троицын день 1406 г.

⁷⁵П.С.Р.Л., т. XV, стр. 475.

⁷⁶П.С.Р.Л., т. VIII, стр. 82; т. XI, стр. 205.

⁷⁷Отец его, князь Борис Михайлович, женился в 1384 г. на дочери смоленского князя Святослава Ивановича; год рождения Ивана Борисовича неизвестен, но в событиях осени 1399 г. он играет только пассивную роль, как малолетний.

⁷⁸«В лето 6919 пожаловал в. к. Иван Михайлович своего братанича князя Ивана Борисовича благословением игумена московского Никона» (П.С.Р.Л., т. XVIII, стр. 159).

⁷⁹П.С.Р.Л., т. XI, стр. 218–219.

⁸⁰П. С. Р. Л., т. XI, стр. 219–220.

⁸¹В. к. Иван Михайлович умер в мае 1425 г. (по Тверской – 22 мая, П.С.Р.Л.,

т. XV, стр. 488: Воскресенская – т. VIII, стр. 93, и Симеоновская – т. XVIII, стр. 168 относит к 21 мая вокняжение Александра, как и Соф. 1 – т. V, стр. 263; то же, очевидно, и в источнике Никоновской, где, по описке, мая 1, – т. XII, стр. 3; и в Соф. – т. VI, стр. 143, при этом имя Александра заменено именем Бориса Александровича, как и в Новг. IV – т. IV, стр. 121, где даты нет). В. к. Александр Иванович умер в октябре: «бысть княжения его 5 месяц, и преставися пред Дмитриевым днем» (26 октября) – т. XV, стр. 488; в. к. Юрий Александрович умер «на Юрьев день», т. XV, стр. 489, «а на великом княжении был же 4 недели» – т. VII, стр. 245 и Карамзин, т. V, прим. 258. А.В. Экземплярский (т. II, стр. прим. 152) отнес кончину в. к. Юрия к 23 апреля, очевидно потому, что забыл про Юрьев день осенний (26 ноября).

⁸²Как произошло возвращение кн. Василия в Кашии, об этом наши источники не сообщают; не дают и сведений о конечной судьбе князя Ивана Борисовича. Весьма вероятно, что этот последний также погиб в моровом поветрии, а забыли о нем летописные своды потому, что «от того род не пошел» (т. VIII, стр. 245). Известие Новгородской IV, что «успе князь Иван Михайлович Тферьский, а приказа княжение свое сыну своему Борису Александровичу, а Кашин брату своему Василью» (т. IV, стр. 120–121), едва ли заслуживает внимания; упоминание о Кашине и Василии попало сюда вместе с заменой «сына» (так во всех списках – след первоначального текста – «сыну своему Александру») – внуком; ср. т. XII, стр. 3, где при имени князя Александра нет слова «приказа», а сказано: «сяде... на великом княжении тверском сын его князь Александр месяца мая в 1 день, а в Кашине дядя его князь Василий Михайлович». Нет основания связывать возвращение кн. Василия в Кашин с предсмертным «рядом» в. к. Ивана (как у Экземплярского, т. II, стр. 535) и настаивать на немедленном – по кончине в. к. Ивана – водворении кн. Василия в Кашине. Последнее, вероятно, обусловлено было бездетной кончиной Ивана Борисовича и оказалось неудачным: в. к. Борис Александрович «того же лета поймал князя Василия кашинского» (т. VI, стр. 143, чем и закончены раздоры за Кашин и самое существование особого Кашинского княжества. Ср. В.С. Борзаковского. История Тверского княжества, стр. 192.

⁸³В жалованной грамоте Тверскому Отрочу монастырю (А.А.Э., т. I, № 34) в. к. Борис повторяет формулу грамоты в. к. Василия Михайловича (там же, № 5) с заменой имен тогдашних князей Тверской земли именами своей молодой братьи; но, например, грамоту Сретенскому монастырю (там же, № 35) он дает единолично «в своей вотчине великом княжении». Договор с великим князем всея Руси в. к. Борис заключает от имени своего и своей «братьи молодой» и «меньшей братьи» (А.А.Э., т. I, № 33), но договоры с Витовтом и Казимиром – единолично; тут младшие князья только пассивный объект соглашения между великими князьями, а «меньшей братьи» соответствуют «князья служебные»; эти последние упоминаются только в позднейшем договоре Бориса с в. кн. Василием Васильевичем (1453–1454 г.); С.Г.Г. и Д., т. I, № 76–77), наряду, однако, с «братъей молодой» и с «меншой братъей».

⁸⁴Состав этого младшего князья во времена в. к. Бориса не вполне ясен. В его грамотах упоминаются князья Федор Федорович, Иван Юрьевич, Андрей Иванович (А.А.Э., т. I, № 33); Ф.Ф., И.Ю., Андрей Дмитриевич, Федор Александрович (А.А.Э., т. I, № 34); Дмитрий и Иван Юрьевичи (С.Г.Г. и Д., т. I, № 76–77). Федор Федорович, известный только по двум грамотам, вероятно, микулинский князь, сын Федора Михайловича; в грамоте 1453–1454 г. его уже нет. Иван Юрьевич – сын в. к. Юрия Александровича: «а удел его был Зубцов, и [от] того род не пошел», сообщает родословие тверских князей (П.С.Р.Л., т. VII, стр. 245). Андрея Ивановича Экземплярский признает внуком в. к. Ивана Михайловича, так как больше некуда пристроить это имя

(т. II, стр. 643). Андрей Дмитриевич – дорогобужский князь, сын Дмитрия Еремеевича (см. Экземплярского, т. II, стр. 521). Федор Александрович упомянут в родословии тверских князей (П.С.Р.Л., т. VII, стр. 246) как князь телятевский, младший сын микулинского князя Александра Федоровича и брат Бориса Александровича микулинского. Дмитрий Юрьевич – холмский князь, сын Юрия Всеволодовича. Иван Юрьевич договора 1453–1454 г., вероятно, тот же упомянутый ранее зубцовский князь. Но как объяснить сочетание этих имен в разных грамотах? По первой из них в договоре в. к. Бориса с в. к. Василием Васильевичем участвуют с в. к. Борисом его племянник Иван Юрьевич и двоюродный брат Андрей Иванович; но почему Иван прописан раньше Андрея? Отсутствие других имен можно понять, как признак сужения тверского одиначества до пределов линии в. к. Михаила Александровича. Но почему в грамоте Отрочу монастырю рядом с Федором микулинским и Иваном зубцовским появился дорогобужский Андрей? и что еще труднее объяснить – это Федора Александровича, если он подлинно телятевский князь, при имени – в той же грамоте – его дяди Федора микулинского и отсутствие имени его старшего брата Бориса; пришлось бы дело так представить, что князю Федору выделен был телятевский удел, а брат его Борис жил при дяде, как будущий преемник во владении Микулином. Наконец, в договоре 1453–1454 г. названы только Дмитрий холмский и Иван зубцовский; почему нет имени микулинского князя? О князьях-княжатах Тверской земли ср. Борзаковского. Ист. Тверского княжества, стр. 227 и след.; Экземплярского, Великие и удельные князья сев. Руси, т. II стр. 554 и след., и Родословие тверских князей в П.С.Р.Л., т. VII, стр. 245–246 (к нему таблица у Борзаковского: Родословная № 2).

⁸⁵А.З.Р., т. I, № 33. В 1427 г. в. к. Борис «взял любовь такову» с в. к. Витовтом: быть в. к. Борису с в. к. Витовтом «за один, при его стороне и пособлятии ему на всякого, не выимая», а в. к. Витовту «в. к. Бориса Александровича, своего внука, боровити от всякого, думою и помочью», но не вступаться «в земли я в воды и во все его великое княженье тферское».

⁸⁶А.З.Р., т. I, № 33.

⁸⁷Надо читать в первой части этой статьи договора: «а тебе, королю и великому князю, не вступатися», а во второй: «а мне, великому князю, не вступатися»; такие ошибки возможны (и встречаются) при писании противней. – Относительно великого князя всея Руси это соглашение о неотъезде князей с вотчинами внесено только в договор в. к. Бориса с в. к. Василием Васильевичем 1453–1454 года, и то с упоминанием об одних только служебных князьях: «а кто моих князей служебных к тебе отъедет, в тех ти отчину не въступатися, кого ми Бог поручил, ни твоим детем, ни твоей братье младшей» (С.Г.Г. и Д., т. I, № 76–77).

⁸⁸А.З.Р., т. I, №№ 33 и 50.

⁸⁹С.Г.Г. и Д., т. I, №№ 76 и 77. Договор издателями отнесен к 1451 году. Правильная датировка – 1453–1454 г. (не ранее) у С.М. Соловьева («Ист. Рос.» кн. I, ст. 1085: «после 1454 г.») и Борзаковского («Ист. Тверск. кн.», прим., 939).

⁹⁰С.Г.Г. и Д., т. I, №№ 88–89 и 119–120.

Глава VI. Рязанское великое княжество

¹«Княжое право в Древней Руси», стр. 131–133.

²Только при сыновьях Ярослава Святославича еще можно, и то с большими оговорками, называть, по позднешему, Муром «уделом» Рязанской земли; распространение этого термина на поздние времена у Экземплярского (т. II, стр. 609) неправильно по отсутствию какой-либо ближайшей связи между муромским и рязанским княжествами.

³Князь Ингвар отбился от Владимировичей и их союзников половцев с помощью в. к. Юрия Всеволодовича (П.С.РЛ., т. VII, стр. 126; т. X, стр. 82). В последние десятилетия XII в. и в начале XIII между рязанскими князьями идет упорная борьба за волости и за общий строй междукняжеских отношений, смысл которой трудно уловить по отрывочным сообщениям наших летописных сводов. По-видимому, среди рязанских князей были живы в эту пору характерные черниговские традиции княжого «одиначества» (о них см. «Княжое право», стр. 120–128), которые противодействовали утверждению вотчинного раздела Рязанской земли (вероятно, под влиянием людного состава княжьей семьи). Но мы не знаем, как поделились Глебовичи уделами (или по-черниговски – наделами) – по ряду ли отца или по решению старшего брата. Этот брат, Роман Глебович, восстановил против себя братьев (Всеволода и Владимира) тем, что «уимал» у них волости по внушению тестя, князя Святослава Всеволодовича (из семьи враждебных в. к. Всеволоду черниговских Ольговичей). По их жалобе в. к. Всеволод Юрьевич принудил старших Глебовичей, Романа и Игоря, отдать споры о волостях с их младшей братьей на свое решение («на всей воли Всеволожи целоваша крест») и учинил рязанским князьям «поряд», раздав им волости «комуждо по старейшинству», т. е. установил, как им владеть общей отчиной по уделам под старейшинством Романа (1180 г.). Но в 1186 г. началась новая «крамола зла вельми» между старшими Глебовичами (Романом, Игорем, Владимиром) и их младшей братьей (Всеволодом и Святославом); эти младшие князья сидели в Пронске. Старшие братья объясняли свое нападение на брата Всеволода тем, что он их «не слушает». В. к. Всеволод снова смирил рязанских князей; пользовался он их раздорами, чтобы держать их в повиновении, так как рязанские князья то и дело норовили опереться на черниговскую силу против великокняжеского суздальского господства. По-видимому, смерть Всеволода Глебовича «на Пронске» дала повод к новому взрыву рязанской смуты в 1207 году, причем в. к. Всеволоду была весть, «оже рязаньстии князи свещалися сугь со Ольговичи на нь». На этот раз особо скомпрометирован перед в. к. Всеволодом пронский отчич Кир-Михаил Всеволодович (зять Всеволода Ольговича Чермного) вместе с дядями (Романом и Святославом; Игоря и Владимира уже нет в живых – на съезде по зову в. к. Всеволода их сыновья), а обличают их в сношениях с черниговскими Ольговичами – Глеб и Олег Владимировичи. В. к. Всеволод велел схватить обоих старших князей (Романа и Святослава) с их дружинами и двух Игоревичей (Ингвара и Юрия; а не шестерых, как у Иловайского. Ист. Рязанского княжества, стр. 51) и сослать их во Владимир, где они и пробыли лет 6 в заключении; Роман Глебович тут и умер; вероятно и Святослав, так как о нем позже нет упоминаний. Кир-Михаил, узнав «оже ему стрыве изимани, а отец ему мертв, а се на нь рать идет», бежал из Пронска в Чернигов. Владимировичи, видно, добивались Пронска (проняне пытались защищаться от в. к. Всеволода с Изяславом Владимировичем, а затем, по Лаврентьевской, Всеволод посадил было в Пронске его брата Олега), но кончилось дело тем, что в. к. Всеволод заставил Рязанцев выдать себе всех князей («рязанци вои здумавше послаша остаток князей и со княгынями к в. к. Всеволоду в Володи-

мерь»), а затем выгнал из Пронска Владимировичей (Изяслава), посадил там своего подручника Давида муромского с посадником своим Ослядюком, а в Рязани сына Ярослава и посадников по городам Рязанской земли. Протест рязанцев подавлен сожжением городов рязанского и белгородского (Ср. Лаврентьевскую летопись, 3-е изд., стр. 367–368; 382–383; 409–412, и «Летописец Переяславля Суздальского», стр. 108). Сын Всеволода, Юрий по смерти отца (1212 г.) отпустил из заточения рязанских князей и дружину их, укрепив их крестным целованием («Л. П. С.», стр. 111); а Владимировичи (Олег, Глеб, Изяслав) еще в 1208 г. соединились с Кир-Михаилом и при помощи половцев принудил муромского князя вернуть Пронск Кир-Михаилу (там же, стр. 109). Среди рязанских князей, вернувшихся в свою отчину, старейшиной стал Глеб Владимирович (Олег умер в 1209 г.), который вступил на путь Святополка Окаянного: ради объединения власти над всей Рязанской землей в своих руках он в 1217 году изменнически загубил на пиру (при соучастии младшего брата Константина) родного брата Изяслава и пятерых двоюродных (Кир-Михаила Всеволодовича, двух Игоревичей – Романа и Глеба, двух Святославичей – Ростислава и Святослава), но плоды его злодеяния достались случайно спасшемуся Ингварю Игоревичу, который выбил Владимировичей из Рязанской земли с поддержкой в. к. Юрия Всеволодовича (1219 г.).

«Некоторые списки сказания о «Батыевой рати» (П.С.РЛ, т. VII, стр. 139; т. X, стр. 105; Летопись по Акад. списку, в 3 изд. Лаврентьевской, стр. 487) спутали Игоревичей с Ингваревичами и тем создали мнимого Олега, брата Юрия Игоревича (по этим спискам – Ингваревича): «Юрьи Ингварович, брат его Олег Ингварович», или: «Юрьи Ингварович и брат его Олег», что явно лишь искажает правильное чтение: «Юрьи, Ингваров брат, Олег Ингварович» (Новг. IV; П.С.РЛ, т. IV, стр. 215) или: «Гюрги, Ингваров брат, Олег Роман Ингварович» (Новг. I, стр. 247); осторожность А.В. Экземплярского (т. II, стр. 571 и родословную таблицу VII) излишня, Родословные XVI в. («Временник М.О.И. и Др.», кн. 10, стр. 30; П.С.РЛ, т. VII, стр. 243) поддались той же путанице, так как сыновьями Ингваря Игоревича называют Романа, Юрия, Олега, т. е. выпускают Ингваря Ингваревича, а его братьев (Олега и Романа) делают братьями Юрия Игоревича (который у них Ингваревич); близость имен Игорь и Ингвар привела к смешению отца с сыном и двух Романов – Игоревича и Ингваревича. Другое сказание о нашествии Батыя («О нашествии злочестивого царя Батыя на Русскую землю повесть умильна») – в составе сказания «О пришествии чудотворного Николаина образа Зарайского, иже бе из Корсуня града, в пределы Рязанские», – которое дошло и в отдельных списках («Временник М.О.И. и Др.», кн. 15) и в «Русском Временнике» (изд. 1820 г., т. I, стр. 92 и след.), называет еще двух Ингваревичей – Глеба и Давида, причем Глеба именует «коломенским», а Давид Ингваревич оказался тут муромским князем; оба они – братья Юрия «Ингваревича» (Р.Вр., 1, стр. 114 и 124–125). Пронские князья, упоминаемые в сказании о «Батыевой рати», могут быть только Ингваревичи: Всеволод пронский, упоминаемый в «умильной повести» (Р.Вр., т. I, стр. 110; Временник М.О.И. и Др., кн. 15, стр. 14) – по родословной Временника (кн. 10, стр. 30) Глебович, а по другим (см. у Экземплярского, т. II, стр. 623) – Михайлович (сын Кир-Михаила), создание генеалогических комбинаций, причем не подтверждаемых. Судя по перечням князей, созданных Юрием Игоревичем для отпора татарской силе, в упомянутых текстах, – их основной текст, подвергшийся затем ряду искажений, называл за Юрием старейшего из Ингваревичей (Романа, а в другой редакции Олега), затем муромских и пронских князей. Косвенное подтверждение тому, что под «пронскими князьями» следует понимать Ингваревичей, дает текст родословной

книги, изданной в 10 книге «Временника», где после Юрия и Романа названы сперва муромские князья, затем князья Олег, Давыд и Глеб Ингваревичи. «Повесть умильна» развивает далее путаницу с Олегами, повествуя как Ингварь Ингваревич собирал «раздробленные уды» брата, Олега Красного, и хоронил его («Рус. Вр.», т. I, стр. 125); зная, что Олег остался жив, историки считают Олега Красного братом Юрия Игоревича (Иловайский, Ист. Рязанского княжества, стр. 90) или отделяют прозвище в пользу племянника, оставляя мнимого дядю просто Олегом (Экземплярский, т. II, стр. 570 и 572).

¹П.С.РЛ., т. XV, стр. 160. Олега обычно считают младшим потому, что он позже княжил. Однако, возможно, что он был вторым сыном Ингваря Игоревича (после Романа); возвращение из Орды могло и не стоять в связи со смертью его брата Ингваря. Отсутствие известий не дает возможности восстановить даже элементарные факты рязанской истории XIII века. Жалованная грамота в. к. Олега Ивановича Ольгову монастырю (А.И., т. I, № 2) вызывает большое сомнение перечнем «прадедов» в. к. Олега: Ингварь, Олег, Юрий. Первые двое – Ингваревичи? Но как попал на третье место Юрий, их дядя?

⁶Историк Рязанского княжества Д.И. Иловайский отмечает возрождение русской колонизации в юго-восточном направлении после Батыева погрома (указ. соч., стр. 93–96); граница княжества «перешагнула за реку Воронеж и углубилась в степи»; окрепли русские поселения в степном пространстве между р. Воронежом, Доном, Хопром и Великой Вороной, известном под названием Червленого Яра. Этот предел Рязанской уkraine, обращенный к татарской степи, область мелкой пограничной борьбы и постоянной воинской тревоги, был предметом спора о разграничении рязанской и сарайской епархий. Грамота митр. Феогноста (А.И., т. I, № 1), подтвердившая решение митр. Максима и Петра в пользу Рязанской епархии, обращена «ко всем христианом Червленого Яру»; грамота митр. Алексея (о том же, А.И., т. I, № 3) – «ко всем хрестианом, обретающимся в пределе Червленого Яру и по караулом возле Хопра до Дону». Рязанские князья держат тут степную сторожку для предупреждения неожиданных татарских набегов, ранний зародыш позднейшей станичной и сторожевой службы (ср. Беляева в «Чтениях О.И. и Др.», 1846 г.). Д.И. Иловайский придал значение тому, что «караулы» упомянуты только в грамоте митр. Алексея, а не Феогноста, и заключил, что в 60-х годах XIV в. они были еще внове. Но различие в формуле обращения обеих грамот едва ли имеет столь определенно показательный смысл для датировки появления украинских караулов, а по существу это явление старинное, надо полагать еще из времен половецких.

⁷Иловайский, История Рязанского княжества, стр. 67 и 104; о князьях Елецких и Козельских при Олеге Ивановиче см. там же, стр. 127.

⁸Ср. замечания С.М. Соловьева, Ист. России, кн. 1, ст. 1142, и договор 1381 г. между в. к. Дмитрием Ивановичем и рязанским в. к. Олегом Ивановичем (С.Г.Г. и Д., т. I, № 32), тут «рязанскими местами» названы Новый городок, Лужа, Веря, Боровск.

⁹О князе Федоре Романовиче находим только упоминание его кончины в 6801 (П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 83) или 6802 (Лаврентьевская, стр. 460; П.С.РЛ., т. X, стр. 169); он назван князем Федором Романовичем Рязанским (только в некоторых списках Никоновской летописи «князем великим» – П.С.РЛ., т. X, стр. 169, вар. ф). Умер он бездетным, судя по тому, что нет упоминаний о его потомстве, и по пренебрежению списков князей в родословцах к его памяти: они о нем вовсе не упоминают (см. у Экземплярского, т. II, стр. 574, прим. 1850). Старшим Романовичем и преемником отца историки (С.М. Соловьев, Ист. России, кн. I, ст. 883; Иловайский, Ист. Рязанск. княжества, стр. 91; Экземплярский, т. II, стр. 573) признают Федора, очевидно, только

потому, что он первый умер, да еще следуя такому же соображению тех списков Никоновской летописи, которые придали ему великокняжеский титул. Однако этому противоречат два текста, указанные Д.И. Иловайским (указ. соч., стр. 206 и 207): приписка к Рязанской Кормчей (писана в 1284 г.), составитель которой епископ Иосиф, датирует свой труд словами – «во дни же благоверного христоролюбца князя Ярослава и брата его Феодора, рязанских князья великие княгини, матере их, Анастасии», и правая грамота XV века, где читается ссылка на «грамоты старинные великих князей жалованные Ярослава и брата его Федора и сына его Михаила Ярославича». Но, с другой стороны, Ярослава Романовича летописи в сообщении под 1299 (6807) г. о его смерти называют только князем пронским (Лаврентьевская, стр. 461; П.С.РЛ., т. VII, стр. 182; т. XVIII, стр. 84). Никоновская (т. X, стр. 172) дает ему титул «князя великаго», но сохраняет название «пронский». Поэтому С.М. Соловьев (кн. I, ст. 883) считает Ярослава «третьим Романовичем», а Константина – вторым и преемником на Рязани после Федора. Но Иловайский (стр. 91) и Экземплярский (стр. 575) признают его (согласно с родословными, кроме тех, которые Ярослава делают Константиновичем, внуком Романа) вторым Романовичем и преемником брата Федора. Их вывод подкрепляется другим предположением: что неясное известие в Лаврентьевской летописи под 1300 г.: «того же лета рязанские князи Ярославичи... (одного слова недостает) у Переяславля» означает усобицу Ярославичей с дядей Константином. Эти отрывочные намеки получили бы некоторую ясность, если предположить, что «уделом» Константина был Переяславль, что Ярослав, приобретя старейшинство в Рязанской земле остался вотчинным князем на Пронске, что бились Ярославичи под Переяславлем с дядей против перехода к нему отцовского старейшинства. Но все это слишком гадательно для сколько-нибудь надежных заключений. Оставляю в тексте построение Иловайского и Экземплярского, полагая, что приписка на Рязанской Кормчей, может быть, выдвинула вперед Ярослава по каким-либо местным отношениям (пронским?) или по личному отношению князя Ярослава к труду епископа Иосифа. Эта приписка еще тем интересна, что титулет мать «великой княгиней», не давая такого звания сыновьям: перед нами семья с матерью-вдовой во главе. Однако правая грамота «второй половины XV века», на которую ссылается Иловайский (указ. соч., стр. 207), дала бы сильную поддержку этой приписке на кормчей книге в пользу признания старшим Ярослава, если бы ее формула не вызывала сомнений при сопоставлении (там же) с грамотой 1340 г. пронского князя Александра Михайловича, где его отец назвал «Ярославом пронским».

¹⁰Экземплярский (вслед за Иловайским) пытается установить связь между тем, что приключилось с Ярославичами у Переяславля в 1300 г. и той изменой рязанских бояр, которая помогла кн. Даниилу «изменою» захватить кн. Константина в битве под Переяславлем в 1301 г. Ему за этими намеками довольно естественно рисуется княжая и боярская смута на Рязани, которой воспользовался Даниил.

¹¹О кн. Василии Константиновиче знаем только, что он «убиен бысть в Орде» в 1308 г. (П.С.РЛ., т. X, стр. 176). Из Ярославичей летописи знают только Ивана; имя Михаила Ярославича из упомянутой выше правой грамоты XV в. Василия признают, вслед за С.М. Соловьевым (кн. I, ст. 913), рязанским князем после Константина, а его гибель в Орде Иловайский склонен отнести на счет «пронсков его двоюродных братьев, пронских князей» (указ. соч., стр. 92).

¹²Вопросы генеалогии рязанских князей этой «пронской» линии потомков Ярослава Романовича удачно выяснили, насколько это возможно, Д.И. Иловайский и А.В. Экземплярский.

¹³Кроме нашествия 1237–1238 г. Рязанской земли коснулось разорительное нападение 1239 г., когда «взята татарове Мордовьскую землю и Муром пожгоша в по Клязьме воеваша и град святыс. Богородица Гороховец пожгоша» (Лаврентьевская, стр. 446).

¹⁴В 1278 г. «приходиша татарове на Рязань и много зла сътвориша и отъидоша в свояси»; в 1288 «князь Елортай ординский, Темирев сын, приходи ратью на Рязань и воева Рязань, Муром, Мордву и много зла сътвориша, идоша восвояси»; в 1308 г. после убийства в Орде князя Василия Константиновича, «татарове Рязань воеваша» – П.С.РЛ., т. X, стр. 156, 167, 176.

¹⁵«Ходи князь Юрьи ратью с братом Иваном на Рязань на князя Ивана Рязаньского и докончаша мир» (Новг. 1, стр. 319); в лето 6841 (1333) приде князь Иван в Торжек с всеми князи низовьскими и с рязаньскими» (там же, стр. 328).

¹⁶П.С.РЛ., т. VII, стр. 206; т. IV, ч. 1, стр. 270; т. XVIII, стр. 93. В Тверской летописи (т. XV, стр. 421) и Никоновской (т. X, стр. 211) под 6847 (1339) г.

¹⁷Возможно, что именно Иван Коротопол начал титуловать себя «великим князем рязанским», по аналогии с тверскими князьями. Щедрое применение этого титула позднейшими грамотами к предшественникам Коротопола нельзя считать показательным. В грамотах Дмитрия Донского рязанские князья титулуются «великими» (Олег Иванович, Федор Ольгович).

¹⁸П.С.РЛ., т. VII, стр. 209; т. XVIII, стр. 94 (Троицкая и Симеоновская), т. X, стр. 215.

¹⁹Быть может, вражда к памяти Олега Ивановича дала повод к признанию его сыном братоубийцы Коротопола (П.С.РЛ., т. VII, стр. 243: «а князь Иванов сын Коротополов Олег, иже бысть советник безбожному Мамаю»; ср. отзыв Никоновской об убийстве Коротопола, т. X, стр. 215). Грамоты (С.Г.Г. и Д., т. I, № 36, 48, 65, 115 и 116) устанавливают определенно, что Олег – сын князя Ивана Александровича (см. у Иловайского, Ист. Рязанск. кн., стр. 208–210). И в грамоте Олега Ивановича Ольгову монастырю (А. И., т. I, № 2) князь Олег называет отцом своим Ивана Александровича. О каком-либо потомстве Коротопола нет сведений.

²⁰Летописные своды сообщают, что кн. Ярослав «сел в Ростиславле» (П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 94, – Троицкая и Симеоновская; то же в Воскр., т. VII, стр. 209, в Никон., т. X, стр. 215); но тут можно предположить с Иловайским, указ. соч., стр. 93 (ср. Экземплярского, т. II, прим. 1869) простую описку первоисточника наших сводов. Однако наши летописные своды называют князя Ярослава в известии о его кончине – князем пронским, а не в. к. Рязанским (П.С.РЛ., т. VII, стр. 209; т. X, стр. 216; т. XVIII, стр. 94). Сын Ярослава Владимир – пронский отчич, а брат Ярослава Иван Александрович известен как великий князь рязанский по договорным грамотам его внука и правнука (С.Г.Г. и Д., т. I, № 36, 48, 65; также № 115–116 и упоминаемая грамота Олега Ивановича, А.И., т. I, № 2); летописные своды упоминают только его кончину в 1350 г. (П.С.РЛ., т. X, стр. 222; т. XVIII, стр. 97; т. VII, стр. 215 – под 1351 г.) и то называют его не Иваном, а Василием. Потомки Ярослава остались пронскими отчичами, а на великом княжении видим Олега Ивановича и его потомков; поэтому А.В. Экземплярский предполагает, что старшим Александровичем был Иван, а младший Ярослав мимо него получил ханский ярлык («отпущен») на Рязанское княжение, так что Иван Александрович занял старший стол только после смерти младшего брата в 1344 г. (указ. соч., т. II, стр. 581–582). Однако у нас нет оснований утверждать, что Ярослав утвердился на в. к. рязанском и решительно отвергнуть известия летописей, что он умер князем на Пронске; нет и уверенности, что его вокняжение «в Ростиславле» создано простой ошибкой, что князь Иван не занял старшего рязанского стола (в Переяславле) еще при жизни брата. Трудно заполнять отсутствие фактических данных догадками.

²¹П.С.РЛ., т. XVIII (Гроицкая и Симеоновская), стр. 28; т. X, стр. 226–227 (под 6861 г.).

²²П.С.РЛ., т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 230; т. XVIII, стр. 100. С.Г.Г. и Д., т. I, № 32. – Впрочем, некоторое соглашение о новом разграничении земель рязанских и московских состоялось еще при Иване Ивановиче: Лопастня осталась за Рязанью, а в. к. Иван получил Новый городок на усть Поротли и «иные места рязаньския отменная», о чем упомянуто в его духовной грамоте (С.Г.Г. и Д., № 26); но сама эта грамота свидетельствует о тревоге за прочность такого обмена и вообще владения спорными землями («а ци по грехом имуть из Орды искати Коломны или Лопастеньских мест иди отъменьных мест рязаньских»). С.М. Соловьев полагал, что с Лопастней Москва потеряла в пользу Рязани «шесть других мест», т. е., очевидно, те, что в договоре 1381 г. упомянуты «на рязанской стороне за Окою, что доселе потягло к Москве»: кроме Лопастни еще Мстиславль уезд, Жадеве городище, Жадемль, Дубок и Броднич («Ист. России», кн. I, ст. 951 и 1141); это весьма вероятно, но в таком случае текст договора 1381 г. с его выражением «что доселе потягло» и без ссылки на прежний договор свидетельствует, что формального договора не было заключено при в. к. Иване и митр. Алексее, и весь «обмен» как будто и не был оформлен? Татищевская передача эпизода о Махмет-Хоже (т. IV, стр. 185) пример произвольного комментирования, какое Татищев вносил в редакцию текста: отсюда и целая история о споре за Лопастню у него же (стр. 223). Лопастня по отношению к Москве, очевидно, за Окой; лопастенские места по р. Лопастне, левому притоку Оки, остались» за Москвой.

²³П.С.РЛ., т. VIII, стр. 13; т. XI, стр. 5; т. XVIII, стр. 104.

²⁴П.С.РЛ., т. VIII, стр. 17; т. XI, стр. 14 (под 6879 г.); т. XVIII, стр. 110.

²⁵Называет та «эмансипация Твери и Рязани от подчинения в. к. московскому в конце XIV и первой четверти XV века, которую выдвигает М.К. Любавский в своих «Лекциях по древней русской истории», стр. 167.

²⁶По выражению Никоновской летописи – П.С.РЛ., т. X, стр. 230.

²⁷С.М. Соловьев (кн. I, ст. 964–965) ограничился указанием, вполне точным, что произошло это «неизвестно по каким причинам», а подчеркнул только, как в ходе конфликта сказалась «вражда между двумя княжескими линиями, рязанскою и пронскою»; Иловайский (стр. 109) прямо предполагает «участие, которое пронский князь принимал в войне Димитрия с Олегом»; Экземплярский (т. II, стр. 584) более осторожно допускает, что пронский князь был в это время «во враждебных отношениях к рязанскому князю, и если не действовал против него вместе с московским князем, то и не помогал ему». Все это несколько не освещает мотива решительных действий Димитрия Донского, да и не может быть обосновано данными наших источников; и замечание Соловьева только освещает личную роль князя Владимира после московской победы. Татищев взглянул шире, предположив влияние пограничных споров, поднятых с захвата рязанцами Лопастни, и еще – некоторую двойственность в отношении Олега к русско-литовской борьбе (т. IV, стр. 223), но подчинил, по своей манере этому предположению само фактическое изложение при редактировании текста источника для своей «Истории». Карамзин (т. V, стр. 15) принял Татищевское указание на пограничные споры, как мотив разрыва.

²⁸В С.Г.Г. и Д. (т. I, № 31) этот договор отнесен к 1371 году. Заключен он был послами в. к. Ольгерда, как прелиминарный при заключении перемирия (от Оспожина заговенья до Дмитриева дня, т.е. от 31 июля по 26 октября) и открытию переговоров («а межи нас нашим послом ездити, путь им чист», причем «а си грамота аже будет князю великому Олгерду нелюба, ин отошлет, а хотя и отошлет, а на сем перемирьи и докончаньи межы нас с Олгердом войны нет до Дмитриева дни»). По летописным сводам набег

Ольгерда под Москву относится к декабрю 6878 г. (Воскр. и Симеоновск.; П.С.РЛ., т. VIII, стр. 17, т. XVIII, стр. 110) или 6879 (Никон., т. XI, стр. 14), но верная дата, декабрь 1370 года, устанавливается тем, что после заключения перемирия с Ольгердом в к. Дмитрий поехал в Орду 15 июня «в неделю», что соответствует только 1371 г. (т. XVIII, стр. 110), а поход на Рязань и бой на Скорнищеве произошли в декабре того же года. Ольгерд стоял под Москвой 8 или 10 дней с 6 декабря 1370 г., но узнав о приходе рязанской рати, заключил перемирие «до Петрова дни» и начал переговоры о «вечном мире» и замужестве своей дочери с князем Владимиром Андреевичем, а сам отступил с войском восвояси. Послы Ольгерда прибыли в Москву после отъезда в к. Дмитрия в Орду (т. VIII, стр. 18: «после великого князя»), так что переговоры с ними вели, очевидно, митр Алексей и бояре. Дата договора – июль 1371 года, ранее разрыва в к. Дмитрия с Олегом. Таков и порядок изложения всех летописных сводов; ср. Лет. по acad. списку (в изд. Лаврентьевской летописи), стр. 505–506; П.С.РЛ., т. XV, стр. 430. Но Соловьев (б. м. под влиянием изложения Карамзина, т. V) принял для этого договора дату 1372 г. и отнес его к иному моменту, когда Ольгерд, после неудачной встречи с московским войском у Любутска «взял мир» с Дмитрием (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 20 и т. XVIII, стр. 113, также в Троицкой и Ростовской летописях – под 6881 г.; т. XI, стр. 19 – под 6880 г.), но этот «мир» заключал сам Ольгерд, а прелиминарный договор его послов, о котором идет речь, был, надо полагать, «отослан» им, так как оказался в московском архиве в подлиннике (с печатями, из которых одна митрополичья, другая, по-видимому, литовских послов). Дату 1372 г. приняли Иловайский (стр. 110) и Экземплярский (т. II, стр. 585), хотя последний весьма сбивчиво отнес договор к обоим моментам сразу – ср. т. I, стр. 100–101 и 104–105, заметив при этом, что столкновение под Любутском точнее отнести к 1373 г.

²⁹П.С.РЛ., т. VIII, стр. 18–19 («князь великий Дмитрий Иванович посади на Рязанском княжении князя Володимера пронского»); т. XVIII, стр. 112 («и сяде тогда на княжении великом рязанском князь Володимер пронский»; то же т. XI, стр. 17).

³⁰Никоновская (т. XI, стр. 17) добавляет, что Олег «изыма» князя Владимира и «приводе его в свою волю».

³¹Родословное предание Вердеревских, на которое ссылается Иловайский (стр. 109), о «мурзе Салахмире» само по себе не имеет исторической ценности, но факт татарской помощи – возможен; см. текст этого предания в «Сборнике Моск. Арх. Мин. Юстиции», т. I, ч. 1.

³²С.Г.Г. и Д., т. I, № 28; о его датировке см. выше.

³³П.С.РЛ., т. XI, стр. 19; тут же, на стр. 185 – под 6909 (1401 г.) упоминание о пронских князьях в походе в к. Олега под Смоленск; летописи упоминают кроме Ивана Владимировича только кн. Даниила Пронского, участника битвы на р. Воже (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 32–33; т. XVIII, стр. 127; т. XI, стр. 42), но без отчества, и его генеалогическое положение неопределимо. Откуда взял Д.И. Иловайский (стр. 126) второго Владимировича Федора – неизвестно (ср. Экземплярского, т. II, стр. 630).

³⁴«Приидоша татарове ратью изо Орды от Мамаея на Рязань, на великого князя Олга Ивановича рязанского, и грады его пожгоша, и людей множество избиша и плениша и со многим полоном отъидоша восвояси» (П.С.РЛ., т. XI, стр. 19).

³⁵Там же.

³⁶«Олег же рязаньский по отшествии татарьском виде землю свою всю пусту и огнем сожжену, и богатство его все и имение татарове взята, и оскорбися, и опечалися зело», пишет Никоновская летопись, П.С.РЛ., т. XI, стр. 43. – П.С.РЛ., т. VIII, стр. 32–33; т. XVIII, стр. 127; т. XI, стр. 42–43.

³⁷Ср. С.М. Соловьёва, «Ист. России», кн. I, ст. 977; Д.И. Иловайского, Ист. Рязанского княжества, стр. 112–117; А.В. Экземплярского. Указ. соч. т. II, стр. 586–587. Летописная повесть о побоище в. к. Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем – П.С.РЛ., т. IV-2, стр. 311 и сл. (1 изд., стр. 75–83); т. VI, стр. 90–98; т. VIII, стр. 34–41. О ней см. А.А. Шахматова «Отзыв о сочинении С. Шамбинаго – Повесть о Мамаевом побоище» (в 12-м присуждении премий митр. Макария, 1910 г.) и Шамбинаго (в «Сборнике Отд. Рус. яз. и слов. И. Акад. Наук», т. 81). – В договорной грамоте 1381 года в. к. Олег обязуется «к Литве целование сложити» (С.Г.Г. и Д., т. I, № 32); в том же договоре: «а что князь великий Дмитрий и брат князь Володимер билися на Дону с татары, от того времени, что грабеж или что поиманье у князя у великого людии и у его брата князя Володимера, тому межи нас суд вопчий, отдати то по исправи».

Под влиянием слов Летописной повести, как в. к. Дмитрию по возвращении в Москву «поведаша.., что князь Олег рязанский посылал Мамаю на помочь свою силу, а сам по рекам мосты переметал, а кто поехал с доновского побоища домов к Москве сквозь его отчину рязанскую землю, бояре или слуги, а тех велел имати и грабити и нагих пушати», Иловайский (стр. 118) и Экземплярский (т. II, стр. 587) поняли дело так, что речь идет и в договоре о грабеже и поимании москвичей рязанцами; но текст упоминает только о пойманных людях, которые у в. к. Дмитрия и его брата, т. е. рязанцы, так что тут в рязанцах надо видеть также не виновников, а жертву «грабежа». С.М. Соловьёв, косвенно подсказавший Иловайскому и Экземплярскому их понимание договора (ср. «Ист. России», кн. I, ст. 985), поддержал его ссылкой на договор в. к. Василия Дмитриевича с рязанским великим князем Федором Ольговичем (С.Г.Г. и Д., т. I, № 36), где читаем: «а будет в твоей отчине тех людей, з Дону которые шли, и тех ти всех отпустить»; по контексту возможно, что тут речь о возвращавшихся с Куликова поля, хотя этого прямо и не сказано. Прямое противодействие по приказу Олега возвращавшимся с Дона войскам, о чем говорили, по повести, в. к. Дмитрий его бояре, весьма сомнительно, но несомненны столкновения этих войск с местным рязанским населением, скорее всего, как полагает Иловайский (стр. 117), из-за насилий московской рати. Заботливое указание позднейших редакций сказания о Куликовской битве (П.С.РЛ., т. XI, стр. 67), что в. к. Дмитрий «заповедал всему своему войску, аще кто идет по Рязаньской земле, то никто же ли единому власу да не коснется», не столько опровергает, сколько подтверждает такое предположение.

³⁸У нас нет оснований отвергать это известие летописных сводов, восходящее, вероятно, к той же повести о Куликовской битве, какуо читаем в их составе (П.С.РЛ., т. IV, стр. 82; т. VI, стр. 97; т. VIII, стр. 41), хотя оно вызывает некоторое недоумение, как потому, что не дополнено указанием, куда бежал Олег, когда и при каких обстоятельствах вернулся, так и потому, что при такой неполноте фактических сведений оно представляется несогласием с договорной грамотой 1381 года (см. у Иловайского. Указ. соч., стр. 118; Соловьёв, кн. I, стр. 984 и Экземплярский, т. II, стр. 587 – обходят это затруднение). Бежать он мог только в Литву (Иловайский: «на литовскую границу»), а вновь появляется в летописных сводах уже при встрече хана Тохтамыша. Никоновская летопись вовсе опустила упоминание о бегстве Олега и посылке наместников на Рязань, а редактор лицевого свода внес вставку об этом из Воскресенской на крайне неподходящее место своего изложения (П.С.РЛ., т. XI, стр. 67).

³⁹П.С.РЛ., т. VIII, стр. 42; т. XI, стр. 69.

⁴⁰«Тоя же осени, месяца ноября в 1 день вси князи русстии сославцеса вслию любовь учиниша между собою» (П.С.РЛ., т. XI, стр. 69).

⁴¹Договорная грамота 1381 года (С.Г.Г. и Д., т. I, № 32) упоминает о

«погребе» всему «что ся ни деяло дотоле, как есмя целовали крест» – «до Спасова Преображенья дни за четыре дни» и устанавливает «суд вопчей меж нас от юги праздника всему», а составлена «по благословению» митр. Киприана, который прибыл в Москву на митрополию 23 мая 1381 г., а осенью 1382 года выслан из Москвы: грамота относится к августу 1381 года. Дошла она до нас без печатей и, возможно, дает только проект договора, составленный в Москве, не утвержденный и не вошедший в силу. Когда много позднее, в ноябре 1385 г., состоялось примирение в. к. Олега с в. к. Дмитрием при посредничестве троицкого игумена Сергия, летописи отметили, что «мнози прежде того к нему ездisha и не възмогша умирити их» (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 49). Грамота 1381 г. имеет во всяком случае большую ценность, как формулировка целей великокняжеской политики и приемлемого для нее компромисса с рязанскими требованиями в старых пограничных спорах. Весьма вероятно, что ее содержание легло в основу «вечного мира» 1385 г., так как этому соответствуют, по существу, отношения Москвы и Рязани, установившиеся после 1385 года – до самой смерти в. к. Олега.

⁴²«Точная» дата прихода хана Тохтамыша под Москву, обычная в наших сводах – 6890 г., августа 23, в понедельник – невозможна, так как 23 августа 6890/1382 г. приходилось на субботу. Ошибка – от порчи текста. Никоновская (П.С.РЛ., т. XI, стр. 73) и Симеоновская (т. XVIII, стр. 132) сохранили такую редакцию повести «о приходе Тохтамыше на Москву», где порча текста принята и сглажена, да еще и подкреплена (по вычислению) сообщением, что взятие Москвы произошло 26 августа; тут только «понедельник» указывает на искажение. Но в Воскресенской (т. VIII, стр. 44 и 46) следы этого искажения яснее: 1) нескладная фраза: хан «прииде ратью к городу Москве, а сила татарская прииде месяца августа в 23, в понедельник, и приидоша не вси полки к городу» поясняется вариантом (г) Карамзинского списка, где вместо «в 23» стоит: «в 8 день в третий день»; дело, по видимому, в том, что хан подошел к Москве с частью полков 8 августа (в пятницу), а в третий день после него – в понедельник 11-го, пришла вся сила татарская; 2) хан стоял под Москвой 3 дня, а на четвертый взял ее обманом: по Воскресенской – 26 августа в четверг, но 26 августа 1382 г. приходилось на вторник, а взята была Москва, очевидно, в четверг 14 августа. Не совсем обычный счет «третьего» и «четвертого» дней зависит, в данном случае, вероятно, от того, что и татары пришли под Москву «в польобеда» и взятие города произошло «по обедех» – «в 7 час дни».

⁴³П.С.РЛ., т. IV, стр. 85; т. VIII, стр. 43; Никоновская, т. XI, стр. 72 переносить встречу Тохтамыша Олегом «на украинны своя земли рязанския»

⁴⁴П.С.РЛ., т. IV, стр. 89; т. VIII, стр. 47.

⁴⁵П.С.РЛ., т. IV, стр. 90; т. VIII, стр. 47–48.

⁴⁶П.С.РЛ., т. VIII, стр. 49.

⁴⁷Понимаю то «целование к Литве», сложения которого Олегом требует договорная грамота 1381 г. – Полное отсутствие известий о содержании и обстоятельствах этого крестоцелования делает невозможной проверку, а тем самым и обоснование предположения о связи его с отношением Олега к нашествию Тохтамыша, как моментом, который служил бы продолжением союза против Москвы Ягайла с Мамаем и подготовкой позднейшего союза Витовта с Тохтамышем.

⁴⁸П.С.РЛ., т. VIII, стр. 49: «тое же осени преподобный игумен Сергий ездил на Рязань к князю Олгу о миру, мнози бо прежде того к нему ездisha и не възмогша умирити их, тогда «с взя с великим князем Дмитрием мир вечный». Риторическое развитие этого известия в Никоновской (т. XI, стр. 87) и Симеоновской (т. XVIII, стр. 136) не имеет значения.

⁴⁹«Роздел земли по реку по Оку» и по Цне: что «на московской стороне»,

то к Москве, «а что на рязаньской стороне, а то к Рязани»; «а володимерское по рубеж, по тому, как то было при вашем (московских князей) деде при в. к. при Иване Даниловиче и при вашем дяде при Семене и при твоём отци при в. к. при Иване», (С.Г.Г. и Д., т. I, № 32). Но владения в. к. Дмитрия заходят и за Оку: тут Тула «место великого князя Дмитрия Ивановича на рязаньской стороне» (Тулой – с уездом – в.к. Дмитрий владеет в границах, «как было при царице при Тайдуле и коли ее баскаки ведали»), но далее непонятный текст: «и в то ся князю великому Олгу не вступатися и князю великому Дмитрию» (ср. замечание С.М. Соловьева, кн. I, ст. 1142); но статья позднейших договоров в. к. Василия Дмитриевича с в. к. Федором Ольговичем и Юрия Дмитриевича с Иваном Федоровичем (С.Г.Г. и Д., т. I, № 36 и 48) и договор в. к. Василия Темного с Иваном Федоровичем (№ 65), исключая «вступление» в Тулу преемников в. к. Дмитрия, вызывает сомнение, удалось ли ему утвердить за собой Тулу при докончании «вечного мира» в 1385 году; хотя возможно, что отказ от Тулы был уступкой в пользу рязанского князя со стороны в. к. Василия Дмитриевича. Простую и обычную ссылку на объем тульского уезда, «как было при царице Тайдуле», Иловайский (стр. 139), а за ним Экземплярский (т. I, стр. 114) поняли, как указание на особое положение Тулы – «какое-то исключительное», по Иловайскому, в ведении ханских баскаков», по Экземплярскому, не в прошлом (при царице Тайдуле), а в эпоху договора. Далее кн. Олег отступает в пользу в. к. Дмитрия Талицы, Выползова и Такасова, мест, по-видимому, тульских; признает великокняжеским владением Мещеру, «куплю князя великого», и оба великие князя признают друг за другом «татарские места», какие они «отоимяли за себя от татар до сего докончания». Вечный мир 1385 г. был заключен на основе условий, изложенных в грамоте 1381 г., с отступлениями, надо полагать, но какими, этого установить, конечно, нельзя. Близость текста ряда положений договора между великими князьями Василием Дмитриевичем и Федором Ольговичем к тексту грамоты 1381 г. подтверждает значение этой последней для представления об условиях «вечного мира» 1385 года (ср. № 32 и 36).

⁵⁰П.С.Р.Л., т. VIII, стр. 51; т. XI, стр. 90 (тут Никоновская пишет: «князь велики Дмитрей Иванович по сотворении мира и любви преподобного Сергия к великому князю Олегу Рязаньскому имяше промежу себя любовь велию, и отдал князь велики Дмитрей Иванович дщерь свою княжну Софью на Рязань за князя Феодора Ольговича Рязаньского»).

⁵¹П.С.Р.Л., т. XI, стр. 93 (набег на Рязань, в 1387 г., быть может, связанный с побегом из Орды княжича Родослава – см. т. XI, стр. 91; в этот «изгонь» татары «Олга князя мало не яша»), стр. 95 (1388 г. – набег на украинны рязанские), 122, 123, 187.

⁵²П.С.Р.Л., т. XI, стр. 156. – В 1395 нахождение Темир-Аксака коснулось рязанского Придонья («Темирю же Аксаку царю стоящу в Рязанстей земле и обapol Дона реки пусто вся сотворившу» – там же, стр. 159). – В 1400 г. «в пределех Черленого Яру и в караулах возле Хопор до Дону князь велики Олег Иванович с пронскими князи и с муромским и козельским избиша множество татар и царевича Мамат-Салтана яша и иных князей ординских поимаша», там же, стр. 184).

⁵³Д.И. Иловайский (Ист. Рязанского княжества, стр. 127) связывает восстановление бывшего ближайшего отношения Муромского княжества к Рязаньскому великому княжению с событиями 1385 г., указывая на летописное известие, что в. к. Дмитрий и отправил одновременно с посылкой князя Владимира Андреевича против в. к. Олега после его нападения на Коломну «иную рать» на Муром; Иловайский полагает, что «в связи с нападением Олега на Коломну» произошло восстание муромцев». Запись эта дошла до нас (П.С.Р.Л., т. IV, стр. 96; т. XI, стр. 86) недописанной: «а иную рать послал

на Муром, на князя безчестья»... (ради?); по-видимому, дело не в «восстании», а в «безчестьи», м. б. посла великокняжеского?

⁵⁴Однако данные, правда, крайне случайные и отрывочные, какие находим в наших источниках, не содержат основания для вывода, что Олег «не даром носил титул великого князя, потому что умел придать единство далеко разбросанным частям древнего Муромо-Рязанского княжества» (Иловайский, стр. 128). Нет никакого основания представлять отношения в. к. Олега к князьям муромскому, карачевскому, козельскому, елецкому по аналогии с отношениями между великим князем и удельными в Москве или в Твери: их владения не были уделами Рязанской отчины.

⁵⁵П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 69; т. XI, стр. 162.

⁵⁶П.С.Р.Л., т. VIII, стр. 69; т. XI, стр. 163.

⁵⁷П.С.Р.Л., т. VIII, стр. 70 («прогна князя Олга»), т. VI, стр. 129 («Олег же не бе»); т. XI, стр. 166. Подробности этого дела затушеваны в наших летописных сводах. Возможно, что в. к. Василий «отвел» Олега от Любутска не мирным посредничеством, а угрозой своего союза с Витовтом (ср. новгородские его отношения той же поры). После разгрома Рязани Витовт едет к зятю в Коломну, где в. к. Василий воздает ему многую честь и дары. Никоновская летопись подчеркнула эту связь событий: Витовт «тогда у своего зятя, у в. к. Василия Дмитриевича московского, на Коломне был и многу честь и дары от него принял, и» тако возвратися во своаси, кровь пролив, аки воду, Рязанские земли».

⁵⁸П.С.Р.Л., т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 185–187.

⁵⁹М.К. Любавский («Лекции по древней русской истории», стр. 167) усматривает в отношениях Рязани (как и Твери) к великорусской великокняжеской власти в XV в. усиление ее независимости, основание для такого суждения М.К. Любавский находит в договоре 1402 г. между великими князьями Василием Дмитриевичем и Федором Ольговичем; но, как увидим ниже, нельзя согласиться с его пониманием этого договора: даже помимо сопоставления с грамотой 1381 года, сам текст этого договора не подтверждает такого понимания. Вернее суждение Иловайского: «дальнейшая история Рязани представляет только постепенный переход к окончательному соединению с Москвой; отклонения от этого пути были очень незначительны» («Ист. Рязанского княжества», стр. 135).

⁶⁰Олег Иванович умер 5 июля 1402 г. (П.С.Р.Л., т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 188); второй Ольгович Родослав находился в литовском плену и пробыл там 3 года, а затем был выкуплен братом за 3000 рублей; умер 14 ноября 1407 г. (П.С.Р.Л., т. VI, стр. 135: «Ярослав Ольгович»; т. XI, стр. 197; т. IV, стр. 106 – 2000 серебра).

⁶¹Федор Ольгович был женат на сестре в. к. Василия Софье Дмитриевне, а дочь Василису выдал за серпуховского князя Ивана Владимировича.

⁶²П.С.Р.Л., т. XI, стр. 188: «и пожалова его царь, даде ему отчину его и дедину, великое квяжение Рязаньское, улус свой».

⁶³С.Г.Г. и Д., т. I № 36; сохранился «в копии», с пометкой: «грамота князя великого Василия Дмитриевича с князем с Федором с Олговичем Рязанским новая».

⁶⁴а князей Владимира Андреевича и Юрия Дмитриевича равными братьями, князей Андрея и Петра Дмитриевичей – младшими.

⁶⁵«а отдалится от нас Орда»...

⁶⁶«А будет ти киличея послати в Орду, и что с ним пошлешь, или х тебе посол татарской придет, и тебе того почтити крестьяньского деля добра, а то тебе не в измену; а коли имешь киличея слати в Орду, и то ти нам явити». Вся редакция этой статьи договора придает ей характеры ограничительной оговорки к положению, что рязанский великий князь не имеет самостоя-

гельных сношений с Ордой; такие сношения допускаются, но не ставятся в измену лишь при указываемых условиях и по необходимости («крестьянского дела добра»). Тут нет «эмансипации» от великокняжеской власти, как полагает М.К. Любавский.

⁶⁷«А въсхочет с тобою тесть мой в.к. Витовт любви, ино тебе с ним взяти любовь со мною по думе, как будет годно».

⁶⁸П.С.РЛ., т. XI, стр. 19.

⁶⁹Экземплярский, т. II, стр. 630, прим. 2023.

⁷⁰С.Г.Г. и Д., т. I, № 31 и 36.

⁷¹Нам некого иметь в виду под этими рязанскими князьями, которые тут явно не включают в себя пронского князя, кроме братьев Ольговичей – Федора и Родослава, из которых второй был в ту пору в литовском плену.

⁷²Это «ти» добавляю по аналогии с нижеследующей формулой договора: «а со князем Семеном с Романовичем с Новосильским и с Торускими князи также взяти ти любовь по давным грамотам».

⁷³«Давные грамоты» – недошедшие до нас договоры между рязанскими и пронскими князьями.

⁷⁴«Исправу» в обидах «учинять» бояре обеих сторон на съезде; «о чем ся сопрут, ино им третей митрополит»; приговор митрополита окончателен: «а кого митрополит обинит, ино обидное отдати»; «а не отдаст, ино мне к. в. Василию Дмитриевичю отпавити, а то ми не в измену». Заключение: «также на обе стороны» подчеркивает, что в. к. Василий выставляет себя не защитником и покровителем одной стороны, зятя своего Федора или пронского князя, а гарантом установленных отношений.

⁷⁵С тем отличием, что для них необязательно обращаться к третьей стороне митрополита: бояре, не придя к соглашению, «едут на третей, кого себе изберут».

⁷⁶В Никоновской (П.С.РЛ., т. XI, стр. 202): «В лето 6916 сентября 6 князь Иван Володимирович пронский прииде изо Орды от царя Булат-Салтана с пожалованием и с честью на Русь и сяде на Пронске, а с ним посол царев». Дело было, конечно, не в «посажении» кн. Ивана на Пронске, но нет указаний, чтобы кн. Иван получил ярлык на великое рязанское княжение, если только не усмотреть такое указание в сообщении той же летописи (стр. 203), что после бегства в. к. Федора за Оку «князь великы Иван Володимирович пронский сяде на обеих княжениях, на Рязанском и на Пронском» (ср. т. VII, стр. 243). С осени до весны велись, по-видимому, переговоры; только весной 1408 г. пронский князь ударил на Рязань: битва на р. Смядве произошла 1 июня. Перед битвой опять шли переговоры: «князь Иван пронский прииде с послом татарским – и не умиришася князи» (П.С.РЛ., т. XV, стр. 480). Хан Булат-Салтан был вновь на ханстве, а ни в. к. Василий, ни в. к. Федор к нему не поехали. Ср. Временник, т. X, стр. 33 (Родословец).

⁷⁷П.С.РЛ., т. XV стр. 480: «князь же великий Василей московский даа помощь зятю своему князю Федору Ольговичу; старци же се не цохвалиша, а иже не сложив к пронскому ратью послати на нь, се бо здумаша бояре юнии». Ср. т. XI, стр. 210.

⁷⁸«Татарове же отъидоша на гору и стаща, не помагаючи проняном» (П.С.РЛ., т. XV, стр. 481). О месте боя см. замечание Экземплярского, т. II, стр. 631, прим. 2027.

⁷⁹«и помирил их князь великий Василей Дмитриевич, и седоста по своим княжением» (П.С.РЛ., т. VII, стр. 243).

⁸⁰Федор Иванович успешно отбил «полон» и покарал татарский «изгон» в 1404 г.; то же удалось рязанцам в 1410 г., но в 1414 г. татары разорили рязанские волости у р. Дона, взяли Елец, причем погиб елецкий князь, и «мно-

го воевавши», ушли «со многим полоном и богатством»; удачна была погоня за татарским изгоном в конце 1426 г.; в 1437 г. татары рязанские «украинные села поимаша»; в 1438 г. «воеваша Рязань и много зла учиниша»; в 1442 г. приходили на «рязанския украины», сотворили много зла и ушли с полоном; к 1443–1444 г. относится набег на Рязань царевича Мустафы и его зимовка на Рязани (в Переяславле); на этот раз московская ратная сила помогла разгромить татарскую силу, изнуренную суровой зимней стужей; быть может, в отместку за гибель Мустафы татары учинили набег на рязанские украины осенью 1444 г. – П.С.РЛ., т. XI, стр. 191, 215, 225, т. XII, стр. 6, 23, 25–26, 42, 61–62. Все это – лишь более крупные эпизоды постоянных украинских тревог и столкновений.

⁸¹Разрыв московско-литовского союза в 1406–1409 гг. был лишь незначительным и преходящим эпизодом в политике в. к. Василия Дмитриевича; на «коронационном» съезде у Витовта в 1430 г. в. к. рязанский встретился в кругу других князей с в. к. Василием Дмитриевичем.

⁸²Даты кончины в. к. Федора Ольговича и вокняжение его сына Ивана не могут быть установлены по отсутствию данных. Ср. замечания Иловайского (стр. 138) и Экземплярского (т. II, стр. 595–596).

⁸³А.А.Э., т. I, № 25 и 26 – оба договора по одному и тому же формуляру. Князя рязанский и пронский «даютя в службу» в. к. Витовту, «осподарю своему», обязуясь «служити ему верно без всякой хитрости»; в. к. Василию Васильевичу, «внуку его», помогать только по повелению в. к. Витовта, а при раздоре между ними – «пособляти в. к. Витовту на них (московских князей) без хитрости» спорные дела между Литовской и Рязанской землями решаются съездом судей того и другого великого князя, но если они «сопрутятся», то окончательное решение дела принадлежит в. к. Витовту. В договоры внесено обязательство «суд и исправа держати со великим князем с Василием с Васильевичем по старине»: в. к. Витовт берет отношения между Москвой и Рязанью под свою опеку. Обязательство Витовта не вступаться во владения Ивана Федоровича, «поколе рубежи» рязаньские земли», т. е. «переславской его вотчины», соединено с оговоркой: «вынемше Тулу, Берестой, Ретань с Паши, Дорожен, Заколотен Гордеевский»; тут нет уступки перечисленных мест Литве, как понял Иловайский (стр. 139), а есть противоположение их «переславской вотчине» (слово «вынемше» отнюдь не означает, чтобы они ранее входили в ее состав), надо полагать – как пунктов спорных между Москвой и Рязанью; в судьбу же их Витовт сохраняет право «вступаться».

⁸⁴С.Г.Г. и Д., т. I, № 48: «а что есмь, говорит в этой договорной грамоте в. к. Иван Федорович князю Юрию, посылая свою рать с твоим братычем со князем с Васильем, и воевали, и грабили, и полон имали...», и обязуется сложить к Василию свое крестоцелование.

⁸⁵Терминология этого договора своеобразна. В. к. Иван называет Юрия «господином дядей», который и обязуется «иметь его себе братаничем», а старшему своему сыну братом (равным), младшим сыновьям – братом старейшим. По содержанию отношений «господин дядя» – великий князь в отца место, брат старейший: в. к. Иван обязуется быть с ним «за один везде без хитрости», не «приставать» к татарам, не вступать в dokonчание с Василием Темным и не сноситься с ним, не принимать в свою землю ни его, ни его бояр, а быть «на него за один» с Юрием. И с литовским великим князем Свидригайлом в. к. Иван должен устанавливать соглашение не иначе, как «по думе» с Юрием, и в договорной грамоте с ним писать, что он с Юрием «один человек». То же одиначество с Москвой, подчиненное ее политике, – в отношении к татарам и мещерским князьям. – Договорная грамота эта средактирована по грамоте 1402 г. (№ 36), причем иные места ее текста, взятые из образца и вновь вписанные, по-видимому, плохо согласованы: так

рядом с тем же определением порядка разрешения споров между рязанским и пронским князьями, какой установлен в грамоте 1402 г., тут читаем еще такой текст: «а со князем есми с пронским и с его братьсю любовь взял, а что ся промежи нас учинить, ино межи нас управити тебе, великому князю, а нам тебя слушати». Если понять этот текст, как согласный с порядком митрополичьего третейского суда и великокняжеской управы на непокорного приговору, получится излишнее повторение; а взятый отдельно, он отдает окончательное решение великому князю (подобно тому, как было в договоре рязанского князя с в. к. Витовтом). Что обе эти формулы не дополняют друг друга, а равносильны и, стало быть, несовместимы, показывает их редакция: 1) «а что ся промежи нас учинить»... и 2) опять: «а что ся межи нас учинить»; полагаю, что первая (новая) была при редактировании грамоты написана на полях, как заменяющая вторую, а в списке грамоты сохранились обе по недоразумению, причем так сложившийся текст механически перешел и в договорную грамоту 1447 г. (С.Г.Г. и Д., т. I, № 65).

⁸⁶С.Г.Г. и Д., т. I, № 65 – договор повторяет условия докончальной грамоты великих князей Юрия и Ивана, но с заменой «господина дяди» – «братом» старейшим великим князем» и «братанича» – «братом младшим», а также с некоторыми редакционными изменениями.

⁸⁷С.Г.Г. и Д., т. I, № 65.

⁸⁸«а кому будеть целовал крест, а тому ти целованье сложити».

⁸⁹А.З.Р., № 50.

⁹⁰С.Г.Г. и Д., т. I, № 48.

⁹¹Указанные выше сомнительные черты редакции этой договорной грамоты крайне затрудняют пользование ею. Великокняжеская «управа», как было уже упомянуто, в рязанско-пронских столкновениях определяется тут двумя несогласованными формулами, которых совместную наличность в тексте договорных грамот 1434 и 1447 г. г. (С.Г.Г. и Д., № 48 и 65) приходится толковать, как редакционное недоразумение. Но значительную трудность представляет, собственно говоря, и согласование (по содержанию) определения «рязанской отчины», как заключающей в своем составе и пронское княжество, с признанием опеки великокняжеской власти над договорными отношениями между рязанским великим князем и пронскими князьями.

⁹²Иловайский, История Рязанского княжества, стр. 144–145; Экземплярский, т. II, 631–632. – П.С.РЛ., т. VII, стр. 244–245: «А у князя у Ивана были три сына: Федор, да князь Иван Нелюб, да князь Андрей Сухорукой; а у князя Федора был сын Юрий, да у Юрия сын князь Глеб пронской; а у князя Ивана Нелюба сын Иван же, а у Ивана сын Василий Нелюб, а у Василья сын Шемяка князь Иван, а у князя Андрея у Сухорукого сына князь Дмитрий, а у князя у Дмитрия дети: Юрий, да Иван, да Феодор, да Данило». – «Временник» Общ. Ист. и Др. Рос., ч. 10, родословец, стр. 71.

⁹³С.Г.Г. и Д., т. I, № 127–128: «а чем меня (тебя) благословил отец наш князь великий Василей Иванович Переславлем и Ростиславлем и Пронском и всеми волостьми и со отъездими месты и всем великим княженьем...»

⁹⁴В конце княжения в. к. Ивана Федоровича (в начале 50-х гг.) в. к. Василий Васильевич привлек рязанского князя к уплате «ясака» на содержание касимовских татар: «а что шло царевичю Касыму и сыну его Даньяру царевичю с вашия земля при твоём деде в. к. Иване Федоровиче и при твоём отце при в. к. Василье Ивановиче и что царевичевым князем шло и их казначеем и дарагам», поминает в. к. Иван III в договоре с в. к. рязанским Иваном Васильевичем (1483 г.; С.Г.Г. и Д., т. I, № 115); размер уплат был окончательно установлен по «записям», как в. к. Василий Васильевич «за твоего отца, за в. к. Василья Ивановича кончал с царевичевыми с Касымовыми князьями» (там же).

⁹⁵П.С.РЛ., т. VI, стр. 181: «княжение свое предасть держати в. к. Василью Васильевичу московскому, и сына своего дал ему на руце, князя Василя, бе бо тогда еще осми лет»; т. VIII, стр. 147: княжение же свое Рязанское и сына своего Василя приказал в. к. Василию Васильевичу; князь же великий Василей сына его и с сестрою взят к себе на Москву, а на Рязань посла наместники своа и на прочаа грады и на власти»; т. XII, стр. 112: «княжение же свое Рязанское и сына своего Василя приказал в. к. Василью Васильевичю на соблюдение; князь же великий Василей сына его и с сестрою его с Феодосиею взя их к себе на Москву, а на Рязань посла наместники своа на соблюдение и на прочаа грады его и на власти».

⁹⁶С.Г.Г. и Д., т. I, № 127 и 128. Грамота в. к. Ивана Васильевича брату Федору сохранилась в списке, который снят в Москве с подлинной (а она «писана в Переяславле лета 7004 августа в 19 день»), о чем свидетельствует пометка на ее обороте: «списки з грамот з докончалных с резанских великому князю Ивану з братом его со князем с Феодором, а самые грамоты докончалные с печатями лета 7035 (посланы к великой княгине?) к резанской к Огрофене с его человеком с Медведем»; грамота князя Федора брату в. к. Ивану в подлиннике за печатями и скрепой: «смиранный епископ Семион резанской и Муромской». – Двойной документ этот весьма интересен, как единственный, уцелевший до нашего времени, памятник «удельных» отношений в Рязанском княжестве. Однако тут – это отношения, возникшие заново между братьями Васильевичами в исходе XV в., в пору, когда подлинные отношения удельного владения быстро разлагались под давлением великокняжеской власти московских государей. Договор 1496 года не может служить надежным источником для изучения типа и основного уклада «удельных» отношений: не мало в нем явно нового, не традиционного, а подлинно договорного. Точнее даже было бы сказать, что как нет в этом договорном тексте термина «удел», так нет в нем и раздела Общей отчины между братьями по уделам. Владения младшего брата весьма незначительны: старший получил «все великое княженье», а младшему отец, великий князь Василий Иванович, и мать, в. к. Анна, и старший брат, в. к. Иван Васильевич, «отделили» только «Перевитеск и Рязань старую с волостями и с отъездими месты», да «треть» в Переяславских доходах и доходных имуществах и часть дворцовых сел по раздельным «записям». Все это гарантируется князю Федору в потомственное владение, причем старые удельные воззрения уже настолько искажены, что требуется особая оговорка против превращения этих владений в опричнину и произвольного завещательного распоряжения ими в случае выморочности: «а не будет у тебя детей, и тебе, моему брату, своей отчины не отдати никоторою хитростью мимо меня, великого князя». За то и великий князь, обязуя брата «не хотети» великого княженья под собой и своими детьми, обещает ему: «а не будет у меня детей, и мне, великому князю, великим княженьем благословити тебя, своего брата». Составители договора судят правильно, полагая, что отчуждение «удела» на сторону мимо братьев возможно только «хитростью» (вольной или, как увидим, чаще вынужденной). Новые отношения и понятия сказались в том же договоре значительной силой великого князя и политическим принижением младшего брата, за которым лишь слабые остатки участия в княжеской власти. Утверждая свое «одиначество» (взаимное), братья не соблюдают в нем равенства; они обязуются «не канчивати, ни ссылатися» ни с кем друг без друга, но младший обязан сложить все свои сепаратные «целованья» и быть всецело в опеке старшего, который обещает его «жаловати и печаловатися им и его отчиною»; обязан младший брат «пойти без ослушанья», куда его пошлет князь великий (при этом – теряет живой смысл сохраненная в договоре формула о «вседании на конь» обоих князей и посылке воевод, если

великий князь сам не выступает). Участие княжого Федорова «третчика» в суде великокняжеского наместника над Переяславцами сведено, по существу, к тому, что третчик «смотрит своего прибытка»; зато младший брат не судит в Переяславле своих людей «в душегубстве и в разбои и в татьбе с подичным», а великому князю в этих делах и в «протаможьи и в какове деле ни буди» людей князя Федора «судити и казнити воля во всем». Важнее, чем прямое участие младшего князя в управлении княжеством, взаимное договорное обязательство «новых пошлин не замышляти», не нарушать церковных и монастырских привилегий, боярского землевладения и боярских прав. Князь Федор – на рубеже между положением «удельного» князя и привилегированного крупного землевладельца – служилого князя. Тексты поздних договорных грамот, подчиняясь старым формулярам, сохраняют иногда формулы, уже не соответствующие современной им действительности, пример в данном договоре – слова «а Орды знати и ведати мне, великому князю», «а имати ми у тебя выход» и «а коли яз, князь великий, в Орду не дам». Странно было бы заключить, что в 1496 г. рязанский князь уплачивал выход «в Орду»; дело поясняется тут же упоминанием о «царевичевом ясаке Сатылгановом или хто иной царевич будет на том месте», т. е. о «ясаке», какой шел с Рязанской земли касимовским татарам со времен в. к. Василия Темного.

⁹⁷Ср. замечание Д.И. Иловайского (Указ. соч., стр. 148), что «в действительности имели силу разве только экономические статьи договора, а в делах политики оба князя были покорными слугами Ивана III».

⁹⁸С.Г.Г. и Д., т. I, № 115 и 116: «две грамоты, утвержденные великого князя Ивана Васильевича болшого с князем Иваном Васильевичем меншим».

⁹⁹Когда Воротынские князья, отъезжая к Москве в 1493 г., «засели на великого князя имя» Серпейск да Мезецк, а в. к. литовский отправил своих воевод на выручку этих городов, в. к. Иван Васильевич «послал противу их сестричича своего князя Федора Васильевича рязанского», своих воевод и «великого князя рязаньского Ивана Васильевича воеводу Иньку Измайлова с силою», П.С.РЛ., т. IV, стр. 161; т. XVIII, стр. 277; т. XII, стр. 234.

¹⁰⁰С.Г.Г. и Д., т. V, № 29 (1494 г.), согласно договору 1483 г., где Иван III обязался при dokonчании с в. к. литовским «писать» рязанского князя, что он с ним «один человек».

¹⁰¹С.Г.Г. и Д., т. I, № 144: «а что ми дал сестричич мой князь Федор Васильевич рязанской свою отчину на Рязани в городе и на посаде свой жеребей и Старую Рязань и Перевитеск с волостями... потому, как ся делил с своим братом со князем с Иваном, и яз ту его вотчину... со всем по тому, как было за князем за Федором, даю сыну своему Василью». Возможно, что эта «дача» была оформлена духовной грамотой князя Федора, но видеть тут акт свободного распоряжения «уделом», как «собственностью», никак нельзя. К этому вопросу вернемся по поводу аналогичных случаев в московской практике XV века.

Глава VII. Нижегородское великое княжение

¹В 1172 г. князь Мстислав Андреевич, сын Боголюбского, идет с Городца к устью Оки на соединение с муромской и рязанской ратью в поход на болгар. На «устье Оки» соединяются русские военные силы для похода на болгар в 1220 г., а возвращается князь Святослав Всеволодович во Владимир на Городец (до Городца шли Волгой в лодьях, а отсюда во Владимир на конях); на Городце стоит в. к. Юрий Всеволодович, собираясь в новый поход против болгар, принимает болгарских послов и заключает с ними мир. – Лавр.

лет., стр. 345; П.С.РЛ., т. VII, стр. 88; стр. 126–128. И позднее обычен путь на Городец вниз по Волге и обратно с Волги; но Городец, тесно связанный с «устьем Оки» в своей стратегической роли, уступает с XIII века почти все свое значение Нижнему Новгороду, основанному в. к. Юрием Всеволодовичем в 1221 г. Волжский Городец – ныне село Балахнинского уезда.

⁴См. выше. Гл. I. Стр. 62–63, 98.

⁵Вопреки утверждениям, весьма сбивчивым, А.В. Экземплярского (т. II, стр. 390–398).

⁶П.С.РЛ., т. X, стр. 175; «положен бысть на Городце в церкви святого Михаила» – т. XVIII, стр. 86; «положен бысть на Городце» – Новг. I, стр. 309; т. VII, стр. 184.

⁷Ср. А.В. Экземплярского, т. II, стр. 398–399.

⁸См. выше, Гл. 3. С вопросом о «суздальско-нижегородской» территории, которая сложилась не в порядке удельно-вотчинного выдела, а более сложным путем комбинаций владельческо-политических, связана и территориальная судьба Суздальской епархии. Для сведений о ней за XIII в., весьма неполных, см. Покровского «Русские епархии в XVI–XIX в. в.», т. I, стр. 219–221. Епархия эта суздальско-владимирская сохраняет связь с Владимиром (см. там же, стр. 220, прим. 1); когда митр. Максим перенес митрополичью резиденцию во Владимир, он «сяде в Володимери и в Суздале, и в Новогороде в Нижнем, и прочая тамо прилежащая места, а Семиона володимирского посла в Ростов и даде ему Ростовскую епископию» (П.С.РЛ., т. X, стр. 172). Суздальская епархия стала митрополичьей. Первое известие о поставлении на Суздаль особого епископа встречаем только под 6855–1347 годом (П.С.РЛ., т. VII, стр. 210; т. X, стр. 218).

⁹Сообщение Никоновской летописи, что Симеон Иванович не был на погребении отца, «понеже в то время был в Новогороде в Нижнем» (П.С.РЛ., т. X, стр. 211 под 6848 г.), само по себе не может служить свидетельством в прямой великокняжеской или московской власти в Нижнем: кн. Симеон мог быть в Нижнем проездом в Орду или обратно или по иному поводу. Однако Никоновская летопись при сообщении о кончине князя Константина Васильевича (под 6863–1355 г., т. X, стр. 228) считает, что он княжил «лет 15», т. е. с 1340/41 г., со времени смерти Калиты (то же и в Симеоновской – П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 99). Это дало П.И. Мельникову (в статье «Нижегородское великое княжество», «Нижегородские губернские ведомости», 1847 г., № 3 и 4), а за ним Храмцовскому («Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода», ч. 1, стр. 14) утверждать, что до 1340 г. Нижним владел Симеон. Ср. колебания А.В. Экземплярского, т. II, стр. 398, прим. 115, стр. 400 и 403, прим. 1131. – Счет Никоновской летописи не может быть точным: княжил Константин, хотя бы на Суздале, во всяком случае более 15 лет: сама Никоновская знает об участии Константина Васильевича суздальского в походе Товлубия и в. к. Ивана Калиты под Смоленск в 1339 г. (т. X, стр. 211), и отрицать суздальское княжение Константина с 1332 г. нет оснований. А.В. Экземплярский склонен так понять счет его княжения в 15 лет, что «Никоновская летопись берет только последние 15 лет, на протяжении которых он был князем не только суздальским, но и нижегородским», и признать, что «все Суздальско-Нижегородское княжество Константин получил по смерти Калиты, когда все русские князья были в Орде вместе с в. к. Симеоном» (ср. у Храмцовского: «Симеон получил ярлык на великокняжество Владимирско-Московское, а Константин на Суздальско-Нижегородское»; не это ли утверждение Храмцовского понимает Экземплярский под ссылкой на «некоторые известия» – т. II, стр. 400?).

¹⁰Образование Суздальско-Нижегородского княжества отразилось и в строе церковного управления: в 1347 г. митр. Феогност ставит Нафанаила

на Суздальскую епископию (П.С.РЛ., т. VII, стр. 210; т. X, стр. 218). Покровский («Русские епархии», т. 1, стр. 222, прим. 2) сомневается, чтобы при этом восстановлении Суздальской епархии к ней были причислены Нижний Новгород и Городец, а предполагает, что Нафанаил был поставлен только на Суздаль, Нижним же и Городцом управлял лишь в качестве митрополичьего наместника. Это последнее предположение навеяно только желанием смягчить смысл действий митр. Алексея, который позднее, ради целей политических, «отня епископия новгородцкую и Городецкую от владыки суздальского Алексея»; таково сообщение летописи (Никоновской, П.С.РЛ., т. XI, стр. 5), которая епископа Алексея называет «суздальским и новгородским и городецким» (там же, стр. 4).

⁹В «Нижегородском летописце» (изд. А.С. Гацисского, Н.Н., 1886 г., стр. 4): «и в ту церковь принесен бысть из Суздаля образ св. Спаса нерукотворного». Ошибочная хронология Нижегородского летописца (1252–6760 г. вместо 1352) и имя князя (Константин Юрьевич вместо Васильевич) не вызывают сомнения, что речь идет об известиях, относящихся к середине XIV в. и к деятельности князя Константина Васильевича; за этими известиями идет речь о князе Дмитрие Константиновиче, современнике Донского, а даты опять ошибочны: 1303 г. (6811) и т. д.

¹⁰Точного известия о водворении стольного княжения в Нижнем Новгороде наши источники не сохранили, как нет упоминания о нем и в «Нижегородском летописце», который дает некоторые указания, заслуживающие внимания, хотя источники этой весьма путаной и поздней компиляции не поддаются выяснению. Храмцовский («Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода», ч. I, 1857 г.) отнес «перенесение престола» из Суздаля в Нижний Константином Васильевичем в 1350 году (стр. 15), а за ним и Экземплярский (т. II, стр. 401).

¹¹«Нижегородский летописец», изд. Гацисского, стр. 2–3.

¹²П.С.РЛ., т. VII, стр. 217; т. VIII, стр. 9; т. X, стр. 227.

¹³П.С.РЛ., т. X, стр. 223, «того же лета (6863) князь велики Иван Иванович взя любовь со князем Константином Васильевичем суздальским» (только в Никоновской). Там же, стр. 226: «новгородци же тогда пребыша с ним (в. к. Иваном) не в миру полтора года, но зла не бысть ничтоже» и стр. 228: «того же лета новгородци смиришася с великим князем Иваном Ивановичем, внуком Даниловым».

¹⁴П.С.РЛ., т. X, стр. 228.

¹⁵Там же. Ср. П.С.РЛ., т. VIII, стр. 10: «и взя степень отца своего, Суждаль и Новгород Нижней и Городец, и прииде в Русь в свою отчину с пожалованием от царя и седе на княжении Суздальском»; т. XVIII, стр. 99: «прииде из Орды князь Андрей Константинович суждальский и седе на княжении в Новгороде в Нижнем».

¹⁶П.С.РЛ., т. V, стр. 228 (Софийская I, список Царского: «в лето 6864 съезд бысть в Переяславли великому князю Ивану Ивановичю с князем Андреем Константиновичем; и дары многи и честь сотвори брату своему молодшему и отпусти его с миром»).

¹⁷Летописные своды характеризуют Андрея Константиновича, как князя «благоверного и смиренного» (П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 103), «кроткого и тихого, и смиренного, и многодобродетельного» (т. XI, стр. 4; ср. стр. 3: «бысть же сей князь духовен зело и многодобродетелен»).

¹⁸А.В. Экземплярский (т. II, стр. 404) полагает, что эти уделы младшим братьям «дал» Андрей Константинович; осторожнее допустить отцовское уряженье, хотя и о нем нет упоминания в источниках. О четвертом сыне князя Константина Васильевича – Дмитрие Ногте, см. у Экземплярского, т. II, стр. 422–423: по-видимому, следует признать предлагаемую А.В. Экзем-

плярским датировку грамоты Суздальскому Васильевскому монастырю 6861 годом и его вывод, что Дмитрий умер, раньше отца, в 1352/53 г. Упоминание о втором Дмитрие Константиновиче в Никоновской летописи под 6883 г. самой формой своей: «со князем Дмитрием Константиновичем Ногтем Суздальским» дает повод отнести его к вставке из родословного источника (в перечне князей-участников тверского похода в Воскресенской летописи, П.С.РЛ., т. VIII, стр. 22, этого Дмитрия нет, но он есть под именем «князя Дмитрия Новгородского» в Тверской, т. XV, ст. 435); такой же ошибочной вставкой следует признать его имя под 6875 г. – П.С.РЛ., т. XI, стр. 9; т. XVIII, стр. 106; Воскресенская (т. VIII, стр. 14) и тут не дает этого имени. Возможно, что тут на летописании отразилось построение некоторых черт биографии князя Дмитрия Ногтя, от которого через его сына Юрия (другим источникам неизвестного) вели свою родословную князья Ногтевы, в этой их родословной.

¹⁹П.С.РЛ., т. VIII, стр. 10–11: «и сяде Наврус на царстве, и поидоша к нему в Орду вси князи русстии и бысть роздел в Орде княжением их, и приидоша койждо в свою отчиму»; то же т. XVIII, стр. 100 («и бысть им в Орде роздел княжением их, и который же сих по временом своим возвратишася в свояси, и кой же их прииде в свою отчину»). Никоновская летопись дает иную редакцию этого известия, которая более определенно указывает на какие-то княжеские споры о волостях, разрешенные ханом: «того же лета поидоша в Орду к новому царю Наурусу вей князи русстии и биша челом царю о разделении княженей их; и тако смири их и раздел положи княжением их, и знати им комуждо свое княжение и не преступати; и тако роздели их киегождо вотчину его и отпусти их с миром и с честью», т. X, стр. 231. Повидимому, перед нами три сокращенных передачи общего, более обстоятельного сообщения о том, как смерть в. к. Ивана и смена ханов тотчас подняли раздоры между князьями о волостях; к сожалению, точнее о них ничего не знаем.

²⁰Верное указание на последовательность событий в Воскресенской (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 11): весной 1360 г. «прииде на царство Волжское некий царь с востока, именем Хыдырь, и бысть леств в князех ордынских, и убиен бысть царь Наурус, а Хыдырь сяде на царство и дает княжение великое князю Дмитрию Константиновичу суздальскому») то же в «Лет. по акад. списку», изд. при Лаврентьевской, стр. 504; ср. П.С.РЛ., т. XV, стр. 428). В Троицкой (вероятно, запись московской княжеской летописи) сперва идет сообщение о приходе из Орды Дмитрия Константиновича на великое княжение, а затем (и то, и другое «тое же весны») о Хидыре и убиении Науруса (т. XVIII, стр. 100). Под влиянием этого источника и собственного недоумения, как мог второй Константинович получить ярлык на великое княжение мимо старшего брата, Никоновская летопись дает такой текст: «того же лета князи суздальски приидота в Орду к царю Наурусу, князь Андрей Константинович, внук Васильев, и брат его князь Дмитрей Константинович, и приат их царь Наурус с честью, и даде великое княжение Володимерьское князю Дмитрию Константиновичу суздальскому не по отчине, ни по дедине; а преже, добавляет книжник, царь давал великое княжение Володимерское старейшему его брату князю Андрею Константиновичу суздальскому, и он по то не ялся; и тако князь Дмитрий Константинович суздальский взя великое княжение Володимерское» и т. д. Этот текст – характерная черточка московской историографии XVI в., а не источник для событий XVI века. Свой текст Никоновская летопись тут комбинирует из двух источников: сходного с Троицкой, порядок изложения которой принят за порядок событий, и сходного с Воскресенской (откуда, например, слова «не по отчине, ни по дедине» – из текста, который Никоновская ниже приводит; ср. Воскр.: и

«прииде (Дмитрий) в Володимерь июня 22 и сяде на великом княжении, а не по отчине, ни по дедине» и Ник: «и въеха в Володимерь на великое княжение за неделю до Петрова дни, месяца июня в 22 день, не по отчине, ни по дедине»), и дополняет их соображениями книжника-составителя.

²¹«и поставлен бысть Алексей архиепископом Новугороду... митрополитом Алексеем всеа Руси, при великом князи Дмитрии Константиновиче, месяца июля в 12 день» Новг. I, стр. 356; П.С.РЛ., т. IV, стр. 63; т. X, стр. 232; в ту же зиму в. к. Дмитрий созывает в Кострому «всем князем съезд» по делу о выдаче ханскому послу новгородских ушкуйников, которые пограбили болгарский Жукотин – П.С.РЛ., т. VII, стр. II; т. XVIII, стр. 100–101; а тотчас по посажении своем на столе великого княжения в. к. Дмитрий послал в Новгород послов своих и наместников, «и посадиша Новгородци наместники княжи у себе и суд ям даша, домолвися с князем» (Новг. I, стр. 356; П.С.РЛ., т. IV, стр. 63; т. X, стр. 232).

²²В. к. Дмитрий Иванович идет с войском на князя Дмитрия Константиновича к Переяславлю, и тот бежит отсюда далее в Суздаль – П.С.РЛ., т. VIII, стр. 12; т. XVIII, стр. 101. Никоновская (т. X, стр. 233) сохранила указание, что Дмитрий Константинович «иде из Володимеря в Переяславль и сяде в нем на княжении», когда московские послы вынесли из Орды ярлык на великое княжение Дмитрию Ивановичу.

²³П.С.РЛ., т. VIII, стр. 12, т. XVIII, стр. 102 (дважды – под 6871 г., как и в других сводах, и под 6872 г.); т. XI.

²⁴Воскресенская летопись (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 12–13) дает известия в таком порядке: 1) под 6871 г. – о после с ярлыком в. к. Дмитрию Ивановичу от Авдулы; 2) о вторичном занятии Владимира Дмитрием Константиновичем («и тако пребысть в Володимери едину неделю; слышав же се князь великой Дмитрей Иванович и пришед паку с братьею и с вои своими и согна его с Володимеря, он же беже в Суздаль, князь же великий поиде за ним ратью к Суздалью и взем мир отъиде»); 3) под 6872 г. – о море на Руси; 4) «Тое же зимы приде из орды от царя Азиза князь Василей Дмитриевич суздальской и с ним посол Урусманды и вынесе великое княжение отцу своему князю Дмитрею Константиновичу, он же отступиися великого княжения князю великому Дмитрию Ивановичу»; 4–5) кончина суздальского епископа Алексея и в. к. Александры (27 декабря); 6) под 6873 г. – о построении Архангельского храма в Москве; 7) кончина (2 июня) нижегородского князя Андрея Константиновича – «и сяде во нем брат его Борис Константинович в Новегороде»; 8) «о споре Константиновичем»; 9) набег Тагая из Наручади; 10) посажение Бориса Константиновича на Нижегородское княжение ордынским послом; 11) посольство св. Сергия в Нижний и 12) поход на Бориса кн. Дмитрия Константиновича с московской ратью и докончанию мира между братьями. Симеоновская летопись держится, в общем, того же порядка (повторные известия в счет не идут – т. XVIII, стр. 102), но вскрывает его ошибочность следующим текстом: под 6872 г. после известия о море на Руси идет сообщение о получении князем Дмитрием Константиновичем ярлыка от хана Азиза: «он же ступиися княжения великого князю великому Дмитрею Ивановичу московскому, а попросил и взял себе у него силу к Новугороду к Нижнему на своего брата Бориса» и т. д., кончая примирением братьев Константиновичей; а затем уже идут известия о кончине еп. Алексея и в. к. Александры, а под 6873 г. – об основании Архангельского храма и кончине Андрея Константиновича. Ценно тут прямое указание на связь между отказом Дмитрия Константиновича от ярлыка на великое княжение и его столкновением с братом Борисом – после кончины Андрея Константиновича. То же соотношение событий находим и в Никоновской летописи, которая, вообще, сохранила известия о них полнее и в порядке, который и

следует признать правильным, а именно: 1) под 6871 г. поход в. к. Дмитрия Ивановича во Владимир и посольство от Авдулы; 2) посольство Амурата, разгневанного сношениями Дмитрия с Авдулой, к суздальскому Дмитрию («посол Иляк да тритцать татаринов да князь Иван белозерский»); 3) вторичное вокняжение Д. К. во Владимире; 4) поход в. к. Дмитрия Ивановича (с существенными подробностями: князь Дмитрий «бежа в Суздаль, сидев на великом княжении в Володимери точно дванадесят дний; князь великий же Дмитрей Иванович поиде за ним ратью к Суздалю и стоа ратью со многою силою около Суздаля и все пусто сотвори, и тако князь Дмитрей Константинович, взем мир с ним, поиде из Суздаля в Нижний Новгород к великому князю Андрею Костантиновичу, к старейшему брату своему, а князь великий Дмитрей Иванович, взем волю свою над ним, възвратися в Володимерь»), причем в прямой связи с этим рассказом сообщает Никоновская летопись о том, как в. к. Дмитрий «такоже и над ростовским князем Константином взя волю свою», а князей галицкого и стародубского согнал с их княжений, – с заключительной строкой: «тогда вей князи ехаша в Новгород Нижний к князю Дмитрею Константиновичи, скорбяще о княжениях своих». А под 6872 г. – Никоновская дает для суздальско-нижегородских дел только известие о пострижении в. к. Андрея Константиновича в иноческий чин; о его кончине сообщает под 6873 г., а затем находим интересующие нас известия в такой последовательности: 1) о поездке в Орду князя Василия Кирдяпы; 2) о столкновении Константиновичей из-за Нижегородского великого княжения (причем действующим лицом выступает еп. Алексей, смерть которого по Воскресенской пришлось бы отнести ко времени до кончины в. к. Андрея); 3) посажение на Нижегородском княжении Бориса Константиновича послом ханским; 4) возвращение Василия Кирдяпы к отцу с ярлыком от царя Азиза и 5) отказ Дмитрия Константиновича от великого княжения: «он же не възхоте и сступиися великого княжения Владимирского великому князю Дмитрею Ивановичу московскому, а изпросил у него силу к Новугороду к Нижнему на своего меньшого брата на князя Бориса Константиновича». Далее, существенные сообщения Никоновской 6) о неудачном посредничестве в. к. Дмитрия Ивановича («посла к ним послы своим, чтобы ся помирили и поделилися вотчиною своею, князь же Борис не послуша»), 7) «того же лета Алексей митрополит отня епископию новгородцкую и городецкую от владыки суздальского Алексея», 8) о посольстве св. Сергия в Нижний, движений ратной силы на Бориса и примирении князей. Затем только сообщает Никоновская о кончине суздальского епископа, Алексея. – П.С.РЛ., т. XI, стр. 2–5.

²⁵Ср. «Нижегородский летописец», стр. 8: Дмитрий Константинович «поиде из Нижнего в Суждаль к сыну своему Василию Дмитриевичу».

²⁶Свадьба состоялась в Коломне 18 января 1366 г. (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 14).

²⁷П.С.РЛ., т. VIII, стр. 14–15; т. XI, стр. 6; т. VIII, стр. 23–24, т. XI, стр. 24. Ушкуйники захватывали «всяк товар», увозили все «лучшее и легчайшее» и увели в плен «множество народа христианского», а продавали добычу в Булгарию и в Астрахани.

²⁸П.С.РЛ., т. VIII, стр. 14; т. XI, стр. 9. – Татары пограбили весь нижегородский «уезд» по Волге до р. Сундовити. (Сувдовака, впадающая в Волгу у села Лыскова – см. Экземплярский, т. II, стр. 411); перед русской ратью Булат бежал за реку Пьяну, а русские «гоняше по нем, много татар остаточных загонных избиша, а иные мнози в реце Пиане истопоша, неколико же их по зажитьем избиша».

²⁹П.С.РЛ., т. VIII, стр. 17 и 24–25. Вероятно, что посылка «в Булгары» великокняжеских чиновников была связана с взысканием контрибуции, которая, по летописи, была весьма значительна: Асан и Махм «добиста челом

великому князю и тестю его князю Дмитрию Константиновичу двема тысяча рублев, а ратем их трема тысяча рублев».

³⁰П.С.РЛ., т. VIII, стр. 26.

³¹П.С.РЛ., т. XI, стр. 18 (под 1372 г.). «Нижегородский летописец» отмечает два момента постройки нижегородского кремля: под 1359 г. (такая дата невозможна), по почину князя Бориса Константиновича (если так, то в 1365 г.?) начаты земляные работы («повеле ров копать, где быть каменной городской стене и башням»), и под 1374 г., когда Дмитрий Константинович «повеле делать каменную стену и зачаты Дмитровские ворота» – изд. Гацисского, стр. 12 и 17. – П.С.РЛ., т. VIII, стр. 19: «князь Борис Константинович постави себе город на реце на Суре и нарече его именем Курмыш».

³²Воскресенская лет. (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 21): «того же лета (1374) избиша в Новгороде в Нижнем послов Мамаевых, а с ними бе 1000 татар; а старейшину их, именем Сарайку, с прочею дружиною руками яша и ведоша в город»; в Никоновской (т. XI, стр. 20) и Симеоновской (и Троицкой; XVIII, стр. 114): «новгородци Нижнего Новгорода побиша послов Мамаевых, а с ними татар тысящу, а старейшину их Сарайку яша и приведоша их в Новгород Нижний и с его дружиною». Вероятно, что первый бой разыгрался на нижегородском посаде, второй – «в городе».

³³П.С.РЛ., т. VIII, стр. 22, 25–26, 32–33; т. XI, стр. 21, 24 (тут набег татар на Нижний Новгород, под 1376 г., не упоминаемый другими летописными сводами, мотивирован раздражением ордынской власти за поход русских князей с в. к. Дмитрием Ивановичем на Тверь – черта едва ли историческая, а скорее плод московской публицистики), 27–29 (Арапша после разграбления Засурья захватывает русских гостей на Волге, затем совершает разорительный набег на Рязанскую землю), 42–43.

³⁴П.С.РЛ., т. VIII, стр. 42–43, 45, 47. В Орду едет вскоре князь Борис Константинович, затем в. к. Дмитрий Константинович посылает к Тохтамышу «в свое место» сына Семена; едет к отцу в Сарай Иван Борисович; там же, стр. 48.

³⁵«понеже сам в старость прихожаше и в немощь», П.С.РЛ., т. XI, стр. 83.

³⁶Никоновская летопись (П.С.РЛ., т. XI, стр. 84) подчеркивает, что произошло посажение Бориса Константиновича «на великом княжении, на отчине и дедине его в Суздале и в Нижнем Новгороде и на Городце». Верная своей удельно-генеалогической системе, она постоянно называет Дмитрия Константиновича «Суздальским», или «Суздальским и Новгорода Нижнего».

³⁷Средний Дмитриевич Иван погиб в бою на р. Пьяне в 1377 г.

³⁸П.С.РЛ., т. VIII, стр. 50; т. XI, стр. 87 и 93 («даде ему царь Городец»: вероятно, что Городецкое княжество признано за Кирдяпой при пожаловании Борису Константиновичу ярлыка на Нижегородское великое княжение, а при отпуске из Орды Кирдяпа получил свой ярлык). Никоновская летопись (там же) называет Василия Кирдяпу «суздальским и городецким», а Семена Дмитриевича «суздальским».

³⁹П.С.РЛ., т. XI, стр. 93 («отступиши им властей своих новгородцких, а они ему отступишися его уделов»).

⁴⁰П.С.РЛ., т. XI, стр. 127 («князь велики Борис Константинович Нижнего Новгорода, прииде из Орды от царя Тахтамышы в свою отчину в Новгород в Нижний с пожалованием»); т. XVIII, стр. 141. Подробности (и даже подробные даты), сообщаемые Храмцовским в «Кратком очерке истории и описании Нижнего Новгорода», ч. 1, не подлежат научному учету, пока неизвестны его источники.

⁴¹Сравнение известий о падении нижегородской самостоятельности в разных летописных сводах показывает, что во всех имеем по-разному сокращенную передачу более полного изложения. Более обстоятельный рас-

сказ Никоновской летописи (П.С.РЛ., т. XI, стр. 147–148) по существу тот же, что, например, в Симеоновской (т. XVIII, стр. 142), но тут он в редакции, полной осуждения московского коварства и боярской измены, тогда как в Никоновской устранены черты такой оценки. Некоторый, хотя и очень глухой намек на условия, помогшие в. к. Василию получить ярлык на Нижний, можно усмотреть в черте, сохраненной только Тверской летописью (т. XV, стр. 440): в. к. Василий домогался Новгорода Нижнего и получил его, «преможе бо многое собрание на кровопролитье», что можно понять, как указание на отклоненную переговорами угрозу татарского нашествия. По-видимому, в. к. Василий использовал гнев Тохтамыша, по неизвестному поводу, на нижегородских князей (а в Симеоновской летописи те же приведенные слова изменены в риторическое выражение: «на кровопролитье, на погибель христианскую»). Несколько летописей (Новг. I, стр. 378; П.С.РЛ., т. IV, стр. 69; т. V, стр. 245; т. VI, стр. 122; т. VIII, стр. 61) сохранили ценное указание, что удар обрушился не на одного Бориса Константиновича, а на все гнездо суздальско-нижегородских князей: в. к. Василий «пойма князей и княгинь в таль» («в полон», «сведе»), а Семен Дмитриевич бежал в Орду (Симеоновская сохранила указание, что таково было известие ее источника в неудачном выражении: «а князя великого Бориса повеле по градом розвести с княгинею и с детьми», а Никоновская заменяет «князей» – доброхотами Бориса). Вызов в. к. Василия в Орду после занятия им Нижнего и повторное пожалование ему Нижегородского княжества – кроме Никоновской и Симеоновской, см. П.С.РЛ., т. IV, стр. 99; т. V, стр. 245. Тут свидетельство о каких-то колебаниях ордынской власти, быть может о борьбе суздальских и московских влияний. Характерен в этом отношении текст сообщения Симеоновской летописи об окончательном торжестве в. к. Василия Дмитриевича на Москву, посажен Богом и царем, Тахтамыш придаст ему царь к великому князенью Новгород Нижний со всем княжением, и быть радость велика в граде Москве о приезде его» (П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 142–143), слова, в которых нельзя не видеть отражения только что пережитой острой тревоги. – Самый порядок известий и их хронология сильно спутаны в наших сводах. Последний документ, дошедший от в. князя Бориса Константиновича, – его жалованная грамота от 8 декабря 6902 (1393) г. – А.А.Э., т. 1, № 12. «Поимание» его произошло позднее, а вторичную поездку в. к. Василия в Орду и его возвращение из Орды 20 октября надо отнести на 6903 (1394) г., т. е. вернулся в. к. Василий уже после кончины Бориса, который умер в Суздале в мае 6902 (1394) г. – Самое назначение наместника в Нижний Новгород (Д.А. Всеволожского) произошло, по-видимому, только после этих событий (т. VIII, стр. 62) – в ноябре 1394 г.

⁴²В Никоновской летописи читаем, что в. к. Василий «князя Бориса Константиновича и с женою его, и с детьми его, и елико аще быша доброхотов его всех повелел по градам розвести и в вериги железные связати и в велицей крепости держати их» (П.С.РЛ., т. XI, стр. 148). Если это не литературное украшение книжного творчества и если это касается не только «доброхотов», но и «князей», то пойманные князья были отпущены в Суздаль, вероятно, в связи с вторичной поездкой в. к. Василия в Орду, всего вероятнее – по приезде к нему второго ханского посла. Нет основания полагать (с Храмцовским и Экземплярским), что Борис Константинович умер «в заточении». С.М. Соловьев (кн. 1, ст. 1010) колебался, признать ли, что Дмитриевичи княжили в Суздале или только «оставались жить» там. Отсутствие всякого упоминания о том, чтобы Суздаль перешел под власть в. к. Василия, решает вопрос в том смысле, что и Борис и его племянники сохранили Суздаль в княжеском владении, как свою отчину.

⁴³П.С.РЛ., т. VIII, стр. 64. В Никоновской летописи (т. XI, стр. 155) находим известие о походе в к. Василия Дмитриевича «ратью к Новугороду к Нижнему на князей новгородцких, на Василия Дмитриевича Кирдяпу да на брата его Семена Дмитриевича» после сообщения о занятии им Нижнего и до известия о кончине князя Бориса Константиновича. Татищев развил и осмыслил это сообщение, представив дело так, что Кирдяпа и Семен воспользовались походом в к. Василия на Великий Новгород для захвата Нижнего, в расчете на помощь ордынских князей, а затем дополнил (быть может, на основании каких-либо родословных источников?) известие о походе на них в к. Василия – сообщением, что в к. Василий, выведя их из Нижнего, дал им город Шую («История Российская», т. IV, стр. 374–375). Но тут надо видеть только черту спутанности порядка известий и их хронологии в наших сводах; ср. в Симеоновской сообщении о побеге Дмитриевичей в Орду до известия о смерти Бориса (т. XVIII, стр. 143).

⁴⁴П.С.РЛ., т. XI, стр. 188 и указанные там же в примечании параллели других сводов; в самой Никоновской известие о смерти князя Василия приведено дважды (на стр. 188 под 6911 г. и на стр. 192 под 6913 г.). А.В. Экземплярский придавал особое значение тому, что Кирдяпа в одной записи о его смерти (т. XI, стр. 188; т. VI, стр. 132) назван Городецким и решил, что князь Василий умер в Городце. Но название князя то «городецким», то «суздальским» в записи о его кончине имеет так же мало значения, как то, что Никоновская титурует князя Бориса Константиновича, в сообщении о его смерти, великим князем Новгорода Нижнего и суздальским и городецким и также называет князей Василия и Семена Дмитриевичей («князи Суздальский и Новгорода Нижнего и Городецкии») в известии о их побеге в Орду.

⁴⁵П.С.РЛ., т. IV, стр. 101–102; т. V, стр. 247–248; в Софийской II летописи известие об этом событии приведено дважды (т. VI, стр. 128 и 130, под 6903 и под 6907 г. г.) в разных редакциях; вторую находим, также под 6907 г., в Воскресенской (т. VIII, стр. 72 и тут же краткое известие о том же); в Никоновской – под 6904 г. (т. XI, стр. 163); в Тверской – под 6907 г. (т. XV, стр. 461) и под 6908 г. (там же, стр. 470). Эти разноречивые датировки одного и того же известия заставляют допустить, что и сообщения Никоновской летописи под 6907 годом: «тое же осени князь велики Василей Дмитриевич московский посылал за князем за Семеном за Дмитриевичем за суздальским погонею до Казани и не угнаша» (т. XI, стр. 171; ср. приписку на списке Царского Софийской I летописи – т. V, стр. 252, прим. г) относится к тому же самому походу. Ср. Экземплярского, т. II, стр. 429; т. I, стр. 137–138 и прим. 300; едва ли можно установить, с Экземплярским, два похода кн. Юрия на Казань.

⁴⁶П.С.РЛ., т. VIII, стр. 75; т. VI, стр. 131–под 6909 (1401) г.; в Никоновской (т. XI, стр. 186–187) под 6910 г. вместе с известием о смерти князя Семена, через 5 месяцев, в декабре 1401 г.

⁴⁷В почетную, по-видимому, ссылку – на княжение; по крайней мере суздальские князья еще в третьем поколении нашли повод заявить притязания на Вятку, как составную часть своей «прадедины и дедины и отчины» – С.Г.Г. и Д., т. I. № 62.

⁴⁸Подлинное положение дел всего яснее в Тверской летописи (П.С.РЛ., т. XV, стр. 485), где о набеге на Владимир читаем: «приидоша татарове к Володимерю от Новгорода от Нижнего изгоном». Возможно, что Нижний был занят Даниилом раньше боя с князем Петром Дмитриевичем; может быть, на это указывают выражения Никоновской летописи: «бысть бой на Лыскове князю Петру... со князем Даниилом Борисовичем из Нижнего Новгорода...: сташа же на костех князи новгородцкие Нижнего Новгорода» (П.С.РЛ., т. X, стр. 215). Большая часть летописей опускает даже известие о лысковском поражении и сообщает только о разорении Владимира.

⁴⁹П.С.РЛ., т. XI, стр. 219.

⁵⁰П.С.РЛ., т. XV, стр. 487. Упомянуты кроме Даниила и Ивана Борисовичей князь Иван Васильевич (сын Кирдяпы) и Василий Семенович (сын Семена Дмитриевича).

⁵¹Там же. Подчеркнуто, что «князь же Юрьи не сотвори зла ничтоже Новугороду»: очевидно, ожидалась кара за признание Борисовичей.

⁵²А.В. Экземплярский иначе оценивает эти данные – т. II, стр. 432–433. У С.М. Соловьева (кн. 1, стр. 1012) только пересказ Никоновской летописи. Однако сообщение Никоновской летописи о нижегородских делах за эти годы тесно связаны с данными Тверской летописи (вероятно, восходят к общему их тверскому источнику).

⁵³Храмцовский (указ. соч., ч. 1, стр. 40), а за ним Экземплярский (т. II, стр. 433, прим. 1226) указали на грамоту «князя великого Данила Борисовича», которая была им дана архимандриту Спасо-Благовещенского монастыря «мая в 8 того лета, коли князь великий Данило Борисович вышел на свою отчину от Махмета царя в другий ряд». Храмцовский заключил отсюда, что князь Даниил вторично появился великим князем в Нижнем Новгороде «между 1423 и 1442 годами». Можно видеть тут указание на опущенный летописными сводами эпизод из истории смуты при Василии Темном.

⁵⁴Князь Александр Иванович, прозвищем Брюхатый, сын Ивана Борисовича (см. Экземплярского, т. II, стр. 435–437), отъехал к в.к. Василию в 1414 г., вероятно, в связи с конфликтом между великим князем и суздальско-нижегородскими князьями; в 1418 г. в.к. Василий выдал за него дочь Василису. Его нижегородское княжение устанавливается двумя его жалованными грамотами (А.А.Э., т. I, № 17 и А.И. т. I, № 25), в конце которых читаем: «А дана грамота июля того лета, коли князь Александр Иванович сел на своей отчине в Новегороде» и: «А дана грамота тое... коли великий князь Александр взял мир с великим князем». См. Экземплярского, т. II, стр. 441–442. – Экземплярский полагает, что владетельным князем Нижнего Новгорода был и сын Александра Ивановича Семен, объясняя этим слова духовной в.к. Василия Дмитриевича, обычно датируемой 1423 годом: «а оже, ми даст Бог Новъгород Нижний, и яз и Новым городом Нижним благословляю сына своего, князя Василья, со всем». Князь Александр Иванович умер вскоре после женитьбы в 1418 г. (Карамзин, И.Г.Р., т. V, прим, 254, под 1418 г.). Но и предположение Экземплярского не объясняет различия в отношении к Нижнему Новгороду духовных грамот в.к. Василия Дмитриевича, так как мы не знаем года кончины князя Семена Александровича и не имеем оснований относить ее к 1423–1424 г. Напротив, имеем прямое свидетельство, что он был жив в 1436 г. – в договорной грамоте князя Дмитрия Шемяки с в.к. Василием Темным (С.Г.Г. и Д., т. I, № 56), где Шемяка требует от в.к. Василия гарантии долга кн. Александра Ивановича и суда в случае заpiresательства великокняжеского «сестрича» (князя Семена). А в жалованной грамоте в.к. Василия Спасо-Евфимьевскому монастырю, которая относится к 40-м годам XV в., князь Семен упомянут как недавно умерший: грамота выполняет его «приказ» вкладом на помин души его и его предков. Поэтому почти верно определяет время его кончины Храмцовский (указ. соч., т. I, стр. 40): между 1434 (?1436) и 1440. Правильнее отнести духовную Василия Дмитриевича не к 1423, а к 1418 году, когда Нижним владел князь Александр.

Глава VIII. Великокняжеская политика преемников Калиты

¹Такое притязание, по свидетельству немецких орденовых источников, выдвигали литвины по отношению к Ливонскому ордену, который «*nihil juris (ordo) sibi reservaret apud Ruthenos, sed omnis Russia ad Letvinos deberet simpliciter pertinere*».

²Новг. I, стр. 346.

³П.С.РЛ., т. XII, стр. 207, 209–210.

⁴«Князь великий литовский Ольгерд посла в орду к царю Чжанибеку брата своего Кориада просити себе помощи на великого князя Семена» – 1349 г. П.С.РЛ., т. VII, стр. 215.

⁵Там же; П.С.РЛ., т. X, стр. 219. «Кориад и Михаил» Воскресенской летописи – одно лицо.

⁶В. к. Симеон «мир с ним взят» (т. VII, стр. 215); «мир и любовь приа» (т. X, стр. 221); условий этого договора не знаем, но освобождение князя Кориада и литовских послов предполагает какие-либо уступки со стороны Ольгерда (летописи упоминают только о «многих дарах»). Сватовство Ольгерда за княжну Ульяну тверскую, а Любарта за Константиновну ростовскую, состоявшееся в том же году (1350 г.), как бы закрепляет новый договор о «мире и любви».

⁷П.С.РЛ. т. VIII, стр. 216; т. X, стр. 223.

⁸Смоленским князем в эту пору был Иван Александрович (1313–1358), который не к Москве тяготел, а к Литве – см. выше.

⁹Новг. I, стр. 339–340. Двойственное положение «новоторжцев» объясняется разногласием между новоторжскими черными людьми («въсташа чернь на бояр») и новоторжскими боярами («бояре новоторьскыи прибежаша в Новгород только душею, кто успел», а дома их разграблены, хоромы развезены, села опустошены чернью). Очевидно, звали новгородцев против великого князя местные бояре, и на них же, надо полагать, пала уплата тысячи рублей.

¹⁰Новг. I, стр. 341; П.С.РЛ., т. V, стр. 13 («тогда псковичи много томишяся, биюще чолом князю Олгерду, хотяше его креститя и на княжение посадити во Пскове, он же не въсхоте, но крести сына своего Андрея, и посадиша его псковичи на княжение, надеюшися помощи от Олгерда»), стр. 224.

¹¹П.С.РЛ., т. V, стр. 13. Псковская вторая летопись: посадив во Пскове сына, «Олгерд и брат его Кестутий со своими литовники поехаша прочь, а псковичем не учинивше помощи никою же». Неудачные боевые действия Ольгерда в эту пору описаны в Псковской первой летописи, т. IV, стр. 187–188.

¹²Новг. I, стр. 342, 344.

¹³Псковская I, П.С.РЛ., т. IV, стр. 190. Псковичи заявляют Андрею: «тобе было, княже, сидети во Пскове на княжении, а наместники тебе Пскова не держати; а ныне же тебе не угодно сести у нас, инде побе княжишь, а Псков поверг, то уже еси сам лишил Пскова, а наместник твоих не хотим».

¹⁴Новг. I, стр. 346–350.

¹⁵Конфликт Великого Новгорода с великим князем был осложнен еще церковными делами. Владыка Моисей посылал к патриарху с жалобой на «насильства» митр. Феогноста. Моисей – новгородский избранник – был поставлен митр. Петром в 1325 г., а в 1330 покинул кафедру и принял схиму, но после кончины арх. Василия вернулся по настоянию новгородцев «на свой ему стол». Такое нарушение схимы должно было встретить канонические возражения митрополита, и, хотя Никоновская летопись (П.С.РЛ., т. X, стр. 224) утверждает, что митр. Феогност «благословил» Моисея на архиепископию, однако, имеем в «Кратком летописце новгородских владык»

(«Новг. летописи» – 2-я и 3-я, изд. 1879 г.) прямое свидетельство, что Моисей «благословен бысть Алексием митрополитом всяя Руси» (стр. 136). Вероятно, что этот спор и был перенесен на суд патриарха, причем Моисей поддерживал свою самозащиту встречными жалобами на митрополита. Их содержание указано в летописях только глухо: «о насильстве» (Новг. III; там же, стр. 233), «о неподобных вещах, приходящих с насилем от митрополита» (Новг. I, стр. 352). Моисей, очевидно, выиграл свое дело, так как его послы привезли ему от патриарха грамоту «с великим пожалованием» и крещатые ризы. Указание Никоновской летописи (т. X, стр. 228), что в патриарших грамотах шла речь «о проторях на поставлениях и о церковных пошлинах святительских и иные различные указания», скорее всего просто догадка книжника относительно содержания грамот (ср. замечания Голубинского, История русской церкви, т. II, ч. 1, стр. 167). Вопрос осложнялся разногласием о праве Моисея на крещатые ризы, пожалованные митр. Феогностом еп. Василию, и о притязаниях новгородского владыки на особое положение по отношению к митрополии, какие он связывал с этим внешним отличием; патриаршая грамота разъясняла ему, что эти ризы не дают ему права умалять свое послушание митрополиту (см. грамоту Филофея от 1347 г. – Р.И.Б., т. VI-2, приложения, № 10).

¹⁶О житиях митр. Алексея – Ключевский, Древнерусские жития святых, как исторический источник, и Голубинский, История русской церкви, т. II, ч. 1. Старшая краткая редакция в П.С.РЛ. т. VIII, стр. 26; Типографский летописец (изд. 1784 г.), стр. 132; вторая, пространная, Пахомия Серба – Издание Общ. Любит. Древней Письменности № IV; особая переработка первого жития в Никоновской летописи – П.С.РЛ., т. XI, стр. 29; особая редакция Пахомиева жития в «Степенной книге» – П.С.РЛ. т. XXI, ч. II. Крестное имя Алексея по старшему житию было Симеон (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 26), но другие жития приводят имя – Елевсерий (ср. колебания Никоновской летописи, т. XI, стр. 30, прим. в). По-видимому, это его «мирское» имя?

¹⁷Временник, т. X, родословная книга, стр. 98; П.С.РЛ., т. VIII, стр. 26.

¹⁸Родословная книга Временника, т. X, стр. 98 и 100: «Фомины, что митрополичи».

¹⁹Там же, стр. 98 («Александр Плещей, а был в боярех у великого князя у Дмитрея Ивановича»); П.С.РЛ., т. VI, стр. 122–123; т. VIII, стр. 62–63 (Даниил «истинный боярин великого князя и правый доброхот»); т. XI, стр. 154.

²⁰П.С.РЛ., т. VIII, стр. 26.

²¹В Богоявленском, где он сблизился с братом св. Сергия, игуменом Стефаном – П.С.РЛ., т. XI, стр. 30–31 (это из жития св. Сергия – т. XI, стр. 131).

²²В наместничестве Алексей пробыл 12 лет и 3 месяца (П.С.РЛ., т. XI, стр. 31), а в епископы посвящен 6 декабря 1352 г. за три месяца до кончины митр. Феогноста (сконч. 11 марта 1353 г.) – П.С.РЛ., т. VIII, стр. 27; стало быть его назначение наместником состоялось осенью 1340 г., т. е. еще при жизни Ивана Калиты, который скончался 31 марта 6849–1341 года; иначе у Голубинского, т. II, ч. 1, стр. 175. Текст краткого жития вспоминает об избрании митр. Феогностом Алексея в наместники по поводу его посвящения в епископы, а не говорит об этом избрании при в. к. Симеоне, как сообщает Голубинский.

²³По представлению Голубинского (Указ соч., стр. 175–176) посольство от в. к. Симеона и митр. Феогноста о поставлении на русскую митрополию не грека, а «кандидата, который будет прислав из Москвы», отправилось в Константинополь ранее поставления Алексея в епископы владимирские, а вернулось оно после смерти митр. Феогноста и в. к. Симеона. Спешную отправку посольства Голубинский связывает с болезнью, какую митр. Феогност перенес в 1350 г. Но, по летописям, посольство отправлено по по-

ставлении Алексея на епископство (П.С.РЛ., т. VII, стр. 217) с просьбой патриарху, «яко да не поставит иного митрополита на Русь, кроме сего Алексея епископа», и вернулось оно с повелением Алексею явиться в Царьград «ставитися на митрополию» (т. е. либо в Константинополе успели до отбытия посольства узнать о смерти Феогноста, либо звали Алексея на испытание, как указанного из Москвы кандидата). На какое-либо другое, предварительное посольство нет указаний, а отнести его к 1350 или 1351 г. значило бы предполагать невероятно долгую его задержку в Константинополе. Пл. Соколов («Русский архиерей из Византии», стр. 308–309) ставит, согласно Никифору Григоре, успех кандидатуры Алексея в связь с крупным пожертвованьем в к. Симеона на ремонт константинопольского храма св. Софии, но и по рассказу Григоры эта кандидатура была поставлена позднее, чем время жертвования (1350 г.), когда уже стала, будто бы, известна в Москве судьба этих сумм, растраченных императором. Относя рассказ Григоры ко времени «не ранее 1350 года», Соколов замечает, что «в эту эпоху кандидатура Алексея должна была быть уже совершившимся фактом», но «фактом» она не могла стать ранее посвящения Алексея в епископы. Поставление Алексея в епископы владимирские делало митрополичьего наместника викарием митрополита (Голубинский, стр. 176), и с этим поставлением Пл. Соколов (там же, стр. 319) правильно связывает известие Новгородской IV летописи (под 6860 г. – П.С.РЛ., т. IV-2, стр. 282), что «бысть снем на Москве князю Симеону и князю Константину Васильевичу про причет церковный», поясняя, что «Константин суздальский желал на случай замещения митрополии Алексеем – обеспечить свои церковные интересы» и успел добиться передачи Нижнего Новгорода и Городца от Владимирской епархии в управление суздальского епископа. По всей вероятности, дело было не только в обеспечении «церковных интересов» Нижегородского великого княжества, но и в примирении суздальского епископа с кандидатурой на митрополию Алексея: в грамоте патр. Филофея новгородскому епископу Моисею (Р.И.Б., т. VI-2, приложение № 10) читаем сообщение о «рекомендательных грамотах», поддержавших поставление Алексея в митрополиты, какие патриарх получил от «прочих боголюбивейших епископов» (кроме Моисея новгородского).

²⁴П.С.РЛ., т. VIII, стр. 27.

²⁵Местные дела византийской империи и патриархии, объясняющие задержку поставления Алексея, рассмотрены в труде Пл. Соколова «Русский архиерей из Византии» (Киев, 1913 г.); тут же интересный анализ церковно-исторической и канонической стороны этого дела, а также характеристика общего положения Византийской церкви при патр. Филофее, объясняющая, с одной стороны, его уступчивость к русским требованиям, и с другой – осторожность его в отношении к митр. Алексею.

²⁶О возражениях Моисея против поставления на митрополию Алексея см. Пл. Соколова, Указ. соч., стр. 346–347.

²⁷Р.И.Б., т. VI-2, приложения, № 12.

²⁸Голубинский, История русской церкви, т. II, ч. 1, стр. 126–130 и 157–162 (доп. стр. 878); Пл. Соколов, Указ. соч., стр. 271–278 и 303–307.

²⁹П.С.РЛ., т. X, стр. 226: «Того же лета (6860) инок Феодорит поставлен бысть митрополитом от Терновского патриарха и прииде в Киев». – Р.И.Б., т. VI-2, приложения; № 11. Борьба с Феодоритом поставила на очередь легализацию перенесения митрополичьей резиденции во Владимир и вообще облегчила Алексею его хлопоты в Константинополе, так как опасность потерять Киев, а быть может, и Новгород грозила не только русской митрополии, но и византийскому патриархату.

⁴⁰Р.И.Б., т. VI-2, приложения, № 10 и 11.

⁴¹Р.И.Б., т. VI-2, приложения, стр. 59–60; П.П. Соколов, Указ. соч., стр. 363.

⁴²П.П. Соколов (стр. 355 и 360) отнес к этому моменту, или к 1355 г., «спешную канонизацию литовских мучеников», казненных Ольгердом в 1347 году, как политический шаг митр. Алексея, чтобы представить Ольгерда гонителем православия, врагом Москвы – врагом христианства. Основание для такой датировки только в том, что Густынская летопись (П.С.РЛ., т. II, стр. 350) говорит об этой канонизации под 1355 г., но вместе с упоминанием о поставлении Алексея на митрополию и о его мощах, как святого митрополита. Дата, явно неподходящая для поставления Алексея, может относиться к канонизации литовских мучеников. Но данные Густынской летописи слишком ненадежны. Макарий (Ист. рус. церкви, т. IV, стр. 261) отнес эту канонизацию к 1364 г., на основании столь же мало надежных источников.

⁴³П.С.РЛ., т. XVII, стр. 34.

⁴⁴Р.И.Б., т. VI-2, приложения, стр. 71–72. Возражения Голубинского против достоверности сведений, сообщаемых патриаршей грамотой 1361 г., весьма не убедительны; ср. П.П. Соколова, стр. 359.

⁴⁵П.С.РЛ., т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 228 сообщают о вторичной поездке митр. Алексея под 6864 г. – выехал осенью 1355 г., вернулся зимой, вероятно, уже в 1356 г., так как Роман еще в Константинополе в июле 1356 г. (Р.И.Б., т. VI-2, приложения, стр. 74, примечание). Возражения П.П. Соколова против этих данных мало убедительны, так как он напрасно находит в патриаршей грамоте (в соборном постановлении 1361 г., Р.И.Б., там же, № 13) указание, что Роман уехал из Константинополя раньше Алексея, и пытается установить, что Роман, будто бы, приобрел-таки звание митрополита киевского и всея Руси (стр. 378).

⁴⁶Р.И.Б., т. VI-2, приложения, № 13 и 14.

⁴⁷Там же, № 15.

⁴⁸«И тогда от обоих их из Царяграда приидоша послы в Тверь к Феодору, владыке тверьскому, и бысть священническому чину тяжесть велия везде», П.С.РЛ., т. X, стр. 227.

⁴⁹В 1358 г. митр. Алексей «иде в Киев», в начале года («по крещении») – П.С.РЛ., т. VIII, стр. 10; т. X, стр. 230; вернулся митрополит «в Володимерь и на Москву» в 1360 г. Без него скончался в ноябре 1358 г. в. к Иван Иванович. Продолжительное отсутствие митр. Алексея тем более знаменательно, что, как знали и в Константинополе (Р.И.Б., т. VI-2, ст. 165–166), в. к Иван оставил малолетнего сына на его, митр. Алексея, попечение и поручил ему «управление и охрану всего княжества»; оно было бы и вовсе непонятно, если не отнести к этому времени (вместе с Голубинским, Указ. соч., стр. 192) событие, сообщаемое той же грамотой: Ольгерд захватил Алексея, когда тот обозревал малорусские епархии и заключил его под стражу, из-под которой Алексею с трудом удалось бежать (там же, стр. 167–168). П.П. Соколов (указ. соч., стр. 385) полагает, что Алексей мирно жил в Киеве, пока кончина в. к Ивана и неудачи Москвы в столкновении из-за великого княжения с Дмитрием суздальским не дала Ольгерду повода для изгнания Алексея из Киева. Смелая попытка митр. Алексея осуществить свою власть в Киевской Руси на глазах Ольгерда и Романа непонятна без предположения, что она опиралась на сильную поддержку его в Киеве и южной Руси: ведь Ольгерд только в 1361 г. устранил местного киевского князя Федора, а посадил тут сына Владимира «и нача над сими владети, имже отци его дань даяху». Алексей вернулся во Владимир, когда тут уже сел на великое княжение Дмитрий Константинович.

⁴⁰П.С.РЛ., т. X, стр. 228; ср. там же, стр. 220; Р.И.Б., т. VI-2, приложения, стр. 87–88.

⁴¹Князя Святослав Иванович (1358–1386 г.) и сын его Юрий (1386–1404 г.).

⁴²Одна Ольгердовна за кн. Иваном новосильским, другая за Святославом карачевским.

⁴³П.С.РЛ., т. X, стр. 230–231.

⁴⁴А.А.Э., т. I, № 8. Договор этот, резко отличный по форме от прочих, по содержанию, прежде всего, союзный. Великий Новгород обязуется «всести на конь с одного» при возникновении войны с Литвой или Тверью; притом, если разрыв произойдет между в. к. Дмитрием и Литвой или Тверью, он обещает либо сам прибыть в Новгород, либо прислать князя Владимира Андреевича; если же Новгород подвергнется нападению Литвы, Твери или немцев (шведов), то в. к. Дмитрий и князь Владимир обязуются «всести по Новегороде с одного, по целованию» и до заключения мира «Новгорода не метати», а быть в Новгороде самому великому князю, пока он не «умирит» Новгорода, или прислать князя Владимира; только отъезд в случае вражеского нападения на владения самих князей не вменяется им в измену. В этом договоре отразилась и старая память о том, как великие князья не раз покидали Новгород после ратных предприятий, не обеспечив ему мира, и недавнее воспоминание об отношении к обороне Новгорода в. к. Симео-на и его брата Ивана. В конце договора краткая формула подтверждает основное dokonчание: «а княженье бы великое мое держати честно и грозно, без обиды; а мне, князю великому Дмитрею Ивановичи всеа Руси, держати Новьгород в старине, без обиды». – В А.А.Э. договор этот отнесен к началу 1372 г.; Карамзин (т. V, пр. 26) отнес его к 1371 г. на основании имен посадника Юрия и тысяцкого Елисея, которые «правительствовали в Новгороде в 1371 году» (Новг., I, стр. 362), но Соловьев (кн. 1, стр. 988, примеч. 3) отнес этот договор к 1367 г., к известию о том, как «посылаша послы новгородцы к князю великому Дмитрию Ивановичи) и dokonчаша мир с князем великим, а князь великий... наместника своего присла в Новгород» (Новг., I, стр. 359). Вероятнее, что прав Карамзин, не только ввиду имен посадника и тысяцкого, но и потому, что этот договор предполагает существование другого, заключенного, когда примирение в. к. Дмитрия с Дмитрием суздальским передало стол новгородский в его руки, т. е. в 1365/66 г. Мир 1367 г. только восстанавливал «розверженный мир» великого князя с Новгородом (из-за ушкуйничьего набега 1366 г.). Князь Владимир приезжал в Новгород в 1368 г. (там же, стр. 361), по вестям о немецком набеге на Изборск, но, видимо, запоздал. За столкновение с Тверью новгородцы расплачивались без великокняжеской помощи в 1372 г.: князь Владимир приехал в Новгород только в 1373 г. «и сяде в Новгороде до Петрова дни и поиха прочь»; эта запись сухая и краткая, но словно звучит укором. Под впечатлением испытаний 1372 г. новгородцы отнеслись горячо к походу в. к. Дмитрия на Тверь в 1375 году: они, «изводя честь своего князя, вскоре, в три дни поихаша под Тверь» (там же, стр. 363). Напряжение отношений к Твери в начале 70-х годов XIV в. скорее всего объясняет заключение упомянутого договора.

⁴⁵П.С.РЛ., т. XI, стр. 8.

⁴⁶П.С.РЛ., т. XI, стр. 10. – В. к. Ольгерд так писал об этом эпизоде патриарху: «и шурина моего князя Михаила клятвенно зазвали к себе, и митрополит снял с него страх, чтобы ему прийти и уйти по своей воле, но его схватили» – Р.И.Б., т. VI-2, приложения, № 24.

⁴⁷П.С.РЛ., т. VIII, стр. 15–16; т. XI, стр. 10–12. Разгром сторожевого полка произошел 21 ноября 1368 г.

⁴⁸Объявление войны состоялось «по Оспожине дни на третий день», т. е. 24 июля 1370 г.

⁴⁹П.С.РЛ., т. VIII, стр. 17; т. X, стр. 13. Верная хронология – в Воскресенской летописи; ср. выше, стр. 236, примечание.

⁵⁰П.С.РЛ., т. XI, стр. 13: «прииде бо ему весть с Москвы, сказующе ему тако-

вая». Никоновская летопись представляет дело так, что Михаил отправился в Орду только после похода в к. Дмитрия на Тверь (выступил 3 сентября 6879); но если Ольгерд 25 ноября был уже в московских пределах, то ясно, что все перипетии поездки свершиться в Орду, прибытия на Русь и нового бегства в Литву в к. Михаила не могли в такой короткий срок. Он прибыл в Литву после летнего похода на Тверь великокняжеских войск, а во время похода на самого Дмитрия – в сентябре 1370 г. был, вероятно, в Орде, или ехал оттуда на Русь. Поэтому и самый поход на Тверь в к. Дмитрия можно понять, как меру против появления Михаила на Руси: «и много гонявше по нем и не обретоша его».

⁵¹Ольгерд заключил с Дмитрием перемирие до Петрова дни (29 июня); а затем последовали переговоры, о которых читаем в Никоновской летописи (П.С.РЛ., т. XI, стр. 15): «приидоша послы от в. к. литовского о миру и о любви, а за князя Володимера Андреевича обручаша Ольгердову дочь, именем Елену»; памятником этих переговоров остался прелиминарный договор, заключенный в июле 1371 г. (С.Г.Г. и Д. т. 1, № 31); перемирие было продолжено до 26 октября (ср. выше, стр. 236).

⁵²К этому времени надо отнести договор в к. Михаила Александровича с Новгородом, изд. в С.Г.Г. и Д., т. 1, № 8. Условное признание его великокняжеской власти выражено в оговорке: «а вынесуть тебе из Орды княжение великое, нам еси князь великий, или как не вынесуть тебе княжения великого из Орды, пойти твоим наместникам из Новгорода проць и из новгородских пригородов, и в том Новугороду измены нету». См. А.А. Шахматова «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV веков», стр. 233–234. Труднее приурочить грамоту (того же издания № 16), где в к. Михаил признает восстановление рубежа между новгородскими и тверскими владениями «по старому рубежу», возврат сел, купленных его боярами и слугами в Новгородской земле во время его княжения («в мое княженье») – безденежно, а купленных при прежних князьях – за выкуп, а с своей стороны требует «исправы» о своих «зашельцах» (?) в Торжке, суда о пограбленном у его людей, и отпуска без выкупа его людей, «пойманных» новгородцами; в конце обычные условия – о праве гостей «ходить» без рубежа и выдаче «по исправе» холопов, должников и поручников. Специальное содержание этой dokonчальной грамоты позволяет видеть в ней не самостоятельный договор, а договорную запись, дополняющую или видоизменяющую статьи другой, основной грамоты. Можно бы предположить такое отношение ее и к № 8 (развитие и изменение статей о возврате сел и несколько дополнительных условий). Но трудно приурочить к определенному времени до 1371 г. (А.А. Шахматов датирует эту грамоту 1368–1371 г., указ. соч., стр. 235) или к 1371 г. две черты этой грамотки: 1) покупка сел боярами и слугами во время княжения в к. Михаила требует некоторой продолжительности этого княжения; А.А. Шахматов и предположил, что наместники Михаила сидели в Новгороде и ранее 1371 года, но это ни из чего не видно, да и едва ли возможно, ввиду устойчивой тенденции Новгорода принимать только великокняжеских наместников; и 2) упоминание о пограбленном имуществе людей Михаила и пойманных его людях – не поясняется никакими известными нам фактами до 1372 года, когда новгородцы сослали с Торжка Михайловых наместников (Новг. I, стр. 362; П.С.РЛ., т. VIII, стр. 20; т. XI, стр. 18). Поэтому предпочтительна более поздняя датировка грамоты – 1372, после разгрома Торжка в к. Михаилом.

⁵³П.С.РЛ., т. VIII, стр. 17–20; т. XI, стр. 15–19; т. XVIII, стр. 110–113. В Воскресенской и Симеоновской взятие Торжка и Любутский бой под 6881 (1373) г.; в Никоновской, как и в Новгородской I (стр. 362) под 6880 (1372) г. Предпочтень надо последнюю дату, как по общему ходу событий, так и потому, что сжатое изложение Воскресенской (и Симеоновской), суммирую-

щее события, не могло не сбить хронологии в пользу более поздних моментов. – После взятия Торжка в. к. Михаил привел новгородцев к докончанию, след которого, с новгородской стороны, в «наказе послам» (определение С.М. Соловьева) – С.Г.Г. и Д., т. I, № 13, а со стороны в. к. Михаила, в грамоте С.Г.Г. и Д., т. I, № 16. Состоялся ли окончательный договор – не знаем: по грамоте № 16, если принять такую ее датировку, видно, что Михаил, взяв силу над новгородцами, еще держится за великокняжескую власть над Новгородом. И его наместники снова водворились в Новгороде, Торжке и в волостях новгородских.

⁵⁴Полагаю, что только в этот момент, в 1372 г., состоялся мир Ольгерда с в. к. Дмитрием и затем брак князя Владимира Андреевича с Еленой Ольгердовой («в ту же зиму» 1372–1373 г.); в 1374 г. князь Владимир обстраивает свое удельное гнездо – Серпухов (см. выше.); соответственно этому прошу дату его брака (на стр. 176) 1371 исправить на 1372–1373 год. Если летописи помещают известие об этом браке под 1371 г., то под влиянием записи о литовских послах этого года, что они «обручаша» литовскую княжну князю Владимиру, означавшей, по-видимому, лишь предварительное соглашение о бракосочетании.

⁵⁵К этому моменту С.М. Соловьев отнес последнюю договорную грамоту между в. к. Михаилом и Великим Новгородом – С.Г.Г. и Д., т. I, № 17 («Ист. России», кн. 1, ст. 989; то же у А.А. Шахматова, указ. соч., стр. 235 и 270). Эта грамота показывает, что после разгрома Торжка Новгороду пришлось признать, на известных условиях, власть Михаила: его наместники на Торжке и др. новгородских волостях. Условий его «докончания» с в. к. Дмитрием не сохранилось.

⁵⁶По свидетельству летописных сводов (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 22; т. XI, стр. 22–23; т. XVIII, стр. 115–116; т. XV, стр. 435) в этом походе кроме сил «низовской» земли и новгородцев участвовали князья смоленский, новосильский, оболенский. Этот перечень, то более, то менее полный, связан в Никоновской летописи с рассказом о том, что последовавшие в том же году нападения Мамаевых татар на Нижний Новгород и Ольгерда на Смоленск были карой за участие нижегородских князей и смоленского князя в походе на Тверь. Быть может, эти нападения – не столько кара, сколько запоздалая диверсия для поддержки Михаила? П.С.РЛ., т. XI, стр. 24.

⁵⁷С.Г.Г. и Д., т. I, № 28.

⁵⁸Существенную черту этого договора составляет также включение Смоленского княжества в сферу русских земель, защита которых – задача единчества всех сил великорусского великого княжества: «а пойдут на нас Литва или на смоленского на князя на великого, или на кого на нашу братью на князей, нам ся их боронити, а тебе с нами, всим с одного».

⁵⁹Р.И.Б., т. VI-2, приложения, № 30.

⁶⁰Там же.

⁶¹Там же, № 33. Византийские представления о русских делах и о значении русской митрополии в политической жизни Руси, как они выражены в грамотах 80-х годов (патр. Нила и Антония), сложились, несомненно, под влиянием деятельности митр. Алексея.

⁶²Грамота патр. Филофея, которая подтверждает постановление, «чтобы литовская земля ни под каким видом не отлагалась и не отделялась от власти и духовного управления митрополита киевского» (Р.И.Б., там же, № 15; должна быть отнесена к 1371 году и отражает колебания патр. Филофея, возникшая в ту пору под давлением протестов Ольгерда и Казимира Великого), сообщает, что так было постановлено соборным деянием патр. Каллиста, очевидно, во второе его патриаршество, т. е. в 1362 или 1363 году (до августа этого года).

⁶⁴Р.И.Б., там же, № 16.

⁶⁴Там же, № 17. Патр. Филофей пишет в ответ на грамоту, которую привез ему митрополичий человек, Аввакум, и посылает свои грамоты на Русь «по желанию и по просьбе» в. к. Дмитрия.

⁶⁵С.Г.Г. и Д. т. I, № 31.

⁶⁶Р.И.Б., там же, №№ 18 и 20. Обе грамоты в подлиннике скреплены собственноручной надписью патр. Филофея: «месяца июня, индикта 8».

⁶⁷Там же, № 21.

⁶⁸Там же, № 24.

⁶⁹Датировка этой грамоты у П.П. Соколова («Русский архиерей из Византии», стр. 401) «между июнем и декабрем 1370 года» основана на ошибочном представлении, что в декабре 1370 г. был заключен «вечный мир» между Литвой и Москвой, но, по существу, приемлема, так как писана она сгоряча в ответ на не дошедшее до нас патриаршее послание к Ольгерду (упоминание о нем – Р.И.Б., там же, стр. 145–146), одновременно с другими (июньскими) грамотами этого года. Дата «Памятников канонического права» – 1371 г., основанная на положении документа в сборнике патриарших грамот, изданном Миклошичем и Мюллером, после акта от мая 1371 г., может указывать на время получения в Константинополе грамоты, которая, вероятно, и послана была по возвращении Ольгерда из русского похода. Патриаршая грамота могла только масла подлить в огонь русско-литовской вражды. Ответ Ольгерда не даром поражает П.П. Соколова «своею необдуманностью»: фантастично очерчены размеры будущей митрополии («сфера влияния Литвы»), причем несколько странно отсутствие притязания на Новгород и Псков; крайне грубый тон придает ее тексту характер не дипломатической ноты, а темпераментальной выходки.

⁷⁰Р.И.Б., там же, № 22; Казимир Великий умер в конце 1370 года.

⁷¹Р.И.Б., там же, № 26–28. В. к. Михаил и тверские князья просили патриарха снять с них наложенную митрополитом епитимью, но патриарх не нашел возможным исполнить это, а потребовал от митр. Алексея снятия отлучения, пока не свершится патриарший суд (в греческом тексте слово «их» – тех, кого надлежало Алексею разрешить, относится не к людям тверского князя, которые пойдут с послами митрополита на суд патриарха, а к князьям, чьи «люди их» составят это посольство от Твери; русский перевод дал тексту иной смысл – там же, стр. 151–152). О времени этого отлучения см. у П.П. Соколова, указ. соч., стр. 403; тут же примечание, где запрещение, наложенное на еп. Василия, поставлено в связь с столкновением между ним и князем Василием кашинским, союзником Москвы. Василий, вероятно, сыграл роль в поддержке захвата Михаилом великого княжения и освобождении его от крестного целования в. к. Дмитрию.

⁷²Р.И.Б., там же, № 23 и 25.

⁷³Там же, № 28.

⁷⁴Там же, № 26; требование на суд представителей тверского князя в грамоте № 27.

⁷⁵В грамоте к митр. Алексею патриарх категорично сообщает, что отдал Антонию Галич и малорусские епископии польского владения; но в соборном деянии подчеркнуто, что передача этих епархий сделана «в виде придачи» к галицкой епархии, до тех пор пока прекратятся ныне происходящие там смуты и не настанет мир и конец соблазнам; «временность» передачи (подчеркнутые издателем в русском переводе – стр. 132) – характерная черта политики патриарха, избегавшего непоправимых шагов. К этой поре надо отнести грамоту патр. Филофея, которой было добились послы митр. Алексея, о подтверждении им соборного деяния патр. Каллиста, но патриарх не утвердил ее, а признал это (свое) деяние «отмененным и не-

действительным», хотя она уже была внесена в кодекс соборных актов (Р.И.Б. там же, стр. 98).

⁷⁶Иоанна Докиана, доверенного лица при патр. Филофее.

⁷⁷Р.И.Б., там же, № 30 (ст. 167–168).

⁷⁸Р.И.Б., там же, № 28. При патриаршем дворе сложилась и осталась та суrowая оценка деятельности митр. Алексея, какую находим, например, в соборном деянии 1389 года (там же, № 83): облеченный саном митрополита, кийр Алексей «стал не одинаково относиться ко всем князьям и не о всех равно заботиться, как бы следовало имеющему о всех дать ответ в день суда, но к одним показывал отвращение, а к другим расположение», а когда стал опекуном в. к. Дмитрия, то «весь предался этому делу и презрел божественные законы и постановления, приняв на себя, вместо пасения и поучения христиан, мирское начальствование, вследствие чего, призванный учить миру и согласию, вовлечен был в войны, брани и раздоры» (ст. 197–198).

⁷⁹Все дальнейшее дело о русской митрополии изложено в двух соборных деяниях – патр. Нила (1380 г.), благоприятном для митр. Алексея, и патр. Антония, резко ему враждебном (1389 г.) – Р.И.Б., там же, №№ 30 и 33. О требованиях Ольгерда говорит первое из них, но называет приглашение Ольгердом Алексея в Киев «лицемерным»; это деяние явно повторяет доводы и объяснения Алексея. Возможно, что обращение Ольгерда к митрополиту ставило вопрос ребром, чтобы вызвать его на отказ. Деяние 1389 г. представляет дело так, что литовско-русские князья на призыв патриарха к примирению, «изъявили готовность принять митрополита», но Алексей «совершенно отказался от примирения, ни во что поставив патриаршие грамоты» (стр. 197–200). Деяние 1380 г. оправдывает Алексея, так как он отверг приглашение сделанное «с коварной целью» и «без всякой настоятельной нужды»; а по этому поводу «сплетены были обвинения против митрополита»; деяние 1389 г. настаивает на том, что Алексей пренебрег патриаршими грамотами.

⁸⁰Так в деянии 1389 г. (там же, стр. 201–202); деяние 1380 г. приписывает отказ Алексея интриге Киприана, который отговорил его от поездки, уверяя, что берется все уладить (стр. 171–172). Надо полагать, что оба деяния основываются на показаниях, с одной стороны, Алексея, с другой, литовцев и Киприана. При различии толкования фактов и их освещения можно, однако, так понять, что литовско-русские послы поставили митр. Алексею неприемлемые условия, например, возвращение постоянной резиденции в Киев, а Киприан дал Алексею повод думать, что выяснить дело перед патриархом, который, требуя от него деятельного пастырства в западной Руси, не подымал вопроса о резиденции. П.П. Соколов осложняет свое изложение этого дела рядом недоказуемых предположений (напр., о наместничестве Митяя, как доказательстве, что Алексей собирался в Киев надолго, об «упразднении» и «восстановлении» Суздальской епархии).

⁸¹Деяние 1389 г. сообщает, что патриарх еще раз обращался к митр. Алексею с требованием примирения с западнорусскими князьями и поездки (или переезда?) в Киев, но что митрополит даже не ответил на его грамоту (стр. 201–202). Деяние 1380 г. обвиняет Киприана в домогательстве низложения митр. Алексея и сообщает, что на Русь были отправлены от патриарха церковные сановники, уполномоченные произвести дознание о жизни митрополита, и что их донесение выяснило пустоту и несостоятельность обвинений (стр. 171–174). Ср. в Никоновской под 6884 (1376) г.: «придоша изо Царяграда два некая протодиакона, сановника суца, единому имя Георгий, а другой Иван» (П.С.РЛ. т. XI, стр. 25); странное пояснение «сановника суца» повторяет слова деяния 1380 г. о «церковных сановниках». Эти «сановники» поехали на Русь вместе с поставленным на митрополию Киприаном.

⁸²Относительно даты см. у П.П. Соколова (указ. соч.), стр. 451–452.

⁸³В этом согласны оба деяния (стр. 171–172 и 203–204). Иначе понял дело Голубинский (т. II, ч. 1, стр. 212–214). Но деяние 1380 г. согласно с деянием 1389 г., когда сообщает, что Киприан овладел «одной частью церкви еще при жизни митрополита» и получил, сверх того, «такое соборное деяние, чтобы ему не упустить и другой части». Иное дело приписываемое Киприану домогательство низложения Алексея, причем текст деяния 1380 г. указывает, по-видимому, на то, что мотивом, кроме каких-то обвинений, был выставлен престарелый возраст митр. Алексея. «Дознание о жизни» митр. Алексея, произведенное патриаршими уполномоченными, устранило это домогательство. До их доклада патриаршему собору, подтвержденного и показаниями «многих других, пришедших оттуда людей» (послов из Москвы?), вопрос о времени, когда Киприан станет митрополитом «всей Руси» оставался формально открытым. Ср. П.П. Соколова, указ. соч., стр. 452–455.

По нашим летописным сводам Киприан, водворившись на западно-русской митрополии, сделал попытку сразу подчинить себе Новгород, но получил в ответ указание на Москву: Новгород признает его, когда он станет митрополитом на всей Руси (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 25; новгородский ответ приведен тут в такой форме: «шли к великому князю на Москву и аще ты примет митрополитом на Русь, то и нам еси митрополит», а затем следует замечание: «слышав же митрополит ответ новгородский и не посла к великому князю на Москву»: поправка Голубинского, указ. соч., стр. 214, примечание, не нужна). Утверждение Никоновской (т. XI, стр. 25), что Киприан, приехав на Русь, только непринятый в. к. Дмитрием «поиде с Москвы в Киев и тамо живяше» – противоречит всем другим данным и есть простое редакционное недоразумение (ср. «на Русь» и «с Москвы»: в источнике свода, наверное, не было «с Москвы», а иначе был бы отмечен и самый факт приезда Киприана на Москву). Наибольшее, что можно допустить, это что Киприан пытался приехать сам в Москву с цареградскими следователями, но не был до этого допущен.

⁸⁴Длугош, Сочинения, изд. Пшездецкого, т. XIV, стр. 698.

⁸⁵П.С.РЛ., т. IV, стр. 193; т. V, стр. 237; т. VIII, стр. 33.

⁸⁶П.С.РЛ., т. VIII, стр. 34.

⁸⁷П.С.РЛ., т. IV, стр. 75; т. V, стр. 238; Новг. I, стр. 367; во всех сводах в начале известий за 6888 (1379–1380 г.) о посылке к в. к. Дмитрию из Новгорода владыки Алексея, бояр и житых людей: «князь же прия их в любовь, а «Новгороду крест целовал на всей старине Новгородской и на старых грамотах»; время: «за неделю до цветной недели», т. е. 11 марта 1380 г., послы выехали из Новгорода.

⁸⁸См. выше, стр. 238 и 273–274.

⁸⁹П.С.РЛ., т. XI, стр. 50.

⁹⁰П.С.РЛ., т. XI, стр. 19 (1373 г. – при нападении Мамаевых татар на Рязань, в. к. Дмитрий стоит «со всею силою» на Оке, князь Владимир Андреевич пришел с войском от Нижнего, куда, вероятно, ходил также по вестям о татарах, «и татар не пустиша»); стр. 21 («розмирие с татарами, с Мамаем» после избиения Мамаевых послов нижегородцами в 1374 г.), 22–23 (союз Мамаю с Михаилом тверским), 24 (набег Мамаевых татар на Нижний; в. к. Дмитрий выступает за Оку, «стерегаяся рати татарские от Мамаю», 1375–1376 г.), 25 (поход великокняжеской рати с нижегородцами на болгар), 27 (набег царевича Арапши из Мамаевой Орды; поражение русских на р. Пьяне Мамаевой ратью – 1377 г.), 42 (1378 г. – бой на Воже).

⁹¹«Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище» (12-е присуждение Макарьевских премий).

⁹²Изучению «Повестей о Мамаевом побоище» посвящен одноименный

труд С.К. Шамбинаго (в «Сборнике Отд. Рус. яз. и словесности», т. 81, № 7, 1906) и разбор этого труда А.А. Шахматовым. В той редакции «Повести», какую читаем в Никоновской летописи (П.С.РЛ., т. XI, стр. 46) видную роль играет митр. Киприан, прибывший в Москву «в четветок 6-й недели по Пасце в праздник Вознесения Христова»; это дало С.К. Шамбинаго повод связать особую редакцию «Повести» и летописного свода с именем Киприана, так как он признал искажение даты прибытия Киприана в Москву (6888 вм. 6889 – там же стр. 41) намеренным (Шамбинаго, стр. 166); возражения А.А. Шахматова, который признает особое прославление памяти митр. Киприана «делом не современника, а книжника XVI века» – см. указ, соч., стр. 156–157 и 194. Весьма вероятно, что хронологическая ошибка была не следствием, а причиной обработки «Повести» в этом направлении. Киприан прибыл в Москву в Вознесенье 1381 года (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 42; т. XVIII, стр. 131). Возможно, конечно, что переработка «Повести» – с именем Киприана – принадлежит составителю не Никоновской летописи, а ее источника, что допускает и А.А. Шахматов (стр. 157); существенно не это, а признание данной особенности – чертой редакционной работы книжника XVI в., а не личного влияния Киприана на летописное дело своего времени.

⁹³Составитель Никоновского свода вообще воздержался при редактировании «Повести полезной бывшего чудеси» от обычных у него генеалогических пояснений, но при имени Ивана холмского добавляет, что это «внук Александров, правнук Михайлов, праправнук Ярослава Ярославича» (П.С.РЛ., т. XI, стр. 49); возможно, что тут – намек на родословное предание князей Холмских об участии князя Ивана Всеволодовича в Мамаевом побоище, но если и принять его участие в походе, это не снимает с известия о посылке тверской помощи Дмитрию великим князем Михаилом Александровичем характера произвольного добавления книжника XVI века.

⁹⁴Особая редакция жития св. Сергия, какую читаем в Никоновской летописи («Повесть о преподобном Сергии», т. XI, стр. 127–147), приписывает св. Сергию ту беседу с в. к. Дмитрием (стр. 144–145), какую «Повесть полезная» (стр. 50–51) той же летописи перенесла на митр. Киприана. Это сопоставление приводит С.К. Шамбинаго (указ. соч., стр. 173) к выводу, что «здесь работа одного редактора» (ср. А.А. Шахматова, указ. соч., стр. 154); казалось бы, что естественнее усмотреть в этой несогласованности редакции свода указание на то, что мотив благословения у Сергия старше Никоновского свода и послужил источником для разработки роли Киприана, раз ее книжнику понадобилось внести в «Повесть». Этот мотив, заключая в себе, надо полагать, зерно исторической достоверности, восходит, всего вероятнее, к первоисточникам «Повести» и был использован для нее раньше Никоновского свода, в котором роль Сергия раздвоена и частью передана Киприану. Другой, с этим связанный мотив, также роднящий «Повесть полезную» с «Повестью о препод. Сергии», упоминание иноков-воинов Пересвета и Ослябли, несомненно, позднейшее наслоение; иночество их весьма сомнительно, а братство – явное недоразумение, быть может, плод простого искажения слов: «даде ему из монастыря своего, из братаи своеа, два инока, Пересвета и Ослябля» (в повести-житии, стр. 145) в «дву братов, Пересвета да Ослябля» (в «Повести полезной», стр. 53); о них см. у Шамбинаго, стр. 177. Возможно, что оба – митрополичьи бояре, и оба – выходцы из Черниговско-северской области: Пересвет из Брянска, Ослябля из Любутска.

Глава IX. Крушение удельно-вотчинного строя

¹П.С.РЛ., т. VIII, стр. 41.

²Там же: «месяца ноября в 1 день вси князя Русстии, сославшися, велию любовь учиниша между собою». По-видимому, и Олег рязанский не остался вне этой «велией любви». Точная дата – 1 ноября – как будто противоречит пояснению, что соглашение князей произошло по «ссылке»; надо полагать, что состоялся, хотя бы не полный, съезд князей.

³«Оскуде бо отнюдь вся земля русская воеводами и слугами и всеми воинствы и о сем велий страх бысть всей земле Русстей», читаем в летописном своде (П.С.РЛ., т. XI, стр. 69); потери русской воинской силы должны были быть очень велики, и настроение тревоги, невозможности дальнейшей борьбы представляется, действительно, господствующим при дальнейшем ходе событий.

⁴О походе Тохтамыша в к. Дмитрий получил предупреждение от «неицих доброхотов, на предепех ордынских на то устроеных», П.С.РЛ., т. VIII, стр. 43.

⁵Там же, стр. 43.

⁶П.С.РЛ., т. VIII, стр. 42.

⁷Там же, стр. 42–47. Остия наши летописи называют внуком в. к. Ольгерда; но этот не убит, а упоминается (там же, стр. 49) как коломенский наместник Александр Андреевич, нарекаемый Остей, т. е., вероятно, сын Андрея Ольгердовича, обруселый на московской службе и другим источникам потому не известный. Его имя и роль князя Владимира при нашествии Тохтамыша дают повод и для этого момента предположить в литовских князьях и их серпуховском шурине сторонников активной борьбы против татар. В бою с рязанцами погиб в 1385 г. другой внук Ольгерда, Михаил Андреевич (там же, стр. 49).

⁸П.С.РЛ., т. XV, стр. 442; «Татарове же хотеша и ко Тфери ити» – очевидно, не хан, а татарские загоны, грабившие землю; киличей Гурлень добился у царя повеления «грабеж изыскати» и выдачи ярлыков – вероятно, опасных грамот Тверской земле. Редакция того же известия в Никоновской летописи (т. XI, стр. 76) вводит в заблуждение, так как тут опасность Твери от татар понята как опасность похода хана от Москвы к Твери – «но возбрани им сила божественная невидимая», а ярлык упомянут в единственном числе, что можно понять как ярлык на княжение (ср. Экземплярского, т. II, стр. 495: ярлык на великое княжение тверское).

⁹П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 133; т. XI, стр. 81.

¹⁰П.С.РЛ., т. VIII, стр. 49; т. XI, стр. 84. «Пожалование», с каким прибыл в Москву посол Карач, надо полагать – обещание безопасности и ярлыка, по разбору споров с Михаилом. Никоновская летопись дает рассказ об ордынском князе, который «смуцал» князей-соперников, обещая обоим получение ярлыка, и о решении Тохтамыша «по старине»: пусть каждый идет на свою отчину.

¹¹Нет известий о каком-либо «докончании» между великими князьями Михаилом и Дмитрием после последнего их спора о великом княжении. Но Михаил и не смирился. Он выжидает и копит силу. Усилены укрепления Твери (с 1387 г. – П.С.РЛ., т. XI, стр. 93), Городка Волжского (1390 г. – т. XV, стр. 445); скреплены связи с Литвой – женитьбой княжичей Бориса на смоленской Святославне и Василия на дочери Владимира Ольгердовича (1385 г. – т. XV, стр. 443).

¹²См. выше.

¹⁴П.С.РЛ., т. VIII, стр. 49; т. XI, стр. 85.

¹⁴Заключаю о сопротивлении «черному бору» из того, что в мирном докончании в к. Дмитрия с новгородцами, какое было заключено на исходе 1385 года, «те, за кем княжчина залегла», поставлены на ряду с другими «винными людьми» – «волжанами» ушкуйниками, которые ходили разбоем на Кострому и на Нижний. И за тех и за других Новгород уплатил пеню в 8000 рублей, а сверх того великий князь прислал опять своих черноборцев взять дань на недоимщиках.

¹⁵П.С.РЛ., т. VIII, стр. 50–51; т. IV, стр. 94, т. V, стр. 242. – Большую часть пени новгородцы возложили на заволочан, «судивши вси вечем по старине вправду», и послали своих бояр на взыскание платежа со всей Заволоцкой земли. Этих бояр часть текстов (т. VIII, стр. 51) отождествляет с «приставами»; но есть редакция текста, указывающая на посылку в Заволочье великокняжеских приставов (т. V, стр. 240, список Ц.); ср. т. XI, стр. 83 и 89.

¹⁶П.С.РЛ., т. VIII, стр. 60. С.М. Соловьев видит в «неслыханном прежде распоряжении в к. Дмитрия относительно вотчинной передачи великого княжения сыну признак, что Дмитрий уже не боится соперников для него ни из Твери, ни из Суздаля» (кн. 1. ст. 1002); Экземплярский (т. I, стр. 125) – указание, «до чего упало теперь значение татар в глазах московского князя». Ближе к обстоятельствам времени было бы усмотреть тут прием закрепления за сыном великого княжения в связи с договором между в. к. Дмитрием и князем серпуховским (1389 г.), а также с отношениями к великим князьям тверскому и рязанскому, которых московские князья также стремились привести к формальному признанию своих вотчинных прав на великое княжение. Не вижу оснований противопоставлять духовную Донского признанию авторитета ханской власти: в Орде считались с русскими правами и обычаями, и князь Юрий Дмитриевич будет позднее ссылаться перед ханом на духовную отца.

¹⁷П.С.РЛ., т. VIII, стр. 60. По указаниям договорной грамоты (С.Г.Г. и Д., т. I, № 35), на Русь приходил ханский посол, в расходе по приему которого в Коломне участвует князь Владимир, потому что он тогда еще «был в своей отчине»; этот «коломенский посол» приходил, вероятно, звать в к. Василия в Орду; «володимерские послы» (Шихомат с товарищами) прибыли, когда князь Владимир «выехал из своей отчины» (и потому «тот протор ему не надобе»). Ездил в Орду не в к. Василий, а брат его Юрий, и там его задержали: во время заключения договора – после Крещения 1390 г. – еще ожидали его возвращения: «а выйдет Юрьи с послом, уговариваются князья, и нам то подняти по розочту по выходу» (т. е. пропорционально долям «выхода», установленным в том же договоре). Дату мирного докончания см. в П.С.РЛ., т. XI, стр. 121. По этому докончанию в к. Василий дал дяде «в удел Волок с волостями, а волости Издетемле да Войничичи, да Ржеву с волостями» в придачу к тому, чем князь Владимира благословил его отец и чего ему «отступился» в к. Дмитрий. А в остальном договор 1390 года повторяет почти без изменений договор 1389 г., несколько смягчая терминологию («честно» вместо «честно и грозно»; опущено обязательство «служити без ослушанья», но сохранено равносильное «всести без ослушанья» на конь по посылке великого князя). Но постановка собственной княжой власти Владимира Андреевича в военном командовании и московском суде существенно иная: его бояре, которые живут в уделах в к. Василия и его братьев или в великокняжеских волостях, идут в поход с воеводой своего князя; и в московском городском суде великий князь не судит без наместника князя Владимира; территориальный принцип, принятый в договоре 1389 года, потерпел заметное ограничение. Нет основания предполагать с С.М. Соловьевым причину раздора в сопротивлении князя Владимира «новому порядку вещей», кроме разве уговора князей на случай «городной осады» в

Москве: если в к. Василий засядет в городе, а Владимира пошлет из города, то Владимир оставит в Москве свою княгиню, детей и бояр, а если великий князь оставит Владимира в осаде, а сам выедет, то оставит с ним мать свою, младших братьев и бояр. Соловьев подчеркивает выражение «сильной недоверчивости» в этом условии. Но, быть может, тут имеем, скорее, отражение воспоминаний князя Владимира о том, как Москва была покинута во время нашествия Тохтамыша? Гарантией от враждебных его действий против великого князя нельзя считать такое условие, да и взаимность уговора плохо вяжется с точкой зрения С.М. Соловьева. О причинах «розмирья» в связи с переделом владений по рождении младшего сына Дмитрия Донского, Константина см. ниже.

¹⁸Об утверждении великокняжеской власти в Нижнем см. выше, глава VII. Муром пережил некоторый подъем в ту же пору, когда строилось Нижегородское великое княжение. В 1351 г. муромский князь Юрий Ярославич «обнови отчину свою Муром, запустевший от первых князей»; под 1354 г. читаем известие о смуте в Муроме – борьба князей за власть в нем (П.С.РЛ., т. VII, стр. 215–216 и 244; т. VIII, стр. 9), затем имеем сведения об участии муромского князя в походах князя Олега рязанского. Летописные своды упоминают о приобретении в к. Василием ярлыков на Муром, Мещеру и Торусу мимоходом при сообщении о том, что хан придал ему к великому княжению Нижний (Муром: П.С.РЛ., т. IV, стр. 99, т. V, стр. 245), но по большей части называют только Мещеру и Торусу, а не Муром (П.С.РЛ., т. VI, стр. 122; т. VIII, стр. 62; т. XI, стр. 154). По-видимому, все три города попали в известие о пожаловании в к. Василию Нижнего путем позднейшей редакционной вставки (ср. т. XVIII, стр. 143, где один Нижний со всем княжением). Но под 1408 годом упомянут уже муромский великокняжеский воевода Семен Ярославич (т. XI, стр. 204). Упоминание Мещеры и Торусы в договоре 1390 г. показывает, что ярлыки на них уже были приобретены в к. Василием, но местная княжеская власть еще не устранена. «Наши князи мещерские, которые живут в Мещере», упоминаются еще в договоре Ивана III с рязанским в к. Иваном Федоровичем (С.Г.Г. и Д., т. 1, № 115–116). Торусские князья, которые с великим князем «один человек», – в договоре в к. Василия Дмитриевича с рязанским в к. Федором Ольговичем (1402 г.; там же, № 36). В своей духовной грамоте (первой, там же, № 39) в к. Василий говорит о Муроме так же условно, как и о Нижнем: «а даст Бог сыну моему князю Ивану держати Новгород Нижний да Муром», но вторая духовна» (1418 г.), сохраняя условную формулу для Нижнего, о Муроме говорит уже положительно, как о «примысле», который «со всем, што к нему потягло», передается князю Василию Васильевичу. О Мещере и Торусе духовные вовсе не упоминают, вероятно, полагая их в составе великого княжения?

¹⁹О бегстве Тохтамыша наши своды сообщают то под 6903–1395 г. (П.С.РЛ., т. IV, стр. 101; т. V, стр. 246); то под 6906–1398 (1397: П.С.РЛ., т. VIII, стр. 71; т. XI, стр. 167). Первая дата, как указано М. С. Грушевским (История Украины-Руси, т. IV-2, стр. 314), находит поддержку в восточных источниках, но ввиду разногласий в показаниях разных источников о татарских походах Витовта (их сводка там же, стр. 313–314) Грушевский ставит даже вопрос, про одно ли тут событие речь идет? Однако нет и данных, чтобы Тохтамыш возвращался на Золотую Орду после «нахождения Темир-Аксака» в 1395 году. Эту же дату подтверждает расчет лет царства ханов Темир-Кутлуга, Шадибека и Булат-Султана в Никоновской (т. XI, стр. 210).

²⁰П.С.РЛ., т. XI, стр. 210. Этот рассказ Никоновской летописи основан на грамоте Едигея, С.Г.Г. и Д., т. II, № 15. Примирительный характер политического влияния Федора Кошки виден из свойства с ним в к. Михаила тверского, который в 1391 г. женил сына «на Москве у Федора у Кошки» (там

же, стр. 127). Последнее известие о деятельности Ф.А. Кошки относится к 1392–93 г. (там же, стр. 155).

²¹Попреки великому князю в грамоте Едигея содержат утверждение, что в. к. Василий не посылал ни к Темир-Кутлую, ни к Шадибеку «ни с которым словом»; только при Булат-Салтане (с 1407 г.) великий князь, не ездя в Орду и не посылая туда ни сына, ни брата, ни старейшего боярина, стал искать в Орде помощи против Литвы и русских недругов, уклоняясь, однако, от уплаты «выхода» (П.С.РЛ., т. XI, стр. 210).

²²Срезневский, Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, № 53: грамота князя Дмитрия Ольгердовича, писанная в 1388 г., еще до его возвращения на Брянск, признает условием этого возвращения сложение той «правды», какую он дал в. к. Дмитрию московскому, и «гольд» на верное послушание «королю и его королице, и его детям, и коруне польской».

²³Позднейшие тексты – летописные и родословные – превратили его в «князя Волынского», чем наделали исследователям излишних хлопот. В «Бархатной книге» этот титул придан Волынскому только в оглавлении; в частных списках родословцев этого нет – см. Н.П. Лихачева, «Разрядные дьяки XVI века», стр. 377, прим. 2.

²⁴П.С.РЛ., т. VIII, стр. 51–52: кн. Василий бежал из Орды в «Подольскую землю, в великие Волохи, к Петру воеводе»; в Подольскую землю в. к. Дмитрий посылает «бояр своих старейших противу сыну своему». Едва ли это простая «встреча»; старейшие бояре – посольство; в январе 1387 г. Василий Дмитриевич вернулся в Москву с литовскими и польскими панами от Витовта (П.С.РЛ., т. XI, стр. 90), направляет московских бояр в Полоцкую землю, так как, по представлению Никоновской летописи, Витовт был в ту пору в Немецкой земле, «по убиении отца его Кестутя убежа», и сюда к нему пробрался «в неизвестных таяся» князь Василий: это переделка известия о первых сношениях с Витовтом по рассказу о московском посольстве к нему, которое прибыло в Мальборг и вернулось в Москву через Пернов в конце 1390 года с Софьей Витовтовной (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 61; т. XI, стр. 123; Antoni Prochaska, Krol Wladyslaw Jagiello, т. 1, стр. 93–96). Прохаска указывает, что Витовт завязал переговоры с Москвой без ведома Ягайла и что эти сношения шли вразрез с политикой Ягайла. Витовт подготовлял восстание и обеспечивал себе союзы. Возможно, что и поездка князя Василия к волошскому воеводе стояла в какой-либо связи с этими переговорами.

²⁵П.С.РЛ., т. IV, стр. 95, 97; Новг. I, стр. 376, 378.

²⁶Как представляет Прохаска (указ. соч., т. 1, стр. 94).

²⁷А. З. Р., т. 1, № 10.

²⁸«И тогда же (после защиты Орешка от «разбойников немцев») поиде в Литву к своей братьи, а городок покинувши» – Новг. I, стр. 378.

²⁹«А на зиме князь Василей присла свои послы в Новгород... просити черного бору и княжщины и о крестной грамоте», П.С.РЛ., т. IV, стр. 99. В других сводах причина розни целиком сведена к «крестной грамоте» новгородцев об отказе от «зова» на суд к митрополиту в Москву и от «месячного суда» митрополита в Новгороде; но это дело тянулось с 1385 г., а в данный момент в. к. Василий ставил ребром все великокняжеские требования Новгороду, в том числе и церковный вопрос, неотделимый от новгородской политики. – В начавшемся розни во главе новгородской рати два князя: Роман литовский, которого, быть может, оставил за себя Лугвений (указатель к П.С.РЛ. отождествляет его с Романом Юрьевичем, действовавшим в Новгороде еще в 1386 г. вместе с Патриkiem Наримонтовичем – т. IV, стр. 93, и убит на Шелоне в 1397–98 г. – там же, стр. 103), и Константин Иванович Белозерский (см. у Экземплярского, т. II, стр. 166–167). Князь Ро-

ман Юрьевич, может быть, неизвестный из других источников внук Наримонта-Глеба, сын князя бельзского Юрия? Впрочем, вся генеалогия этой линии литовских князей весьма сомнительна.

⁴⁰П.С.РЛ., т. IV, стр. 97; стр. 194 («взяху новгородци мир с немци, а пскович вымирили вон; и взяху псковичи мир особе»).

⁴¹П.С.РЛ., т. VIII, стр. 64.

⁴²Напомню, что ни в одной грамоте начала девяностых годов Витовт не титулуется «великим князем» (*supremus dux*) Литвы; «великий князь» это Ягайло («король польский, великий князь литовский, вотчич Руси»); только с 1395 – 96 г. начинает встречаться наименование Витовта «великим князем Литвы». М.К. Любавский («Литовско-русский сейм», стр. 18) не учел этого обстоятельства, но признает, что «Островское соглашение 1392 года...не изменило Кревский договор 1385 года в принципе».

⁴³Вместе с Троцкой отчиной по Кейстуте перешел к Витовту и Полоцк из рук Свидригайла, как наданье от Ягайла; Витебск, когда кончилось пожизненное владение им Ягайловой матери, в управлении Ягайловых (не Витовтовых) наместников, а Витовт выбивает оттуда засевшего там Свидригайла, чтобы отослать его пленником к Ягайлу; теряет владения Корибут-Дмитрий новгород-северский и сам в плену, пока не взял его на поруки Олег рязанский (затем видим его князем-подручником при Витовте); на юге Витовт отнимает Киев у Владимира Ольгердовича с поддержкой послов от Ягайла – для передачи его Скиргайлу, а Подолию у Федора Кориатовича, чтобы часть ее получить, вместе с Волынию, в державу от в. к. Ягайла. Все это тесно связано с проведением в жизнь начал Кревской унии, которую и Витовт скрепил участием в основном акте и записью на верность королю и короне польской, а в 1392 году возобновил, дополнив особой записью на верность королеве Ядвиге и короне польской (Любавский, указ. соч., стр. 18). – Официальная терминология того времени не различает в Ягайле носителя великокняжеской власти на Литве от короля польского; Ягайло стоит на почве Кревской унии, т. е. единства польско-литовской государственной власти.

⁴⁴П.С.РЛ., т. VIII, стр. 69–70; т. XI, стр. 166; т. IV, стр. 101.

⁴⁵П.С.РЛ., т. IV, стр. 100; Новг. I, стр. 379; только в июне 1397 г. помирились новгородцы со Псковом – Новг. V, стр. 382.

⁴⁶Характерен известный ответ их в. к. Василию на требование его и Витовта разорвать мир с немцами: «нам, господине княже, с тобою мир свой, а с немци ин, а с Витовтом ин, а ты, господине княже, в то у нас не вступайся: Новгород держит старину древнюю, как пошло от начала исперва»; этот ответ звучит совсем по-новгородски; но не так еще давно главный новгородский упрек великим князьям был за недостаточное внимание к внешним отношениям Новгорода (П.С.РЛ., т. VI, стр. 168; т. IV, стр. 102; т. V, стр. 250).

⁴⁷В 1393–1396 г. г. такую роль играет белозерский князь Константин Иванович; в 1397 г. один за другим приехали в Новгород смоленский князь Василий Иванович, затем кн. Патрикий Наримонтович.

⁴⁸А. Прохаска, указ. соч., т. I, стр. 106–109.

⁴⁹Новг. I, стр. 382–388: Двинская уставная грамота А.А.Э., т. I, № 13. – Торжок в. к. Василий «дал» князю Ивану Всеволодовичу холмскому, за которого выдал сестру Анастасию (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 70).

⁴⁰Прохаска, указ. соч., т. I, стр. 110.

⁴¹Новг. I, стр. 388: «обеществовали мя есте, что было вам за мене нятися, а мне было ваи князем великим быти, а вас мне было обороняти, а вы за мене не нялися». – Это момент, когда быстрый рост планов Витовта достиг своего апогея, – мечты о независимом Литовском королевстве. Съезд Литовских панов и князей на о-ве Салине провозгласил его «королем на Литве и

на Руси», Орден опасался объединения под властью Витовта Литвы и Руси – Прахаска, указ. соч., т. 1, стр. 111; М.К. Любавский, Литовско-русский сейм, стр. 25–26; Барбашев, Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы, стр. 87. Не ясно, о каком обязательстве новгородцев «няться» за в. к. Витовта заявили послы Витовта: источники молчат, но нет в них и отрицания того, что подобные переговоры были. Напомню призыв Ольгерда на псковское княжение, а тут речь могла идти о князе для Новгорода от руки в. к. Витовта.

⁴²П.С.РЛ., т. IV, стр. 195.

⁴³Внутренние отношения московского великокняжеского двора, о которых наши источники не дают определенных сведений, вероятно, многое объяснили бы в колебаниях великокняжеской политики не только в татарских, но и в русско-литовских делах.

⁴⁴Прохаска, указ. соч., стр. 119.

⁴⁵О степных походах Витовта см. Ляскоронского, «Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход князя Витовта на Татар в 1399 году» (1907 г.; Ж.М.Н.П. и отд.): Прохаска, указ. соч., стр. 119–121; М.С. Грушевский, указ. соч., т. IV-2, стр. 313–314.

⁴⁶П.С.РЛ., т. VIII, стр. 71. Посол в. к. Витовта Ямонт в Москве; затем приезд в. к. Софьи к отцу «с боярами многими».

⁴⁷«Хотел пленити Русскую землю и Новъград и Псков» – Новг. I, стр. 390; П.С.РЛ., т. IV, стр. 103, 143; т. V, стр. 251; т. VIII, стр. 72. Эти толки, связавшие в один широкий план татарскую и новгородскую политику, показательны для перелома в отношениях к ней великорусского великокняжеского правительства накануне битвы на р. Ворскле: после нее мало было в них смысла, а рассказ летописных сводов об этой битве полон злорадства унижения гордыни Витовта; разрыв Москвы с северной политикой Витовта определился до битвы на Ворскле: кн. Андрей Дмитриевич прибыл в Новгород к 15 июля (на «Володимерь день»), а бой на Ворскле – 12 августа 1399 г. – П.С.РЛ., т. XI, стр. 172 и 174.

⁴⁸К началу 1399 года подходит одиноко стоящая в наших летописных сводах запись Софийской 3-й летописи: «того же лета князь великий Василий Дмитреевич московский с князем Михаилом тверским покрепиша миру, и соединишася вси князи русьстии заодно и послаша грамоты разметные ко князю Витовту Кестутьевичу литовскому», а не к 1396 г., под которым она читается (П.С.РЛ., т. VI, стр. 128), – раннее известие о Коломенском свидании великих князей.

⁴⁹Новг. I, стр. 391; П. С. Р. Л., т. V, стр. 18.

⁵⁰Новг. I, стр. 392; П.С.РЛ., т. VIII, стр. 75. В Смоленске «бысть в то время мятежь и крамола, овии хотяху Витовта, а друзии отчича своего»; верх взяли последние, отворили город Юрию, перебили своих бояр, «которые перевет держали ко князю Витовту», и князя Романа брянского, «наместника Витовтова», с его брянскими боярами.

⁵¹«На крестном целовании» дважды подчеркнуто в Новг. I, стр. 391 и 392. Надо полагать, что в. к. Василий намеренно придавал этим действиям характер осуществления своего великокняжеского права. Новгородские посадники на Двине арестованы, многие двиняне казнены («крестьян повешали, а иных посекали»), в чем можно видеть репрессию за «измену» – П.С.РЛ., т. IV, стр. 143, задержаны и увезены в Москву и новгородские бояре-посадники на Торжке. В расправе с новгородской партией на Двине во главе рати великого князя – двинские бояре.

⁵²В 1402 г. в. к. Василий отпустил из плена новгородских бояр, взятых в Торжке, но определенно восстановление отношений по старине указано только сообщением о приезде в 1406 г. князя Петра Дмитриевича в Новгород (Новг. I, стр. 392 и 394).

⁵⁴Новг. I, стр. 394 (князь Юрий поехал в Москву поклониться в. к. Василию, чтобы ее защитил от в. к. Витовта, а без него «переветники» сдали Смоленск Витовту); по другим летописям, князь Юрий бил в. к. Василию челом о принятии Смоленска в состав великого княжения всея Руси: «дающеся ему сам и со всем своим княжением»; однако в. к. Василий «не прия его, ни всего его княжения Смоленского, не хотя изменить Витовту» (П.С.РЛ., т. IV, стр. 107; т. VIII, стр. 76); Тверская летопись (т. XV, стр. 471) сообщает, что в. к. Василий имел «ряд» с Витовтом о том, ему «не вступатися в Смоленск в с Юрием не имети любви». Однако есть известие, что в. к. Василий собирался поддержать Юрия, но затянул дело, а пока свершилось падение Смоленска. Это вызвало взаимные нарекания: сторонники Юрия обвиняли в. к. Василия, что он намеренно задержал Юрия «на тые сроки, нороя тество своему Витовту» (Супрасльская рукопись, стр. 136; об этих сроках упоминает и Троицкая летопись – П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 181: князь Юрий велел ожидать себя в Смоленске с помощью «на первый срок, и на другой, и на третий»); а Василий попрекал Юрия: «приехал еси с лестию, и смольняном велел датися за Витовта» (Архангелогородский летописец, изд. 1819 г., стр. 124).

⁵⁴Заняв Смоленск, Витовт «посла на взыскаше Юрия». О его обращении в Москву и в Новгород с требованием выдачи Юрия – Тверская лет. (П.С.РЛ., т. XV, стр. 471), причем и псковичи высказались за единение с Новгородом и Юрием. Несомненно, что если у в. к. Василия и был повод утверждать, что новгородцы приняли Юрия без его повеления (т. XV, стр. 471), то этот их шаг не был сделан и против воли великого князя. Юрий на новгородских пригородах во время приезда кн. Петра Дмитриевича и в том же году отъехал из Новгорода на Москву (Новг. I, стр. 394–395), где состоялся брак его дочери Настасьи с великокняжеским братом Юрием Дмитриевичем (П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 281).

⁵⁵П.С.РЛ., т. IV, отр. 144–145: Русу, Ладогу, Орешек, Тиверьский, Корельский, Копорью, Торжок, Волок Ламьской, Порхов, Вышегород, Яму, Высокое, Кокшин городец: упоминание Торжка и Волока наводит на мысль об опасности со стороны Москвы; в Новгороде должны были опасаться нового союза Литвы и Москвы, повторения комбинации Коломенского съезда. – В Новгородской IV летописи имеем соединение двух записей о событиях этого времени, которые так соединены, что о судьбах Смоленска и князя Юрия рассказано дважды; получилось две осады Юрия в Смоленске, два отъезда его в Москву, два прибытия его в Новгород. – П.С.РЛ., т. IV, стр. 106–107; 144–145.

⁵⁶П.С.РЛ., т. VIII, стр. 78; князь Петр приехал в Новгород «в пособие на Литву» (П.С.РЛ., т. IV, стр. 109); «Псковичем на помощь» (т. VIII, стр. 78).

⁵⁷«Воевашася межи собою по три лета» – П.С.РЛ., т. V, стр. 254.

⁵⁸П.С.РЛ., т. VIII, стр. 81. Тут разыгралась семейная драма князя вяземского Семена, кончившаяся убийством и его, и его жены, и бегством убийцы – князя Юрия в Орду; буйную жизнь Юрий Святославич заключил «в пустыни» – в одном из рязанских монастырей.

⁵⁹Там же.

⁶⁰В конце 1405 г. при первом выступлении в. к. Василия против Витовта к нему на службу отъехал князь Александр Иванович Нелюб (Гольшанский), «а с ним много Литвы и Ляхов»; в. к. Василий принял его «с любовью» и дал ему город Переяславль. После столкновения с Витовтом в 1407/08 гг., на Москву из Брянска выехал Свидригайло Ольгердович с целой группой литовско-русских князей и бояр; в. к. Василий дал Свидригайлу в кормление даже стольный Владимир – «со всеми волостьми и с пошлинами и с селы и с хлебом», и города («потому же») Переяславль, Юрьев, Волок, Ржеву да половину Коломны – там же, стр. 78, 82.

⁶¹Там же, стр. 78, 81, 82.

⁶²Новг. I, стр. 395–399. В те же годы рядом с Лугвением, который с Витовтом «один человек», сидит на новгородском «хлебокормлении» смоленский Юрьевич Федор – «ворог» Витовту. Задачей политики Ягайла и Витовта в эти годы было объединение возможно больших сил – польских, литовских и русских для решительной борьбы с немецким Орденом. Новгородцы пошли на договор об общей борьбе против немцев, но не соглашались признать полную зависимость своих внешних отношений польско-литовской политике, а упорно твердили: «как есмь с литовским мирны, так есмь и с немцы мирны», отстаивая право нейтралитета, если он отвечает их интересам. Угроза войной, когда Ягайло, Витовт и Лугвений «вскинута грамоты взметные к Новгороду», не привела ни к чему; это «розмирье», не сопровождавшееся военными действиями, протянулось до 1414 года и закончено «миром по старине»; там же, стр. 399–401.

⁶³Отношения между Новгородом и в. к. Василием оставались без точного договорного определения в течение долгого ряда лет. Новгород не мог до 1424 года добиться от великого князя формального отказа от притязаний на новгородские волости, а сам не соглашался на окончательное урегулирование вопроса о «княжчинах». Оба спорных пункта разрешены только взаимным крестоцелованием 1424 года – П.С.РЛ., т. VIII, стр. 92.

⁶⁴В 1405 (6913) г. к в. к. Василию приходил посол от царя Шадибека (П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 281). Тверская летопись (т. XV, стр. 475) отметила, что обращение к татарской помощи вызвало разногласие среди русского боярства; часть бояр опасалась, что татары «осмотрят наряда земли нашей и восхотят сами приити на ны»; «якоже и бысть ее», замечает летописец, имея в виду нашествие Едигея. Но тут протест против сближения с татарами приписан «старцам», а призыв татарской помощи назван «думою юных наших бояр». Возможно, что речь идет о тверских боярах; в таком случае тут можно усмотреть намек на посредническую роль Твери в возобновлении московско-татарских отношений.

⁶⁵По рассказу Никоновской летописи, Едигей припоминал в. к. Василию Дмитриевичу: «а обиды каковы ни будут или от князей русских или от Литвы и ты к нам на них жалобные шлешь ежелеть и жалобные грамоты и обороны у нас от них просишь» – П.С.РЛ., т. XI, стр. 210.

⁶⁶П.С.РЛ., т. VIII, стр. 82–84; т. XI, стр. 205–211 (повесть о нашествии Едигея).

⁶⁷Новг. I, стр. 404; П.С.РЛ., т. XI, стр. 232.

⁶⁸Под 1414 и 1421 г. г. упоминается князь Ярослав Владимирович (из смоленских), в 1419 г. выезжал, по ссоре с братом, князь Константин Дмитриевич – и новгородцы дали ему те пригороды, что были раньше за Семеном-Лугвением Ольгердовичем; но в то же время во главе новгородского управления – князь Федор Патрикеевич, наместник князя великого, и он представляет Новгород в переговорах с Ливонским Орденом вместе с князем Константином. Характерно, что Новгородская летопись говорит, несмотря на великокняжеского наместника, о dokonчании ливонского магистра «со князем Константином и со всем Великим Новгородом» – П.С.РЛ., т. VIII, стр. 87; т. VI, стр. 120; Новг. I, стр. 410.

⁶⁹На упомянутый съезд с немецкими послами новгородцы, по выражению Новгородской летописи, «послаша» великокняжеского наместника вместе со своими посадниками. Участие новгородского полка в Грюнвальдской битве с князем Семеном-Лугвением (см. Барбашев, Витовт – последние двадцать лет княжения, стр. 112) не было, конечно, участием в ней отряда войск великого княжества. – Под 1421–1422 гг. летописные своды сохранили запись о том, что новгородцы «целоваша крест за один брат» – без пояснений о поводе и содержании такого крестоцелования (Новг. I, стр. 412;

Новг. II, стр. 50), что дает впечатление конъюрации Новгородской городской общины.

⁷⁰П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 280 (Карамзин, т. V, прим. 185).

⁷¹Там же, стр. 281.

⁷²П.С.РЛ., т. XV, стр. 476–477.

⁷³П.С.РЛ., т. VI, стр. 136; т. VIII, стр. 83; т. XI, стр. 209; т. XVIII, стр. 283.

⁷⁴П.С.РЛ., т. XI, стр. 219.

⁷⁵П.С.РЛ., т. XV, стр. 488 (1422).

⁷⁶С.Г.Г. и Д., т. I, № 41. Соображения, по коим надо ее отнести к 1418 году см. выше, на стр. 282, примечание. В первой духовной в. к. Василия (там же, № 39), писанной когда жива была мать в. к. Василия в. к. Евдокия (ум. в 1407 г.) и в такую пору, когда произошел разрыв с Витовтом (1405–1406 г.), в. к. Софье не отводилось столь значительного положения; князю Ивану там только внушалось держать мать «во чти и в матерстве, как Бог рекл», а поручены они оба, мать и сын, князю Владимиру Андреевичу и братьям великого князя Андрею и Петру Дмитриевичам.

⁷⁷«А приказываю своего сына князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тестю великому князю Витовту, как ли рекл, на Боге да на нем, как ся иметь печаловати». Та же грамота дает указание на обмен дружественными посольствами и дарами тестя с зятем («каменное судно большое, што ми от великого князя от Витовта привез князь Семен») и в. к. Василия с Ягайлом («да кубок хрустальной, што ми король прислал»); князь Семен – не Лутвений ли Ольгердович? Кроме Витовта в. к. Софья и в. к. Василий Васильевич «приказаны» младшим братьям великого князя Андрею, Петру и Константину и двум Владимировичам (Андреевича) Семену и Ярославу; старший сын Владимира Андреевича Иван не упомянут: это говорило бы против датировки духовной 1418 годом, так как смерть кн. Ивана отнесена в некоторых родословных к 1422 году (Экземплярский, т. II, стр. 305), но рискованно опираться на их данные, особенно хронологические.

⁷⁸Грамота в. к. Василия (С.Г.Г. и Д., т. I, № 42) хранится в Главном Архиве МИДа в Москве: 1) в подлиннике, за большой великокняжеской печатью и подписью митр. Фотия и 2) в современном подлиннике списке, на обороте которого той же рукой, которая писала список, сделана надпись: «список с грамоты что пошла к великому князю к Витовту с Олексеем в лето 30 первое з средохрестья»; и еще (по-видимому, другим почерком): «список з грамоты что поимал Олексей з собою во Литву коли с митрополитом поехал Фотеем на средохрестную». Издана грамота с подлинника; вероятно, поэтому надписи на списке остались не замеченными и не изданными.

⁷⁹«Того же лета князь Литовский Витовт, собрав силы многы, нетокмо Литву, но москвич и тферичь и иных многих подъем, и иде на Прусы и взя град Голубь» – П.С.РЛ., т. V, стр. 24. Ср. у Борзаковского (указ. соч., примечание 901). – П.С.РЛ., т. VI, стр. 142; т. VIII, стр. 91–92.

⁸⁰П.С.РЛ., т. V, стр. 23 (6929 г.), стр. 24 (6931 и 6932 г.).

⁸¹В послании к троицкому игумену Сергию и сimeoновскому игумену Федору от 23 июня 6886 (1378) года Киприан борется против такого мнения о нем: 1) утверждением, что не был враждебен великорусскому великому княжеству; «не вышло, – пишет он, – из моих уст слово на князя на великого на Дмитрия, ни до ставления, ни по поставлении, ни на его княгину, ни на его бояре, ни доканчивал есмь с ким, иному, добра хотети боле его, ни делом, ни словом, ни домыслом, – несть моя вина пред ним», а желал ему добра, и ненавидел «пригадывающих на его лихо»; и 2) разъяснением, что его деятельность на Литве была на пользу Великороссии (освобождал пленных, взятых литовцами, напр. кашинцев) и воссоединению митрополии, так как он утверждал на Литве христианство крещением неверных и строением

церквей, восстановил заброшенные епархии, а также владения митрополии и власть митрополита, бывшую в упадке по невозможности для митр. Алексея ее осуществлять. «Аз, – пишет Киприан, – потружаяся отпадшая места приложити к митрополии и хочю укрепити, чтобы до века так стояло, на честь и на величество митрополии, князь же великий гадает двоити митрополию», так как выдвигает на поставление нового, второго кандидата. – Р.И.Б., т. VI-2, стр. 181–183.

⁸²Там же, приложения, стр. 207–208.

⁸³Там же, стр. 175–176. Это соборное определение 1380 года содержит целый обвинительный акт против Киприана, явно основанный на жалобах и протестах митр. Алексея, и признало определение патр. Филофея о поставлении Киприана неканоничным, а Киприана заслуживающим полного низложения и изгнания (стр. 180). Компромиссное решение, какое затем принято этим определением в прямое противоречие установленным предпосылкам, вызвано, надо полагать, политическими соображениями: опасением разрыва с Литвой, куда бежал из Константинополя Киприан.

⁸⁴«Повесть о Митяе» в выписках – П.С.РЛ., т. XV, стр. 438–439; краткая редакция в Ермолинской летописи – т. XXIII, стр. 121–123; пространная в Воскресенской и Никоновской – т. VIII, стр. 28–32; т. XI, стр. 35–41. Эта последняя содержит вставки, подчеркивающие решительное осуждение Митяя в выражениях, близких к посланию Киприана игуменам Сергию и Федору, что дало Е.Е. Голубинскому повод приписать Киприану «сказание, враждебное Михаилу» («Ист. Рус. Церкви», т. II, ч. 1, стр. 230); П.П. Соколов правильнее видит в летописи не два сказания, а одно, но вставки в пространную редакцию приписывает тоже Киприану («Русс. архиерей из Византии», стр. 428). Не вижу твердого основания для авторской роли Киприана; против Митяя была весьма значительная часть духовенства, а послание Киприана сохранилось в списках в двух Кормчих XV века, стало быть, могло послужить письменным источником для редактора летописного свода XVI века.

⁸⁵Е.Е. Голубинский (там же, стр. 230–234) и Соколов (там же, стр. 463) признают, что Алексей в конце концов подписал грамоту на номинацию Митяя. Но слова послания Киприана: «и что клеплют митрополита, брата нашего, что он его благословил на та вся дела, то есть лжа» и далее: «или угаилося есть нам, како учинилося есть на смерти митрополиче? виде грамоту, записал митрополит, умирая, и та грамота будет с нами на великом соборе» – заключают отрицание, а не утверждение этого. Грамота Алексея должна была послужить Киприану против Митяя, а не доказательством «незаконного поведения умершего митрополита», как толкует Голубинский. Киприан поясняет, что «лжа есть», будто Алексей поступил вопреки 34-му правилу Св. апостолов и учинил номинацию Митяя, «помимо большого своего», т. е. патриарха, и без собора епископов. Митр. Алексей не выполнил и поставления Митяя в епископы, ссылаясь, по свидетельству повести, на то, что Митяй «новоук» в чернечестве. Предположение П.П. Соколова, будто Алексей дал Митяю наместничество, ничем не подтверждается.

⁸⁶Не все ясно в передаче нашими источниками эпизода с игуменом Сергием. Сообщение о том, как митр. Алексей возложил на него золотой крест «якоже некое обручение» (П.С.РЛ., т. XI, стр. 34), дает П.П. Соколову повод заметить, что «Сергий принял это обручение с будущею кафедрою во имя монашеского послушания» (указ. соч., стр. 441), а если придавать значение показанию Степенной Книги, что по смерти Алексея «мнози моляху» Сергия принять митрополию (П.С.РЛ., т. XXI, ч. 2, стр. 363), пришлось бы признать, что вопрос не был исчерпан при жизни Алексея. П.П. Соколов полагает, что среди этих «многих» не могло быть в. к. Дмитрия (указ. соч., стр. 464).

Возможно, что отказ Сергия был связан с великокняжеской кандидатурой Митяя.

⁸⁷Р.И.Б., т. VI-2, приложения, стр. 206.

⁸⁸Утверждение Киприана, что в. к. Дмитрий «гадает двоити митрополию» отчасти подтверждается тем, что Митяй и в. к. Дмитрий пытались устроить поставление собором епископов «сущих в Русей земле под областью государства» в. к. Дмитрия (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 29–30). Митр. Макарий принял чтение «Повести о Митяе» в Никоновской летописи, согласно которому Митяй предполагал ставиться от русских епископов в «епископа и первосвятителя», согласно чему и аргументация его: «почтох правила святых отец и обретох сице в них, яко достоин сиедшимся епископом, елице обрящутся, 5 или 6 да поставят епископа» переделана в указание, что 2 или 3 епископа могут поставить епископа, а 5 или 6 пусть поставят первосвятителя (П.С.РЛ., т. XI, стр. 37); эта явная (и неудачная) редакционная переделка дала митр. Макарию повод говорить о намерении Митяя ставиться на Руси в митрополиты («Ист. Рус. Церкви», т. IV, стр. 67–69).

⁸⁹Покровский («Русские епархии» т. 1, стр. 224–225) полагает, что Дионисий был поставлен в «один Суздаль», а Нижним Новгородом и Городцом ведал только по поручению митрополита. Дионисий, как цитирует сам Покровский, по отъезде Митяя в Константинополь, «побеже к Царьграду из своей епископии из Новгорода Нижнего» (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 30). Дионисий поставлен в 6882 (1374) году (там же, стр. 20).

⁹⁰Изложение этого дела, наиболее точное, у П.П. Соколова, указ. соч., стр. 502–507.

⁹¹Вскоре после поставления Пимена прибыл Дионисий и выступил перед патриархом с обвинениями против Пимена и членов московского посольства «и с заявлением, что все случившееся с ним (Пименом) есть зло для той церкви, ведущее к расколу, смуте и разделению, вместо того, чтобы поддерживать согласие мир и единство»; то же соборное определение патр. Антония, идя на уступки сложившемуся запутанному положению, признает, однако, в принципе, что сохранение единства митрополии было бы единственно правильным решением дела, но для этого нужно было бы, чтобы «после смерти кир Алексея кир Киприан получил всю русскую церковь» – Р.И.Б., т. VI-2, приложения, № 33 (стр. 209–212 и 203–206).

⁹²Р.И.Б., т. VI-2, № 23; П.С.РЛ., т. VIII, стр. 48 («исправи себе архиепископию у патриарха Нила и сущим по себе епископом в том пределе – в Суждали, в Новгороде, Нижнем и на Городце»).

⁹³Р.И.Б., т. VI-2, № 22 и приложения, № 31; в грамотах новгородцам и псковичам патриарх сообщает, что от него и от патриаршего собора послан архиепископ суздальский Дионисий, «священных канонів известный хранитель», да видит их от патриарха и благословит «и поучит, и накажет, и извещает, и подобная устроит, и совокупит соборной апостольской Божией церкви». Широта и самостоятельность полномочий Дионисия выражены в этих грамотах вполне определенно. В наших летописных сводах положение представлено иначе: Дионисий прибыл в Новгород от патр. Нила с благословением и грамотами и отправился во Псков – «по повелению владыки Алексея» (новгородского – П.С.РЛ. т., IV, стр. 83; Новг. I, стр. 370). Надо полагать, что Дионисий осуществлял свои полномочия по какому-либо соглашению с архиеп. Алексеем, но это не меняет их характера. В силу полномочий «подобная устроить» Дионисий дает в чужой епархии Снеготорскому монастырю грамоту о соблюдении уставного иноческого жития – также именем «вселенского патриарха» (там же, № 23). Высокая авторитетность Дионисия – патриаршего экзарха – использована псковичами для приписки новых статей к Псковской судной грамоте, как она сложилась при князе

Александр Михайловиче, что так сердито отверг Киприан («а что Денисий владыка впелся не в свое дело да списал неподобную грамоту, и яз тую грамоту рушаю» – там же № 28): в грамоту вписано было «проклятие и неблагословение патриаршее» против ее нарушителей.

⁹⁴Летом 1383 г. «поиде в Царьград Дионисий, архиепископ суздальской, и с ним отпусти с князь великий Дмитрей Иванович отца своего духовного Феодора, игумена Симоновского, управления ради митрополии Русския» (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 48). П.П. Соколов (указ. соч., стр. 594) толкует текст соборного определения патр. Антония от февраля 1386 (Р.И.Б., т. VI-2, приложения, № 33, стр. 211) в том смысле, что великокняжеским кандидатом тут обозначен не Дионисий, а Феодор, но его толкование конструкции греческой фразы слишком искусственно. Оно связано у П.П. Соколова с построением, согласно которому великокняжеским кандидатом на великорусскую митрополию был Феодор, а в Константинополе поставили, вместо того Дионисия на всю митрополию, устраняя и Киприана, и Пимена (там же, стр. 535–536). Все это автор извлекает из «в высшей степени неясных фраз», которыми грамота митр. Антония старается «замаскировать» истину, но особенно опирается он на цитируемую им сентябрьскую грамоту 1386 года патр. Нила, где сказано, что при этом патриархе поставлен митрополит на Галич, что в Малой России, а Русский митрополит пишется «Киевским и всея Руси». Этот текст, который должен доказать, что была восстановлена единая митрополия для Дионисия, в достаточной мере поясняется соборным постановлением 1380 года о том, что за Пименом, митрополитом Великой Руси, однако, сохранен титул «Киевского и всея Руси» – Р.И.Б., т. VI-2, приложения, стр. 179–180. А.С. Павлов высказал предположение, что настольная грамота митр. Фотию (А.И., т. 1, № 254), известная только в русском списке, дает текст настольной грамоты, заготовленной для Дионисия, а потом на Руси переделанной на имя Фотия; Павлов указывает на текстуальную близость этой грамоты к грамоте того же патриарха Антония о возведении Дионисия в архиепископы. Действительно, настольная грамота мало подходит к поставлению Фотия, так как говорит о Русской митрополии, тогда как Фотий был поставлен на митрополию Киевскую и всея Руси.

⁹⁵Послание Киприана к Сергию и Федору (первое) – в «Православном Собеседнике» 1860 г., ч. 2; второе послание – там же и Р.И.Б., т. VI-2, № 20. Киприан выехал из Киева еще весной 1378 г. Сохранилось не совсем точное летописное известие, что Киприан в апреле приехал из Киева на Москву, но не был принят в. к. Дмитрием (П.С.РЛ., т. XX, ч. 1 стр. 199); но Киприан на этот раз не доехал до Москвы: во втором послании он сообщает, что поехал было к Москве, но великий князь «разослал заставы, чтобы его не пропустить, а он «иным путем» проехал, о чем и предупреждал игуменов письмом от 3 июня из Любутска. «Вы же, писал им Киприан, будите готови видитися с нами, где сами погадаете».

⁹⁶Второе послание: великий князь Киприана «в ночи заточил» и приставил к нему «мучителя, проклятого Никифора», а затем его со спутниками «из города вывели»; с игуменами Киприану не удалось повидаться; он упрекает их, что сын «умолчали» перед великим князем, но явно не осведомлен о их поведении, так как спрашивает, «все ли уклонились вкупе» от вмешательства в дело и неужели они могли смолчать? Третье послание («Прав. Соб.», там же) показывает, что ответная грамотка игуменов успокоила Киприана относительно их сочувствия: «елико смирение и повиновение и любовь имеете к святой Божией Церкви и к нашему смирению, все познал есмь от слов ваших»; эта грамотка была ответом на вызов второго послания – отписать немедленно, что они «мудрствуют» по поводу произнесенного Киприаном «неблагословения» на причастных к его бесчестью.

⁹⁷Киприан (во втором послании) опровергает оба основания; первое – отрицанием самого факта («не умети было ему – митр. Алексею – наследника оставляти по своей смерти», это «клепят» на него) и доказательством, что по правилам апостольским и антиохийского собора нет у святителя права на номинацию себе преемника; второе – ссылкой на 30-е правило св. Апостолов, содержащее запрет приобретать святительство помощью мирских князей.

⁹⁸Третье послание от 23 июня 1378 года. Оно писано в ответ на послание игуменов Сергия и Федора, из которого Киприан убедился, что они признают его митрополитом («а как, – пишет он, – повинуетеся к нашему смиренню, тако крепитеся»); объявляя себя защитником «смирения и соединения церковного», он утешает игуменов тем, что Господь сподобит свидеться, и что те, кто его не восхотел (т. е. в. к. Дмитрий), потом признают истину.

⁹⁹Соборное определение патриарха Нила, июнь 1380 г. – Р.И.Б., т. VI-2, приложения, № 30.

¹⁰⁰П.С.РЛ., т. VIII, стр. 42; т. XVIII, стр. 131; т. XI, стр. 70 и 71. Пимена задержали на Коломне, сняли с него белый клобук и сослали в Чухлому, а через год перевели в Тверь. – Вскоре по приезде Киприана крестит у в. к. Дмитрия вместе с игуменом Сергием сына Ивана, а через год игумен Федор крестит княжича Андрея. О карах – в соборном деянии 1389 г., Р.И.Б. т. VI-2, приложения, стр. 209–210.

¹⁰¹Там же.

¹⁰²П.С.РЛ., т. VIII, стр. 48: «разгнева бо ся на него князь великий Дмитрий Иванович того ради, что не сидел на Москве в осаде». Патриаршее решение спора о митрополии и патриаршие грамоты против Киприана и в пользу Пимена давали опору такому действию в. к. Дмитрия. Иначе расценивает эти данные Е.Е. Голубинский (указ. соч., т. II, ч. 1, стр. 250–251).

¹⁰³П.П. Соколов («Русский архиерей из Византии», стр. 527–532) считает истинной причиной удаления Киприана и возвращения Пимена формальную уловку Византии, поддержанную Дионисием: добиться восстановления Пимена, чтобы иметь возможность канонически правильно его судить и низложить. Ни содержание, ни характер патриаршего соборного определения 1389 года, ни изложение перепетий этого дела в наших летописных сводах не согласуются с такой слишком искусственной конструкцией.

¹⁰⁴Настояния в. к. Дмитрия на низложение Пимена не имели значения поддержки прав Киприана; на это нет никаких намеков. Нет и основания предполагать, что архимандрит Федор действовал без согласия с в. к. Дмитрием; Пимен и Федор вернулись в Москву и были приняты великим князем без всякого протеста против их действий. Толкование этой истории у Е.Е. Голубинского (указ. соч., стр. 254–257) и П.П. Соколова (указ. соч., стр. 542 и след.) осложняют и без того запутанное дело большим количеством предположений, не согласованных с данными источников. Весьма вероятно, что предложение великого князя, на которое вижу указание в словах деяния 1389 года о наказе Федору устно передать многое потому же делу" (Р.И.Б., т. VI-2, приложения, стр. 215–216), состояло в просьбе, устранив и Пимена, и Киприана, поставить на великорусскую митрополию новое лицо по выбору патриарха (так поступил и в. к. Василий по смерти Киприана).

¹⁰⁵Р.И.Б., т. VI-2, приложения, № 32 – в мае 1387 г.

¹⁰⁶Оно предрешено расследованием, какое в Москве произвели патриаршские послы; там же, стр. 213–214.

¹⁰⁷П.П. Соколов (указ. соч. стр. 546) полагает даже, что Киприан успел получить императорскую грамоту на митрополию до решения патриаршего собора. Основывается он на том, что Киприан подписался в 1387 г. на книге, им переписанной «митрополитом Киевским и всея Руси»; но этот титул

выражал притязания Киприана, но нигде не употреблен в грамотах. Грамота об отпуске Киприана – от 29 мая 1387 г.; Пимен вернулся в Москву в июле 1388 г.; «суд, вследствие некоторых обстоятельств того времени, – читаем в соборном определении 1389 года, – замедлился до собрания канонического собора по распоряжению патриарха, и в этот перерыв состоялось примирение Федора с Пименом».

¹⁰⁸П.С.РЛ., т. VIII, стр. 52.

¹⁰⁹Е.Е. Голубинский (указ. соч., стр. 304–305) различает два повествования о деле Висленя – Никоновской летописи (П.С.РЛ., т. XI, стр. 124–126) и найденное в отдельном списке (Карамзин, т. V, примечание 232); последнее, в несколько сокращенной редакции, читается и в Тверской летописи, (П.С.РЛ., т. XV, стр. 445) и в Симеоновской (т. XVIII, стр. 140–141); отражение более пространного (Никоновского) повествования есть в кратком изложении «Русского Временника» (изд. 1820 г. т. 1, стр. 322). Голубинский краткое повествование признал вслед за Карамзиным более авторитетным. Но некоторые фактические отличия его, как напр. представление, что дело было покончено в один приезд в Тверь, надо признать плодом такого же сокращения, какое получилось и в «Русском Временнике». Никоновская летопись сохранила полнее общий первоисточник. В колебаниях Арсения вижу основание допустить, что у в. к. Михаила был свой кандидат, когда он «нача просити инога» епископа у митрополита.

¹¹⁰Р.И.Б., т. VI-3, № 40. О поминании царей см. М.А. Дьяконова, «Власть московских государей», стр. 24; в том же труде – о взаимоотношениях Руси и власти византийских императоров. П.П. Соколов правильно приписывает те явления, против которых протестует грамота патр. Антония, – Дмитрию Донскому (указ. соч., стр. 572–573), но его толкование слов: «церковь имеем, но царя не имеем» – лишает смысла и эту фразу, и всю патриаршую грамоту (стр. 571).

¹¹¹Р.И.Б., т. VI-2, приложения № 34, 41 и 42.

¹¹²Там же, № 41 и 42. Митр. Киприан и в. к. Василий утверждали перед патриархом, что Дионисий держал Нижний и Городец «от лица кир Алексея, как экзарха», тогда как Дионисий утверждал, домогаясь патриаршей грамоты, что эти города «принадлежат к его епархии и подвластны суздальскому князю и лежат вблизи его церкви»; политический мотив – приспособления границ епархии к пределам Нижегородского великого княжества – играл во всем этом деле большую роль, и политическим приемом были меры митр. Алексея, а в данный момент в. к. Василия. Киприан был заинтересован в ослаблении суздальской архиепископии, где сказалась оппозиция против него: известно, что Евфимий, игумен Спасского Суздальского монастыря, не хотел признавать Киприана митрополитом; Евфросин был учеником Дионисия, которого патриаршая грамота называет «калугером» Евфросина. – Е.Е. Голубинский, указ. соч., стр. 320. Только при Киприане впервые появляется ссылка на то, что Нижний и Городец подчинены Суздальскому архиепископу только «на правах экзарха», и едва ли митрополит с великим князем смогли это доказать.

¹¹³Е.Е. Голубинский, Ист. Рус. Церкви, т. II, ч. 1, стр. 306–313; Никитский, Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде, стр. 101–105.

¹¹⁴П.С.РЛ., т. IV, стр. 91 (под 1384 г. – «той же зимы»), стр. 92 («той зимы в великий пост» – под 1385 г.) Сопоставление этих несколько разно отредактированных известий позволяет признать, что участие бояр и житейских людей предположено и для церковного суда. Так понимает и Голубинский (стр. 306); толкование Никитского: новгородцы положили, чтобы не только не ходить по церковным делам на расправу к митрополиту в Москву, но даже не давать ему месячного суда и в самом Новгороде, а чтобы все церковные дела ведал на основании ному канона окончательно сам новгородский

владыка» (стр. 111). Патриаршая грамота (Р.И.Б., т. VI-2, прил., стр. 255–256) так передает речи новгородских послов: «не хотим судиться у митрополита, ни того, чтобы, когда он позовет на суд вашего епископа, он шел, или чтобы митрополит приходил в Великий Новгород и судил один месяц, или кто-нибудь приносил ему жалобу, и митрополит присылал бы для суда своего человека».

¹¹⁵Весной того же года новгородцы отказали в месячном суде митр. Пимену (П.С.РЛ., т. V, стр. 239), а затем не приняли патриаршей грамоты, убеждавшей их не нарушать канонов (Р.И.Б., там же, стр. 237–238; П.С.РЛ., т. V, стр. 244; т. VIII, стр. 60–61); эту грамоту привезли на Русь греческие митрополиты, прибывшие с Киприаном в 1390 г. В 1391 г. Киприан ездил в Новгород, был принят «в честь», но на требование месячного суда получил ответ: «целовали есмя крест с одного, а грамоты пописали и попечатали, и душу запечатали» (П.С.РЛ., т. IV, стр. 245). Тогда митрополит наложил на Новгород отлучение, которого, однако, не признали ни новгородцы, ни архиеп. Иоанн (Р.И.Б., там же, стр. 239–242). Обе стороны обратились к патриарху (там же, стр. 264 и П.С.РЛ., т. IV, стр. 99; любопытно, что при этом новгородские послы задолжали в Константинополе, а уплачивают долг – митрополичью боярину Дмитроку, тому самому Дмитрию Афинянину или Афинеевичу, который ездил судиться с ними к патриарху – там же, стр. 100), но ответ был тот же: «повинуйтеса митрополиту русскому»; на новгородцев не подействовали и две новые увещательные грамоты патриарха (Р.И.Б., т. VI-2, прил., № 37 и 38); по второй грамоте (осень 1393 г.) патр. Антоний упоминает о военных действиях в к. Василия против Новгорода, которые вызваны его «делами и счетами» с новгородцами, и указывает на примирение с митр. Киприаном, как на условие его посредничества перед великим князем.

¹¹⁶Там же, стр. 255–258.

¹¹⁷П.С.РЛ., т. IV, стр. 100; С.Г.Г. и Д., т. II, № 13: митрополит отбирает у новгородцев крестоцеловальную грамоту и дает им за их «обращение» свое прощение и благословение, а в к. Василий дает им «мир по древнему». Мир состоялся в Филипово говение 1393 года.

¹¹⁸Новг. I, стр. 380, 381, 391. Своеобразие сложившихся отношений заставило составителя Никоновской летописи написать, что в 1395 г. новгородцы дали митр. Киприану «суд по старине» (П.С.РЛ., т. XI, стр. 157); но Новг. I сообщает: «суда ему не даша», хотя Киприан приехал с патриаршим послом, архиеп. Михаилом, который привез от патр. Антония грамоты (Р.И.Б., т. VI-2, № 37 и 38) и должен был, согласно инструкции (там же, № 42), изъяснить дело устно перед епископом, начальниками и народом, а затем представить и грамоты для всенародного прочтения. Псковская I летопись подтверждает, что в этот приезд Киприан «на владыку и на весь Новгород нелюбие держа» (П.С.РЛ., т. IV, стр. 194); Архангелогородский летописец, сообщая о «поимании» еп. Иоанна митрополитом «по великого князя слову» в 1401 г. и заключении его «за сторожи» в Чудовском монастыре, поясняет: «за месячный суд, что не дали» (изд. 1819 г., стр. 121).

¹¹⁹Три года и четыре месяца пробыл епископ в Москве с 1401 по 1404 г. – Новг. I, стр. 391 и 393. Никоновская летопись дает рядом два разных и несогласованных известия под 1401 г.: 1) что еп. Иоанн «пребысть у Киприана митрополита в наказании и смирении» и 2) что на епископском соборе еп. Иоанн (как и луцкий еп. Савва) «отписася своей митрополии», и оба удержаны митрополитом в Москве; дальнейшее сообщение той же летописи – под 1404 г. – о том, как Киприан отпустил арх. Иоанна, отсидевшего в монастырском заточении три с половиной года, показывает, что не может быть речи об отречении Иоанна от кафедры, а только о запрещении ему святительства в связи с его «поиманием» – П.С.РЛ., т. XI, стр. 185 и 190.

¹²⁰Новг. I, стр. 380 и 384.

¹²¹Р.И.Б., т. VI-2, прил., № 44 и 45. Видно из патриарших грамот, что речь шла о церковной соборе в пределах Западной Руси для соединения церковей, как местного, русского церковного дела. Патриарх отвечает, что это дело «требуется собора вселенского, а не поместного» и что «Россия неудобное место для вселенского собора», а путь для настоящей постановки дела о соединении указывает в выступлении Ягайла с венгерским королем за имя Христово «на сокрушение нечестивых, стремящихся поглотить всю вселенную».

¹²²Там же, № 46.

¹²³М.Д. Приселков в ценной работе «Ханские ярлыки русским митрополитам» высказал уверенность, что ряд данных («летописные упоминания, жития митрополитов, наконец, уставная грамота в. к. Василия Дмитриевича и митр. Киприана, в основе которой лежит, как это ясно видно из текста, уставная грамота митр. Алексея») «не оставляет сомнения в том, что за все время золотоордынского владычества шла борьба светской и духовной власти на Руси, и уставная грамота в. кн. Василия и митр. Киприана вводит нас с совершенною ясностью и в результаты этого состязания за власть над церковным имуществом и в основные пункты спора» (стр. 35). М.Д. Приселков находит два указания на столкновения между духовной и светской властями во времена в. к. Симеона: 1) летописную запись под 1342 г. о том, как митр. Феогност ходил в Орду «о причте церковнем», причем «неции русстии человеци» донесли хану, что митрополит имеет крупные доходы и должен бы давать в Орду «полетные дани», но митрополит откупился от ханских требований, раздав значительную сумму хану и его близким; М.Д. Приселков видит в этих «нециих» русских князей, но по общему положению сбора и уплаты «выхода» речь могла бы быть разве о привлечении митрополии к участию в дани со стороны великого князя, а увеличение суммы «выхода» особой данью с церковных доходов не послужило бы выгоде его (П.С.РЛ., т. X, стр. 215; т. VII, стр. 209) и 2) так наз. ярлык ханши Тайдулы митр. Иоанну, в котором М.Д. Приселков видит грамоту, обращенную к в. к. Семену и всем русским князьям против нарушения прав церковного, именно местного суда; понимание М.Д. Приселковым Тайдулина ярлыка дает наилучшее объяснение этого текста.

¹²⁴А.А.Э., т. 1, № 9 – «Се яз, князь великий (Василий Дмитриевич), сел о своим отцем (Киприаном), митрополитом Киевским и всея Руси, управили есмь (есмы?)...» Отнести ее надо к 1392 г., но ее дате 28 июня, в лето 6900, несмотря на ошибочное указание индикта, 12-го, который относится к 1389 или 1404 году; только по окончательном водворении на митрополию, войдя в детали управления, мог Киприан наладить восстановление своих прав и владений, потерявших за время церковной смуты, да Киприана и не было в Москве в 1389 г.; 1404 г. мало вероятен, как слишком поздний; ср. Е.Е. Голубинского, указ. соч., стр. 326.

¹²⁵Не разделяю уверенности М.Д. Приселкова в том, что уставная грамота Киприана составлена на основе такой же грамоты митр. Алексея; ссылки на порядки, какие были при Феогносте и Алексее, еще не доказывают существования соответственных «уставных» грамот; наша грамота перечисляет вопросы, ставшие спорными и требовавшие определения; самый порядок статей – от частных вопросов об отдельных волостях к более общим – о суде, повинностях и службе митрополичьих людей говорит, скорее, об отсутствии сложившегося формуляра подобных грамот. Исключительное положение и значение митр. Алексея делало, по всей вероятности, спорным вопрос о праве его преемников на все, что было признано за ним.

¹²⁶Р.И.Б., т. VI-2, стр. 329–330; А.З.Р., т. 1, № 25, стр. 36. Возможно, что такой

исход дела был подготовлен еще Киприаном, если принять предположение Е.Е. Голубинского (указ. соч., стр. 409), что обязательство новопоставляемых епископов: «не хотети ми приимати инога митрополита, разве кого поставят из Царьграда, как есмы то изначала прияли», которое читаем в чине избрания и поставления в епископы времен Фотия (Р.И.Б., там же, № 52, стр. 454) установлено еще Киприаном.

¹²⁷«Мы, – пишет Витовт в грамоте 1415 года, – не хотели были того принять Фотиа митрополита, и он нялся паки зде, у нас быти, церковь строити, и приняли были есмо его на митрополью киевскую» (А.З.Р., т. 1, № 25). В Москву Фотий прибыл только на Пасху 1410 г. (П.С.Р.Л., т. XV, стр. 485).

¹²⁸Захват под разными предлогами церковных имуществ и ценностей, а также умаление тех или иных прав на доходы церковной кафедры во время ее вакантности и отсутствия митрополита – явление обычное; пользовались обстоятельствами и князья, и бояре, и церковные люди, светские и духовные. В.Н. Бенешевич издал в труде «Синагога в 50 титулов» (стр. 168–169) записки о расхищенном митрополичьем имуществе, которое пришлось разыскивать митр. Феогносту (после смерти литовского митрополита Феофана – см. ст. М.Д. Приселкова и М.Р. Фасмера об «Отрывках В.Н. Бенешевича» в «Известиях отделения рус. языка и словесности» Акад. Наук, 1916 г., кн. 1. Едва ли Фотий нуждается в той защите, какую дает ему Е.Е. Голубинский (указ. соч., стр. 371), пытаясь заменить содержание «клевет» на него его врагов, какое сообщают источники, другим (стр. 372); раздражение Витовта, духовенства, князей и бояр вызвано не только крутой требовательностью Фотия (не даром летопись дает ему редкий по отношению к митрополиту эпитет «мужественного»), но и тем, прежде всего, что доходы и церковные ценности уходят, как и при прежних митрополитах, в чужую страну, в далекую резиденцию митрополита. Фотий приезжал в Литву в 1411 году на целый год (П.С.Р.Л., т. VII, стр. 55). – П.С.Р.Л., т. XI, стр. 223; Р.И.Б., т. VI-2, № 38 («точию приходы церковные собирая и живяше инде и старая устроения и честь киевския церкви на ино место полагаше»); А.З.Р., т. I, № 25. По рассказу Никоновской летописи (т. XI, стр. 224) толчок к обострению отношений дали недовольные Фотием в Москве, бежавшие от него в Литву; возможно, что сведения о раздражении против митрополита в Москве дали Витовту повод поднять заново вопрос об устранении Фотия с киевской митрополии.

¹²⁹П.С.Р.Л., т. XI, стр. 224. Грамота епископов с отречением от Фотия – Р.И.Б., т. VI-2, № 37.

¹³⁰Р.И.Б., т. VI-2, № 38 – соборная грамота западнорусских епископов; № 39 окружное послание Фотия – протест против поставления Цамблака; № 40 грамота патр. Иосифа к Фотию об осуждении Цамблака; № 41 – грамота митр. Фотия во Псков об этом «великом и богоненавидимым церковном мятеже».

¹³¹Данные о «смерти» Цамблака или его добровольном удалении с митрополии и уходе в Молдавию – в труде Д.И. Яцимирского, «Григорий Цамблак», глава IV; Яцимирский доказывает тождество Григория Цамблака с иноком Нямецкого монастыря Гавриилом, но эта гипотеза, для моего изложения безразличная, едва ли достаточно им обоснована.

¹³²«Соединися церковь русская и в первый мир приведена бысть», когда патриарх и царь и весь освященный собор «оправдали» Фотию его митрополию – «всю русийскую землю» – Р.И.Б., т. VI-2, № 49; окружное послание Фотия Литовской Руси. – Доп. к А. И., т. I, № 183. – П.С.Р.Л., т. XVII, стр. 58–59. Соединение было полным, так как еще до истории с Цамблаком и Галич под общей митрополичьей властью (т. XVII, стр. 55).

¹³³«Таже погом и стяжания митрополии своя церковная и доходы Фотей

митрополит начат обновляти и что где изгибло начят изыскати, или от князей и бояр, что изобижено или от иных неких лихоимцев, что восхищево, села и волости и доходы и пошлыны Христова дому и пречистыа Богородици и святых великих чудотворцев Петра и Алексея; он же вся сиа от них взимаше и утвержаше крепко в дому Христове и пречистыа Богородици и святых чудотворцев Петра и Алексея во священной митрополюи всяя Руси и доходы, и пошлыны, и земли, и воды, и села, и волости», П.С.Р.Л., т. XI, стр. 213.

¹⁴⁴Два послания Фотия в. к. Василию Дмитриевичу – Р.И.Б., т. VI-2, № 35 (I и II). В первом – поучение о «непременности» установленного для церкви вселенскими соборами, православными царями и предками в. к. Василия, о высоте священнического сана, «окормлению, поддержанию» которого Дмитрий Донской обязан победой над «агарянами»; созная это в. к. Дмитрий «монастырские вся пошлыны и церковные, яко зеницу ока, всегда соблюдаше», и сын его обязан, памятуя, что Церковь породила его крещением и воспитала и поставила «оком всей Руси») «назирать» и «смотреть» как о себе самом, «како себе добре устроити житее», так и о всех «сущих под собою», а особливо «всяку неправду и хищение и лукавство и лихоимство возненавидети»; а потому великий князь должен утвердить «благочестивым списанием» все принадлежащее Церкви, утвердить и устроить «все пошлыны». Второе послание поясняет, что благочестивые цари Византии считали долгом охранять церковное достояние, а великий князь, поступая иначе, не должен сетовать на митрополичье поучение, ибо он «апостольское вещает». Князь великий, хоть он и «о Богом царствует», должен помнить, что он только человек, и если он унижил Церковь, «насильствуя, взимая неподобающая», то себе самому он этим не поможет, а должен обратиться к Церкви и к отцу своему митрополиту с покаянной речью: «согреших, прости мя, и имаше, о отче, во всем благопослушна и покорена мене» и с обещанием «исполнить и исправить» все церковные пошлыны, нарушенные и расхищенные, хотя были издавна утверждены прародителями.

¹⁴⁵В 1416 году к митр. Фотию обратились псковичи с заявлением, что последняя их «уставная грамота», скрепленная крестным целованием при князе Константине Дмитриевиче, противоречит грамоте митрополита («коли есте доспевали, то целование княже Константиново Дмитриевича, а через мое писание»), которую псковское посольство и представило тут же Фотию вместе с уставной, и потому подлежит отмене; в ответной грамоте Фотий наставляет псковичей, что не годилось им делать постановления (очевидно, о деле церковном), не известив сперва митрополита, но что крестное целование изменять большой грех, подлежащий епитимье, и разрешает «порушити ту новину», если от нее «будет нужда христианом», однако под условием, что псковичи сами себе помогут «и милостынею, и постом, и молитвою» – Р.И.Б., т. VI-2, № 44. Уставная грамота князя Константина Дмитриевича (во Пскове в 1407–1414 гг.) упоминается в «Псковской Судной Грамоте», как один из источников и, очевидно, содержит постановления относительно церковного суда и подсудности духовенства, противоречившие каноническим наставлениям Фотия. Возможно, что речь идет о той самой грамоте, которая упомянута в Судной Грамоте, т. е. что подлежала отмене грамота не целиком, а в некоторых статьях.

¹⁴⁶С.Г.Г. и Д., т. I, № 39. Едва ли можно тут видеть с Экземплярским (указ. соч., т. II, стр. 135, прим. 388) ссылку на духовную грамоту Донского (С.Г.Г. и Д., т. I, № 34) и выполнение того наделения, которого почему-то не выполнила мать – великая княгиня. Тошня – на р. Тошне близ Вологды – по духовной в. к. Дмитрия назначена была первоначально Петру Дмитриевичу вместе с Сямою, волостью близ озера Кубенского, в придачу к Угличу – из

«великого княжения». Устюжна не упоминается в духовной в. к. Дмитрия, но и это не московская, а великокняжеская волость. Это наделение князя Петра – дополнительное к его Дмитровскому уделу, который духовной в. к. Дмитрия оторван от прежней связи с Галичем и рассматривается уже как часть московской вотчины. Константин родился 16 мая 1389 года, а 19 мая скончался в. к. Дмитрий (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 52 и 56). Ссылка духовной в. к. Василия показывает, что Дмитрий успел дать ряд о наделении младшего сына в грамоте, дополнительной к его духовной; эта дополнительная грамотка не сохранилась, как потерявшая силу в последовавших переделах, раздорах и договорных соглашениях.

¹³⁷Тошня и Устюжна упомянуты в духовной в. к. Василия, как находившиеся в руках великого князя в момент составления духовной («благословляю»).

¹³⁸Посаждение в. к. Василия совершилось во Владимире 15 августа 1389 года; по-видимому, Владимир «за мало дней» прямо с этого торжества поехал – с сыном Иваном и старейшими боярами в Серпухов и далее в Торжок, близ которого – в Теребенском селе – прожил, пока на Крещение 1390 г. не «умиришася» князья. – П.С.РЛ., т. VIII, стр. 60; т. XV, стр. 444.

¹³⁹П.С.РЛ., т. XI, стр. 121; С.Г.Г. и Д., т. I, № 35 (об этом договоре см. выше, стр. 330, примечание). Ввиду ненадежности владения Ржевой, подвергавшейся литовскому захвату, договор предвидит возможность ее утраты и назначает в возмещение волости Ярополч и Медуши, с тем что князья обязуются «с единого» добиваться возврата Ржевы.

¹⁴⁰С.Г.Г. и Д., т. I, № 38: «что ся есмь был отступил брату своему... Волока с волостьми, Ржевы с волостьми в удел, и брат мой... отступился мне... и яз брату своему... и его детям противу того отступился в удел и в вотчину противу Волока Городця с волостьми... а противу Ржевы... Углича», а в придачу («к тому») – Козельск, Гоголь, Алексин, «куплю Пересветову», Лисин. Уступка Волжского Городца с волостями осложнена тем, что часть их пожалована была ранее в. к. Василием Кашинскому князю Ивану Борисовичу – в это пожалование князь Владимир и его дети не должны вступаться. Эта оговорка договорной грамоты создает некоторое затруднение: грамота утверждена по благословию митр. Киприана, умершего в 1406 году, а летописи только под 1408 г. упоминают об отъезде князя Ивана Борисовича с Кашина к в. к. Василию. Остается допустить, что князь Иван и ранее уже уходил в Москву, напр., вместе с дядей Василием Михайловичем в 1403 и 1405 годах, что сделало бы более понятным умолчание о нем в летописных сообщениях о кашинских делах до 1408 года (см. выше).

¹⁴¹С.Г.Г. и Д., т. I, № 40.

¹⁴²Княжич Иван получает «из великого князя удела» Козельск, Гоголь, Алексин, «куплю Лисин» (вероятно, куплю Пересветову, Лисин); Семен и Ярослав «на полы» Городец на Волге. Относительно Углича, назначенного «на полы» Андрею и Василию, не повторено указание на «удел великого князя», нет и предположения, что он, как Козельск и Городец, может быть «отоман» (в таком случае предусмотрена замена их другими волостями); однако построение грамоты заставляет признать особое положение Углича в ряду владений Серпуховской княжеской семьи. И в расчете дани Городец и Углич на особом положении: дань с них не идет в общую сумму 320 р. серпуховской дани, а с Городца – 160 р. в состав 1500 рублей «новгородского (Новгорода Нижвяго) выхода», с Углича дань также идет в особый счет.

¹⁴³О них – у Экземплярского, т. II, стр. 305–311.

¹⁴⁴Более чем вероятно, что и воинские силы серпуховских князей выступали в поход одним полком, но и это лишь порядок выполнения ратного долга перед князем великим.

¹⁴⁵Это противоречие сказалось в колебаниях терминологии грамот дан-

ного времени, которые так противоречиво употребляют слово «удел». Те владения, какие Владимир Андреевич получил от в. к. Василия, получены им «в удел и в вотчину», но эти же владения он дает своим сыновьям «из удела великого князя»: представление о двух вотчинах – московской и серпуховской, установленное во времена Дмитрия Донского, перекрещивается с представлением о возможности получить «удел» не в порядке раздела наследственных владений, а как надел, получаемый от великого князя из новых приобретений великокняжеской власти. Но такой надел принимает характер великокняжеского «пожалования» и, тем самым, владения прекарного, подвергнутого возможности обмена, возврата, ибо по средневековому представлению о значении «пожалования» им не устранялось вполне правовое (притязательное) отношение дарителя к отчужденному в порядке пожалования владению; обычно князя выговаривали себе право обмена уступленных волостей (С.Г.Г. и Д., т. I, № 41 и 42).

¹⁴⁶Эти их мены и переделы известны нам только по отрывочным указаниям источников. Попытку связно их представить см. у С.М. Соловьева (кн. 1, ст. 1131–1132). Константину составили удел из волостей Тошны и Устожны – по духовной отца из волостей в. к. Василия Васильевича; из уступок в его пользу брата Петра, бездетного и рано умершего – в начале 1428 года – князя Дмитровского удела, который отступился в пользу Константина от Углича и от волостей, полученных от Юрия галицкого (Шачебала и Ликургов) – С.Г.Г. и Д., т. I, № 43; из Звенигородских волостей, какие отдал ему кн. Юрий – там же; Углич затем пошел в обмен на Ржеву князю Владимиру Андреевичу, но по смерти князя Владимира возвращен князю Константину (там же, № 52: «удел дяди нашего княж Константинов Дмитриевича Ржева и Углич»), так как часть «удела» князя Владимира Андреевича – «Углич с волостями, Городец с волостями, Козельск с месты да Гоголь, да Олексин, да купли Пересветовы, да Лисин» не удержались в руках его потомства (там же, № 71).

¹⁴⁷С.Г.Г. и Д., т. I, № 37, 39, 41 и 42.

¹⁴⁸П.С.РЛ., т. V, стр. 261; т. IV, стр. 119 («привести в целование под своего сына князя Василья, и он не хотя быти под своим братаничем»); т. XI, стр. 237. В. к. Василий отнял у брата вотчину и подверг опале его бояр (их «поиманием» и отнятием «сел и животов»). Через год князья помирились, что отразилось на 2-й духовной в. к. Василия.

¹⁴⁹Протест князя Константина – младшего дяди – не мог вытекать из каких-либо претензий на великое княжение. Дело сводилось, надо полагать, к вопросу о семейном положении, вопросу почета, если не допустить солидарности Константина с Юрием. Их отношения довольно необычны, судя по договорной грамоте в. к. Василия Темного с Юрием Дмитриевичем: Юрий уступил Константину часть Звенигородских волостей, но дань с них Константин вносит в казну Юрия; эти отношения сходны с обычными отношениями между великим и удельным князем и могли создать некоторую связь владельческих интересов между князьями-братьями.

¹⁵⁰«Преставися князь великий Василей Дмитриевич и по нем сяде сын его князь великий Василей в споре с дядею своим с князем Юрьем» – П.С.РЛ., т. VII, стр. 225.

¹⁵¹Софийския I и II летописи (П.С.РЛ., т. V, стр. 263 и VI, стр. 143) упоминают о посылке под Нижний на Юрия князя Андрея Дмитриевича, который «брата князя Юрья не дошед да воротился» (Карамзин читал в каких-то летописцах замечание, что князь Андрей вернулся, «норовя» брату – «И.Г.Р.», т. V, прим. 257); другие своды (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 92; т. XVIII, стр. 167; т. XII, стр. 2) дают рассказ, где этот поход приписан князю Константину, а отступление объясняется тем, что Юрий ушел за р. Суру и нельзя было перейти к

нему за реку. Вероятнее замена имени Андрея именем Константина, чем обратно, и устранение в позднейшей редакции мотива «пonorовки».

¹⁵²Летописный рассказ указывает на съезд князей и бояр и обсуждение действий: великий князь «обосла же ся тогда и с братом своим и дедом великим князем литовским Витовтом, и с всеми князи и бояры земли своєю здумаша послати к князю Юрию отца своего Фотия митрополита» о мире (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 92).

¹⁵³В наших источниках нет указаний на обращение к хану в эту пору: но в рассказе о позднейших пререканиях в Орде перед ханом приведены такие аргументы боярина Всеволожского: в. к. Василий дал великое княжение своему сыну по «жалованию вольного царя», и потому ищет своего права по «цареву жалованию» – по «двтерем и ярлыком», причем боярин и представил ярлык («а се твое жалование перед тобою»); если этот рассказ признать точным, то в. к. Василий обеспечил заранее утверждение своей духовной ханским ярлыком. Напомню, что его духовная была и Витовту предьявлена. – П.С.РЛ., т. VIII, стр. 96. Посаждение Василия на стол великого княжения ханским послом произошло только 5 октября 1432 года.

¹⁵⁴П.С.РЛ., т. IV, стр. 203–205; т. V, стр. 25–26 (Псковская летопись поясняет, что в. к. Василий уклонился от вмешательства в защиту Пскова, ибо «бьаше ему тогда брань велика с князем Юрьем, стрьем своим, о великом княжешши, но обаче о всем том небрег, вrechся»); т. VIII, стр. 94; Новг. I, стр. 413.

¹⁵⁵С.Г.Г. и Д., т. I, № 43. В договор внесена и гарантия от покушений Юрия на владения младших его братьев и серпуховских князей. Отказ его от притязаний к великому князю-племяннику полный и потомственный («того ти всего под нами блюсти, а не обидети, ни вступатися, ни под нашими детьми»). В остальном договор обычный, но князь Юрий выговорил себе право все-таки не равняться с малолетним «братом старейшим»: если великий князь сам выступает в поход, князь Юрий только сыновей с ним посылает, а сыновей этих, как и младших дядей, великий князь имеет право посылать в походы, причем Юрий отправляет с ними своих бояр и ратных людей. Договор датирован 11 марта 6936 года.

¹⁵⁶С.Г.Г. и Д., т. I, № 44, с надписью на обороте: «а ею грамоту князю великому прислал (с) складною вместе князь Юрьи к Орде ида».

¹⁵⁷Противоречие того же характера возникло и по поводу духовной в. к. Симеона Ивановича, при осуществлении которой удел старшего сына, князя великого, ушел бы из рук носителя великокняжеской власти. Избежать таких последствий и было целью «ряда» Дмитрия Донского.

¹⁵⁸П.С.РЛ., т. IV, стр. 266: только Псковская первая летопись дает точную дату выезда князей из Орды: «на Рождество Ивана Предтечи» – 24 июня 1432 года; прибыл Василий на Москву на Петров день, 29 июня.

¹⁵⁹Там же: «а княженья не взяху оба». В Воскресенской летописи (т. VIII, стр. 96) текст интерполирован: в отсутствие князя Тегини, покровителя Юрия хан решил дело в пользу в. к. Василия и по возвращении Тегини из Крыма стоял на том же и даже «повеле князю Юрию конь повести» под Василием; но Тегиня воспротивился, и хан «убоявся того сътворити, по Тегинину слову, да придал князю Юрию к его отчине Дмитров с властью всеми, и отпусти царь их на свои отчины, и прииде князь велики на Москву на Петров день, а с ним посол Мансырь-Усан царевич, тот его посадил и на великое княжение, а князь Юрий в Звенигород, а оттоле в Дмитров». Выделенные слова – вставка, ср. П.С.РЛ., т. XVIII, стр. 172, где текст первоначальный, без этих слов. Посаждение Василия ханским послом на великое княжение состоялось только 5 октября 1432 г. (индикта 10 – П.С.РЛ., т. V, стр. 148; Львовская – т. XX, ч. I, стр. 238 «поправляет» на индикта 8, что дало бы 1430 г.). Протест Тегиня касался не только обряда, но всего дела по существу.

¹⁶⁰ «Наместников дмитровских сослал, княжих Юрьевых, а Дмитров за себя взял» – П.С.РЛ., т. VIII, стр. 148.

¹⁶¹ П.С.РЛ., т. XII, стр. 18.

¹⁶² С.Г.Г. и Д., т. I, № 49–50. Вместе с тем князь Юрий выговорил себе особое положение: брат Константин должен его признавать «братом старейшим», а можайские Андреевичи и Василий Ярославич серпуховской – дядей; к великому князю Юрий не обязан являться по зову («и к тебе ми не ездити») и сохраняет право не выступать в походы, а только посылать с великим князем сына, как было и в договоре 1438 г. Князь Юрий получил «в вотчину и в удел» ряд волостей («что ми ся нынеча отступил»), в том числе Бежецкий Верх, с правом поступить по своему усмотрению с теми великокняжескими пожалованиями на села и слободы, какие тут были розданы в. к. Василием или его отцом.

¹⁶³ Князь Андрей Дмитриевич умер в июле 1432 года, разделив свое княжество на Можайский и Верейский уделы между сыновьями Иваном и Михаилом. Их договор с в. к. Василием Васильевичем (С.Г.Г. и Д., т. I, № 46), как «братьи младшей», заключен после смерти князя Константина Дмитриевича (который тут не назван, а последний раз упоминается в исходе 1432 г. – самом начале 1433 г., в связи с отъездом И.Д. Всеволожского – П.С.РЛ., т. XII, стр. 17). Отсутствие имени Константина мешает принять датировку А.В. Экземплярского до октября 1432 г. (т. II, стр. 322). Статья этого договора: «а даст, господине, тебе Бог, великому князю, достати своее вотчины великого княженья, нас ти пожаловати, как еси рекл, из великого княженья по пригожу» – выдвигает, характерную черту всей смуты времен Василия Темного, когда потрясение сложившихся владельческих отношений открывало широкие перспективы «примыслам» путем вынужденных наделов «из великого княженья» в оплату помощи и крестоцеловальной верности, и позволяет отнести договор ко времени коломенского сиденья в. к. Василия (несколько ранее заключен его договор с серпуховским отчиком Василием Ярославичем, где назван и князь Константин, С.Г.Г. и Д., т. I, № 46). Однако к тому же моменту приходится отнести и договор можайских князей с в. к. Юрием Дмитриевичем, где они принимают обязательство сложить целованье к Василию Васильевичу и быть на него за одии с в. к. Юрием, не «канчивать» с ним и не ссылаться помимо Юрия: в этом договоре в. к. Юрий называет своими владениями – вотчину свою Москву, все великое княженье, Звенигород, Галич и Дмитров («что мя Бог пожаловал и царь»), а Коломна, очевидно, отдана Василию. Вероятно, что этот последний договор (С.Г.Г. и Д., т. I, № 47) заключен раньше перехода можайских князей на сторону Василия, т. е. раньше, чем определилось положение дел, сгубившее первое великокняжеское выступление Юрия; оговорка в конце договора: «а сего нам целованья промежи себе не сложити, а правити» свидетельствует о неуверенности, что положение прочно.

¹⁶⁴ «чтобы ныне отчины не потерять, а матка бы не скиталася по чюжей отчине», пояснял Иван Андреевич в. к. Василию, уверяя его: «где ни буду, а семь твой человек» – П.С.РЛ., т. VIII, стр. 98.

¹⁶⁵ Его договор с в. к. Юрием (С.Г.Г. и Д., т. I, № 48) признает вотчиной Юрия и его сыновей Москву и Коломну со всем, что к ним потягло; отступаясь от крестоцелованья и сношений с Василием, рязанский князь обязуется не принимать его в свою вотчину, ни его бояр, которые ему служат. Договор упоминает о рязанской рати, которая ходила на Юрия с в. к. Василием и участвовала в разорении Галича.

¹⁶⁶ П.С.РЛ., т. V, стр. 266; т. XV, стр. 490 (смерть Юрия 4 июня); т. VIII, стр. 98. Духовная Юрия Дмитриевича (С.Г.Г. и Д., т. I, № 51) относится не к 1434 г., а к 1432, пока он владел Дмитровским уделом брата Петра (так у Соловьева, Ист. России, кн. 1, ст. 1058, примечание; ср. Карамзина, И. Г. Р., т. V, стр. 154).

¹⁶⁷ П.С.РЛ., т. V, стр. 266; т. VIII, стр. 98 («седе на великом княженъи на Москве»).

¹⁶⁸ С.Г.Г. и Д., т. I, № 52 и 53 – оба противня договорной грамоты сшиты вместе и скреплены печатями обоих князей; тут же второй их экземпляр (№ 54 и 55), также сшитый и за печатями. Издатели С.Г.Г. и Д. полагали, что первые две грамоты писаны под Нижним, а по водворении в к. Василия в Москве понадобилось «утверждение» договора (примечание на стр. 107). Но и договор 13 июня 1436 года («а писано на Москве месяца Иуниа в 13, в лето 6944, индикта 14) состоит из четырех документов (№ 56 и 57, 58 и 59), сшитых по два противня, каждая пара за печатями. По-видимому, в данном случае каждая из договаривающихся сторон получила по экземпляру своего договора с противнем, так что в этих 8 документах только два договорных акта.

¹⁶⁹ П.С.РЛ., т. VIII, стр. 99; С.Г.Г. и Д., т. I, № 60 («Бежицким Верхом, что ся был есми отступил вашему отцу князю Юрию Дмитриевичю»).

¹⁷⁰ А.А.Э., т. I, № 29. Одна из договаривающихся сторон – в. к. Василий и оба Дмитрия Юрьевича, другая – Василий Юрьевич; эти братья его остаются в том положении, какое определено их «докончальной грамотой» с великим князем, как он их «принял» на место их отца (в грамоте явная описка или ошибка издания: «в отца нашего место», вм. вашего); только в Москве получает Василий долю по духовной Дмитрия Донского, а галицкая вотчина остается за его братьями, как и все, чем их великий князь пожаловал.

¹⁷¹ «стоял под Устюгом 9 недель и город взял, а воеводу великого князя Глеба Оболенского убил, а десятинника владычня Иева Булатова повесил, и много устюжан секл и вешал», П.С.РЛ., т. VIII, стр. 99.

¹⁷² П.С.РЛ., т. VIII, стр. 100 и 121; Архангелогородский летописец дает дату ослепления Василия Темного – 21 мая 1436 г.; изд. 1819 г., стр. 147.

¹⁷³ А. З. Р., т. I, № 50 и 51.

¹⁷⁴ Попытку Е.Е. Голубинского (Ист. Рус. церкви, т. II, ч. 1, стр. 416–418) обосновать мнение, что Герасим был поставлен лишь в митрополиты Литовские нельзя признать убедительной. Свидетельства летописей – псковской и новгородской (П.С.РЛ., т. V, стр. 27 и т. III, стр. 238) – и жития новгородского архиепископа Евфимия («Памятники Старинной Русской Литературы», вып. IV) не опровергаются соображениями Голубинского при многозначительном молчании московских источников. Ср. осторожную заметку Никоновской летописи (П.С.РЛ., т. XI, стр. 20): «в Новгороде во Великом нареченный владыка Еуфимий иде ставитися к митрополиту Герасиму в Смоленск месяца Маиа в 26 день; тогда бо по преставлении Фотей, митрополита Киевского и всея Руси, не бысть на Москве митрополита». 26 мая день поставления Герасима, а выехал он из Новгорода, когда там находился в. к. Василий (Новг. I, стр. 415). Попытку Е.Е. Голубинского (Ист. Рус. церкви, т. II, ч. 1, стр. 416–418) обосновать мнение, что Герасим был поставлен лишь в митрополиты Литовские нельзя признать убедительной. Свидетельства летописей – псковской и новгородской (П.С.РЛ., т. V, стр. 27 и т. III, стр. 238) – и жития новгородского архиепископа Евфимия («Памятники Старинной Русской Литературы», вып. IV) не опровергаются соображениями Голубинского при многозначительном молчании московских источников. Ср. осторожную заметку Никоновской летописи (П.С.РЛ., т. XI, стр. 20): «в Новгороде во Великом нареченный владыка Еуфимий иде ставитися к митрополиту Герасиму в Смоленск месяца Маиа в 26 день; тогда бо по преставлении Фотей, митрополита Киевского и всея Руси, не бысть на Москве митрополита». 26 мая день поставления Герасима, а выехал он из Новгорода, когда там находился в. к. Василий (Новг. I, стр. 415).

¹⁷⁵ Утверждение жития св. Ионы («Пам. Ст. Р. Лит.», в. IV, стр. 29), что он

«древле наречен бысть в митрополию Рускую и благословение патриаршии преж принесено ему о семь, еще живу сущу митрополитскому архиепископу» (т. е. Фотию), справедливо отвергнуто Голубинским (указ. соч., стр. 414); не подтверждается оно и духовной Ионы («Библиограф. Летопись», III). Но не лучше обстоит дело с заявлением грамоты в. к. Василия к имп. Константину Палеологу (не посланной) об избрании Ионы по смерти Фотия «от того же тогдашнего времени» по соглашению с «литовския земли господарем» (Р.И.Б., т. VI-2, № 71). Единственным определенным указанием, что Иона в 1433 г. был наречен в митрополиты, служит его грамота в Нижегородский Печерский монастырь от 11 марта 6941 года («благословение Ионы епископа, нареченного в святейшую митрополию русскую»...там же, № 61). Летописные своды об этом не упоминают, а говорят лишь о поездке Ионы в Царьград, и то мимоходом, не в ряду своих известий (П.С.Р.Л., т. VI, стр. 162; т. VIII, стр. 122 и 149), поездке, которая состоялась после трагической гибели Герасима (сожжен Свидригайлом в июне 1435 года); об этой поездке в грамотах в. к. Василия к патр. Митрофану (Р.И.Б., т. VI-2, № 62, стр. 529) и к имп. Константину (там же, № 71, стр. 578–579). Иона прибыл уже после представления на русскую митрополию Исидора, точная дата которого неизвестна (в Москву Исидор прибыл 2 апреля 1437 года); в. к. Василий упоминает в грамоте к императору, что Ионе обещана была митрополия после Исидора, но не ссылается ни на какое более раннее патриаршее благословение.

¹⁷⁶Герасим, по словам Псковской II летописи, «на Москву того ради не поеха, князи великий заратишася между собою»: возобновление усобицы князей Юрия и Василия учтено как розмирье в. к. Василия с Свидригайлом.

¹⁷⁷Самостоятельность внешних отношений Великого Новгорода в эту пору характеризуется его договором с в. к. Свидригайлом литовским (С.Г.Г. и Д., т. I и в издании А.А. Шахматова № 19). В 1436 году новгородцы вступают в договор с Сигизмундом Кейстутьевичем – Новг. I, стр. 417; в 40-х гг. XV в. с Казимиром – А.З.Р., т. I, № 39.

¹⁷⁸Новг. I, стр. 415–417. Грамота на черный бор, данная великокняжескому боярину князю Юрию Патрикеевичу «от всего Великого Новгорода на вече на Ярославле дворе» – у Карамзина, т. V, прим. 283.

¹⁷⁹Новг. I, стр. 420; т. V, стр. 29–30; т. XV, стр. 491. С.М. Соловьев («Ист. России», кн. 1, ст. 1087) отнес к этому моменту договор в. к. Василия с Новгородом – А. И., т. I, № 258, который в издании помечен 1434 г. Датировка Соловьева отвечает содержанию договора, так как условия 1434 г. в нем не отразились. Но нет основания искать причину новгородского розмирья в новом столкновении великого князя с Шемякой, как делает Соловьев, поправляя для этого, предположительно, летописную хронологию.

¹⁸⁰Новг. I, стр. 421; ответ новгородцев: «хощь, княже, и ты к нам поеди, а не въсхощь, ино как тебе любо» (Никоновская явно переделала тот же текст на «а мы тебе ради» – П.С.Р.Л., т. XII, стр. 42). Соловьев (там же) отнес к этому моменту договор в. к. Василия с Дмитриями Шемякой и Красным (С.Г.Г. и Д., т. I, № 60), опираясь на слова договорной грамоты: «так же и нынеча што будете взяли на Москве нынешним приходом у меня и у моей матери... и што будет у вас и вам то отдати» (см. Соловьева, там же, стр. 1061), но слова эти относятся ко взятому «на Москве», когда Юрьевичи ее с отцом занимали (ср. то же условие в грамотах № 58–59); к тому же, нет повода предполагать участие в действиях Шемяки Дмитрия Красного, которого, по летописям, в ту пору уже не было в живых (умер 22 сентября 1441 года).

¹⁸¹П.С.Р.Л., т. VIII, стр. 107, 111.

¹⁸²Там же, стр. 111; т. XII, стр. 61–62.

¹⁸³П.С.Р.Л., т. XII, стр. 63, 65; т. VIII, стр. 112.

¹⁸⁴ Там же, стр. 112–113.

¹⁸⁵ Там же, стр. 114 («что дати ему с себе окуп, сколико может»); т. XII, стр. 66 (тоже); т. V, стр. 268; т. XV, стр. 492 (приехали с великим князем татараы «дани имати великая», великому князю «с себе окуп давати татаром»); Новг. I, стр. 427.

¹⁸⁶ П.С.РЛ., т. VIII, стр. 115; т. IV, стр. 125.

¹⁸⁷ П.С.РЛ., т. VIII, стр. 120.

¹⁸⁸ С.Г.Г. и Д., т. I, № 115.

¹⁸⁹ П.С.РЛ., т. VIII, стр. 113–117. Есть неразрешимое затруднение в хронологии этих событий. Летописные своды излагают их то под 6953, то под 6954 г.; но такие даты, как «июля 6, во вторник» для прихода в к. Василия к Суздали; 7 июля в среду для его пленения и т. д. (т. VIII, стр. 112–113) определенно устанавливают 1445 год, а февраля 12, в субботу, 1446 г. Москва взята Шемякой, 14 февраля на мясопустной неделе плененный великий князь привезен на Москву (там же, стр. 115–117). Однако как согласовать с этим дату договора между в. к. Василием и князем можайским Иваном – 17 июля 1445 года? Соловьев («Ист. России», кн. 1, ст. 1066) решил, что договорная грамота написана в плену и за брата Ивана «действовал» Михаил Андреевич. Однако крайне трудно допустить, чтобы через десять дней после пленения князя в плену занялись таким договором и притом в отсутствие главного лица. Я предпочел бы поправку с «июля» на «июня».

¹⁹⁰ П.С.РЛ., т. XXIII, стр. 151. Более ранний договор С.Г.Г. и Д., т. I, № 61 обеспечивал Ивану и Михаилу Андреевичам сверх их отцовского благословенья – Можайска (с отъезжими местами Рощей и Калугой) и Белоозера и гарантии, что можайско-верейская вотчина останется за отчичем, если другого «Бог отоймет», – великокняжеское «пожалование»: Ивану Козельск с волостями и волости Серенск, Людимеск, Коропки, Вырку, куплю Пересветову, Алексин, Лисин, Свиблово (т. е. в основе владений, которые ранее предоставлены были «из удела великого князя» серпуховскому князю Владимиру Андреевичу и которыми он благословлял своего старшего сына – там же, № 40), а Михаилу – только сложение на год «выхода» с его вотчины.

¹⁹¹ С.Г.Г. и Д., т. I, № 62.

¹⁹² С.Г.Г. и Д., т. I, № 62. Время заключения этого договора вызывает сомнение в силу оговорки, что захваченному людьми князей Юрьевичей в великом княжестве «дertzь по та места, како же дасть ти (Дмитрию Шемяке) Бог, велит достати свое отчины великого княженья», тем более что Шемяка не титулуется «князем великим» (а только «господин наш князь») и титул этот сохранен за Василием Васильевичем. Но на печати надпись: «печать великого князя Дмитрия Юрьевича», и на обороте грамоты: «грамота докончальная великого князя Дмитрия Юрьевича с братьею со князем Васильем да со князем Федором Юрьевичи». Карамзин поясняет, что «сия грамота была писана еще прежде, нежели Шемяка овладел всем Московским княжением» («И.Г.Р.», т. V, прим. 337); оговорка о сроке «дertzи», действительно, указывает на продолжение борьбы. С.М. Соловьев («Ист. России», кн. 1, ст. 1073) полагал, что договор заключен, «когда Шемяка снова лишился Москвы», но в тексте грамоты нет указания, чтобы Шемяка не владел Москвой в момент ее писания, хотя общий строй ее и заставляет отнести ее, скорее, ко времени возобновления борьбы Шемяки с в. к. Василием – Суздальские Юрьевичи, внуки Кирдяпы, едва ли «княжили в Суздале, неизвестно в каких отношениях к Московским князьям», как предполагал С.М. Соловьев. Родословные считают их отца, князя Юрия Васильевича, первым князем Шуйским (Экземплярский, т. II, стр. 438). Реставрация их «отчины» предполагалась радикальная – с уничтожением всего княжеского и боярского землевладения, какое великокняжеское служилые князья и бояре приобрели куплей у суз-

дальских князей, у бояр и монастырей в суздальских, нижегородских и городецких волостях или какое им «подавал в куплю» великий князь, давая им «грамоты купленья»: «ино те вос купи не в куплю, пишут в грамоте Суздальские отчичи, а те все волости и села нам по старине и нашим бояром».

¹⁹³Новг. I, стр. 425 и 427. Ко времени после 1445 г. надо отнести его договор о мире с Новгородом – С.Г.Г. и Д., т. I и в издании А. А. Шахматова, № 18.

¹⁹⁴В. к литовский Казимир дал, по словам наших летописей, князю Василию в вотчину Брянск, Гомель, Стародуб и Мстиславль и «иные, многия места» – П.С.РЛ., т. VIII, стр. 117.

¹⁹⁵Шемяка сам отправился для этого в Углич с епископами, архимандритами и игуменами, «каяся и прощаяся» – П.С.РЛ., т. VIII, стр. 119; т. XXIII, стр. 153. Эта демонстрация со стороны духовенства должна была не мало содействовать подъему настроения в пользу в. к. Василия.

¹⁹⁶П.С.РЛ., т. V, стр. 269; Воскресенская и Никоновская летописи (т. VIII, стр. 119; т. XII, стр. 71) выпускают строки об «укреплении» и о поступке Кирилобелозерского игумена.

¹⁹⁷П.С.РЛ., т. VIII, стр. 117–121 («крест на том целовал и грамоты проклятые на себе дал»).

¹⁹⁸Послание к князю Дмитрию Юрьевичу от всего освященного собора – А.И., т. I, № 40. Весьма характерно, что это послание, повторяя доводы в. к. Василия, утверждает, что «татарове во христианстве живут» из-за «неуправления» великого князя с кн. Димитрием; и освященный собор берет на себя даже поруку, что «которого часу» князь Дмитрий «управится во всем чисто, по крестному целованью», «того же часа князь великий татар из земли вон отошлет». Шемяка отказался вносить свою долю в «татарские просторы», утверждая, что хан Золотой Орды не царь для Руси. Послание датировано 29 декабря 6956–1447 года.

¹⁹⁹А.И., т. I, № 43. Окружное послание это показывает, как много было замешанных в дела Шемяки и сочувствовавших ему; митр. Иона призывает всех их бить челом великому князю «о жаловании, как ему Бог положит на сердце», и угрожает неблагословением своим и всего священства, если не добьют челом в. к. Василию, «а затем кровь христианская прольется».

²⁰⁰С.Г.Г. и Д., т. I, № 67. Справедливо замечание А.В. Экземплярского, что издатели датировали эту «запись» 1448 г. слишком поздно (указ. соч., ч. II, стр. 324, прим. 876). Князья Дмитрий и Иван целуют крест к своей братье младшей на том, что им «бити челом» в. к. Василию о том, что ему их, как «свою братью младшую» пожаловать их же вотчинами, кроме Звенигорода и Вятки, которые отходят от Дмитрия, как отступается он и от Углича, Ржевы, Бежицкой волости и всего, что получил от в. к. Василия «в удел и в вотчину»; князь Иван также отступается от Козельска, Алексина, Лисина. Князья обязуются содержание этой записи «писати и в докончальную грамоту» и не «сложить» этого обязательства, пока не состоится их «докончанье по сей грамоте» с в. к. Василием. Эта запись о «перемирии» на время переговоров, которые поведут их бояре, а сами князья отказываются ехать к великому князю, пока на Москве не будет митрополита. А.В. Экземплярский указал, что эта запись – ранее послание духовенства к Шемяке от 29 декабря 1447 года, так как там князь Иван уже в докончаньи с в. к. Василием. Эта запись должна быть отнесена к попытке соглашения, которая произошла по возвращении в. к. Василия 17 февраля 1447 года из похода на Шемяку и свелась лишь к отпуску из плена в. к. Софьи (П.С.РЛ., т. VIII, стр. 121).

²⁰¹С.Г.Г. и Д., т. I, № 63 – мировая запись, восстановившая отношения князей по прежним докончальным грамотам; поручители – в. к. Борис Александрович тверской, его великая княгиня Анастасия Андреевна, сестра Ивана Можайского и князь Михаил верейский и Василий серпуховской: кня-

зья «будут с правым на виноватого», если одна из сторон нарушит эту «утвержденную грамоту». Эта запись за печатью в. к. тверского. Она повторена в грамоте № 68 с небольшим изменением редакции и вставкой: «И яз князь Иван Андреевич целую крест к тебе к своему господину брату старейшему к в. к. Василию Васильевичу и к твоим детям», которая указывает на соотношение грамот: первая дата боярам князя Ивана, на второй он крест целовал, приехав к великому князю; это было в сентябре 1447 года, так как грамота писана «в лето 6956», а непосредственно за ней последовал договор № 66, который писан «на Коломне в лето 6956 месяца сентября»; в этом договоре за князем Иваном укрепляются великокняжеские пожалования «в отчину»: Бежецкий Верх, половина Заозерья Кубенских князей, Лисин. Но договор этот, по-видимому, подвергся вскоре пересмотру (вероятно, в связи со сношениями между Иваном Можайским и Шемякой, о которых упоминает декабрьское послание духовенства), причем из «пожалований» за князем Иваном остался только Лисин – там же, № 69. Первое соглашение (запись № 63) должно было состояться раньше 20 июля 1447 года, так как это дата договора между в. к. Василием и рязанским в. к. Иваном Федоровичем, в котором уже участвует Иван Можайский (там же, № 65) как «брат младший», равный перед в. к. Василием рязанскому великому князю.

²⁰²В первой мировой записи с князьями Михаилом Андреевичем и Василием Ярославичем (С.Г.Г. и Д., т. I, № 67) князь Дмитрий Шемяка и Иван Андреевич уславливались «грамоты докончальные писати с ними великому князю розно, по старым грамотам», но когда дело обернулось на замирение князя Ивана при продолжении розмирья с Шемякой, этот последний стал настаивать перед Иваном Можайским, чтобы он не разделял их докончания с великим князем, а настаивал на одновременном и согласованном «пожаловании» обоих – А.И., т. I, № 40 (стр. 79–80); «и княж Иванов Андреевича посол Елизар Васильев, добавляет послание к Шемяке, возвестил то твое слово великому князю от князя Ивана Андреевича».

²⁰³Тесть князя Ивана князь Ф.Л. Воротынский дал Казимиру поручную запись в том, что Иван Андреевич, став князем великим, выполнит обещание территориальных уступок и вечного союза с признанием себя «братом младшим» Казимиру – А.З.Р., т. I, № 49.

²⁰⁴П.С.РЛ, т. V, стр. 269.

²⁰⁵С.Г.Г. и Д., т. I, № 65.

²⁰⁶Там же, № 64, писана грамота 19 июня 1447–6955 года. Эти наделения и переделы приводили в расчетах к сбору дани к довольно сложным комбинациям. Заозерье, бывшая вотчина Заозерских князей, тянуло данью к Ярославлю; и князь Михаил обязуется, коли «придет посол татарский в Ярославль», давать с Заозерья ярославским князьям «в выход и во все пошлины, в ордынские просторы по старине, как давали заозерские князи ярославским князем». В том же 1447 г., в сентябре, в. к. Василий дал было другую половину Заозерья («из своей половины того же Заозерья», как определяет договор № 64; «половину Заозерья, Кубенских князей – договор № 66) Ивану Можайскому. В июле 1450 года – новый договор с князем Михаилом, вызванный изменением его «пожалования»: вместо Заозерья он получил Вышгород, несколько звенигородских волостей и льготу «на пять лет выхода не дати» с этих волостей, а с отчины князя Михаила «половину выхода на три годы» (там же, № 75). Есть еще договор в. к. Василия с князем Михаилом (там же, № 70), утверждающий за ним только его вотчинные владения; не вижу, на чем основана его датировка в С.Г.Г. и Д. «около 1448 г.»; договор этот, весьма шаблонный и потому не дающий опоры для датировки, должен быть старше договора 19 июля 1447 года, и, м. б., относится еще к 30-м гг. (ср. сходный договор с князем Василием Ярославичем, № 45 «около 1433 г.»).

²⁰⁷ Там же, № 71–72: «удел деда твоего княж Володимеров Андреевича». В. к. Василий, признает, что «не додал» ему «дедины» – Углича, Городца, Козельска и др. волостей и дает ему «противу тех городов и волостей его дедины» Дмитров и Суходол, с тянувшими к ним волостями, «в удел и в вотчину». Договор этот отнесен в С.Г.Г. и Д. ко времени «около 1448 г.»; его можно отнести к 1447, так как он, вероятно, одновременен с договором между в. к. Василием и Михаилом верейским от 19 июня 1447 г.: в договоре предусмотрено возможное примирение Дмитрием Шемякой при наделении его Суходолом и селом Красным, – тогда кн. Василий Ярославич от них «отступится без отмены». Характерна оговорка в договоре: «а чего Бог дает достанем вотчин своих недругов, и в то ти ся, брате, не вступати». Эта двойная грамота (грамота с противнем, вместе сшитыми, за печатями) и №№ 73–74 – экземпляры обеих договаривающихся сторон.

²⁰⁸ П.С.РЛ., т. VI, стр. 178–180; VIII, стр. 122–123, 125.

²⁰⁹ А.А.Э., т. I, № 372; грамота митр. Ионы к архиеп. Евфимию писана 20 сентября 1452 года. Ранее Новгород переговорами отклонил угрозу великокняжеского нелюбья из-за Шемяки, причем состоялась неудачная попытка завязать переговоры с князем Дмитрием: он присылал с новгородскими послами своего боярина Ивана Новосильцева, но «с великою высоостью», отнюдь не с покаянным челобитьем, а с такими речами, «чему ся не можно некоторыми делы свести» – послание митр. Ионы новгородскому архиеп. Евфимию, А. И., т. I, № 63 (датировано в издании 1452–1453 г., но должно быть отнесено ко времени ранее сентября 1452 г., скорее, к 1450–1451 году).

²¹⁰ П.С.РЛ., т. IV, стр. 132 («умре со отравы»); т. VI, стр. 180 («умре напрасно», а в Москву «пригонил с тою вестью подъячей, и бысть отголе дьяк, Василей Беда»), т. VIII, стр. 144 (то же); т. XII, стр. 109 (то же); Архангелогородский летописец (изд. 1819 г.) стр. 160: «даша ему лютого зелья и испусти нужно душу»); т. XXIII, стр. 155.

Глава X. Собрание власти

¹ П.С.РЛ., т. VIII, стр. 144. – Обвинения против князя Ивана в послании митр. Ионы к смоленскому епископу Михаилу – А.И., т. I, № 56; цель послания предупредить при посредстве смоленского епископа возможные «от того князя Ивана и от его людей в вотчине в. к. Василия пакости» и столкновения из-за этого с Литвой, если придется великому князю «по нужи, по следу князя Ивана достати». Князь Иван получил от литовского великого князя в удел Чернигов, Стародуб, Гомель и Любеч. По-видимому, его тут держали на случай претендентом на великорусское княжение. В 1461–62 году, когда подготовлена была попытка освобождения серпуховского князя Василия Ярославича, его сын заключил с князем Иваном Андреевичем в Литве договор о том, что им идти «доставать своей отчины и дедины» врозь, с в. к. Василием не мириться, а если Бог поможет его «согнать» и князь Иван Андреевич «достанет великого княженья», то Иван Васильевич выговаривает отцу и себе определенные владения – в том числе Дмитров и Суздаль – А.А.Э., т. I, № 70.

² С.М. Соловьев («Ист. России» кн. 1, ст. 1080) относит договор Василия Ярославича с в. к. Василием за № 84–85 (С.Г.Г. и Д., т. I) ко времени более раннему, а №№ 78–79 ко времени после бегства Ивана Можайского, ввиду именно передачи по этому договору серпуховскому князю Бежецкого Верха, «как было за князем Иваном Андреевичем»; против этого говорит приписка в конце грамот № 84 и 85 такого условия: 1) «а княгине моей в великом княженьи сел не держати» и 2) «а княгине моей во княже Васильеве»

вотчине брата моего младшего сел не держати»: оба договора относятся ко времени до второго брака князя Василия Ярославича (упоминается его княгиня, кою ему Бог даст княгиню), но эта приписка, сделанная после брака, должна быть на позднейших грамотах, однако обе приписки сделаны иным почерком, чем основной текст, и притом ошибочно, т. е. «княгиня моя» грамоты в. к. Василия – жена не его, а Василия Ярославича (и наоборот). При общем текстуальном тождестве договорных формул приписки могли попасть не на место и в том отношении, что занесены на № 84–85 вместо № 78–78.

¹П.С.РЛ., т. VI, стр. 235 («в заточении»); т. VIII, стр. 214 («в железех»).

⁴См. договор князей Ивана Андреевича и Ивана Васильевича – ААЭ, т. I, № 70.

⁵П. С. Р. Л., т. XXIII, стр. 157: «и повеле князь велики имать их... казнити, бити и мучити и коими волочити по всему граду и по всем торгом, а последи повеле им главы отсеци; множество же народа, видяще сия, от бояр и от купец великих и от священников и от простых людей во мнозе быша ужасе и удивлении... яко николи же таковая ни слышаша, ниже видеша в русских князех бываемо».

⁶С.Г.Г. и Д. т. I, № 80. Князь Иван обязуется выдать в. к. Василию «ярлыки старые на Суждаль, и на Новгород на Нижней, и на Городец, и на все на Новгородское княженье», а новых ярлыков не принимать. Речь идет о старинных ярлыках прежних великих князей Нижегородских, а не «взятых у крымского хана», как полагает Экземплярский (т. I, стр. 179).

⁷П.С.РЛ., т. IV, стр. 213–216. По смерти отца князь Иван Дмитриевич Шемякин приезжал из Новгорода во Псков и принят «с великою честью»? из Пскова он поехал в Литву.

⁸П.С.РЛ., т. VIII, стр. 147–148; т. IV, стр. 147–148; т. VI, стр. 181.

⁹П.С.РЛ., т. VIII, стр. 145–147 («десять тысяч рублев новгородским серебром, oprичь братии и бояр своих»); т. IV, стр. 132 («польдесяты тысящи рублев»); 217 («пол девяти тысящи рублев»); стр. 32 (тоже), стр. 271 («десятью тысячь»).

¹⁰Яжелбицкий договор изложен в двух грамотах. – ААЭ, т. I, № 57 и 58. Первая содержит новгородскую редакцию договора, а вторая то, за что «ялися послове от Великого Новагорода», т. е. требования великого князя, принятия новгородцами. В. к. Василий новгородское челобитье принял «и мир им приконча, пошлины и оброки великому князю по старине»; приводить их ко крестному целованию ездил, по-видимому, в. к. Иван Васильевич (П.С.РЛ., т. IV, стр. 217); впрочем, Никоновская летопись не называет его, а сообщает только, что в. к. Василий «посла бояр своих в Новгород и приведоша весь Новгород к целованию» (т. XII, стр. 111).

¹¹П.С.РЛ., т. IV, стр. 219; т. IV, стр. 127, 148; т. V, стр. 272; т. VI, стр. 182; т. XXIII, стр. 156.

¹²П.С.РЛ., т. IV, стр. 220.

¹³Там же, стр. 221.

¹⁴П.С.РЛ., т. VI, стр. 181; т. VIII, стр. 147; т. XII, стр. 112.

¹⁵Ср. выше, стр. 155–158; С. Г. Г. и Д., т. I, № 76–77.

¹⁶А.З.Р., т. I, № 50. Великие князья заключили в августе 1449 г. «вечное докончанье» о союзе на всякого недруга, особенно о совместной обороне границ от татар; в. к. Василий титулуется «князем великим Московским, и Новгородским, и Ростовским, и Пермским, и иных», получает обещание Казимира не вступаться в Новгород и Псков и во все новгородские и псковские места, не принимать новгородцев и псковичей, если те и сами будут «даваться» королю, но обещает и сам за них не вступаться, если они в чем королю «сгубят»: король сам с ними ведается, только «обослався» с в. к. Василием, как и Казимир обещает не вступаться за них против Москвы; то же

относительно рязанского князя; в к. Василий вводит в сферу своего влияния и «верховских князей», которые, по позднему выражению Ивана III, «служили на обе стороны», вводя в договор условие, что им давать в Литву, что издавна давали, а больше того королю «не примышляти».

¹⁷В 1442 г. – поход бояр князя Василия Оболенского и Андрея Голтяева с двором великого князя по вестям о приходе царевича Мустафы на Рязань; в 1443 великий князь сам выступает в Муром против Улу Махмета (П.С.РЛ, т. VIII, стр. 111); после катастрофы с пленом великого князя, набег казанских татар на Владимир и Муром (недописанное известие – т. VIII, стр. 121; т. XII, стр. 73) – в 1448 г.; в 1449 «скорые татарове» Седи Ахмата отбиты Касимом; тот же царевич с воеводой Беззубцевым идет по вестям о набеге Малымбердея и побивает его на Бетюке; в к. Василий стоял тогда в Коломне; набег Мазовши, Седи Ахметовича, под Москву; великий князь выступил было к Коломне, «не успев собраться», но остановить набега не удалось (т. VIII, стр. 122–124); в 1454 г. воевода Ощера с Коломенской ратью не удержали на Оке набега другого Седи Ахметовича Салтана, и только выступление самого великого князя с большими силами обратило татар в бегство; в следующем году новый набег – рать великого князя гонит татар за Оку; в 1459 г. в к. посылает «к берегу» сына Ивана, и он не «перепустил» татар за Оку (митр. Юна по этому случаю соорудил новую церковь); в 1461 г. в к. Василий с сыновьями стоит во Владимире «за векую нужу належашую тогда от Казани», готовится к наступлению, но дело «кончилось миром – П.С.РЛ, т. VIII, стр. 144, 147, 149; т. VI, стр. 180; т. V, стр. 273.

¹⁸Эта двойственность позволяет сказать, что характерная особенность духовной Василия Темного – отсутствие цельности в ее правовом содержании: перед нами типичный памятник переходного исторического момента.

¹⁹«а по грехом, у которого у моего сына вотчины отойметса, и княгиня моя уймет у своих сынов из их уделов, да тому вотчину исполнить, а дети мои из ее воли не вымутса».

²⁰С.Г.Г. и Д., т. I, № 86 и дополнительная «приписная грамота», № 87; «приказ» Казимиру основан на давней «докончальной грамоте» – А.З.Р., т. I, № 50.

²¹С.Г.Г. и Д., т. I, №№ 76–79.

²²Первый договор – С.Г.Г. и Д., т. I, №№ 90–91; на экземпляре князя Михаила надпись: «а ся грамота докончальная взята у князя у Михаила Андреевича, что была дана ему после живота великого князя Василия Васильевича на Вышегород, ино того дея и взята, а лежала у Филиппа митрополита». Имя Филиппа показывает, что замена произошла после 11 ноября 1464 года – дата поставления Филиппа на митрополию. По его благословению и за его подписью писан второй договор – № 92: «и ты мой брате, говорил в нем великий князь Михаилу про уступку Вышгорода и волостей, тое мое отчины отступилса мне сам со всем, с тем, как ты был пожаловал отец мой князь великий, да и яз князь великий».

²³Третий договор – там же, № 93–94. На № 92 надпись: «докончальная княжа Михайлова, коли отдал Вышгород, ино у него взята, а новая ему дана, что он подо всею братьею великого князя в молодых». А в № 93 про младших братьев в к. Ивана сказано, что им князя Михаила держать «собе братем же молодым». На № 94 надпись: «княжа Михайлова Андреевича последняя, что написан под всею братьею великого князя»; место этой надписи – на обороте грамоты № 93. В грамотах № 91–94 Михаил называет в к. Ивана «господине и брате старейший».

²⁴Надпись на грамоте № 93: «лета девятыдесятого июня 4 ся докончалваа князя Михайлова взята у митрополита у Геронтья» – относится к грамоте № 94.

²⁵С.Г.Г. и Д., т. I, № 113–114; грамоты датированы 4 апреля 6990–1482 года. За князьями Михаилом и Василием укреплена остальная их вотчина – Ве-

рся и Ярославец. Ярославец не упоминался в прежних договорах; по-видимому, Ярославец перешел ко князю Михаилу в связи с его женитьбой на Елене Ярославне, княжне серпуховской (Экземплярский, т. II, стр. 307); не был ли он в ее пожизненном владении? Она умерла раньше мужа, неизвестно, впрочем, когда. Присоединение Белоозера к владениям великого князя напоминает «куплю» Калиты, но единственная упомянутая договором компенсация князю Михаилу за эту «уступку» в обещании в. к. Ивана Михаилу «с тое отчины Белоозера душу его поминатя».

²⁶П.С.РЛ., т. VI, стр. 235; т. XX, ч. I, стр. 350.

²⁷С.Г.Г. и Д., т. I, № 118. О Верее: «и что яз, князь великий, пожаловал тебя своею отчиною Вереею с волостми и с отъезжими месты, что взял есмь в своей вине у твоего сына у князя Василья, и то все тебе, князю Михаилу, держати за собою до своего живота»; при статье о Московской доле и Ярославце упомянуто о том, «что наперед сего дал еси мне великому князю свою отчину Белоозеро», и подведено итог: по смерти Михаила «та вся его вотчина» – великому князю.

²⁸Первый «список» духовной князя Михаила не издан; хранится в Московском Главном Архиве МИДа (Государственного Древнехранилища, отдел 1, рубрика 1, № 28) с надписью: «список с того списка духовные, что был князь Михайло Андреевич прислал со князем с Васильем с Ромодановским, а хотел такову духовную писати, и князь велики тот список велел перечинити». Московская редакция, данная Ромодановскому, там же, за № 29, с надписью: «таков список послан со князем с Васильем с Ромодановским ко князю к Михаилу к Ондреевичю, а ведено по тому духовная писати». Кроме указанных в тексте в Москве не одобрили некоторых других особенностей первого «списка». Так, отброшена при «благословении» Ярославцем оговорка о селах: «опроче тех, которые еси дал по своей души, а которыми пустошми, кого буду пожаловал дал в куплю»; изъяты из текста подробное изложение прижизненных и посмертных распоряжений разным недвижимым и движимым имуществом и перечень долговых обязательств, по которым расчет поручен великому князю, а сохранен только их суммарный перечень с указанием на особые «списки» за подписью княж Михайлова духовника и печатника Ивана. Со списка, посланного с Ромодановским, писана духовная князя Михаила – С.Г.Г. и Д., т. I, № 121; приложение к ней составляют упомянутые специальные «списки», сохранившаяся часть которых издана там же, под № 122, под заголовком: «восемь духовных грамот князя Михаила Андреевича Верейского».

²⁹П.С.РЛ., т. XXIII, стр. 158.

³⁰П.С.РЛ., т. VIII, стр. 180. В духовной Василия Темного: «а княгине своей даю Ростов и со всем, что к нему потягло, и с селы своими до ее живота, а князи ростовские, что ведали при мне, при великом князе, ино по тому и держат и при моей княгине»; об обстоятельствах перехода к великому князю этой половины Ростова нет известий.

³¹С.Г.Г. и Д., т. I, № 96.

³²С.Г.Г. и Д., т. I, № 95; договор сохранился только в виде неутвержденного списка грамоты от имени князя Андрея; возможно, что это только проект не состоявшегося договора.

³³Там же, №№ 97–98, 99–100. На договоре № 98 надпись: «князя великого с князем Борисом первая».

³⁴Например: «тобе подо мною великого княженья не хотети, ни под моим сыном под князем под Иваном, ни под моими детми, кого ми Бог даст также ти под моею братьею молодшею... их уделов блюсти и не обидети» – С.Г.Г. и Д., т. I, № 93.

³⁵Договоры 1473 года: «имети ти мене, великого князя, себе братом ста-

рейшим, а сына моего, великого князя, имети ти себе братом старейшим, а нам, великим князем, имети тебя себе братом младшим, а мене ти, великого князя и моего сына, великого князя, и наше великое княжение держати честно и грозно».

³⁶П.С.РЛ., т. VI, стр. 222.

³⁷Кирило-Белозерский летописец – рукопись Археографической Комиссии, № 251, статья: «О приходе безбожного царя Ахмата на Угру». Разбор летописных сказаний об этих событиях см. в моей статье «Иван III на Угре» – в «Сборнике статей, посвященных С. Ф. Платонову», Спб., 1911 г. В. к. Иван III обвинял брата Андрея Большого в том, что он «думал на в. к. Ивана Васильевича, на брата своего старейшего, с братьею своею, с князем Юрьем и с князем Борисом и с князем Андреем, да к целованию их привел на том, что им на великого князя, брата своего старейшего, стояти с единого» (П.С.РЛ., т. IV, стр. 160; т. XII, стр. 231); пререкания начались еще при жизни Юрия, но активно выступили только братья Андрей Старший и Борис.

³⁸Лучший анализ этих событий в труде Fr. Pappe, «Polska i Litwa», т. I (Краков, 1904); ср. упомянутую статью «Иван III на Угре».

³⁹Кирило-Белозерский летописец передает, по-видимому, какую-то промежуточную стадию княжеских соглашений, когда сообщает, что в. к. Иван «вотчину им подели», дал князю Андрею Большому «Можайск со всеми уезды», Борису – Суходол да села бабки его, Марьи Голтыевой, Андрею Меньшому – Серпухов. Суходола не видим за князем Борисом в договоре 1481 г., ни Серпухова во владении князя Андрея Меньшого по его духовной того же года; а по договорам с в. к. Иваном Андрея Большого и Бориса Серпухов в составе князь Юрьева удела, перешедшего к великому князю.

⁴⁰С.Г.Г. и Д., т. I, №№ 106–109 – договор 1473 г. с Андреем большим; №№ 110–111 – договор 1473 г. с Борисом; противни этих договоров, данные князьям-братьям были вытребованы позднее у них обратно, а почему нет князь Борисова противня, поясняет запись на «первой» его доконченной (№ 98): «а у другово докончанья своего противня сей грамоте князь Борис великому князю не дал, а сказал, что подрана да и сожжена». Там же, №№ 123–126 – договоры 1486 года с теми же князьями.

⁴¹«А орды, брате, ведати и знати нам, великим князем, а тебе орд не знати, а в выход ми давати (столько то), доколе опишемся по духовной грамоте отца нашего, а как опишем свои отчины и тебе мне давати по той описи»; сохранена и оговорка: «а коли мы, велите князи, в орды не дадим, и нам у тебя не взяти», как пережиток прежней формулы о «применении Богом Орды».

⁴²С.Г.Г. и Д., т. I, №№ 112; 132 (духовная русского князя Ивана Борисовича 1504 г.); 151 (духовная волоцкого князя Федора Борисовича, 1513 г.). Цель этих духовных, близких по формуляру, ликвидировать долговые обязательства и обеспечить «помин души», как и читаем, в последней из этих грамот: «чтобы государь мой с моею вотчины душу помянул и долг заплатил». Про рузский удел в. к. Иван III упоминает в своей духовной: «что дал мне братанич мой князь Иван Борисович», и распоряжается им, кроме одного села с деревнями, что дал из рузских волостей князь Иван Борисович брату Федору.

⁴³Сохранилась только духовная князя Бориса от семидесятых годов, когда у него был еще один сын Федор (С.Г.Г. и Д., т. I, № 105). Князь Федор владел Волоком, Иван – Рузой, а сверх того за ними Ржева «по половинам». В своих духовных они не называют этих владений отцовским благословением.

⁴⁴П.С.РЛ., т. IV, стр. 160; т. XII, стр. 231. Тут целый обвинительный акт против Андрея, мотивы, почему в. к. Иван сложил к нему крестное целование? (заговор с братьями против великого князя, сношения с Казимиром и с ханом Ахматом, уклонение от похода на татар – «а все то чиня измену великому князю, преступая крестное целование»).

⁴⁵Характерны эпизоды 1468–1470 гг. Вятчане, оставленные на свои силы перед татарами, «предашся за казанского царя Абрейма» и приняли к себе его посла, заняли позицию своеобразного нейтралитета и не пошли с великокняжеской «судовой ратью», а на прямой приказ великого князя выступить отвечали, что пойдут «коли пойдут под Казань братья великого князя», организационная слабость центральной власти питала неизбежную самостоятельность местного населения. Та же слабость сказывалась в характере военных действий, когда московские войска выступают в роли вольницы с удалью и навыками ушкуйников; таковы похождения нижегородской рати воеводы Беззубцова, которая превратилась для набега на Казань в вольницу с сыном боярским Иваном Руном в качестве выборного «воеводы» – атамана. П.С.РЛ., т. VI, стр. 187–190. Послания на Вятку митр. Ионы (Р.И.Б., т. VI-2, №№ 73 и 74) показывают, что не только в порядке светского управления вятчане жили со своими «ватаманами» в очень слабой зависимости от «земских воевод», не говоря уже о центральной власти, но и в церковном отношении стояли вне епископского руководства, обходясь своими священниками, о которых митрополит недоумевал, от кого они получили рукоположение.

⁴⁶Набеги вятчан на Кокшенгу в 1466 г., на Устюг в 1486 г. – Архангелогородский лет. (изд. 1819 г.), стр. 167, 192; стр. 195 («великого князя воеводы стояли на Устюге, стерегли земли устюжские от вятчан»). Митр. Иона писал вятчанам, что они пристают к «поганству», христианство губят убийством и полоном и граблением», повоевали «великого князя вотчину Сысолу и Вычьгу».

⁴⁷Во время похода на Казань в 1485 г. вятчане снова, как в 1469 г., «отступили от великого князя» – П.С.РЛ., т. VI, стр. 237.

⁴⁸П.С.РЛ., т. VI, стр. 234.

⁴⁹После Ибрагима на Казани его сын Алегам, а Махмет-Амин бежал в Москву; русские войска осадили Казань и в 1487 г. посадили ханом Амина, который и продержался лет десять московским подручником, но в 1496 г. он вынужден бежать и вернулся на московское кормление (Серпухов, Кашира, Хатунь); казанцы приняли было шибанского царевича Мамука, но, избегая разрыва с Москвой, снова прислали просить иного хана от руки великого князя. В. к. Иван послал им Летифа, Аминова брата, который сидел на Звенигороде, но Летиф поддался враждебным Москве кругам казанских князей и в 1502 г. выведен к Москве и заменен опять Махмет-Амином. На этот раз и Амин восстал, на Москву и в союзе с ногайцами напал на Нижний Новгород. Казанские дела не наладились и перешли к Василию III в полном расстройстве.

⁵⁰С.М. Соловьев, Ист. России, кн. 1, ст. 1388.

⁵¹Иван III по смерти князя Федора Васильевича, который по ряду отца владел Старой Рязанью и Перевитском, а умер бездетным в 1503 г., взял в свое владение удел этот, которым и распоряжается в своей духовной («что ми дал сестричич мой князь Федор Васильевич рязанский свою отчину»), т. е. применил к нему новое право о выморочных вотчинах. Иван III не признает цельными комплексами ни московских удельных княжеств, так как взял себе Рузский удел, помимо старшего волоцкого отчича – Федора Борисовича, ни Рязанского великого княжества. Это подтверждается и умолчанием о Федоре Васильевиче в договоре в. к. Ивана с в. к. рязанским Иваном Васильевичем – (С.Г.Г. и Д., т. I, № 115) и попыткой этого князя обеспечить себе получение после брата его отчины (там же, № 127–128).

⁵²С.М. Соловьев, Ист. России, т. I, ст. 1421–1433. В такой обстановке разыгралось к концу восьмидесятых годов так называемое «присоединение» Вятки, которое на деле было только разгромом своевольного гнезда, взрощенного анархией окраинного быта, для водворения тут московских по-

рядков службы и управления, твердой опоры обороне и замирения края и власти над местными инородцами. Поход на Вятку московских воевод в 1489 г. принудил вятчан к покорности, и воеводы «самих вятчан к целованию приведоша, а арян к роте приведоша, а вятчан больших людей всех и с женами и с детьми изведоша, да и арьских князей, и тако возвратишася, и князь велики вятчан земских людей в Боровске да в Кременьце посади, да и земли им подавал, а торговых людей вятчан в Дмитрове посади, а арьских князей князь велики пожаловал, отпустил их в свою землю, а коромольников князь велики смертью казнил» – П.С.РЛ., т. VI, стр. 239. Подробнее в Архангелогородском летописце, стр. 195–199 («а иных вятчан пожаловав, подавал поместья в Боровску и в Олексине, в Кременце, и писалися вятчане в слуги великому князю»).

⁵³См. запись о Ржевской дани, А.З.Р., т. I, № 71.

⁵⁴Великие Минеи Четии, ноябрь, стр. 170. – В.О. Ключевский, Древнерусские жития святых, как исторический источник, стр. 185–186.

⁵⁵П.С.РЛ. т. IV, стр. 235.

⁵⁶Там же, т. VI, стр. 5.

⁵⁷П.С.РЛ., т. VI, стр. 5–6; Р.И.Б., т. VI-2, № 100.

⁵⁸А.А.Э., т. I, № 87. Новгородцы выговорили себе большее ограничение великокняжеской власти, чем в Яжелбицком договоре; черный бор предоставлен Казимиру одновременно, если он «умирит» Новгород с великим князем, «а в иные годы черный бор не надобе»; на защиту против в. к. Ивана король должен выступать сам «и со всею с своею радою литовскою». Новгородцы выговорили себе, чтобы король впредь не вступался в Ржеву, в Великие Луки, в Холмовский погост – «а те земли к Великому Новгороду».

⁵⁹П.С.РЛ., т. IV, стр. 236; т. VIII, стр. 160.

⁶⁰П.С.РЛ., т. IV, стр. 236; о тревоге новгородской – в грамоте митр. Филиппа, А. И., № 280 (стр. 513, ст. 2).

⁶¹А. И., т. I, № 280 и 281 (вторая – от 22 марта 1471 года). Осторожно составленные грамоты ставят Новгороду ультиматум покорности на условиях «старины», очевидно, яжелбицкой.

⁶²А.А.Э., т. I, № 91 (11 августа 1471 г.) – договор этот, подобно Яжелбицкому, изложен в двух грамотах, новгородской основной и «приписной», за что «ялися послове от Великого Новгорода»; П.С.РЛ., т. VI, стр. 14, 193; т. VIII, стр. 167.

⁶³Грамота митр. Филиппа к в. к. Ивану (июнь 1471 г.) – А. И., т. I, № 282.

⁶⁴Что и отметила Псковская первая летопись: князь великий у Великого Новгорода «вси своя что ни буди старины поимал, или город, или волости, или бор черный» – П.С.РЛ., т. IV, стр. 242. – Уступка ряда волостей (Заволоцких) вызвала «отказную» вечевую грамоту к населению земель, что «поймали за себе наши братья новгородцы и вас к целованию привели на новгородское имя: ино то земли осподы нашей великих князей..., а то крестное целование Новгороду с вас доловь»; и составление списка «земель великого князя на Двине» – А.А.Э., т. I, №№ 93 и 94.

⁶⁵А.А.Э., т. I, № 92; договор 1471 г. оговаривает право великого князя на половину разных судебных пошлин и доходов, установленное и Судной грамотой, и дополняет постановления Яжелбицкого договора об участии великокняжеских наместников в новгородском суде требованием, чтобы сотские и рядовичи отнюдь не судили помимо наместника и посадника.

⁶⁶П.С.РЛ., т. VI, стр. 12.

⁶⁷«А в то время (в 40-х гг. XI в.), пишет новгородский книжник, небе в Новгороде правды и правого суда... и бяхом в поругании суседом нашим, сущим окрест нас; и бе по волости изъезжа велика и боры частья, кричь и рыдание и воиль и клятва всими людьми на старейшины наша и на град наш, зане не

бе в нас милости и суда права», – П.С.РЛ., т. IV, стр. 124; неудачный опыт денежной реформы 1447 года обострил настроение – «и бысть крестьянам скорбь велика и убыток в городе и по волостем», там же, стр. 125. За все беды свои народная масса винила «безправдивых бояр».

⁶⁸П.С.РЛ., т. VI, стр. 202–203.

⁶⁹П.С.РЛ., т. IV, стр. 250–251.

⁷⁰П.С.РЛ., т. VI, стр. 200.

⁷¹П.С.РЛ., т. VI, стр. 203–206.

⁷²П.С.РЛ., т. VI, стр. 209–219.

⁷³Первые пункты этой новгородской петиции о правах по летописному рассказу: освобождение арестованных; определение, что великий князь приезжает в Новгород на суд каждый четвертый год, получая на приезд 1000 р.; суд наместника и посадника в городе; решение дел, которых они не смогут управить, великим князем по приезде его в Новгород; отмена позвов в Москву; запрет наместникам решать дела, подлежащие суду владыки или посадника, и судить не в городе, а на Городище.

⁷⁴Великий князь судит вместе с посадником; берет ежегодную дань со всех волостей по полугривне с сохи; пригороды держит своими наместниками, но суд по старине; обещает не учинять вывоза из Новгородской земли, не вступаться в боярские земли; отменит «позвы» на суд к Москве; не требует от новгородцев ратной службы для обороны границ Низовской земли («берега»), новгородцы несут только оборону своего рубежа.

⁷⁵Вопрос об этих землях удачно выяснен Б.Д. Грековым в труде «Новгородский дом св. Софии», стр. 235–236; ср. замечания С.В. Рождественского в статье-рецензии «Новгородский дом св. Софии и его вотчина» (в «Ж.М.Н.П.» за 1916 г. и отд.). С.В. Рождественский (стр. 13) в замечании, что бывшие земли великих князей, могли оказаться не только в составе земель «софийских», но и за монастырями и за боярами, до толкования текста: «быша бо те волости первое великих же князей, ино они их в том смысле, что это земли ростовские, белозерские и двинские (стр. 14–15) неприемлемо, так как текст определенно относится к волостям, взятым у владыки и у монастырей при организации великокняжеского фонда в Новгородской земле, как и текст: «и которые земли наши великих князей за вами, а то бы была наше» не отделим от контекста, где он связан с требованием, чтобы впредь и в Новгородской земле были волости и села, как в Низовской земле, «на чем великим князем быти в своей вотчине».

⁷⁶Под «опасной грамотой», о которой бьют челом новгородцы взамен отвергнутой крестоцеловальной «крепости», надо понимать уставную грамоту типа Двинской.

⁷⁷П.С.РЛ., т. VI, стр. 217–218. Весь ход дела решительно противоречит суждению В.И. Сергеевича («Русск. Юрид. Древности», т. II, стр. 47), будто Новгород целовал крест в. к. Ивану на грамоте, в которую были внесены «условия», принятые им по новгородскому челобитью. В.И. Сергеевича, по-видимому, соблазнило определение в летописи (т. VI, стр. 218) «списка целовального» словами: «на сем великим князем добили челом новгородци». Но они побии челом на признании «государства» по «низовской пошлине», т. е. без договора; а великокняжеские «пожалования» были им сообщены устно. Что в крестоцеловальной записи не было этих пожалований (по Сергеевичу – условий) видно из того, что бояре просили повторить «вслух всем» по прежнему слову великого князя их перечень; это и было исполнено боярами, которые приводили новгородцев ко кресту (т. VI, стр. 218). Однако получилась, несомненно, двусмысленность всего акта, так как новгородцы целовали крест на том, «что в записи писано и речми им повторено». Но существенный вывод В. И. Сергеевича, что «великий князь согласился на значи-

тельные ограничения своей власти», что «договор с государем и с московской точки зрения не представлялся, следовательно, невозможным» никак не может быть принят (там же, стр. 46–47).

⁷⁸П.С.РЛ., т. VI, стр. 219–220.

⁷⁹Ф. Папэ, Polska i Litwa, стр. 49.

⁸⁰А.З.Р., т. I, № 71.

⁸¹П.С.РЛ., т. VIII, стр. 204. Татищев (ч. V, стр. 79–81) дает целый рассказ о попытке новгородского восстания, о розыске и казнях, явно составленный из черт позднейших репрессий и «выводов» из Новгорода.

⁸²П.С.РЛ., т. XII, стр. 213, 215–216; т. VI, стр. 235–236; 238–239; т. VIII, стр. 218.

⁸³П.С.РЛ., т. IV, стр. 222, 224.

⁸⁴Там же, стр. 231: «а посадники псковские и весь Псков ему на всех, 12 пригородах даша наместников держати и судови судити его наместником, на которых ни буди, а из веков княжие наместники не бывали, колко ни есть князей бывало в Пскове на столу, а наместники княжин были толко на 7 пригородах».

⁸⁵Там же, стр. 246.

⁸⁶П.С.РЛ., т. IV, стр. 250–253.

⁸⁷Особо показательное дело о повинностях псковских смердов – см. П.С.РЛ., т. IV, стр. 266; т. V, стр. 45; ср. «Княжье право», стр. 213–214.

⁸⁸С.Г.Г. и Д., т. I, № 88–89.

⁸⁹П.С.РЛ., т. VIII, стр. 161, 163, 184; служилая организация ратной силы в к. Ивана уже захватила часть кашинских служилых людей («кашинцы, которые служат великому князю» в походе под его воеводами – т. XII, стр. 172); т. XV, стр. 498; т. VI, стр. 207.

⁹⁰П.С.РЛ. т. VIII, стр. 182–183.

⁹¹А. З. Р., т. I, № 79.

⁹²А. З. Р., т. I, № 80 (10 апреля 1483 г.).

⁹³С.Г.Г. и Д., т. I, № 119–120; ср. П.С.РЛ., т. IV, стр. 236: «князь великий Михайло Борисович тверский присла владыку и доби ему челом на всей воли: его: не зватися ему братом, но младший брат, а что назовет князь велики: земель своими землями и новоторжскими, а те земли князю великому, а куда пойдет князь великий ратью, и ему же с ним же ити заодин».

⁹⁴П.С.РЛ., т. VI стр. 237.

⁹⁵П.С.РЛ., т. XV, стр. 500; т. VIII, стр. 216–217; о тверских боярах – известное свидетельство местнического дела 1501 года о том, как в. к. Иван Иванович бояр тверских, которые были у прежнего своего государя у в. к. Михаила Борисовича тверского в боярах, тех и у себя пожаловал, в боярах учинил и грамоты свои государские на вотчины их тверские им давал, а велел их писати в грамотах бояря своими».

⁹⁶И на этом рубеже существовали явления «смесного» владения. В договоре в. к. Михаила с королем Казимиром 1483 года упоминаются «места порубежные, которые будут потягли с давна к Литве или к Смоленску, а подать давали ко Твери», и такие, которые «потягли будут ко Твери, а подать будут давали с давна к Литве или к Смоленску» – А.З.Р., т. I, № 79.

⁹⁷П.С.РЛ., т. VI стр. 283; Фр. Папэ, Polska i Litwa, ч. I, п. 4, Spisek kniaziov (1481).

⁹⁸С.Г.Г. и Д., т. V, № 29.

⁹⁹А. З. Р., т. I, № 200; С.Г.Г. и Д., т. V, № 110.

¹⁰⁰П.С.РЛ., т. VIII, стр. 237; т. VI, стр. 43; т. IV, стр. 271.

¹⁰¹С.Г.Г. и Д., т. I, № 144.

¹⁰²С.Г.Г. и Д., т. I, № 133–134 (договор заключен 16 июля 1504 года).

¹⁰³Грамота, заготовленная в 1441 году, мотивировала намерение избрать

и поставить митрополита, «сбравше в отечествии нашем, в Русстей земли, боголюбивые епископы отчества нашего» – трудностью путешествия в Константинополь «далечного и непроходного», при нападении на Русь «агарян», при «неустроении и мятежах» в соседних странах, а также тем, что митрополит – руководитель духовной жизни каждого православного, а для государя – советник в сокровенных правительственных («господьских») важных делах и совещаниях, – Р.И.Б., т. V-2, № 62; несколько переделанная, эта грамота должна была быть послана патриарху в 1443 году (там же, стр. 530), но и это посольство, по-видимому, не состоялось; новый патриарх Григорий Мамма был такой же униат, как и Митрофан, – П.С.РЛ., т. VI, стр. 167. Хотя грамота так редактирована, что можно ее понять, как ходатайство о разрешении дела на данный момент, ввиду особой трудности положения – «за нужу», но вопрос ставится в общем виде, об избрании и поставлении, а не только о поставлении нареченного митр. Ионы, а потому нет ссылки на благословение его патр. Иосифом на митрополию после Исидора. В редакции 1443 г. грамота обращена к императору (Иоанну VIII) и была составлена, когда на Руси, по-видимому, не знали об его отношении к унии.

¹⁰⁴Голубинский, Ист. Русской Церкви, т. II, ч. 1, стр. 490.

¹⁰⁵П.С.РЛ., т. VIII, стр. 121 – 122; т. XII, стр. 74.

¹⁰⁶П.С.РЛ., т. VI, стр. 196 (1472 год).

¹⁰⁷Николаевский, Учреждение патриаршества в России («Христ. Чтение» 1879 г., ч. 2, стр. 17); Павлов, Теория восточного папизма («Правосл. Обозрение», 1879 г., № 12, стр. 760–765); Дьяконов, «К истории древнерусских церковно-общественных отношений» («Ист. Обозрение», т. III); Голубинский, указ. соч. стр. 511–512.

¹⁰⁸Голубинский, указ. соч. стр. 492–493; Р.И.Б., т. VI-2, № 67.

¹⁰⁹Голубинский, стр. 504–507.

¹¹⁰Р.И.Б., т. VI-2, № 71, № 64.

¹¹¹Полное собрание сочинений К.А. Неволлина, т. IV, стр. 150–151.

¹¹²П.С.РЛ., т. VI, стр. 222.

¹¹³П.С.РЛ., т. IV, стр. 271.

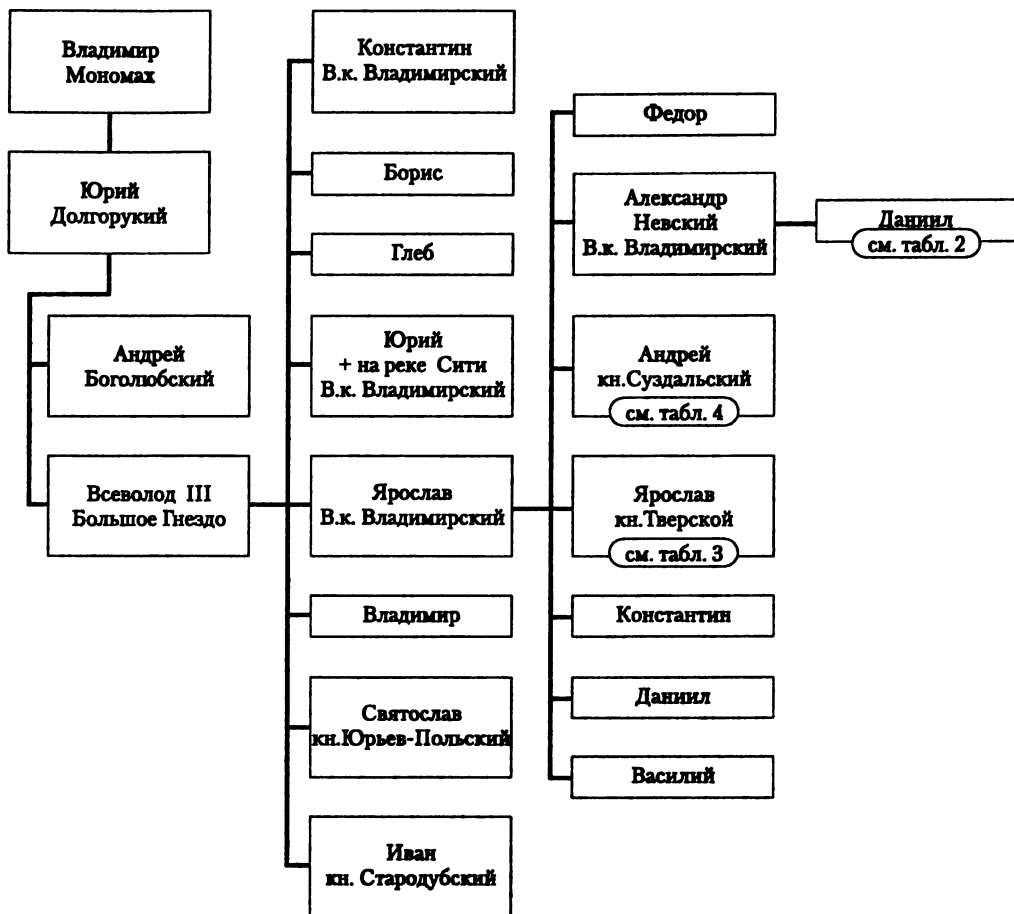
¹¹⁴А.С. Павлов, Историч. очерк секуляризации церковных земель в России, стр. 25–28, 34–38.

**ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ
ТАБЛИЦЫ**

Таблица 1

Князя Северо-Восточной Руси

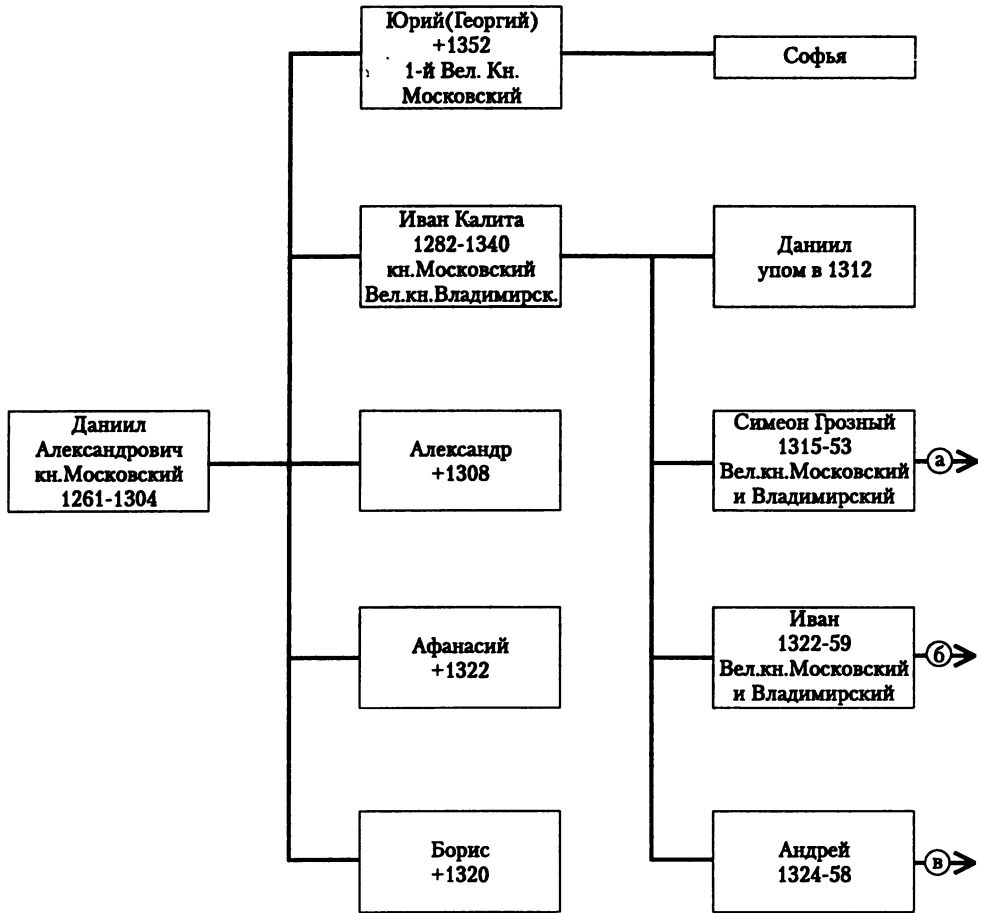

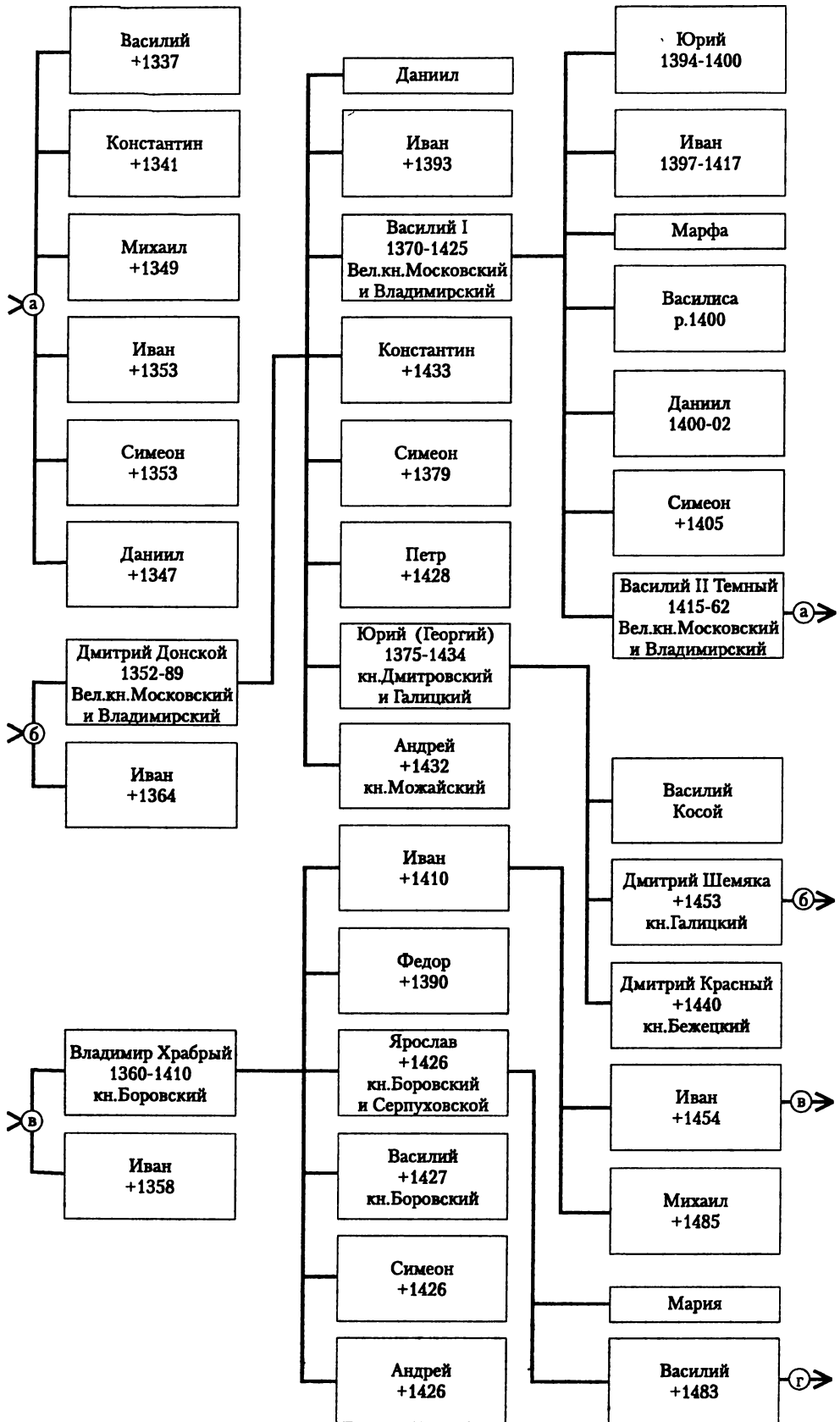
Примечания:

- условные обозначения: ~ брак;
+ смерть;
N неизвестно имя;
б/д бездетен

Таблица 2

Московский Великокняжеский Дом

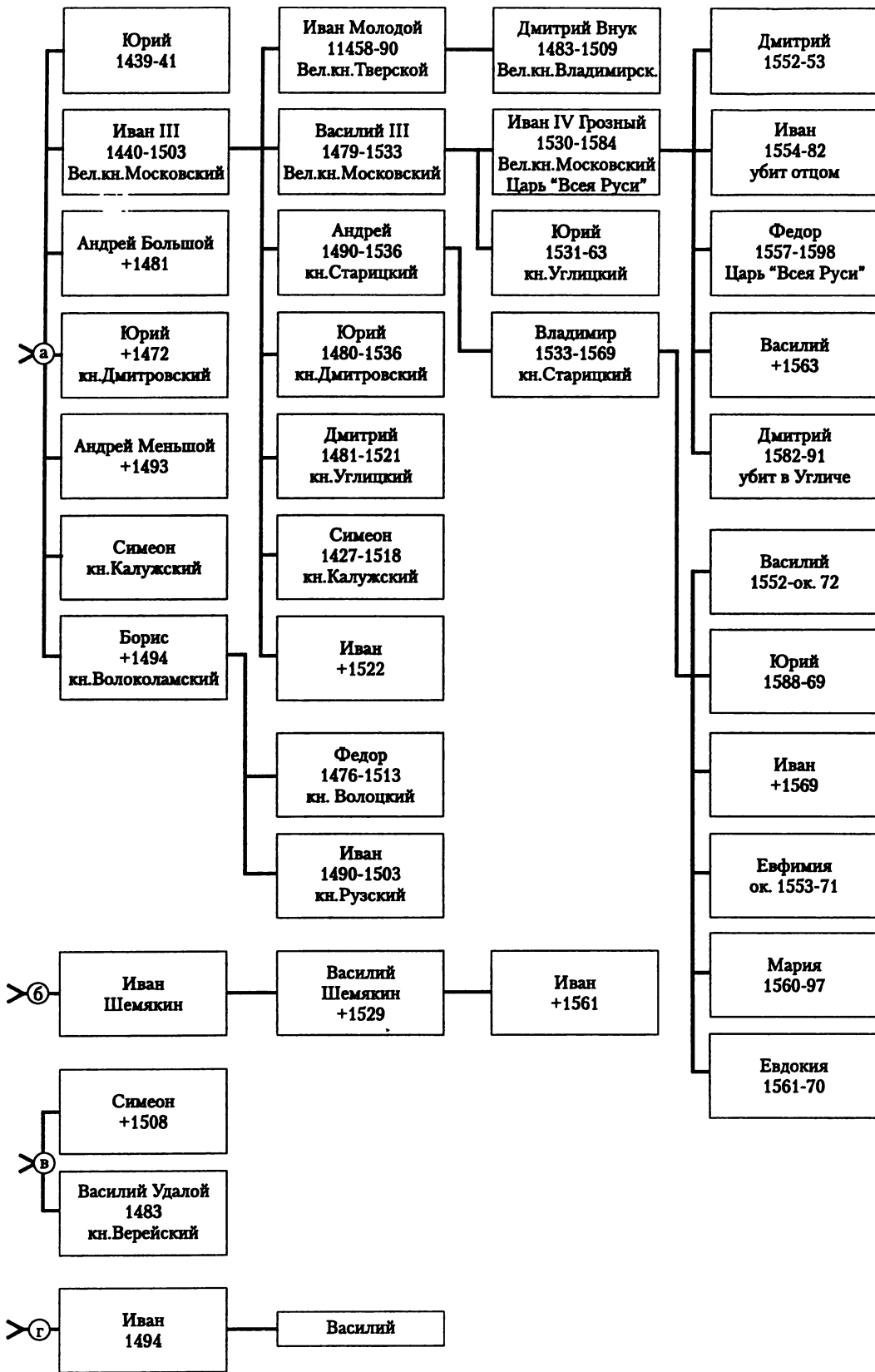
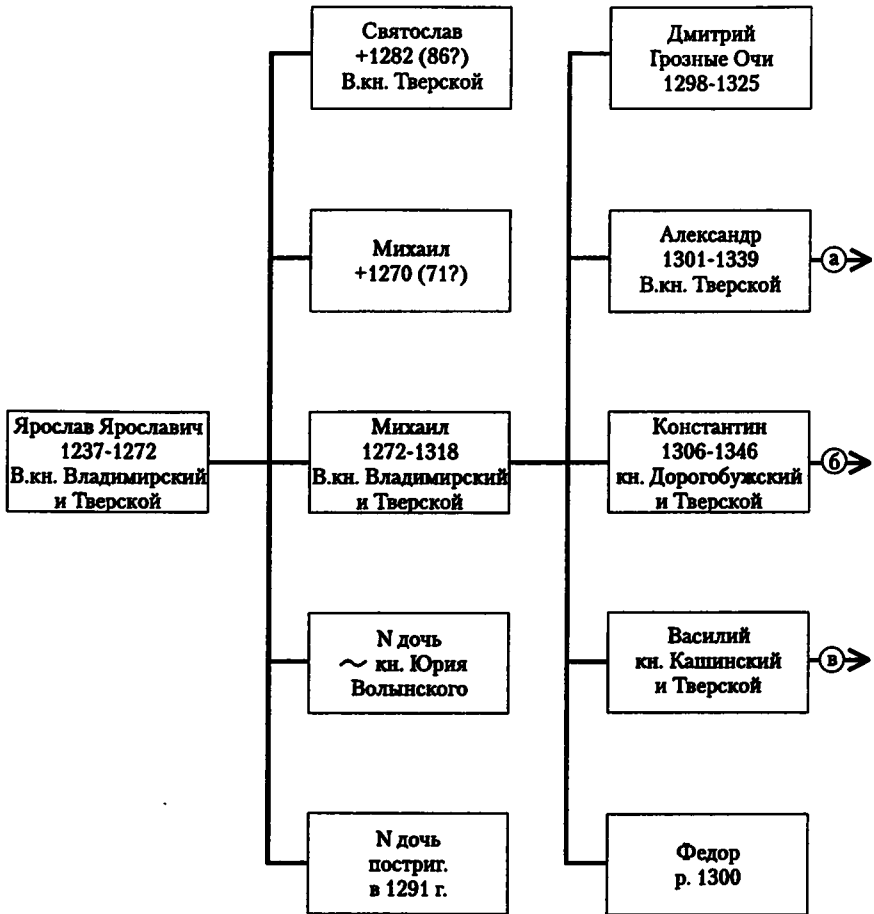
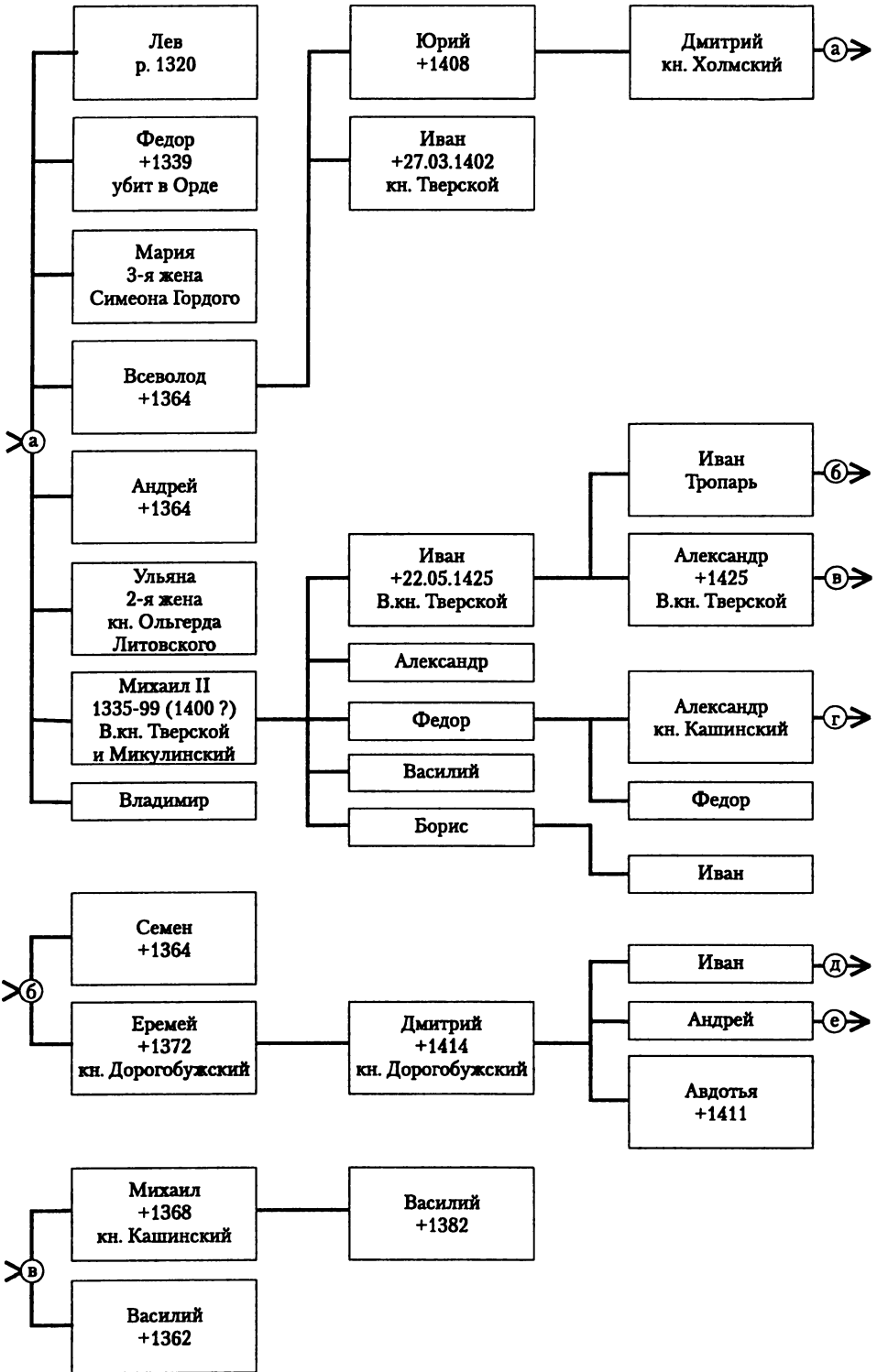
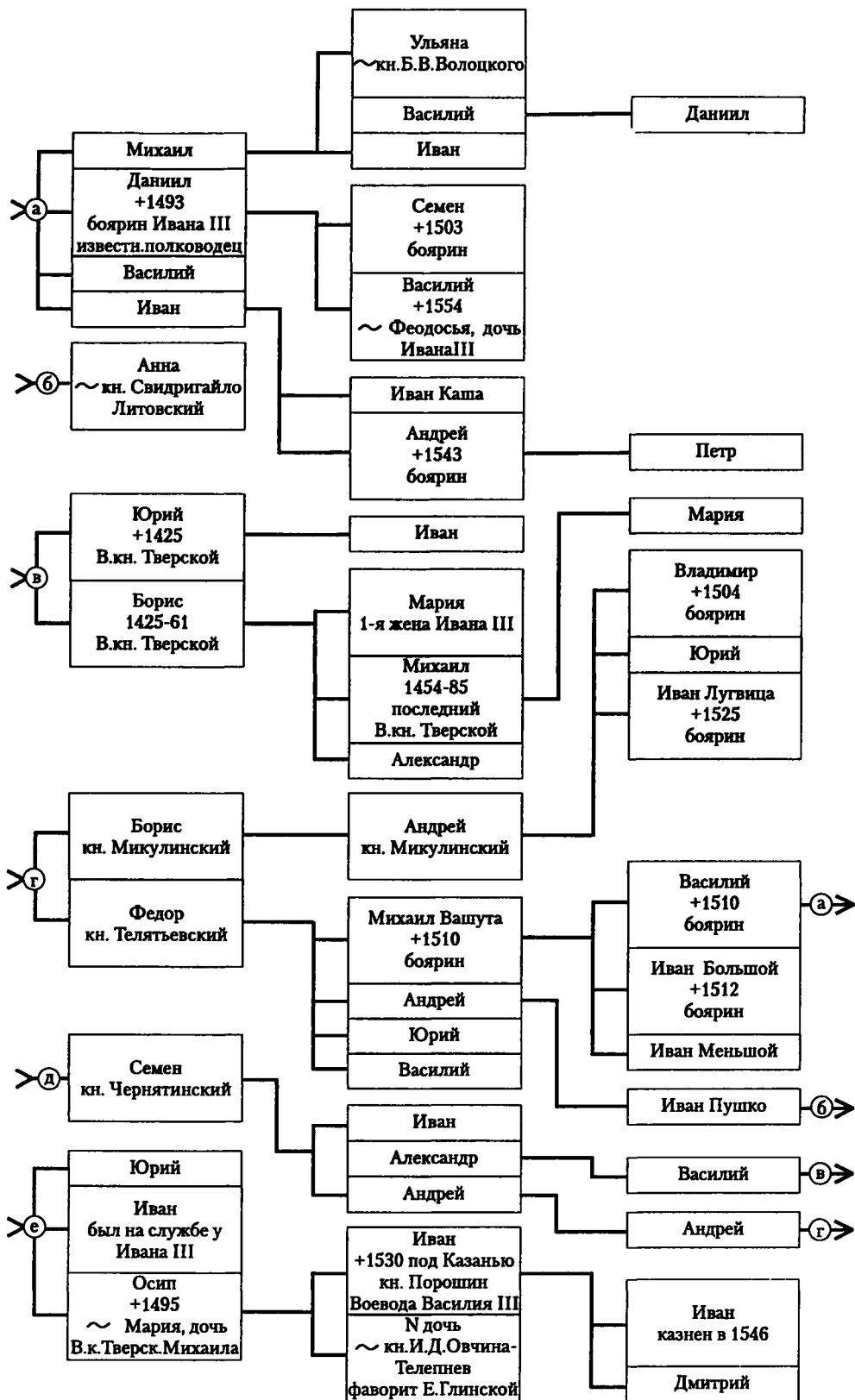

Таблица 3

Тверской Великокняжеский Дом

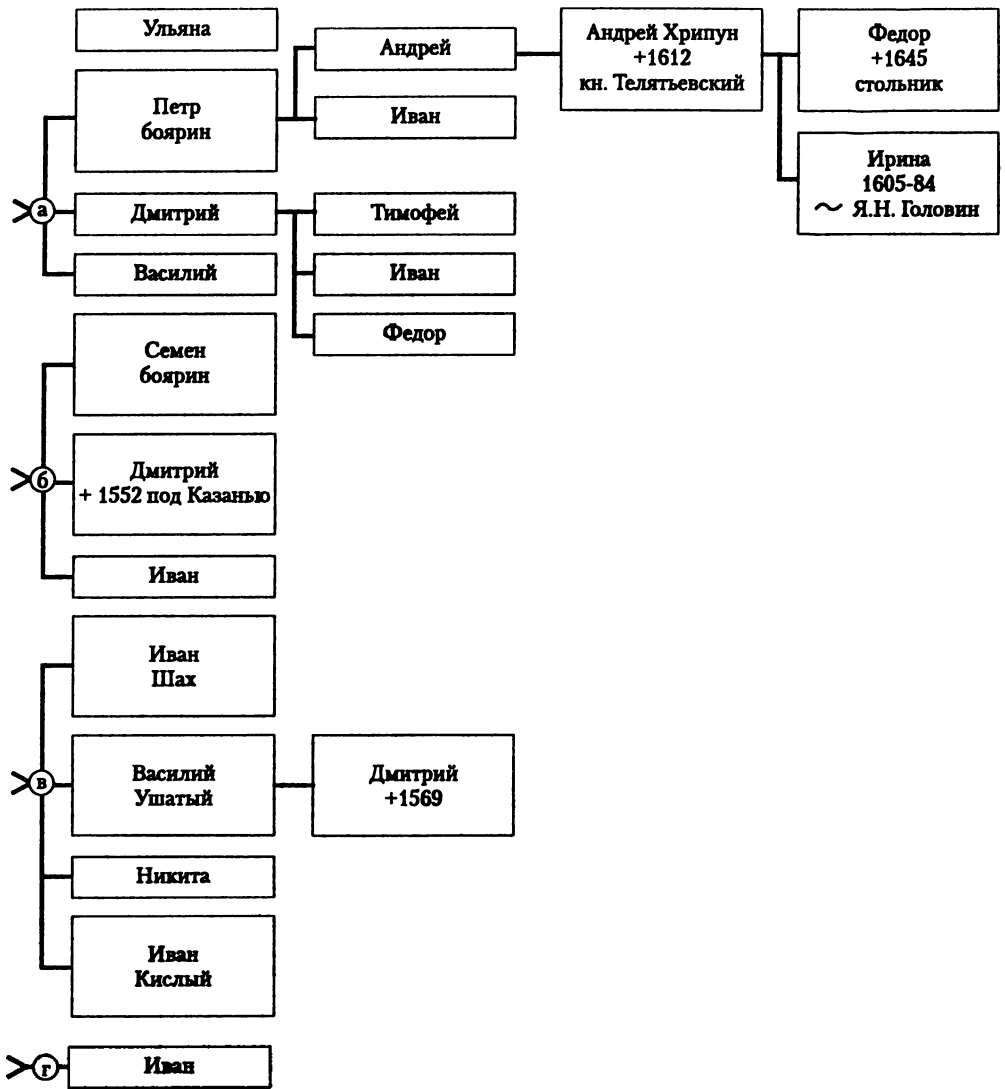
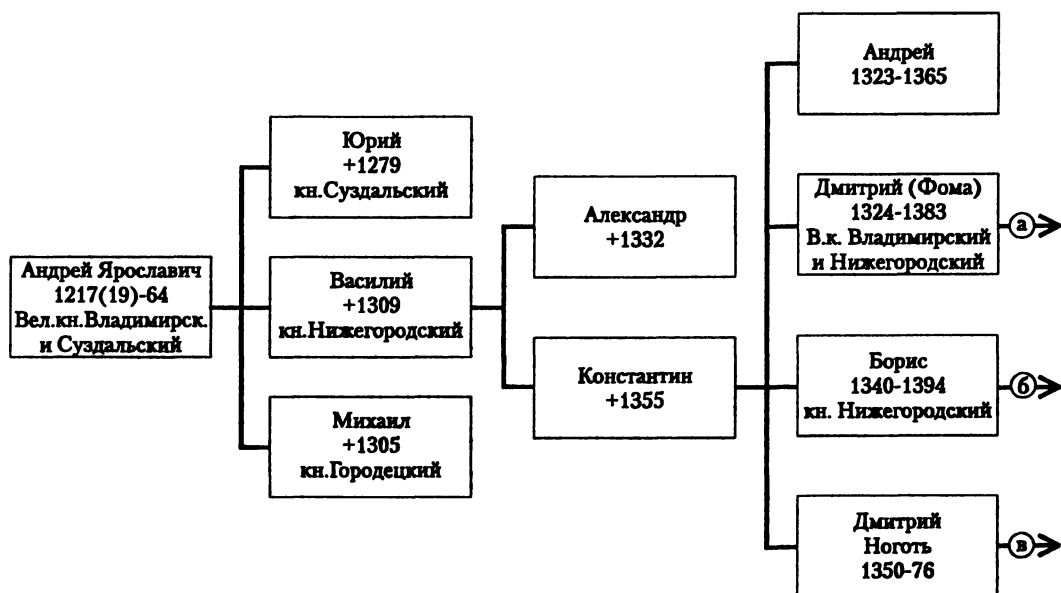
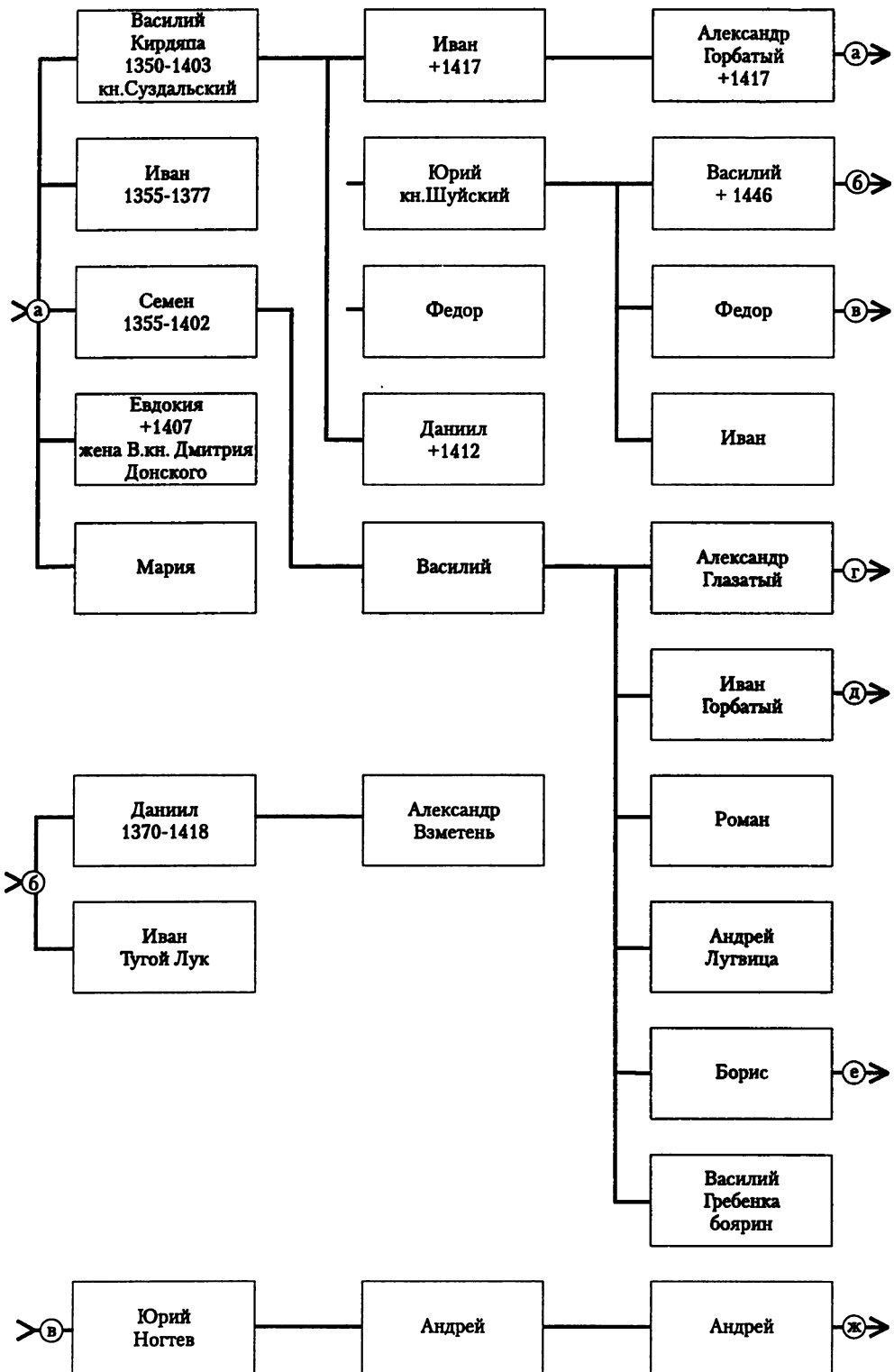
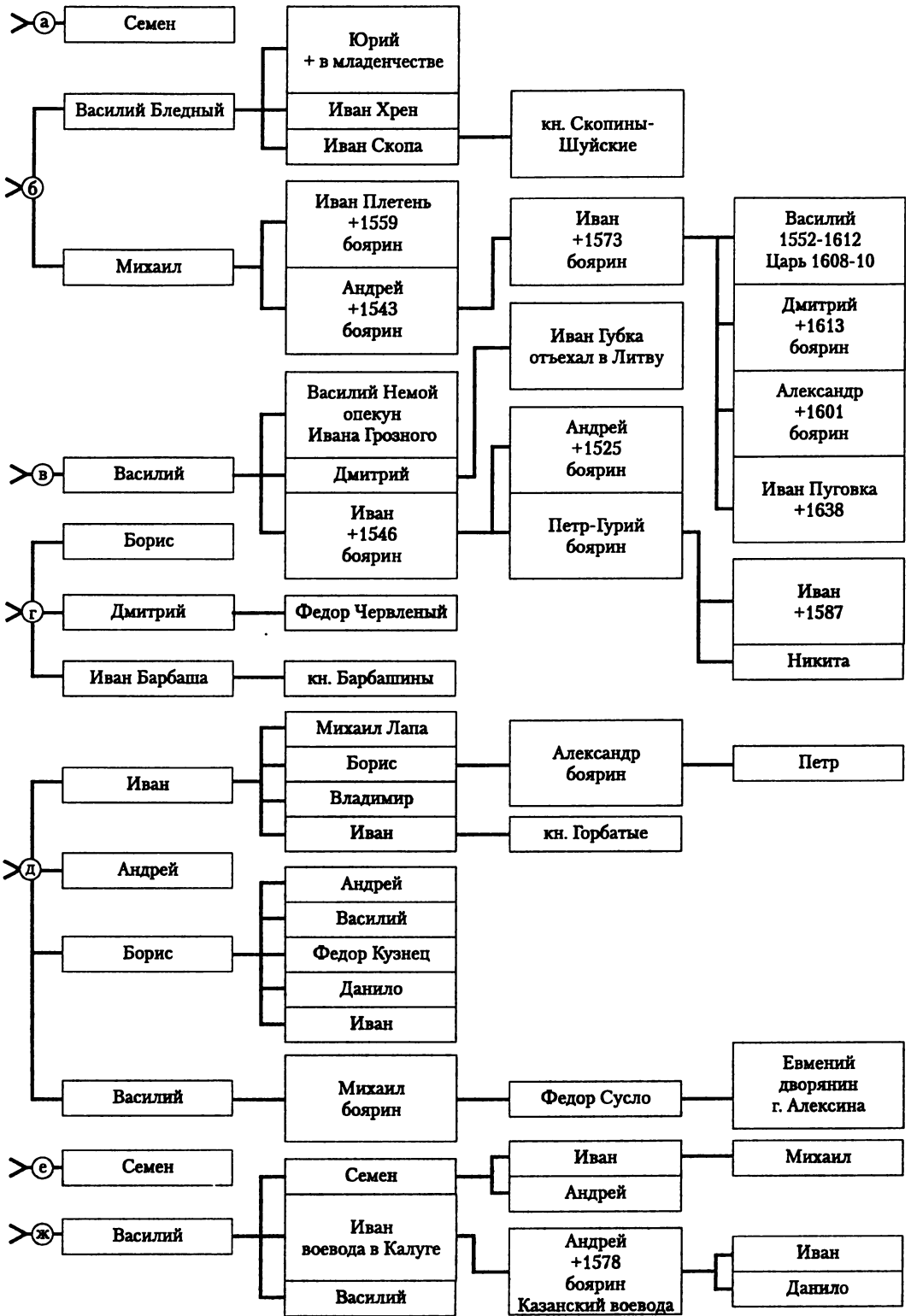

Таблица 4

Нижегородский Великокняжеский Дом

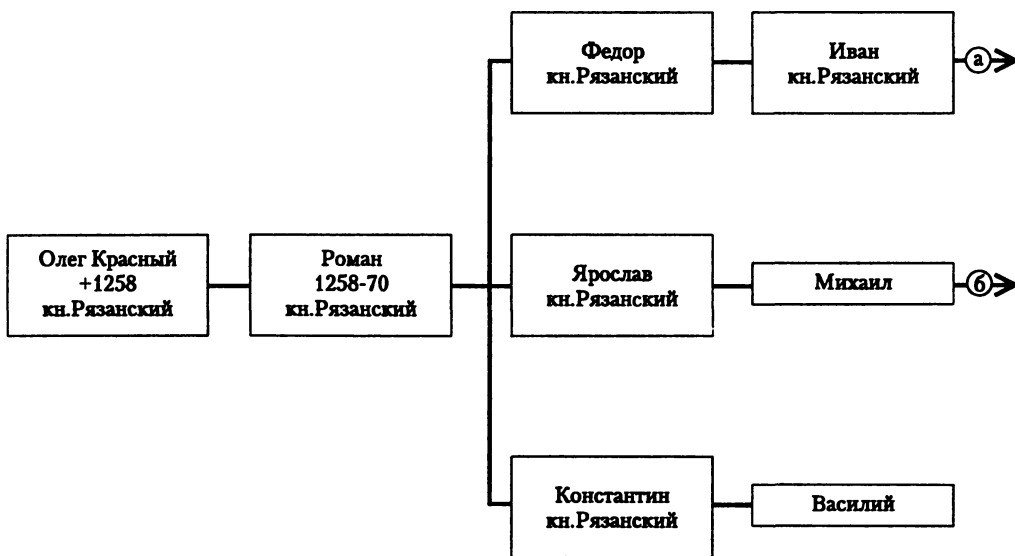

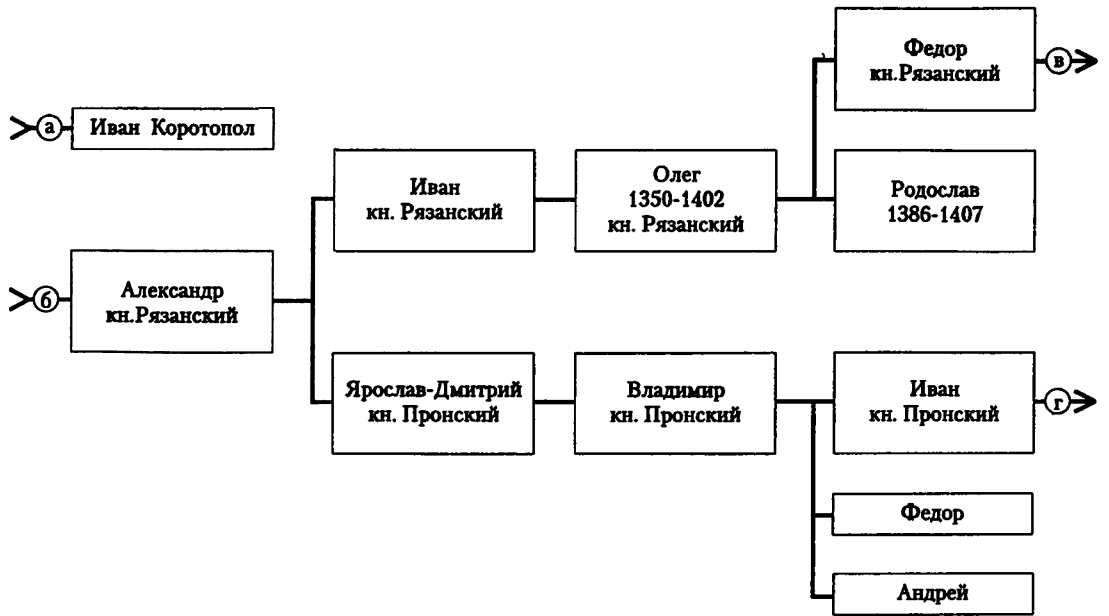

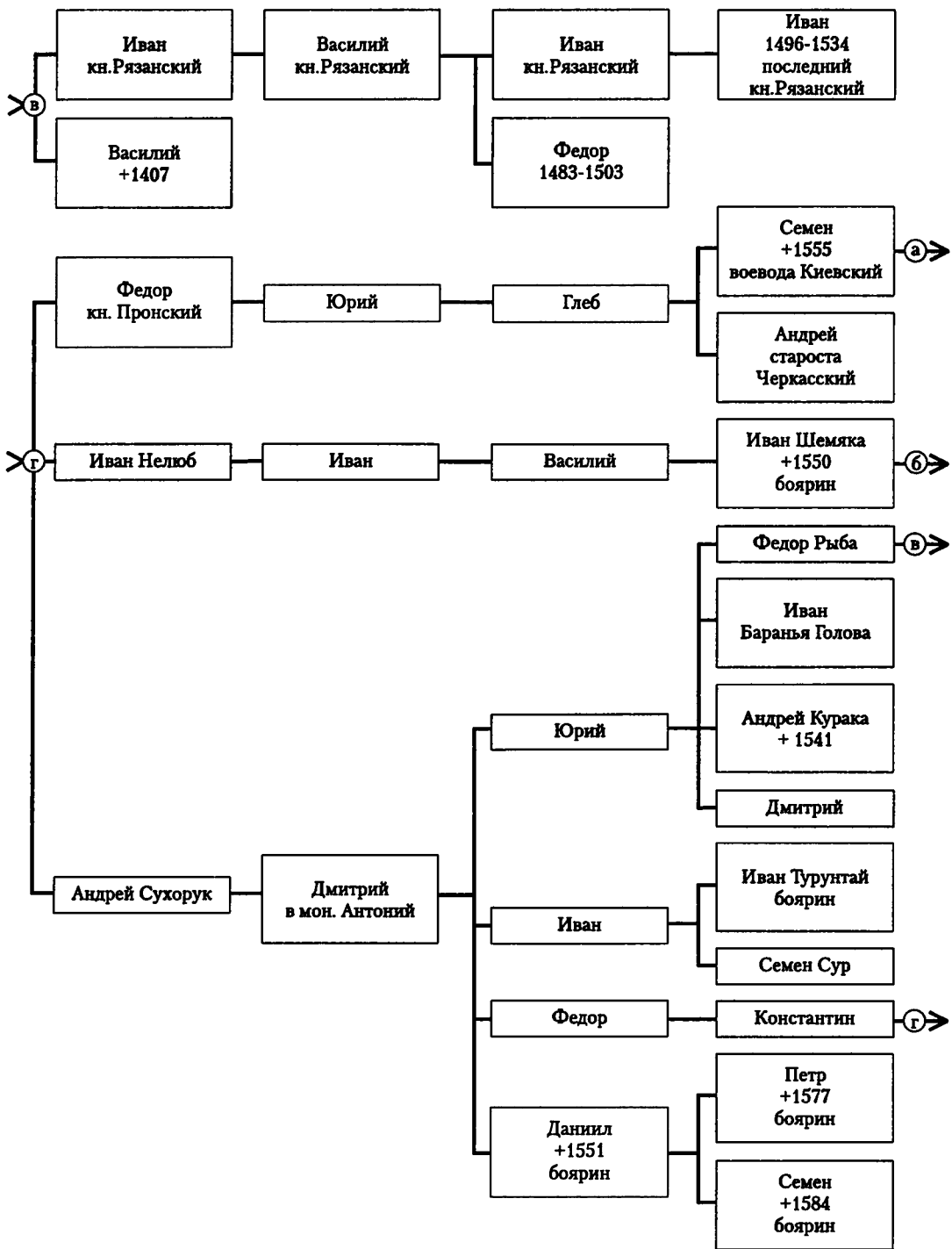

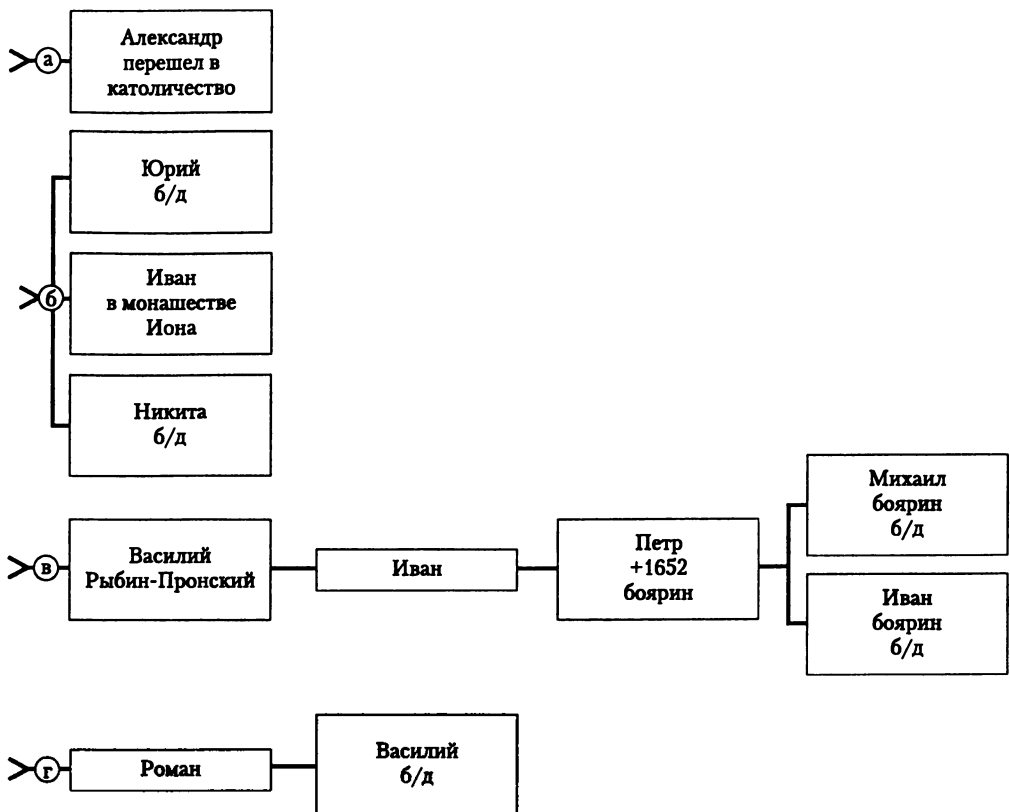
Таблица 5

Рязанский Великокняжеский Дом

Список сокращений

- А. А. Э. – Акты Археологической экспедиции, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук.
- А. З. Р. – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией.
- А. И. – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.
- Д. А. И. – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией.
- Ж. М. Н. П. – Журнал Министерства народного просвещения.
- Карамзин, И. Г. Р. – Карамзин Н.М. История государства Российского.
- П. С. Р. Л. – Полное собрание русских летописей.
- Р. И. Б. – Русская историческая библиотека.
- С. Г. Г. и Д. – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.

Оглавление

О книге А.Е. Преснякова «Образование Великорусского государства» (Б. Николаев).....	5
Предисловие.....	11
Введение.....	13
1. Историографические заметки.....	13
2. Северо-восточная Русь до татарского нашествия.....	36
Глава I. Владимирское великое княжение и вотчинные княжества в XIII в.	57
Глава II. Борьба Твери и Москвы за великое княжение «всея Руси»	87
Глава III. Великокняжеская политика Ивана Даниловича Калиты.....	104
Глава IV. Московская вотчина потомков Калиты.....	117
Глава V. Тверская отчина потомков в. к. Михаила Ярославича	137
Глава VI. Рязанское великое княжество	157
Глава VII. Нижегородское великое княжество	177
Глава VIII. Великокняжеская политика потомков Калиты	193
Глава IX. Крушение удельного вотчинного строя.....	224
Глава X. Собрание власти	278
Выводы.....	318
Примечания	319
Генеалогические таблицы.....	475

П 73

Пресняков А.Е.

Образование Великорусского государства.
М., «Богородский печатник», 1997 г., 496 стр. с картами
и табл.
ISBN 5-89589-001-6

Книга замечательного русского историка А.Е.Преснякова (1870–1929) «Образование Великорусского государства» посвящена возникновению в XIV–XV вв. единого русского государства. В основе этого сложного процесса лежит «собрание власти» – тезис, которым автор назвал ликвидацию княжеских уделов.

Для широкого круга читателей.

Александр Евгеньевич Пресняков
ОБРАЗОВАНИЕ ВЕЛИКОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

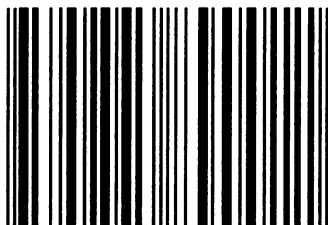
Гл. редактор *Б. Николаев*
Художник *Е. Архангельский*
Технический редактор *С. Охулкова*
Компьютерный набор *М. Бурая*
Корректор *Е. Черковец*

Лицензия ЛР № 071383 от 20 января 1997 г.
142432, Россия, Московская обл., Ногинский р-н,
п. Черноголовка, ИПТМ РАН
Подписано в печать 17.03.1998. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага кн.-журн. Тираж 3000. Заказ № 2245.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Отпечатано с готовых диапозитивов в Смоленской областной
ордена «Знак Почета» типографии им. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-46-20, 3-01-60, 3-46-05.

ISBN 5-89589-001-6

9 785895 890011